

1917 ПТРС.

АВТОПИСЬ

№ 1

СОДЕРЖАНИЕ:

В. БРЮСОВЪ. Д. СЕМЕНОВСКІЙ. В. АРЕНСЪ. Стихотворенія. ♦ М. ГОРЬКІЙ. „Страсти-Мордасти“. ♦ М. КИСИНЪ. Изъ мужиковъ. ♦ Р. КУМОВЪ. Завѣщаніе. ♦ Ф. ШАЛЯПИНЪ. Автобіографія. ♦ ДЖ. ЛОНДОНЪ. По ту сторону „Щели“. ♦ ДЖ. М. БАРРИ. Бѣлая птичка. ♦ М. ПАВЛОВИЧЪ. Военные бюджеты державъ. ♦ Э. ВЕРХАРНЪ. Рубенсъ. ♦ В. БАЗАРОВЪ. О конечныхъ цѣляхъ. ♦ Ник. СУХАНОВЪ. По поводу мирныхъ предложеній. ♦ В. ВОЛГИНЪ. Итоги 1916 года. ♦ Р. ГРИГОРЬЕВЪ. Изъ Италии. ♦ А. КОЛЛОНТАЙ. Изъ Америки. ♦ П. СУРОЖСКІЙ. Черноземно-промышленный край. ♦ Д. ВЫГОДСКІЙ. Поэзія и поэтика. ♦ А. ЛЕВИНСОНЪ. „Современники“. ♦ АД. БѢЛЬСКІЙ. Русскіи губернаторъ. ♦ Р. АРСКІЙ. Военныя приобыли. ♦ БАТРАКЪ. На новыхъ путяхъ. ♦ В. ЗЕЛЕНКО. Всеобщее обученіе. ♦ БИБЛЮГРАФІЯ.

Цѣна 1 р. 75 к.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

ПАРУСЪ

Петроградъ, Бол. Монетная, 18, кв. 4.

„РАДУГА“.

Книга для маленькихъ дѣтей.

Подъ редакціей

АЛЕКСАНДРА БЕНУА И К. ЧУКОВСКАГО.

Издание многокрасочное.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССІИ

ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА, имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ
„TABACS et CIGARETTES de LUXE“:

Sphinx, Khedive, Classic, — Англійскіе табаки.

CIGARES de la HAUTNE — Importation directe.

ПАИРОСЫ:

„ЛУНА“ 10 шт. 1 к. 30 к.
10 шт. 20 к.

„САФО“ 10 шт. 15 к. 30 к.
10 шт. 20 к.

„DARLING“ 10 шт. 15 к. 30 к.
10 шт. 20 к.

„АДА“ 10 шт.
10 к.

„ДЯДЯ КОСТЯ“ 10 шт.
10 к.

Требуйте венду. Также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:
ПЕТРОГРАДЪ, Евскій пр., 24. МОСКВА, Кузнецкій м., д. 1-го Рос. Страх. О-ва

Т-во Н. Н. Богдановъ и Ко.

9444

Осн. гр.

II ГОДЪ
ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 Г.

II ГОДЪ
ИЗДАНІЯ

НА

ЛѢТОПИСЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, УЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ,
издаваемый при ближ. участіи М. ГОРЬКАГО.

Въ теченіе 1917 года въ „ЛѢТОПИСИ“ будетъ напечатано:

Ф. ШАЛЯПИНЪ, АВТОБІОГРАФІЯ. Редактиро- **М. Горькимъ.**
ванная

(Во всѣхъ книжкахъ журнала; всего—около 20 печ. листовъ).

М. ГОРЬКІЙ, „АТАМАНОВЫ“. „ПИСЬМА КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ“
(Повѣсть)

Въ ближайшихъ книгахъ за 1917 годъ будутъ помѣщены повѣсти, раз-
сказы и стихотворенія: В. БРЮСОВА, Ив. БУНИНА, М. ГОРЬКАГО,
Евг. ЗАМЯТИНА, М. ПРИШВИНА, К. ТРЕНЕВА, и др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.	1/2-года.	3 мѣс.
Съ доставкой и пересылкой въ Россіи . . .	18 р.	9 р.	4 р. 50 к.
За границу	22 р.	11 р.	5 р. 50 к.

На одинъ мѣсяць только для иногороднихъ внутри Россіи 1 р. 50 к.

Цѣна отдѣльнаго номера въ книжныхъ магазинахъ 1 р. 75 к.

Кооперативамъ, профессиональнымъ союзамъ, больничнымъ кассамъ, на-
роднымъ библиотекамъ и др. культурно-просвѣтительнымъ учреждениямъ
предлагаются льготныя условія подписки: на 1 годъ — вмѣсто
18 руб.— 16 руб. и на полгода—вмѣсто 9 руб.— 8 руб.; на
меньшій срокъ льготная подписка не принимается.

Пробный № (изъ книгъ за 1916 г.) высылается наложеннымъ платежемъ
за 1 рубль.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ Петроградѣ—въ конторѣ журнала „Лѣтопись“, Б. Монетная ул.,
д. 18, тел. 108—91 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ—въ
конторѣ Н. Печковской (Петровскія линіи) и въ книжныхъ магазинахъ;
а также во всѣхъ почтовыхъ учрежденияхъ Россіи по цѣнѣ редакціи,
безъ доплаты за пересылку денегъ.

Издатель А. Н. Тихоновъ.

Редакторъ А. Ф. Радашевскій.

46417

2121222

4-256

2

Въ теченіе 1916 года въ журналъ „Лѣтопись“ было напечатано:

ВЪ ОТДѢЛѢ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: **Ив. Бунина.** — «Казимиръ Станиславовичъ», «Аглая»; **Н. Вогта.** — «Кошка на маякѣ»; **К. Волгина** — «Нянька»; **А. Высоцкаго** — «Его родина»; **Г. Вяткина** — «Въ селѣ Успенскомъ»; **М. Гарри** — «На рисовыхъ поляхъ»; **Г. Гнѣсина** — «Воспомянiя бродячаго пивца»; **М. Гольдшмидтъ** — «Еврей»; **М. Горькаго** — «Въ людяхъ»; **Г. Гребенщикова** — «Любава»; **Е. Замятина** — «Богъ», «Дьячекъ», «Петька»; **В. Ирецкаго** — «Искусство писать»; **Л. Катленъ** — «Ихъ малыши»; **М. Кисина** — «Фабричная»; **С. Лагерлефъ** — «Солнечное затмѣніе»; **Ф. Ласковъ** — «Осеннее»; **П. Милля** — «Монархъ»; **Н. Никандроза** — «Левъ»; **А. Назоселова** — «Жизнь жизнь»; **Н. Оплеръ** — «Периодъ»; **Г. Оярудъ** — «Мария Смахугенъ»; **Л. Пасынкова** — «Везь дѣла»; **Я. Зедерберга** — «Китаецъ»; **А. Сереброва** — «Святки»; **Т. Таманина** — «Въ вагонѣ»; **Льва Толстого** — «Замѣтки и отрывки изъ «Вскрѣсенiя», «Рѣзкѣ о кѣто жила въ Ѳодоровѣ», «Хозяинъ и работникъ» (первоначальный вариантъ); **Г. Дж. Уэллсъ** — «Мистеръ Бритлингъ пьетъ чашу до дна»; **Л. Фрапье** — «Рѣзкѣ»; **А. Чалыгина** — «Въгунъ»; **М. Чернокова** — «Бурый»; **Влч. Шитцза** — «Гийгъ»; **Н. Шляра** — «У истоковъ сердца» и др.

Стихотворенiя: **В. Арцысь,** **А. Влокл,** **В. Бозовъ,** **Ив. Бунина,** **Н. Вэлгрова,** **С. Губера,** **С. Дувновой-Элихъ,** **С. Есенинъ,** **Пана,** **Д. Семеновскаго,** **П. Сухотина,** **Ив. Филиченко.**

ВЪ ОТДѢЛѢ ПУБЛИЦИСТИКИ: **Б. Азилова** — «Война и народное хозяйство»; **М. Ал-рова** — «Нидерланды»; **Р. Арскаго** — «Заработная плата», «За 2 годъ»; **В. Базарова** — «Угнетеніе млада», «Землепольное цѣрство», «Текущій моментъ», «О національномъ вопросѣ»; **Ад. Бѣльскаго** — «Внѣшкольное образованіе»; **А. Вильскаго** — «Цѣрковныя дѣла»; **В. Водовозова** — «Къ отставкѣ Сазонова»; **Ст. Вѣльскаго** — «Новая Европа», «Алчущіе и жаждущіе», «Кооператоръ»; **Вл. Вѣйтинскаго** — «Сибирскій сѣвѣтъ»; **Г. Гордона** — «Объ алкоголизмѣ въ средней школѣ»; **М. Горькаго** — «Дѣзъ души», «По поводу одной анкеты», «Письма къ читателю»; **И. Дазидзена** — «О спекуляціи»; **Динозля** — «Трезвость въ Сибири»; **А. Ермачскаго** — «Политическіе отклики» (въ 4 кн.); **Ю. Камзнева** — «Крушеніе интернаціонала»; **А. Лаззскаго** — «Экономическій блокъ»; **А. Лотоцкаго** — «Народное образованіе на украинскомъ югѣ»; **Л. Мартова** — «Кинтъ и Мирксъ»; **А. Никитскаго** — «Бюджетъ 1916 г. и наши финансы», «Мѣстное самоуправленіе и кооперація», «Война и биржа»; «Бюджетъ 1917 года»; **Г. Нозоградскаго** — «По пути къ клѣб-

Городская реформа»; **А. Пинкевича**—«Къ реформѣ средней школы»; **Н. Рожкова**—«Дороговизна»; **В. Симпльтона**—«Письма знатнаго иностранца»; **П. Сурожскаго**—«По Маринскому водному пути»; **Ник. Суханова**—«О происхожденіи войны», «Интересы Россіи въ войнѣ», «Россія и ея союзники»; **В. Темнаго**—«Религія и государственность»; **И. Чернышева**—«Крестьянская реформа»; **П. Шаскольскаго**—«Евреи въ высшей школѣ» и др.

ВЪ НАУЧНО-ФИЛОСОФСКОМЪ ОТДѢЛѢ: **А. Богданова**—«Міровые кризисы, мирные и военные»; **В. Виттэра**—«Замѣтки историка о современныхъ религіозныхъ исканіяхъ»; **Т. Вульфа**—«Рентгеновскіе лучи и строеніе кристалловъ»; **Ю. Делэзскаго**—«Новѣйшія космогоническія теоріи»; **Н. Каблукова**—«Вліяніе профессиональныхъ союзовъ рабочихъ на развитіе производительныхъ силъ страны»; **Ю. Каменева**—«Соціальное содержаніе империализма»; **К. Лазина**—«А. И. Герценъ и Польша»; **Н. Никольскаго**—«Основные моменты въ развитіи русской державной жизни»; **К. Тимирязева**—«Наука въ современной жизни»; **П. Юшкевича**—«Принципъ относительности и новое ученіе о времени» и др.

ВЪ ОТДѢЛѢ ЗАГРАНИЧНОЙ ЖИЗНИ: **В. Волгина**—«Хроника иностранной жизни» и др.; **Раф. Григорьева**—«Письма изъ Рима»; **Вяч. Калинина**—«Подъ Дамокловымъ мечомъ»; **В. Керженцева**—«Англійскія настроенія», «Ирландская трагедія», «Милитаризмъ въ Америкѣ»; **А. Лазовскаго**—«Конгрессъ французскихъ социалистовъ»; **М. Лурье**—«Общественныя отношенія въ Германіи»; **Л. Мартовъ**—«Гражданинъ Густавъ Эрве»; **А. Мартынова**—«Въ тискахъ міровой конкуренціи»; **М. Павловича**—«Румынія въ международномъ конфликтѣ», «Военная индустрія во Франціи», «Двѣ династіи» и др.

ВЪ ОТДѢЛѢ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КРИТИКИ: **А. Аврамова**—«Народъ и музыка»; **Ад. Бѣльскаго**—«Жизнь «Ивана»; **А. Кугеля**—«Томмазо Сальвини»; **А. Лезинсона**—«Судьба картины», «Міръ Искусства», «Современная живопись»; **Вяч. Полонскаго**—«Исповѣдь одного современника», «Замѣтки о молодыхъ писателяхъ»; **Ромэна Роллана**—«Правда въ Шекспировскомъ театрѣ»; **А. Смирнова**—«Творецъ душъ»; **Д. Тальникова**—«При свѣтѣ культуры» и др.

ВОСПОМИНАНІЯ И ПИСЬМА: **М. Горькаго**—«Памяти В. И. Семейскаго»; **И. Манухина**—«Памяти И. И. Мечникова»; **И. Е. Рѣпина**—«Изъ воспоминаній»; **К. Тимирязева**—«Памяти друга» и др.

Кромѣ того помѣщались Дневники Льва Толстого ранѣе ихъ печатанія въ другихъ изданіяхъ.

Продолжается подписка на издания Т-ва «МІРЪ».

Исторія РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ до XIX в.

подъ редакцией А. Е. Грузинскаго.

Вышелъ первый томъ. Содержаніе I-го тома: Введение. Особенности древне-русской литературы, влияющія на способы ея изучения. Проф. М. Н. Сперанскаго. Территория и племя. Доисторический бытъ и вѣрованія. Первые формы государственнаго общенія. Проф. М. К. Любавскаго. Русский языкъ, его особенности. Акад. А. А. Шахматова. Начало письменности. Характеристика начального періода литературной жизни. Проф. М. Н. Сперанскаго. Древнѣйшій періодъ (XI—XII в.в.) Историческій очеркъ Киевской Руси. Проф. М. К. Любавскаго. Общій обзоръ литературы киевскаго періода. Проф. А. С. Архангельскаго. Апокрифъ и легенда. Проф. М. Н. Сперанскаго. Древне-русское летописаніе. Прив.-доц. А. Е. Прѣснякова. Слово о полку Игоревѣ. Прив.-доц. С. К. Шамбинаго. Средній періодъ (XIII—XVI в.в.). Историческая жизнь Руси въ XIII—XVI в.в. Проф. М. К. Любавскаго. Общая характеристика областной литературы. Проф. М. Н. Сперанскаго. Летописное дѣло въ XIV—XVI в.в. Прив.-доц. А. Е. Прѣснякова. Литература Московскаго государства въ XVI в. Прив.-доц. А. С. Орлова. Переводныя повѣсти древней Руси. Прив.-доц. А. С. Орлова.—376 стр., 18 иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ, изъ нихъ 6 цвѣтныхъ таблицъ.

Изданіе составитъ 4 тома (3 тома—Исторія русск. литературы до XIX в. и 1 томъ—«Устное творчество») по 22—23 листа каждый; многочисленныя иллюстраціи. Цѣна 4 томовъ въ переплетъ безъ пересылки—32 руб.; при подпискѣ уплачивается 3 руб. и при полученіи каждого тома по 8 руб. (кромѣ перес.); задатокъ засчитывается при высылкѣ послѣдняго тома.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XX в. (1890—1910).

Подъ редакцией профессора С. А. Венгерова.

Изъ отзывовъ печати: «Эта книга явится интереснымъ и полезнымъ пособіемъ для всякаго, въ комъ живъ интересъ къ современности, кому дороги нѣкоторые духовныя цѣнности, созданныя эпохой». «Вѣстникъ Европы».—«По полнотѣ и своеобразію плана это изданіе—совершенно исключительно. Оно должно заинтересовать какъ широкіе читательскіе круги, такъ и специалистовъ». «Рѣчь».—«Коллективный трудъ лучшихъ критиковъ, историковъ литературы и библиофиловъ текущихъ дней даетъ читателю цѣнное руководство, своего рода «vademesum»... «Одесскій Листокъ». Изданіе составитъ ок. 15 книгъ въ 7—8 листовъ каждая и богато иллюстрировано. **ВЫШЛО 7 КНИГЪ. УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.** При подпискѣ уплачивается 2 р. 50 к. и при полученіи каждой книги по 2 р. 20 к. (включая пересылку) и сверхъ того по 10 к. за переводъ платежа.

Исторія Западной Литературы (1890—1910).

подъ редакцией Э. Д. Батюшкова, при ближайшемъ участіи: проф. Э. А. Брауна, акад. Н. А. Котляревскаго, проф. Д. К. Петрова, Е. В. Аничкова и прив.-доц. К. Э. Цандера.

Изъ отзывовъ печати: «Предпринятый Издательствомъ «Міръ» коллективный трудъ о западной литературѣ XIX вѣка общаетъ стать столь же цѣннымъ вкладомъ въ нашу научно-популярную литературу, какъ и ранѣе изданная имъ исторія русской словесности... Все статьи написаны обстоятельно и дѣльно и читаются съ несомнѣннымъ интересомъ».—«Изданіе заслуживаетъ живѣйшаго вниманія какъ превосходное и незамѣнимое пособие».—«Изданіе безукоризненное»... «Авторы подходят къ разбираемымъ ими явленіямъ со строго критической оцѣнкой»... «Русскія Вѣдомости», «День», «Голосъ Минувшаго», «Рѣчь».

Изданіе составитъ около 6 томовъ большого формата и богато иллюстрировано. **ЦѢНА ИЗДАНІЯ ПО ПОДПИСКѢ 9 руб.** за томъ, въ роскошномъ переплетѣ (безъ пересылки). **ВЫШЛИ I, II и III томы.**

Г. В. И Л Е Х А Н О В Ъ.

Исторія русской общественной мысли.

Изъ отзывовъ печати. «Разсмотрѣнная книга (I томъ), какъ и все, выходящее изъ пера Плеханова, вызываетъ живой интересъ обиліемъ соображеній мѣткихъ, остроумныхъ, тонкихъ и блестяще выраженныхъ... А. Кизветтеръ». «Голосъ Минувшаго».

Изданіе составитъ около 7 томовъ, приблизительно 17—18 листовъ въ каждомъ, иллюстрируется портретами историковъ, общественныхъ дѣятелей и публицистовъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: при подпискѣ уплачиваются 2 руб. 50 к. и при полученіи каждого тома въ переплетъ (включая пересылку)—3 р. 60 к. и, сверхъ того, за переводъ платежа 10 коп.

ИТОГИ НАУКИ въ теоріи и практикѣ. ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СОВРЕМЕННАГО ЗНАНІЯ. Подъ редакц. проф. М. М. Ковалевскаго (†), проф. Н. Н. Жанге, Николая Морозова и проф. В. М. Шимкевича.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX в. Подъ ред. акад. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго.

М. Н. ПОКРОВСКИЙ.—РУССКАЯ ИСТОРИЯ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ. ИСТОРИЯ ЕВРЕЙСКАГО НАРОДА.

ЭВОЛЮЦІЯ МІРА. НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ МІРОЗНАНІЯ.

Дешевуется разсрочка платежа. Проспекты бесплатно.

Главная контора т-ва «МІРЪ». Москва, Знаменна, 9. Телефонъ 1-37-31.

АТОИИСЬ

0500
А-52

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

№ 1

13260
05442

ЯНВАРЬ

1917

4

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
I. ВАЛЕРІЙ БРЮСОВЪ. Стихотворенія	9
II. М. ГОРЬКІЙ. «Страсти-Мордасти»	12
III. М. КИСИНЪ. Изъ мужиковъ	29
IV. Р. КУМОВЪ. Завѣщаніе	48
V. Ф. ШАЛЯПИНЪ. Автобіографія	53
VI. ДМ. СЕМЕНОВСКІЙ. Стихотвореніе	73
VII. ДЖ. ЛОНДОНЪ. По ту сторону «Щели». Авториз. пер. М. РИЧАРДСЪ.	74
VIII. ДЖ. М. БАРИ. Бѣлая птичка. Пер. А. ДАМАНСКОЙ.	94
IX. В. АРЕНСЪ. Стихотворенія	133
X. М. ПАВЛОВИЧЪ. Военные бюджеты державъ на- канунѣ войны	135
XI. Э. ВЕРХАРНЪ. Рубенсъ	147
XII. В. БАЗАРОВЪ. О конечныхъ цѣляхъ	167
XIII. НИК. СУХАНОВЪ. По поводу мирныхъ предло- женій.	188
XIV. ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ. В. ВОЛГИНЪ. Нѣкоторые итоги 1916 года. РАФ. ГРИГОРЬ- ЕВЪ. Изъ Италіи. А. КОЛЛОНТАЙ. Итоги изби- рательной кампаніи въ Соединенныхъ Штатахъ.	205
XV. ПО РОССИИ. П СУРОЖСКІЙ. Черноземно- промышленный край	237
XVI. ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО. Д. ВЫГОД- СКІЙ. Поэзія и поэтика. А. ЛЕВИНСОНЪ. «Современники». АД. БѢЛБСКІЙ. Русскій губерна- торъ	248
XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Р. АРСКІЙ. Военная прибыль. БАТРАКЪ. На новыхъ путяхъ. В. ЗЕЛЕНКО. Всеобщее и обязательное обученіе.	277

Государственный
университет
г. Свердловск
П-24797

БЛАЖЕНА
Академія Наук
СССР

XVIII. БИБЛИОГРАФІЯ. В. СТОЛПНЕРЪ. Исторія еврейскаго народа. ВЛ. ШКЛОВСКІЙ. В. Шишмаревъ. Клеманъ Маро. Д. ВЫГОДСКІЙ. Лонгфелло. Пѣсьнъ о Гааватъ. Д. ВЫГОДСКІЙ. Моисей Скороходовъ. Пѣсьня первая. ВЯЧ. ПОЛОНСКІЙ. Земля, сб. XIX. С. ДУБНОВА-ЭРЛИХЪ. Гр. Алексѣй Н. Толстой. Искры. С. ДУБНОВА-ЭРЛИХЪ. Вяч. Шишковъ. Сибирски сказъ. М. ЛЕВИДОВЪ. М. Кузминъ. Антрактъ въ оврагъ. Т. КЛАДО. Томасъ Крагъ. Исторія одного одинокаго. Л. С. Д. Мережковскій. Будетъ радость. Т. ШАТИЛОВА. Рони-старшій. Погиблѣ Д. ВЫГОДСКІЙ. В. Фриче. Итальянская литература XIX в. А. ЛЕВИНСОНЪ. Г. К. Лукомскій. Современный Петроградъ. А. БЪЛОЖЕНКО. Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ. А. КУДРЯВЦЕВЪ. В. Боголюбовъ. Н. П. Новиковъ и его время. П. ЮШКЕВИЧЪ. А. Деборинъ. Введеніе въ философію диалектическаго материализма. Р. АРСКІЙ. Н. Скопинъ. Вскругъ Циммервальда. НИК. АНДРЕЕВЪ. Проф. Джорджо дель-Веккіо. Моральныя причины войны. П. РЯБОВСКІЙ. «Охрана труда». В. ЗЕЛЕНКО. С. И. Бондаревъ. Будемъ трезвы. В. ЗЕЛЕНКО. Е. Медынскій и И. Лапповъ. Систематическій указатель книгъ и статей по вѣтшкльному образованію. П. ЮШКЕВИЧЪ. Материалы къ исторіи и изученію религиозно-общественныхъ движеній въ Россіи. М. ПЕТРОВЪ. М. Д. Загрядковъ. Земская служба и третій элементъ. Земская служба в социальное страхование. М. НЕТРОВЪ. Д. ВЫГОДСКІЙ. Н. Шульговскій. Триневый вѣнецъ. М. Гартевелдъ. Сафо. Е. Гавкманъ. Эда. А. Соличъ. Баяновы пѣсьни славянамъ. С. Бобровъ. Н. М. Языковъ о мѣовой литературѣ. ЕРИТЪ. Н. Тимковскій. Дворянская берлога. А. Окуловъ. На Амылѣрѣхъ и др. рассказы. 300	
XIX. ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ	326
XX. КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ	328
XXI. ОБЪЯВЛЕНІЯ	329

Статья В. Б-рова «Междудумь» (вмѣсто политическаго обзора) не могла быть помѣщена по независящимъ отъ редакціи обстоятельствомъ.

5

КЪ ПЕТРОГРАДУ.

Городъ Змѣи и Мѣднаго Всадника,
Пушкина городъ и Достоевскаго,
Нынѣ, вчера,
Вѣчно—единый,
Отъ небоскребовъ до палисадника,
Отъ острововъ до шумнаго Невскаго,—
Мощью Петра,
Тайной змѣиной!

Въ прошломъ видѣнья прожиты, отжиты
Драмъ бредовыхъ, кошмарныхъ нелѣпостей;
Душная мгла
Крыла злодѣйства...

Что жъ! Въ вѣкъ новомъ—тотъ же ты, тотъ же ты!
Тѣ же твердыни призрачной крѣпости,
Та же игла
Адмиралтейства!

Мозгъ всей Россіи! Съ трепетомъ пламеннымъ,
Полонъ ты дивнымъ, царственнымъ помысломъ:
Звоны, въ вѣкахъ,
Славы—слышишье...

Какъ же вгнѣздились въ черепъ каменномъ,
Въ ужасъ дней, ниспосланныхъ Промысломъ,
Прячась во прахъ,
Лютыя змѣи?

Вспомни свой символъ: Всадника Мѣднаго!
Тщетно Нева зажата гранитами,
Тщетно углы
Прямы и строги:
Мчись къ полость луча заповѣднаго,
Злого дракона сбросивъ копытами
Въ пропасти мглы
Съ вольной дороги!

Валерій Брюсовъ.

ОКРОВАВЛЕННЫЯ НОЧИ.

*Бываютъ, какъ ножъ, изошренныя, какъ пламя, палящія ночи,
Въ назначенный часъ обогранныя на западъ жертвенной кровью.*

*Жестоки мгновенья безсонныя, минуты забвенья—жесточе...
Видѣнья, во мгль озаренныя, склоняють лицо къ изголовью,—*

*Видѣнья, въ виссонъ облаченныя, въ лучахъ золотыхъ сторочи,
Но раны, въ високъ нанесенныя, у встѣхъ не закрыты надъ бровью.*

*Лепечуть признанья смущенныя, и молятъ, что мигъ, то короче.
И близятъ уста распаленныя, и требуютъ ласкъ по условью.*

*Отвернуть мольбы, повторенныя, въ бреду, нѣтъ ни воли, ни мочи.
И нивы, въ снѣгахъ погребенныя, вдругъ свѣжсей колышатся новью.*

*Какъ будто міры сокрушенныя вновь ищутъ своихъ средоточій,
Иль рѣки, подъ вихремъ взмущенныя, пытаются хлынуть къ вер-
ховью.*

*И молятъ, и манятъ—влюбленныя, соблазномъ зажженныя очи
И чувства, давно умерщвленныя, преступной пылають любовью.*

*О, вы, какъ клинки, изошренныя, какъ пламя, палящія ночи,
Вы, въ страшномъ быломъ обогранныя во-вѣкъ не стираемой
кровью!*

Валерій Брюсовъ.

TRIONFO DELLA MORTE.

Вспомни вскрики въ огненной купели ласкъ,—
Зовъ смычка, поющаго въ метели пляскъ,—
И клинка, сверкнушаго у цѣли, лязгъ!

Вспомни: гнулось тѣло, какъ живая жердь;
За окномъ горѣла зарева теердь,
Но изъ мглы смотрѣла, вамъ кивая,—Смерть.

Словно всѣ открылись тайны въ сладкій мигъ,
Словно разрѣшились всѣ загадки книгъ:
Молнией сверкнувъ, смежились въ краткии крикъ!

Ты вступишь въ неизмѣримость,—въ звѣздный сонъ;
Свѣтъ свѣтиль, терялся, какъ надъ бездной звонъ...
Для чего-жъ раздался бесполезный стонъ?

Ты стоялъ въ просторъ несказанныхъ залъ,
Межъ зеркалъ таинственно-туманныхъ—малъ,
И вонзались въ душу сотни жданныхъ жалъ.

Валерій Брюсовъ

„СТРАСТИ-МОРДАСТИ“.

Душной лѣтней ночью, въ глухомъ переулкѣ окраины города, я увидалъ странную картину: женщина, забравшись въ обширную лужу, топала ногами, разбрызгивая грязь, какъ это дѣлають ребятишки, — топала и гнусаво пѣла скверненькую пѣсню.

Днемъ надъ городомъ могуче прошла гроза; обильный дождь размочилъ загрязненную, глинистую землю переулка; лужа была глубокая, ноги женщины уходили въ нее почти по колѣно. Судя по голосу, — пѣвица была пьяная. — Если-бъ она, уставъ плясать, упала, то легко могла-бы заклебнуться жидкой грязью.

Я подтянулъ повыше голенища сапогъ, влѣзъ въ лужу, взялъ плясунью за руки и потащилъ на сухое мѣсто. Въ первую минуту она, видимо, испугалась, — пошла за мною молча и покорно, но потомъ, — сильнымъ движеніемъ всего тѣла вырвала правую руку, ударила меня въ грудь и заорала:

— Караулъ! Пошелъ къ черту...

И снова рѣшительно полѣзла въ лужу, увлекаая меня за собой.

— Дьяволь, — бормотала она. — Не пойду! Проживу безъ тебя... поживи безъ меня... караулъ!

Изъ тьмы вылѣзъ ночной сторожъ, остановился въ пяти шагахъ отъ насъ, и спросилъ сердито:

— Кто скандалитъ?

Я сказалъ ему, что — боюсь, не утонула бы женщина въ грязи, и вотъ, — хочу вытащить ее; сторожъ присмотрѣлся къ пьяной, громко отхаркнулъ и приказалъ:

— Машка — вылазь!

— Не хочу.

— А я те говорю — вылазь!

— А я не выльзу.

— Вздую, подлая! — не сердясь, пообѣщаль сторожъ и добродушно, словоохотливо обратился ко мнѣ. — Это — здѣшняя, паклюжница, Фролиха, Машка! Папироски нѣту?

Закурили. Женщина храбро шагала по лужѣ, вскрикивая:

— Начальники! Я сама себѣ начальница... Захочу — купаться буду...

— Я те покупаюся! — предупредилъ ее сторожъ, бородастый, крѣпкій старикъ. — Эдакъ-то, вотъ, она каждую ночь, почитай, скандалитъ. А дома у ней — сынъ безногой.

— Далеко живетъ?..

— Убить ее надо, — сказалъ сторожъ, не отвѣтивъ мнѣ.

— Отвести-бы ее домой? — предложилъ я.

Сторожъ фыркнулъ въ бороду, освѣтилъ мое лицо огнемъ папиросы и пошелъ прочь, тяжело топая сапогами по липкой землѣ.

— Веди. Только, допрежде, въ рожу загляни ей!

А женщина сѣла въ грязь и, разгребая ее руками, завизжала гнусаво и дико:

— Какъ по-о мор-рю...

Не далеко отъ нея въ прязной жирной водѣ отражалась какая-то большая звѣзда изъ черной лустоты надъ нами. Когда лужа покрылась рябью, — отраженіе исчезло. Я снова вльзъ въ лужу, взялъ пѣвицу подъ мышки, приподнялъ и вывелъ ее къ забору, она упиралась, размахивала руками и вызывала меня:

— Ну, — бей, бей! Ничего, — бей... Ахъ, ты, звѣрь... ахъ, ты, Иродъ... ну — бей!

Приставивъ ее къ забору, я спросилъ, — гдѣ она живетъ.

Она приподняла пьяную голову, глядя на меня темными пятнами глазъ, и я увидалъ, что переносье у нея провалилось, остатокъ носа торчитъ, пуговкой, вверхъ, верхняя губа, подтянутая шрамомъ, обнажаетъ мелкіе зубы, ея маленькое пухлое лицо улыбается отталкивающей улыбкой.

— Ладно, идемъ, — сказала она.

Пошли, толкая заборъ. Мокрый подолъ юбки хлесталъ меня по ногамъ

— Идемъ, милый, — ворчала она, какъ будто трезвая. — Я тебя приму... Я те дамъ утѣшеньице...

76417

Она привела меня на дворъ большого, двухъэтажнаго дома; осторожно, какъ слѣпая, прошла между телѣгъ, бочекъ, ящиковъ, разсыпанныхъ полѣнницъ дровъ, остановилась предъ какой-то дырой въ фундаментъ и предложила мнѣ:

— Лѣзь!

Придерживаясь за липкую стѣну, обнявъ женщину за талию, едва удерживая расплывшееся тѣло ея, я спустился по скользкимъ ступенямъ, нащупалъ войлокъ, скобу двери, отворилъ ее и всталъ на порогъ черной ямы, не рѣшаясь ступить дальше.

— Мамка,—ты?—спросилъ во тьмѣ тихій голосъ.

— Я-а...

Запахъ теплой гнили и чего-то смолистаго тяжело ударилъ въ голову. Вспыхнула спичка, маленьки огонекъ на секунду освѣтилъ блѣдное дѣтское лицо и погасъ.

— А кто-же придетъ къ тебѣ! Я-а, — говорила женщина, наваливаясь на меня.

Снова вспыхнула спичка, зазвенѣло стекло, и тонкая, смѣшная рука зажгла маленькую жестяную лампу.

— Утѣшенишко мое, — сказала женщина и, покачнувшись, опрокинулась въ уголъ, — тамъ, едва возвышаясь надъ кирпичемъ пола, была приготовлена широкая постель.

Слѣдя за огнемъ лампы, ребенокъ прикручивалъ фитиль, когда онъ, разгараясь, начиналъ коптить. Личико ребенка было серьезное остроносое, съ пухлыми, точно у дѣвочки, губами, — личико написанное тонкой кистью и поражающе неумѣстное въ этой темной сырой ямѣ. Справившись съ огнемъ, онъ взглянулъ на меня какими-то мохнатыми глазами и спросилъ:

— Пьяная?

Мать его, лежала поперекъ постели, всхлипывала и хрипѣла.

— Ее надо раздѣть, — сказалъ я.

— Такъ раздѣвай, — отозвался мальчикъ, опустивъ глаза.

А когда я началъ стаскивать съ женщины мокрыя юбки, онъ снова спросилъ тихо и дѣловито:

— Огонь-то — погасить?

— Зачѣмъ же?

Онъ промолчалъ. Возясь съ его матерью, какъ съ мѣши-

номъ муки, я наблюдать за нимъ: онъ сидѣлъ на полу, подъ окномъ въ ящикѣ изъ толстыхъ досокъ съ черной, — печатными буквами, — надписью:

«Осторожно».

Т-во Н. Р. и К-о. № 3073.00. С.

Подоконникъ квадратнаго окна былъ на уровнѣ плеча мальчика. По стѣнѣ въ нѣсколько линий тянулись узенькія ящочки, на нихъ лежали стопки папиросныхъ и аптечныхъ коробокъ. Рядомъ съ ящикомъ, въ которомъ сидѣлъ мальчуганъ, помѣщался еще ящикъ, накрытый желтой соломенной бумагой и, видимо, служащій столомъ. Закинувъ смѣшныя и жалкія руки за шею, мальчикъ смотрѣлъ вверхъ въ темныя стекла окна.

Раздѣвъ женщину, я бросилъ ей мокрое платье на печь, вымылъ руки въ углу, изъ глинянаго рукомойника и, вытирая ихъ платкомъ, сказалъ ребенку:

— Ну, прощай!

Онъ поглядѣлъ на меня и спросилъ немножко шепеляво:

— Теперь — гасить лампу?

— Какъ хочешь.

— А ты — уходишь, не ляжешь?

— Куда?

Онъ протянулъ рученку, указывая на мать:

— Съ ней.

— Зачѣмъ? — спросилъ я глупо и удивленно.

— Самъ знаешь. — зачѣмъ, — сказалъ онъ страшно просто и, потянувшись, прибавилъ:

— Всѣ ложатся.

Сконфуженный, ошеломленный я оглянулся: справа отъ меня — чело уродливой печи, на шесткѣ — грязная посуда, въ углу, за ящикомъ — куски смоленнаго каната, куча наципанной пакли, полѣнья дровъ, щепки и коромысло.

У моихъ ногъ вытянулось и храпитъ желтое тѣло.

— Можно посидѣть съ тобой? — спросилъ я мальчика; — онъ, глядя на меня изъ подлѣбья, отвѣтилъ:

— Она, вѣдь, до утра ужъ не проснется.

— Да мнѣ ее не надо.

Присѣвъ на корточки къ его ящику я разсказалъ, какъ встрѣтилъ мать, стараясь говорить шутливо:

— Съла въ грязь, гребеть руками, какъ веслами, и лѣсни поеть.

Онъ кивнулъ головою, улыбаясь блѣдненькой улыбкой, почесывая узкую грудь.

— Пьяная, потому что! Она и тверезая любить баловаться. Какъ маленькая все равно...

Теперь я рассмотрѣлъ его глаза, — они дѣйствительно, можнатые, рѣсницы ихъ удивительно длинны, да и на вѣкахъ густо росли волосики, красиво изогнутые. Синеватыя тѣни лежали подъ глазами, усиливая блѣдность безкровной кожи, высокии лобъ съ морщинкой надъ переносьемъ покрывала растрепанная шапка курчавыхъ, рыжеватыхъ волосъ. Неописуемо выражение его глазъ, — внимательныхъ и спокойныхъ, — я съ трудомъ выносилъ этотъ странный, не человѣчии взглядъ.

— У тебя, — что съ ногами-то?

Онъ завозился, высвободилъ изъ тряпья сухую ногу, похожую на кочережку, приподнялъ ее рукою и положилъ на край ящика:

— Вотъ какія ноги! Обѣ такія, съ роду. Не ходять, не живуть, а—такъ себѣ...

— А что это въ коробочкахъ?

— Звѣрильница, — отвѣтилъ онъ; взялъ ногу рукою, гочно палку, сунулъ ее въ тряпки на дно ящика и, дружески улыбаясь, предложилъ:

— Хочешь, — покажу? Ну, такъ садись хорошенько. Ты эдакаго еще и не видалъ никогда.

Ловко дѣйствуя тонкими, непомѣрно длинными руками, онъ приподнялся на полкорпуса и сталъ снимать коробки съ полокъ, подавая мнѣ одну за другой.

— Гляди,—не открывай, а то—убѣгутъ! Прислони къ уху, послушай! Что?

— Шевелится кто-то...

— Ага! Это—пауцишко тамъ сидитъ, подлець! Его зовутъ — Барабанщикъ. Хитрый!..

Чудесные глаза ласково оживились, на синенькомъ личикѣ играла улыбка. Быстро дѣйствуя ловкими руками, онъ снималъ коробки съ полокъ, прикладывалъ ихъ къ своему уху, потомъ — къ моему и оживленно рассказывалъ.

— А тутъ—такаракашка Анисимъ, хвастунъ, вродѣ солдата. Это—муха, Чиновница, сволочь, какихъ больше нѣтъ!

Цѣлый день жужжить, всѣхъ ругаетъ, мамку даже за волосы таскала. Не муха, а — чиновница, которая на улицу окнами живетъ, муха только похожая. А это — черный тараканъ, большущий, хозяинъ. Онъ — ничего, только пьяница и безстыдникъ. Напьется и ползаетъ по двору голый, мохнатый, какъ черная собака. Здѣсь — жукъ, дядя Никодимъ, я его на дворѣ сцапалъ, онъ — странникъ изъ жуликовъ, которые будто на церковь собираютъ: мамка зоветъ его — Дешевый, онъ тоже любовникъ ей. У нея любовниковъ — сколько хочешь, какъ мухъ, даромъ что безноса!

— Она тебя не бьетъ?

— Она-то? Вотъ еще! Она безъ меня жить не можетъ. Она вѣдь добрая, только пьяница, ну, въ нашей улицѣ — всѣ! Она — красивая, веселая тоже... Очень пьяница, . . . Я ей говорю: перестань, дурочка, водку эту глотить, богатая будешь, а она хохочетъ. Баба, ну и — глупая! А она — хорошая, вотъ проспится — увидишь!

Онъ обаятельно улыбался такой чарующей улыбкой, что хотѣлось заревѣть, закричать на весь городъ отъ невыносимой жгучей жалости къ нему. Его красивая головка покачивалась на тонкой шеѣ, точно странный какой-то цвѣтокъ, а глаза все болѣе разгорались оживленіемъ, притягивая меня съ необоримой силой.

Слушая его дѣтскую, но страшную болтовню, я на минуту забывалъ, гдѣ сижу, и вдругъ снова видѣлъ тюремное окно, маленькое, забрызганное снаружи грязью, черное жерло печи, кучу пакли въ углу, а у двери, на тряпкѣ, желтое, какъ масло, тѣло матери.

— Хорошая звѣрильница? — спросилъ мальчикъ, съ гордостью.

— Очень!

— Бабочковъ нѣту, вотъ, у меня, бабочковъ и мотыльковъ!

— Тебя какъ зовутъ?

— Ленька.

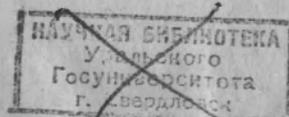
— Тезка мнѣ!

— Ну? А ты — какой человекъ?

— Такъ себѣ. Никакой.

— Ну, ужъ врешь! Всякій человекъ — какой-нибудь, я вѣдь знаю. Ты — добрый.

Автопись. Январь 1917.

— Можетъ быть.

— Ужъ я вижу! Ты — робкій, тоже.

— Почему — робкій?

— Ужъ я знаю!

Онъ улыбнулся хитрой улыбкой и даже подмигнулъ мнѣ.

— А почему, все-таки, робкій?

— Вотъ — сидишь со мной, значить — боишься ночью-то идти...

— Да вѣдь ужъ свѣтаетъ!

— Ну, и уйдешь.

— Я опять приду къ тебѣ.

Онъ не повѣрилъ, прикрылъ милые, мохнатые глаза рѣсницами и, помолчавъ, спросилъ:

— Зачѣмъ?

— Посидѣть съ тобой. Ты очень интересный. Можно придти?

— Валяй! Къ намъ всѣ ходятъ...

Вздохнувъ, онъ сказалъ:

— Обманешь!

— Ей Богу, приду!

— Тогда — приходи! Ты ужъ ко мнѣ, а не къ мамкѣ, ну ее къ ляду! Ты — давай дружитья со мной, — ладно?

— Ладно.

— Ну, вотъ. Ничего, что ты большой; тебѣ — сколько годовъ?

— Двадцать первый.

— А мнѣ — двѣнадцатый! У меня — нѣту товарищей, одна Катька водовозова, такъ ее водовозиха бьетъ за то, что она ко мнѣ ходитъ... Ты — воръ?

— Нѣтъ. Почему — воръ?

— У тебя очень рожа страшная, худущая и съ такимъ носомъ, какъ у воровъ. У насъ два вора бываютъ, одинъ — Сашка, дуракъ и злой, а другой — Ваничка, такъ этотъ добрый, какъ собака. А у тебя коробочки есть?

— Принесу!

— Принеси! Я мамкѣ не скажу, что ты придешь...

— Почему?

— Такъ. Она всегда радуется, когда мужчины въ дру-
гую разъ приходятъ. Вотъ, — любить мужчиновъ, шку-

реха, — просто бѣда! Она — смѣшная дѣвченка, мамка у меня. Пятнадцати лѣтъ, — ухитрилась, — родила меня и сама не знаетъ — какъ? Ты — когда придешь?

— Завтра вечеромъ.

— Вечеромъ — она ужъ напьется. А ты чего дѣлаешь, если не воруетъ?

— Баварскимъ квасомъ торгую.

— Ой-ли? Принеси бутылку, а?

— Конечно—принесу! Ну, я пошелъ.

— Валяй. Придешь?

— Обязательно!

Онъ протянулъ мнѣ обѣ длинныя руки, я тоже обѣими руками сжалъ, потрясъ эти тонкія, холодныя косточки и уже не оглядываясь на него, вылѣзъ на дворъ, точно пьяный.

Свѣтало; надъ сырой кучей полуразвалившихся построекъ трепетала, угасая, Венера. Изъ грязной ямы подъ стѣною дома смотрѣли на меня квадратными глазами стекла подвального окна, мутныя и грязныя, точно глаза пьяницы. Въ телѣгѣ у воротъ спалъ, широко раскинувъ огромныя босыя ноги, краснорожій мужикъ, торчала въ небо густая, жесткая борода, въ ней свѣтились бѣлыя зубы, — казалось, что мужикъ, закрывъ глаза, ядовито, убійственно смѣется. Подошла ко мнѣ старая собака, съ плѣшью на спинѣ, видимо ошпаренная кипяткомъ, понюхала ногу мою и тихонько, голодно провѣла, наполнивъ сердце мое ненужной жалостью къ ней.

На улицахъ, въ лужахъ, устоявшихся за ночь, отражалось утреннее небо, голубое и розовое, — эти отражения придавали грязнымъ лужамъ обидную, лишнюю, развращающую душу красоту.

* * *

На другой день я попросилъ ребятишекъ моей улицы наловить жуковъ, бабочекъ, купилъ въ аптекѣ красивыхъ коробокъ и отправился къ Ленкѣ, захвативъ съ собою двѣ бутылки квасу, пряниковъ, конфектъ и сладныхъ булокъ.

Ленка принялъ мои дары съ великимъ изумленіемъ, широко открывъ милые глаза, — при дневномъ свѣтѣ они были еще чудеснѣй.

— Ую-юй, — заговорилъ онъ низкимъ, не ребячьимъ

голосомъ, — сколько ты всего притащилъ. Ты, что ли, богатый? Какъ же это, — богатый, а плохо одѣтый, и говоришь, — не воръ? Ну, все равно... Вотъ такъ коробочки! Ую-юй, — даже жалко тронуть, руки у меня не мытыя. Тамъ — кто? Юхъ, — жучишко-то! Какъ мѣдный, даже зеленый, охъ, ты, чортъ!.. А — выбгуть. да улетать? Ну, ужъ...

И вдругъ весело крикнулъ:

— Мамкѣ! Слѣзь, вымой руки мнѣ, — ты погляди, курятина, чего онъ принесъ! Это — онъ самый, вчерашній, ночной-то, который приволокъ тебя, какъ будочникъ, — это онъ все! Его тоже Ленъка зовутъ...

— Спасибо надо сказать ему, — услышалъ я сзади себя негромкій, странный голосъ.

Мальчикъ часто закивалъ головой:

— Спасибо, спасибо!

Въ подвалѣ колебалось густое облако какой-то волосягой пыли, сквозь него я съ трудомъ разглядѣлъ на печи встрепанную голову, обезображенное лицо женщины, блескъ ея зубовъ, — невольную, нестираемую улыбку.

— Здравствуйте!

— Здравствуйте, — повторила женщина; ея гнусавый голосъ звучалъ не громко, но — бодро, почти весело. Смогрѣла она на меня, прищурясь, и какъ будто насмѣшливо.

Ленъка, забывъ про меня, жевалъ пряникъ, мычалъ, осторожно открывая коробки, — рѣсницы бросали тѣнь на щеки его, увеличивая синеву подъ глазами. Въ грязныя стекла окна смотрѣло солнце, тусклое, какъ лицо старика; на рыжеватые волосы мальчика падалъ мягкій свѣтъ, рубашка на груди Ленъки разстегнута, и я видѣлъ, какъ за тонкими косточками бьется сердце, приподнимая кожу и едва намѣченный сосокъ.

Его мать слѣзла съ печи, намочила подъ рукомойникомъ полотенце и, подойдя къ Ленъкѣ, взяла его лѣвую руку

— Убѣгъ, стой, убѣгъ! — закричалъ онъ и весь, всѣмъ тѣломъ завертѣлся въ ящикъ, разбрасывая пахучее тряпье подъ собой, обнажая синія, неподвижныя ноги. Женщина насмѣялась, шеверяясь въ тряпкахъ, и тоже кричала:

— Лови!

А поймавъ жука, она положила его на ладонь своей руки, осмотрѣла бойкими глазами васильковаго цвѣта и сказала мнѣ тономъ старой знакомой:

— Эдакихъ — много!

— Не задави! — строго предупредилъ ее сынъ. — Она разъ пьяная сѣла на звѣрильницу-то мою, такъ столько подавила...

— А ты забудь про то, утѣшеньице мое.

— Ужъ я хоронилъ-хоронилъ...

— Я же тебѣ сама и наловила ихъ послѣ.

— Наловила! Тѣ были — ученые, которыхъ задавила ты, дурочка изъ переулочка! Я ихъ, которые издохнуть, въ подпечкѣ хороню, выползу и хороню, тамъ у меня кладбище... Знаешь, — былъ у меня паукъ, Мишка, совсѣмъ, какъ мамкинъ любовникъ одинъ, прежний, который въ тюрьмѣ, толстенький...

— Ахъ, ты, утѣшеньишко мое милое, — сказала женщина, поглаживая кудри сына темной, маленькой рукою, съ тупыми пальцами. Потомъ, толкнувъ меня локтемъ, спросила, улыбаясь глазами:

— Хорошъ сынокъ? Глазки-то, а?

— Ты возьми одинъ глазъ, а ноги — отдай, — предложилъ Ленъка, ухмыляясь и разглядывая жука. — Какой... желѣзный. Толстый. Мамъ, онъ — . . . похожий, на того, которому ты лѣстницу вязала — помнишь?

— Ну, какъ-же!

И, посмѣиваясь, она стала рассказывать мнѣ:

— Это, видишь, ввалился, однова, къ намъ . . . большущій такой, да и спрашиваетъ: можешь ты, паклюжница, связать мнѣ лѣстницу изъ веревокъ? А я — съ роду не слыхала про такія лѣстницы; нѣтъ, говорю, не могу я! Такъ, я, говорить, тебя научу. Распахнулъ . . . а у него все брюхо веревкой не толстой окручено, — длинная веревка да крѣпкая! Научилъ. Вяжу я, вяжу, а сама думаю: на что это ему? Не церкву-ли ограбить собрался?

Она засмѣялась, обнявъ сына за плечи и все поглаживая его.

— Ой, затѣйники! Пришелъ онъ въ срокъ, я и говорю. — ежели это тебѣ для воровства, такъ я не согласна! А онъ смѣется хитровато таково: нѣтъ, говорить, это — черезъ стѣну перелѣзаетъ; у насъ стѣна больно высокая, а мы люди

грѣшныя, а грѣхъ-отъ за стѣной живетъ, — поняла-ли? Ну, я — поняла: это ему, чтобы по ночамъ къ бабамъ лазить! Хохотали мы съ нимъ, хохотали...

— Ужь ты у меня хохотать любишь! — сказалъ мальчикъ тономъ старшаго. — А вотъ самоваръ-бы поставила...

— Такъ сахару-же нѣту у насъ!

— Купи, ступай!

— Да и денегъ нѣту.

— Уй, ты, пропивашка! У него возьми, воть...

Онъ обратился ко мнѣ:

— У тебя есть деньги?

Я далъ женщинѣ денегъ, она живо вскочила на ноги, сняла съ печи маленькій самоваръ измятый, чумазый и скрылась за дверь, напѣвая въ носъ.

— Мамка! — крикнулъ сынъ вслѣдъ ей. — Вымой окошко, ничего не видать мнѣ! Ловкая бабенка, — я тебѣ скажу! — продолжалъ онъ, аккуратно разставляя по полочкамъ коробки съ насѣкомыми, — полочки изъ картона, были привѣшены на бечевкахъ ко гвоздямъ, вбитымъ между кирпичами въ пазы сырой стѣны. — Работница... какъ начнетъ паклю щипать, — хотъ задохнись, такую пылицу пустить! Я кричу: мамка, да вынеси ты меня на дворъ, задохнусь я тутъ! А она: потерпи, говоритъ, а то мнѣ безъ тебя скучно будетъ! Любить она меня да и все! Щиплетъ и поетъ; пѣсень она знаетъ тыщу!

Оживленный, красиво сверкая дивными глазами, приподнявъ густыя брови, онъ запѣлъ хриплымъ альтовымъ голосомъ:

— Эхъ, и вотъ О-рина на перинѣ лежитъ...

Послушавъ немножко, я сказалъ:

— Очень похабная пѣсня!

— Онъ всѣ ужъ такія, — увѣренно объяснилъ Ленъка и вдругъ встрепенулся. — Чу, музыка пришла! Нуко, скорѣе, подними-ко меня!

Я поднялъ его легкія косточки, заключенныя въ мѣшокъ сѣрой, тонкой кожи, онъ жадно сунулъ голову въ открытое окно и замеръ, а его сухія ноги, безсильно покачивались, шаркая по стѣнѣ. На дворѣ раздраженно визжала шарманка, выбрасывая лохмотья какой-то мелодіи, радостно покрякивалъ басовитый ребенокъ, подвывала собака, —

Ленька слушалъ эту музыку и тихонько нылъ сквозь зубы, прилаживаясь къ ней.

Пыль въ подвалѣ осѣла, стало свѣтлѣе. Надъ постелью его матери висѣли рублевые часы, съ подковой на гирѣ, по сѣрой стѣнѣ, прихрамывая, ползалъ маятникъ величиною съ мѣдный пятакъ. Посуда на шесткѣ такъ и стояла не мытой, на всемъ лежалъ толстый слой пыли, особенно много было ее въ углахъ на паутинѣ, висѣвшей грязными тряпками. Ленькино жилище напоминало мусорную яму и превосходныя уродства нищеты, безжалостно оскорбляя, лѣзли въ глаза съ каждаго аршина этой ямы.

Мрачно загудѣлъ самоваръ, шарманка, точно испугавшись его, вдругъ замолчала, чей-то хриплый голосъ прорычалъ:

— Р-рвань!

— Сними, — сказалъ Ленька, вздыхая, — прогнали...

Я посадилъ его въ ящикъ, а онъ, морщась и потирая грудь руками, осторожно покашлялъ:

— Болитъ грудишка у меня, долго дышать настоящимъ воздухомъ не хорошо мнѣ. Слушай, — ты чертей видалъ?

— Нѣтъ.

— И я тоже. Я ночью все въ подпечекъ гляжу — не покажутся-ли? Не показываются. Вѣдь, черти на кладбищахъ водятся, — вѣрно?

— А на что тебѣ ихъ?

— Интересно. Вдругъ одинъ чортъ — добрый? Водовозова Катька видѣла чертика въ погребѣ, — испугалась! А я страшнаго не боюсь.

Закутавъ ноги тряпьемъ, онъ продолжалъ бойко:

— Я люблю даже, — страшные сны люблю, вотъ! Разъ видѣлъ дерево, такъ оно вверхъ корнями росло, — листья то по землѣ, а корни въ небо вытянулись! Такъ я даже вспотѣлъ весь и проснулся со страху. А то — мамку видѣлъ: лежитъ голая, а собака животь выѣдаетъ ей, выкусить кусочекъ и выплюнетъ, выкусить и выплюнетъ. А то — домъ нашъ вдругъ встряхнулся да и поѣхалъ по улицѣ, ѣдетъ, а дверями хлопаетъ и окнами, а за нимъ чиновница кошка бѣжитъ...

Онъ зябко повелъ остренькими плечиками, взялъ конфетку, развернулъ цвѣтную бумажку и, аккуратно расправивъ ее, положилъ на подоконникъ.

— Я изъ этихъ бумажекъ надѣлаю разнаго, чего-нибудь хорошаго. А то — Каткѣ подарю! Она тоже любитъ хорошее: стеклышки, черепочки, бумажки и все. А, — слушайка: если таракана все кормить да кормить, такъ онъ вырастетъ съ лошадь? Ну?

Было ясно, что онъ вѣрить въ это; я отвѣтилъ:

— Если хорошо кормить — выростеть!

— Ну, да! — радостно вскричалъ онъ. — А мамка, дурочка, смѣется!

И онъ прибавилъ зазорное слово, оскорбительное для женщины.

— Глупая она! Кошку, такъ ужъ совсѣмъ скоро можно раскормить до лошади — вѣрно?

— А что-жь? Можно!

— Эхъ, корму нѣтъ у меня! Вотъ-бы ловко!

Онъ даже затрясся весь отъ напряжения, крѣпко прижавъ руку ко груди.

— Мухи-бы летали, по собакѣ величиной! А на тараканхъ можно бы кирпичъ возить; — если онъ — съ лошадь такъ онъ сильный. Вѣрно?

— Только вотъ усы у нихъ...

— Усы — не помѣшаютъ, они — какъ возжи будутъ, усы! Или — паукъ ползеть, — агромадный, какъ — кто? Паукъ — не болѣ котенка, а то — страшно! Нѣтъ у меня ногъ, а то-бы! Я-бы работаль-бы и всю свою звѣрильницу раскормилъ. Торговаль-бы, послѣ купилъ-бы мамкѣ домъ въ чистомъ полѣ. Ты въ чистомъ полѣ бываешь?

— Бываешь, какъ-же!

— Расскажи, какое оно, а?

Я началъ рассказывать ему о поляхъ, лугахъ, онъ слушалъ внимательно, не перебивая, рѣсницы его опускались на глаза, а ротишко открывался медленно, какъ-будто мальчикъ засыпалъ. Видя это, я сталъ говорить тише, но явилась мать съ кипящимъ самоваромъ въ рукахъ, подъ мышкой у нея — бумажный мѣшокъ, изъ-за пазухи торчала бутылка водки.

— Вотъ она-я!

— Ло-овко! — вздохнулъ мальчикъ, широко раскрывъ глаза. — Ничего нѣтъ, только трава, да цвѣты! Мамка, ты-бы, вотъ, нашла телѣжку, да сvezла меня въ чистое поле! А

то — издохну и не увижу никогда. Шкура ты, мамка, право!
— обиженно и грустно закончилъ онъ.

Мать ласково посовѣтовала ему:

— А ты — не ругайся, не надо. Ты еще маленький..

— Не ругайся! Тебѣ — хорошо, ходишь, куда хошь, какъ собака все равно. Ты — счастливая!.. Слушай-ка, — обратился онъ ко мнѣ. — Это Богъ сдѣлалъ — поле?

— Навѣрное.

— А — зачѣмъ?

— Чтобы гулять людямъ.

— Чистое поле, — сказала мальчикъ, задумчиво улыбаясь, вздыхая. — Я-бы взялъ туда звѣрильницу и всѣхъ выпустилъ ихъ. — гуляй, домашніе! А, — слушай-ка!.. —

Его мать взвизгнула и буквально покатила со смѣха, — опрокинулась на постель, дрыгая ногами, вскрикивая:

— О, — что-те... о, Господи! Утѣшеньишко ты мое!

Ленька съ улыбкой поглядѣлъ на нее и ласково выругался.

— Корячится, точно маленькая... Любить-же хохотать! И снова повторилъ ругательство.

— Пускай смѣется, — сказала я, — это тебѣ не обидно.

— Нѣтъ, не обидно, — согласился Ленька. — Я на нее сержусь только, когда она окошко не моетъ; прошу, прошу: вымой-же окошко, я свѣту Божьяго не вижу! А она все забываетъ...

Женщина, посмѣиваясь, мыла чайную посуду, подмигивала мнѣ голубымъ свѣтлымъ глазомъ и говорила:

— Хорошо утѣшеньице у меня? Кабы не онъ — утопилась бы давно, ей Богу! Удавилась-бы...

Она говорила это — улыбаясь.

А Ленька вдругъ спросилъ меня:

— Ты — дуракъ?

— Не знаю. А что?

— Мамка говоритъ — дуракъ.

— Такъ вѣдь я — почему? — воскликнула женщина, ни мало не смущаясь. — Привелъ съ улицы пьяную бабу, уложилъ ее спать, а самъ ушелъ, на-те-ко! Я, вѣдь, не во зло сказала. А ты ужъ сейчасъ ябедничать; у, какой...

Она говорила тоже какъ ребенокъ, строй ея рѣчи напоминалъ дѣвочку-подростка. Да и глаза у нея были дѣтски-чистые, — тѣмъ безобразнѣе казалось безносое лицо, съ приподнятой губой и обнаженными зубами. Какая-то ходячая, кошмарная насмѣшка, и — веселая насмѣшка.

— Ну, давайте чай пить! — предложила она торжественно.

Самоваръ стоялъ на ящикѣ рядомъ съ Ленькой, озорниковатая струйка пара, выбиваясь изъ подъ измятой крышки, касалась его плеча. Онъ подставлялъ подъ нее рученку и когда ладонь увлажнялась паромъ, — мечтательно щурясь, вытиралъ ее о волосы.

— Вырасту большой, — говорилъ онъ, — сдѣлаеть мамка телѣжку мнѣ, буду по улицамъ ползать, милостинку просить! Напрошу и выползу въ чистое поле!

— Охо-хо, — вздохнула мать и тотчасъ тихонько засмѣялась. — Раемъ видить поле-то, милый! А тамъ — лагерь, да охальники . . . да пьяные мужики.

— Врешь, — остановилъ ее Ленька, нахмурясь. — Спроси-ка его, какое оно, онъ видѣлъ!

— А я — не видала?

— Пьяная-то!

Они начали спорить совсѣмъ какъ дѣти, такъ же горячо и не логично, а на дворъ уже пришелъ теплый вечеръ, въ покраснѣвшемъ небѣ неподвижно стояло густое тяжелое облако. Въ подвалѣ становилось темно.

Мальчикъ выпилъ кружку чая, вспотѣлъ, взглянулъ на меня, на мать и сказалъ:

— Наѣлся, напился, — даже спать захотѣлось, ей Богу...

— И усни, — посоветовала мать.

— А онъ уйдетъ! Ты уйдешь?

— Не бойсь, я его не пущу, — сказала женщина, толкнувъ меня колѣномъ.

— Не уходи, — попросилъ Ленька, прикрылъ глаза и сладко потянувшись свалился въ ящикъ. Потомъ вдругъ приподнял голову и съ упрекомъ сказалъ матери:

— Ты-бы вотъ выходила за него замужъ, вѣнчалась-бы какъ другія бабы, — а то, валандаешься зря со всякимъ... только бьютъ... А онъ — добрый...

— Спи, знай! — тихо сказала женщина, наклонясь надъ блюдцемъ чая.

— Онъ — богатый!..

Съ минуту женщина сидѣла молча, схлебывая чай съ блюдечка неловкими губами, потомъ сказала мнѣ, какъ старому знакомому:

— Такъ, вотъ, мы и живемъ тихонько, я да онъ, а болѣ никого. Ругаютъ меня на дворѣ — распутная! А — что-жъ? Мнѣ стыдиться некого. Всякому сразу видно, къ чему я го- жусь. Да. Уснулъ сынокъ, утѣшеньишко мое! Хорошее дитя у меня?

— Да. Очень!

— Умница, вѣдь?

— Мудрецъ.

— То-то! Отецъ у него — баринъ былъ, старичекъ.. эготъ — какъ ихъ зовутъ? Конторы у нихъ, — ахъ, ты! Бумаги пишутъ?

— Нотариусъ?

— Вотъ, онъ самый! Милый былъ старичекъ... Ласковый. Любилъ меня, я горничной у него жила.

Она прикрыла тряпьемъ голыя ножки сына, поправила подъ его головой темное изголовье и снова заговорила, легко такъ:

— Вдругъ — померъ! Ночью было, я только ушла отъ него, а онъ ка-акъ грохнется на полъ, только и житья! Вы — квасомъ торгуете?

— Квасомъ.

— Отъ себя?

— Отъ хозяина.

Она подвинулась поближе ко мнѣ, говоря:

— Вы мною, молодой человекъ, не брезгуйте, теперь ужъ я не заразная, спросите кого хотите въ улицѣ, всѣ знаютъ!

— Я не брезгую.

Она положила на колѣно мнѣ маленькую руку со стертой кожей на пальцахъ и обломанными ногтями.

— Надобно идти, — сказалъ я.

— Куда? — удивленно спросила она.

— Дѣло есть.

— Оставайтесь?

— Не могу...

Она посмотрѣла на сына, потомъ въ окно, на небо и сказала не громко:

— А то — останьтесь! Я рожу-то платкомъ прикрою...
Я — закроюсь, а?

Она говорила неотразимо по человѣчи, — ласково, съ такимъ хорошимъ чувствомъ. И глаза ея — дѣтскіе глаза на безобразномъ лицѣ, — улыбались улыбкой не нищей, а человѣка богатаго, которому есть чѣмъ поблагодарить.

— Мамка, — вдругъ крикнулъ мальчикъ, взрогнувъ и приподнявшись, — ползуть! Мамка-же... иди-и...

— Приснилось, — сказала мнѣ она, наклонясь надъ сыномъ.

Я вышелъ на дворъ и въ раздумьи остановился, — злая мысль обожгла сердце:

«Бросить все, всё свои мечты, — къ черту и, въ укоръ людямъ, за грязь ихъ жизни, жить съ этой бабой, работать на нее и Леньку, отдать имъ всего себя! Дѣлають-же другіе боговъ себѣ изъ всякой дряни! Вотъ и я тоже, на зло всѣмъ и себѣ, сдѣлаю изъ этой безносой женщины богиню и поклонюсь ей».

Но все это такъ-же скоро сгорѣло, какъ быстро вспыхнуло; — изъ открытаго окна подвала гнусаво и весело лилась на дворъ пѣсня, — мать баюкала сына, четко выговаривая странныя слова:

— Придутъ Страсти-Мордасти,
Приведутъ съ собой Напасти;
Приведутъ они Напасти
Изорвутъ сердце на части!
Ой бѣда, ой бѣда!
Куда спрячемся, куда?

Я быстро пошелъ со двора, скрипя зубами, чтобы не заревѣть.

М. Горькій.

ИЗЪ МУЖИКОВЪ.

I.

Хозяйка, увидѣвъ вошедшаго съ дочерью гостя, подумала, что кресло будетъ для него мѣстомъ слишкомъ, пожалуй, почетнымъ, и указала рукой на стулъ. Сѣла сама, и глаза у нея, хотя и вѣжливые, сразу стали пустыми, ничего не говорящими. Глядѣла на него безъ желанія видѣть и сказала безъ желанія говорить:

— Сегодня, вѣрно, очень свѣжо, да? Но погода славная.

И вѣжливо улыбнулась, чтобы скрыть холодность голоса. Приѣмъ былъ, все-таки, такой, что можно покойно сѣсть и покойно отвѣтить. Но гость, взглянувъ ей въ лицо, почувствовалъ себя, видимо, не особенно хорошо: сжался какъ-то, глаза опустилъ, потомъ отвелъ въ сторону и уперся ими въ очень старую и, должно быть, дорогую картину на очень дешевыхъ обояхъ, потомъ увидѣлъ тоже старинные и тоже, видимо, очень дорогие, большіе, со множествомъ украшеній, часы на маленькомъ дешевомъ и обтертомъ лакированномъ столикѣ; потомъ — въ сосѣдней комнатѣ на дешевой желѣзной кровати край расшитаго цвѣтами и сильно вылинявшаго голубого шелкового одѣяла. И только послѣ этого, равнодушно, безъ всякаго желанія поддерживать разговоръ, въ первый разъ прямо взглянулъ на хозяйку.

— Да, погода ничего себѣ...

Овальное лицо ея съ тонкимъ, прямымъ носомъ, круглымъ подбородкомъ и холодно-вѣжливыми глазами показалось ему красивой картиной, рѣзко отѣненной чернымъ и дешевымъ люстриновымъ платьемъ. Она сидѣла съ чуть приподнятой головой, продолжая смотрѣть на него почти какъ на вещь.

— Да... пройтись, вѣрно, очень приятно. А вы вообще— какъ? Со службы — трамваемъ или пѣшкомъ ходите?

— Какъ когда.

Дочь, помѣстившаяся на привычномъ мѣстѣ, на диванѣ, тамъ, гдѣ межъ пружинъ вдавлена была ямка, только что собралась помочь матери, а та ужъ опять придумала, о чемъ говорить.

— Вы озябли, да? Сейчасъ будетъ чай.

— Нѣтъ, ничего. Спасибо.

— Правда, молодымъ людямъ холодъ не страшенъ.

— А у меня, знаете ли, пальто теплое.

Онъ все еще косилъ глазами и говорить съ нимъ было не легко: не умѣлъ, а скорѣй всего, просто, кажется не хотѣлъ поддерживать разговоръ, ему, очевидно, не интересный. Стало легче, когда подали самоваръ: можно было спросить, какой чай онъ пьетъ — крѣпкій, слабый — какого варенья хочетъ, предложить хлѣба. Но какъ только онъ сталъ пить, дочери сдѣлалось совсѣмъ неловко. Видно было, что это — человѣкъ безъ воспитанія, даже чай пить въ порядочномъ обществѣ приходилось ему, должно быть, рѣдко: обхватилъ всѣми пальцами блюдце, стаканъ поставилъ на самый краюшекъ стола, «спасибо» пробурчалъ себѣ подъ носъ, на хозяйку даже и не взглянувъ. Сахаръ взялъ своей ложечкой, хоть щипцы лежали тутъ же рядомъ; бросая сахаръ въ стаканъ, расплескалъ чай. Ссунулась на самые пальцы непристегнутая манжета, выглянулъ краюшекъ ночной сорочки. Тогда онъ спряталъ руку подъ столъ и тамъ поправилъ манжету. И пиджакъ на немъ былъ смѣшно-аккуратненькій, хранимый, видно, для исключительныхъ случаевъ, и крахмальнѣйшій воротничекъ не шелъ къ его грубоватому лицу, а галстухъ смѣшной, голубовато-рыжій какой-то. Опорожнилъ стаканъ, прежде чѣмъ хозяйки успѣли оглянуться, а потъ со лба вытеръ платкомъ съ голубой каемкой, такимъ, какой никогда не употребляютъ мужчины порядочнаго общества. Снова нужно было сказать какія-нибудь слова. Мать, все время дѣлавшая глаза свои невидящими и лицо отсутствующимъ, послала ему сдержанную улыбку:

— Я и забыла поблагодарить васъ, Степанъ...

— Терентьевичъ, — подхватила дочь.

— ... Степанъ Терентьевичъ, что заступились за Лизочку.

Она хотѣла съ этого начать, какъ только онъ пришелъ, но увидѣвъ очень не свѣтскій его поклонъ, почувствовавъ жесткую кожу его руки, сразу этого сдѣлать не смогла: очень не хотѣлось выражать благодарность человѣку, при первомъ же взглядѣ не подходящему даже для простого знакомства съ нею и дочерью.

— Нашему хозяину, если позволить, — онъ сразу на меня сядетъ.

Было это сказано коротко, жестко, пожалуй, немножко зло. Хозяйка подумала, что къ такому лицу очень пошелъ бы сжатый кулакъ,—гость сталъ ей еще непрятнѣй. А онъ, подумавъ, прибавилъ:

— Елизавета Платоновна — человѣкъ, который грубостью на грубость отвѣтитъ не въ состояннн. Онъ всегда на такихъ насѣдаетъ. Какъ только — что, — сейчасъ и зареетъ.

Онъ мелькомъ взглянулъ на дочь, въ потемнѣвшихъ глазахъ его прорвался теплый лучъ и по губамъ скользнула улыбка. Мать и виду не подала, что замѣтила это. Предложила дочери чай, чтобъ можно было посмотреть на нее внимательнѣй, и узнала, что нужно: дочь эту улыбку приняла. Хозяйка сейчасъ же перемѣнила тему.

— А вы около аппарата стоите, неправда ли?

— Стоять около аппарата мальчики, мама! — вмѣшалась дочь, — а Степанъ Терентьевичъ — механикъ. Онъ завѣдуетъ аппаратомъ.

— Ахъ, извините, я не знала...

— Пожалуйста... это пустяки.

— Вы, значить, получили образование электрич... въ электричествѣ?

— Да, электро-техническое.

Дочь посмотрѣла въ сторону, но мать ужъ оправи-лась, — только улыбка вѣжливѣй стала.

— А вообще образование вы здѣсь получили, въ сто-лицѣ? Вы здѣсь родились, правда?

— Нѣтъ, я — крестьянинъ. Въ деревнѣ родился.

Этотъ грубоватый парень умѣлъ угадывать скрытыя мысли и не стѣснялся ставить другого въ неловкое положен-нн. На помощь опять пришла дочь.

— Степанъ Терентьевичъ учился въ земской школѣ.

потомъ работаль въ мастерской у слесаря. А по вечерамъ ходиль на электро-техническіе курсы.

— Это хорошо...

— И самъ за себя платиль.

— У васъ, вѣрно, нѣтъ родныхъ?

— Я вообще не помню, чтобъ кто-нибудь за меня платиль или что-нибудь дѣлаль.

Чего онъ опустиль глаза? Чтобъ на нее не смотрѣть? Она ужъ много лѣтъ жила на пенсіи, и считала это совершенно естественнымъ. Чтобы скрыть неприязнь къ нему, еще сильнѣй овладѣвшую ею, сдѣлала внимательное лицо.

— Это, должно быть, очень интересно — электричество, да?

Дочь использовала случай, чтобъ оживить разговоръ.

— Степанъ Терентьевичъ намъ объяснить, какъ оно получается. Если не трудно.

— Съ удовольствіемъ.

И въ самомъ дѣлѣ, это доставило ему видимое удовольствіе: повеселѣли скучавшіе до сихъ поръ глаза. Вынулъ изъ бокового кармана карандашъ, записную книжку, нашель чистую страничку и положиль книжку среди стола, чтобъ обѣимъ было видно. И заговориль онъ сразу и легко, словно сняли у него съ языка путы. Ловкимъ и быстрымъ движеніемъ руки нарисоваль правильный кругъ, еще однимъ движеніемъ — другой, внутри и сталь соединять оба круга поперечными линиями. Потомъ нагнулся и, объясняя устройство электрической машины, началъ быстро и свободно накладывать на колесо нужныя части. Рука, очень легко, должно быть, управляющаяся съ тяжелымъ молотомъ, теперь съ поразительной правильностью бросала на бумагу легкія линии, точки, правильныя, какъ напечатанныя, фигуры.

Дочь вся ушла въ это объясненіе, мать поглядывала на его простое, дѣловитое и теперь довольное лицо, на сильныя рабочіе пальцы и съ удивленіемъ, которое позабыла даже скрыть, прислушивалась къ его словамъ, избличавшимъ много знаній математики и механики. Быстро, легко и понятно раскрывались передъ ней вещи, о которыхъ никогда не думала просто потому, что считала ихъ выше своего пониманія. Этотъ простой человекъ владѣль силою знанія,

какъ своимъ слугой: нажималъ, отворачивалъ, направлялъ ее, куда и какъ ему угодно, заставлялъ ее то освѣщать, то двигать, то разрушать. Когда онъ кончилъ и свободно откинулся на спинку стула, она искренно сказала:

— Какая страшная сила!

Онъ знающими глазами посмотрѣлъ на рисунокъ.

— Мы представляемъ себѣ эту силу вотъ какъ: тамъ, глубоко, въ машинѣ, сидитъ чортъ, каждую минуту готовый учинить пакость, — взорвать, разрушить, уничтожить. Онъ хитеръ, а мы еще хитрѣй, — хорошо знаемъ его натуру и держимъ его скрученнымъ по рукамъ и ногамъ.

Онъ улыбнулся въ первый за вечеръ разъ сдержанной и побѣдной улыбкой.

— Вы, вѣрно, много учились. да?

Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Я учился всегда, какъ только было время.

— Зато теперь вы вознаграждены

— Нѣтъ, я еще не кончилъ.

— Вы развѣ и теперь учитесь?

— Да. И кончу не скоро.

— Вы, видно, трудиться привыкли?

— Привыкъ... Хочу имѣть все, что имѣютъ другіе.

Самоваръ затихъ, гость посмотрѣлъ на часы и поднялся. Хозяйка, прощаясь, поморщилась отъ боли, незамѣтно помахала рукой и, хотъ его руки были совершенно чистыя, сунула свою въ карманъ, чтобъ обтереть ее тамъ платкомъ. Не успѣлъ онъ выйти за дверь, дочь обидчиво сказала:

— Мама, отчего же ты не попросила его заходить?

— Ты мнѣ лучше скажи, часто ли онъ тебя провожаетъ?

— Каждый разъ, когда есть время.

Мать вздохнула.

— Если-бъ живъ былъ твой отецъ, у тебя было бы другое положеніе и другія знакомства.

— Его у насъ въ кинематографѣ всѣ уважаютъ. Гораздо больше, чѣмъ меня: что я тамъ такое? Кассирша какая-то...

Мать подняла голову, сами собой дрогнули брови.

— Если у меня небольшая пенсія, и мы живемъ въ меблированныхъ комнатахъ, а тебѣ приходится служить,

то это еще не значитъ, что можно заводить близкое знакомство съ каждымъ встрѣчнымъ... Отчего ты, Лиза, не совѣтовалась со мной, прежде чѣмъ позволить себя провожать? Неужели тебѣ мать уже не нужна?

— Я ничего плохого въ этомъ не видѣла.

— Ну, хорошо. Но я удивляюсь, какъ ты вообще можешь находить удовольствіе въ такомъ обществѣ?

— Мнѣ нравится, что онъ все умѣетъ дѣлать. У насъ его уважаютъ больше, чѣмъ хозяина. Онъ мало разговариваетъ, но, когда что-нибудь скажетъ, его всѣ слушаются.

— Все это великолѣпно. Но пригласить его заходить я — извини — не могла. У Зинаиды Викторовны Радкевичъ и ея дочери такихъ знакомствъ до сихъ поръ еще не было.

Дочь ничего не отвѣтила, а мать подумала:

«Прости меня, Господи! Но мнѣ все время казалось, что отъ него идетъ дурной запахъ».

Обѣ молчали. Мать взяла книжку, дочь принялась за посуду. Вытирала она стаканы очень быстро и очень нервно, мать не видѣла, что читаетъ. Когда кончилась страница, начала ее опять, но не дочитавъ, отложила книгу.

— Ссориться намъ, Лиза, все-таки изъ-за этого не стоить. Подойди ко мнѣ!

У той на глазахъ сейчасъ же показались слезы.

— Сама говоришь, мама, что...

— Ну, мало ли что съ досады скажешь.

— Нѣтъ, не съ досады это. Неправда, мама! По ночамъ просыпаешься...

— Ну, ну...

— А когда находится знакомый... Мы же не можемъ устраивать приличныхъ пріемовъ.

— Да, но...

Она хотѣла сказать, что дочь очень ужъ неразборчива, но жалко ея стало.

— Ну, не будемъ сегодня объ этомъ говорить, Лизокъ!

Такъ и спать легли, — больше объ этомъ разговора не было. Когда дочь заснула, мать встала съ кровати, поправила ей сбившуюся подушку, взглянула въ ея усталое отъ работы лицо, на скромное платье, висѣвшее на спинкѣ стула, на стоптанную обувь и вдругъ поняла, чего не хотѣла познать часъ тому назадъ. Работая ужъ нѣсколько лѣтъ какъ

сиршей, дочь должна была привыкнуть ко всякимъ людямъ, ко всякимъ манерамъ. Въдѣ и сама она тоже... Развѣ такая она, какъ была когда-то? Развѣ не стала она совершенно другой? И сама она за эти долгіе годы... Развѣ не привыкла она съ тѣхъ поръ къ разнымъ людямъ, съ которыми прежде и говорить не стала бы? Да... отъ нея прежней осталось немного, и ничего не осталось отъ богатства, отъ положенія. Дворянство... которое здѣсь, въ этомъ миллионномъ омутѣ, въ этихъ меблированныхъ комнатахъ никому не нужно. Вотъ это лицо, это милое, спящее благородное точеное лицо съ тонкими бровями и затаенной печалью въ гордыхъ глазахъ. Это, пожалуй, все, что у нея еще не отнято. Не надо было такъ рѣзко, такъ жестоко отказать ей въ просьбѣ. Въдѣ и о матери своей она думаетъ, дѣвочка дорогая... Да... но почему непремѣнно мужикъ? Неужели этотъ парень, больше всего похожій на мастерового, можетъ сдѣлаться ихъ близкимъ знакомымъ, можетъ быть, претендентомъ даже? Въдѣ этотъ хитрый мужичекъ совсѣмъ не похожъ на человека, ради простого удовольствія провожающаго домой барышню. На это онъ время тратить не станетъ. Бѣдная дочь успѣла уже потерять простую даже безгливость къ грубости, которой такъ и несетъ отъ всякаго его движенія, отъ всего тѣла.

Мать всѣмъ своимъ существомъ почувствовала безгливость, какъ только представила дочь женой этого... кузнеца.

II.

Вышло, однако, такъ, что черезъ нѣсколько дней онъ у нихъ побывалъ опять. Елизавета Платоновна, вернувшись вечеромъ со службы, остановилась у порога, не снимая пальто и глядя матери въ глаза, словно не знала, зачѣмъ сюда пришла и что съ собой дальше дѣлать? А на удивленный взглядъ матери тихо произнесла:

— Мнѣ отказали отъ службы, мама!

Зинаида Викторовна, по привычкѣ къ сдержанности, зажала въ горлѣ готовое вырваться восклицаніе удивленія и досады. Дочь сняла пальто, повѣсила, сѣла.

— Къ хозяину пріѣхала какая-то знакомая. Она будетъ у насъ кассиршей. Дослужу только до конца мѣсяца.

— Ну, авось, другое найдется. Ты только не огорчайся, Лизокъ!

Дочь ничего не отвѣтила, сѣла у панино, быстро пробѣжала по клавишамъ, очень долго выбирала, что бы сыграть и, только взяла первые аккорды, мать ее перебила:

— Придется намъ, Лизочка, сократиться. Тогда кое-что и останется на твои развлечения.

— Зима скоро, мама...

— Ну, ничего. Что-нибудь изъ моего передѣлаемъ. Въдь я своего почти что и не ношу. Могу и дома посидѣть, когда очень холодно. Я зимой гулять не особенно-то и люблю.

Елизавета Платоновна подошла къ матери и обняла ее. Мать вытерла своимъ платкомъ слезы ей, потомъ — себѣ. Постучали въ дверь, и раздался голосъ коридорнаго мальчика:

— Господинъ Столяровъ просятъ барышню къ телефону.

У дочери въ глазахъ мелькнуло что-то вродѣ надежды, а мать съ недоумѣніемъ спросила:

— Это — кто такой?

— Да Степанъ же Терентьичъ!

— А...

Когда Елизавета Платоновна вернулась, лицо у нея было совершенно другое — покойное. Теперь только, по этому лицу, мать ясно поняла, какъ трудно ей было.

— Мѣсто за мной, мама! Столяровъ тамъ что-то устроилъ.

Опять подошла къ панино, развернула первыя попавшіяся ноты и играла, не отрываясь, очень долго, — пока мать не кончила читать газету. Зинаида Викторовна покойно потянулась, подошла къ дочери, поцѣловала ее въ обѣ щеки.

— Поблагодаришь и отъ моего имени Степана Терентьича.

— Надо его пригласить чаю напиться, мама! Неловко.

— Да, конечно...

III.

Какъ порядочный человекъ, Зинаида Викторовна сочла для себя обязательнымъ на слѣдующій разъ лучше оспа-

стись къ Столярову, чѣмъ въ первый. Сначала это показалось ей труднымъ, но она взяла себя въ руки: нарочно еще разъ подумавъ, какъ трудно было бы дочери зимой безъ теплаго платья, какъ было бы обидно и больно за дочь, сказала себѣ, что это было бы не только трудно, но и унижительно, — прямо несчастье! Все это внушило ей къ Столярову, если не прямую благодарность, то искреннѣйшій тонъ — чувствовала она, — взять все-таки удастся. Была рада и за него: онъ, этотъ мужичекъ, пробивающійся въ люди, долженъ быть очень чутокъ къ отношенію людей, выше его стоящихъ, и это доставитъ ему, несомнѣнно, удовольствіе. И такимъ образомъ, они будутъ квиты.

Столяровъ, войдя, и, въ самомъ дѣлѣ, почувствовалъ, что сегодня онъ не совсѣмъ чужой. Поклонился свободно, даже ногой шаркнулъ, свободнымъ голосомъ извинился за рабочій костюмъ: поздно задержался съ дѣлами, домой — даже трамваемъ — около часа, — боялся ихъ задержать. А ей онъ, одѣтый проще, больше понравился. Мягкій отложной коричневый воротникъ очень подходилъ къ его лицу, дѣловито-смѣтливому и простому, старенькій, поношенный пиджакъ сливался со спиной и не торчалъ такъ смѣшно, какъ тотъ, въ прошлый разъ. Дочь сейчасъ же почувствовала настроеніе матери, это сдѣлало свободнѣй и ее, и заговорила она съ нимъ весело, просто.

— Степанъ Терентьичъ! Расскажите мамѣ, какъ ловко вы все это устроили.

Чтобы умалить свое значеніе въ этомъ дѣлѣ, онъ свелъ тонъ разсказа на комичный:

— Смѣхотворная исторія вышла! Прихожу — что такое? Почему? Нѣтъ, думаю, я тебѣ распоряжаться людьми не позволю — не крѣпостные! Только прямо ему это сказать нельзя: очень любить чувствовать себя хозяиномъ. Я и пораздумалъ... Вижу, — справиться съ нимъ — пустяки! У насъ тамъ черезъ двѣ улицы конкурентъ, и у него къ будущей недѣлѣ боевикъ приготовленъ: «Самсонъ и Далила», 3000 метровъ. А я всегда про его боевики раньше узнаю. Мальчишка тамъ есть одинъ, за начай мнѣ секреты выдастъ.

Онъ глотнулъ чаю, а у г-жи Радкевичъ чуть не вырвалось, что это — пріемъ не особенно красивый. Однако, во-

время удержалась, только глаза опустила. А онъ послѣ глотка обсосалъ нижней губой усы и продолжалъ:

— Да... Я тутъ комбинацію и придумалъ. Взялъ автомобиль, въ контору, гдѣ даютъ ленты на прокатъ, смахалъ и содержателя научилъ, что сказать.

Зинаида Викторовна очень вѣжливо спросила:

— А содержатель — пріятель вашъ, да?

— Онъ меня боится.

— А вамъ хозяина жалко, да?

— Ни капельки не жалко. Онъ и такъ готовъ съ каждая шкуру содрать. Человѣкъ для него хуже скотины. Ну-съ, хорошо... Прихожу я къ своему, такъ и такъ: «У Штрика «Самсонъ и Далила» пойдетъ. — «Надо и намъ боевикъ», — говоритъ. — «Надо», — говорю. Онъ на меня спихнуть хочетъ, чтобы я въ контору пошелъ, а я отговариваюсь: некогда, молъ! Пошелъ самъ. Черезъ часъ этакъ прибѣгаетъ. «Какъ это вамъ понравится, а? Не даетъ: говорить, что нѣтъ боевиковъ сейчасъ». А я: «Не можетъ этого быть». Конечно, говоритъ, вретъ. Кассиршу здѣсь припуталъ: «Какую,—спрашиваю,—кассиршу?» «Такую кассиршу, нашу. Я ей сегодня отказалъ, а она ему родственница тамъ какая-то. Вижу, что ленту изъ-за кассирши дать не хочетъ». «Надо,—говорю,—въ другомъ мѣстѣ поискать». Здѣсь, кстати и жена его подошла. Ревнивая она до ужаса: какъ новая женщина появится, глазъ съ него не спускаетъ. Дай, думаю, и эту кнопку нажму, — не помѣшаетъ. Вынулъ голову изъ аппарата и нарочно—погромче: «Да, пожалуй, и не стоитъ изъ-за новой кассирши. Боевика не будетъ, мы за недѣлю сотъ пять потерять можемъ». Она такъ и взвѣлась: «Что такое? Какая кассирша?» Онъ передъ нею сталъ, меня спиной закрываетъ. «Ничего такое!.. Безъ тебя дѣло обойдется!» Она ко мнѣ: я, конечно, еще масла подлилъ. Даже и не спросила его. Подскочила къ телефону, въ контору звонитъ: «Петръ Ивановичъ! Здрассьте! Ваша родственница остается на своемъ мѣстѣ. А не найдется ли у Васъ боевика? Завтра? Вѣроятно, будетъ? Нѣтъ, вы мнѣ навѣрно пообѣщайте! Мерси!—Да, вотъ какъ,—задумчиво кончилъ онъ.

Зинаидѣ Викторовнѣ стало такъ неприятно, что понадобилось извиниться, встать изъ-за стола и на минутку выйти въ другую комнату, — она боялась, какъ бы лицо не выдало брезгливость, ее охватившую. Съ горечью подумала о томъ, отъ кого приходится зависѣть, и что такіе вотъ люди

хорошо успѣваютъ, а такіе, какъ она, вынуждены прибѣгать къ ихъ помощи. Скоро, однако, овладѣла собою, но настроеніе было такъ испорчено, что въ первую минуту не нашлось даже, о чемъ говорить. Пришлось использовать первую на-вернувшуюся на языкъ фразу.

— Вы, вѣрно, хорошее жалованье получаете, да?

Онъ кивнулъ головой увѣренно и просто, будто въ этомъ и сомнѣнія быть не могло.

— Кромѣ жалованья получаю еще и проценты съ оборота.

— Да? Что же, онъ не можетъ безъ васъ обойтись?

— Такіе господа обходиться безъ другихъ не умѣютъ.

Вмѣшалась дочь.

— Знаешь, мама... Степанъ Терентьичъ заставилъ хозяина дать проценты. Это всѣ у насъ знаютъ. Вы расскажите мамѣ, какъ это было. Хозяинъ тогда чуть не заболѣлъ.

— Я, какъ поступилъ, сейчасъ разнюхалъ, что это за типъ такой. Баринъ ужъ очень онъ большой. Любить, чтобъ на него работали другіе, да чтобъ подешевле. Ему все, другимъ — ничего. Онъ и меня такъ-то думалъ, только я ему не мальчикъ. Сначала поддался, чтобъ онъ довѣрие ко мнѣ почувствовалъ. Цѣлый годъ на мелочи служилъ да всякую работу на себя бралъ. «Степанъ Терентьичъ, провѣрьте талоны кассовые! «Пожалуйста!..» «Степанъ Терентьичъ! Сходили-бъ вы, на будущую недѣлю лентъ выбрали!» Меня это совсѣмъ не касается, но я иду. Приучился скоро, понялъ, что публикѣ надо. «Степанъ Терентьичъ! Хочу аппаратъ хорошій поставить. Только боюсь, вы съ нимъ не справитесь». «Черезъ недѣлю—говорю—ставьте». Работу кончу, къ знакомому бѣгаю, гдѣ аппаратъ дорогой,—практикуюсь.

Усмѣшка увѣренности въ себѣ все время не сходила съ его губъ.

— А онъ радъ: думаетъ, на дурака попалъ. Степанъ Терентьичъ то, Степанъ Терентьичъ — десятое, Степанъ Терентьичъ — двадцатое. А самъ отъ дѣла отбивается, по кофейнямъ, да ресторанамъ все. Гуляй — думаю — гуляй! Еще время мое не пришло. А самъ онъ про прибавку — ни слова. Я работаю за троихъ, помалкиваю... А его такъ прямо ненавижу. Страшно онъ мнѣ противень сдѣлался за то, что на чужой шеѣ сидѣть любитъ. Совѣсти — ни капли! При-

бавилъ бы самъ если, я, можетъ, такъ круто и не пошелъ бы. А тутъ — и нужда, и душа противъ него горитъ. Вижу, совсѣмъ парень о своемъ дѣлѣ думать пересталъ, лишь бы ему касса вечеромъ была побольше.

Зинаиду Викторавну, хоть и коробило, что говорить онъ съ ней, какъ съ равной, но любопытства преодолѣть она не могла. Онъ помолчалъ, поглядѣлъ на обѣихъ хозяекъ.

— Заявляю: жалованья — столько-то, процентовъ — столько-то. Онъ на меня глаза такъ и выпучилъ, думалъ, — шучу. Три дня меня уговаривалъ. А я все: брошу и уйду. А ему нельзя: совсѣмъ за этотъ годъ избаловался. За что ни возьмется, вездѣ чепуха выходитъ. Все спрашиваетъ, какъ лакей, за мною бѣгаетъ. Смотрѣть на него противно. Надоѣло страшно. Давай, думаю, рискну. Взялъ да на работу и не пошелъ. Цѣлую недѣлю крутился. Я ужъ думалъ, пропало мое дѣло, сталъ другое мѣсто искать. Вдругъ, присылаетъ. Прихожу — торговаться начинается. Здѣсь ужъ ясно стало, что безъ меня не обойдется. Даже разговаривать съ нимъ не сталъ. Повернулся, ушелъ. Еще дня три побился... Согласился.

Съ веселой, глубоко скрытой въ глазахъ усмѣшкой онъ посмотрѣлъ на слушательницъ. Дочь отвѣтила ему улыбкой удовольствія, а у Зинаиды Викторовны къ безразличности стало примѣшиваться легкое смущеніе передъ этимъ человекомъ, не желающимъ знать препятствій въ достиженіи своихъ желаній. Онъ же, за эти два вечера успѣлъ ужъ, видимо, совсѣмъ привыкнуть къ новому знакомству: сидѣлъ покойно, откинувшись на спинку стула, въ полной увѣренности, что все рассказанное не можетъ не произвести впечатлѣнія. Кончилъ, посмотрѣлъ на часы. Дочь съ сожалѣніемъ спросила:

— Вы уже?

— Да, пора.

— Посидѣли бы, Степанъ Терентьичъ!

Зинаида Викторовна къ просьбѣ не присоединилась, молчала, и почувствовалось, что это очень рѣзко. Онъ повернулся къ дочери и подчеркнута отвѣтилъ ей одной:

— Очень вамъ благодаренъ, Елизавета Платоновна! Но меня будетъ ждать учитель.

Зинаида Викторовна подумала, что такъ держаться онъ

бы себѣ не позволилъ, если-бъ онѣ не были ему обязаны. Покраснѣла и, чтобы скрыть досаду, спросила:

— Вы еще чему-нибудь учитесь?

— Да, хочу сдать экзаменъ за курсъ реального училища.

— За весь курсъ?

— Да, думаю поступить въ Технологическій.

Въ глазахъ и во всемъ лицѣ дочери остановилось удивленіе, смѣшанное съ уваженіемъ.

— Это будетъ очень трудно. Въдѣ у васъ такъ мало времени.

— Одолю какъ-нибудь. Дипломированные господа нашему брату нигдѣ ходу не даютъ.

Удивленія не могла скрыть и Зинаида Викторовна.

— Тогда вы будете инженеромъ?

— Да, конечно.

Сразу даже какъ-то и не вѣрилось. Но черезъ нѣкоторое время въ глазахъ у нея точно стало что переворачиваться. То передъ ней сидѣлъ простой мужикъ, то—инженеръ въ гужуркѣ, и тогда лицо его не казалось ей такимъ простымъ. Но стоило ему раскрыть ротъ, опять сидѣлъ мужикъ. Никакъ она не могла съ этимъ справиться. А при прощаніи какъ-то противъ воли подумала: «Молодецъ... если не вретъ». Хорошо умѣла держаться съ людьми, но на этотъ разъ какъ-то неловко вышло у нея: руку подала, какъ чужому, но кончила улыбкой и мягкимъ, свѣтскимъ наклономъ головы.

— Ну, благодарю васъ еще разъ за дочь! Она такъ привыкла работать, и ей было бы совсѣмъ скучно.

— Это — пустяки! — Онъ, не выпуская ея руки, на секунду задумался. — Я могъ бы устроить Елизаветѣ Платоновнѣ прибавку, но, кажется, вамъ это будетъ неприятно: не захотите отъ меня одолженія.—Въ его покойныхъ глазахъ опять мелькнула усмѣшка, и она на одинъ мигъ совершенно растерялась. Только собралась отвѣтить, онъ выпустилъ руку, поклонился и вышелъ вонъ. Дочь едва успѣла сказать:

— Заходите, Степанъ Терентичъ!

IV.

Мысль о его будущемъ инженерствѣ стала беспокоить Зинаиду Викторовну все сильнѣй и, укладываясь спать, она

чувствовала, что ея отношенія къ Столярову раздвоились; она никакъ не могла отдать себѣ яснаго отчета, что же она, наконецъ, къ нему испытываетъ? То онъ представлялся ей грубымъ выскочкой, съ грубыми, большими руками, стоящимъ въ слесарной мастерской, ругающимся и непремѣнно пьющимъ водку. Но стоило только представить его себѣ въ тужуркѣ инженера, какъ и грубость его, и мужицкая манера отрывисто говорить — исчезали куда-то. Только появлялся инженеръ, вмѣстѣ съ нимъ вставали въ воображеніи солидная семейная обстановка, мосты, желѣзныя дороги, и т. п. вещи. Она вспоминала знакомыхъ инженеровъ, когда-то посѣщавшихъ ихъ домъ. Никто тогда не интересовался ни выраженіемъ ихъ лица, ни происхожденіемъ, не обращали вниманія на благовоспитанность. Завидовали только ловкости въ дѣлахъ, умѣнію дѣлать карьеру, большимъ окладамъ. А этотъ, навѣрно, всего этого добьется и, если онъ былъ бы инженеромъ теперь, сейчасъ, то кто его знаетъ...

Притомъ, будущее образованіе должно вѣдь оставить на немъ свой слѣдъ. Да... Но будетъ ли онъ инженеромъ, или не будетъ, — это никому пока неизвѣстно. А пока что, — какая-то коричневая рубаха, мужицкія рукопояскія... Было бы, во всякомъ случаѣ, неприятно, если бы кто-нибудь изъ родственниковъ встрѣтилъ его у нихъ. Впрочемъ, можно прямо его представить, какъ будущаго инженера.

А онъ воспользовался приглашеніемъ очень скоро, — такъ и не успѣла Зинаида Викторовна установить къ нему какое-либо опредѣленное отношеніе. Пока онъ снималъ пальто, она даже не смогла установить нужный тонъ. Онъ же, какъ только переступилъ порогъ, сразу заговорилъ, точно старый знакомый, зашедшій посидѣть, поболтать о томъ, о семъ. Говорилъ свободно, не торопясь подошелъ къ столу, развернулъ попавшуюся подъ руку книгу. Только — чувствовалось — полноту голоса сдерживаетъ, чтобы не нарушать принятую въ этомъ домѣ привычку говорить не громко. Книжку онъ сталъ перелистывать, а хозяйка использовала это для бесѣды.

— Это Тургеневъ. Вы, конечно, читали Тургенева?

Онъ не только читалъ, но и довольно хорошо его помнилъ: назвалъ приведенія, больше ему нравящіяся, и даже указалъ наизусть изъ нихъ нѣсколько выдержекъ. При пер-

вомъ его посѣщеніи она этому удивилась бы, а теперь это ничуть не было страннымъ: вполне естественно для будущаго инженера. Потомъ оказалось, что онъ знаетъ и другихъ авторовъ, новыхъ, о которыхъ сама она слышала только мелькомъ. Это было неприятно, потому что ей приходилось молчать, пока онъ говорилъ, но съ другой стороны, и приятно: пускай приходитъ, кто угодно изъ родственниковъ — онъ въ грязь лицомъ не ударитъ. Но когда онъ упомянулъ еще одного автора, а она все не могла поддержать разговора, то предпочла перейти на политику.

Не повезло и здѣсь. Она читала только одну, свою газету, и, стоило ей что-нибудь сказать, онъ нѣсколькими словами сказанное разбивалъ. Она стала испытывать тѣсноту, въ которую онъ ее загонялъ. Она барахталась въ этой тѣснотѣ, все больше теряя надежду изъ нея выбраться, и чѣмъ хуже себя чувствовала, тѣмъ любезнѣй улыбалась. Поглядывала на дочь, ожидая поддержки отъ нея, но та упорно молчала, прислушивалась къ его словамъ со вниманіемъ, не позволявшимъ ей замѣтить неловкое положеніе матери. Зинаида Викторовна извинилась и вышла распорядиться о самоварѣ, хотя могла это сдѣлать, какъ всегда, посредствомъ кнопки въ стѣнѣ.

VI.

Столяровъ опять сталъ перелистывать книжку. Дочь, чтобы развлечь его, развернула альбомъ, рассказала біографію какого-то родственника. Разказала, перевернула листъ, взялась за слѣдующій. А въ альбомѣ, что ни карточка, то — или помѣщикъ, или военный. Живые или ужъ умершіе; все бывшіе богачи, теперь, большей частью, небогатые. Зинаида Викторовна съ досадливымъ удивленіемъ замѣчала, что ея родственники, обычно внушающе гостямъ уваженіе, на Столярова не дѣйствуютъ, раза два она уловила, что въ альбомъ онъ даже и не смотритъ. Прослѣдила за его взглядомъ — тянется къ пианино. Хочетъ, должно быть, чтобы ему сыграли. Только подумала, что это было бы для него ужъ черезчуръ, какъ дочь, замѣтившая его желаніе, сейчасъ же подхватила:

— Не хотите ли, я вамъ, что-нибудь сыграю?

Онъ съ готовностью кивнулъ головой. Зинаидѣ Викторовнѣ стало досадно, что у человѣка этого даже простой

благодарности не замѣтно. Будто это вполнѣ въ порядкѣ вещей, что дочь Зинаиды Викторовны Радкевичъ должна играть для какого-то Степана Терентьича, ремесленника. Дочь открыла крышку, онъ сейчасъ же прошелъ къ инструменту, сѣлъ въ уголь, между нимъ и дверью съ явнымъ желаніемъ быть ближе къ музыкантшѣ. А какъ только та взяла первый аккордъ, плотнѣй усѣлся на стулѣ, сложилъ на колѣняхъ руки и больше ужъ не двигался. Онъ былъ хорошо освѣщенъ свѣчами на инструментѣ, а Зинаида Викторовна, чтобъ дать отдохнуть все время напряженному лицу своему, помѣстилась въ тѣни, на диванѣ, и могла совершенно покойно на него смотрѣть. А почему хотѣлось ей на него смотрѣть, она и сама не знала. Нѣкоторое время онъ прислушивался очень внимательно, опустивъ вѣки: видно, что боялся пропустить хоть одну нотку. Потомъ, послѣ первой страницы, поднялъ глаза на играющую и не спускалъ ихъ уже до конца, или забывъ, что его хорошо видятъ, или, можетъ быть, просто не считаясь съ этимъ.

Такъ и подумала Зинаида Викторовна, — онъ не обращаетъ на нее никакого вниманія, ему все равно, чтобы она ни подумала о немъ. Было очень обидно, но подѣлать она ничего не могла: не сказать же ему, въ самомъ дѣлѣ:

— Пожалуйста!.. Не смотрите на мою дочь, будто она ужъ ваша невѣста.

Рѣшила тоже не обращать на него вниманія, но почувствовала, что не можетъ. Онъ свободно перекинулъ ногу на ногу, скрестилъ на груди руки, слегка откинулъ голову и сталъ смотрѣть дочери не только въ лицо. Глаза его медленно остановились и на ея длинныхъ, бѣлыхъ и тонкихъ пальцахъ, проворно бѣгающихъ по клавишамъ, на черномъ узлѣ волосъ, на бѣлой гибкой шеѣ, на легкомъ станѣ. Она кончила пьесу, и пока отыскивала другія ноты, Зинаида Викторовна вдругъ почувствовала необходимость перекинуться съ нимъ парюю словъ, почувствовала желаніе не быть для него пустымъ мѣстомъ.

— Какъ вамъ понравилось?

И сейчасъ же ей стало ясно, что онъ и впрямь позабылъ про нее; услышавъ незнакомый голосъ, онъ быстро повернулъ голову въ темный уголь.

— А?

А потомъ ужъ добавилъ:

— Извиняюсь, я не разслышалъ, что вы сказали?

Она не успѣла отвѣтить, — дочь опять взяла аккордъ, черезъ минуту онъ опять ужъ былъ прежний, позабывшій о ней. А дочь, всегда вѣжливая, деликатная и чуткая, теперь даже и не замѣтила, что вопросъ матери остался безъ отвѣта, — она для него играла, его видѣла, о немъ думала... Старательно бѣгали по клавишамъ руки, колыхался станъ, внимательно была вытянута къ нотамъ шея, — для него. А онъ сидѣлъ покойно и увѣренно, покойно и съ видимымъ наслажденіемъ бралъ ея музыку, будто она для того только и училась долгіе годы, чтобы играть ему. И вдругъ Зинаида Викторовна поняла, даже скорѣй почувствовала, какъ-то сразу и для себя совершенно неожиданно, что нслѣдъ за музыкой — хочетъ она сама, или не хочетъ, — и дочь ея онъ себѣ возьметъ, какъ взялъ у хозяина проценты и какъ возьметъ дипломъ инженера. И тутъ же вспомнила его слова:

«Я хочу все, что имѣютъ другіе!»

Сначала смутная, а потомъ все усиливающаяся робость охватила ее, будто и съ ней самой этотъ человѣкъ собирается что-то сдѣлать, что-то ей приказать. Захотѣлось, чтобъ онъ сейчасъ же о чемъ-нибудь съ ней поговорилъ мягко и ласково, сказалъ бы, что противъ нея онъ рѣшительно ничего не имѣетъ.

А у него лицо стало измѣняться. Всегда сдержанное, сторожкое и какъ бы готовое каждую минуту къ отпору, съ глазами, прямо и жестко встрѣчающими чужой взглядъ, оно теперь, казалось, отдыхало отъ этой вѣчной борьбы. Суховатая складка губъ стала гораздо мягче, надъ смягчившимися глазами покойно отдыхали брови, и все лицо прислушивалось къ звукамъ, точно нужны были ему не такъ самые звуки, какъ то, что за ними скрывается.

Дочь кончила, встала. Поднялся и онъ. Хозяйка въ первый разъ видѣла, чтобы такъ благодарили за музыку: ни похвалы, ни комплимента! Молча подаль ей руку, постоялъ, поглядѣлъ ей въ лицо, точно и въ немъ были звуки, къ которымъ онъ только что прислушивался. Потомъ сказалъ: «спасибо» и медленно выпустилъ руку. Сталъ молчаливымъ и тихимъ: боялся, должно быть, отъ словъ растерять только что видѣнное и слышанное. Прощаясь съ матерью, онъ думалъ, вѣроятно, все о томъ же, потому что руку пожалъ ей

быстро, мимоходомъ и на нее почти не взглянулъ. И вообще, исчезъ какъ-то сразу, даже хорошенько не протившись.

Зинаида Викторовна взялась за чайную посуду, молча перемыла всю и, прежде чѣмъ поставить ее на мѣсто, сказала дочери черезъ плечо:

— А знаешь, Лиза... Степанъ Терентьичъ былъ сегодня интересный...

Дочь сразу порозовѣла, подошла къ ней, потрогала кружева на ея груди.

— Онъ ужасно любитъ музыку, мама! Знаешь, мама — когда онъ меня беретъ подъ руку и со мной въ это время говорить, то я такая храбрая... ничего на свѣтѣ не боюсь!

— Ого!.. Вы ужъ подъ руку... Молодцы, нечего сказать... А о чемъ вы вообще разговариваете?

— Обо всемъ. Онъ все рѣшительно знаетъ. Съ нимъ ужасно интересно.

Передъ сномъ мать сѣла къ ней на кровать, положила ей на голову руку.

— Знаетъ онъ, Лизокъ, что за тобой нѣтъ ни копѣйки приданаго?

— Да, мамочка. Какъ-то онъ мимоходомъ сказалъ, что деньги онъ себѣ добудетъ самъ.

— Очень тебя любить?

— Кажется.

— Не говорилъ?

— Такъ прямо — не говорилъ. Я изъ его словъ понимаю.

— Какихъ словъ?

— Разъ шли мы, а онъ вдругъ остановился среди тротуара и говорить. «Позвольте мнѣ, Елизавета Платоновна, взять васъ подъ руку». Я спрашиваю: «Зачѣмъ это, Степанъ Терентьичъ?» А онъ отвѣчаетъ: «Мнѣ кажется, что вы гдѣ-то очень высоко и я не могу васъ достать. Это меня злитъ». Я не хотѣла, чтобъ онъ злился и позволила. А потомъ, прошли мы немножко, онъ и говорить: «А теперь мнѣ кажется, что вокругъ все цвѣты красивые. Даже какъ будто запахъ слышу! Какъ въ саду».

— Да, дочка, онъ хочетъ быть хозяиномъ сада, который не для него насаждался. Ему нужно и это, — ему вѣдь все нужно.

Хотѣла она еще прибавить, что ея дочь отъ него, дѣйствительно, очень высоко и далеко, но вслухъ сказала:

— Онъ очень умный, очень!

А, чтобы скрыть навернувшуюся слезу, наклонила голову и прошла къ своей кровати. Дочь приподнялась на локтѣ и горячо отвѣтила:

— Ахъ, мама, какой онъ умный! Такой умный... такой умный... Что онъ изъ мужиковъ, я совсѣмъ и не чувствую.

Когда улеглась мать, встала съ кровати она.

— Знаешь, что, мама? Какъ Богъ дастъ, такъ и будетъ...

Зинаида Викторовна ничего не отвѣтила. Лицо отвернула въ подушку, а одной рукой обняла дочь за шею.

М. Кисинь.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Около трехъ часовъ декабрьскаго ало-розоваго морознаго дня въ контору нотаріуса Квасова на Прирѣченской улицѣ, Грязная тожъ, вошелъ румяный бритый старикъ высокаго роста, въ расшитомъ романовскомъ полушубкѣ и теплой коричневой шляпѣ, какія носили румыны и болгары съ пригородныхъ плантацій.

— Часы вышли, должно быть. — пробурчалъ заспанный швейцаръ Прокофій, захлопывая за посѣтителемъ скрипучую намерзшую дверь, — а, впрочемъ, спросите вонъ чловѣка за столомъ направо!..

Чловѣкъ за столомъ направо уже сложилъ стопочкой дѣловыя бумаги и мечтательно поглядывалъ на бѣлое отъ морозныхъ папоротниковъ и пальмъ окно. Онъ думалъ, что далеко отъ Грязной, въ Семиносовомъ переулкѣ, въ занесенномъ снѣгами жаркомъ флигелѣ его хозяйственная Маланья Петровна теперь пустила уже по пустынному двору и всему Семиносову царству запахъ поджаривающейся завтрашней рождественской птицы. Онъ такъ ясно представилъ себѣ этотъ торжественный сладкій запахъ, что казалось — запахло имъ даже здѣсь, въ прокопченной всякими табаками зашарканной ослизлой комнатѣ. Когда румяный старикъ заявилъ голодному служащему о своемъ желаніи написать завѣщаніе, тотъ посмотрѣлъ прежде всего на стѣнные часы съ изображеніемъ вѣтряной розовой мельницы. И такъ какъ крылья мельницы показывали безъ 25 минутъ три, онъ тяжело вздохнулъ и спросилъ, что именно проситель хочетъ завѣщать...

— Землю, — отвѣтилъ старикъ. — И еще я хотѣлъ бы написать въ завѣщаніи привѣтъ...

— Землю можно, а привѣтъ нельзя, — не глядя на старика, равнодушно сказалъ служащій. И добавилъ, точь въ точь какъ заспанный швейцаръ Прокофій: — впрочемъ, справьтесь у нотаріуса!..

Нотаріусъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ за стеклянной дверью, въ синѣйшихъ табачныхъ туманахъ, какъ мифическое существо конторы. Онъ былъ не одинъ, его предъобѣ-

денный досугъ дѣлили три молодыхъ человѣка въ партикулярныхъ костюмахъ,—педагоги изъ городского училища.

— Какъ,—написать привѣтъ въ завѣщаніи?—изумился нотаріусъ, мохнатое краснолицее жизнерадостное существо на коротенькихъ нестибающихся ножкахъ, въ бархатномъ пестромъ сладострастно пышномъ халатѣ и огненно-красномъ галстухѣ, огненно-красномъ, какъ сухое морозное солнце за окномъ. — Землю вы можете завѣщать, а привѣтъ... Я даже сомнѣваюсь, насколько серьезны ваши слова. То есть, не шутите ли вы, милостивый государь?.. Кому вы думаете послать въ завѣщаніи привѣтъ?

— Римскому роду Кампанелла...

— Кому?

— Римскому роду Кампанелла...

— Извините меня,—вы иностранецъ?

— Я французскій подданный...

— Вотъ, вотъ, это сразу видно, что вы иностранецъ, — весело сказалъ нотаріусъ и бокомъ, скосивъ глаза, какъ глиняный калмыцкій божокъ, посмотрѣлъ на своихъ гостей. Тѣ кивкомъ головы согласились, что, совершенно вѣрно, сразу замѣтно, что румяный старикъ — иностранецъ.

— Вѣроятно, во Франци это принято, а у насъ, въ Россіи... — онъ сдѣлалъ ручкой жестъ, изображающій — извините, къ глубокому сожалѣнію, у насъ въ Россіи — нѣтъ!.. — И позвольте васъ спросить, — обратился онъ съ лукавымъ любопытствомъ къ посѣтителю, — какое значеніе имѣетъ въ завѣщаніи привѣтъ? Я понимаю привѣтъ въ письмѣ, на открыточкѣ, какой-нибудь молодой интересной особѣ...

Онъ опять скосилъ маленькіе глазки съ мохнатыми бровями и задорно подмигнулъ своимъ гостямъ.

— Извините меня, г. иностранецъ, но я такъ полагаю, какъ честный человѣкъ: этому римскому роду Кам... Кам...

— Кампанелла, — подсказалъ старикъ.

— Да, да, — Кампанелла... этому римскому роду Кампанелла будетъ пріятно получить и одну землю. Не такъ ли, господа педагоги?

Гости опять согласились съ хозяиномъ, что, совершенно вѣрно, очень пріятно будетъ получить и одну землю.

— Прошу васъ присѣсть, господинъ иностранецъ. Хотя сейчасъ будетъ бить три, но я хочу разъяснить вамъ, что по нашему русскому обыкновенію привѣтъ завѣщать нельзя... Почему нельзя? — глубокомысленно поднялъ онъ

бѣлый упитанный палецъ съ перстнемъ-печаткой. — Поэтому нельзя, что наследникъ можетъ принять это за насмѣшку!.. Не такъ ли, господа?

На этотъ разъ педагоги не закивали головами, точно камышины на озерѣ подь вѣтромъ, и нотариусъ понялъ это, какъ неодобреніе его толкованію русскаго обыкновенія предъ иностранцемъ.

«Экія двуличныя бестіи, — подумалъ онъ. — Хотятъ показать себя предъ иностранцемъ какъ бы иностранцами. Вотъ мы какіе, моль, — и привѣтъ одобряемъ! Можетъ, еслибъ онъ самъ не былъ нотариусомъ, и онъ бы одобрилъ!»

— Конечно, — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія, — я могу написать этотъ привѣтъ въ завѣщаніи, но мнѣ нагоритъ отъ старшаго предсѣдателя Палаты. Честное слово! Вы знаете, господа, — за то, что предсѣдатель не засталъ меня въ тотъ разъ, какъ мы ѣздили на охоту, объявленъ мнѣ официальный выговоръ!..

— А мнѣ нравится этотъ французскій обычай, — рѣшительно заявилъ учитель географіи. — Привѣтъ — это настоящее завѣщаніе, а земля... что есть земля, господа?

— Хотѣлъ бы я знать, Ваня, какъ бы ты запѣлъ, когда-бъ отъ своей бабушки, Василисы, получилъ завѣщаніе съ однимъ привѣтомъ, — нарочито кротко замѣтилъ нотариусъ. — Нѣтъ, нѣтъ, — воскликнулъ онъ, какъ чловѣкъ, окончательно утвердившійся въ своемъ мнѣніи, — земля — это завѣщаніе, а привѣтъ... Именно, господа, — что есть привѣтъ? Слово! Пустое слово, повѣрьте!.. Нѣтъ, если разрѣшите совѣтовать, г. иностранецъ, дѣлайте вы завѣщаніе съ землей и — только! Вѣрьте мнѣ: и только! Я даже, принимая во вниманіе, что вы сегодня потрудились зайти ко мнѣ въ контору, хотя три било уже, готовъ записать ваше завѣщаніе. Господа, я отпущу своихъ служащихъ и попрошу васъ быть свидѣтелями при составленіи завѣщанія. Все равно, къ Тужиловымъ на елку къ 6-ми, а сейчасъ половина 4-го.

— Мы съ удовольствіемъ, — басомъ сказалъ математикъ.

— Видите, они соглашаются, г. иностранецъ. Соглашайтесь и вы!.. Зачѣмъ нуженъ этому римскому роду Кам... Кампанелла привѣтъ послѣ смерти завѣщателя?

— Я — Падуа, — сказалъ румяный старикъ.

Нотариусъ посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ.

— Я — Падуа, — настойчиво повторилъ старикъ.

— Падуа — городъ въ Италіи, — сказалъ учитель географіи.

— Этотъ городъ основанъ моими предками, — призна- тельно повернулъ голову въ сторону педагога румяный ста- рикъ, — 2600 лѣтъ тому назадъ.

— Вотъ какъ! — удивился нотаріусъ. — Значить, вы представитель древнѣйшаго римскаго рода? Но какъ же вы попали въ наши палестины? Вотъ казусъ исторіи!

— Это случилось такъ, — сказалъ старикъ. — Въ сре- динѣ 17 столѣтія одинъ изъ представителей нашего рода, нѣкто Марій Пульхритудо, бѣжалъ отъ своего короля къ ва- шему государю Алексѣю Михайловичу...

— Такъ, такъ, — весело поддакнулъ нотаріусъ, доволь- ный, что предокъ такого древняго рода бѣжалъ къ отече- ственному Тишайшему Алексѣю Михайловичу...

— Отъ пра-правнука этого Пульхритудо, дѣйствитель- наго статскаго совѣтника Пульхритудова, осталось наслѣд- ство—400 тысячъ десятинъ земли въ К. губернии. Вѣтъв Марія Пульхритудо въ это время уже вымерла, и мы, Падуа, оказались единственными наслѣдниками. И я поѣхалъ изъ Франціи въ Россію, чтобы получить наслѣдство. Но оказа- лось, что для получения наслѣдства нужно было предвари- тельно отказаться отъ потомственного званія римскаго гражданина, чего я сдѣлать, естественно, не могъ. И я не принялъ наслѣдства...

— Такъ, такъ, — пролепеталъ нотаріусъ, не то въ восторгѣ, не то въ ужасѣ.

— Но земля россійская,—невозмутимо продолжалъ ру- мяный старикъ, — мнѣ понравилась, и около здѣшняго го- рода я приобрѣлъ полдесятины подъ огородъ. Ибо, какъ римскій гражданинъ, званіе потомственного крестьянина считаю превыше всего!..

— Но позвольте, многоуважаемый господинъ Падуа,— взволнованно прервалъ его нотаріусъ, — неужели эти двѣ тысячи шестьсотъ лѣтъ (онъ даже сдѣлалъ видъ, что напи- салъ пальцемъ на зеленомъ сукнѣ стола прописью эти важныя цифры)... неужели эти двѣ тысячи шестьсотъ лѣтъ вы можете прослѣдить по лѣтописямъ досконально?

— Могу, — спокойно сказалъ старикъ. — И кромѣ того, вѣдь у насъ порода. Изъ Овидія вы знаете, вѣроятно, что два патриціанскихъ рода имѣли особья природныя отмѣты: въ родѣ Сципіона Африканскаго мужчины рожда- лись шестипалые на лѣвой рукѣ, въ нашемъ же Падуа, ло- бастопалые, вотъ какъ у меня этотъ палець...

Наступила торжественная длительная тишина.

— Извольте, — сказалъ нотаріусъ, подымаясь въ

креслѣ и запахивая широкій халатъ, — извольте, я запишу ваше завѣщаніе, господинъ патриціи!

Какъ того требовала форма, онъ написалъ въ книгѣ заголовокъ: «191... года, декабря, 24 дня. Ко мнѣ, нотаріусу, Константину Николаевичу Квасову, на Прирѣченской улицѣ, Грязная тожъ, явился римскій патриціи Юній Падуа и въ присутствіи лично мнѣ извѣстныхъ свидѣтелей... объявилъ, что онъ, Падуа, желаетъ совершить нотаріальное духовное завѣщаніе слѣдующаго содержания».

— Привѣтъ, — сказала старикъ. — Привѣтъ благородному роду Кампанелла отъ Юнія, изъ рода Падуа, древняго, родительскаго, послѣдняго...

— Есть,—сказалъ нотаріусъ.

— И оставляю благородному роду огородъ въ Россійской землѣ, около города В., на рѣчкѣ Буеракъ-Ольховая, съ дикими русскими травами. Но если заниматься агрикультурой, могутъ произрастать на немъ нѣжнѣйшія восточныя дыни — золотисто-розовыя, какъ... запишите, запишите, г. нотаріусъ!.. какъ божественная щека Сабины, невѣсты Клавдія Падуа, въ сохранившемся жизнеописаніи ея въ нашихъ родовыхъ анналахъ... бархатистые румяные персики, опьяняющіи виноградъ, римскія розы, какія я видѣлъ на Форумѣ, у стараго жертвенника Ютурны... Земля ново-рожденная, но богатая. Я, патриціи, благодарю эту молодую страну за гостепримство!..

.....
Подъ завѣщаніемъ были выведены слѣдующія подписи:
Юній Падуа, патриціи.

Надворный совѣтникъ Иванъ Булыженсковъ.

Надворный совѣтникъ Гаврила Гавриловичъ Гавриловъ.

Неимѣющій чина, учитель чистописанія, Трофимъ Богоявленскій.

Романъ Кумовъ.

*Перепечатка воспрещается. Право
на переводъ принадлежитъ автору.*

АВТОБЮГРАФІЯ.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ МОЕЙ ЖИЗНИ.

I.

Я помню себя пяти лѣтъ.

Темнымъ вечеромъ осени я сижу на полатяхъ у мельника Тихона Карповича, въ деревнѣ Ометевой около Казани, за Суконной слободой. Жена мельника, Кирилловна, моя мать и двѣ-три сосѣдки прядутъ пряжу въ полутемной комнатѣ, освѣщенной неровнымъ, неяркимъ свѣтомъ лучины. Лучина воткнута въ желѣзное держальце — свѣтець; отгорающіе угли падаютъ въ ушатъ съ водою, и шипятъ, и вздыхаютъ, а по стѣнамъ ползаютъ тѣни, точно кто-то невидимый развѣшиваетъ черную кисею. Дождь шумитъ за окнами; въ трубѣ вздыхаетъ вѣтеръ.

Прядутъ женщины, тихонько рассказывая другъ другу страшныя исторіи о томъ, какъ по ночамъ прилетаютъ къ молодымъ вдовамъ покойники, ихъ мужья. Прилетитъ умершій мужъ огненнымъ змѣемъ, рассыплется надъ трубою избы снопомъ искръ и вдругъ явится въ печуркѣ воробушкомъ, а потомъ превратится въ любимаго, по комъ тоскуетъ женщина. Цѣлуетъ она его, милуетъ, но когда хочетъ обнять, — онъ проситъ не трогать его спину.

— Это потому, милыя мои, — объясняла Кирилловна, — что спины у него нѣту, а на мѣстѣ ея зеленый огонь, да такой, что коли тронуть его, такъ онъ сожгетъ челоуѣка съ душою вмѣстѣ...

Къ одной вдовѣ изъ сосѣдней деревни долго леталъ огненный змѣй, такъ что начала вдова сохнуть и задумываться. Замѣтили это сосѣди; узнали, въ чемъ дѣло, и велѣли ей наломать лутошекъ въ лѣсу да перекрестить ими всѣ двери и окна въ избѣ и всякую щель, гдѣ какая есть. Такъ она и сдѣлала, послушавъ добрыхъ людей. Вотъ прилетѣлъ змѣй, а въ избу-то попасть и не можетъ! Обратился,

со зла, огненнымъ конемъ, да такъ лягнулъ ворота, что цѣ-
лое полотнище свалилъ.

.....

Всѣ эти рассказы очень волновали меня; и страшно, и
приятно было слушать ихъ. Думалось: какія удивительныя
исторіи есть на свѣтѣ.

Вслѣдъ за рассказами женщины, подъ жужжанье вере-
тень, начинали пѣть заунывныя пѣсни о бѣлыхъ пушистыхъ
снѣгахъ, о дѣвичьей тоскѣ и о лучинушкѣ, жалуясь, что она
неясно горитъ. А она, и въ самомъ дѣлѣ, неясно го-
рѣла. Подъ грустныя слова пѣсни душа моя тихонько гре-
зила о чемъ-то, я леталъ надъ землею на огненномъ конѣ,
мчался по полямъ среди пушистыхъ снѣговъ, воображалъ
Бога, какъ онъ рано утромъ выпускаетъ изъ золотой клѣтки
на просторъ синяго неба солнце — огненную птицу.

— Поздно, пора бы ужъ Ивану-то придти! — слышалъ
я сквозь дрему голосъ матери.

Иванъ, — это мой отецъ. Онъ приходилъ домой около
полуночи, утромъ въ семь пилъ чай и отправлялся въ «При-
сутствіе». Слово «Присутствіе» пугало меня, напоминая судъ,

«удей, а о судѣ я наслушался не мало страшнаго. Послѣ я узналъ, что «Присутствіе» — Уѣздная Земская Управа, гдѣ отецъ служилъ писцомъ.

До управы отъ нашей деревни было верстъ шесть. Отецъ уходилъ на службу къ девяти часамъ утра, въ четыре являлся домой обѣдать, а въ семь, отдохнувъ и напившись чаю, снова исчезалъ на службу до двѣнадцати часовъ ночи.

Однажды, я замѣтилъ, что прошло уже двое сутокъ, а отецъ не приходилъ домой, и мать — въ тревогѣ. На третьи сутки онъ явился пьяный, и мать встрѣтила его слезами и упреками.

— Какъ теперь быть, чѣмъ станемъ кормиться? — спрашивала она со страхомъ и тоскою.

Жутко и обидно было слышать, какъ отецъ, ругая мать зазорными словами улицы, кричалъ:

— Отстань, убирайся къ чорту, дай мнѣ жить! Надоѣли вы мнѣ, я только и знаю, что работаю. Надо же и мнѣ когда-нибудь погулять!

Тутъ я понялъ, что отецъ ходитъ въ «Присутствіе» работать и что онъ пропилъ мѣсячное жалованіе, какъ дѣлали это многіе изъ служащихъ людей. Я уразумѣлъ также, что на заработкѣ отца построена вся наша жизнь. Это на его деньги мать покупаетъ огурцы, картофель, дѣлаетъ изъ ржаныхъ толченыхъ сухарей или крошеного черстваго хлѣба вкусную «муру», — холодную похлебку на квасу, съ лукомъ, солеными огурцами и конопляннымъ масломъ. И это на деньги отца мать торжественно дѣлаетъ разъ въ мѣсяцъ пельмени, — кушанье, которое я жадно люблю и котораго всегда нетерпѣливо ожидаю, хотя мнѣ извѣстно, что его можно ѣсть только однажды въ мѣсяцъ «послѣ 20-го».

Съ этой поры я сталъ относиться къ отцу внимательнѣе, потому ли, что почувствовалъ свою зависимость отъ него, или потому, что былъ обиженъ и напуганъ его словами. А онъ началъ выпивать все чаще и, наконецъ, — каждое двадцатое число.

Сначала это число проходило безъ ссоръ, только мать тихонько плакала гдѣ-нибудь въ углу, а потомъ отецъ сталъ обращаться съ нею все грубѣй, и, наконецъ, я увидалъ, что онъ бьетъ ее. Я завизжалъ, закричалъ, бросился на помощь ей, но, разумѣется, это ей не помогло; только мнѣ больно попало по головѣ и по шеѣ. Я отскакивалъ отъ ударовъ отца, кувыркомъ катаясь по полу, — мнѣ ничего не оставалось,

кромѣ криковъ и слезъ. Случилось, что онъ забилъ мать до безчувственного состоянія, и я былъ увѣренъ, что она померла: она лежала на сундукѣ въ изодранномъ платьѣ, безъ движенія, не дыша, съ закрытыми глазами. Я отчаянно заревѣлъ, а она, очнувшись, оглянулась дико и потомъ приласкала меня, спокойно говоря:

— Ну, не плачь, ничего!

И, какъ всегда, наклонивъ мою голову на колѣни себѣ, стала избивать паразитовъ въ волосахъ у меня, грустно утѣшая:

— Мало ли чего съ пьяными дураками бываетъ, ты, мальчишка, не гляди на это, не гляди, родной!

Послѣ дракъ начиналась обычная жизнь: отецъ снова аккуратно ходилъ въ «Присутствіе», мать — пряла пряжу, шила, чинила и стирала бѣлье. За работой она всегда пѣла пѣсни, пѣла какъ-то особенно грустно, задумчиво и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣловито.

Въ молодости она, очевидно, была здоровеннѣйшей женщиной, потому что теперь иногда жаловалась:

— Никогда я не думала, что у меня можетъ спина болѣть, что мнѣ трудно будетъ полы мыть или бѣлье стирать! Бывало, — всякую работу безъ насады одолѣешь, а теперь — меня работа одолѣваетъ!

Отцомъ она бывала бита много и жестоко; когда мнѣ минуло девять лѣтъ, отецъ пилъ уже не только по двадцатое, а по «вся дни»; въ это время онъ особенно часто билъ ее, а она какъ разъ была беременна братомъ моимъ Василиемъ.

Жалѣлъ я ее. Это былъ для меня единственный человѣкъ, которому я во всемъ вѣрилъ и могъ рассказывать все, чѣмъ въ ту пору жила душа моя.

Уговаривая меня слушаться отца и ее, она внушала мнѣ, что жизнь трудна, что нужно работать, не покладая рукъ, что бѣдному — нѣтъ дороги! Совѣты и приказанія отца надобно исполнять строго, онъ — умный: для нея онъ былъ неоспоримымъ законодателемъ. Дома у насъ, благодаря трудамъ матери, всегда было чисто убрано, передъ образомъ горѣла неугасимая лампада, и часто я видѣлъ, какъ жалобно, покорно смотрятъ, сѣрые глаза матери на икону, едва освѣщенную умирающимъ огонькомъ.

А виѣшне мать была женщиной, какихъ тысячи у насъ на Руси: небольшого роста, съ мягкимъ лицомъ, сѣроглазая,

съ русыми волосами, всегда гладко причесанными, — и такая скромная, мало замѣтная.

* * *

Отецъ мой былъ странный человѣкъ. Высокаго роста, со впалой грудью и подстриженной бородой, онъ непохожъ на крестьянина. Волосы у него были мягкіе и всегда хорошо причесаны, — такой красивой прически я ни у кого больше не видѣлъ. Приятно мнѣ было гладить его волосы въ минуты нашихъ ласковыхъ отношеній. Носилъ онъ рубашку, сшитую матерью, мягкую, съ отложнымъ воротникомъ и съ ленточкой вмѣсто галстука, а послѣ, когда явились рубашки «фантазія», — ленточку замѣнилъ шнурокъ. Поверхъ рубашки — «пинжакъ», на ногахъ — смазные сапоги, а вмѣсто носковъ — портянки.

Трезвый, онъ былъ молчаливъ, говорилъ только самое необходимое и всегда очень тихо, почти шопотомъ. Со мною онъ былъ ласковъ, но иногда, въ минуты раздраженія почему-то называлъ меня:

— Скважина.

Я не помню, чтобы онъ въ трезвомъ состояніи сказалъ грубое слово или сдѣлалъ грубый поступокъ. Если его что-либо раздражало, онъ скрежеталъ зубами и уходилъ, но всѣ свои раздраженія онъ скрывалъ лишь до поры, пока не напивался пьянъ, а для этого ему стоило выпить только двѣ-три рюмки. И тогда я видѣлъ передъ собою другого человѣка, — отецъ становился ѣдкимъ, онъ придирался ко всякому пустяку, и смотрѣть на него было непріятно.

Мнѣ вообще пьяные были глубоко противны, а тѣмъ болѣе — отецъ. Было очень стыдно за него предъ товарищами, уличными мальчиками, хотя у большинства изъ нихъ отцы были тоже горчайшими пьяницами. Я думалъ, — въ чемъ тутъ дѣло? Однажды я попробовалъ водку, — горькая, вонючая жидкость. Я понималъ удовольствіе пить квасъ, кисляца щи, но зачѣмъ пьютъ эту отраву? И я рѣшилъ, что большіе пьютъ для храбрости, для того, чтобы скандалить. А что пьяный человѣкъ долженъ скандалить, это мнѣ казалось вполне законнымъ, неизбежнымъ. Всѣ пьяные скандалили.

Пьяный, отецъ приставалъ положительно ко всякому встрѣчному, который почему-нибудь возбуждалъ у него антипатію. Сначала онъ вѣжливо здоровался съ незнакомымъ

человѣкомъ и говорилъ съ нимъ, какъ будто, доброжелательно. Бывало, какой-нибудь прилично одѣтый господинъ, предупредительно наклонивъ голову, слушаетъ слова отца съ любезной улыбкой, со вниманіемъ спрашиваетъ:

— Что вамъ угодно?

А отецъ вдругъ говоритъ ему:

— Желая знать, отчего у васъ такіе свинячьи глаза?

Или:

— Развѣ вамъ не стыдно носить съ собой такую, вовсе неприятную морду?

Прохожіи начиналъ ругаться, кричалъ отцу, что онъ сумасшедшій и что у него тоже нечеловѣчья морда.

Обыкновенно это случалось послѣ «двадцатаго числа», ненавистнѣйшаго мнѣ. Двадцатаго этого числа среда, въ которой я жилъ, поголовно отравлялась водкой и дико дебоширила. Это были дни сплошного кошмара; люди, теряя образъ человѣчій, бессмысленно орали, дрались, плакали, валялись въ грязи, — жизнь становилась отвратительной, страшной.

Потомъ отецъ цѣлыя сутки лежалъ въ постели и пилъ квасъ со льдомъ.

— Квасу!

Иныхъ словъ онъ не говорилъ въ эти сутки. Лицо его было измучено, глаза безумны. Я удивлялся, какъ много онъ пьетъ и хвастливо говорилъ товарищамъ, что мой отецъ можетъ пить квасъ, какъ лошадь воду — ведро, два! Они — не удивлялись и, кажется, вѣрили мнѣ.

Трезвый, отецъ билъ меня не часто, но все-таки и трезвый билъ, — ни за что, ни про что, какъ мнѣ казалось. Помню, я пускалъ бумажнаго змѣя, отлично сдѣланнаго мною съ трещетками и погремушками. Змѣй застрялъ на вершинѣ высокой березы, мнѣ жалко было потерять его. Я влѣзъ на березу, досталъ змѣя и началъ спускаться, но подо мною подломился сукъ, я кувыркомъ полетѣлъ внизъ, ударился о крышу, о заборъ и, наконецъ, хлопнулся на землю спиной, такъ что внутри у меня даже крякнуло. Прележалъ я на землѣ съ изорваннымъ змѣемъ въ рукахъ довольно долго. Отдохнувъ, пожалѣлъ о змѣѣ, нашель другія удовольствія и все было забыто.

На другой день къ вечеру отецъ командуетъ:

— Скважина, собирайся въ баню!

Я и теперь обожаю ходить въ баню, но баня въ провин-

щи — это вещь удивительная! Особенно осенью, когда воздух прозраченъ, свѣжъ, немножко пахнетъ вкуснымъ грибнымъ сырьемъ и тѣми самыми вѣниками, которыми бережливые люди парились, а теперь несутъ подъ мышками домой. Въ темные осенние вечера, скудно освѣщенные керосиновыми фонарями, приятно видѣть, какъ идутъ по улицѣ чисто вымытые люди и отъ нихъ вздымается парокъ, приятно знать, что дома они будутъ пить чай съ вареньемъ. Я тѣмъ болѣе любилъ ходить въ баню, что послѣ нея у насъ обязательно пили чай съ вареньемъ.

Въ то время отецъ съ матерью уже переѣхали жить въ городъ, въ Суконную слободу.

Такъ вотъ — пришелъ я съ отцомъ въ баню. Отецъ былъ превосходно настроенъ. Раздѣлись. Онъ ткнулъ мнѣ пальцемъ въ бокъ и зловѣще спросилъ:

— Это что такое?

Я увидалъ, что тѣло мое расписано сине-желтыми пятнами, точно шкура зебры.

— Это я упалъ, ушибся немножко.

— Немножко? Отчего же ты весь полосатый? Откуда ты упалъ?

Я рассказалъ по совѣсти. Тогда онъ выдернулъ изъ вѣника нѣсколько толстыхъ прутьевъ и началъ меня сѣчь, приговаривая:

— Не лазай на березу, не лазай!

Не столько было больно, сколько совѣстно предъ людьми въ предбанникѣ, совѣстно и обидно: люди страшно обрадовались неожиданной забавѣ; хотя и беззлобно они гикали и хохстали, поощряя отца:

— Наддай ему, наддай! Такъ его, — лупи! Не жалѣй кожи, поживетъ гоже! Сади ему въ самое, въ это!

Вообще я не особенно обижался, когда меня били, я находилъ это въ порядкѣ жизни. Я зналъ, что въ Суконной слободѣ всѣхъ бьютъ, и большихъ, и маленькихъ; всегда бьютъ и утромъ, и вечеромъ. Побой — нѣчто узаконенное, неизбежное. Но публичная казнь въ предбанникѣ, на виду голыхъ людей и на забаву имъ, это очень обидѣло меня.

Позднѣе, когда мнѣ минуло лѣтъ двѣнадцать, я началъ протестовать противъ дебошей пьянаго отца. Помню, — однажды мой протестъ привелъ его въ такое негодование, что онъ схватилъ здоровенную палку и бросился на меня. Боясь, что онъ убьетъ, я, въ чемъ былъ, босикомъ, въ тико-

выхъ подштаникахъ и рубашонкѣ, выскочилъ на улицу, пробѣжалъ, несмотря на морозъ градусовъ въ пятнадцать, два квартала и скрылся у товарища, а на другой день — все такъ же босикомъ, — прискакалъ домой. Отца не было дома, а мать, хотя и одобрила меня за то, что я убѣжалъ отъ побоевъ, но все-таки ругнула, — зачѣмъ бѣгаю босикомъ по снѣгу! Какъ я ни доказывалъ ей, что некогда было мнѣ надѣть сапоги, она едва не отколотила меня.

Иногда отецъ, выпивши, задумчиво пѣлъ высокимъ почти женскимъ голосомъ, какъ будто чужимъ и странно не сливавшимся ни съ фигурой, ни съ характеромъ его, — пѣлъ пѣсню, составленную изъ словъ, удивительно нелѣпыхъ:

— Сиксаникма,
Четвертакма,
Тазанитма,
Сулейматма,
Уссумъ та,
Биштиникма!
Дыгинъ, дыгинъ,
Дыгинъ, дыгинъ!

Я никогда не рѣшался спросить его, — что значать эти исковерканныя полутатарскія слова? И никогда не могъ понять смысла поговорки, часто произносимой имъ:

— Богъ Елимахъ, возьметъ на промахъ!

Но вообще о Богѣ онъ никогда и ничего не говорилъ мнѣ. Въ церковь онъ ходилъ рѣдко, но молился тамъ очень благолѣпно. Сосредоточенно глядя предъ собою, онъ крестился и кланялся рѣдко, но чувствовалось, что онъ твердитъ про себя всѣ молитвы, какія знаетъ. Едва ли онъ много знаетъ ихъ, — я никогда не слышалъ, чтобы онъ произносилъ ихъ дома, молясь «на сонъ грядущій» или утромъ.

И въ церкви онъ тоже ничего не говорилъ мнѣ, а развѣ что давалъ подзатыльники, когда я, стоя рядомъ съ нимъ, начиналъ забавляться, разглядывая, у кого какая борода, носъ, глаза.

— Стой смирно, Скважина! — говорилъ онъ тихимъ шопоткомъ, стукнувъ меня по черепу, и я тотчасъ же становился смиреннымъ предъ Господомъ, дѣлалъ унылое лицо вѣрующаго.

Позже, когда я служилъ съ отцомъ въ Управѣ, я замѣ-

тилъ, что у него на папкѣ всегда была изображена могила; нарисованъ холмикъ, крестъ надъ нимъ, а внизу — подпись: «Здѣсь нѣтъ ни страданіи, ни печали, ни воздыханія, но жизнь безконечная».

* * *

Несмотря на постоянныя ссоры между отцомъ и матерью, мнѣ все-таки хорошо жилось. Въ деревнѣ у меня было много товарищей, все — славные ребята. Мы ловко ходили колесомъ, лазали по крышамъ и деревьямъ, дѣлали самострѣлы, пускали «ладейки» — воздушныхъ змѣй. Мы ходили по огородамъ, высыпая сѣмена зрѣлаго мака, ѣли ихъ, воровали рѣпу, огурцы; шлялись по гумнамъ, по оврагамъ, — вездѣ было интересно, всюду жизнь открывала мнѣ свои маленькія тайны, поучая меня любить и понимать живое.

Я сдѣлалъ себѣ за огородомъ нору, залѣзалъ въ нее и воображалъ, что это мой домъ, что я живу на свѣтѣ одинъ, свободный, безъ отца и матери. Мечталъ, что хорошо бы мнѣ завести своихъ коровъ, лошадей и вообще мечталъ о чѣмъ-то дѣтски-неясномъ, о жизни, похожей на сказку. Особенной радостью насыщали меня хороводы, которые устраивались дважды въ годъ: на Семикъ и на Спаса. Приходили дѣвушки въ алыхъ лентахъ, въ яркихъ сарафанахъ, нарумяненные и набѣленные. Парни тоже приодѣвались какъ-то особенно; всѣ становились въ кругъ и, ведя хороводъ, пѣли чудесныя пѣсни. Поступь, наряды, праздничныя лица людей — все рисовало какую-то иную жизнь, красивую и важную, безъ дракъ, ссоръ, пьянства.

Случилось, что отецъ пошелъ со мною въ городъ въ баню. Стояла глубокая осень, была гололедица. Отецъ поскользнулся, упалъ и вывихнулъ ногу себѣ. Кое-какъ добрались до дома, — мать пришла въ отчаяніе:

— Что съ нами будетъ, что будетъ? — твердила она убито.

Утромъ отецъ послалъ ее въ Управу, чтобы она рассказала секретарю, почему отецъ не можетъ явиться на службу.

— Пускай пришлетъ кого-нибудь увѣриться, что я вправду боленъ! Прогоняютъ, дьяволы, пожалуй..

Я уже понималъ, что, если отца прогонятъ со службы — положеніе наше будетъ ужасно, хоть по міру иди! И такъ ужъ мы ютились въ деревенской избушкѣ, за полтора

рубля въ мѣсяцъ. Очень памятенъ мнѣ страхъ, съ которымъ отецъ и мать произносили слово:

— Прогонять со службы!

Мать пригласила знахарей, людей важныхъ и жуткихъ, они мяли ногу отцу, натирали ее какими-то убійственно пахучими снадобьями, даже, помнится, прижигали огнемъ, но все-таки отецъ очень долго не могъ встать съ постели. Этотъ случай заставилъ родителей покинуть деревню и, чтобы приблизиться къ мѣсту службы отца, мы переѣхали въ городъ на Рыбнорядскую улицу, въ домъ Лисицына, въ которомъ отецъ и мать жили раньше и гдѣ я родился, въ 1873 г.

Мнѣ не понравилась шумная, грязноватая жизнь города. Мы помѣщались всѣ въ одной комнатѣ, — мать, отецъ, я и маленькіе братъ съ сестрой. Мнѣ было тогда лѣтъ шесть-семь.

Мать уходила на поденщину, — мыть полы, стирать бѣлье, а меня съ маленькими запирали въ комнатѣ, на цѣлый день съ утра до вечера. Жили мы въ деревянной хибаркѣ и — случись пожаръ — запертые, мы сгорѣли бы. Но все-таки я ухитрился выставлять часть рамы въ окнѣ, мы всѣ трое вылѣзали изъ комнаты и бѣгали по улицѣ, не забывая вернуться домой къ извѣстному часу. Раму я снова аккуратно задѣлывалъ, и все оставалось шито-крыто.

Вечеромъ, безъ огня, въ запертой комнатѣ было страшно; особенно плохо я чувствовалъ себя, вспоминая жуткія сказки и мрачныя истории Кирилловны, все казалось, что вотъ явится баба-яга или кикимора. Несмотря на жару, мы всѣ забивались подъ одеяло и лежали молча, боясь высунуть головы, задыхаясь. И когда кто-нибудь изъ троихъ кашлялъ или вздыхалъ, мы говорили другъ другу:

— Не дыши, тише!

• На дворѣ — глухой шумъ, за дверью — осторожные шорохи... Я ужасно радовался, когда слышалъ, какъ руки матери увѣренно и спокойно отпираютъ замокъ двери.

Эта дверь выходила въ полутемный коридоръ, который былъ «чернымъ ходомъ» въ квартиру какой-то генеральши. Однажды, встрѣтивъ меня въ коридорѣ, генеральша ласково заговорила со мною о чемъ-то и потомъ освѣдомилась, грамотный ли я.

— Нѣтъ.

— Вотъ, заходи ко мнѣ, сынъ мой будетъ учить тебя грамотѣ!

Я пришелъ къ ней, и ея сынъ, гимназистъ лѣтъ шестнадцати, сразу же, — какъ будто онъ давно ждалъ этого, — началъ учить меня чтенію. Читать я выучился довольно быстро, къ удовольствію генеральши, и она стала заставлятъ меня читать ей вслухъ по вечерамъ. Но тутъ началось что-то необъяснимое: прочитавъ страницу, я никакъ не могъ сообразить, — куда перевернуть ее? Перекладывалъ ее туда, сюда и снова начиналъ читать только что прочитанное. Генеральша очень убѣдительно объясняла, какъ слѣдуетъ перевертывать страницы книгъ, мнѣ казалось, что я усвоилъ эту мудрость, но, дойдя до послѣдней строки, снова почему-тѣ перевертывалъ лѣвую страницу назадъ, а правую — дважды, такъ что она ложилась предъ моими глазами прочитанной стороною. Однажды генеральшу разсердила эта странность и, въ сердцахъ, дама обругала меня болваномъ. Но и это не помогло ей: дочитавъ страницу до конца, я все-таки не зналъ, куда ее повернуть, и горько разрыдался. Мнѣ кажется, что ни раньше, ни послѣ я не плакалъ такъ горестно. Эти слезы, видимо, тронули генеральшу, и она сказала мнѣ:

— Довольно читать!

Съ той поры я пересталъ ходить къ ней.

Вскорѣ мнѣ попала въ руки сказка о Бовѣ Королевичѣ, — меня очень поразило, что Бова могъ просто метлой перебить и разогнать стотысячное войско.

«Хорошъ парень! — думалъ я. — Вотъ бы мнѣ такъ-то!»

Возбужденный желаніемъ подвига, я выходилъ на дворъ, бралъ метлу и яростно гонялъ куръ, за что куровладѣльцы нещадно били меня.

Читать нравилось мнѣ, и я прочитывалъ всякую печатную бумагу, какая попадалась на глаза мои. Однажды, взявъ поминанье, я прочиталъ въ немъ:

«О здравіи: Иераксы, Ивана, Евдокіи, Федора, Николая, Евдокіи»...

Иванъ и Евдокія — отецъ, мать; Феодоръ — это я. Николай и Евдокія — братъ и сестра. Но что такое — Иераксы?

Неслыханное имя казалось мнѣ страшнымъ, носителя его я представлялъ себѣ существомъ необыкновеннымъ, — навѣрное, это разбойникъ или колдунъ, а можетъ быть, и еще хуже...

Набравшись храбрости, я спросилъ отца:

— Папа, это кто — Іеракса?

Отецъ разсказалъ мнѣ кратко и памятно:

— До 18 лѣтъ я работалъ въ деревнѣ, пахалъ землю, а потомъ ушелъ въ городъ. Въ городѣ я работалъ все, что могъ: былъ водовозомъ, дворникомъ, пачкался на свѣчномъ заводѣ, наконецъ, попалъ въ работники къ становому приставу Чирикову, въ Ключищахъ, а въ томъ селѣ при церкви былъ пономарь Іеракса, такъ вотъ онъ и выучилъ меня грамотѣ. Никогда я не забуду добро, которое онъ этимъ сдѣлалъ мнѣ! Не забывай и ты людей, которые сдѣлаютъ добро тебѣ, — не много будетъ ихъ, легко удержать въ памяти!

Вскорѣ послѣ этого пономарь Іеракса былъ переписанъ отцомъ со страницы «О здравьи» на страницу «О упокоеніи рабовъ Божіихъ».

— Вотъ, — сказалъ отецъ, — я и тутъ въ первую голову поставлю его!

Иногда зимою къ намъ приходили бородатые люди въ лаптяхъ и зипунахъ; отъ нихъ крѣпко пахло ржанымъ хлѣбомъ и еще чѣмъ-то особеннымъ, какимъ-то вятскимъ запахомъ; его можно объяснить тѣмъ, что вятичи много ѣдятъ толокна. Это были родные отца, — братъ его Доримедонтъ съ сынсвьями. Меня посылали за водкой, долго пили чай, разговаривая объ урожаяхъ, податяхъ, о томъ, какъ трудно жить въ деревнѣ; у кого-то за неплатежъ податей угнали скотъ, отобрали самоваръ.

— Трудно!

Это слово повторялось такъ часто, звучало такъ разнообразно. Я думалъ:

«Хорошо, что отецъ жветъ въ городѣ и нѣтъ у насъ ни коровъ, ни лошадей и никто не можетъ отнять самоваръ!»

Однажды я замѣтилъ, что отецъ и мать страшно обезпокоены и все шепчутся, часто упоминая слово «прокуроръ», слово, показавшееся мнѣ такимъ же страшнымъ, какъ Іеракса.

— Это что — прокуроръ? — спросилъ я мать; она объяснила:

— Прокуроръ больше чѣмъ губернаторъ!

А о губернаторѣ я уже зналъ кое-что: при мнѣ отецъ разсказывалъ сосѣдямъ у воротъ:

— Губернаторъ былъ Скарятинъ. Вотъ пріѣхалъ онъ,

разложилъ всю деревню на улицѣ, да какъ началъ самъ стегать всѣхъ нагайкой!

Теперь услыхавъ, что прокуроръ еще больше губернатора, я, вполнѣ естественно, сталъ думать и ждать, что прокуроръ разложитъ по улицамъ весь городъ и собственно-ручно выпоретъ его. Тутъ и мнѣ достанется въ числѣ прочихъ.

Но оказалось, что дѣло проще: младшая сестра моей матери была кѣмъ-то украдена и продана въ публичный домъ. а отецъ, узнавъ это, хлопоталъ у прокурора объ ея освобожденіи изъ плѣна. Черезъ нѣкоторое время въ комнатѣ у насъ явилась тетка Анна, очень красивая, веселая хохотушка, неумолчно распѣвавшая пѣсни. Я началъ понимать, что не все въ жизни такъ страшно, какимъ кажется сначала, пока не знаешь.

На дворѣ у насъ работали каменщики и плотники; я таскалъ имъ писчую бумагу на курево, а они, свертывая собачью ножку, предлагали мнѣ:

— Курни, это очищаетъ грудь!

Бѣдкій, зеленоватый дымъ махорки не нравился мнѣ, но — все надо знать! — я взялъ собачью ножку и курнулъ!

Меня стошнило; испытывая отчаянные приступы рвоты, я философски думалъ:

«Вотъ оно, — какъ прочищаютъ грудь!»

По праздникамъ каменщики и плотники напивались до безумія, устраивали драки; отецъ тоже пировалъ и скандалилъ съ ними. Это неприятно удивляло меня: отецъ — не чета имъ; онъ одѣтъ благородно, у него галстухъ крученой веревочкой, а тѣ — совсѣмъ простые. Не подобало бы ему пьянствовать съ ними...

У домохозяина, купца Лисицина, одна изъ дочерей играла на фортепяно, — эта музыка казалась мнѣ небесной. Сначала я думалъ, что дѣвица играетъ на обыкновенной шарманкѣ, то есть — просто вертитъ ручку, а музыка дѣлается сама собою внутри ящика; но вскорѣ я узналъ, что хозяйская дочь выколачиваетъ музыку пальцами.

«Это ловко! — думалъ я. — Вотъ бы этакъ-то научиться!» ●

И вдругъ, — какъ по щучьему велѣнью! — случилось, что кто-то на нашемъ дворѣ разыгрывалъ въ лотерею старинный клавиесинъ; отецъ съ матерью взяли для меня

билетъ въ 25 копѣекъ и—я выигралъ клавессинъ! Я безумно обрадовался, увѣренный, что теперь научусь играть, но каково же было мое огорченіе, когда клавессинъ заперли на ключъ и, несмотря на мои униженные просьбы, не позволяли мнѣ даже дотронуться до него.

Даже когда я подходилъ къ инструменту, взрослые строго кричали:

— Смотри, — ломаешь!

Зато, когда я захворалъ, такъ спать уже не на полу, а на клавессинѣ. Иногда мнѣ казалось: что если открыть крышку, да попробовать, — можетъ быть, я уже умѣю играть?

Я долго возлежалъ на клавессинѣ и странно было мнѣ: спать на немъ можно, а играть нельзя! Вскорѣ громоздкій инструментъ продали за 25 или 30 рублей.

Мнѣ было лѣтъ 8, когда на Святкахъ или на Пасхѣ, я впервые увидалъ въ балаганѣ паяца Яшку.

Яковъ Мамоновъ былъ въ то время знаменитъ по всей Волгѣ, какъ «паяцъ» и «масляничный дѣдъ». Плотный, пожилой человѣкъ съ насмѣшливо сердитыми глазами на грубомъ лицѣ, съ черными усами, густыми, точно они отлиты изъ чугуна, — «Яшка» въ совершенствѣ обладалъ тѣмъ тяжелымъ, топорнымъ остроуміемъ, которое и по сей день питаетъ улицу и площадь. Его крѣпкія шутки, смѣлыя насмѣшки надъ публикой, его промовой, сорванный и хриплый голосъ, — весь онъ вызывалъ у меня впечатлѣніе обаятельное и подавляющее. Этотъ человѣкъ являлся въ моихъ глазахъ безстрашнымъ владыкой и укротителемъ людей, — я былъ увѣренъ, что всѣ люди и даже сама полиція и даже прокуроръ боятся его.

Я смотрѣлъ на него, разиня ротъ, съ восхищеніемъ за номиная его прибаутки:

— Эй, золовушка, пустая головушка, иди къ намъ, гостинца дамъ! — кричалъ онъ въ толпу, стоящую передъ балаганомъ.

Расталкивая артистовъ на террасѣ балагана и держа въ рукахъ какую-то истрепанную куклу, онъ оралъ:

— Прочь, наземъ, губернатора веземъ!

Очарованный артистомъ улицы, я стоялъ передъ балаганомъ до той поры, что у меня коченѣли ноги и рябило въ глазахъ отъ нестроты одеждъ балаганщиковъ.

— Вотъ это — счастье, быть такимъ человѣкомъ, какъ Яшка! — мечталъ я.

Всѣ его артисты казались мнѣ людьми, полными неистощимой радости; людьми, которымъ пріятно паясничать, шутить и хохотать. Не разъ я видѣлъ, что, когда они вылѣзаютъ на террасу балагана, — отъ нихъ вздымается паръ, какъ отъ самоваровъ и, конечно, мнѣ въ голову не приходило, что это испаряется потъ, вызванный дьявольскимъ трудомъ, мучительнымъ напряженіемъ мускуловъ.

Не рѣшусь сказать вполнѣ увѣренно, что именно Яковъ Мамоновъ далъ первый толчокъ, незамѣтно для меня пробудившій въ душѣ моей тяготѣніе къ жизни артиста, но, можетъ быть, именно этому человѣку, отдавшему себя на забаву толпы, я обязанъ рано проснувшимся во мнѣ интересомъ къ театру, къ «представленію», такъ не похожему на дѣйствительность. Скоро я узналъ, что Мамоновъ — сапожникъ, и что впервые онъ началъ «представлять» съ женою, сыномъ и учениками своей мастерской, изъ нихъ онъ составилъ свою первую труппу. Это еще болѣе подкупило меня въ его пользу, — не всякій можетъ вылѣзть изъ подвала и подняться до балагана! Цѣлыми днями я проводилъ около балагана и страшно жалѣлъ, когда наступалъ Великій постъ, проходила Пасха и Фомина недѣля, — тогда площадь сиротѣла и парусину съ балагановъ снимали; обнажались тонкія деревянныя ребра, и нѣтъ людей на утоптанномъ снѣгу, покрытомъ шелухою подсолнуховъ, скорлупой орѣховъ, бумажками отъ дешевыхъ конфетъ. Праздникъ исчезъ, какъ сонъ. Еще недавно все здѣсь жило шумно и весело, а теперь площадь — точно кладбище безъ могилъ и крестовъ.

Долго потомъ мнѣ снились необычные сны: какіе-то длинныя коридоры съ круглыми окнами, изъ которыхъ я видѣлъ сказочно-красивые города, горы, удивительные храмы, какихъ нѣтъ въ Казани, и множество прекраснаго, что можно видѣть только во снѣ и въ панорамахъ.

* * *

Мы переѣхали въ Татарскую Слободу, въ маленькую комнатку надъ кузницей, — сквозь полъ было слышно, какъ весело и ритмично цокаютъ молотки по желѣзу и по наковальнѣ. На дворѣ жили колесники, каретники и дорогой мѣстному сердцу скорнякъ. Лѣтомъ я спалъ въ экипажахъ, которые

привозили чинить, или въ новой только что сдѣланной каретѣ, отъ которой вкусно пахло сафьяномъ, лакомъ и скипидаромъ.

Скорнякъ былъ черноволосый и черноглазый человекъ съ восточнымъ лицомъ, — онъ давалъ мнѣ работу: раскладывать по крышѣ для просушки разные мѣха и потомъ выколачивать ихъ тонкими, гибкими палочками, за что онъ платилъ мнѣ пятакъ. Это было большое богатство и счастье для меня. За двѣ копейки я могъ идти въ купальню на озеро Кабанъ, гдѣ въ «дворянскомъ» отдѣленіи я плавалъ до того, что отъ холода становился синимъ, точно плотва. Брата и сестру мнѣ нельзя было брать съ собой на озеро, они еще маленькіе; братъ — живой мальчуганъ, веселый и способный, а сестренка — тихая, задумчивая, я звалъ ее «нюня». На заработанныя мною деньги я покупалъ имъ халву, и мы лакомились, вонзая молодые зубы въ бѣлую массу каменной твердости. Было забавно, когда эта странная штука крѣпко сцѣпится челюсти, а потомъ становится вязкой, какъ сапожный варъ, и таетъ, наполняя ротъ молочной сладостью и мѣломъ.

Помню веселаго кузнеца, молодого парня; онъ заставлялъ меня раздувать мѣха, а за это выковывалъ мнѣ желѣзные плитки для игры въ бабки. Кузнецъ не пилъ водки и очень хорошо пѣлъ пѣсни; забыть я имя его, а онъ очень любилъ меня и я его тоже.

Когда кузнецъ запѣвалъ пѣсню, мать моя, сидя съ работой у окна, подтягивала ему, и мнѣ страшно нравилось, что два голоса поютъ такъ складно. Я старался примкнуть къ нимъ и тоже осторожно подпѣвалъ, боясь спутать пѣсню, но кузнецъ поощрялъ меня:

— Валяй, Федя, валяй! Пой, — на душѣ веселѣй будетъ. Пѣсня, какъ птица, — выпусти ее, она и летитъ!

Хотя на душѣ у меня и безъ пѣсни было весело, но — дѣйствительно — бывая на рыбной ловлѣ или лежа на травѣ въ полѣ, я пѣлъ, и мнѣ казалось, что когда я замолчу, — пѣсня еще живетъ, летитъ.

Однажды я, рѣдко ходившій въ церковь, играя вечеромъ въ субботу неподалеку отъ церкви св. Варлаамія, зашелъ въ нее. Была всеобщая. Съ порога я услышалъ стройное пѣніе. Протискался ближе къ поющимъ, — на клиросѣ пѣли мужчины и мальчики. Я замѣтилъ, что мальчики держатъ въ ру-

кахъ разграфленные листы бумаги; я уже слышалъ, что для пѣнія существуютъ ноты, и даже гдѣ-то видѣлъ эту линованную бумагу съ черными закорючками, понять которыя на мой взглядъ было невозможно. Но здѣсь я замѣтилъ нѣчто уже совершенно недоступное разуму: мальчишки держали въ рукахъ хотя и графленую, но совершенно чистую бумагу, безъ черныхъ закорючекъ. Я долженъ былъ много подумать, прежде чѣмъ догадался, что нотные знаки помѣщены на той сторонѣ бумаги, которая обращена къ поющимъ. Хоровое пѣніе я услышалъ впервые и оно мнѣ очень понравилось.

Вскорѣ послѣ этого мы снова переѣхали въ Суконную слободу, въ двѣ маленькія комнатки подвального этажа. Кажется, въ тотъ же день я услышалъ надъ головою у себя церковное пѣніе и тотчасъ же узналъ, что надъ нами живетъ регентъ и сейчасъ у него — спѣвка. Когда пѣніе прекратилось и пѣвчіе разошлись, я храбро отправился наверхъ и тамъ спросилъ человѣка, котораго даже плохо видѣлъ отъ смущенія, — не возьметъ ли онъ и меня въ пѣвчіе? Человѣкъ молча снялъ со стѣны скрипку и сказалъ мнѣ:

— Тяни за смычкомъ!

Я старательно «вытянулъ» за скрипкой нѣсколько нотъ. тогда регентъ сказалъ:

— Голосъ есть, слухъ есть. Я тебѣ напишу ноты, — выучи!

Онъ написалъ на линейкахъ бумаги гамму, объяснилъ мнѣ, что такое дѣзъ, бемоль и ключи. Все это сразу заинтересовало меня. Я быстро постигъ премудрость и черезъ двѣ всеобщія уже раздавалъ пѣвчимъ ноты по ключамъ. Мать страшно радовалась моему успѣху, отецъ—остался равнодушенъ, но все-таки выразилъ надежду, что если я буду хорошо пѣть, то, можетъ быть, приработаю хоть рублевку въ мѣсяцъ, къ его скудному заработку. Такъ и вышло: мѣсяца три я пѣлъ бесплатно, а потомъ регентъ положилъ мнѣ жалованье — полтора рубля въ мѣсяцъ.

Регента звали — Щербининъ, и это былъ человѣкъ особенный: онъ носилъ длинныя, зачесанныя назадъ волосы и синіе очки, что придавало ему видъ очень строгій и благородный, хотя лицо его было уродливо изрыто оспой. Одѣвался онъ въ какой-то широкій черный халатъ безъ рукавовъ, крылатку, на головѣ носилъ разбойничью шляпу и былъ немногорѣчивъ. Но, несмотря на все свое благородство, нилъ

онъ такъ же отчаянно, какъ и всѣ жители Суконной слободы. и, такъ какъ онъ служилъ писцомъ въ Окружномъ Судѣ, то и для него 20-е число было роковымъ. Въ Суконной, больше чѣмъ въ другихъ частяхъ города, послѣ 20-го люди становились жалки, несчастны и безумны, производя отчаянный кавардакъ съ участіемъ всѣхъ стихій и всего запаса матерщины. Жалко мнѣ было регента, и когда я видѣлъ его дико пьянымъ — душа моя болѣла за него.

Однажды приказчики купца Черноярова, устраивая по какому-то случаю вечеръ въ домѣ своего хозяина, предложили Щербинину дать имъ мальчиковъ-пѣвцовъ; регентъ выбралъ меня и еще двоихъ. Втроемъ мы стали ходить къ приказчикамъ на спѣвки; тамъ насъ угощали печеньемъ и чаемъ, въ который можно было класть сахара сколько душа желала. Это было замѣчательно, потому что дома и даже въ трактирѣ, куда мы, мальчики, заходили между ранней и поздней обѣдами, чай пить можно было только «въ прикуску», а не «въ накладку». А у приказчиковъ клади сахара въ стаканъ хоть по пяти кусковъ! И сами они были ребята славные, говорили съ нами ласково, угощали радушно. На вечеръ къ нимъ явились какія-то важныя барыни, купцы, господа. Было свѣтло, радостно и вообще незнакомо мнѣ, хорошо. Мы спѣли тріо, которое начиналось словами:

— Мрачны ночи,
Смертныхъ очи...

Помнится, это называлось «Гимнъ Рождеству». Вслѣдствіе какихъ-то непонятныхъ причинъ хоръ Щербинина распался, и регентъ принужденъ былъ прекратить свою дѣятельность. Это, видимо, угнетало его, онъ запилъ еще жесточе. Пьяный, звалъ меня къ себѣ, бралъ скрипку, и втроемъ: онъ, скрипка и я,—мы пѣли, иногда—такъ хорошо, что даже плакать хотѣлось отъ какой-то радости. Послѣ этого онъ уходилъ въ кабакъ, а, возвращаясь, снова звалъ меня пѣть. Не помню, чтобы онъ говорилъ мнѣ что-либо значительное или училъ меня, но, видимо, я ему нравился, такъ же, какъ и онъ мнѣ. Это былъ человѣкъ одинокій, угрюмый, должно быть, одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ русскихъ людей, которые страдаютъ молча и слишкомъ горды для того, чтобы жаловаться на судьбу. Однажды подъ вечеръ онъ позвалъ меня и сказалъ:

- Пойдемъ!
- Куда?
- Всенощную пѣть.
- Гдѣ? Съ кѣмъ?
- Вдвоемъ.

И мы пошли по буеракамъ, мимо кирпичныхъ сараевъ, на Арское поле, въ церковь Варвары Великомученицы, гдѣ и опѣли всю всенощную въ два голоса, дискантомъ и басомъ, а на утро въ той же церкви пѣли обѣдно. Такъ, вдвоемъ, мы ходили пѣть по разнымъ церквямъ долго, до поры, пока Щербининъ не поступилъ въ Спасскій монастырь регентомъ архіерейскаго хора. Здѣсь я сталъ исполнителемъ, получая уже не полтора, а шесть рублей въ мѣсяцъ. Это былъ большой заработокъ, а кромѣ того я зарабатывалъ на свадьбахъ, похоронахъ и молебнахъ. Деньги я долженъ былъ отдавать родителямъ, но, разумѣется, часть ихъ утаивалъ. Получивъ за похороны 1 р 20 к., половину оставлялъ себѣ «на Яшку», на сласти. Я наслаждался: какое великолѣпное дѣло пѣніе! И для себя огромное удовольствіе, да и деньги еще платять, — можешь ходить въ балаганъ, любоваться талантомъ Якова Ивановича Мамонова.

На Рождество я, какъ всѣ пѣвчіе, ходилъ «славить Христа», хоромъ мы пѣли «Слава въ вышнихъ Богу», концертъ Бортнянскаго и тріо «Мрачны ночи». Это понравилось хозяевамъ, — намъ дали полтинникъ; опѣли въ другомъ мѣстѣ — получили шесть гривенъ и, такимъ образомъ, мы набрали за день рублей шесть. На Святки — хватить погулять.

Когда подходила Пасха, я рѣшилъ самъ написать тріо, взялъ скрипку, нотную бумагу и сталъ сочинять тріо на слова «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ». Какимъ образомъ я научился играть на скрипкѣ, — объ этомъ расскажу потомъ. Мелодію придумалъ довольно быстро; не особенно затрудняясь, приписалъ и второй голосъ, потому что въ моемъ представленіи онъ долженъ былъ идти обязательно въ терцію первому, но когда сталъ писать третій голосъ, образующій гармонию, то съ великимъ огорченіемъ услышалъ, что все у меня невѣрно, фальшиво. Я, конечно, не зналъ, что существуетъ квинтовый кругъ, не зналъ тональностей и поэтому выставялъ всѣ случайные знаки, діезы и бемоли передъ каждой нотой. Однако, наладивъ кое-какъ второй голосъ, сталъ писать третій. Провѣряю, — съ первымъ голо-

сомъ басъ у меня сливается, а со вторымъ — не выходитъ рѣшительно ничего. Бился, бился и, наконецъ, одолѣлъ таки всю премудрость, — написалъ тріо; оно звучало довольно вѣрно, нравилось слушателямъ, и мы трое хорошо заработали «на Яшку».

Тріо было написано лиловыми чернилами, что напоминаетъ мнѣ чью-то шутку:

— Живя настроеніями новыми,
Исполненный новыми силами,
Сіе знаменую — лиловыми
Отнынѣ пишу я чернилами...
Мечты оказались вздорными,
А силы мои — очень хилыми
И снова, поэтому, черными,
Какъ раньше, пишу я чернилами.

Мой композиторскій опытъ я долго хранилъ, но все таки онъ пропалъ, вмѣстѣ съ письмами отца и любимой моей книгой стиховъ Беранже въ переводѣ Курочкина. Это была очень рваная книжка, безъ начала. Я нашелъ ее — странно сказать! — въ клозетѣ и всюду возилъ съ собою долгіе годы. Особенно нравилось мнѣ стихотвореніе:

— Какъ яблочко румянъ,
Одѣтъ весьма безпечно;
Не то, чтобъ очень пьянъ,
Но весель безконечно!

Героя этой безшабашной веселой поэмы я долго считалъ идеальнѣйшимъ человѣкомъ — онъ такъ выгодно былъ непохожъ на людей, среди которыхъ я жилъ...

Полиція грозитъ, —
Въ тюрьму упрятать хочетъ,
А онъ, чудакъ, хохочетъ.
Да ну ихъ! — говоритъ, —
Вотъ, говоритъ, потѣха!

Въ Суковной слободѣ къ полиціи не умѣли относиться юмористически.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Ф. Шаляпинъ.

З И М А.

Буйный посвистъ вьюги,
Гольхъ прутьевъ шорохъ,
Занесло лачуги
Въ вѣтряныхъ просторахъ.
Все оцѣпенѣло,
Измѣнило видъ.
Бездыханно бѣло,
Поле крѣпко спитъ.

Въ инеѣ мохнатомъ
Призраки-березы.
Тихо по раскатамъ
Тянутся обозы.
Холодно на волгъ,
Отъ дыханья—паръ.
Выложено поле
Пухомъ птицы Жаръ.

Рано солнце кроетъ
Маковицы елокъ.
Вотъ снѣга покоитъ
Сумеречный пологъ.
Ночью, просыпаясь,
Слышу слабый звонъ.
Гулко разсыпаясь
Въ чащу глохнетъ онъ.

Гляну я спросонокъ:
За окномъ—морозно,
Сонъ раздоли тонокъ,
Лѣсъ чернѣетъ грозно.
И горитъ несмятый
Пышный снѣжный платъ,
Какъ съ иконы снятый
Кованый окладъ.

Дм. Семеновскій.

ПО ТУ СТОРОНУ „ЩЕЛИ“.

Разсказъ Джека Лондона.

Старый, прежній Санъ-Франциско, — Санъ-Франциско до «землетрясенія», — дѣлился пополамъ «Щелью». «Щель» — это желѣзная колея, или вѣрнѣе желобъ, углубленный въ мостовую Рыночной улицы. Изъ этого желоба непрерывно лилось жужжаніе электрическаго кабеля, вырвался гуль, визгъ и грохотъ вагоновъ трамвая, они катились цѣлый день по крутой, восходящей на гору улицѣ. Собственно, желобовъ для кабеля было два, но торопливая грамматика Западной Америки, стремясь на всемъ съэкономить время, называла желоба просто «щелями». Къ сѣверу отъ «Щели», которая прорѣзала Рыночную улицу, находились театры, отели, шикарныя магазины, банки и солидныя торговые дома. Къ югу отъ нея — фабрики, рабочіе кварталы, — обиталища нищеты и городскихъ подонковъ, китайскія прачешни, разные мастерскія и заводы.

«Щель» была метафорой, опредѣлявшей классовое расчлененіе санъ-францискаго общества, и ни одинъ человѣкъ не пересѣкалъ этой метафоры слѣва направо, взадъ и впередъ, болѣе удачно, чѣмъ Фредди Друммондъ.

Онъ рѣшилъ жить въ обоихъ этихъ мірахъ. И тутъ, и тамъ онъ проживалъ необычайно хорошо и благополучно. Фредди Друммондъ былъ профессоромъ социологіи калифорнійскаго университета. Въ качествѣ такового, онъ, впервые переступивъ «Щель», прожилъ полгода въ огромномъ рабочемъ гетто и тамъ написалъ свой «Неквалифицированный Трудъ» — книгу, которую всѣ и всюду привѣтствовали, какъ цѣнный вкладъ въ литературу о «мирномъ прогрессѣ», и которая давала прекрасный отвѣтъ всей литературѣ бурнаго недовольства жизнью и всякимъ броженіямъ въ рабочихъ кругахъ. Политически и экономически это была книга въ высшей степени лойяльная; это ея качество было немедленно замѣчено предсѣдателями правленій желѣзнодорожныхъ трестовъ — тресты скупали цѣлыя изданія книги, раздавая ее своимъ служащимъ бесплатно.

Только одинъ «Союзъ фабрикантовъ» роздалъ свыше 50.000 экземпляровъ цѣннаго сочиненія. Въ извѣстномъ смыслѣ книга Друммонда была такъ же безнравственна, какъ всѣ подобныя ей прославленные и рекламированные «ученыя труды», и не уступала своей проповѣдью умеренности, погони за сбереженіями и покорнаго самодовольства ни одному изъ сочиненій, набитыхъ фарисейской моралью.

Вначалѣ Фредди Друммонду было необычайно трудно жить среди рабочихъ, — они относились къ нему подозрительно. Въ ихъ мірѣ у него не было предшественниковъ, и онъ не могъ толкомъ объяснить рабочимъ, откуда и зачѣмъ онъ пришелъ къ нимъ. Не могъ сказать, гдѣ онъ раньше служилъ, на какой работѣ. Руки у него были бѣлыя и нѣжныя. Его изысканная вѣжливость общала мало хорошаго.

Вначалѣ Друммондъ очень наивно представлялъ себѣ роль, которую ему придется сыграть среди рабочихъ: онъ просто независимый американскій гражданинъ, рѣшившій зарабатывать себѣ хлѣбъ собственными руками; вотъ и все, и больше никакихъ объясненій! Но скоро онъ убѣдился, что это не годится. Новые товарищи приняли его въ свою среду весьма условно, какъ чудака. Немного позже, когда Друммондъ началъ разбираться въ окружающемъ, онъ незамѣтно перешелъ на другую роль, которая оказалась правдоподобнѣе и потому — удачнѣе: онъ прикинулся человекомъ, который зналъ лучшіе дни, но потерпѣлъ въ жизни неудачу.

Онъ многому научился за это время, но обобщалъ факты совершенно неправильно, какъ это можно видѣть на страницахъ его «Неквалифицированнаго Труда». Однако, слѣдуя консервативнымъ и здоровымъ привычкамъ круга людей, къ которому онъ принадлежалъ, Друммондъ все же оставилъ себѣ лазейку, прибавивъ къ своимъ обобщеніямъ слово «попытки». Свое знакомство съ условіями труда онъ началъ на огромной фабрикѣ консервовъ, гдѣ ему дали сдѣльную работу по изготовленію упаковочныхъ ящиковъ. Специальная столярная фабрика доставляла уже распиленные и обстроганные доски, и работа Фредди Друммонда сводилась къ тому, чтобы, съ помощью молотка и проволоочныхъ гвоздей, сколачивать изъ готовыхъ досокъ ящики.

Это не было «квалифицированнымъ трудомъ», но въ то же время это была работа сдѣльная. Средніе рабочіе на консервной фабрикѣ зарабатывали около полутора долларовъ въ день. На третій день послѣ своего поступленія Друммондъ зарабатывалъ столько же. Но онъ былъ често-

любивъ. Ему не хотѣлось работать такъ лѣниво и «спустя рукава», какъ его товарищи, и, будучи необычайно крѣпокъ и выносливъ, на четвертый день онъ заработалъ уже два доллара, а на пятый — напругши до крайности всѣ свои силы, ему удалось наколотить два съ половиной. Онъ очень удивился, замѣтивъ, что слѣдствіемъ этого напряженія явились злобные и злобшіе взгляды товарищей по работѣ, разныя замѣчанія и жаргонно-остроумныя словечки по его адресу. Точный смыслъ насмѣшекъ онъ не всегда понимаетъ, но, однако, догадывался, что рабочіе довольно единодушно подозрѣваютъ его въ желаніи выслужиться передъ дирекціей. Онъ возмутился сознательной медлительностью, которую они проявляли при поштучной работѣ, сдѣлавъ общи выводъ о врожденной лѣности неквалифицированнаго работника, и на слѣдующій день «сколотилъ ящичковъ на три доллара.

Но въ тотъ же вечеръ, при выходѣ съ фабрики, его окружила кучка рабочихъ, — очень разозленныхъ; они говорили на непонятномъ жаргонѣ. Однако, онъ не понималъ мотивовъ, руководившихъ ихъ дѣйствіями, хотя дѣйствія сами по себѣ были довольно убѣдительны. Когда онъ отказался ослабить свой «ходъ» и началъ бормотать что-то о свободѣ контракта, объ американской независимости и о достоинствѣ труда, они приступили къ «ослабленію» его работоспособности и «темпа». Это было жестокое побоище. Друммондъ — малый здоровый и крѣпкій и къ тому же недурной спортсменъ. Но подъ конецъ толпѣ удалось свалить его, помять ему ребра, потоптать физиономію ему ногами и каблуками, и только, пролежавъ дней семь въ постели, онъ могъ встать и отправиться на поиски новаго заработка. Все это подробно описано Друммондомъ въ выше-названной книгѣ его, въ главѣ: «Тиранство труда».

Нѣкоторое время спустя, получивъ опять мѣсто на той же консервной фабрикѣ, но работая уже вмѣстѣ съ женщинами въ качествѣ «распредѣлителя» плодовъ и ягодъ, которые шли на приготовленіе консервовъ, онъ попытался было нести по два ящика фруктовъ заразъ, тогда какъ другіе носили по одному, и тотчасъ же получилъ выговоръ отъ товарищей. Это было ужъ сознательно-недобросовѣстное отношеніе къ дѣлу, — два ящика нести было не трудно; но все-таки онъ рѣшилъ, что поступилъ на фабрику не для измѣненія условій работы, а лишь для наблюденій за нею, для изученія. Съ этого дня онъ таскалъ уже по одному ящику за разъ, и такъ хорошо изучилъ «искусство увилить

отъ работы», что посвятилъ ему цѣлую главу своей книги, отдавъ только послѣдніе абзацы «попыткамъ обобщенія».

Въ теченіе шести мѣсяцевъ онъ перепробовалъ разныя формы труда и развился въ очень недурную имитацию настоящаго рабочаго. По природѣ обладая даромъ легкаго изученія языковъ, тщательно записывая все непонятное, онъ сталъ упрямо изучать рабочій жаргонъ, пока, наконецъ, не выучился ему въ совершенствѣ. Знакомство съ этимъ языкомъ или нарѣчіемъ дало ему возможность болѣе интимно слѣдить за мыслительнымъ процессомъ рабочихъ и, такимъ образомъ, собрать массу данныхъ для намѣчавшейся главы въ будущей книгѣ, которую онъ собирался назвать «Синтезомъ психологіи рабочаго класса».

Прежде чѣмъ вынырнуть на поверхность послѣ этого перваго спуска на дно жизни, Друммондъ убѣдился, что онъ въ общемъ, очень недурной актеръ и прекрасно проявилъ пластичность и приспособляемость своей натуры. Онъ самъ былъ удивленъ собственной гибкостью. Овладевъ языкомъ, побѣдивъ цѣлый рядъ предразсудковъ—онъ убѣдился, что легко можетъ незамѣтно забраться въ любой уголокъ жизни рабочаго класса и устроиться въ немъ настолько прочно и основательно, чтобы чувствовать себя тамъ какъ дома. И, какъ онъ это высказалъ въ предисловіи къ своей второй книгѣ «Трудящійся», онъ искренно и дѣйствительно пытался узнать, изучить рабочій людъ, а для того было только одно средство: работать рядомъ съ ними, спать на ихъ койкахъ, ѣсть ихъ хлѣбъ, развлекаться ихъ развлечениями, мыслить ихъ мыслями и чувствовать ихъ чувствами.

Мыслитель онъ былъ неглубокій, даже весьма поверхностный. Онъ не имѣлъ вѣры въ новыя теории. Всѣ его нормы и критеріи были банальны и условны. Его докторское сочиненіе, на тему французской революціи, было отмѣчено въ анналахъ его университета не столько благодаря тщательности, кропотливости и необычайной своей точности, сколько потому, что это было самое сухое, мертвое, формальное и ортодоксальное сочиненіе, изъ всѣхъ когда-либо написанныхъ на эту тему. Человѣкъ онъ былъ очень сдержанный, и его кодексъ запрещеннаго въ жизни былъ длиненъ количественно и крѣпокъ, какъ сталь, качественно. У него было мало друзей. Для этого онъ былъ слишкомъ холоденъ и сдержанъ. Онъ не имѣлъ никакихъ пороковъ, и никому не удалось открыть, существовали ли для него какіе-нибудь соблазны. Табакъ онъ ненавидѣлъ, къ пиву чувствовалъ отвращеніе, и никогда въ жизни не пилъ ничего болѣе крѣп-

каго, чѣмъ стаканчикъ другой легонькаго вина за обѣдомъ.

Когда онъ былъ еще студентомъ, его болѣе теплокровные товарищи прозвали его «комнатнымъ ледникомъ». Въ званіи члена факультета его именовали «Холодильникомъ». У него было одно горе въ жизни и это было—«Фредди». Онъ заслужилъ себѣ эту кличку, когда игралъ фульбека въ университетской футбольной командѣ, и съ тѣхъ поръ его формальная душа никогда не могла примириться съ такимъ непочтительнымъ уменьшеніемъ его имени. «Фредди» онъ долженъ былъ остаться на всю жизнь, за исключеніемъ, конечно, официальныхъ бумагъ и случаевъ; и въ кошмарныхъ видѣніяхъ рисовалъ онъ себѣ будущее, въ которомъ кругъ его пріятелей и знакомыхъ будетъ говорить о немъ, какъ о «старомъ Фредди».

Для профессора социологіи онъ очень молодъ — ему было всего двадцать семь лѣтъ, а выглядѣлъ онъ еще моложе. По виду и общему настроенію это большой, крѣпкаго сложенія студентъ, съ гладко выбритымъ лицомъ и непринужденными, свободными манерами, чистый, простой, здоровый, съ упрочившейся репутаціей атлета и съ явнымъ отпечаткомъ обладанія большого запаса формальныхъ знаній. Въ лекцій и факультетскихъ засѣданій онъ никогда не говорилъ о своей социологіи; развѣ вотъ только попозже, когда его книги обратили на него вниманіе публики—что ему впрочемъ, не доставляло большого удовольствія—и онъ немного «сдалъ», соглашаясь изрѣдка читать доклады на засѣданіяхъ различныхъ экономическихъ и литературныхъ обществъ.

Все онъ дѣлалъ такъ, какъ надо, и пожалуй, даже слишкомъ «какъ надо»; въ одеждѣ и въ манерѣ держаться онъ былъ неизбѣжно корректенъ. Не то, что онъ былъ франтомъ или дэнди. Наоборотъ, онъ былъ типичнымъ «университетскимъ» человѣкомъ, и въ одеждѣ и въ манерахъ похожъ какъ двѣ капли воды на тотъ типъ нашихъ «универсантовъ», которыхъ въ послѣдніе годы такъ щедро выпускаютъ высшія учебныя заведенія штатовъ. Когда онъ здоровался, пожатіе его руки было удовлетворительно крѣпкимъ и жесткимъ. Его голубые глаза были холодно-голубыми и убѣдительно искренними. Его голосъ, крѣпкій, мужественный, чистый, съ ясной дикціей, былъ пріятенъ для слуха. Единственнымъ недостаткомъ Фредди Друммонда была вотъ эта его внутренняя скованность, положительность, выдержанность. Онъ никогда, какъ говорится, не егябался. Въ дни увлеченія футболомъ, чѣмъ напряженнѣе становилась игра, тѣмъ хладнокровнѣе и спокойнѣе стано-

вился Фредди. Онъ пользовался извѣстностью, какъ боксеръ, но его считали автоматомъ, умѣющимъ съ нечеловѣческой точностью и аккуратностью машины вычислять разстоянія, высчитывать удобные моменты для удара. Рѣдко кто-нибудь побивалъ его на боксерскомъ матчѣ, но и онъ рѣдко побивалъ до конца противника. Онъ былъ слишкомъ уменъ и слишкомъ сдержанъ, чтобы позволить себѣ вложить на фунтъ больше чѣмъ «полагается» тяжести въ свой ударъ. Для него боксъ былъ просто «моціономъ», помогаль ему закалять себя, вотъ и все.

По мѣрѣ того, какъ шло время, Фредди Друммондъ сталъ все чаще и чаще переступать «Щель» и погружаться въ ту южную сторону Рышка. Тамъ онъ неизмѣнно проводилъ свои лѣтнія и зимнія каникулы, и будь это недѣля или только «вэк-эндъ» — т. е. «конецъ недѣли» съ субботы до понедѣльника, — онъ всегда находилъ, что время, проведенное тамъ, было и цѣннымъ и приятнымъ. Кромѣ того, онъ такимъ образомъ собиралъ массу матеріала. Его третья книга: «Масса и Хозяинъ» сдѣлалась классическимъ руководствомъ по рабочему вопросу въ американскихъ университетахъ. И прежде, чѣмъ онъ, собственно, успѣлъ опомниться, онъ уже работалъ надъ четвертой: «Заблужденія Неприспособленныхъ».

Гдѣ-то въ его сущности, въ его «нутрѣ» былъ нѣкій странный вывертъ или раздвоенность. Можетъ быть, это было просто слѣдствіемъ естественной, врожденной «отдачи» или «отскока» отъ условій его воспитанія; а можетъ быть, въ немъ бунтовала кровь противъ врожденнаго атавизма—предки его, поколѣніе за поколѣніемъ всѣ были книжниками, людьми кабинетовъ и письменнаго стола;—но какъ бы то ни было, онъ испытывалъ истинное наслажденіе, опускаясь въ нѣдра рабочаго класса. Въ своемъ собственномъ мірѣ онъ былъ «Холодильникомъ», но тамъ внизу онъ былъ «Большой Тотсъ», умѣвшій и выпить, и покурить, и говорить на рабочемъ жаргонѣ, ругаться и драться, и тамъ онъ былъ всеобщимъ любимцемъ. Всѣ любили «Большого Тотса», и не одна молодая работница добивалась его взаимности. Въ началѣ онъ просто былъ хорошимъ актеромъ, но по мѣрѣ того, какъ шло время, симуляція сдѣлалась второй его натурой. Онъ уже не игралъ роль, но искренно любилъ сосиски и свиную грудинку; въ своей естественной обстановкѣ, онъ считалъ эти кушанья самымъ мерзкимъ и отвратительнымъ, что можно себѣ представить.

Отъ этихъ внезапныхъ «превращеній» ради дѣла, онъ жаль «превращаться» ради самихъ «превращеній». Онъ

сталъ ловить себя на томъ, какъ по мѣрѣ приближенія времени для его возвращенія въ лекціонный залъ и ко всѣмъ своимъ «не должно»—ему страшно не хотѣлось идти назадъ, наверхъ, на сѣверъ отъ «Щели». И будучи уже тамъ, онъ такъ же часто ловилъ себя на ожиданіи и предвосхищеніи того славнаго времени, когда онъ снова переступитъ «Щель», сброситъ съ себя всѣ оковы условностей и будетъ дѣлать все, что ему хочется. Онъ не былъ развратенъ, ни вообще пороченъ, но въ качествѣ «Большого Тотса» онъ дѣлалъ мириады вещей, которыхъ никогда не позволилъ бы сдѣлать Фредди Друммонду. Кромѣ того, Фредди Друммондъ и не захотѣлъ бы ихъ дѣлать. И это было самое поразительное, что онъ открылъ въ себѣ.

Фредди Друммондъ и Билль Тотсъ стали двумя совершенно различными существами. Желанія, вкусы и импульсы одного шли совершенно вразрѣзъ съ желаніями, вкусами и импульсами другого. Билль Тотсъ со спокойной совѣстью могъ уклоняться отъ заданной работы, въ то же время, какъ Фредди Друммондъ яростно осуждалъ такое уклоненіе, какъ преступный порокъ, недостойный честнаго американца, и посвящалъ цѣлыя главы осужденію этого порока. Фредди Друммондъ не любилъ танцевать, но Билль Тотсъ не пропускалъ ни одного танцевальнаго вечера въ ночныхъ рабочихъ клубахъ, какъ «Магнолія», «Западная Звѣзда», «Элитъ»; онъ даже получилъ призъ — массивный серебряный кубокъ, вышиной въ тридцать дюймовъ—за лучшіи костюмъ на ежегодномъ большомъ маскарадѣ «Союза Мясниковъ и Рабочихъ Мяснаго Промысла». Билль Тотсъ любилъ общество молодыхъ дѣвушекъ, и молодыя дѣвушки любили его. въ то время, какъ Фредди Друммондъ любилъ играть роль аскета, открыто возставалъ противъ дарованія права голоса женщинамъ и высказывался очень ядовито, осуждая совмѣстное воспитаніе обоихъ половъ.

Вмѣстѣ съ костюмомъ Фредди Друммондъ, безъ всякаго усилія, мѣнялъ свои манеры и весь свой обликъ. Когда онъ входилъ въ маленькую, тайно снятую комнату, которой онъ пользовался для своихъ «превращеній», онъ держался всегда немного черезчуръ натянутымъ. Онъ былъ какъ-то слишкомъ прямъ и строенъ, его плечи откинута на лишній дюймъ назадъ, и его лицо серьезно, даже какъ будто немного жестоко и почти лишено всякой выразительности. Но когда онъ одѣвалъ платье Большаго Билла Тотса, онъ становился совсѣмъ другимъ существомъ. Билль Тотсъ не былъ тѣмъ, что называется «мѣшкомъ костей, облитыхъ садомъ», но все его тѣло было гораздо мягче, свободнѣе и

въ общемъ пріятнѣе на глазъ. Даже его голосъ звучалъ иначе, смѣхъ громче и веселѣе, а неправильные обороты рѣчи и періодическое ругательство—стали привычными для его усть. Кромѣ того, Билль Тотсъ проявлялъ замѣтную склонность засиживаться до полуночи въ пиеныхъ и «барахъ», и приобрѣлъ добродушно воинственную привычку къ дракамъ съ товарищами-рабочими. Во время воскресныхъ пикниковъ и по дорогѣ домой изъ театра или мюзикъ-холла, его руки уже опытно фамиллярничали, обнимая станъ случайной подруги, и онъ проявлялъ весьма недюжинное и даже пріятное остроуміе въ легкомысленной болтовнѣ, которой полагалось сопровождать такіе флирты.

Въ концѣ концовъ, Большой Тотсъ сталъ до такой степени «самимъ собою» и «насквозь» рабочимъ, подлиннымъ сыномъ міра «южнѣ Щели», что онъ долженъ былъ пропитаться классовымъ сознаниемъ своихъ товарищей. Его ненависть къ «штрейкбрехеру» даже превышала ненависть средняго члена трэдъ-униона.

Во время забастовки портовыхъ рабочихъ, Фредди Друммондъ какъ-то еще могъ оставаться въ сторонѣ отъ своего другого «я» и спокойно, критически наблюдать, какъ Билль Тотсъ весело колотилъ штрейкбрехеровъ-грузчиковъ,—потому что Билль Тотсъ былъ полноправнымъ членомъ «Союза Грузчиковъ» и имѣлъ полное право негодовать на узурпаторовъ его заработка. Крупный и ловкій, Билль Тотсъ неизмѣнно попадалъ въ первую линію, какъ только заваривалась каша. Отъ актерскаго «изображенія» глубоко возмущенныхъ чувствъ рабочаго, Фредди Друммондъ, въ роли своего другого «я», постепенно дошелъ до того, что началъ испытывать подлинное негодованіе, и лишь по возвращеніи въ классическую атмосферу университета начиналъ здраво и консервативно обобщать свои «подпольныя» переживанія и излагать ихъ на бумагѣ, какъ полагается настоящему, ученому социологу.

Фредди Друммондъ ясно сознавалъ, что у Билла Тотса не хватаетъ перспективы, дабы подняться надъ классовымъ сознаниемъ. Но Билль Тотсъ этого не могъ замѣтить,—если онъ видѣлъ штрейкбрехера, захватывающаго его заработокъ, у Билла Тотса темнѣло въ глазахъ, и онъ ничего больше не понималъ. И только Фредди Друммондъ, безукоризненно одѣтый и выдержанный, сидя за письменнымъ столомъ своего кабинета, или стоя на кафедрѣ лицомъ къ лицу передъ своими студентами—видѣлъ ясно Билла Тотса, и все вокругъ Билла Тотса и вокругъ системы штрейкбрехерства, и ея отношеніе къ экономическому благосостоянію

Соединенныхъ Штатовъ въ борьбѣ за міровой рынокъ. Билль Тотсъ, наоборотъ, не могъ видѣть ничего дальше ближайшаго объѣда или боксерскаго матча, имѣющаго быть на слѣдующій вечеръ въ «Атлетическомъ Клубѣ».

Во время собиранія матеріала для своей книги «Женщина и Трудъ» Фредди получилъ первое предостереженіе объ опасности, которая ему грозила. Странная двойственность, которую онъ развилъ, въ концѣ концовъ, была очень непрочна, и, сидя у себя въ кабинетѣ, погруженный въ размышления, онъ съ испугомъ пришелъ къ выводу, что это раздвоеніе не можетъ продолжаться безконечно. Собственно, теперь онъ находился лишь въ переходномъ состояніи, и если онъ будетъ упорствовать, ему неизбѣжно придется отказаться окончательно отъ одного міра для другого. Жить въ обоихъ одновременно—онъ не можетъ. И глядя на рядъ томовъ, украшавшихъ верхнюю полку его вращающейся этажерки для книгъ, на книги, которыя написаны имъ, Друммондъ рѣшилъ, что вотъ этотъ міръ онъ не можетъ бросить и его онъ окончательно избираетъ для себя. Билль Тотсъ сдѣлалъ свое дѣло, теперь онъ становится слишкомъ опаснымъ сообщникомъ. И Билль Тотсу придется исчезнуть, кануть въ вѣчность.

Фредди Друммондъ испугался изъ-за Мэри Кондонъ, предсѣдательницы «Международнаго Союза Перчаточницъ». Онъ впервые ее увидѣлъ съ галлерей для публики на ежегодной конференціи Сѣверо-Западной Федерациі Труда. Онъ взглянулъ на нее глазами Билла Тотса, и на этого чловѣка Мэри произвела весьма благопріятное впечатлѣніе. Но Мэри была совсѣмъ не во вкусъ Фредди Друммонда. Что въ томъ, что она дѣвушка съ царственной фигурой, гибкая и сильная, какъ пантера, съ чудесными черными глазами, которые могли, смотря по настроенію, горѣть огнемъ или любовнымъ смѣхомъ? Друммондъ ненавидѣлъ женщинъ съ ярко выраженной жизнерадостностью, здоровьемъ, и съ отсутствіемъ... ну, сдержанности, что ли!

Фредди Друммондъ принималъ доктрину эволюціи, такъ, какъ она принималась всѣми мужчинами вообще его класса и университетскаго воспитанія, онъ твердо вѣрилъ, что чловѣкъ уже вскарабкался по лѣстницѣ жизни изъ гущи слякоти и грязи, изъ болота низкихъ и чудовищныхъ органическихъ инстинктовъ. И поэтому онъ, вѣроятно, всячески развивалъ свою желѣзную сдержанность, проповѣдывалъ ее другимъ и предпочиталъ женщинъ родственнаго ему типа, которыя сумѣли освободиться отъ печальнаго наслѣдства животныхъ, и съ помощью дисциплины, строга-

го обладания собой, могли рѣзко подчеркивать ширину пропасти, раздѣляющей ихъ отъ того, чѣмъ были ихъ далекие предки-звѣри.

Но Билль Тотсъ такихъ соображеній не зналъ. Мэри Кондонъ понравилась ему съ первой минуты, какъ только онъ увидаль ее тамъ, въ залѣ конференціи, и онъ тогда же, немедленно, узналъ, — кто она. Второй разъ онъ встрѣтилъ ее,—и опять совершенно случайно, — когда ему пришлось замѣнить больного товарища, ломового извозчика. Его наняли отвезти изъ дешевенькихъ меблированныхъ комнатъ на Миссионъ-Стритъ сундукъ въ складъ для храненія. Дочь хозяйки комнатъ, нанявъ его, провела въ маленькую комнатушку, жилища которой, перчаточница, заболѣла, ее только что отвезли въ больницу. Но Билль этого не зналъ. Онъ нагнулся, поставилъ сундукъ,—довольно большой и тяжелый—набокъ, поднялъ его на плечо и сталъ вскарабкиваться на ноги, спиной къ дверямъ. Въ это время онъ услышалъ женскій голосъ.

— Ты «союзникъ» или нѣтъ?—спросилъ голосъ.

— А тебѣ какое дѣло?—возразилъ онъ.—Ну, уходи съ дороги, не мѣшай! Мнѣ надо повернуться.

Слѣдующее, что онъ почувствовалъ — онъ, «Большой» Билль Тотсъ, былъ кѣмъ-то быстро повернуть, и полетѣлъ, качаясь, назадъ, пока не ударился вмѣстѣ съ сундукомъ о стѣну съ трескомъ. Онъ сталъ ругаться, но въ тотъ же моментъ встрѣтился глазами съ гнѣвными, сверкающими глазами Мэри Кондонъ.

— Разумѣется, я «союзникъ», — сказалъ онъ. — Я только шутилъ...

— Гдѣ твоя карточка?—спросила она дѣловымъ тономъ.

— Въ карманѣ. Не могу сейчасъ ее достать. Ужъ очень тяжелый этотъ сундукъ. Пойдемъ со мною внизъ къ возу, и я покажу ее тебѣ.

— Поставь сундукъ на полъ! — раздался приказъ.

— Зачѣмъ? Говорю тебѣ, карточка у меня есть.

— Поставь сундукъ! слышишь? Ни одинъ штрейкбрехеръ не тронетъ этого сундука. Какъ тебѣ не стыдно, здоровый этакій трусъ, отбивающій заработокъ у честныхъ людей! Почему ты не поступаешь въ члены союза и не сдѣлаешься настоящимъ мужчиной?

Лицо Мэри Кондонъ сейчасъ было страшно блѣдно, и ясно было, что она внѣ себя отъ гнѣва.

— Только подумать, такой здоровый, крѣпкій мужчина—и стать предателемъ своего класса! Навѣрное, тебѣ теперь

страшно хочется поступить въ милицію, чтобы пострѣлять въ извозчиковъ-союзниковъ, когда они опять забастуютъ. Впрочемъ, почему я знаю, можетъ, ты и теперь уже служишь въ милиціи. Ты изъ такихъ...

— Эй, замолчи! Ты зашла слишкомъ далеко!

Билль съ трескомъ уронилъ сундукъ на полъ, выпрямился и сунулъ руку въ карманъ.

— Я говорилъ тебѣ, что я только шучу. На! смотри!

И протянулъ ей правильную «союзную» карточку въ полномъ порядкѣ.

— Ну, хорошо! Можешь взять сундукъ,—сказала Мэри Кондонъ. — А другой разъ такими вещами не шути!

Лицо ея смягчилось, когда она увидала, съ какой легкостью онъ поднялъ огромный, тяжелый сундукъ на плечо, и глаза ея засіяли, обмѣривъ взглядомъ граціозную массивность Билла. Но Билль этого не замѣтилъ. Онъ былъ слишкомъ занятъ сундукомъ.

Въ третій разъ онъ увидалъ Мэри Кондонъ во время забастовки прачешныхъ. Работники и работницы прачешныхъ, недавно организовавшіеся, были еще «зелены» въ этомъ дѣлѣ и попросили Мэри Кондонъ взять на себя руководство ихъ забастовкой. Фредди Друммондъ, словно предчувствуя, что будетъ интересный матеріалъ, послалъ Билла Тотса примкнуть къ союзу прачешниковъ и изучить дѣло. Билль работалъ въ одной изъ крупныхъ прачешныхъ, когда утромъ получилъ приказъ бросить работу; сперва «снялись» мужчины, чтобы придать смѣлости женщинамъ и дѣвушкамъ работницамъ. Билль случайно находился у дверей паровыхъ выжималокъ, когда въ это помѣщеніе захотѣла войти Мэри Кондонъ. Надсмотрщикъ, мужчина крупный и плотный, закрылъ ей дорогу. Онъ не позволитъ, чтобы снимали съ работы его дѣвушекъ, онъ сейчасъ покажетъ ей, какъ вмѣшиваться въ чужія дѣла!.. Когда Мэри попыталась протиснуться мимо него, онъ оттолкнулъ ее жирною рукой въ плечо. Она оглянулась и увидала Билла.

— Эй вы, м-ръ Тотсъ!—крикнула она.—Помогите тутъ! Я хочу сюда войти.

Билль испыталъ пріятное удивленіе. Значитъ, она запомнила его фамилію съ тѣхъ поръ, какъ онъ показалъ ей свою союзную карточку! И не прошло и секунды, какъ смотритель былъ отброшенъ отъ дверей, что-то крича о правахъ и законахъ, а работницы одна за другой тотчасъ побросали свои машины. Въ теченіе всей этой кратковременной, но успѣшной стачки Билль неотступно слѣдовалъ за Мэри Кондонъ, служа ей правой рукой и гонцомъ. Когда за-

бастовка кончилась, онъ вернулся въ университетъ, и снова сталъ социологомъ Фредди Друммондомъ, удивляясь, что хорошаго могъ найти Билль Тотсъ въ такой женщинѣ, какова Мэри.

Фредди Друммондъ былъ въ совершенной безопасности, но Билль безнадежно влюбился. И это чувствовалось, какъ фактъ, который нельзя ни опровергнуть, ни отрицать; этотъ-то фактъ и послужилъ предостереженіемъ для Фредди Друммонда. Ну, что жь! Работу свою онъ кончилъ, и теперь приключенія нужно кончить. Для него нѣтъ больше нужды переступать на сторону «Щели». Всѣ главы его послѣдней работы: «Тактика и Стратегія Труда», кромѣ заключительныхъ трехъ, были окончены, но въ запасѣ у него имѣлось достаточно накопленнаго матеріала, чтобы заполнить эти три главы.

Другой выводъ, къ которому онъ пришелъ, былъ слѣдующій: чтобы укрѣпить себя устойчивѣе и прочнѣе въ качествѣ Фредди Друммонда, ему необходимы болѣе тѣсныя связи и отношенія съ своимъ собственнымъ міромъ и тѣмъ классомъ общества, къ которому онъ, по рожденію, принадлежалъ. Какъ бы то ни было, пора уже ему и жениться. Онъ ясно сознавалъ, что если Фредди Друммондъ не женится, то Билль Тотсъ навѣрное сдѣлаетъ это, а отсюда могутъ получиться ужаснѣйшія осложненія. Вотъ почему является на сцену Екатерина ванъ-Форстъ. Она сама была «универсантка», а отецъ ея, единственный состоятельный членъ университетской коллегіи, былъ къ тому же деканомъ философскаго факультета.—Съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть, это бракъ весьма мудрый,—пришелъ къ выводу Фредди Друммондъ, послѣ того, какъ была объявлена и состоялась помолвка. По внѣшнему облику, холодная, сдержанная, аристократичная и здраво-консервативная Екатерина ванъ-Форстъ, хотя и по своему «теплая», была почти такая же скованная, застывшая, какъ и Друммондъ.

Все какъ будто шло хорошо, а между тѣмъ Фредди Друммондъ никакъ не могъ сбросить съ себя тяготѣнія туда, на дно жизни; не могъ отдѣлаться отъ заманчивости свободы, отъ привлекательности ничѣмъ не стѣсняемой и нескованной жизни по южную сторону «Щели». Когда стало приближаться время свадьбы, онъ почувствовалъ, что дѣйствительно поступилъ благоразумно, но въ то же время испытывалъ и непреодолимое желаніе еще разъ,—въ послѣдній разъ опуститься въ ту, другую жизнь, повеселиться и пожить свободно во всю «въ послѣдній разъ»—прежде чѣмъ навсегда обречь себя сѣрымъ лекціоннымъ заламъ и трез-

вой семейной жизни. А тутъ еще, словно во искушение, онъ никакъ не могъ дописать послѣдней главы «Тактики и Стратегии Труда» изъ-за того только, что ему не хватило немного статистическихъ данныхъ, которыя онъ забылъ собрать.

И вотъ Фредди Друммондъ снова—послѣдний разъ!— превратился въ Билла Тотса, пополнилъ свой матеріалъ, но, къ несчастію, снова встрѣтился съ Мэри Кондонъ. И снова, сидя у себя въ кабинетѣ, онъ вспомнилъ объ этомъ съ явнымъ чувствомъ недовольства. Предостереженіе, полученное имъ, сдѣлалось вдвое грознѣе и настойчивѣе. Билль Тотсъ поступилъ отвратительно: Онъ не только встрѣтился съ Мэри Кондонъ на засѣданіи Центрального Рабочаго Совѣта, но пошелъ ее провожать домой, и по дорогѣ пригласилъ въ закусочную, гдѣ угостилъ Мэри устрицами. Далѣе, прощаясь съ нею у ея дверей, его руки какъ-то сами собой обняли Мэри, и онъ поцѣловалъ ее въ губы, не одинъ, а нѣсколько разъ. И послѣдними ея словами, прозвучавшими въ его ухахъ, словами, произнесенными такъ нѣжно, тихо, такимъ крикомъ любви и страсти были:

— Билль... дорогой, милый... Билль!..

Фредди Друммондъ вздрогнулъ при этомъ воспоминаніи. Онъ ясно сознавалъ и предвидѣлъ, какая пропасть ждетъ его. По природѣ онъ не былъ многолюбомъ, и его пугала возможность такой ситуациі. Надо положить этому конецъ, и конецъ можетъ быть только одинъ изъ двухъ: или онъ долженъ цѣликомъ стать Билломъ Тотсомъ и жениться на Мэри Кондонъ, или долженъ цѣликомъ остаться Фредди Друммондомъ и жениться на Екатеринѣ ванъ-Форстъ. Иначе онъ будетъ подлецомъ и негодяемъ!

Въ теченіе ближайшихъ послѣдующихъ мѣсяцевъ Санъ-Франциско переживалъ небывалое по размѣрамъ стачечное движеніе. «Рабочіе союзы» и «Ассоціаци хозяевъ» сѣпились мертвой схваткой и съ такой рѣшимостью, какъ будто они намѣревались разъ навсегда разрѣшить такъ или иначе рабочій вопросъ. Но Фредди Друммондъ, какъ ни въ чемъ не бывало, правилъ свои корректуры, читалъ лекціи, и не трогался съ мѣста. Онъ цѣликомъ отдался ухаживанію за Екатериной ванъ-Форстъ, и съ каждымъ днемъ находилъ въ ней все больше и больше качествъ и добродѣтелей, вызывавшихъ въ немъ уваженіе и восхищеніе... даже больше,— любовь!

Правда, забастовка трамваевъ явилась для него нѣкоторымъ искушеніемъ, но не настолько сильнымъ, какъ онъ могъ ожидать, а большая стачка мясниковъ разгорѣлась и

оставила его совершенно холоднымъ и спокойнымъ. Призракъ Билла Тотса былъ окончательно покоренъ, и Фредди Друммондъ съ энергіей принялся за брошюру, давно задуманную, на тему: «Угроза уменьшени прибылей».

Оставалось всего двѣ недѣли до его свадьбы, когда, однажды, послѣ завтрака, Екатерина ванъ-Форстъ заѣхала за нимъ и увезла его смотреть какой-то клубъ для мальчиковъ, недавно устроенный группой дѣятелей «по улучшенію условий быта рабочихъ классовъ», въ которой она участвовала. Она прѣхала въ автомобилѣ ея брата, и они были одни, если не считать шоффера.

Скрещиваясь съ Керви-Стритомъ, Маркетъ-Стритъ и Гири-Строитъ сходятся, подобно остроугольной буквѣ Y, и вотъ Фредди Друммондъ и Екатерина ванъ-Форстъ въ моторѣ спускались по Маркетъ-Стритъ, чтобы обогнуть это остріе и подняться на Гири-Стритъ. Но они не знали, что спускалось навстрѣчу имъ по Гири-Стритъ и что было рассчитано судьбою такъ, чтобы задержать ихъ на самомъ остріи. Хотя изъ газетъ Друммонду было извѣстно, что забастовка мясниковъ въ полномъ разгарѣ и что она чрезвычайно осложнилась, но въ эту минуту Фредди меньше всего о ней думалъ. Развѣ не сидѣлъ онъ рядомъ съ Екатериной? Кромѣ того, онъ въ эту минуту очень пространно и тщательно развивалъ ей свои взгляды на вопросъ «улучшенія условий быта рабочихъ классовъ»—взгляды, въ выработкѣ которыхъ сыграли не малую роль приключения и переживания Билла Тотса.

А, спускаясь, по Гири-Стритъ ѣхало шесть возовъ съ мясомъ. Рядомъ съ каждымъ возчикомъ-штрейхбрехеромъ сидѣло по полицмену. Спереди, сзади, по бокамъ этой своеобразной процессіи шелъ защищающій ее эскортъ полицменовъ. Позади полицейскаго арьергарда, на почтительномъ разстояніи, шла въ полномъ порядкѣ, — но весьма крикливая,—толпа, тянувшаяся на нѣсколько кварталовъ и запрудившая всю улицу отъ тротуара до тротуара. Мясной трестъ дѣлалъ попытку снабдить отели и рестораны мясомъ и этимъ самымъ начать ломку забастовки. Отель «Св. Франциска» былъ уже снабженъ мясомъ, цѣною многихъ разбитыхъ оконъ и головъ, теперь экспедиція шествовала на выручку «Палась-Отеля».

Совершенно не подозрѣвая ничего, Друммондъ сидѣлъ рядомъ съ Екатериной, все еще развивая свои взгляды, въ то время, какъ моторъ, шипя и гудя непрерывно, лавируя между экипажами, широкимъ кругомъ пытался объѣхать уголъ. Огромный возъ нагруженный углемъ и запряженный

четверкой колоссальных лошадей, только что выѣхавъ изъ Керни-Стрита, какъ будто направляясь на Маркетъ-Стритъ, вдругъ загородилъ дорогу ихъ автомобилю. Возчикъ съ углемъ какъ будто остановился въ нерѣшительности, и шофферъ, сбавляя ходъ и не обращая вниманіе на предупредяющіе крики полисменовъ, повернулъ машину налѣво, нарушивъ правила движенія, чтобы объѣхать возъ съ углемъ.

Въ это мгновеніе Фредди Друммондъ прервалъ свою рѣчь. И не возобновилъ ея, т. к. положеніе начало развиваться съ быстротой какой-то сцены «превращеній» въ театрѣ. Онъ услышалъ гулъ толпы позади себя, увидаль мелькомъ сотни полицейскихъ шлемовъ и качающиеся изъ стороны въ сторону возы съ мясомъ. Въ эту же минуту, вставъ на козлахъ и хлестнувъ лошадей кнутомъ, угольщикъ двинулъ и лошадей и возъ наперерѣзъ приближающейся процессіи, поставилъ возъ поперекъ улицы, остановилъ лошадей и пустилъ въ ходъ тормазъ. Затѣмъ привязалъ возжи къ ручкѣ тормазы и усѣлся съ видомъ человѣка, сдѣлавшаго свое дѣло и рѣшившаго не сдвинуться съ мѣста. Автомобиль Екатерины былъ также остановленъ — первой парой четверки, упершейся грудями о передокъ машины.

Прежде чѣмъ шофферъ успѣлъ дать задній ходъ, старый ирландецъ, правя фурой для перевозки мебели, ударилъ свою лошадь до галопы и накрѣпко сцѣпился колесами съ автомобилемъ. Друммондъ узналъ и лошадь и возъ, онъ самъ сколько разъ сидѣлъ на этихъ самыхъ козлахъ. Ирландецъ Патъ Моррисси былъ тотъ самый возчикъ, котораго Билль Тотсъ замѣщаль въ знаменательный день его второй встрѣчи съ Мэри Кондонъ. У другого тротуара возъ съ пивомъ сцѣпился колесами съ угольщикомъ и направлявшійся на востокъ по Керни-Стритъ вагонъ трамвая, дико звеня гонгомъ съ вожатымъ, обдающимъ отборной руганью полисменовъ, мчался впередъ, чтобы завершить блокаду. И такъ возъ за возомъ цѣплялся другъ за друга, все усиливая блокаду и общую сумятицу. Возы съ мясомъ принуждены были остановиться. Полиція попала въ ловушку. Гулъ сталъ усиливаться, и толпа пошла въ атаку, въ то время какъ авангардъ полиціи бросился на запрудившіе улицу возы.

— Попали мы въ кашу, — замѣтилъ Друммондъ спокойно Екатеринѣ.

— Да, — кивнула она, съ такимъ же спокойствіемъ. — Какіе они дикари!

Его восхищеніе удвоилось. Да, она была какъ разъ такая женщина, какая ему нужна! Онъ былъ бы доволенъ ей, даже

если бы она закричала и ухватилась за него, а это... это было бы великодушно! Она сидела в самом центре бури так же спокойно, как если бы их моторь просто застрял в хвосте экипажей у театра.

Полиция изо всех сил старалась прочистить себе и возамъ съ мясомъ дорогу. Возница-угольщикъ, огромный малый въ жилетѣ, закурилъ трубку и спокойно сидѣлъ на козлахъ, покуривая. Онъ добродушно иронически взглянулъ внизъ на полицейскаго офицера, выходявшаго вонъ изъ себя отъ злости и безсилія и ругавшаго его на чемъ свѣтъ стоитъ, на что возчикъ реагировалъ лишь пожатіемъ плечъ. Гдѣ-то сзади слышался рать-татъ-татъ полицейскихъ батоновъ по головамъ, и настоящій адъ криковъ, ругани и брани. Внезапное усиленіе шума было признакомъ того, что толпа прорвалась сквозь цѣпь полисменовъ и уже стаскивала одного изъ штрейкбрехеровъ съ воза. Полицейскій офицеръ, собравъ вокругъ себя своихъ людей, бросился на толпу и заставилъ ее отступить. Въ это же время окно за окномъ раскрывалось въ огромномъ, высокомъ зданіи направо, занятомъ какими-то конторами, и проникнутые классовымъ сознаніемъ клерки спускали цѣлый градъ различныхъ предметовъ конторской мебелировки на головы полисменовъ и штрейкбрехеровъ. Корзины для бумаги, чернильницы, прессъ-папье, пишущія машинки, все и вся, что попадалось подъ руку, несло въ низъ.

Одинъ изъ полисменовъ, по приказанію своего офицера, вскарабкался на высокія козлы воза съ углемъ, чтобы арестовать возчика. А возчикъ, спокойно и мирно поднявшись ему навстрѣчу, вдругъ смялъ полисмена въ своихъ могучихъ рукахъ и бросилъ его на голову офицера. Возчикъ былъ настоящій молодецъ исполнѣ, и когда онъ вскарабкался на верхъ воза и схватилъ въ обѣ руки огромную глыбу угля, полисмень, пытавшійся сбоку взлѣзть на возъ, испуганно отпустилъ руки и спустился назадъ на землю. Офицеръ приказалъ подюжинѣ полисменовъ взять приступомъ возъ. Возчикъ, бросаясь съ одного края на другой, успѣшно отбивалъ всѣ атаки огромными угольными глыбами.

Толпа на тротуарахъ и возчики на другихъ возахъ ревомъ поощряли угольщика и выражали свое удовольствіе. Вагоновожатый, проламывая шлемы и черепа полицейскихъ мѣдной ручкой отъ контрольной стойки, наконецъ, былъ и самъ избитъ до безчувствія и стащенъ съ площадки. Полицейскій офицеръ вѣдъ себя отъ неудачъ, постигшихъ его людей, самолично повелъ атаку на возъ съ углемъ. Человѣкъ двадцать полицейскихъ карабкались по крутому, высокому

склону крѣпости. Но возчикъ, не теряя силъ, проявлялъ чудеса ловкости и смѣлости. Временами человѣкъ шесть или восемь полицменовъ валялись на тротуарѣ или подъ возомъ. Занятый отбиваніемъ атаки на заднемъ концѣ своей крѣпости, возчикъ, оглянувшись, увидѣлъ, офицера, уже вступающимъ ногой на подножку козелъ спереди. Онъ все еще полустоялъ на воздухѣ, въ очень неустойчивомъ равновѣсіи, когда возчикъ бросилъ въ него тридцатифунтовымъ кускомъ угля. Глыба попала офицеру прямо въ грудь, и онъ полетѣлъ назадъ, ударившись о спину одной изъ лошадей, и оттуда на землю, стукнувшись головой о заднее колесо автомобиля.

Екатерина думала, что онъ умеръ, но онъ поднялся и снова бросился въ атаку. Она протянула руку въ перчаткѣ и погладила шею фыркающаго, дрожащаго битюга. Но Друммондъ не замѣтилъ этого движенія. У него не было глазъ ни для чего, кромѣ битвы за обладаніе возомъ съ углемъ, и въ то же время гдѣ-то въ его сложной, запутанной психологии нѣкій Билль Тотсъ рвался и напрягалъ всѣ усиія, чтобы вернуться къ жизни. Друммондъ крѣпко вѣрилъ въ законность и порядокъ и поддержаніе существующаго строя, но этотъ бунтующій дикарь, сидящій въ немъ, и слышать не хотѣлъ ни о чемъ подобномъ. И тутъ страстище, чѣмъ когда-либо, Фредди Друммондъ обратился къ своей желѣзной сдержанности съ просьбой спасти его. Но написано, что «домъ, раздѣлившійся, обреченъ на паденіе». Фредди Друммондъ убѣдился, что онъ раздѣлилъ всю свою силу и волю съ этимъ нѣкимъ Билломъ Тотсомъ, и теперь то единство, которое связывало въ немъ эти два «я», окончательно разрывалось пополамъ.

Фредди Друммондъ сидѣлъ въ моторѣ, совершенно спокойно рядомъ съ Екатериной ванъ-Форстъ; изъ глазъ Фредди Друммонда выглядывалъ Билль Тотсъ, и гдѣ-то позади этихъ глазъ, борясь за полученіе верховенства надъ ихъ общимъ тѣломъ, напрягались здравый, спокойный, консервативный социологъ Фредди Друммондъ и рабочій Билль Тотсъ, проникнутый классовымъ сознаниемъ и всинственнымъ «союзнымъ» пыломъ. Именно, этотъ Билль Тотсъ, выглядывая изъ глазъ Фредди Друммонда, увидалъ, каковъ будетъ неизбѣжный конецъ боя на возу съ углемъ. Онъ видѣлъ, какъ сперва одинъ, потомъ два, наконецъ, три полицмена вскарабкались все-таки на верхъ воза. Они неуклюже качались изъ стороны въ сторону на неровной поверхности, но ихъ длинные, тяжелые «боевые» батоны были пущены въ ходъ. Одинъ изъ ударовъ хватилъ возчика по

головѣ. Отъ второго онъ увильнулъ, и онъ пришелся ему по плечу. Но ясно было, что дѣло уже проиграно. И, вдругъ, онъ бросился на нападающихъ, схватилъ двухъ полисменовъ въ свои объятія и свалился, уже плѣнникомъ, на тротуаръ, увлекая за собой и не отпуская своихъ двухъ враговъ.

Екатеринѣ ванъ-Форстъ стало дурно при видѣ крови и жестокой драки. Но она была совершенно приведена въ себя послѣдующимъ сенсационнымъ и неожиданнымъ происшествіемъ. Человѣкъ, сидѣвшій рядомъ съ ней, вдругъ испустилъ неземной, дикій, нецивилизованный крикъ и поднялся на ноги. Она видѣла, какъ онъ перепрыгнулъ черезъ сидѣніе шоффера, вскочилъ на широкии крупъ одного изъ битюговъ и сѣтуда на возъ. Его атака была неожиданна, какъ ураганъ. Прежде, чѣмъ остолбенѣвшій офицеръ на возу могъ сообразить, что можетъ быть нужно этому прилично одѣтому, но на видъ взволнованному джентльмену, — онъ получилъ ударъ кулакомъ въ грудь, который заставилъ его описать дугу въ воздухѣ и хлопнуться головой о мостовую. Ударъ ногой въ лицо взбравшемуся на возъ полисмену заставилъ и этого послѣдовать по стопамъ своего офицера. Но вотъ еще трое добрались до верха и слились съ Билломъ Тотсомъ въ исполинской свалкѣ, во время которой ему батонами разодрали голову и сорвали визитку, жилетъ и половину крахмальной сорочки. Однако, всѣ три полисмена были сброшены съ воза, и Билль Тотсъ градомъ кусковъ угля защищалъ свою твердыню.

Офицеръ, снова оправившись, еще разъ храбро пошелъ въ атаку, но былъ сбить съ ногъ огромнымъ кускомъ угля, разбившимся о его голову и обдавшимъ его чернымъ душемъ. Полиція всячески стремилась къ тому, чтобы прорвать баррикаду изъ возовъ и трамваевъ впереди, прежде чѣмъ толпа въ тылу могла бы пробить кордонъ полициі, а Билль Тотсъ долженъ былъ держать возъ, пока толпа не прорвется черезъ кордонъ. Угольная битва яростно продолжалась.

Толпа сразу узнала своего любимца. «Большой» Билль, какъ и всегда, былъ впереди всѣхъ, и Екатерина ванъ-Форстъ была страшно поражена криками:

— Ура, Билль! Молодчина, Билль! — поднявшимися со всѣхъ сторонъ. Патъ Моррисси, стоя на козлахъ своей фуры, прыгаль и кричалъ отъ восторга:

— Луи ихъ, Билль! Жри ихъ живыми. Билль! Луи ихъ!

А съ тротуара Екатерина слышала женскіи крикъ:

— Берегись, Билль! Гляди впередь!

Билль услышалъ предостереженіе и мѣтко брошеннымъ кускомъ угля очистилъ передокъ воза отъ нападавшихъ. Екатерина ванъ-Форстъ повернула голову и увидала на самомъ краю тротуара женщину съ взволнованнымъ, разрумянившимся лицомъ и сверкающими черными глазами, которые она не спускала съ того, кто нѣсколько минутъ тому назадъ назывался Фредди Друммондъ.

Окна высокаго небоскреба съ конторами разразились криками одобренія. Новый градъ стульевъ, столовъ, полокъ бюро посыпался на полицію. Толпа прорвалась по одну сторону возовъ и наступала; каждый, отдѣленный отъ товарищей, полисмень сдѣлался центромъ маленькой дерущейся кучки. Штрейкбрехеровъ сорвали со своихъ мѣсть, упряжь лошадей и построжки были перерѣзаны, и испуганныя животныя пустились бѣжать. Множество полисменовъ, чтобы укрыться отъ ярости толпы, полѣзли подъ возъ угля, въ то время, какъ вырвавшіяся лошади, кое-гдѣ съ полисменомъ на ихъ спинѣ или у головы, старающимся сдержатъ ихъ, метнулись на противоположный, сравнительно, пустой тротуаръ и бросились на Маркетъ-Стритъ.

Екатерина ванъ-Форстъ снова услышала предостерегающій крикъ той же женщины.

— Удирай, Билль! Пока не поздно! Удирай!

На мгновеніе полиція была отменена назадъ. Билль Тотсъ соскочилъ съ воза на мостовую и протискался къ женщинѣ на тротуарѣ. Екатерина ванъ-Форстъ видѣла, какъ та обняла его и поцѣловала въ губы; Екатерина ванъ-Форстъ съ любопытствомъ смотрѣла, какъ они пошли по тротуару, онъ — оборванный, съ голой грудью, обнявъ одной рукой женщину, улыбаясь и болтая, — съ такой живостью и непосредственностью, на которыя она и во снѣ не считала бы его способнымъ.

Полиція вернулась и очищала баррикаду въ ожиданіи подкрѣпленій, новыхъ возчиковъ и лошадей. Толпа, сдѣлавъ свое дѣло, быстро таяла, но Екатерина ванъ-Форстъ все еще могла видѣть человѣка, котораго она знала, какъ Фредди Друммонда. Онъ на цѣлую голову возвышался надъ толпой. Его рука обнимала женщину. И она, сидя въ своемъ моторѣ, видѣла, какъ парочка пересѣкла Рыночную улицу, пересѣкла «Цель» и исчезла въ 3-ей улицѣ, спускаясь въ рабочее гетто.

* * *

Въ послѣдующіе годы нѣкии Фредди Друммондъ уже не читалъ больше лекцій въ калифорнійскомъ университетѣ,

и не появлялось больше книгъ по экономическимъ и рабочему вопросамъ за подписью Фредерика А. Друммонда. Но одновременно приобрѣлъ громкую и широкую извѣстность новый вождь рабочаго народа, по имени Уиллиамъ Тотсъ. Онъ-то и женился на Мэри Кондонъ, председательницѣ международнаго союза перчаточницъ № 974. Это онъ руководилъ знаменитой стачкой поваровъ и лакеевъ, которая передъ своимъ успѣшнымъ окончаніемъ увлекла за собой десятки другихъ союзовъ, среди которыхъ были союзы «Чистильщиковъ битой птицы» и «Гробовщиковъ».

Переводъ съ англійскаго

М. Ричардсъ.

БѢЛАЯ ПТИЧКА.

Романъ Дж. М. Барри.

I.

Давидъ и я совершаемъ путешествіе.

Маленькій мальчикъ, называющій меня папой, передаетъ мнѣ иногда приглашеніе отъ своей матери:

— Приходите, буду вамъ очень рада.

И я неизмѣнно отвѣчаю:

— Сударыня, приглашеніе ваше принять не могу.

Когда Давидъ спрашиваетъ меня, отчего я отказываюсь отъ ея приглашеній, я объясняю ему, что у меня нѣтъ никакого желанія видѣть эту женщину.

— Приходи, папа, — убѣждалъ онъ меня недавно, — сегодня день ея рожденія... Ей исполнилось уже двадцать шесть лѣтъ...

Возрастъ этотъ, видимо, кажется Давиду весьма прекраснымъ. Онъ полагаетъ, очевидно, что мать его долге уже не протянетъ.

— Двадцать шесть лѣтъ? — удивился я. — Передай, — я сказалъ, что ей можно дать гораздо больше.

Этой ночью мнѣ снился чудесный сонъ, снилось, что и мнѣ тоже двадцать шесть лѣтъ—что въ дѣйствительности было уже очень давно — и я ѣду по желѣзной дорогѣ въ какое-то мѣсто, гдѣ мой родной домъ (на яву я никогда никакого родного дома не вижу...) На станціи меня ждала близкая мнѣ любимая женщина и мы вмѣстѣ пошли къ себѣ, домой. Она встрѣтила меня безъ восторженнаго волненія и я тоже ничуть не удивился, увидавъ ее, словно мы давно уже были мужемъ и женой, и разставались всего на одинъ день. Я даже далъ ей нести одинъ изъ пакетовъ.

Если бы я рассказалъ мой очаровательный сонъ матери Давида, съ которой я за всю мою жизнь ни одного слова не сказалъ, она опустила и затѣмъ тотчасъ вскинула бы головку, и такъ дала бы мнѣ понять, что опечалена, и горда тѣмъ, что я повѣдалъ ей... И поспѣшила бы,

пожалуй, протянуть мнѣ свой наивный, маленькій карманнй платочекъ... Если бы у меня хватило духу, я не мало изумилъ бы ее, сказавъ, что женщина, которую я видѣлъ во снѣ, вовсе не была похожа на нее...

Приходилось вамъ, читатель, когда-либо подвергаться настойчивому вниманію со стороны женщины, воображающей, безъ всякаго основанія, что вы изнываете отъ неразделенной любви къ ней? Меня вотъ уже нѣсколько лѣтъ преслѣдуетъ своимъ непрошеннымъ сочувствіемъ сердобольная, добродѣтельнѣйшая Мэри А.

Когда мы встрѣчаемся на улицѣ, это бѣдное, обольщающее себя иллюзіями созданіе сдерживаетъ легкіе быстрые шаги — словно совѣстится своей молодой радостной походки предъ человѣкомъ, сердце котораго она разбила... Шелестъ ея платья звучитъ тогда, какъ тихія слова утѣшенія, и руки ея кажутся мнѣ нѣжными крыльями, которыми очень хочется, чтобы я былъ маленькимъ беспомощнымъ мальчикомъ, подобно Давиду... Я улавливаю также и надменную гримаску, но уже когда она проходитъ мимо, и что-то вродѣ вызова мнится въ этой гримаскѣ....

Глаза, говорящіе: никогда...

Носикъ, говорящій: отчего бы вамъ не попытаться...

И ротикъ, говорящій: я-бы даже хотѣла, что бы вы...

Вотъ портретъ Мэри А. при нашихъ встрѣчахъ съ нею на улицѣ.

Однажды она рѣшилась заговорить со мною, и могла потомъ похвастать передъ Давидомъ, будто я говорилъ съ нею... Это было въ Кенсингтонскомъ паркѣ. Она спросила меня, который часъ, какъ спрашиваютъ дѣти, чтобы забыть объ этомъ, прежде чѣмъ они успѣютъ добѣжать до своей няни... Но такъ какъ я этого и ждалъ отъ нея, то, приподнявъ шляпу, я тростью указалъ ей на башенные часы вдали. Это ее какъ будто уязвило, но едва я отошелъ отъ нея — я, къ немалой моей досадѣ, услыхалъ ея смѣхъ...

Она смѣется такъ же, какъ Давидъ. А его я легко могу разсмѣшить, люблю слышать его смѣхъ. Она вложила въ мальчика свой смѣхъ. И другія черты свои передала она ему, съ перваго дня своего знакомства съ нимъ, отдѣльвала и шлифовала ихъ, но такъ искусно, что слѣды работы не видны... Это непосредственный ребенокъ, дитя природы. Стоитъ только выпустить его ручку и онъ срывается, какъ стрѣла съ тетивы... Нельзя глядѣть въ его глаза, не думая о птицахъ, и съ трудомъ вѣрится, что онъ ходитъ гулять въ Кенсингтонскій паркъ... Мнѣ всегда кажется, что онъ сюда слетаетъ, и если бы я сталъ разбрасывать крошки хлѣба,

онъ бы сталъ ихъ клевать — такимъ сдѣлала его эта робкая на видъ женщина, и похоже, будто она сама изумлена, что у нея такой сынъ. Въ теченіе дня можно наблюдать его въ сотнѣ очаровательныхъ позъ. Когда онъ споткнется, что съ нимъ случается довольно часто, онъ растягивается на землѣ, какъ греческій Богъ. Такимъ Мэри А. угодно было сдѣлать его.. Но какъ она тревожится о томъ, чтобы все выходило у него хорошо... Я видѣлъ однажды, какъ онъ карабкался на дерево, а она стояла подъ деревомъ и съ безмолвнымъ ужасомъ смотрѣла на него... Она не запретила ему лѣзть на дерево, потому что мальчики должны быть храбры... Но я увѣренъ — въ минуты, когда она слѣдила за нимъ глазами, она сама падала съ каждой вѣтки....

Давидъ отъ нея въ восторгѣ. Онъ считаетъ ее такимъ совершенствомъ, что, по его убѣжденію, она всегда сумѣетъ исходатайствовать для него мѣсто въ раю, сколько бы онъ ни нашалилъ... Иначе онъ не грѣшилъ бы съ такимъ легкимъ сердцемъ. Она, вѣроятно, замѣтила это: онъ рассказалъ мнѣ, что, по ея словамъ, она вовсе не такая хорошая, какой онъ ее воображаетъ.

— А я такъ въ этомъ и не сомнѣваюсь,—сказалъ я.

— Въ самомъ дѣлѣ? Она такая хорошая, какъ вы думаете? — спросилъ онъ.

— Быть можетъ даже лучше... отвѣтилъ я.

Помилуй Господь Богъ всѣхъ матерей, несовершенныхъ, не безупречныхъ!.. Потому что въ тотъ часъ, когда мать стоитъ съ обнаженной душою передъ своимъ сыномъ, ей ничего отъ него не скрыть.... Эти страшныя минуты наступаютъ обыкновенно между шестью и семью часами вечера, когда дѣти, раздѣвшись, укладываются спать... Если дѣти ложатся позднѣе, на нихъ уже не снисходятъ эти откровенія... Ребенкъ, укрытый одѣяломъ, тихо лежитъ въ своей кроваткѣ и большими загадочными глазами смотритъ на мать. Онъ подводитъ итогъ ея дню. Въ эти значительныя минуты ее не можетъ спасти то, что сближало и разлучало ихъ въ часы суетнаго дня... Теперь — часъ ея сына, и она должна предстать передъ его судомъ.

— Хорошо ли я вела себя сегодня, сынъ мой?

И надо сказать правду, потому что — все равно — отъ него ничего скрыть нельзя. Какъ схожъ въ эти минуты голосъ матери съ голосомъ сына, только трепетнѣе, торжественнѣе звучитъ, непохоже на ея дневной голосъ...

— Ты была не совсѣмъ справедлива... знаешь... съ этимъ яблокомъ...

И мать стоитъ у кровати, скрестивъ руки и отвѣчаетъ:

— Правда, сынъ мой, правда... я думала...

Но то, что она думала, не можетъ смягчить приговора...

— А хорошо это было, мама... Позволила гулять до шести... А потомъ — зачѣмъ опоздалъ?.. А я вернулся, когда еще шести не было...

— Нѣтъ, это было очень нехорошо... я думала...

— Я сказала, что еще шести не было... значить, это была ложь?

— О, мальчикъ мой, мальчикъ мой, я никогда больше лгать не буду...

— Да, мама... Пожалуйста, больше не лги...

— Мальчикъ мой, ну... а... а вообще — я была хорошая сегодня?

Представьте себѣ, что на этотъ вопросъ сынъ вашъ не могъ бы отвѣтить «да»?..

Вы должны повиниться въ мельчайшихъ своихъ прегрѣшеніяхъ. Это дѣло не шуточное — нарушать договоръ, подписываемый при рожденіи ребенка... Есть матери, убѣгающія отъ своихъ дѣтей въ вечерній часъ, но это ихъ отъ суда не спасаетъ... Отчего столько матерей не хотятъ оставаться наединѣ со своими мыслями въ вечерніе часы? Я не васъ, Мэри, имѣю въ виду. Я увѣренъ, что когда вы тихо закрываете за собою дверь въ комнату Давида, глаза ваши свѣтятся радостью и благостнымъ сознаніемъ, что Богъ, къ которому маленькіе мальчики обращаются со своими молитвами, очень похожъ на ихъ матерей...

Долженъ упомянуть, что Давидъ крѣпко вѣритъ въ силу молитвы. Однажды у него была схватка съ другимъ юнымъ христіаниномъ, который вызвалъ его на бой, помолвившись предварительно о дарованіи ему побѣды... Давидъ нашель, что эта предусмотрительность со стороны его товарища—злостное коварство...

* * *

— Такъ, значить... Двадцать шесть лѣтъ исполнилось Мэри... Старится твоя мать, Давидъ... Передай ей, что когда ей исполнится пятьдесятъ два — я приду и поцѣлую ее...

Онъ передалъ, и я понялъ изъ его словъ, что она была возмущена. Теперь, когда я встрѣчаю ее на улицѣ, она надуваетъ губки. Видимо, готовится къ объясненію... Она сказала также, какъ я узналъ отъ Давида, что врядъ-ли я буду интересоваться ею, когда ей будетъ пятьдесятъ два

года... Очевидно, подразумевая подь этимъ, что тогда она не будетъ уже такъ красива, какъ теперь... Какъ мало женщины смыслятъ въ красотѣ!.. Я не представляю себѣ ничего красивѣе старой женщины съ тонкимъ одухотвореннымъ лицомъ... И долженъ сознаться, меня всегда влекло не къ молодымъ, а къ такимъ, вотъ, старымъ женщинамъ... Я чуть было не влюбился однажды въ одну молоденькую дѣвушку, но вдругъ понялъ, что мнѣ больше нравится ея мать... Я не могу смотрѣть на молодое женское лицо, не заглядывая нетерпѣливо въ будущее и не представляя себѣ это лицо въ пятьдесятъ два года...

О, загадочныя юныя созданія, когда вамъ будетъ пятьдесятъ два года, мы разгадаемъ васъ... Тогда вы будете для насъ открытыми книгами... Вина ваша, если всѣ недостатки, которые искусно скрывала ваша молодость, выступятъ тогда наружу. Но и глубокія мысли, и благородные поступки, и нѣжныя сокровенныя чувства оставятъ слѣды на вашемъ лицѣ, будутъ цвѣсти въ сумеркахъ вашей жизни, какъ цвѣты, распускающіеся лишь съ заходомъ солнца...

Но... не странно ли? Послѣ всего, что я говорю Давиду о его матери, онъ тѣмъ не менѣе убѣжденъ, что я люблю ее... Этакимъ непонятливымъ мальчишка! И я рѣзко говорю ему:

— Слушай, Давидъ... Ты такое же странное существо, какъ и твоя мать...

На что Давидъ отвѣчаетъ мнѣ:

— Потому ты меня и балуешь такъ...

Да... балую... Но вовсе не изъ любви къ матери, а потому, что онъ иногда зоветъ меня отцомъ. Положа руку на сердце, какъ старый солдатъ, говорю — только поэтому... Я не хочу, чтобы онъ это зналъ, Богъ знаетъ, что онъ еще можетъ вообразить, и это отниметъ всю прелесть нашей дружбы... Чаще всего, я для него просто капитанъ Б. Папѣй онъ зоветъ меня, когда очень торопится и разсѣянъ... Я съ своей стороны никогда не прошу его называть меня по имени. Онъ говоритъ съ жестокой, очаровательной беззаботностью: «Пойдемъ, папа...»

— Ну и пусть... Зови меня папой, Давидъ...

При постороннихъ, въ магазинахъ, напримѣръ, это доставляетъ мнѣ сугубое удовольствіе. Когда Давидъ разпрашиваетъ приказчика, сколько онъ денегъ выручаетъ за день и куда онъ ихъ прячетъ, и отчего у него рыжіе волосы, и любить ли онъ Ахиллеса, о которомъ Давидъ самъ недавно узналъ и такъ имъ увлеченъ, что умереть готовъ, только бл

встрѣтиться съ нимъ — лавочники принимаютъ меня за его отца...

Я сказать не могу, какъ это мнѣ пріятно. Мнѣ хочется подольше упиваться этой радостью, и въ то же время и тороплюсь увести его, прежде чѣмъ ему вздумается разъяснить: «Это, собственно, не мой папа...»

Я отлично представляю себѣ, что было бы, если бы Давидъ встрѣтился съ Ахиллесомъ. Онъ взялъ бы древняго героя за руку, назвалъ его папой и повелъ бы къ круглому круду...

Однажды — Давиду было тогда лѣтъ пять — я послалъ ему записку такого содержания: «Дорогой Давидъ, если хочешь знать, какъ все это началось — давай позавтракаемъ вмѣстѣ въ моемъ клубѣ».

Мэри, вскрывавшая, какъ я позднѣе узналъ, всѣ мои письма къ нему, дала свое согласіе. И я нисколько не сомнѣвался въ томъ, что она наказывала ему хорошенько все запомнить, дабы онъ могъ потомъ все ей передать... Она и сама не знаетъ, какъ это началось... Воображаю, какъ ее разбирало любопытство. Я смѣялся въ душѣ — она, конечно, ждала чего-то весьма романтическаго...

Онъ явился ко мнѣ наряженный, какъ для дальняго путешествія. И видъ у него былъ необычайно торжественный, какой всегда бываетъ у мальчиковъ въ длинныхъ пальто. Шея его обмотана была шарфомъ.

— Когда лѣто подойдетъ, — сказалъ я, — ты кое-что снимешь съ себя.

— А развѣ... и лѣто будетъ? — спросилъ онъ изумленно и серьезно.

— Не одно, — отвѣтилъ я. — Мы вернемся на нѣсколько лѣтъ назадъ, Давидъ, чтобы увидеть твою мать такой, какой она была до того, какъ ты явился на свѣтъ...

Мы кликнули извозчика.

— Поѣзжай на шесть лѣтъ назадъ, — сказалъ я ему, — и остановись у Стараго клуба Фоджи...

Извозчикъ попался намъ непонятливый, и мнѣ пришлось все время указывать ему дорогу моимъ зонтомъ.

Улицы уже не такія, какими были утромъ. Такъ, на примѣръ, въ книжномъ магазинѣ на углу продавали теперь рыбу... Я старался обратить вниманіе Давида на то, что происходило кругомъ насъ.

— А я не сталъ теперь меньше? — тревожно спросилъ онъ и съ испугомъ повторилъ:

— Я не стану совсѣмъ... совсѣмъ маленькій, папа... Нѣтъ?

Онъ не рѣшался, очевидно, высказать опасеніе — не исчезнетъ ли онъ совсѣмъ съ лица земли, и нервно сунул свою ручку въ мою. Я спряталъ ее въ карманъ.

Вы представить себѣ не можете, какимъ крошкой казался Давидъ, когда мы входили въ двери клуба!

II.

Маленькая сонна.

Теперь, прошу васъ вообразить, что Давидъ превратился въ ничто, и перенестись вмѣстѣ со мною на шесть лѣтъ назадъ. Ровно въ два часа дня я вхожу въ курильную клуба...

Звоню, прошу подать мнѣ кофе, черри-бренди, папиросы и сажусь въ мое кресло у окна... Въ ту же минуту я замѣчаю молоденькую сонну, быстрыми легкими шажками переходящую улицу. Будто на мой звонокъ откуда-то вынырнула...

Я осторожно наливаю кофе въ чашку, придерживая крышку кофейника — дѣвушка въ это время подходитъ къ почтовому ящику. И пока я выбираю подходящий кусокъ сахара, она успѣваетъ разъ шесть взглянуть на свое письмо. Я закуриваю папироску при содѣйствіи Вильяма — она, тѣмъ временемъ, опять перечитываетъ драгоценный адресъ. А когда я прислоняюсь къ спинкѣ кресла, она опускаетъ письмо въ отверстие ящика. Я потягиваю ликеръ изъ рюмочки, а она смотритъ — подхватили ли почтовые чиновники ея письмо. Я хмуро отвѣчаю на привѣтъ знакомаго члена клуба, имѣвшаго глупость войти въ курильную, и въ эту минуту ея два маленькихъ воспитанника уводятъ ее отъ почтоваго ящика. Когда я вновь поворачиваюсь къ окну, ея уже нѣтъ. Но завтра, ровно въ два часа я опять ее позвоню...

Она, вѣроятно, много разъ проходила мимо окна, прежде чѣмъ я замѣтилъ ее. Я не знаю, гдѣ она живетъ, но полагаю, что гдѣ-то по близости. Судя по обручамъ въ рукавъ ея буйныхъ воспитанниковъ, дѣвочки и мальчика, она водитъ ихъ гулять въ С. Джемсъ-паркъ. Личико у нея усталое и блѣдное. Работаетъ, очевидно, черезъ силу... И другихъ служанокъ, вѣроятно, бѣситъ, что у нея видъ — настоящей барышни.

Позднѣй я замѣтилъ, какъ она часто опускаетъ въ почтовый ящикъ письма. Но событіе для нея — отправкѣ одного какого-то письма. Всѣ другія опускаетъ она

быстро, безъ церемоній, и только одно письмо она вводитъ въ отверстіе ящика медленно и торжественно, словно коронованную особу. Я даже видѣлъ однажды, какъ она послала поцѣлуй въ догонку ему.

Затѣмъ, ея кольцо... Она такъ носится съ этимъ кольцомъ, что кажется порою — не она сама, а кольцо ея бодро катится по улицѣ... Она ощупываетъ его сквозь перчатку — на своемъ ли оно мѣстѣ, снимаетъ перчатку и подноситъ кольцо къ губамъ, хотя цѣна-то ему грошъ — я въ этомъ не сомнѣваюсь. Она вытягиваетъ руку и рассматриваетъ кольцо на свѣтъ. Останавливается, опускаетъ руку и любитъ тѣмъ, какъ смотритъ кольцо на грязномъ фснѣ тротуара. Поворачиваетъ руку направо и налево; иногда смотритъ на кольцо однимъ глазомъ, прищуривъ другой. И когда вы убѣждаетесь, что бѣдняжка твердо рѣшила, наконецъ, думать о чемъ-то другомъ, — она украдкой бросаетъ еще одинъ взглядъ на свое кольцо.

Попробуйте угадать, отчего Мэри была такъ счастлива... Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ... Всѣ ваши догадки невѣрны. Просто потому, что ее любилъ одинъ молодой оболтусъ... И вмѣсто того, чтобы тужить о томъ, что она — голъ, ничеушка, она ирогуливается, веселая и расфранченная, по Пэль-Мель, съ вызывающимъ видомъ счастливой невѣсты... Первое время меня раздражало ея задорно-счастливое личико, потомъ она стала частью моего существованія, вмѣстѣ съ кофе, папиросами и ликеромъ...

Но тутъ начинается уже драма. Вторникъ, — значительнѣйшій день въ ея жизни. Она свободна по вторникамъ отъ двухъ до трехъ часовъ дня.

И вотъ, подумайте только: эта особа, получающая, вѣроятно, нѣсколько фунтовъ въ годъ, разъ въ недѣлю живетъ цѣлый часъ въ своемъ распоряженіи... Какъ она пользуется имъ? Слушаетъ какіе-нибудь курсы, пополняетъ свое образованіе? Какъ бы не такъ! Вотъ что она дѣлаетъ: маняливаетъ на себя всѣ свои хорошенькія тряпки, включая и голубое боа, и выплываетъ на Пэль-Мель съ такимъ сияющимъ лицомъ, — что я съ яростью начинаю мѣшать сахаръ въ своей чашкѣ... Въ обычные дни она еще надувается на себя скромность, серьезность... Но въ одинъ изъ вторниковъ, она имѣла наглость даже остановиться передъ зеркальной дверью моего клуба, чтобы за неимѣніемъ, видите ли, другого зеркала полюбоваться своей физиономіей дряхлой невѣсты.

Длинноногій лодырѣ тѣмъ временемъ уже поджи-

даетъ ее у почтоваго ящика, гдѣ они встрѣчаются каждый вторникъ. На немъ всегда одинъ и тотъ же костюмъ, а лицо у него — не допускающее и мысли о возможности знакомства его съ порядочными людьми... Это худошавый, стройный, ловкій англискій юноша, и я боюсь, что онъ и красивъ вдобавокъ... Говорю — боюсь, потому что откровенно не выношу красивыхъ мужчинъ... Если бы я жилъ въ вѣкъ дуэлей, клянусь, я бы cadaго красиваго мужчину вызывалъ на дуэль. Мнѣ кажется, что онъ едва даже понимаетъ, какъ онъ красивъ... Но Мэри... Мэри-то понимаетъ.. Это ясно. Я полагаю, что онъ художникъ, артистъ: онъ такъ быстро приходитъ въ возбужденіе, такъ быстро падаетъ духомъ... Онъ какъ-то странно держитъ большой палецъ лѣвой руки, словно собирается воткнуть его въ дырочку палитры, я рѣшаю, что онъ живописецъ, и съ удовольствіемъ думаю о томъ, что картины его, навѣрно, изъ рукъ вонъ плохи, никто, конечно, не покупаетъ ихъ.. Но я не сомнѣваюсь въ томъ, что Мэри находитъ ихъ очаровательными — она изъ такихъ женщинъ, которыя иначе не могутъ...

Надо видѣть, съ какимъ восторгомъ онъ встрѣчаетъ ее... Первымъ дѣломъ, раздражается хохотомъ. Лицо его оживляется, загорается и — «ха-ха» — и опять — «ха-ха»... Вамъ кажется, что слава Богу кончилось и вдругъ опять — «ха-ха» громче всѣхъ предыдущихъ, — я знаю, — это крики радости о томъ, что Мэри принадлежитъ ему, и временами мучительно для моего уха звенитъ молодость въ этомъ смѣхѣ.. Я все, все готовъ простить ему, кромѣ его молодости...

Онъ такъ возмутительно, такъ вызывающе молодъ, что порой я перестаю владѣть собою и брезгливо приказываю Вильяму закрыть окно...

Она далеко не такъ проста и откровенна въ проявленіи своихъ чувствъ, какъ ея возлюбленный... Она появляется изъ-за угла, смотритъ въ сторону почтоваго ящика и видитъ: онъ ее ждетъ... Тогда она устремляетъ свои взоры впередъ, въ пространство... Онъ замѣчаетъ ее, съ сияющимъ лицомъ бросается къ ней... Она вздрагиваетъ — отъ изумленія и быстро прижимаетъ руку къ своему забившемуся маленькому сердечку.

Тогда я начинаю яростно мѣшать мой кофе...

Онъ смотритъ на нее съ самозабвеніемъ, загоразиваетъ всѣмъ дорогу; она беретъ его подъ руку, прижимаетъ къ себѣ его локоть, и оба гордо удаляются... Мэри не закрываетъ рта. Девять десятыхъ разговора она выноситъ на сво-

ихъ плечахъ. Я тщетно стараюсь представить себѣ, какіе они будутъ оба, когда подрастутъ...

Они до смѣшного другъ на друга непохожи, эти два существа, но это нисколько не помѣшало бы имъ пожениться — будь у нихъ грошъ за душой... Ясно, какъ день...

Эта дѣвченка, для которой Лэндонъ примѣчателенъ лишь, какъ мѣстопробываніе одного молодого человѣка, очевидно, составившаго себѣ о ней совершенно ложное представление, не внушаетъ мнѣ ни малѣйшей симпатіи... Но ея счастье сплелось уже съ моимъ ежедневнымъ отдыхомъ въ два часа полудни. И когда она однажды прошла по Пэль-Мэль, не опустивъ письма въ почтовый ящикъ, я разсердился... Такъ я разсердился бы и на Вильяма, если бы онъ нарушилъ одну изъ моихъ привычекъ. Оба ея воспитанника изумились не менѣе моего, и вопросительно указали ей на почтовый ящикъ. Но она только покачала головой, провела пальчиками по глазамъ — точь въ точь, какъ огорченный ребенокъ — и прошла мимо.

На слѣдующій день повторилось то же самое, и я пришла въ такое бѣшенство, что прокусилъ мою папироску... Наступилъ вторникъ и я молилъ Бога, чтобы такъ или иначе разрѣшилось, наконецъ, это тягостное ожиданіе... Но, увы! Никто изъ нихъ на обычное мѣсто не явился... Быть можетъ они перемѣнили почтовый ящикъ? Въ этомъ предположеніи мало вѣроятія — у нея были каждый день красные глаза, и не подлежало никакому сомнѣнію: какая-то большая печаль легла на ея глупое сердечко... Любовь погасила свои факелы, и маленькая бонна блуждала во мракѣ...

Я чувствовалъ, что способенъ обратиться за содѣйствіемъ къ какому-нибудь комитету нравственности...

Что это въ самомъ дѣлѣ! Самолюбивый вы шутъ, послѣ всего, что вы ей тамъ наговорили, не угодно-ли вамъ положить конецъ этой исторіи и дать мнѣ спокойно пить мой кофе... Да, не таковскій это былъ молодой человѣкъ...

Обращаюсь къ вамъ, сударыня! Противная вы дѣвченка, извольте быть веселой попрежнему — по крайней мѣрѣ въ теченіе тѣхъ пяти минутъ дня, когда вы что-то для меня значите... А тамъ можете рюмить сколько душѣ вашей угодно... Возьмите себя, наконецъ, въ руки! Увѣряю васъ, это бездарнѣйшій художникъ. Не далѣе, какъ третьяго дня, я видѣлъ его передъ окномъ дешевенькаго итальянскаго ресторана. Онъ долго, жадно смотрѣлъ въ окно, и всѣ свои вождельнія въ концѣ концовъ утолилъ — всего на всего одной слобной булкой... Право, Мэри, мы могли бы добиться чего-нибудь лучшаго!

Все напрасно! Ей, извольте видѣть, во что-бы то ни стало надо быть любимой... Никакъ не можетъ безъ любви. Я и не представлялъ себѣ, какъ мало нужно женщинѣ, пока она не лишается и этой малости... Всѣ онѣ таковы. Чортъ побери, сударыня, если вы рѣшили до послѣдняго вашего взлоса изображать собою неутѣшную плаксу, то не угодно-ли вамъ продѣлывать эту комедию на какой-нибудь другой улицѣ...

Однако, ей мало того, что она каждый день проходитъ мимо моего окна съ заплаканными глазами... Я открылъ, что каждый вторникъ, между двумя и тремя, она торчитъ на углу и безнадежно глядитъ на романтичный почтовый ящикъ, подлѣ котораго они больше не встрѣчаются... Дни стоять вѣтреные, и она напоминаетъ мнѣ сорвавшійся съ дерева гонимый вѣтромъ листъ...

И мнѣ больше ничего не остается, какъ срывать свое сердце на Билльямѣ...

Наконецъ, жалкая мечта ея все-таки осуществилась. Былъ ненастный вторникъ. Я сидѣлъ подлѣ окна и писалъ письма, когда несчастная показалась на своемъ посту, на углу улицы... Я со злостью вскочилъ съ мѣста съ однимъ единственнымъ письмомъ, которое успѣлъ кончить, рѣшивъ остальные письма написать уже у себя дома. Она умудрилась таки выгнать меня изъ клуба...

Я свернулъ съ Пэль-Мэль въ боковую улицу и на кого я наткнулся? Конечно, на ея вѣрсломнаго друга... Я изо всѣхъ силъ толкнулъ его въ бокъ, что всегда, впрочемъ, дѣлаю, когда наталкиваюсь на кого-нибудь... Я взглянулъ на него: глаза ушли глубоко въ голову, лицо посѣрѣло и ни одного «ха-ха»... Болѣе жалкаго человѣческаго существа мнѣ никогда видѣть не приходилось... Онъ какъ будто и не почувствовалъ моего толчка. Но что меня поразило: онъ напряженно смотрѣлъ въ сторону почтоваго отдѣленія, и по одному только его взгляду я понялъ, что онъ все еще обожаетъ мою маленькую бонну... Кто бы изъ нихъ ни былъ повиненъ въ этой ссорѣ,—онъ также жаждалъ примиренія, какъ и она. И, быть можетъ, онъ каждый вторникъ торчалъ здѣсь, въ то время, какъ она стояла на углу Пэль-Мэль, и оба съ тоской смотрѣли на почтовое отдѣленіе. Но ни онъ, ни она другъ друга съ своихъ наблюдательныхъ пунктовъ видѣть не могли....

Мнѣ кажется, что то, что я сдѣлалъ тогда, было не дурно. Я незамѣтно уронилъ письмо къ его ногамъ и побрелъ обратно въ клубъ. Порядочный человѣкъ, найдя письмо на мосто-

вой, сочтеть своимъ долго опустить его въ почтовый ящикъ. И надо было предположить, что онъ пойдетъ къ ближайшему почтовому ящику...

Я входилъ со шляпой въ рукахъ въ курильную, и въ эту самую минуту онъ подходилъ съ моимъ письмомъ къ почтовому ящику. Я взглянулъ на дѣвушку... у нея былъ все тотъ же удрученный видъ... И вдругъ — ахъ! Бѣдная, всуежи это далеко зашло...

Она плакала навзрыдь, а онъ держалъ обѣ ея руки въ своихъ. Раздирающая сердце картина...

Молодой художникъ тоже навѣрно бы разрезълся, если бы не тискалъ ея руки въ своихъ... она, навѣрно, умерла бы, если бы не прижалась головкой къ его груди. Но надо отдать ему справедливость — онъ оказался на высотѣ положенія: онъ кликнулъ извозчика...

— Вильямъ, — весело крикнулъ я: — Живѣй! Кофе, напиросы и черри-бренди...

Я сидѣлъ и наблюдалъ эту давнишнюю сцену, когда Давидъ вдругъ дернулъ меня за рукавъ и спросилъ, на что я такъ внимательно смотрю. И когда я сказалъ ему, онъ бросился къ окну, но не успѣлъ уже увидеть особу, которой суждено было стать его матерью. Все, что я рассказывалъ ему о ней, онъ слушалъ, однако, съ большимъ вниманіемъ и вставилъ, между прочимъ, что знакомъ съ человѣкомъ, который такъ громко смѣялся — «ха-ха» — «ха-ха»... И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ раздражалъ меня своими глупыми любопытными разспросами объ этихъ двухъ дѣтяхъ... Онъ, повидимому, ихъ и считалъ героями этой исторіи... Какъ ихъ звали? Сколько имъ было лѣтъ? Были-ли у нихъ обручи? Желѣзные или деревянные? Кто подарилъ имъ эти обручи?

— Ты, очевидно, не понимаешь, милый мой, — кисло замѣтилъ я, — что не урони я этого письма, никогда бы не было на свѣтѣ мальчика, котораго зовутъ Давидъ.

Но его такая возможность ничуть не смутила.

— Значитъ, — весело спросилъ онъ, — онъ все бы еще леталъ птичкой въ Кенсингтонскомъ паркѣ?

Давидъ знаетъ, что всѣ дѣти нашего участка носились когда-то птичками въ Кенсингтонскомъ паркѣ. Оттого къ наружнымъ подоконникамъ въ дѣтскихъ и придѣлываютъ перила, а передъ каминами ставятъ рѣшетки: маленькія дѣти часто забываютъ, что у нихъ нѣтъ уже больше крыльевъ, и дѣлаютъ попытки улетѣть въ окно, или въ трубу...

Дѣтей въ такомъ состояніи поймать трудно. Давидъ

знаетъ, что у многихъ людей дѣтей вовсе нѣтъ, и наибольшее удовольствіе для чего — ходить со мною въ паркъ и смотреть, какъ эти обиденные судьбою стараются приманить птичку крошками бисквита...

Для каждаго наблюдавшаго птицъ, не подлежитъ сомнѣнію: птицы отлично знаютъ, что будетъ съ ними, если ихъ поймаютъ, и не вполнѣ увѣрены въ томъ, что новая жизнь будетъ прекраснѣе прежней... А если вы оставите подъ деревьями вашу пустую колясочку и будете наблюдать издали, вы увидите, какъ птички слетаютъ на нее и попрыгиваютъ по подушкамъ, по шерстяному одѣяльцу они приглядываются — хорошо-ли быть маленькими дѣтьми и пошло-ли бы это къ нимъ...

Самая очаровательная картина въ паркѣ, это когда дѣти отбѣгаютъ отъ своихъ нянекъ, мирно бесѣдующихъ подъ деревьями, и принимаются кормить птичекъ вдали отъ взрослыхъ... Прежде всего тутъ, конечно: — кусокъ тебѣ, кусокъ мнѣ — и въ обоихъ лагеряхъ непрерывный хохотъ, и говоръ, обмѣнъ восклицаній и разспросы о старыхъ друзьяхъ. Но что именно они говорятъ, я передать не могу, потому что едва я приближаюсь къ нимъ, они всѣ рассыпаются въ разныя стороны...

Давида я въ первый разъ увидалъ на лужайкѣ за Дѣтской Алейкой: онъ былъ тогда дроздомъ. На землѣ лежалъ рукавъ насоса, изъ котораго весело бѣжала вода. Это и привлекло вниманіе Давида... Онъ слетѣлъ на землю и сталъ болтать лалками въ водѣ... Его очень забавляетъ этотъ рассказъ о первомъ моемъ знакомствѣ съ нимъ. Онъ все позабылъ, но мало-по-малу припомнилъ множество подробностей, въ свое время ускользнувшихъ отъ моего вниманія... Память моя четко удержала лишь тотъ мигъ, когда его поймали за ножку бичевкой и какимъ-то хитрымъ сооруженіемъ изъ прутиковъ. Это было у Круглага Пруда. Онъ никогда не устаетъ слушать эту исторію, но я замѣчаю, что теперь уже не я, а онъ самъ ее рассказываетъ, и когда доходитъ до бичевки, онъ растираетъ ножку, будто она все еще болитъ у него отъ ссадины...

Давидъ плѣнился вдругъ возможностью стать вновь дроздомъ и быстро крикнулъ мнѣ: «Не роняй письма на землю...» — и въ глазахъ его уже задрожали отраженія вѣтвей...

— Подумай о матери, — сурово замѣтилъ я.

Онъ отвѣтилъ, что часто прилеталъ бы къ ней... Онъ прежде всего прилетитъ поцѣловать ее... Нѣтъ, прежде всего онъ слетѣлъ бы на кувшинъ и напился бы воды...

— Скажи ей, папа, — добавилъ онъ съ возмущитель-

нымъ безсердечіемъ, — чтобы она всегда наливала кувшинъ до краевъ, а то, если мнѣ наклоняться глубоко, я еще могу утонуть...

— Значить, не ронять письма, Давидъ? Подумай, какое будетъ твоей бѣдной матери безъ ея мальчика?..

Это произвело на него впечатлѣніе, но онъ побѣдилъ въ себѣ минутную слабость...

Когда она уснетъ, — сказалъ онъ, — онъ въ прыжку по кружевамъ ея ночной рубашки приблизится къ ея лицу и клюнетъ ее въ губы...

— А она проснется и увидитъ, что это только птичка, а сына у нея нѣтъ...

Такого горя онъ не въ силахъ былъ причинить своей матери.

— Ну... ну, роняй письмо, — сказалъ онъ со вздохомъ.

Я уронилъ письмо, о чемъ уже рассказалъ, и съ этого все и началось.

III.

Ея замужество, ея гардеробъ, ея аппетитъ и ея обстановка.

Недѣли двѣ спустя послѣ того, какъ я уронилъ письмо, я ѣхалъ на извозчикѣ въ казармы, когда вдругъ услышалъ это невыносимое «ха-ха» — «ха-ха», покрывшее весь шумъ города, — и увидалъ ихъ обѣихъ. Они выходили изъ музыкальнаго магазина, гдѣ давали пианино на прокатъ...

И я понялъ, что они собираются скоро пожениться. Это было и жалко и смѣшно, но я только рукой махнулъ на нихъ.. Эта особа занимаетъ меня только тогда, когда она несчастна... Она умѣетъ тогда казаться худенькой, хрупкой и не такой вовсе, какова въ дѣйствительности.

Въ слѣдующій разъ я увидалъ ихъ передъ магазиномъ дешевыхъ хозяйственныхъ принадлежностей—эти магазины, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ волнующихъ соблазновъ Лондона... Оба они жадно разглядывали витрину, она съ лихорадочной быстротой дѣлала помѣтки на клочкѣ бумаги, онъ также быстро подсчиталъ, и въ итогѣ ничего не купивъ, оба уныло пошли дальше... Я былъ въ веселомъ настроеніи духа...

«Не выгорѣло, сударыня, — подумалъ я, — перспективы самая безнадежныя.. Прогулка въ «Контору для найма боннъ и гувернантокъ» — неизбежна. Не удалось выйти замужъ— на кочергу денегъ не хватило».

Но я плохо еще зналъ эту особу. Черезъ нѣсколько дней я очутился на улицѣ позади нея. Есть что-то неуловимое.

чего я определить не могу, въ шелестъ ея юбокъ, по которому я всегда догадываюсь о ея близости... Она несла огромный пакетъ, что-то вродѣ птичьей клѣтки, завернутой въ коричневую бумагу. Она вошла въ лавку старьевщика и вышла оттуда уже безъ пакета. Она не шла, а бѣжала со всѣхъ ногъ къ магазину дешевыхъ вещей. И такъ какъ я никакихъ тайнъ не выношу, то я вошелъ къ старьевщику ходъ предлогомъ осмотрѣть его бракованный фарфоръ. На конторкѣ стояла та самая вещь, которую Мэри продала, чтобы обзавестись хозяйствомъ на сумму, вырученную съ этой продажи... И какъ вы думаете, что это было? Очаровательный кукольный домикъ... Въ нижнемъ этажѣ куклы жили чай, въ верхнемъ укладывались спать, одна кукла провожала гостью къ выходнымъ дверямъ... Нѣжныя уста давно уже облизали яркія краски, но въ общемъ это была прекрасно сохранившаяся вещь — очевидно — утѣха дѣтскихъ лѣтъ! И ей пришлось разстаться съ нею для того только, чтобы выйти замужъ...

Лавочникъ, видя, что я разглядываю игрушку, пояснилъ:

— Только что продана намъ одной особой... Она ей больше не нужна...

Никогда еще не былъ я такъ золъ на Мэри, какъ въ ту минуту. Я купилъ кукольный домикъ, и такъ какъ лавочнику вѣвѣстенъ былъ ея адресъ (отъ него-же я узналъ и ея имя), то я поручилъ ему отослать ей игрушку вмѣстѣ съ письмомъ, которое написалъ тутъ-же въ лавкѣ: «Сударыня, не дѣлайте глупостей... Вамъ, навѣрно, въ недалекомъ будущемъ опять нуженъ будетъ этотъ домикъ... Имѣю честь и проч. Человѣкъ, обронивши письмо»...

Поразмысливъ, я сообразилъ — слишкомъ поздно, къ сожалѣнію, для того, чтобы отмѣнить порученіе, — что вѣдь, въ сущности, я послалъ ей свадебный подарокъ. А когда я опять увидѣлъ Мэри, она была уже нѣсколько мѣсяцевъ замужемъ. Это было въ ноябрьскій вечеръ, часовъ около девяти, на узенькой улицѣ съ двумя тѣсными рядами лавокъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ улица эта все не могла прийти къ какому-либо опредѣленному рѣшенію: стать ей модницей или попрежнему пребывать простехой... И рядомъ съ наряднымъ новенькимъ домомъ, съ моднымъ магазиномъ, въ какой-нибудь витринѣ все еще красуется опромный языкъ, выжущій сливочное мороженое прямо изъ кадки мороженика. Когда мнѣ приходится проходить по этой улицѣ, находящейся недалеко отъ моего дома, я ускоряю шаги и обыкновенно снимаю очки. Но въ этотъ вечеръ я шелъ не спѣша...

Впереди меня шла Мэри, какъ-то нелѣпо всѣмъ тѣломъ опираясь на руку своего хохотуна, и оба возбужденно тараторили. Она какъ будто пеняла ему за то, что онъ куда-то велъ ее, и въ это же время восхищалась тѣмъ, что онъ не слушается ея и не идетъ обратно... Я не могъ понять, въ чемъ дѣло...

И вотъ — угодно вамъ знать, зачѣмъ Мэри и ея художникъ попали на эту улицу? Чтобы купить двѣ свиныхъ котлеты... Честное слово!

Она пыталась убѣдить его, какъ я понялъ, наконецъ, что они живутъ не по средствамъ, и хотѣла увести его домой. Но въ душѣ она любила всякое дерзаніе, и восторгалась тѣмъ, что онъ не слушался ея совѣтовъ.

Купивъ котлеты, они радостно, какъ дѣти, побѣжали домой. Я пошелъ за ними, надѣясь выслѣдить, гдѣ они живутъ, но скоро потерялъ ихъ изъ виду... Въ эту ночь въ головѣ моей сложился слѣдующій афоризмъ: «Смертный, оставь всякія попытки догнать хорошенькую молодую женщину, несущую двѣ свиныхъ котлеты».

Я рѣшилъ, однако, узнать, во что бы то ни стало, гдѣ они живутъ... Навѣрно, гдѣ-нибудь недалеко отъ этой лавки. Я даже склоненъ былъ думать, что, нанимая квартиру, они соблазнились именно близостью ея къ колбасной...

И вотъ въ одинъ прекрасный день... Очень романтично то, что я сейчасъ расскажу, но я нисколько этого не стыжусь... Квартира моя во второмъ этажѣ, и выходитъ окнами на убійственно чистую улицу, отъ которой меня отдѣляетъ маленькій дворикъ, почему-то именуемый садомъ... Онъ такъ малъ, что тѣнь отъ нашихъ деревьевъ падаетъ уже на сосѣдскій дворикъ... Въ этотъ день я сидѣлъ у окна и смотрѣлъ въ садъ. И вдругъ — кого я вижу на стулѣ въ сосѣднемъ садикѣ? Мою маленькую бонну!

Я надѣлъ очки — не ошибаюсь-ли я?

Да, это была она... Но она сидѣла недвижно, ничего не дѣлая, что совсѣмъ не вязалось съ моимъ представленіемъ объ этой особѣ... Я принесъ полевой бинокль и тогда лишь увидалъ, что это была не Мэри, а всего только ея жакетка... Она висѣла на спинкѣ стула, какъ-будто подбита была мѣхомъ, и, повидимому, повѣсили ее здѣсь, чтобы провѣтрить. Я очень огорчился, и сталъ убѣждать себя, что если это не сама Мэри, то это во всякомъ случаѣ ея жакетка...

Я никогда не видѣлъ на ней этой жакетки, но не сумѣлъ указать, почему я былъ увѣренъ, что это именно ея...

Вѣроятно платья перенимаютъ кое-что отъ своихъ со-

ственниковъ. Если ея юбки всегда предупреждаютъ меня о ея близости, очевидно, она и своему жакету умудрилась сообщить какіе-то штрихи своего облика... Или, быть можетъ, она сама шьетъ свои вещи и вшиваетъ въ нихъ частички самой себя...

Думайте, что вамъ угодно...

И какъ-бы тамъ ни было, но я тотчасъ же надѣлъ шляпу, спустился въ мой садикъ, а черезъ пять минутъ изъ сосѣдняго домика выплыли Мэри и ея супругъ... Ну, что, догадли- вый я, по-вашему, чело-вѣкъ, или нѣтъ?

Когда они свернули за уголь, я сталъ, не слѣша, разглядывать ихъ домъ... Забавный это былъ домъ! Если разсматривать его съ фасада, то онъ состоитъ какъ-будто изъ одной только двери и одного окна, но опытный глазъ подмѣтитъ еще одно окошко, вѣрнѣе, форточку въ стѣнкѣ какого-то помѣщеница, которое Мэри, вѣроятно, пышно называетъ своей спальней...

Дома по обѣ стороны этой коробки были больше, и позднѣе я узналъ, что на ея мѣстѣ былъ здѣсь открытый проходъ на задніе двory. Полтора этажа, изъ которыхъ состоитъ домишко, сколочены были на живую нитку, скорѣе, плотниками, нежели каменщиками... Получалось впечатлѣніе какой-то ярко раскрашенной досчатой будки, нависшей надъ дорогой...

Маленькіе домики въ Лондонѣ несравненно уютнѣе большихъ, и я никогда не прохожу мимо нихъ, не помянувъ добрымъ словомъ строителя... Но этотъ домикъ былъ просто смѣшонъ. Его даже нельзя было назвать домомъ, потому что надъ дверью висѣла доска съ надписью: «Этотъ участокъ земли продается». И когда я звонилъ у дверей, я вспомнилъ, что эта доска уже многіе годы висѣла здѣсь. Я пришелъ подъ предлогомъ купить продававшійся участокъ. Открыла мнѣ пожилая женщина съ унылымъ лицомъ. Благообразная внѣшность ея какъ-то плохо вязалась съ убогимъ видомъ домика. Она, вѣроятно, прочитала эту мысль на моемъ лицѣ, потому что первыя слова ея были характера объяснительнаго:

— Они меня за гроши взяли — сказала она — за мной грѣшокъ: я выпиваю...

Я кивнулъ головой, и мы вышли въ гостиную. Не помню, описывалъ-ли я уже внѣшность Мэри. Эта солнечная свѣтлая комната была точной копией съ своей хозяйки... Прежде всего я подумалъ: гдѣ она достала столько денегъ, чтобы

такъ устроиться... Этотъ вопросъ всегда приходилъ мнѣ въ голову и при встрѣчахъ съ Мэри на улицѣ...

Я не могу перечислить всѣхъ бездѣлушекъ, которыми она сумѣла украсить эту комнату — начиная отъ висѣвшаго на стѣнѣ рукодѣльнаго шнура, на которомъ не было звонка, и кончая раскрашеннымъ ящикомъ для сигаръ, въ которомъ не было сигаръ...

Полъ, восхитительно зеленого цвѣта, покрытъ былъ великолѣпными восточными коврами.. Зеленый и бѣлый цвѣта, — подумалъ я, — преобладаютъ здѣсь, вѣроятно, потому, что, по мнѣнію обитающей здѣсь леди, цвѣта эти смягчаютъ рѣзкій свѣтъ солнца. На окнахъ висѣли занавѣси изъ какой-то прозрачной ткани, цвѣта алыхъ анемоновъ... Складки величаво опускались до самаго пола, и, глядя на нихъ, я почему-то представлялъ себѣ Мэри, принимающей гостей... Пянино, какъ я уже зналъ, взято было на прокатъ.. Но здѣсь было достаточно прелестныхъ вещей и помимо пянино. Большинство мебели было изъ зеленого дерева: диванъ, угловой шкафчикъ, восхитительный письменный столикъ... Столикъ этотъ чрезвычайно напоминалъ его собственницу... Онъ и самъ, казалось, могъ присѣсть подлѣ нея и написать записку на ея колѣняхъ. На листкахъ почтовой бумаги, лежавшей на столѣ, выведено было «Мэри»... Разумѣлось само собою, что на свѣтѣ одна только Мэри... На стѣнахъ висѣли масляныя картины, большинство безъ рамъ... Долженъ еще отмѣтить канделябръ, — очевидно, вещь исключительной цѣнности: онъ стоялъ подъ чехломъ...

— Бащи господа, видимо, люди съ большими средствами — сказалъ я служанкѣ.

Она выразительно покачала головой и пробормотала что-то невнятное...

— Вы хотите сказать, что... что онъ женился на богачкѣ! — осторожно замѣтилъ я.

На этотъ разъ я разобралъ ея отвѣтъ.

— Въ сухомъятку ѣдятъ, — гласилъ онъ.

И женщина опять погрузилась въ мрачное молчаніе.

— Однако, — сказалъ я, — обстановка этой комнаты должна была стоить немалыхъ денегъ...

— Да... все ея руками сдѣлано, — съ откровеннымъ презрѣніемъ отвѣтила женщина.

— Но этотъ зеленый паркетъ...

— Немного масла и на шиллингъ краски, — сказала она и вспыхнула отъ стыда.

— И эти козры...

— Остатки! — она вздохнула и показала мнѣ, какъ они искусно были сшиты.

— И занавѣси эти...

— Остатки... съ дешевой продажи...

— Но ужь, во всякомъ случаѣ, этотъ диванъ...

Она подняла матерію, которой задрапированъ былъ диванъ, и я увидалъ: это было искусное сооруженіе изъ ящичковъ.

— А письменный столикъ...

На этотъ разъ — я былъ увѣренъ, ей нечего будетъ мнѣ возразить... Я видѣлъ выдвижные ящики съ мѣдными ручками, прелестную полку для книгъ, и маленькія полочки для бумагъ, обтянутыя шелкомъ...

— Три ящика изъ-подъ апельсиновъ, сама сколотила его, — сказала она уже не безъ нѣкотораго изумленія въ голосъ.

Я растерянно озирался на всѣ стороны. Глаза мои остановились на предметъ въ полотняномъ чехлѣ...

— Должно быть, очень красивый канделябръ подъ этимъ чехломъ, — вкрадчиво началъ я.

Она высморкалась и протянула было свою заскорузлую руку, но я остановилъ ее.

— Нѣтъ, ради Бога, — твердо сказала я. — Я предпочитаю вѣрить въ этотъ чехоль... Люди, которые ни во что не вѣрятъ, сударыня, достойны только состраданія...

Да, всѣ эти хорошенькія вещи, которыя маленькая бонна соорудила изъ ничего — помѣшали мнѣ обнажить ее канделябръ...

— Но... вѣдь это прямо выставка всякихъ достопримѣчательностей! — добавилъ я.

Женщина замѣтила, что на-верху тоже не мало примѣчательныхъ вещей...

— Вотъ какъ!.. И верхъ есть? Что-же она и лѣстницу сама сдѣлала? — подозрительно освѣдомился я.

— Нѣтъ, лѣстницу она не сдѣлала, но какъ она ее преобразила...

Лѣстница вела въ спальню Мэри. Я сказалъ, что спальню мнѣ нѣтъ надобности видѣть... Только бы еще изъ мастерскую взглянуть...

Она помѣщалась въ сарайчикъ въ саду.

— Что-же она и мастерскую своими руками сдѣлала?

— Нѣтъ... но какъ она ее преобразила...

— Какъ она умѣетъ все преобразать! — сказалъ я. — А вы не думаете, что она и за васъ возьмется...

Мое явное къ ней расположеніе смягчило ей сердце. Она подѣлилась со мною кой-какими свѣдѣніями... Сумма, которую Мэри и ея супругъ платили за это помѣщеніе, не могла, конечно, льстить самолюбію сколько-нибудь уважающей себя прислуги. Имъ очень дешево сдали домикъ, но подъ условіемъ, что они должны немедленно очистить его, если участокъ земли купленъ будетъ подъ какую-либо постройку. Они оттого и мирились съ этимъ позорнымъ объявленіемъ, что платили такъ дешево... Мэри ненавидѣла слова: «Этотъ участокъ продается», и способна была сломать доску въ мелкія щепки. Она гордилась своимъ домомъ, точно это былъ настоящій домъ и замирала отъ страха каждый разъ, когда заходила рѣчь о возможной покупкѣ участка... Моя собесѣдница обмолвилась, между прочимъ, удивительнымъ афоризмомъ:

— Самое трудное, — сказала она, — это не рисовать картины, а добывать для нихъ рамы. Это очень тяжело, — добавила она.

— Я не высоко ставлю искусство моего хозяина, — продолжала женщина, — да и другіе тоже не очень его цѣнятъ... И вотъ, въ результатъ — вѣдать въ сухоматку...

Да, одинъ только человѣкъ вѣритъ въ его талантъ, или воображаетъ, что вѣритъ, и всегда горячо восхищается... И однажды, когда художникъ впалъ въ уныніе, она шепнула пришедшему гостю: «Похвалите, похвалите, ради Бога...» — Это была, конечно, Мэри... Только она одна могла вернуть человѣку хорошее расположеніе духа и вѣру въ себя.

— Опасная женщина, — сказалъ я, вздрогнувъ, и сталъ разглядывать картину, висѣвшую надъ каминомъ. Это былъ мужской портретъ въ рамѣ. Картина производила впечатлѣніе довольно пріятное.

— Ея другъ, — пояснилъ мой чичероне. — Но я никогда его у нихъ не видѣла...

Я хотѣлъ уже отвернуться отъ портрета, когда обратилъ вниманіе на подпись внизу. Женскимъ тонкимъ почеркомъ выведены были слова: «Воображаемый портретъ нашего дорогого незнакомца»... Неужели это я? Сказать вамъ не могу, какъ меня взволновала эта догадка.

На портретѣ изображенъ былъ весьма привлекательный молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати не больше...

— Вы говорите, что это ея другъ? — спросилъ я

дрожащимъ голосомъ. — Откуда вы это знаете, если никогда не видѣли его здѣсь?

— Когда хозяинъ рисовалъ его, — отвѣтила она, — онъ часто прибѣгалъ изъ мастерской и спрашивалъ у нея: «Какіе глаза ему сдѣлать?»

— И что она отвѣчала? — быстро спросилъ я.

— Она говорила: «Прелестные голубые глаза». А онъ: «И лицо тоже сдѣлать красивое?» И она отвѣчала: «Очень красивое». — «Среднихъ лѣтъ?» — спрашивалъ онъ. — А она: «Двадцати девяти». — Разъ онъ спросилъ: «Съ маленькой лысиной?» А она какъ закричитъ: «Никакой, никакой лысины!»

Нѣжная, благодарная душа, никакой лысины!..

— Я видѣла, какъ она бросала воздушные поцѣлуи этому портрету, — добавила служанка.

Мечтательница милая, воздушные поцѣлуи мнѣ. О, ангель!..

Уффъ!

Я смотрѣлъ на портретъ и придумывалъ насмѣшливую надпись, какую я бы сдѣлалъ на немъ, когда опять услышалъ подлѣ себя голосъ служанки.

— Она, кажется, знала его съ самаго дѣтства, — сказала она. — Тутъ вотъ и подарокъ отъ него...

Она опустилась на колѣни и вытащила изъ-за дивана кукольный домикъ. У меня тотчасъ мелькнула мысль сунуть въ него нѣсколько насмѣшливыхъ словъ. Но духа не хватило, и я скажу вамъ, почему... Эта проданная однажды игрушка была любовно отдѣлана заново... На куклахъ были свѣжія платья, и краска на мебели не успѣла еще высохнуть... Кукольный домикъ былъ уже почти готовъ для дальнѣйшаго употребленія...

Я взглянулъ на служанку, но лицо ея ничего ровно не выражало.

— Поставьте его на мѣсто, — сказалъ я.

Мнѣ стыдно было, что я такимъ путемъ узналъ милую тайну Мэри... Я съ грустью ушелъ изъ ея домика. Мнѣ стало ясно, какъ день, что маленькая бонна вновь завладѣла моимъ вниманіемъ.

IV.

Ночное бдѣніе.

Ночь... Мужъ Мэри одинъ въ тягостномъ ожиданіи сидитъ по улицѣ... Онъ безсиленъ теперь сдѣлать что-нибудь для васъ, маленькая женщина... Теперь надо одной

вести борьбу до конца. Когда великое событие происходит въ домъ, мужчинъ въ немъ мѣста нѣтъ... Самоувѣренный, себялюбивый, нечуткій мужчина, пробилъ великій часъ женщины... Уходи прочь!

Онъ съ опущенной головой уходитъ отъ своего дома, попрешнему влюбленный, преданный...

Но развѣ онъ былъ когда-нибудь неласковъ съ нею? Этого онъ никогда бы себѣ не простилъ... Неужели въ эту ночь его будутъ мучить воспоминанія о неласковыхъ словахъ... Но пускай этого и не было, все равно — надо поставить себѣ впредь за правило: быть только ласковымъ, ласковѣе, чѣмъ это нужно...

Бѣдняжка, она подошла бы къ окну, если бы могла, и дала бы знаками понять, что единственная ваша не деликатность въ отношеніи ея давно забыта... Она успокоила бы васъ улыбкой, и если вамъ не суждено болѣе видѣться, все равно — оставила бы на память о себѣ эту успокаивающую, трепетную улыбку...

Ахъ, все это возможно было еще вчера — сегодня ей уже не до улыбокъ. Онъ бродитъ по темной улицѣ съ мыслями о ней, но она забыла о немъ. Въ великій часъ женской жизни, мужчина перестаетъ существовать для женщины — и любовь кажется такимъ пустякомъ въ эти мгновенья...

Онъ ходилъ по одной сторонѣ улицы, я по другой, и передъ мною мелькали картины, въ которыхъ я неизмѣнно на первомъ планѣ видѣлъ Мэри А.

Я вспоминалъ утро на слѣдующій день послѣ единственнаго моего посѣщенія ихъ дома. Управляющій обѣщалъ мнѣ снять ненавистную доску съ объявленіемъ, но я не сомнѣвался въ томъ, что едва она узнаетъ объ этомъ, она не будетъ ждать плотника и сама сниметъ доску... И дѣйствительно, когда я проходилъ утромъ мимо ея домика, она стояла уже на стулѣ, поставленномъ на скамейку, и изо всѣхъ силъ стучала молотомъ по доскѣ... И когда доска сорвалась, она съ сердцемъ вихнула ее ногой...

Потомъ мужъ ея сталъ караулить по вечерамъ почталона. Онъ ждалъ, повидимому, очень важнаго письма, отъ котораго зависѣла судьба его картины... Напряженно, какъ убійца или ангель-хранитель, слѣдилъ онъ за почтальономъ, переходившимъ отъ дверей къ дверямъ... Ни разу не рѣшился онъ спросить, если ли для него письмо, но едва оно падало въ ящикъ, торопливо вынималъ его, вскрывалъ, и если дверь безнадежно захлопывалась за нимъ, женщина, все время смотрѣвшая на него изъ окна, прижимала руки

къ сердцу. Но если письмо приносило съ собою хорошую вѣсть, они тотчасъ же выходили изъ своего домика и важно направлялись въ сторону колбасной лавки... Еще одна картина. Въ лѣтніе вечера я наблюдалъ въ открытое окно, какъ она, сидя за пианино, играла и пѣла для него.. Или играла одной рукой, а другую протягивала къ нему. Она была такъ безумно-счастлива, и такъ романтично настроена... Она смѣялась до тѣхъ поръ, пока ей не удавалось его развеселить, а я увѣренъ, что глазки ея затуманиваются уже при первыхъ страницахъ какой-либо трогательной повѣсти...

Мало-по-малу, смѣясь, плача, вздыхая, маленькая бонна превратилась въ другую женщину, лучезарную, загадочную... Мужчина, вѣроятно, скорѣе свыкается съ великой переменой и даже забываетъ, что было время, когда глаза его Мэри не отражали еще дѣтскаго личика...

Я стараюсь угадать мысли молодого мужа, шагающаго по другую сторону улицы. «Если бы не эта помѣха, онъ гулялъ бы съ нею... Она вовсе не такъ искренна, какою кажется... Всего лишь нѣсколько часовъ тому назадъ, она такъ весело болтала, что всякаго могла бы ввести въ заблужденіе...»

И, навѣрно, мужчина томится глупыми вопросами. «Отчего весь этотъ ужасъ долженъ лечь на нее одну? Отчего мужчина долженъ шататься по улицѣ въ эту ночь?.. Нѣтъ, нѣтъ, это прямо несправедливо».

Бѣдный юноша, его жена забыла теперь о немъ и о его бурной любви. Если она будетъ жить, она вернется къ нему, но если умретъ, то съ яснымъ и ликующимъ лицомъ... Жизнь и смерть, ребенокъ и мать всегда встрѣчаются въ тотъ мигъ, когда одинъ всплываетъ въ гавань, а другой поднимаетъ паруса... Они обмѣниваются звонкимъ привѣтствіемъ, и — пути ихъ расходятся...

А потомъ?

Я думаю, что единственные призраки, являющіеся въ нашъ міръ, это — умершія молодыя матери... Онѣ приходятъ навѣщать своихъ дѣтей. Это одно только побуждаетъ ихъ возвращаться вновь на землю... Онѣ проскальзываютъ и днемъ и ночью, мимо бдительныхъ стражей, въ знакомую комнату: — «Ну, каково тебѣ живется, дитя мое?» — Ребенокъ пугается незнакомаго лица, но шопотъ матери такъ тихъ, — онъ не слышитъ его... Матери склоняются надъ своими дѣтьми, вслушиваются — спокойно ли ихъ дыханіе, оправляютъ на нихъ одѣяльца, открываютъ

ящики комода и считают, сколько у них рубашек. Имъ необходимо это знать...

Самое печальное для этихъ призраковъ то, что они не узнаютъ своихъ дѣтей. Они надѣются увидеть ихъ такими, каковы они были въ часъ разлуки, растерянно ищутъ ихъ по всѣмъ комнатамъ, и ненавидятъ незнакомыхъ имъ мальчиковъ, въ которыхъ превратились ихъ крошки. Бѣдныя, томящіяся матери, онѣ даже способны иногда причинить своимъ дѣтямъ зло... Это тѣ призраки, что стонутъ и рыдаютъ ночью въ старыхъ домахъ. И сколько дикихъ, нелѣпыхъ исторій сочиняютъ люди, чтобы объяснить то, что, въ сущности, такъ трогательно и просто... Я знаю человѣка, который послѣ долгихъ и дальнихъ странствий, вернулся въ родной домъ, чтобы провести въ немъ одну ночь. Съ своего кресла передъ каминомъ, онъ замѣчалъ, какъ время отъ времени тихонько приоткрывалась дверь и въ комнату заглядывала какая-то женщина. Она злобно смотрѣла на него и тотчасъ исчезала. Странныя вещи происходили въ этомъ домѣ. Окна сами собой раскрывались ночью. Помогъ надъ кроватью вспыхнулъ. Въ лестницѣ пролемила одна ступенька. Кто-то коварно двинулъ плиту надъ старымъ колодцемъ въ сѣняхъ, черезъ которыя ему надо было пройти. И когда онъ, наконецъ, занемогъ, чья-то рука перепутала лекарства, и онъ умеръ. Какъ могла знать молодая мать, что этотъ сѣдой, откуда-то явившійся человѣкъ — ея дитя, о которомъ она томилась...

Всѣ наши представления о призракахъ ложны. Менѣе всего влекутъ призраковъ обратно въ нашъ мѣръ недоверженныя желанія, или жажда мести. И мы имъ внушаемъ гораздо больше страха, нежели они намъ...

... Мало-по-малу огни на улицахъ погасли; свѣтилось только одно окно въ маленькомъ домикѣ. Не помню, какъ это произошло — я-ли первый подошелъ къ нему, или онъ ко мнѣ, но мы уже не повторяли каждый, какъ эхо, шаги другого, а шли рядомъ... У меня не было никакого намѣренія обманывать его, но долженъ же я былъ какъ-нибудь объяснить мое бѣднѣе, и, вѣроятно, я сказалъ по этому поводу два-три слова, которыя онъ истолковалъ по-своему, потому что, слушая меня, онъ въ то же время напряженно прислушивался къ другимъ звукамъ... Какъ бы тамъ ни было, онъ почему-то рѣшилъ, что и меня тоже выгнало на улицу такое же исключительное обстоятельство, какъ и его... Я оставилъ его при этомъ заблужденіи. — «Не все ли равно, въ концѣ концовъ, — подумалъ я. — а между тѣмъ, это такъ естественно сближалось

нась... Мы говорили о томъ, о семь, объ успѣхѣ въ жизни... Для меня честолюбіе давно уже перешло въ область воспоминаній... Это уже далекое прошлое, мигъ минувшей молодости, и мнѣ пришлось бы цѣлый день ѣхать въ поѣздѣ къ тому цвѣтущему лугу, на которомъ росъ когда-то этотъ буйный цвѣтокъ...

Но онъ — онъ вчера еще былъ честолюбивъ...

— Господи! — воскликнулъ онъ, испуганно вздрогнувъ.

Часы пробили четыре четверти... Потомъ, пробилъ часъ, два.

— Который часъ теперь?

— Двадцать минутъ третьяго...

— А теперь — который часъ?

— Да все еще... двадцать минутъ третьяго...

Я спросилъ, есть-ли у него родные... Ни у него, ни у нея никакихъ родственниковъ не было...

— У насъ есть другъ одинъ, — началъ онъ, и помолчавъ немного, сталъ рассказывать какую-то несвязную исторію о письмѣ, о кукольномъ домикѣ, о какомъ-то незнакомцѣ, таинственно приобрѣвшемъ одну изъ его картинъ...

Я съ трудомъ слѣдилъ за нитью его разсказа.

— Она увѣрена, что это одно и то же лицо, — продолжалъ онъ. — Она говоритъ, что онъ откроетъ свое инкогнито, если съ ней что-нибудь случится...

Голосъ его упалъ до хрипоты.

— Она сказала — добавилъ онъ, — чтобы я передалъ ему ея привѣтъ, если она умретъ и мнѣ удастся разыскать его...

И мы опять разошлись въ разныя стороны съ тѣмъ, чтобы пройдя нѣсколько шаговъ, опять пойти рядомъ. Это неоднократно повторялось въ теченіе ночи. Онъ сталъ было говорить о томъ, что она наказывала ему сдѣлать въ случаѣ, если умретъ... Но я ничего изъ его словъ понять не могъ — они комкались у него во рту... Онъ не хотѣлъ говорить объ этихъ зловѣщихъ вещахъ, и поминутно вновь возвращался къ нимъ, какъ школьникъ къ ненавистнымъ урокамъ. Ребенокъ! За этотъ короткий годъ она сумѣла совершенно подчинить его себѣ... Таковы онъ всегда, — эти женщины: первымъ дѣломъ онѣ стараются превратить своихъ мужей въ безпомощныя существа... Много ли вы найдете счастливыхъ мужей, умѣющихъ вбить гвоздь въ стѣнку?

... Ну, какъ вамъ извѣстно — маленькая бонна не умерла. Въ четыре часа безъ восемнадцати минутъ мы

услышали шелестъ крыльевъ Давида. Онъ и теперь еще хвастаетъ этимъ, и съ такимъ видомъ, будто первое, что онъ счелъ нужнымъ сдѣлать, явившись на свѣтъ это — взглянуть на часы...

Какой-то пожилой господинъ открылъ дверь и, махая рукой, поздравилъ моего спутника, который тотчасъ же боднулъ меня головой, отбросилъ къ стѣнѣ, потоптался съ мгновенье, не зная, что ему дальше со мной дѣлать, и убѣжалъ, какъ сумасшедшій... Я бросился за нимъ, дернулъ его за руку, хотѣлъ пожать ее, но въ тотъ-же мигъ раздалось такое возмутительное «ха-ха-ха», что я почувствовалъ только отвращеніе и страстное желаніе, когда-нибудь зло посмѣяться надъ Мэри А.

— Теперь уже ей не до васъ, милый, — сказала я ему въ догонку, — я знаю этихъ женщинъ... Умственный уровень (единственное, что отличаетъ ее отъ животнаго) такъ невысокъ, что въ теченіе трехъ ближайшихъ лѣтъ она помѣшана будетъ на своемъ ребенкѣ... И вы ей теперь больше не нужны... Конечно... Все равно, что дописанный этюдъ...

Но сомнѣваюсь въ томъ, что онъ слышалъ мои слова... Я пошелъ домой. Домой! Слово можетъ быть домъ у одинокаго человѣка... Какъ часто поднимаясь по лѣстницѣ въ мои одинокія, роскошныя комнаты, я останавливался и прислушивался къ веселымъ голосамъ прислуги въ нижнемъ этажѣ... Въ это утро я уснуть не могъ. Я бродилъ въ сопровожденіи моего большаго пса изъ одной комнаты въ другую — всюду было пусто и уныло... Я докуривалъ уже сигару, когда услышалъ стукъ камушка объ окно. Я подошелъ и увидалъ передъ окномъ отца Давида. Я сказалъ ему, что живу на этой улицѣ, и онъ пришелъ, очевидно, на свѣтъ изъ моего окна.

— Я не могъ лечь, — хрипло крикнулъ онъ, — пока не узнаю, какъ у васъ? — Все благополучно?

Я не понялъ въ первое мгновенье, о чемъ онъ говорилъ, но сообразивъ, отвѣтилъ:

— Да, да, благополучно...

— Оба здоровы? — спросилъ онъ.

— Оба, — отвѣтилъ я, закрывая окно. Его, несомнѣнно, привело ко мнѣ доброе чувство, но меня вопросы его выводили изъ себя.

— Мальчикъ или дѣвочка? — продолжалъ онъ уже съ любопытствомъ дурнаго тона.

— Мальчикъ! — отвѣтилъ я съ яростью.

— Великолѣпно! — крикнулъ онъ, и еще что-то до-

бавиль, чего я не слышалъ: я съ бѣшенствомъ захопнулъ окно.

У.

Тимофей.

Малышъ Мэри кричалъ непрерывно, и такъ громко и такъ восторженно, словно шелъ навстрѣчу предопредѣленной ему безоблачно-счастливой жизни... Когда я сворачивалъ съ моей улицы въ другую, я часто слышалъ его «ха-ха-ха...» И звучало оно такъ, будто это было что-то еовсѣмъ новое въ мирѣ, хотя онъ просто перенялъ это, какъ попугай отъ отца... Мнѣ нисколько не жаль было этой женщины, но отца я жалѣлъ отъ всей души... «Бѣдняга! — думалъ я, — сознавать, что каждый разъ, когда сыну вашему весело, онъ дѣлаетъ васъ всеобщимъ посмѣшищемъ... Фи! Вотъ удовольствіе!»

Я зналъ одну очаровательную, хорошенькую дѣвушку, у которой всегда былъ надутый видъ, а люди нечуткіе требовали отъ нея ясныхъ вселыхъ улыбокъ и не догадывались, въ чемъ ея героизмъ. По природѣ своей — это была веселая, жизнерадостная дѣвушка, но изучивъ хорошо свое личико, она убѣдилась, что больше всего идетъ къ ней недовольный, хмурый видъ. Она долго боролась со своей врожденной веселостью, пока не побѣдила ея... Обычная женская исторія... Милая Маргаретъ, когда наступаетъ ночь, и ты распускаешь свои волосы, разрѣшаешь-ли ты себѣ быть самой собою, или и тогда не даешь себѣ воли, и спишь бѣдная, съ недовольной гримаской на лицѣ?..

Но неужели ребенокъ-мальчикъ способенъ на такое самопожертвованіе ради отца?..

Посмотримъ... Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я рѣшилъ послать Давиду лошадь-качалку. Меня сопровождалъ въ игрушечный магазинъ мой сень-бернаръ, хотя я не охотно вожу его съ собою въ игрушечные магазины — это его очень возбуждаетъ... Однако, игрушки, которыя я покупаю, я покупаю для него, и такъ какъ мы не рѣшаемся сознаться въ этомъ приказчикамъ, то въ магазинѣ мы оба чрезвычайно сдержанны и серьезны. Разъ двадцать говорилъ я ему, чтобы онъ оставался дома. И, наконецъ, рѣшительно заявилъ ему, что больше не буду брать его съ собою... Но тогда онъ вытягивалъ свои лапы, падалъ на полъ, съ такимъ шумомъ, какъ сброшенный съ размаху мѣшокъ съ углемъ.

и, положивъ голову между переднихъ лапъ, смотрѣлъ на меня своими печальными, подъ красными вѣками, глазами. Онъ можетъ смотрѣть такъ цѣлый часъ, ни разу не моргнувъ, и знаетъ, что, въ концѣ концовъ, разжалобитъ меня. Мой песъ не Богъ вѣсть что знаетъ, но то немногое, что ему извѣстно, онъ знаетъ въ совершенствѣ. Изъ квартиры моей можно выйти заднимъ ходомъ, и я иногда незамѣтно крадусь къ дверямъ, но я не могу не обернуться, и, обернувшись, и читаю въ глазахъ его печальный вопросъ: «Достойно это тебя?»

— Ну, чортъ съ тобой, — говорю я тогда, — собирайся, живѣй... — Или что-нибудь въ этомъ родѣ.

Онъ бывалъ и въ клубѣ и поднимался по лѣстницѣ съ такимъ важнымъ видомъ (ни дать, ни взять какой-нибудь noctенный членъ клуба), что посѣтителемъ становилось не по себѣ... Не помню, у кого я купилъ его... Кажется, объявление о немъ вырѣзалъ изъ юмористическаго журнала. Знаю лишь, что дача изъ восьми комнатъ обошлась бы мнѣ не болѣе той суммы, которую я заплатилъ за него...

Онъ былъ уже взрослымъ псомъ, когда я имѣлъ глупость познакомить его съ игрушками. Я купилъ одну игрушку на улицѣ, — купилъ ее для собственнаго моего развлечения. Это была молодая мать, подбрасывающая своего младенца одной рукой и подхватывавшая его другой... Я сидѣлъ передъ каминомъ и тѣшилъ этой милой семейной идиллией, когда услыхалъ за моимъ кресломъ странные звуки. Я обернулся и едва узналъ благодарное грустное лицо моего пса въ этомъ широкомъ звѣриномъ оскалѣ. Я испугался и хотѣлъ было спрятать игрушку, но онъ строго дернулъ меня за рукавъ и далъ мнѣ понять, чтобы я продолжалъ... Звѣриныя звуки вырывались у него каждый разъ, когда женщина фонила младенца, но игра эта, видимо, чрезвычайно увлекала его... Онъ шумно лакалъ пуду, чтобы унять свое возбужденіе. Онъ забылъ всѣ свои пристойныя, степенныя манеры, и восторженно тискалъ игрушку лапами, уложилъ ее спать съ собою, ночью съѣлъ ее и на слѣдующій день искалъ съ такой тоскою, что я долженъ былъ выйти изъ дому и купить ему крестьянина съ косою... Послѣ крестьянина съ косою были у насъ еще — мальчикъ въ черныхъ сапогахъ, пьяница съ бутылкой, пушистый кроликъ, умѣвшій пищать, и всѣ эти игрушки исчезали такъ же таинственно, какъ молодая мать съ младенцемъ. Но я не рѣшался высказать ему мои подозрѣнія. Онъ и самъ что-то подозрѣвалъ, и его чувствительное сердце было бы уязвлено, если бы я подтвердилъ его подозрѣнія...

Хозяйка игрушечного магазина, куда мы ходили съ Портосомъ, полагала, что я покупалъ игрушки для маленькаго мальчика и называла его «ангелочкомъ» и «крошкой»... Портось въ это время, важно вытянувшись, стоялъ рядомъ со мной... Эта женщина — добръйшая душа — страдала нѣкоторой многорѣчивостью...

— Ну, какъ сегодня ангелочекъ вашъ? — начинала она съ сияющимъ, привѣтливымъ лицомъ.

— Хорошо, очень хорошо... — отвѣчала я, и крѣпко сжималъ ошейникъ Портоса.

— Такая вѣтреная погода... Это не дѣйствуетъ на его аппетитъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, ничуть... (Она была бы немало изумлена, если бы узнала, что «ангелочекъ» съѣлъ въ обѣдъ баранью голову, большой круглый хлѣбъ, три кочна капусты и вдобавокъ подозрѣвается еще въ похищеніи бараньей ноги).

— Онъ, вѣроятно, очень любитъ свои игрушки?..

— Всюду таскаетъ ихъ съ собою...

— Вотъ... наборъ токарныхъ инструментовъ...

— Не подойдетъ...

— А любитъ онъ въ землѣ копать, маленькій вашъ?..

— Его любимое занятіе... (когда-нибудь откопаемъ баранью ногу!).

— Тогда не возьмете ли эту хорошенькую лопаточку и ведерко?

Разъ она уговорила меня купить модель Кентерберійскаго собора, и когда мы вернулись домой, Портось безъ обиняковъ высказалъ мнѣ свое сужденіе объ этой игрушкѣ... Онъ ненавидитъ фребелевскія затѣи, и такъ какъ хозяйка этого магазина горячая сторонница системы Фребеля, то мы стали ходить въ другія игрушечныя лавки. За лошадю-качалкой мы пошли въ Нижніе Ряды... Сколько разъ мы шатались въ нѣмомъ восхищеніи передъ этими зачарованными дворцами — Портось и я, Давидъ и я, Давидъ. Портось и я. Говорять, что это магазины дурного тона... Не понимаю, что въ нихъ дурного. Или то, что входы къ этимъ плѣнительнымъ храмамъ радости всегда облѣплены оборванной дѣтворой?.. Есть два входы въ ряды. — одинъ парадный со Штранда, и другой — болѣе романтичный, съ переулка, гдѣ Давида, выходящаго изъ магазина съ волшебнымъ фонаремъ, встрѣчаетъ толпа восторженныхъ маленькихъ оборвышей...

А теперь, милые ряды, васъ обрекли на гибель, и вмѣстѣ васъ будетъ здѣсь не то ресторачъ, не то помещеніе для

скопица ростовщиковъ, что-то грубо-полезное, нужное людямъ... И всѣ очаровательныя вещи должны исчезнуть отсюда!

Носы ковчеги впикиваются одинъ въ другой и укладываются въ ящики вмѣстѣ съ заводными лошадьми въ сбруѣ... Воины съ ранцами цѣлуютъ ручки у своихъ красокъ, которыя тоже бѣгутъ отсюда... Четвероногая публика толпится вокругъ слона, нагруженнаго обстановкой гостиной... Птицы машутъ крыльями. Человѣкъ съ косою прокладываетъ себѣ дорогу сквозь тѣсную толпу. Воздушныя шары вздрагиваютъ на туго-натянутыхъ ниткахъ, тихо покачиваются суда съ поднятыми парусами... Все готово къ отплытію...

Лошадь мы купили еще въ Нижнихъ Рядахъ... Портось, полагавшій, что она покупается для него, поглядывалъ на нее съ гордостью и нѣкоторой тревогой... Но лошадь была отправлена анонимно въ маленькій деревянный домикъ... Нѣсколько дней спустя, я, къ большому моему неудовольствію, встрѣтилъ въ Кенсингтонскомъ паркѣ мужа Мэри и счелъ долгомъ спросить, какъ онъ назвалъ свою маленькую дѣвочку...

— Это мальчикъ, — отвѣтилъ онъ съ нестерпимымъ добродушіемъ. — Мы назвали его Давидомъ...

И со свойственной ему безтактностью, спросилъ, какъ я назвалъ моего мальчика.

Я тряхнулъ перчаткой.

— Тимофей! — отвѣтилъ я.

Я видѣлъ, какъ онъ подавилъ улыбку и горячо замѣтилъ, что Тимофей такое же красивое имя, какъ и Давидъ...

— Мнѣ это имя очень даже нравится, — поспѣшилъ онъ завѣрить меня и выразилъ надежду, что мальчики наши будутъ друзьями.

Меня подмывало сказать ему, что врядъ ли я разрѣшу Тимофею водить знакомства съ дѣтьми того круга, къ которому принадлежалъ Давидъ... Но я сдержалъ себя и холодно выслушалъ его рассказъ о томъ, какъ Давидъ заливается, когда онъ играетъ его пухленькими пальчиками... Онъ хваталъ также вѣсомъ Давида, какъ будто единственное назначеніе маленькихъ дѣтей въ томъ, чтобы толстѣть не по днямъ, а по часамъ... И ни слова больше о Тимофѣѣ, о которомъ и поговорить некому съ нѣжностью. Я долженъ былъ заступиться за него, и завелъ было рѣчь о зубахъ... Но почувствовалъ тотчасъ нетвердую почву подъ ногами и перевелъ разговоръ на болѣе знакомый мнѣ предметъ, какъ дѣтскіе нагрудники и общее развитіе дѣтей... Художникъ

такъ интересовался моими замѣчаньями и обнаруживалъ такую необычайную для мужчины осведомленность о дѣтяхъ, что я скоро ступевался передъ нимъ и удивлялся только, какого чорта онъ такъ внимательно слушаетъ меня?

Какъ я упоминалъ уже, онъ рассказывалъ мнѣ передъ тѣмъ исторю о какомъ-то анонимномъ другѣ.

— Представьте себѣ, — сообщилъ онъ мнѣ, — прислалъ Давиду лошадь-качалку!..

— Что же въ этомъ необычайнаго? — замѣтилъ я.

— Подумайте, — сказалъ онъ, — лошадь для трехмѣсячнаго ребенка!

— Стремена сдѣланы такъ, что ихъ можно приладить ко всякой ножкѣ, — едва не выпалилъ я съ бѣшенствомъ, но счелъ болѣе благоразумнымъ посмѣяться вмѣстѣ съ нимъ. Мнѣ было, однако, тяжело услышать отъ него, что и Мэри смѣялась, хотя одному Богу извѣстно, какъ много разъ я самъ смѣялся надъ нею.

— Но женщины — странныя существа, — неожиданно сказалъ онъ и объяснилъ, почему... Мэри, видите ли, вдругъ перестала смѣяться и сурово замѣтила ему: «Смѣяться тутъ нечему»... Потомъ торжественно чмокнула лошадь въ носъ и сказала: «Какъ бы я хотѣла, чтобы онъ былъ здѣсь и видѣлъ, какъ я цѣлую лошадь».

Нѣтъ, бываютъ мгновенья, когда нельзя не любить этой Мэри...

Но только мгновенья, потому что слѣдующее ея замѣчанье опять выставило ее въ самомъ неблагоприятномъ свѣтѣ. Онъ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что она дала себѣ слово узнать во что бы то ни стало, кто этотъ господинъ Анонимъ...

— Это врядъ ли удастся ей, — сказалъ я съ нервнымъ смѣхомъ.

— Тогда это будетъ первой ея неудачей, — отвѣтилъ онъ.

— Но вѣдь она ничего объ этомъ человѣкѣ не знаетъ...

— А вы бы послушали, какъ она говоритъ о немъ... Увѣряетъ, что это очень милый, чудаковатый, старый холстякъ.

— Старый? — воскликнулъ я.

— Да... Она говоритъ, что онъ скоро совсѣмъ состарится, если не подтянется немного... Во всякомъ случаѣ, холстякъ, и очень любить дѣтей, но у него никогда не было ребенка, съ которымъ онъ могъ бы играть...

— Да если бы и былъ, не сумѣлъ бы играть съ нимъ, —

рѣзко замѣтилъ я, — забылъ уже, вѣроятно, какъ забавляютъ дѣтей... Да? Только и умѣлъ бы, что глазѣть на него?..

— Да, но лишь въ присутствіи родителей... Она увѣрена, что если бы ребенокъ остался на его попеченіи, онъ отлично справился бы съ нимъ.

— Что за чортъ... — началъ я.

— Такъ она говоритъ... — добавилъ онъ, какъ бы извиняясь. — Это она, я думаю, просто изъ чувства благодарности къ нему...

— Подумаешь! — бросилъ я, но мнѣ стало какъ-то не по себѣ, а когда я опять встрѣтился съ нимъ, онъ прямо меня напугалъ.

— Не знаете ли вы случайно человѣка, — спросилъ онъ, — у котораго большой сень-бернаръ?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я и взмахнулъ тростью.

— У него сень-бернаръ!..

— Какъ вы это узнали?

— Она это узнала.

— Какимъ образомъ?

— Понятія не имѣю.

Я поспѣшилъ распротиться съ нимъ, потому что Портосъ былъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня...

Исторія эта начала меня пугать, но я тотчасъ принялъ мѣры, чтобы отразить опасность... Я нанялъ человѣка для прогулокъ съ Портосомъ въ Кенсингтонскомъ паркѣ и далъ ему слѣдующія инструкціи: «Если вы замѣтите, что за вами идетъ молодая женщина съ подержанной дѣтской коляской, тотчасъ же кликните полицейскихъ, и скажите, что она, очевидно, намѣрена украсть собаку»...

Не угодно ли, Мэри?

— Кстати, — сообщилъ мнѣ ея супругъ при слѣдующей встрѣчѣ, — лошадь, о которой я говорилъ вамъ, стоитъ три гинеи.

— Она пошла въ лавку справляться объ этомъ?

— Нѣтъ, не объ этомъ, а о внѣшности покупателя...

О, Мэри, Мэри!..

И вотъ какое описаніе внѣшности этого покупателя далъ ей въ Нижнихъ Рядахъ: высокій, солидный господинъ, довольно хорошо одѣтъ, съ военной выправкой... Прямой римскій носъ (совершенно вѣрно!), рѣдкіе волосы, тщательно, ровно, какъ скрипичныя струны, расправлены по обѣ стороны пробора, для того, вѣроятно, чтобы ихъ казалось больше (фуй!), прежде чѣмъ сѣсть, смахиваетъ платкомъ пыль со стула и, вообще, манеры у него старой дѣвы (хотѣлъ бы я знать, какія, напимѣрь!), томительно-учтивъ, не

не очень общительный; лицо угрюмое; лѣтъ сорока пяти (ложь); ходитъ всегда съ большимъ желтымъ псомъ, у котораго печальные глаза (они думаютъ, что красныя вѣки— это печальные глаза).

— Не знаете ли такого человѣка? — невинно спросилъ меня мужъ Мэри.

— Дорогой мой, — отвѣтилъ я, — да почти всѣ мои знакомые болѣе или менѣе подходятъ подъ это описаніе.

И это была правда, у насъ, въ клубъ, мы съ годами всѣ становимся похожи другъ на друга. Но въ общемъ, я остался доволенъ этимъ разговоромъ, такъ какъ узналъ, какимъ образомъ она провѣдала о моемъ сень-бернарѣ... Однако, когда я въ одинъ прекрасный день увидалъ изъ-за занавѣски Мэри, пытливо вглядывавшуюся въ мои окна, мною вновь овладѣло безпокойство. Она остановила какую-то няню съ ребенкомъ и рассыпалась передъ нимъ въ восторгахъ. Я былъ увѣренъ, что она спрашивала не зовутъ ли ребенка Тимофеемъ... И если его зовутъ иначе, то не знаетъ ли она другой няни, которая нянчитъ Тимофея...

Подозрѣнія Мэри, очевидно, пали на мою особу. Однако, я ухватился за мысль о Тимофее, и вмѣстѣ съ тѣмъ, мнѣ хотѣлось знать о немъ больше того, что я зналъ, потому что я все встрѣчался случайно съ другимъ отцомъ, и онъ всегда останавливалъ меня для того, чтобы поговорить о нашихъ мальчикахъ... И предлагалъ такіе интимные вопросы: какъ Тимофей спитъ, какъ онъ просыпается, какъ вновь засыпаетъ, въ чемъ мы его купаемъ... Хорошо еще, что у дѣтей и у собакъ много общаго — я про Портоса и говорилъ...

Какъ онъ спитъ (спокойно), какъ онъ просыпается (очевидно, отъ тревожныхъ сновъ), какъ вновь засыпаетъ (прижавъ лапку къ носу); и только насчетъ ваннъ я не распространялся (Портоса мы купаемъ въ карболовомъ растворѣ и тремъ жесткой щеткой).

Мужъ Мэри нисколько меня не подозрѣвалъ, и я надѣялся, что и она тоже окажется великодушной. Но тѣмъ не менѣе, я былъ насторожѣнъ. Возможно, что она лишь собиралась съ силами, чтобы неожиданно совершить на меня нападеніе, и это еще больше привязывало меня къ Тимофею... Я точно боялся, что она оторветъ меня отъ него. Какъ будто это было такъ легко!..

VI.

Моя утрата.

Это былъ въ одинъ майскій день... Я видѣлъ изъ моего окна, какъ Мэри, проводивъ своего мужа до перваго перекрестка, долго махала ему платкомъ, словно онъ отправлялся въ дальнее плаваніе. У нея было лицо счастливой жены, которая намѣревалась отправиться прямой домой и ждать побѣднаго возвращенія своего супруга. А господинъ съ военной выправкой, слѣдившій за нею, грустно улыбаясь, догадывался, что это просто страничка изъ руководства къ «Семейному счастью»... О, Мэри, меня ты этими улыбками не проведешь!..

Какъ только она потеряла мужа изъ виду, она мгновенно преобразилась. Теперь это была дѣловитая, расчетливая женщина. Она осторожно оглянулась на всѣ стороны, съежилась, стала вдругъ маленькой, невзрачной и съ таинственнымъ видомъ заспѣшила куда-то...

«Это еще что?» — подумалъ я и пошелъ за нею.

Она часто взглядывала на свои часики, какъ человекъ, опасаящийся пропустить свиданіе, и смотрѣла на нихъ долго, долго, словно это были часы исключительные, указанія которыхъ можно было понять лишь послѣ долгихъ вычисленій.

Разъ она даже поднесла ихъ къ губамъ.

Я зналъ давно, что она обожаетъ свои наивные маленькие часики, которые онъ подарилъ ей, кажется, въ тотъ день, когда я обронилъ письмо, но чего ради она цѣлуетъ ихъ на улицѣ? И зачѣмъ она такъ торопливо прячетъ ихъ за поясъ, словно это преступленіе, цѣловать сегодня, когда вадумается, часики, подаренные мужемъ?..

Отъ безпечныхъ мыслей я скоро, однако, перешелъ къ гомительному состоянію. Зачѣмъ она привела меня за собою на эту улицу, съ рядами дешевыхъ пестрыхъ лавокъ? Она ни въ одну изъ этихъ лавокъ не вошла, но медленно, съеживаясь подъ взглядами прохожихъ, прошла по улицѣ разъ и другой — настоящее олицетвореніе стыда!... Мнѣ въ голову никогда не приходило, что это милое лицо можетъ горѣть стыдомъ. Если бы я подошелъ къ ней и назвалъ ее по имени, она, навѣрно, сквозь землю провалилась бы... Но я шагаль по другой сторонѣ улицы и ждалъ. Я тоже ждалъ чего-то, и гадалъ — мужчина это или что-нибудь другое? — и, кажется, даже сжималъ въ рукѣ мою трость...

Неужели я заподозрилъ въ чемъ-то Мэри? О, ни на одно мгновенье! Но во всемъ этомъ было что-то странное. Она пришла, судя по этой робкой таинственности, безъ вѣдома своего мужа, на свиданіе, котораго она боялась и въ которомъ не рѣшалась ему сказать. Ей грозила, очевидно, какая-то опасность. И надо было ее устранить, не ради себя, но ради него... Ничего такого, что надо было бы скрывать. Мэри совершить не могла... Но какіе такіе проступки тяжкіе могъ совершить этотъ милый юноша?.. Неужели его смѣхъ пережилъ бы безчестье? Открытый взглядъ, буйныя кудри, милая улыбка, тысячи располагающихъ черточекъ, которыя мы удерживаемъ изъ дѣтства, могутъ еще оставаться при насъ, когда чистота, невинность исчезаютъ изъ души... Но смѣху, юному весеннему смѣху нѣтъ уже тогда мѣста въ ней... Только надъ смѣхомъ не властны злыя силы...

А Мэри все ждала... Отъ красоты ея слѣда не осталось. Стыдъ жегъ ея лицо — она была безобразна... Въ этомъ виноватъ былъ ея мужъ. Я проклиналъ его... Но безъ убѣжденія, потому что, въ концѣ концовъ, кое-что я зналъ о женщинахъ... у меня сохранились кой-какія смутныя воспоминанія, были нелѣпыя догадки... И, однако, у меня сомнѣнія не было въ томъ, что Мэри привело сюда какое-то трогательное желаніе сдѣлать что-то хорошее, но чего, быть можетъ, лучше было бы не дѣлать — потому что это пугало ее... Вернись домой, глупенькая, милая дѣвочка — никогда, ни словомъ не проговорюся я о томъ, что видѣлъ... Упрямица! Она видитъ передъ собой его лицо въ минуту разставанья... оно сіяетъ свѣтомъ мастерской, въ которой онъ рисуетъ и, несмотря на всѣ разочарованія, все лепѣтъ свои мечты...

Это сіяніе — приданое, которое она принесла ему, и пока сомнѣнія не одолеваяютъ его, онъ — сильный человѣкъ...

Такъ страстно хочется ей, бѣдной, вернуться домой и не можетъ рѣшиться... Время отъ времени она дѣлаетъ нѣсколько стремительныхъ шажковъ, словно рѣшается, наконецъ, уйти съ этой ненавистной улицы, и останавливается и возвращается обратно, какъ птичка на примаанчивыи зовъ лисицы...

Что за безуміе! Женщина, уходи-отсюда!

Наконецъ, она рѣшилась. Сдѣлала надъ собою нечеловѣческое усиліе, испуганно оглянулась кругомъ и вошла въ ссудную лавку...

И я все поялялъ — прежде еще, чѣмъ она вышла оттуда.

понялъ въ тотъ самый мигъ, когда за нею захлопнулась дверь... И почему она выбрала, бѣдная, эту улицу, гдѣ никто ея не зналъ, почему такъ растерянно пробѣгала мимо этой отвратительной лавки, прежде чѣмъ рѣшилась войти въ нее, и отчего она такъ часто посматривала на свои часики, которыхъ ей не придется, быть можетъ, видѣть больше... Ей такъ тяжело было вести свое маленькое хозяйство, но въ присутствіи мужа, она всегда улыбалась, онъ и знать не долженъ былъ, куда уплывали ея скромныя бѣдлушки...

Пускай это чудовищно, но я почувствовалъ облегченіе. И даже когда Мэри убѣгала отъ лавки, гдѣ оставила свои часы, и я замѣтилъ, какъ она осунулась и похудѣла, словно ребенокъ ея слишкомъ тяжелымъ сталъ для ея тонкихъ рукъ — даже въ эти минуты мнѣ легко было на душѣ... И не спѣша вслѣдъ за нею, я медленно побрелъ домой, напѣвая какую-то пѣсенку, но безъ словъ, потому что никогда словъ ни одной пѣсни запомнить не могъ... Я видѣлъ издали, какъ Мэри зашла въ другую лавку, въ лавку дѣтскаго бѣлья. Было ясно, какъ день, для чего она продала свои часы... Но мнѣ-то какое до этого дѣло? Я беззаботно тянулъ свою пѣсенку... Я замахнулъ тростью на фонарный столбъ, и не попалъ... Но уличный мальчишка весело разсмѣялся моею неудачѣ: я подмигнулъ ему и сунулъ ему монету за воротъ..

Я избралъ бы, вѣроятно, самый легкій путь, который намѣчался естественно складывавшимися обстоятельствами, но судьбѣ угодно было, чтобы я встрѣтился съ мужемъ на его обратномъ пути домой... И первый же его вопросъ подсказалъ мнѣ шальной отвѣтъ.

— Какъ поживаетъ Тимофей? — спросилъ онъ. И вопросъ этотъ внезапно открылъ мнѣ такую плѣнительную перспективу, передъ которой не могъ устоять человѣкъ, томящійся въ своемъ будничномъ существованіи по чѣмъ-нибудь необыденномъ и новомъ...

— Тимофей умеръ, — вырвалось у меня.

Художникъ былъ такъ пораженъ, что едва въ силахъ былъ выразить мнѣ свое соболѣзнованіе, и я тоже почувствовалъ, какъ сердце у меня упало... Этими необдуман-ными словами я, дѣйствительно, похоронилъ моего мальчика... Всѣ мои мечты о Тимофее, всѣ мои усилія оградить его отъ презрительныхъ усмѣшекъ влюбленной въ своего сына Мэри, развѣялись въ это мгновеніе, какъ дымъ...

VII.

Погибшая мечта.

Читатель догадывается, вѣроятно, что я затѣмъ лишь отправилъ Тимофея на тотъ свѣтъ, чтобы отдать Давиду всѣ его рубашечки, нагруднички и туфельки; и пенять на меня за то, что я разстроилъ художника, право, не слѣдуетъ... Несмотря на все его неподдѣльное сочувствіе, я видѣлъ, однако, что разспросы его подсказываются ему отчасти эгоистическимъ желаніемъ отразить отъ себя такой-же ударъ судьбы... Таковы они всѣ — родители...

Онъ участливо спросилъ, не можетъ-ли быть мнѣ полезенъ чѣмъ-нибудь... Конечно, могъ-бы кое чѣмъ быть мнѣ полезенъ, но я не сомнѣвался, что скажи я ему это, и онъ бы вспыхнулъ, какъ опичка... Я имѣлъ уже возможность убѣдиться, какъ онъ чувствителенъ къ малѣйшему намеку на помощь...

Надо было ждать, чтобы онъ самъ предложилъ... Я заговорилъ о вещахъ, оставшихся въ домѣ, о томъ, какъ тяжело мнѣ видѣть ихъ, и онъ пожалъ мнѣ руку, глубоко растроганный, хотя въ это мгновение, навѣрно, видѣлъ передъ собой и другой домъ, и другія дѣтскія вещи. Мнѣ совѣстно было волновать его, но у него не было избытка въ этихъ вещахъ... А потомъ мои признанія меня самого разжалобили, и я не могъ уже молчать... Не могу же я продать эти вещи? И нищимъ не могу отдать ихъ — кто знаетъ, какое еще употребленіе сдѣлаютъ изъ этихъ вещей люди, которыхъ я не знаю... Я рассказалъ ему также объ одномъ моемъ другѣ, отцѣ маленькаго ребенка, который отказался отъ этихъ вещей... Онъ и ему тоже всегда напоминали-бы о Тимофеѣ... Это, наконецъ, задѣло художника за живое, и онъ сдѣлалъ предложеніе, котораго я ждалъ...

Мнѣ нелегко было добиться этого, и я злился на него и на себя... Я всегда былъ неловкимъ, ненаходчивый челоуѣкъ, но разъ затѣявъ что-нибудь, я никогда отъ этого на полъ-дорогѣ остановиться не могъ.

Жизнь Тимофея, какъ вы, быть можетъ, догадывались, всегда висѣла на волоскѣ, и я зналъ, что дни его сочтены... Его даже на воздухъ нельзя было выносить... Какъ могъ онъ развиваться и жить при такихъ условіяхъ...

Когда часъ его пробилъ, я почувствовалъ даже облегченіе. Я вспоминалъ, съ какой нѣжностью я поднесъ его въ этотъ день къ окну — посмотрѣть на заходившее солнце, которое унесло его съ собой... Я съ горечью говорилъ ему, что

онъ долженъ уйти изъ этого міра, такъ какъ всѣ его хорошенькія рубашечки и туфельки нужны другому ребенку, и когда солнце, истинный отецъ его, приняло его въ свои дрожащія объятія, онъ улыбнулся на прощанье одной дамѣ, для которой находилъ всегда такія милыя, нежныя имена, не вѣдая въ невинности своей, что у маленькихъ бѣлыхъ птичекъ никогда не бываетъ матерей... Мнѣ хотѣлось — такъ сильно овладѣла мною мечта о Тимофеѣ, — чтобы и онъ игралъ въ Кенсингтонскомъ паркѣ, прежде чѣмъ перейти въ иной міръ, ѣздилъ верхомъ на сухихъ вѣткахъ и ликующими криками звалъ меня любоваться имъ... Мнѣ хотѣлось, чтобы онъ пускалъ бумажные пароходы въ Круглый Прудъ, и пналъ-бы обручи по веселымъ дорожкамъ беззаботнаго дѣтства... По этимъ дорожкамъ бѣгали когда-то и мы, давно, давно, въ свѣтлые лѣтніе дни, пока не вынырнули вдругъ на другомъ концѣ взрослыми мужчинами, взрослыми женщинами, успѣвшими уже расплатиться за всѣ свои дѣтскія утѣхи... И мнѣ казалось (эта мучительно сладостная мысль неотступно со мною въ моихъ одинокихъ комнатахъ), что онъ догадывался о моей грусти, и, страдая въ своемъ мальчишескомъ самолюбіи, давалъ мнѣ понять, что не дѣлалъ всего этого вовсе не изъ трусости, ему даже очень хотѣлось дѣлать все это — но потому, что онъ не похожъ на другихъ мальчиковъ... Съ этими словами, онъ выпустилъ мой палецъ изъ своей ручки и на моихъ глазахъ перешелъ въ другой таинственный міръ... Но я знаю, если-бы онъ и похожъ былъ на другихъ мальчиковъ, все равно — лучше его не было-бы во всемъ мірѣ...

Я начинаю, однако, сомнѣваться въ себѣ самомъ — я не чувствую въ себѣ внутренней отваги, хотя наружно какъ-будто и вполне владѣю собой...

Когда я на слѣдующій день рѣшилъ пойти купить гардеробъ Давиду, я внезапно — также оробѣлъ, какъ Мэри передъ входомъ въ ссудную лавку... Я струсилъ уже у самыхъ дверей магазина дѣтскихъ вещей... Мужчина внезапно становится отцомъ — это должно бы усилить въ немъ чувства достоинства и вѣры въ себя, но у меня... у меня не хватило смѣлости войти въ магазинъ... Я давно уже пересталъ бороться съ отвращеніемъ, которое внушали мнѣ всякаго рода магазины, за исключеніемъ мастерской моего портного, у котораго я, кажется, бываю даже слишкомъ часто.

Я топтался подлѣ магазина, подтрунивая надъ самимъ собою, и почему-то подумалъ: — вотъ уже три часа; если-

бы я рѣшился полчаса тому назадъ, все было-бы уже кончено...

Въ то самое мгновеніе, когда я храбро двинулся, наконецъ, къ двери, я увидалъ вдругъ очень приличнаго господина, пристально — по крайней мѣрѣ такъ мнѣ показалось — смотрѣвшаго на меня. Я отпрянулъ назадъ, но обернувшись, увидалъ его все на томъ-же мѣстѣ. Для меня ясно было, какъ день, что онъ какимъ-то образомъ пронюхалъ о моемъ намѣреніи. Всѣми силами сдерживая закипѣвшій во мнѣ гнѣвъ, я поклонился и съ ледяной учтивостью, сказалъ:

— Вы, очевидно, раньше моего заняли этотъ постъ...

— Извиняюсь... — отвѣтилъ онъ.

Я убѣжденъ теперь, что мои слова только обратили его вниманіе на мою особу, но тогда я не сомнѣвался въ томъ, что за его отвѣтомъ таится какая-то задняя мысль.

— Я не имѣю удовольствія знать васъ, — выпалилъ я.

— Очень жаль, — отвѣтилъ онъ, смѣясь.

— Долженъ заявить вамъ, милостивый государь, — сказалъ я, — что буду ждать здѣсь до тѣхъ поръ, пока вы не уйдете.

И прислонился спиной къ косяку витрины.

.. Тогда, наконецъ, онъ вышелъ изъ себя и бросилъ: «Л здѣсь свиданья никому не назначалъ».

И тоже прислонился спиной къ другому косяку витрины. Каждый изъ насъ твердо рѣшилъ взять другого изморомъ и видъ у насъ, вѣроятно, былъ презабавный... Мы скоро впрочемъ почувствовали это. Нѣсколько минутъ спустя, когда страсти наши улеглись, мы сердечно пожали другъ другу руки и кликнули извозчиковъ.

Но неужели отказаться отъ моего намѣренія? У меня было, правда, много знакомыхъ дамъ, которыя охотно сдѣлали-бы для меня эти покупки... Но пришлось-бы рассказывать и объяснять, а я всегда предпочитаю обходиться безъ объясненій... Я былъ уже въ отчаяніи, когда меня осянула вдругъ мысль объ Иренѣ и м-ссъ Хикингъ... Онѣ однѣ могли осуществить мое желаніе и купить гардеробъ для Давида.

Надо вамъ рассказать, кто такіа были Иренѣ и м-ссъ Хикингъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Пер. А. Даманская.

ОСЕНЬ ВЪ ГОРОДѢ.

1.

*Мокрые флаги хлопаютъ по вѣтру,
Совсѣмъ отсырѣли панели,
На мнѣ промокли стѣрыя гетры,
Устало иду еле-еле.
Шмыгаютъ трамваи, тѣснятся въ нихъ люди,
Висятъ, какъ пчелиныя грозди...
Мечтаю о солнцѣ, какъ будто о чудѣ,
Но лѣто прошло... Не поздно-ль?..
Можетъ быть, дома погрѣться у камина?
Но увы! Каминны въ романахъ.
И негдѣ лечиться отъ холода и сплина
И стѣвернаго тумана.*

В. Аренсъ.

* * *

Опять на сѣверѣ мчитъ мечта...
И за окномъ мелькаетъ поле,
Завороженные снѣга,
Надъ ними мѣсяца рога,
И сердце бьется, какъ на волѣ!

Холодный воздухъ за стекломъ,
Сухой, прозрачный, темносиній,
Какъ лѣтомъ въ полдень водоемъ
Манитъ прохладнымъ серебромъ,
Такъ высь зоветъ далекихъ скиній.

Огни горять! Исчезла тьма.
И осень. Бѣлая кайма
Лежитъ у ногъ. Пускай не таетъ,
И бодрость сѣвера витаетъ
Въ душѣ и тѣлѣ, какъ зима.

В. Ареновъ.

ВОЕННЫЕ БЮДЖЕТЫ ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВЪ НАКАНУНЪ ВЕЛИКОЙ ВОИНЫ.

Ни одинъ серьезный изслѣдователь, поставивши своей задачей изученіе причинъ нынѣшней войны и условій, благопріятствовавшихъ катастрофѣ, разразившейся въ 1914 г. надъ Европой, не сумѣетъ обойти вопроса о чудовищномъ ростѣ военныхъ бюджетовъ въ теченіе десятилѣтія наканунѣ войны во *всѣхъ* государствахъ.

Благодаря обостренію международныхъ отношеній и подпольной дѣятельности всякаго рода интернациональныхъ провокаторовъ милитаризма, Крушна, Тиссена и другихъ въ Германіи,

Шкода въ Австріи—военные расходы наканунѣ нынѣшней войны растутъ во всѣхъ странахъ съ поразительной быстротой, а вмѣстѣ съ увеличеніемъ военныхъ расходовъ все болѣе яркую форму принимаетъ новое грозное явленіе—*милитаризація* бюджетовъ. Несмотря на гигантское развитіе промышленности и торговли, на увеличеніе платежеспособныхъ силъ населенія, на необычайный ростъ бюджетовъ, военные расходы увеличиваются въ такой рѣзкой формѣ, поднимаются такими скачками, что ничто не въ состояніи угнаться за ними. Военно-морскіе расходы во всѣхъ странахъ начинаютъ расти съ страшной быстротой не только въ абсолютномъ, но и въ процентномъ отношеніи. Съ 1907 по 1912 г. русскіе военно-морскіе расходы поднимаются отъ 447 до 700 милліоновъ рублей, т. е. на 56%. Въ 1907 они составляли всего 18% государственнаго бюджета, въ 1912 г. они поднялись до 23%, въ 1914 до 28% ¹.

Во Франціи военно-морскіе расходы поднимаются съ 1910 по 1914 г. отъ 1330 милл. франковъ (при бюджетѣ въ 4.185 милліоновъ) до 2 милліардовъ (при бюджетѣ въ 5 милліардовъ 320 милліоновъ). Въ 1910 г. эти расходы составляли 32% бюджета въ 1914 г.—уже 38%. Подъ вліяніемъ роста военныхъ расходовъ на содержаніе арміи, флота, на колониальныя экспедиціи и «умиротвореніе» занятыхъ областей въ Африкѣ или Азіи французскій бюджетъ растетъ съ головокружительной быстротой, и къ

¹ См. рѣчь члена Государственной Думы, бывшаго офицера генеральнаго штаба Энгельгардта, представителя группы центра на засѣданіи 31 мая 1914 года.

1913 г. «бюджетные Гималаи», о которых когда-то говорил Пуанкаре,—сказываются далеко превзойденными, отчасти по винѣ этого яркаго сторонника и вдохновителя французской империалистической политики,

Вмѣстѣ съ бюджетомъ на 1913 г. во Франціи *открывается эра дефицитовъ*, и докладчикъ финансовой комисси въ сенатѣ Эмонъ въ сильной рѣчи указываетъ на серьезность финансоваго положенія страны. Это вызвано непомѣрнымъ ростомъ французскаго бюджета и въ особенности военныхъ и колониальныхъ расходовъ и вытекаетъ непосредственно изъ закона о 3-хъ лѣтней службѣ, являющагося послѣднимъ словомъ французскаго милитаризма наканунѣ войны.

Какъ бы то ни было, наканунѣ войны Франція переживала глубокий финансовый кризисъ. Эта страна, о необыкновенномъ богатствѣ и финансовой мощи которой столько пишетъ повседневная пресса, изнемогаетъ уже подъ тяжестью налоговъ и чакъ бы вытанцовываеъ свое послѣднее «па» въ сарабанцѣ миллиардовъ, послѣднее па, вслѣдъ за которымъ ей остается только отойти въ сторону и въ изнеможеніи опуститься на землю. Однако, положеніе другихъ западно-европейскихъ странъ становится къ этому моменту столь же серьезнымъ, какъ и во Франціи.

Англинскій бюджетъ, равнявшіеся въ 1900-1901 г.—2.773 милліона фр., достигаетъ въ 1903-1904 г.—3.674 милл. фр., а въ 1913-1914 г.—4.937 милл. фр., т. е. возрастаетъ на 2. 164 милл. фр. и стало быть растетъ съ еще болѣе головокружительной быстротой, чѣмъ французскій бюджетъ. Нигдѣ милитаризація бюджета не идетъ такими быстрыми шагами, не выражается въ такой рѣзкой формѣ, какъ въ Англии.

Въ 1897—98 гг. военные расходы въ англискомъ бюджетѣ составляли 39%, а въ 1909—10 гг. уже—42,4%. Къ этому необходимо добавить, что параллельно повысился и общій размѣръ англискаго бюджета на очень крупную сумму. Въ связи съ этимъ, повышение военныхъ расходовъ становится еще болѣе рѣзкимъ.

Въ срединѣ прошлаго столѣтія на первомъ мѣстѣ въ англійскомъ бюджетѣ стояли расходы по оплатѣ долга (28,1 ф. ст.), на второмъ—расходы на армию (27,2 м. ф. ст.), на третьемъ—расходы по гражданскому управленію (6,9 м. ф. ст.) и на самомъ послѣднемъ расходы на флотъ (7,4 м. ф. ст.).

Въ послѣдніе годы до войны картина рѣзко измѣнилась. На первомъ мѣстѣ стоятъ уже расходы по управленію (41,6 м. ф. ст.), на второмъ—расходы на *флотъ* (35,8 милл. ф. ст.), на третьемъ—расходы на *армию* (27,2 м. ф. ст.) и на самомъ

послѣднемъ расходы по долгу (21, 7 м. ф. ст.). За время съ 1898 по 1910 гг. военные расходы Англии возросли на 22 милл. ф. ст.

Даже въ періодъ 1810—1815 гг., когда Англія вела самую большую и самую тяжелую въ ея исторіи войну, военные расходы этой страны были меньше тѣхъ, которые она несла въ послѣдніе до-военные годы¹.

Слѣдующая таблица показываетъ ростъ военныхъ расходовъ Англии за послѣднія десятилѣтія (въ фунтахъ стерлинговъ):

	Армія	Флотъ	Всего
1884—1885	16.980	11.049	27.979
1894—1895	19.256	18.070	37.326
1899—1900	22.155	27.742	49.897
1910—1911	27.760	40.604	69.364

За 26 лѣтъ съ 1884 по 1910 гг. военный бюджетъ увеличился болѣе чѣмъ въ 2½ раза. Ни этотъ ростъ военныхъ расходовъ Англии не остановился. Морская смѣта на 1914—1915 г. (накалавнѣ войны) достигла 51.550.000 ф. стерл.; смѣта на сухопутную армію достигла 28.845.000 ф. стерл., итого 80.395.000 ф. ст. Превышеніе по сравненіи съ 1910—1911 г. на 12.000.000 ф. стерл.

Желаю подчеркнуть быстрый темпъ развитія англійскихъ военныхъ расходовъ, Ллойдъ-Джорджъ въ своей рѣчи 14 авг. 1913 г. въ палатѣ Общинъ указалъ на тотъ поразительный фактъ, что въ «1913 г. Англія затратила на свой военный флотъ больше, чѣмъ расходовала на свои эскадры въ 1886 г. вся держава, вмѣстѣ взятая, включая въ число ихъ и самое Англію».

Одинъ этотъ «поразительный фактъ» даетъ представленіе о голосокружительно-быстромъ ростѣ англійскаго милитаризма

* * *

По постоянству и быстрому росту государственнаго бюджета Россія не только не отстала отъ передовыхъ европейскихъ государствъ, но въ дѣлѣ возрастанія расходовъ можетъ смѣло выдержать «соревнованіе» со всеми государствами, какъ справедливо выразился нашъ министръ финансовъ на засѣданіи государственной Думы 27 ноября 1907 г.

Въ самомъ дѣлѣ, начиная съ 1866 г. по 1906 г., т. е. за сорокъ лѣтъ, нашъ бюджетъ возросъ въ пять разъ. Вотъ таблица, показывающая ростъ нашего обыкновеннаго бюджета по десятилѣтіямъ (въ круглыхъ цифрахъ).

1866	431.000.000.
1877	847.000.000.

¹ «Ежегодникъ газеты «Рѣчь» на 1913 г. см. стр.

1896	1 242.000.000.
1906	2.075.000.000.

Обыкновенные расходы 1907 г. превысили обыкновенные расходы 1906 г. болѣе, чѣмъ на 100 милл. рубл. За 6 лѣтъ съ 1902 г. по 1908 обыкновенные государственные расходы возросли съ 1.802 милл. р. до 2.317 милл. рублей или на 515 милл. р., что составляетъ 30%.

На этомъ, конечно, ростъ нашего бюджета не остановился. Съ особой быстротой увеличивались наши государственные расходы за періодъ дѣятельности III-ей Государственной Думы. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ А. Шингаревъ характеризуетъ дѣятельность большинства III-ей Думы въ области бюджета.

«Подъ влияніемъ опредѣленныхъ требованій и попустительствъ этого большинства несоразмѣрно увеличились расходы на дѣло обороны. Желая отклонить отъ себя какую бы то ни было отвѣтственность въ недостаткахъ кредитовъ на оборону, думскій центръ не только не стремился заставить дѣйствительными мѣрами громадное военное хозяйство вести болѣе экономно, но явно толкалъ на предъявленіе къ Думѣ все новыхъ и новыхъ требованій, Проходившіе въ закрытой комиссіи государственной обороны безъ достаточной критики кредиты не встрѣчали необходимаго сопротивленія и въ бюджетной комиссіи.»

Вся масса рѣзко увеличившихся военныхъ расходовъ, закрѣпленныхъ на долгіе годы отдѣльными законами, еще попожнялась громадными затратами на стратегическое желѣзно-дорожное строительство (Амурская дорога, 2-ая колея сибирской дороги и т. д.), а въ самомъ концѣ думскаго пятилѣтія государственный бюджетъ былъ окончательно связанъ разрѣшеніемъ грандіозной постройки флота. Начавъ въ первой сессіи съ фиксажированія 300 слишкомъ милліоновъ рублей на Амурскую дорогу, третья Дума закончила свое существованіе закрѣпленіемъ полумилліарда на судостроеніе. Милитаризація русскаго бюджета сдѣлала такимъ путемъ за пять лѣтъ громадный шагъ впередъ¹.

Приростъ нашихъ государственныхъ расходовъ за *пятилѣтіе* 1908—1913 гг. опредѣленъ былъ министромъ финансовъ въ 577.000.000 рублей, и эту цифру В. Н. Коковцевъ справедливо назвалъ «колоссальной». Что же сказалъ бы министръ о цифрѣ 866.000.000 р., составляющей приростъ расходовъ только за *двулѣтіе* 1913—1914 наканунѣ великой войны?

¹ См. «Ежегодникъ газеты «Речь» на 1913 г. стр. 133-134 А. Шингаревъ «Бюджетъ 1913 г.»

Чѣмъ объяснить колоссальный ростъ русскаго бюджета? Куда пошли тѣ 611.000.000 р., которыя представляютъ собой разницу между обыкновеннымъ бюджетомъ на 1908 г. и таковымъ же на 1913 г.? На засѣданіи думы 10 мая 1913 г. В. Н. Коковцевъ поставилъ этотъ вопросъ и отвѣтилъ слѣдующимъ образомъ.

«.....На первомъ планѣ, конечно, стоять, какъ это отмѣчено председателемъ бюджетной комисси, расходы на государственную оборону, расходы на потребности вѣдомствъ военнаго и вѣдомства морского. Если вы возьмете общую совокупность расходовъ 1908 г. по государственной оборонѣ и исчислите только по обыкновенному раздѣлу тѣхъ же потребностей, то вы увидите, что на 1908 г. морское и военное вѣдомства потребовали 556.000.000 р., на 1913 г. они берутъ уже изъ общей совокупности ресурсовъ казны 778.000.000 р., т. е. возрастаніе на 222.000.000 р.

Съ каждымъ годомъ военные расходы играютъ все большую роль въ нашемъ бюджетѣ. Двѣ цифры показываютъ, съ какой быстротой не только абсолютно, но и пропорціонально растутъ наши военные расходы. Абсолютная сумма расходовъ на оборону (по военному и морскому министерству) равнялась въ 1913 г. 869,5 милл. руб. или 23,6% всего бюджета, а въ 1914 г.—974,5 милл. р. или 27,4%. Военно-морские расходы выросли за одинъ годъ абсолютно на 105 милл. руб., а относительно на 2,8%».

Въ своей рѣчи о морской смѣтѣ на 1914 г. докладчикъ Бирилевъ откровенно указалъ, что ростъ ассигнованій по морскому бюджету принимаетъ у насъ совершенно тревожный характеръ. «Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—заявилъ Бирилевъ,—мы стояли на седьмомъ мѣстѣ по затратамъ на флотъ, въ прошломъ году (1913) мы стояли уже на 3-мъ мѣстѣ, а въ нынѣшнемъ году перебрались уже на 2-ое мѣсто, и только одна Англія тратитъ на свой флотъ больше, чѣмъ мы. А наши траты въ настоящую пору вмѣстѣ съ сверхсмѣтными ассигнованіями доходятъ до миллиарда франковъ».

Съ 1907 г. по 1912 г. было израсходовано на военныя нужды морскія и сухопутныя въ Россіи 3.178 миллиардовъ рублей. Если добавить расходъ 1913 г., получимъ 4 милл. рублей¹. Русскій военный бюджетъ на 1914 г. достигаетъ колоссальной цифры 975 милл. р. или 2½ миллиардовъ фр.... Стефанъ Лозаннъ въ «Matin» въ статьѣ отъ 11 янв. 1914 г. съ гордостью подчеркиваетъ, что «ни одна страна въ мірѣ не имѣетъ подобнаго военнаго бюджета».

Въ такомъ же тонѣ пишутъ о нашемъ бюджетѣ на 1914 г. и нѣкоторыя русскія газеты. «Утро Россіи», рисуя въ статьѣ «Наша военная готовность» блестящую картину нашей государственной

¹ Изъ рѣчи члена Государственной Думы Энгельгардта, представителя группы центра на засѣданіи 31 Мая 1914 года.

Въ высшей степени характерно, что даже въ такой странѣ, какъ Германія, промышленныя силы которой развиваются съ поразительной быстротой, интенсивный расцвѣтъ индустри и торговли которой вызываетъ всеобщее изумленіе, дефицитность бюджета и государственный долгъ растутъ, не останавливаясь ни на минуту. Значитъ, даже и въ этой странѣ, которая въ промышленномъ отношеніи опережаетъ по интенсивности развитія всѣ передовыя державы, процессъ роста военныхъ расходовъ и государственныхъ долговъ идетъ быстрее лихорадочнаго темпа развитія ея производительныхъ силъ. И цѣлый рядъ нѣмецкихъ писателей съ изумленіемъ ставятъ вопросъ: «Какъ это имперія, которая въ теченіе 44 лѣтъ непрерывно развиваетъ свои экономическія силы и господствуетъ на международныхъ рынкахъ, не можетъ найти средствъ, чтобы покрыть свои расходы безъ займовъ?»

Государственный долгъ Германіи, какъ и другихъ государствъ, растетъ прежде всего въ зависимости отъ военныхъ расходовъ. Вотъ таблица этихъ расходовъ за 1881—1910 гг., которую даетъ Отто Шварцъ. Военные и морскіе расходы, включая и пенсіи главныхъ европейскихъ государствъ, выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ по десятилѣтіямъ.

Въ миллиардахъ франковъ.

	1881—1890.	1890—1900.	1900—1910	Итого
Германія	5,6	7,9	11,7	25,2
Великобританія	5,9	8,3	16,7	30,9
Франція	8,3	8,5	10,1	26,9
Австро-Венгрія	2,7	3,3	4,5	10,5
Италія	3,2	3,2	3,8	10,3
Россія		8,1	16,8	30,3

Итакъ, военно-морскіе расходы Германіи, равнявшіеся за десятилѣтіе 1881—1890 гг. 5 ½ миллиардамъ болѣе, чѣмъ удваиваются за десятилѣтіе 1900—1910 гг. Но всѣ эти данныя не даютъ еще достаточнаго представленія о ростѣ милитаризма въ Германіи наканунѣ войны, ибо, какъ справедливо отмѣтилъ французскій премьеръ-министръ Барту въ рѣчи 25 июля 1913 г., — съ невиданной быстротой численность германской арміи, а стало бытъ и военные расходы, начинаютъ возрастать именно съ 1910 г.

Во время преній въ германскомъ рейхстагѣ по поводу военнаго бюджета на 1912—1913 г. одинъ изъ ораторовъ оппозиціи указалъ, что проектируемые расходы Германіи—1.335 милліона марокъ (875 мил. на армію и 460 милл. на флотъ), достигающіе вмѣстѣ съ пенсіями ветеранамъ и процентами по займамъ, заключеннымъ для военныхъ цѣлей, 1.558 марокъ, составятъ 58%

валовыхъ расходовъ Германіи и болѣе 80% чистыхъ расходовъ. Правда, государственный секретарь Wermuth оспаривалъ правдильность этого вывода. Онъ доказывалъ, что для установленія истинной пропорціи военныхъ расходовъ въ германскомъ бюджетѣ необходимо прибавить къ имперскимъ расходамъ расходы всѣхъ отдѣльныхъ государствъ Германіи. Обще-имперскій бюджетъ вмѣстѣ съ расходами отдѣльныхъ государствъ составитъ сумму въ 8,6 миллиардовъ марокъ или только въ 5,2 миллиарда марокъ, если не считать статей расходовъ, которыя сами себя оплачиваютъ (почта и телеграфъ, желѣзныя дороги). При такомъ счетѣ военный бюджетъ составитъ де 18,2% валовыхъ расходовъ и 28,8% чистыхъ расходовъ. Эта аргументація министра можетъ быть серьезно оспариваема; но какъ бы то ни было, если принять во вниманіе, что для покрытія своихъ расходовъ правительство вынуждено было регулярно прибѣгать къ займамъ и за періодъ съ 1900 по 1912 г. заключило займовъ больше, чѣмъ на 3 миллиарда марокъ, изъ каковой суммы по меньшей мѣрѣ 75% пошло именно на покрытіе военныхъ расходовъ и колониальныхъ экспедицій, мы придемъ къ заключенію, что уже въ ту пору, то есть наканунѣ военнаго «Drang und Sturm» періода, наканунѣ эпохи 1912—1914 г., когда были проведены экстраординарные военные законопроектъ и ассигнованы невиданныя до той поры суммы на вооруженіе и усиленіе арміи, финансовое положеніе государства стало критическимъ и военный бюджетъ крайне тягостнымъ для страны.

* * *

Кто виноватъ въ этомъ безумномъ ростѣ вооруженія, во все усиливающейся милитаризаціи бюджетовъ? Естественно, что правительство и господствующіе классы каждой страны стараются свалить отвѣтственность за новые военные расходы, за новые налоги, ложащіеся тяжкимъ бременемъ на населеніе, на сосѣднюю страну. Однако, до войны многимъ людямъ, даже умѣреннаго образа мыслей, было очевидно, что невозможно свалить отвѣтственность за всеобщія вооруженія на одну какую-либо страну, хотя бы и самую милитаристическую. Вотъ что писала «Рѣчь» въ передовицѣ отъ 6 марта 1914 г.:

«Не такъ давно мы обращали вниманіе читателей на то, что германская тревога по поводу русскихъ вооруженій вызвана однимъ весьма реальнымъ обстоятельствомъ. Въ Германіи, какъ и въ Австро-Венгріи, фактъ новыхъ русскихъ вооруженій былъ, конечно, давно извѣстенъ. Мы приводили заявленіе «Frankfurter Zeitung», что именно этотъ фактъ уже и легъ въ основу тѣхъ военныхъ плановъ, которые были осуществлены нашими сосѣдями въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ. Для увеличенія своихъ

вооруженій обѣ страны были принуждены прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ усиліямъ и къ исключительному напряженію платежныхъ силъ своего населенія. Германія собрала миллиардъ марокъ специальной военной контрибуціи съ жителей имперіи. Австрія въ послѣдній моментъ принуждена прибѣгнуть къ роспуску рейхсрата и къ введенію въ порядкѣ статьи 14-й (нашей 87-й) тѣхъ военныхъ кредитовъ, которые она отчаивается получить отъ народныхъ представителей добровольно.

Въ передовицѣ отъ 14 іюня того же года, говоря о новыхъ кредитахъ на усиленіе вооруженій, вотированныхъ Государственной Думой на засѣданіи 13 іюня, «Рѣчь» пишетъ слѣдующее:

«Русская программа вооруженій вѣдь не единственная. Она составляетъ только часть того общаго движенія, которымъ въ теченіе трехъ-пяти послѣднихъ лѣтъ охвачена вся Европа. Въ 1910—1914 гг. Европа пережила такой же періодъ паники, какъ тѣ, которые въ XIX столѣтіи не разъ вели къ крупнымъ скачкамъ въ процессѣ вооруженій. *Трудно сказать, отъ кого жуть исходило начало.* Быть можетъ, всего естественнѣе искать общаго толчка вовнѣ и находить его въ тѣхъ измѣненіяхъ европейскаго равновѣсія, которыя вызваны крупными перемѣнами на Балканахъ. Ослабленіе Турціи и усиленіе христіанскихъ государствъ, связанное съ этимъ ослабленіе австрійскаго вліянія, тренія въ средѣ членовъ тройственнаго союза, невозможность для Германіи всегда стоять въ готовой позѣ «блестяще забронированнаго» союзника, потребность позаботиться и о себѣ и вытекающее отсюда усиленіе вооруженія—вотъ, можетъ быть, наиболѣе естественное начало. Но разъ данный съ Балканъ толчекъ быстро передается дальше. *Паника въ Германіи соответствуетъ такой же паникѣ во Франціи и той вспышкѣ французскаго национализма, которая привела къ замѣнѣ военнаго закона 1905 г. о двухлѣтней службѣ закономъ 1913 г.* Потомъ тайнственные переговоры Франціи съ Россіей, хронологія которыхъ отмѣчается пребываніемъ въ Россіи Пуанкаре и Делькассе и пребываніемъ въ министерствахъ Бриана и Барту, услужливое посредничество Рейнаковъ—и, въ результатѣ, тотъ сколокъ съ французскаго закона 1913 г., нашъ собственный законъ 1914 года, который голосовался вчера. Очередь теперь за Германіей...»

«Самыя основы европейскаго равновѣсія колеблются отъ непосильной возлагаемой на народы тяжести—такова мораль

.

Итакъ, «Рѣчь» отказывается наканунѣ войны искать, кто является главнымъ виновникомъ всеобщихъ вооруженій, и считаетъ невозможнымъ опредѣлить, отъ кого тутъ исходить начало.

Естественно, что въ результатѣ колоссальнаго роста бюджетовъ и налогового бремени создается положеніе, которое является неизбѣжимымъ слѣдствіемъ усиленнаго милитаризма. Такъ какъ нельзя же усиливать вооруженія безконечно, не рискуя окончательнымъ раззореніемъ населенія и банкротствомъ государства, наступаетъ моментъ, когда предоставляется на выборъ одно изъ двухъ. Или приостановить вооруженія—для чего необходимо общій сговоръ, или, такъ какъ этотъ сговоръ невозможенъ—въ виду того, что въ усиленіи вооруженій кровно заинтересована въ каждой капиталистической странѣ и прежде всего въ Германіи, съ ея Круппами и Тиссенами, военная индустрія и стоящая за ея спиной металлургическая промышленность — разрѣдить напряженную атмосферу дѣйствительной войной и заставить побѣжденные страны ограничить свои вооруженія, подчинивъ послѣднія полному контролю побѣдителя.

Крупшъ и Виккерсъ, конкурируя другъ съ другомъ, все же входятъ въ одинъ и тотъ же международный синдикатъ военныхъ заводчиковъ, англійская и германская военная индустрія образуютъ совмѣстно одинъ трестъ, подѣлившій всю Европу на эксплуатаціонныя участки; болѣе того, нѣкоторые нѣмецкіе металлурги въ своемъ «патріотизмѣ» доходятъ до того, что содѣйствуютъ усиленію военной мощи Франціи, открывая въ этой странѣ промышленныя предприятия, вродѣ «Hauts Fourneaux de Saep», основанныхъ Тиссеномъ; всѣ эти «патріоты своего отечества»—члены одного и того же международного интернационала смерти и разрушенія—совмѣстными силами толкаютъ народы къ новымъ и новымъ вооруженіямъ и связаннымъ съ послѣдними непосильнымъ расходамъ, и въ результатѣ положеніе настолько запутывается, что сами пушечные короли начинаютъ помышлять о томъ, какъ бы разрубить созданный ими же Гордіевъ узелъ традиционнымъ способомъ, именно ударомъ меча, и страшной силой выкованныхъ на ихъ фабрикахъ орудій разрѣшить всѣ противорѣчія, созданныя естественной эволюціей капитализма и неизбѣжно сопутствующаго ему милитаризма.

Акціонеры заводовъ Круппа, Тиссена, Эргарта «Deutsche Waffen und Munition Fabrik» и прочихъ динамитныхъ ружейныхъ пороховыхъ, орудійныхъ заводовъ и стоящихъ за ихъ спиной могущественныхъ банковъ—желаютъ непрерывно увеличивать свои доходы и умножать свои дивиденды, но они боятся положенія, при которомъ отечественнымъ фабрикамъ и заводамъ, куда они вложили свои капиталы, грозитъ опасность быть взорванными на воздухъ и уничтоженными побѣдоноснымъ врагомъ, ворвавшимся въ ихъ страну. Двѣ души живутъ въ ихъ груди. Они желаютъ снабжать многомиллионную Россію своими пушками, своими пулеметами, своими броненосцами, но они не бо-

ятея вызвать на свѣтъ Божій духовъ, которыхъ имъ не удается заклясть. И они рѣшаютъ начать въ удобный моментъ предупредительную войну, einen Präventivkrieg, чтобы разбить врага и подчинить послѣдняго своей волѣ и своему закону.

Не только нѣмецкая националистическая пресса, но и либеральные органы, вродѣ Berliner Tageblatt, берлинской прогрессивной газеты, органа свободомыслящихъ, слѣдуютъ призыву шовинистовъ и призывали къ нападению на Россію, напѣвая пѣюгда одинъ и тотъ же мотивъ: «Лучше конецъ со всѣми его ужасами, чѣмъ ужасы безъ конца» (Eher Ende mit Schrecken als Schrecken ohne Ende).

Правда, Бисмаркъ сравнивалъ предупредительную войну съ самоубійствомъ изъ страха смерти. Однако, «Berliner Tageblatt» находилъ, что мыслимы случаи, когда государство, прижатое къ стѣнѣ болѣе сильнымъ вооруженнымъ до зубовъ соседомъ, лишенное свѣта и воздуха, изъ долга самосохраненія не должно предоставить врагу выборъ момента, который покажется послѣднему наиболѣе благоприятнымъ для нанесения рѣшительнаго удара ¹.

«Вотъ единственное средство покончить съ постоянно растущимъ страхомъ войны. Если воевать неизбѣжно, то давайте воевать сегодня, не отлагая войны на завтра. Лучше конецъ со всѣми его ужасами, чѣмъ ужасы безъ конца».

Ужасъ съ точки зрѣнія нѣмецкихъ милитаристовъ заключается въ томъ, что всякое новое военное мѣропріятіе, принявшееся въ Германіи, переходило безконечнымъ виткомъ изъ одной страны въ другую, вызывая *повсюду* соответствующую ростъ милитаризма и маринизма. И если долгое время пропорція военныхъ силъ послѣ полнаго оборота винта и затратъ со стороны всѣхъ сосѣднихъ государствъ новыхъ миллиардовъ франковъ на новые дреднауты и новые корпуса оставалась той же, что и прежде, все же съ каждымъ днемъ становилось очевиднѣе, что скоро Германіи будетъ не подъ силу удержать эту пропорцію, до сихъ поръ благоприятную для нея, и что къ 1917 г. военныя силы Франціи и Россіи увеличатся въ степени, опасной для сохраненій «европейскаго равновѣсія». Германія, напрягавшая всѣ свои силы и желавшая во что бы то ни стало сохранить свое военное превосходство надъ сосѣдними державами, истощалась въ этой борьбѣ—одновременно и съ величайшей морской державой Англіей, и съ сильнѣйшими сухопутными державами—Франціей и Россіей. Она не могла положить конца этой безумной скачкѣ, не вызвавъ катастрофы. И она вызвала эту катастрофу,

¹ Цитирую по «Ръчи» 26 Февр. 1914 г.

Итакъ, не говоря уже о другихъ причинахъ нынѣшней войны, нельзя не видѣть, что вооруженія всѣхъ европейскихъ государствъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, все усиливавшаяся милитаризація бюджетовъ и надвигавшійся страшнѣйшій финансовый кризисъ, угрожавшій даже самымъ богатымъ и передовымъ въ экономическомъ отношеніи государствамъ, этотъ «духъ помѣшательства», обуявшій всю Европу и пугавшій даже такихъ далеко не робкихъ публицистовъ, какъ финансовый обозрѣватель архи-буржуазной французской газеты, «Journal», однимъ словомъ, вся эта политика «вооруженнаго мира» явилась могущественнымъ факторомъ, фатально толкавшимъ всю Европу къ той ужасной пропасти, которая неожиданно разверзлась передъ народами въ юлѣ 1914 г. и поглотила наряду съ десятками и десятками миллиардовъ рублей миллионы безвременно погибшихъ человѣческихъ жизней.

Мих. Павловичъ.

ПЕТЕРЪ-ПАУЛЬ РУБЕНСЪ.

Исследование Эмиля Верхарна.

Отъ переводчиковъ.

Эмиль Верхарнъ, недавно скончавшися, при трагическихъ обстоятельствахъ, великій бельгійскій поэтъ (род. 1855 г., ум. 1916 г.), былъ тонкимъ цѣнителемъ и большимъ знатокомъ живописи. Замѣтимъ, кстати, что между поэзией и живописью существуетъ вообще какое-то сродство: поэты нерѣдко и сами хорошо владѣютъ карандашемъ или кистью. Извѣстно, что Гете рисовалъ превосходно; рисунки Виктора Гюго находятъ мѣсто въ исторіяхъ французскаго искусства; изъ новыхъ французскихъ поэтовъ поразительно-вѣрнымъ глазомъ рисовальщика обладалъ Поль Верленъ; Д.-Г. Россетти былъ столь же художникъ, сколько поэтъ. Большинство русскихъ поэтовъ тоже рисовало недурно: всѣмъ памятны мѣтко-схваченные наброски Пушкина; отъ Жуковскаго остались цѣлыя картины; искусно рисовали К. Батюшковъ и М. Лермонтовъ, съ меньшимъ успѣхомъ, но не безъ умѣнья, — Е. Варатынскій и Гоголь; А. Майковъ колебался, стать ли ему художникомъ или поэтомъ, и т. под. Э. Верхарнъ, сколько намъ извѣстно, самъ не рисовалъ, но живо интересовался живописью и жилъ въ постоянномъ общеніи съ художественными кругами Бельгии и Франціи. Наиболѣе видные художники изъ поколѣнія импрессионистовъ были въ числѣ немногихъ интимныхъ друзей Верхарна. Домикъ въ бельгійской провинціи Эно, близъ Руазена, гдѣ онъ обычно проводилъ лѣтніе мѣсяцы, былъ весь увѣшанъ картинами импрессионистовъ, Клода, Мэнэ, Синьяка, Сера Т.-ванъ-Риссельберга и мн. др. (кажется, большая часть этого драгоценнаго собранія погибла при германскомъ нашествіи 1914 г.); много картинъ было и въ зимней квартирѣ поэта, въ Сень-Клу, подъ Парижемъ. Съ особой любовью, однако, относился Верхарнъ къ родному, фламандскому искусству, которое изучалъ внимательно и неутомимо. Въ Москвѣ, какъ и въ Петроградѣ во время своей поѣздки 1913—14 г., Верхарнъ усердно осматривалъ всѣ доступныя картинныя галереи, публичныя и частныя; онъ говорилъ, что стоило пріѣхать въ Россію уже ради того одного, чтобы посмотреть на Рембрандта Московскаго Румянцевскаго музея («Ассуръ, Аманъ и Эсфирь»); Эрмитажныя Рембрандты тоже привели въ восторгъ поэта, хотя онъ былъ хорошо знакомъ съ ними по репродукціямъ. Уже въ первой книгѣ Верхарна, «Фландманцы» (1883 г.), есть рядъ стихотвореній, обращенныхъ къ великимъ фламандскимъ мастерамъ, и на всей книгѣ вообще чувствуется вліяніе творчества Рубенса и Йорданса. Такія поэмы, какъ «Фламандское искусство» и «Старые мастера», обличаютъ глубокое знаніе исторіи родной живописи. Тогда же, въ ранній періодъ своей литературной дѣятельности, Верхарнъ опубликовалъ рядъ маленькихъ, но яркихъ статей о разныхъ, любимыхъ имъ художникахъ: о Ж. Геймансѣ (Heumans), Ф. Киопфѣ, Дж. Энсорѣ и др. (часть этихъ статей не перепечатана и остается

въ старыхъ журналахъ). Въ позднѣйшихъ поэмахъ Верхарна часто вновь возникаютъ отголоски фламандской живописи: читатель находитъ, перенесенными въ стихи, характерные приемы Рембрандта, мощные образы Рубенса, деревенскія сцены Тенирса, интимные силуэты Терборга, пейзажи Гоббема... Вмѣстѣ съ тѣмъ, Верхарнъ работалъ надъ большими изслѣдованіями о художникахъ, желая полнѣе выразить свое пониманіе искусства. Всего такихъ изслѣдованій поэтъ Фландріи успѣлъ написать три: большой томъ, обстоятельно разсматривающій творчество мало у насъ извѣстнаго современнаго бельгійскаго художника, Джемса Энсора (изд. 1908 г.), и двѣ книги о двухъ своихъ любимѣйшихъ мастерахъ, о Рембрандтѣ и Рубенсѣ. Книга о Рембрандтѣ ванъ-Рейнѣ (изд. 1905 г.), тотчасъ по появленіи, была единодушно признана всей европейской критикой за одну изъ самыхъ блестящихъ характеристикъ великаго мастера свѣтотѣни,—крайне оригинальную по точкѣ зрѣнія автора и въ то же время убѣдительно-вѣрную; тогда же книга была переведена на разные европейскіе языки, въ томъ числѣ дважды на русскій (новое изданіе печатается к-вомъ «Проблемы Эстетики»). Книга о Петеръ-Пауль Рубенсѣ, составляющая какъ бы pendant къ книгѣ о Рембрандтѣ, до сихъ поръ, во французскомъ оригиналѣ, не и з д а н а : появился лишь нѣмецкій ея переводъ (Ст. Цвейга, Лейпцигъ 1913 г.), авторизованный Верхарномъ.

Предлагаемый вниманію читателей переводъ также авторизованъ и с д ѣ л а н ѣ с ѣ р у к о п и с и , просмотрѣнной авторомъ. Первоначально мы предполагали издать этотъ переводъ отдѣльной книгой (что и будетъ исполнено к-вомъ «Проблемы Эстетики»), съ иллюстраціями, необходимыми для поясненія мыслей автора. Но внезапная кончина Верхарна побуждаетъ насъ не откладывать опубликованіе перевода. Русскіе читатели, для которыхъ Верхарнъ давно сталъ какъ бы роднымъ писателемъ, вправѣ желать, чтобы вдохновенныя страницы покойнаго поэта скорѣе стали всеобщимъ достояніемъ.—Переводъ исполненъ І. М. Брюсовой и проредактированъ миссю.

Валерій Брюсовъ.

ПЕТЕРЪ-ПАУЛЬ РУБЕНСЪ.

* * *

Творчество этого мастера—грозно-прекрасная ода радости. Каждый великій художникъ творить въ иные свѣтлые часы своей жизни эту оду: ее создаетъ Данте, вѣнчая свою «Божественную Комедию» золотыми кругами Рая; вводитъ Шекспиръ, подъ видомъ волшебныхъ феери въ свой судорожно-кровавый театръ; вилетаетъ Бетховенъ въ свою буйную и трагическую Симфоню; Рубенсъ съ исключительнымъ восторгомъ и силой пѣлъ эту оду. Въ этомъ его чудо.

До Рубенса, во всей исторіи искусствъ, не найти такой торжествующей чудесности. Высокіе звуки въ творествѣ Рубенса не заглушены земнымъ хоромъ. Они звучатъ, стихаютъ, разсѣиваются. Рубенсъ заставляетъ ихъ звучать безостановочно, не проявляя утомленія.

Радость Рубенса нисколько не однообразна. Въ своихъ проявленіяхъ она многолика и изумительна. Сѣтями ея пѣсни облечены всѣ страданія; она примѣшиваетъ къ своимъ восторгамъ всѣ слезы и всѣ рыданія; она—вся человѣческая душа, хотя всегда остается радостью.

Пусть умираетъ на Голгоѣ Христосъ, пусть Богоматерь и святой Іоаннъ, трепеща, присутствуютъ при его агоніи, пусть Магдалина въ отчаяніи плачетъ у подножія грубаго, неотесаннаго креста,—что изъ того! Въ линіяхъ, въ краскахъ, въ пышности алыхъ закатовъ, въ развѣваемыхъ одеждахъ избраженныхъ лицъ, въ буйно распущенныхъ и вдругъ предъставшихъ великолѣпными волосахъ, въ шелковыхъ и золотыхъ тканяхъ, въ судорожно сведенныхъ членахъ, въ прекрасныхъ простертыхъ съ мольбой рукахъ, изъ которыхъ каждая могла бы держать въ своихъ пальцахъ цвѣты, въ богатой, пышной и живописной композиціи цѣлаго, въ чудѣ этой жизни, выросшей изъ самыхъ нѣдръ великой скорби—всегда торжествуетъ радость, явная или сокровенная. Не слышно ни одного звука скорбнаго по своей природѣ, ни одного аккорда неизбежно мрачнаго или злобщаго.

Все творчество Рубенса въ своемъ цѣломъ разворачивается въ пышности и въ роскоши, это—шествіе картинъ, двигающихся къ вершинѣ славы, озаренной могучими никогда не гаснущими солнцами. И эта радость не есть радость разсудочная, надуманная, философская, но радость инстинктивная, радость чувственная, радость наивнаго и мощнаго фламандца. Эта радость проявляется, какъ чрезмѣрное здоровье, какъ великое веселье, какъ, если можно такъ выразиться, излишняя тучность мыслей и ощущеній. Возможно, что порой она приближается къ гру-

бости, но чаще она опирается на силу, возвышается до искусства. Тогда эта радость становится эпической и величественной и умножает число незабвенных и священных созданий искусствъ.

Радость, опредѣляемая такимъ образомъ, расширяется до предѣловъ того паннческаго веселья, отъ котораго содрогалась діонисійская древность и которая, въ своихъ гимнахъ и мистеріяхъ, позволяетъ намъ угадать всю свою мощь и все свое величіе. Вся природа и всѣ инстинкты участвуютъ въ созиданіи этой радости, и поистинѣ странно видѣть, какъ, въ полномъ расцвѣтѣ христіанства, въ благочестивомъ XVI вѣкѣ, художникъ возсоздаетъ ее вновь, притомъ съ тѣмъ же пыломъ, какимъ она была одушевлена три тысячи лѣтъ тому назадъ. ~

I.

Своеобразіе Рубенса.

Даже во времена высшаго блеска, когда Брюгге питала очагъ чудеснаго, самобытнаго искусства, всѣ фламандскіе художники были путешественниками. Въ нихъ жило любопытство къ далекому и острый интересъ къ реальному. Видѣть, что есть на свѣтѣ, и выразить это со вниманіемъ, съ точностію и съ усердіемъ—доставляло каждому изъ нихъ глубокую и прекрасную радость.

Великіе итальянскіе мастера путешествовали мало. Микель-Анджело, Рафаэль, Веронезе, Тинторето и раньше нихъ Джотто, Мазаччо, Боттичелли не переходили черезъ Альпы. Конечно, природа проглядываетъ и у нихъ, но это уже природа, заключенная въ греческомъ или римскомъ идеалѣ. Итальянцамъ не свойственно увлекаться страстно, подобно фламандцамъ, тѣмъ, что есть; почти у всѣхъ итальянцевъ можно отмѣтить уже сожалѣніе о томъ, чего нѣтъ, и желаніе — возсоздать, на своихъ полотнахъ, прошлое. Дивные образы стоятъ между міромъ и художниками Италіи. Непосредственное впечатлѣніе уже не влияетъ на нихъ.

Конечно, можно утверждать, что Фландрія всегда больше училась у Италіи, чѣмъ Италія у Фландріи, что Сѣверъ всегда навѣщалъ Югъ, и что Югъ рѣдко взбирался на Сѣверъ, что свѣтъ всегда былъ желаненъ для глазъ и что во всѣ времена онъ символизировалъ собою счастье и человѣческое здоровье. Однако, въ славные дни Ванъ-Эйковъ искусство Фландріи жило самостоятельною жизнью; оно вносило больше поваго, чѣмъ искусство Италіи. Антоніелло да Мессина, Дзанетто Бугатто, Джованни да Джусто приходили учиться у сѣвернаго творчества и согревали свою палитру въ лучахъ его солнца. Янъ ванъ Эйкъ, къ тому же, не изъ тѣхъ, кого надо учить, онъ изъ тѣхъ, кто дол-

женъ быть учителемъ. И все же онъ переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто, онъ посѣщаетъ разныя страны, онъ, можетъ быть, однимъ своимъ присутствіемъ въ чужой землѣ вызываетъ къ жизни многочисленныя художественныя школы. Испанія, Португалія, Бургундія, Провансъ, прирейнскія земли приходятъ въ движеніе и начинаютъ развивать красоту его искусства. Въ скоромъ времени вся Европа наполняется произведениями, созданными или вдохновленными фламандскими художниками. Одно мгновеніе даже кажется, что сѣверное искусство субъективное, непосредственное, натуралистическое восторжествуетъ надъ всѣми и раз навсегда освободитъ эстетику отъ античныхъ преданій. Новая жизнь, такимъ образомъ, побѣдила бы навсегда жизнь древнюю, которая не что иное, какъ смерть, не желающая умирать.

Но уже во времена Рубенса великая борьба закончена: Фландрія побѣждена. Леонардо да Винчи, Микель-Анджело, Рафаэль возникли, какъ неожиданныя чудеса, и въ глазахъ у всѣхъ стало отражаться уже только ихъ сіяніе.

Последній истинно-фламандскій художникъ, Питеръ Брейгель чувствуетъ себя покинутымъ, какъ художникъ деревенскій, лишенный настоящаго мастерства и утонченности: Флорисъ, Вранкенъ, Ломбардъ, Мартинъ, де-Восъ, Кальвертъ, де-Витте, Ванъ-Венъ отвоевываютъ себѣ мѣсто, которое должно было принадлежать ему. Конечно, у этихъ художниковъ есть нѣчто цѣнное и не мало произведеній, подписанныхъ ими, весьма примѣчательно; но ни одинъ изъ нихъ не достаточно фламандецъ, чтобы заставить молчать въ себѣ болтливую и высокопарную Италію, кричащую и неловко жестикулирующую съ ихъ полотномъ. То была незаконная помѣсь въ искусствѣ. Художникъ кисти и вообще всякій художникъ только тогда можетъ стать истиннымъ художникомъ, когда его индивидуальность способна преодолѣть то, что онъ воспринялъ отъ своихъ учителей.

Что каждый неизбежно зависитъ отъ другого, съ этимъ никто не споритъ. Первые шаги ученика бываютъ всегда подъ влияніемъ учителя. Только мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ ученикъ самъ овладѣваетъ своимъ искусствомъ, учитель отступаетъ на второй планъ, а потомъ и вовсе исчезаетъ. Въ тотъ день, когда сумма личныхъ и творческихъ свойствъ становится больше, чѣмъ сумма свойствъ пріобрѣтенныхъ и чуждыхъ, истинный художникъ въ первый разъ подписываетъ свое собственное созданіе. Франкъ Флорисъ, Вранкенъ, Ломбардъ, Мартинъ де-Восъ, Клервертъ, Витте и Ванъ Венъ такъ и не подписали ни разу полностью своего созданія.

Что касается Рубенса, у него есть свое, и это безмѣрной пропастью отдѣляетъ его отъ романской школы Антверпена. Какъ Ванъ Эйкъ, мастеръ-предшественникъ, и какъ большинство художниковъ слѣдующаго поколѣнія, Рубенсъ чувствовалъ

себя служителемъ солнца. Фламандская живопись той эпохи уже утратила свой самобытный языкъ, тотъ, который внушили ей исхищенные и любящіе точность готики; языкъ интимности, благочестія, наивной простоты, на который для простыхъ и малыхъ людей переводились священные сюжеты, мирныя сцены и привычная обстановка жизни; языкъ безпредѣльно искренній, изъ котораго были строго изгнаны всякая пышность и всякое краснорѣчіе; языкъ, сказали бы я, молчанія, который отрицалъ всякій шумъ и всякое слишкомъ рѣзкое движеніе.

Міръ достигъ той точки своего развитія, когда гениевъ занимали широкія и сильныя страсти, мощные и обобщающіе замыслы, пламенно-свободная жизнь, мятежная и красочная. Чтобы выразить это новое въ образахъ, художникамъ нужно было создать новый языкъ, то-есть—пересоздать свое ремесло. Итальянцами XVI в. и былъ созданъ этотъ новый языкъ, это новое ремесло. Рубенсъ усвоилъ ихъ себѣ. Онъ, будучи фламандцемъ, говорилъ въ живописи по-итальянски, подобно тому, какъ позднѣе фламандскіе поэты, выражая свои новыя воззрѣнія и современныя идеи будутъ говорить по-французски. Въ эти двѣ разныя эпохи сказала одна и та же потребность: вмѣсто самобытнаго живописнаго и интимнаго языка, стали пользоваться тѣмъ средствомъ выраженія, которое лучше всѣхъ другихъ достигало всеобщности.

Стремясь говорить на этомъ новомъ языкѣ, итальянскомъ по своимъ формамъ, но всеобщемъ по своему назначенію, Франкъ Флорисъ, Вранкенъ, Ломбардъ, Мартинъ де Вось, Клервертъ, де Витте, Ванъ Вень пренебрегли однимъ: не выразили своей собственной души. Одни изъ нихъ стремились только къ тому, чтобы подражать рисунку Рафаэля, другіе—воспроизводить напряженную мускулатуру Микель-Анджело. Краски Венеци, розовый, голубой и желтый цвѣтъ Тициана и Тинторетто соблазнили Ванъ Вена; приторная краска романцевъ привлекла Ломбарда. Все искусство свелось въ ихъ глазахъ къ побѣжденной трудности и къ хорошо выполненному долгу. Они старательно работали всю жизнь, и не творили никогда. А, можетъ быть, ни въ комъ изъ нихъ не было достаточно сильнаго пламени, чтобы оно могло возгорѣться самобытнымъ огнемъ.

Глубокая сила Петера-Пауля Рубенса преисполнена творческимъ началомъ. Благодаря этому, ему не будетъ опасно его соприкосновеніе съ великими итальянцами. Онъ поглотитъ ихъ ученіе, но это ученіе не поглотитъ его. Онъ свободно будетъ говорить на ихъ языкѣ. Широкая и какъ бы летучая игра ихъ кисти станетъ его собственной игрой, но только еще болѣе широкой и еще болѣе летучей; ихъ легкія или сильный мазокъ, безконечно разнообразный, станетъ его мазкомъ, но еще болѣе емльмымъ, еще болѣе увѣреннымъ и еще болѣе искуснымъ.

Что касается их пышных красок, — я говорю о красках венецианцев, — то Рубенс воспользуется ими только для того, чтобы обновить фламандскую палитру, — палитру ванъ Эйка, на которой отдѣльные красные, желтые и зеленые цвѣта горятъ на коричневомъ или сѣромъ фонѣ, и для того, чтобы придать больше звучности прежнимъ звукамъ и прежней гармонии. Эта драгоценная независимость позволитъ Рубенсу создать въ свою очередь школу, и во Фландри во второй разъ разгорится великолѣпный очагъ искусства. Всѣ свойства фламандской расы вновь выявятся въ этомъ искусствѣ, какъ въ XV вѣкѣ, хотя и въ измѣненномъ, какъ бы расширенномъ видѣ. Энергия, чувственность, реализмъ вновь потребуютъ себѣ свое мѣсто, — первое въ творествѣ. Ремесло будетъ обновлено, языкъ станетъ другимъ, но все глубокое, что только есть въ душѣ народа, вновь запоетъ, выражаемое въ живомъ оркестрѣ красокъ и линій. Чтобы убѣдиться, въ какой мѣрѣ Рубенсъ остается самимъ собой, въ то время какъ онъ добровольно, чтобы лучше научиться, подчиняется своимъ учителямъ, — достаточно изучить тѣ копии, которыя сдѣлалъ онъ съ ихъ шедевровъ. Напрасно стремится онъ копировать: онъ способенъ выявлять лишь свои собственныя видѣнія. Все, краски и рисунокъ, принадлежитъ лично ему. Онъ измѣняетъ даже типы изображаемыхъ лицъ. Соблюдена лишь общая композиція. Можно сказать, что Рубенсъ беретъ у другихъ только точку отправления, и что онъ, что бы ни дѣлалъ, всегда приходитъ въ свои собственныя владѣнія. Онъ отправлялся отъ Винчи, отъ Тициана, отъ Веронеза, но приходилъ всегда во Фландрию или даже въ Антверпенъ къ Петеру-Паулю Рубенсу.

II.

Расцвѣтъ жизни.

Рубенсъ страстно любилъ свою расу: отъ нея получилъ онъ всѣ свои лучшіе дары. Онъ любилъ въ ней добродушіе, чувственность, грубый и алый пылъ. Онъ находилъ въ ней самого себя со всѣми своими пороками и добродѣтелями. Въ единствѣ его личности выражалось единство его расы. Они, онъ и его раса, были созданы одинаковымъ образомъ.

Окровавленная, сожженная, при Филиппѣ II, Фландрія, наперекоръ всему возвращалась къ жизни, несмотря на суровые удары, которые она получала. Восшествіе на престолъ эрцгерцога Альберта и Изабеллы было ознаменовано пирами, шествіями, иррациональностями. Фламандскіи смѣхъ снова сталъ сопровождать призывы народныхъ пѣсенокъ и деревенскіе хоры. Народъ, столь же безудержный въ своей веселости, какъ глубокий и упорный во всѣхъ превратностяхъ судьбы, вновь обрѣталъ въ себѣ то широкое языческое сердце, которое не могли подавить всѣ мѣха христіанства и которое понынѣ еще бьется въ каждомъ

ударъ колокола, на всемъ протяженіи Шельды, въ дни годовыхъ кермесей. Еще случались то здѣсь, то тамъ расправы, окровавившія страну, но Рубенсъ ихъ не видѣлъ. Онъ работалъ. Къ тому же съ Голландіей было заключено перемиріе. Антверпенъ могъ вѣрить, что вернулись прошлыя счастливыя времена. Стали получаться многочисленныя заказы. Городъ поднесъ молодому художнику серебряный кубокъ.

Къ этому времени извѣстность Рубенса, въ Италіи шедшая иногда и на убыль, расцвѣла широко. По возвращеніи его, тотчасъ же послѣ пережитой скорби, въ какую повергла его смерть матери, онъ былъ призванъ Отто Венусомъ, официальнымъ художникомъ эрцгерцога, ко двору. Здѣсь принимаютъ Рубенса самымъ восторженнымъ, самымъ изысканнымъ, самымъ лестнымъ образомъ. Удерживаютъ его, заставляють рассказывать объ Италіи, Испаніи, Мадридѣ и Римѣ. Альбертъ заказываетъ ему свой портретъ и портретъ инфанты, своей жены. Заказываютъ Рубенсу также «Святое Семейство». Въ Брюссельскомъ дворцѣ Рубенсу предоставляютъ обширный залъ, чтобы онъ тамъ писалъ запрестольный образъ для герцогской часовни. Доминиканцы поручаютъ написать «Диспутъ о святомъ причастіи», а собраніе ученыхъ «Посѣщеніе Богородицы». Въ тридцать лѣтъ Рубенсъ уже становится первымъ художникомъ въ своей странѣ. Онъ уже можетъ позволить себѣ чисто царственный жестъ. Онъ отвергаетъ кошелекъ съ золотомъ, присланный ему, по настоянію эрцгерцога, братствомъ Св. Ильдефонса. «Я вполне счастливъ, сказалъ онъ,—и тѣмъ, что вижу свой трудъ оцененнымъ по достоинству». И вотъ Рубенсъ—официальный художникъ при дворѣ, освобожденный отъ всѣхъ налоговъ.

Художникъ женится. Изабеллѣ Брандтъ восемнадцать лѣтъ; она красива свѣтлой красотой; у ней большіе глаза и каштановыя волосы. Въ любви художника она предшествуетъ Еленѣ Фурманъ, являясь какъ бы ея предвѣстницей. Но Изабелла въ такой степени уже соответствуетъ идеалу женщины, о которомъ мечталъ Рубенсъ, что съ этихъ поръ она всецѣло входитъ въ творчество художника. Онъ обставляетъ ее какъ царицу и свою вдохновительницу. Она будетъ и богиней и нимфой, мученицей и Богоматерью. По образцу обнаженнаго тѣла, плечъ, рукъ, груди, спины, ногъ Изабеллы создастъ Рубенсъ свой синтезъ красоты. Тѣло Изабеллы и свѣтъ солнца, омывающій ея формы, внушитъ ему тотъ дивный человѣческій обликъ, который суждено Рубенсу выставить передъ вѣками и который до него такъ блистательно не былъ предугаданъ никѣмъ изъ художниковъ.

Женскій типъ, созданный Рубенсомъ, это—здоровая, чувственная, благородная красота; подобно тому какъ типъ Тициана—красота строгая, страстная, кроткая, позлащенная; какъ красота женщинъ Рафаэля—нѣжная, гармоничная, завершенная,

полная очарованія; какъ красота женщинъ Леонардо да Винчи— утонченная безпокойная, улыбающаяся, тайно маящая. Какъ всѣ эти великіе мастера, Рубенсъ дивный художникъ женщины. Подобно имъ, онъ создалъ образъ какъ бы совершенно индивидуальный и въ то же время всемірный, контуры и линіи котораго облечены частицей красоты вѣчной.

Но все же, въ противоположность художникамъ Венеци и Рима, глаза Рубенса будутъ ослѣплены и его кисть руководима не красотой его возлюбленныхъ, но просто буржуазной красотой спутницъ его жизни, — сегодня Изабеллы Брандтъ, завтра Елены Фурманъ. Такимъ образомъ фламандская интимность и семейственность замѣняютъ собой сладострастность и стремленіе выставляться птальянцевъ. Богатый болѣе, чѣмъ могъ надѣяться, и завятыи до такой степени, что принужденъ отказываться отъ заказовъ или перепоручать ихъ своимъ ученикамъ, Рубенсъ строитъ близъ центра, въ самомъ сердцѣ своего города, не домъ, а дворецъ. Архитектурныя формы, видѣнныя имъ въ Римѣ, Венеци и Мантуѣ, преслѣдуютъ воображеніе Рубенса. Онъ чертитъ планы. Весь его геніи уходитъ на безчисленные проекты. Позднѣе онъ точнѣи выявитъ это стремленіе къ пышнымъ и порой тяжеловѣснымъ украшениямъ. Но уже въ собственномъ домѣ Рубенса можно замѣтить зачатки того стиля, который со временемъ станутъ звать стилемъ Рубенса; въ сущности то будетъ тотъ же итальянскій барокко, слегка только измѣненный. Украшеніе для этого стиля дастъ мнѳологія, еще болѣе веселая и болѣе тяжелая; линіи будутъ обозначены нѣсколько менѣе живыми изгибами: многочисленныя выпуклости будутъ придавать всему живописность; витыя колонны, ломанныя фронтоны, крылья ангеловъ, пальмовыя вѣтви, повсюду разставленные факелы придадутъ цѣлому иногда видъ чрезмѣрно пышный, но счастливо выражающій фламандскій пантеизмъ. Прямолинейная и отвлеченная архитектура никогда не была народной во Фландріи. Фламандцамъ надо было, чтобы и камни были живыми, какъ растенія, деревья, пламя, птицы, животные и люди, хотя бы строгій вкусъ и былъ этимъ оскорбленъ.

Въ этомъ своемъ новомъ жилищѣ, построенномъ по его плану, Рубенсъ устраиваетъ свою жизнь. Огнынъ онъ отказывается отъ всякихъ приключеній. Онъ живетъ себѣ уютно и спокойно, окруженный благополучіемъ. Онъ методически наслаждается жизнью, какъ умѣютъ ею наслаждаться во Фландріи. Искусство Рубенса будетъ развиваться за предѣлами его жизни, какъ постоянный контрастъ къ ней. Эпическая романтика, безумная фантазія и величественныя видѣнныя будутъ жить въ сердцѣ и въ мысляхъ художника. Но онъ, такъ сказать, отведетъ приливы этого мятежнаго океана и этой сверхчеловѣческой мощи, чтобы они не потрясли плотинъ его спокойствія.

Рубенсъ становится человѣкомъ очень просвѣщеннымъ, многостороннимъ, смѣлымъ, даже свободомыслящимъ, но его поступки размѣрены, обдуманны, точны, я хотѣлъ бы даже сказать безразличны. Каждое утро онъ бываетъ у обѣдни. Развѣ онъ вѣрующій? Было бы неосторожно это утверждать. Но онъ вѣренъ обычаю. Въ назначенный часъ Рубенсъ принимается за работу, которую прерываетъ только полуденный отдыхъ; приказываетъ читать себѣ Сенеку, Плутарха и Платона, а одновременно съ этимъ, въ послѣобѣденный положенный часъ, вновь беретъ за палитру. Къ вечеру, если погода хорошая, Рубенсъ садится на лошадь и объѣзжаетъ окрестности Антверпена. Въ зимнее время посѣщаетъ своихъ друзей или принимаетъ ихъ у себя. Янъ Брегейль «бархатный» и Павелъ Брѣль, которыхъ Рубенсъ знавалъ въ Италіи, Янъ Рококсъ, бургомистръ, нумизматъ Каспаръ Геверсъ, типографъ Бальтазаръ Плантѣнъ были близкими пріятелями художника.

Съ наступленіемъ лѣта, Рубенсъ переноситъ свое жилище въ Элевитъ близъ Малинъ. Въ этой странѣ луговъ и полей, съ плоскимъ и дивнымъ кругозоромъ, Рубенсъ воздвигаетъ себѣ замокъ, отъ котораго еще сохранилось нѣсколько стѣнъ. Въ наши дни, по близости, устроенъ кабачекъ подъ названіемъ: «Палитра Рубенса». Это—пріятная мѣстность, успокаивающая и благопріятствующая уединенію и работѣ.

Я перечитываю рядъ писемъ, подписанныхъ Рубенсомъ. Кому они писаны? Сустерману, Юніусу, дю Квесной, Шейреску. Рубенсъ, человѣкъ цѣльный, какимъ онъ былъ, виденъ въ этихъ письмахъ полностью. Шумъ его вѣка шумитъ въ нихъ какъ рой пчелъ. Рубенсъ интересуется всѣмъ. Онъ изучаетъ обожаемымъ древность по статуямъ, по камнямъ и по медалямъ. Онъ искусный латинистъ, онъ терпѣливо разбираетъ тексты и загадочныя надписи. Его друзья—ученѣйшіе гуманисты, коллекционеры и художники.

Рубенсъ охотникъ до новостей. Каждое новое открытіе приводитъ его въ восторгъ и заставляеть его сердце биться. Онъ самъ ищетъ знакомства съ искателями и изобрѣтателями. Онъ пишетъ Шейреску въ августѣ 1623 года:

«Я очень радъ, что вы получили чертежъ *reperitium mobile*, тщательно выполненный и назначенный для того, чтобы открыть вамъ истинную тайну этого изобрѣтенія. Когда вы будете въ Провансѣ и вы сдѣлаете опытъ, я обязуюсь, если онъ не выйдетъ, послѣ того разсѣять всѣ ваши сомнѣнія. Быть можетъ (хотя я еще не могу утверждать вполне) мнѣ удастся упробовать моего «кума» сдѣлать такую машину полностью вмѣстѣ съ ящикомъ, какъ еслибы я желалъ имѣть ее для себя, въ своей маленькой тайной мастерской. Если я смогу ее получить, я съ удовольствіемъ подарю ее вамъ».

Эти строки ясно указываютъ на тотъ интересъ къ научнымъ

занятіямъ и изобрѣтеніямъ, который выказывалъ Рубенсъ, а маленькая тайная мастерская намекаетъ на какіе-то неизвѣстныя намъ опыты, можетъ быть, лично производимые художникомъ.

Итакъ, душа Рубенса представляется намъ какъ бы перекресткомъ, па которомъ сходятся всѣ новые пути, открытые Возрожденіемъ. Онъ—знатокъ литературы, археологъ, ученый, философъ.

Онъ всецѣло погруженъ въ атмосферу своего времени, во всѣ его теченія, во всѣ его водовороты,—настолько, что настанутъ дни, когда короли обратятся ко всестороннимъ дарованіямъ Рубенса и пошлѹтъ его, въ званіи посла, къ разнымъ европейскимъ дворамъ. Тогда онъ войдетъ въ круги знати, станетъ рыцаремъ Рубенсомъ. Въ своемъ новомъ званіи, онъ окажется вполне на мѣстѣ, и выкажетъ въ немъ такія же прекрасныя дарованія какъ передъ полотнами и моделями въ своей антверпенской мастерской. Онъ будетъ очаровывать всѣхъ, инстинктивно будетъ угадывать, что нужно дѣлать и говорить. Онъ изъ числа тѣхъ, передъ которыми раболѣпствуютъ и которые торжествуютъ. Но ничто, ни успѣхи, ни лести не заставятъ Рубенса позабыть, что онъ прежде всего художникъ. Такъ, тому испанскому гранду, который спросилъ его, правда ли, что онъ иногда забавляется живописью, Рубенсъ отвѣтилъ, что онъ художникъ, который иногда забывается, воображая себя дипломатомъ.

Характеръ Рубенса къ тому же столь же счастливъ и ровень, какъ счастлива и легка его жизнь. Никакихъ ударовъ судьбы. Его прекрасная жена даритъ ему здоровыхъ и свѣтлыхъ дѣтей. Когда умретъ Изабелла Брандтъ, Рубенсъ женится на Еленѣ Фурманъ. Двѣ его жены и его сыновья, служившіе ему обычно моделями, станутъ украшеніями его полотна. Рубенсъ черезъ нихъ т. е. черезъ существа, которыя онъ постоянно изучаетъ и которыми неустанно восхищается, дастъ толкованіе Библии, Евангелія и древности. Съ помощью этихъ моделей онъ придастъ историческимъ событіямъ и легендамъ интимность и непосредственное вѣяніе жизни, и достигнетъ того, что изъ его пастушескихъ и трагическихъ композицій будутъ разъ навсегда изгнаны всякая холодность и всякая мертвенность. Ненависти онъ не знаетъ; всякое соперничество онъ раздавливаетъ непрерывнымъ триумфомъ; зависть до Рубенса не достигаетъ.

Рубенсъ всегда готовъ щедро подавать помощь. Онъ ищетъ случая оказать услугу. Благосклонность ко всѣмъ является правиломъ его поведенія. Онъ съ радостью восхищается своими соперниками. Вотъ одно изъ писемъ Рубенса къ Франсуа Дюкенуа, оно было послано изъ Антверпена въ Римъ:

«Похвалы вашей статуѣ святого Андрея, недавно поставленной въ храмъ святого Петра, дошли до насъ. Вся Фландрія, въ частности я, мы всѣ здѣсь радуемся вашему успѣху и прини-

маемъ участие въ вашей славѣ. Если бы меня не удерживала подагра и мой возрастъ, обрекающій меня на бездѣятельность, я отправился бы къ вамъ, чтобы взглянуть на это образцовое созданіе современнаго искусства и полюбоваться совершенствомъ столь прекраснаго произведенія. Все же я надѣюсь имѣть удовольствіе увидѣть васъ среди насъ и не сомнѣваюсь, что когда нибудь Фландрія, наша дорогая родина, будетъ озарена новымъ сияніемъ вашего дарованія. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы это совершилось прежде, чѣмъ закроются для свѣта мои глаза. пока еще способные восхищаться чудесами вашего искусства».

III.

Путь къ совершенству.

Счастливая жизнь Рубенса служить объясненіемъ его столь упорно-оптимистическаго творчества. Правда, Рубенсъ—пронехожденія сомнительнаго. Онъ родился не во Фландріи, а въ Зигенѣ, въ Вестфалии, 29-го юня, 1577 г. Въ это время Антверпенъ, изъ котораго отецъ будущаго художника, Янъ Рубенсъ, долженъ былъ бѣжать, былъ городомъ, гдѣ религіозныя распри обострились до крайности и привели къ опустошеніямъ и рѣзнѣ. Герцога Альбу тамъ ненавидѣли больше, чѣмъ гдѣ либо. Когда насталъ благоприятный для мести день, угнетенный и истерзанный народъ опрокинулъ статую герцога и забылъ всю скорбь, внезапно перейдя отъ ярости и гнѣва къ необузданной радости.

На чужбинѣ Янъ Рубенсъ становится сановникомъ Вильгельма Оранскаго. Самъ государь почти все время отсутствуетъ, а между его женой и Яномъ Рубенсомъ скоро устанавливаются любовныя отношенія. Разыгрывается скандалъ: Янъ Рубенсъ заключенъ въ темницу въ Далленбургѣ; лишь съ большимъ трудомъ ему удается спасти жизнь. Его жена Марія Пипелинкъ не покидаетъ его ни на минуту. Женщина спокойная, здравомыслящая и съ умомъ практическимъ, она вся отдается освобожденію мужа и на его письмо, въ которомъ тотъ сознается, что не достоинъ ея, отвѣчаетъ: «Я не думала, что вы считаете меня столь злопамятной. Какъ могла бы я быть настолько строгой и огорчать васъ, когда вы находитесь въ такомъ отчаяніи и въ такомъ безпокойствѣ, что я готова отдать свою жизнь, чтобы только спасти васъ. Даже и въ томъ случаѣ, если бы долгіе годы любви не предшествовали этому несчастію, развѣ я могла бы проявить столько злобы къ вамъ, чтобы не простить вамъ одного проступка противъ меня».

Этотъ здравый смыслъ, вѣрное пониманіе задрунительныхъ положеній, умѣніе забывать и вмѣстѣ съ тѣмъ понимать поступки, которые были совершены, но которые надо простить, создадутъ одну сторону добродушнаго характера Петера-Пауля Рубенса, тогда какъ бурная чувственность его отца придастъ его темпе-

раменту хмельность, порывность и мощь. Анна Саксонская была далеко не привлекательна. Надо полагать, что Янъ Рубенсъ былъ болѣе увлеченъ желаніемъ, чѣмъ очарованъ красотой. Его сынъ будетъ любить тѣло до самой смерти, и полно и радостно докажетъ это всѣмъ своимъ творчествомъ. Но, будучи художникомъ, онъ всегда будетъ проходить мимо женщинъ, подобныхъ Аннѣ Саксонской.

Послѣ смерти Яна Рубенса въ Кельнѣ, вдова и дѣти вернулись въ Антверпенъ 7-го іюня 1507 г. Они поселились на соборной улицѣ. Петеръ-Пауль, будучи еще слишкомъ молодъ, чтобы занимать какую-либо должность, поступаетъ пажемъ къ Маргаритѣ де-Линъ, вдовѣ графа де-Лалэнгъ. Извѣстно, что де-Лини и де-Лалэнги принадлежатъ къ двумъ бельгійскимъ стариннымъ и очень знатнымъ родамъ. Юный Рубенсъ, уже хорошо владѣвшій многими языками, весьма правится всѣмъ въ этой новой средѣ. Но уже, съ обычнымъ упорствомъ фламандца, онъ хочетъ освободиться отъ своего званія, чтобы стать независимымъ и зарабатывать средства къ жизни самостоятельно. Искусство сильно влечетъ его. Съ самаго дѣтства онъ уже рисуетъ. Въ свое время онъ срисовалъ тысячу рисунковъ изъ Библии Томаса Стиммера. И вотъ онъ уже готовъ заявить не только своей матери, но всему семейному совѣту, созванному ею, свое твердое рѣшеніе сдѣлаться художникомъ. Товій Верхахтъ становится его первымъ учителемъ.

Чему Верхахтъ научилъ Рубенса? Мы не знаемъ. Товій Верхахтъ былъ художникомъ, ничѣмъ не прославившимся. Впрочемъ, послѣдовавшій за нимъ Адамъ ванъ Нортъ, быть можетъ, не оказалъ большаго вліянія на своего ученика. Фромантэнъ приписываетъ ванъ Норту, безъ убѣдительныхъ доказательствъ, «Динари св. Петра», въ церкви св. Павла, въ Антверпенѣ. Если бы ванъ Нортъ былъ, дѣйствительно, авторомъ этой вещи, ему пришлось бы отвести видное мѣсто во фламандской школѣ. Дѣйствительно, въ этой картинѣ есть вся та сила, весь тотъ здоровый реализмъ, которымъ такъ восторгаются въ созданіяхъ Иорданса. Но, кажется, Адамъ ванъ Нортъ былъ существомъ грубымъ, бездарнымъ пьяницей, вообще зауряднымъ чиновникомъ, и Рубенсъ разстался съ нимъ послѣ нѣсколькихъ уроковъ.

Что касается Отто ванъ Вена, называемаго Отто Венусомъ, который родился въ Лейденѣ, но поселился въ Антверпенѣ, то онъ былъ изъ группы романцевъ и данное имъ Рубенсу художественное образование было гораздо болѣе высокаго и цѣннаго качества, чѣмъ уроки Товія Верхахта или Адама ванъ Норта. Отто Венусъ пользовался довѣріемъ герцога Пармскаго, назначившаго его главнымъ инженеромъ построекъ и придворнымъ художникомъ Испаніи. Отто Венусъ былъ человѣкъ свѣтскій,

образованный, даже изящный. Онъ совершилъ рядъ путешествій по Германіи и Италіи. Естественно, въ виду ихъ духовнаго сродства, учитель и ученикъ понимали другъ друга. Оба они были людьми утонченными.

И все-таки одинаково трудно опредѣлить вліяніе Отто Венюса на Рубенса, какъ и вліяніе Товія Верхахта или Адама ванъ Норта: всѣ произведенія Рубенса, написанныя въ юности, или потеряны или приписываются ему безъ достаточнаго основанія. Тѣмъ не менѣе весьма вѣроятно, что Отто Венюсъ былъ для Рубенса своего рода вдохновителемъ, рассказывавшимъ ему, со знаніемъ дѣла и вкусомъ, объ итальянскихъ нововведеніяхъ. Отто Венюсъ внушилъ Рубенсу желаніе побывать тамъ, за Альпами, испить изъ великаго источника новой красоты и насытить свое зрѣніе чудесными и неожиданными видѣніями.

XVI-ый вѣкъ на исходѣ. Губернаторомъ Нидерландовъ—эрцгерцогъ Альбертъ, зять короля испанскаго. Рубенсъ еще только ученикъ Отто ванъ Вена, но уже таковы надежды, подаваемые этимъ ученикомъ, что онъ поставленъ во главѣ гильдіи св. Луки и представленъ эрцгерцогу. Этотъ снабжаетъ Рубенса письмами ко многимъ итальянскимъ вельможамъ, такъ какъ рѣшено, что онъ отправится изучать искусство Флоренціи и Венеціи. 9 мая 1600 г. Рубенсъ верхомъ пускается въ путь. О, прекрасное странствіе черезъ Францію и Швейцарію! О, мечта о побѣдѣ, тревожившая умъ молодого завоевателя искусства! Отнынѣ судьба поведетъ его отъ двора ко двору, среди вельможъ и государей, между интригъ и препятствій, и вплоть до дня, когда онъ вновь вернется во Фландрію, ни разу не покинетъ его счастье побѣды и умѣніе освободиться отъ тысячи несчастныхъ или гибельныхъ случайностей.

Прежде всего Рубенсъ направляется въ Вевѣцію. Вскорѣ, благодаря дружбѣ и вниманію одного изъ придворныхъ герцога Мантуанскаго, онъ проникаетъ ко двору и временно поселяется тамъ.

Гонзаго I-му—двадцать восемь лѣтъ. Онъ любитель и покровитель искусствъ. Онъ освободилъ изъ темницы Тассо, ведетъ переписку съ Галилеемъ, назначаетъ своимъ капелланомъ Монтеверде. При дворѣ Гонзаго та же утонченность, какъ при самыхъ блистательныхъ дворахъ Италіи. Любовь, страсть, горячность пылаютъ здѣсь. Изящество и изысканность прикрываютъ собою тиранію и жестокость. Чтобы сохранить благо-расположеніе государя, нужна ловкость, а порой и лукавство. Рубенсъ ведетъ себя при дворѣ безукоризненно. Онъ хорошо говорить, онъ всѣмъ нравится, онъ знаетъ пять языковъ, онъ всѣмъ интересуется, тѣломъ онъ силенъ и ловокъ; конечно, онъ—плебей, но у него больше такта, чѣмъ у любого аристократа. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ подымаетъ то общество, въ

которое входитъ. Онъ знаетъ тотъ кругъ людей, въ которомъ живеть, но знаетъ также круги художниковъ и обывателей. У него есть знаніе людей, онъ умѣетъ управлять ими. Въ этомъ постепенно всѣ должны будутъ убѣдиться.

Были ли у Рубенса любовныя приключенія при Мантуанскомъ дворѣ? Документовъ, разоблачающихъ это, нѣтъ никакихъ. Но было бы, однако, странно, чтобы такой чувственный человѣкъ, какимъ Рубенсъ былъ и какимъ онъ оставался всю свою жизнь, въ тридцать лѣтъ не любилъ ту или иную красавицу и умную женщину, живя въ эпоху Возрожденія въ Итали, гдѣ господствовалъ духъ Боккаччо. На это обрекалъ Рубенса его темпераментъ. Къ тому же Гонзаго всегда болѣе цѣнилъ Рубенса, какъ придворнаго, чѣмъ, какъ художника. Гонзаго совершенно не угадывалъ, съ какимъ гешемъ онъ встрѣчался ежедневно. Онъ поручалъ Рубенсу дѣлать копии. Рубенсъ отъ этого никогда не отказывался. Его умъ или, если угодно, его скрытая хитрость заставляли его выдавать себя за ученика, чтобы тѣмъ увѣреннѣй однажды стать мастеромъ. Практическій, настойчивый, простой, даже скромный фламандецъ, знающій, однако, что ему нужно, къ чему онъ стремится, оказывается въ данномъ случаѣ очень ловкимъ. Онъ отказывается отъ неумѣстной гордости и не позволяетъ себѣ быть слишкомъ обидчивымъ. Онъ сосредоточиваетъ свои силы въ молчаніи и въ повседневномъ добромъ расположеніи духа. Гонзаго все болѣе и болѣе довѣряетъ ему. Когда Гонзаго принужденъ уѣхать изъ Мантуи, чтобы принять участіе въ походѣ противъ турокъ, онъ отправляетъ Рубенса въ Римъ, чтобы тотъ, изъ имѣющихся тамъ шедевровъ, сдѣлалъ, по собственному выбору, копии и послалъ ихъ въ Мантую. Жизнь въ римскомъ обществѣ, въ которое его вводитъ кардиналъ Монтальто, стоитъ дорого. Занятый войной, Гонзаго безъ особенной точности уплачиваетъ Рубенсу назначенное содержаніе, а тотъ старается не быть докучливымъ. Онъ умѣетъ примѣняться къ обстоятельствамъ. Тѣмъ болѣе, что онъ получилъ большой заказъ отъ своего отдаленнаго покровителя, эрцгерцога Альбрехта. Рубенсу поручено написать триптихъ для предѣла Св. Елены во храмѣ святого Христа въ Иерусалимѣ. Изъ Нидерландовъ уже просятъ у него самостоятельныхъ произведеній.

Внезапно Гонзаго отзываетъ Рубенса въ Мантую. Не довѣряя Испаніи, Гонзаго намѣренъ защитить свои владѣнія отъ завоевательныхъ стремленій Филиппа III. Чтобы снискать его благосклонность и разсѣять всякую вражду, Гонзаго посылаетъ ему въ даръ собраніе картинъ и вмѣстѣ съ тѣмъ коней, оружіе, экипажи и благовонія. Герцогу Лерну, первому министру, будутъ поднесены серебряные сосуды; никто не будетъ позабытъ, ни сестра герцога, ни его секретарь ино-

странных дѣлъ. Нуженъ человѣкъ, знающій искусство и знающій людей, чтобы вручить каждому эти дары съ изысканными словами и потомъ дать отчетъ о томъ, какое впечатлѣніе произвели многочисленные подарки. Надо полагать, что Рубенсъ уже занялъ при Мантуанскомъ дворѣ исключительное положеніе, если эрцгерцогъ для этой мисси, требующей довѣрія и соприкасающейся съ политикой, избралъ именно его, человѣка безъ пышныхъ титуловъ и безъ славныхъ предковъ.

Перевозка ящиковъ съ дарами была очень затруднительна и полна всякихъ неожиданностей. Дары, повидимому, были отправлены черезъ Ливорно, тогда какъ слѣдовало отправить черезъ Геную. Дорожные расходы превзошли всѣ ожиданія. Наконецъ, послѣ тысячи неудачъ посольство достигло Аликанте, оттуда проѣхало въ Мадридъ и Валладолиде. Когда открываютъ ящики, оказывается, что картины попорчены. Аннибаль Иберти, представитель Мантуи при Испанскомъ дворѣ, настаиваетъ, чтобы Рубенсъ пригласилъ на помощь испанскихъ художниковъ, для возстановленія картинъ. Рубенсъ отъ помощи отказывается. Онъ беретъ всю отвѣтственность на себя: все, что нужно, сдѣлаетъ онъ одинъ. Иберти соглашается, но, тѣмъ не менѣе, въ свое время, онъ проявитъ свою враждебность. Когда картины будутъ показаны Филиппу, представитель Мантуи позабудетъ представить королю Рубенса. Тотъ жалуется на это въ одномъ изъ писемъ, но, какъ всегда, безъ гнѣва, скорѣе въ шутку. На другой день картины поднесены герцогу Лерну. Герцогъ приходитъ въ восторгъ. Звѣзда Рубенса опять загорается ярко. У всего двора на устахъ только лесть и хвала. Самъ Иберти побѣжденъ, онъ даетъ знать Гонзаго, что картины, исправленные «фламандцемъ», кажутся совсѣмъ иными, чѣмъ были прежде. Этотъ успѣхъ,—почему не сказать, триумфъ,—нисколько не опьяняетъ Рубенса. Онъ могъ бы отомстить Иберти, однако объ этомъ и не думаетъ. Но увѣренность въ самомъ себѣ становится больше: Рубенсъ не можетъ не посмѣяться надъ тѣмъ, что королевскій дворецъ расписанъ такими художниками, какъ Кардучо и Мануэле да Молина. Герцогъ Лернъ поручаетъ Рубенсу написать нѣсколько евангельскихъ сценъ и конный портретъ. Иберти пишетъ Гонзаго, что Рубенсу великолѣпно удались всѣ эти работы.

Можно утверждать, что въ Испани великій фламандецъ впервые сталъ дѣйствовать согласно съ тѣмъ представленіемъ, какое впоследствии составилъ о самомъ себѣ. Онъ начинаетъ сознавать, кто онъ. Онъ слышитъ, какъ бьется сердце его генія. Онъ самъ его слушаетъ и хочетъ, чтобы и другіе его слушали. Въ первый разъ онъ даетъ рѣшительный отпоръ двору Генриха IV, который старается его привлечь, желая заказать ему рядъ портретовъ придворныхъ дамъ, а потомъ—даже и Гонзаго I,

когда тотъ поручаетъ ему работу, недостойную художника. Это не мѣшаетъ тому, что по возвращеніи Рубенса въ Мантую, герцогъ возобновляетъ съ нимъ прежній договоръ, уславливается выплачивать ему въ годъ 400 дукатоновъ, по четвертямъ года, и немедленно поручаетъ ему роспись алтаря въ церкви св. Троицы.

Тѣмъ не менѣ мечта Рубенса—возвратиться въ Римъ. Тамъ его братъ Филиппъ занимаетъ должность воспитателя дѣтей президента Ричардотто. Туда его манитъ также борьба Караччи съ Караваджо. Гонзаго поручаетъ своему художнику приобрести картину одного изъ этихъ новаторовъ. Рубенсъ отирается въ Римъ въ концѣ 1605 года. Тамъ ему не легко приходится поддерживать свое положеніе, потому что деньги отъ герцога приходятъ слишкомъ рѣдко. Гонзаго какъ будто забываетъ своего любимца, если не видитъ его ежедневно близъ себя. Но Рубенсъ всегда умѣетъ устроиться. Благодаря кардиналу Боргезе ему поручаютъ роспись алтаря въ церкви Санта Марія въ Валичелла. Лучшие художники Италіи домогались этого заказа. Несмотря на то, получилъ его Рубенсъ. Церковь, гдѣ онъ долженъ былъ работать, была самой посѣщаемой изъ римскихъ церквей. Сразу имя Рубенса выдвигается въ первые ряды знаменитостей.

Такимъ образомъ, этотъ ловкій, упорный и удивительный фламандецъ за шесть лѣтъ своего пребыванія по ту сторону Альпъ, добился того, что получилъ почетное мѣсто въ самой столицѣ міра. Прибылъ онъ туда, какъ ученикъ и какъ копистъ. Безъ шума и безъ борьбы онъ завоевываетъ себѣ мѣсто при мантуанскомъ дворѣ, во главѣ котораго стоитъ государь своевольный, ищущій наслажденія, недовѣрчивый, пылкій и даже развращенный. Рубенсъ сумѣлъ справиться съ труднымъ порученіемъ въ Испани; онъ изумилъ своимъ искусствомъ Мадридъ и одержалъ побѣду надъ его дворомъ; онъ не уступилъ Гонзаго, когда слѣдовало такъ поступить. Всѣ эти разнообразныя злоключенія повели къ тому, что государь лишь съ трудомъ можетъ обходиться безъ Рубенса, уже не скрываетъ своего удовольствія, которое доставляетъ ему постоянное присутствіе фламандскаго художника при дворѣ. Гонзаго отвѣчаетъ эрцгерцогу Альбрехту, который проситъ отпустить Рубенса: «Вотъ уже нѣсколько лѣтъ фламандецъ Петеръ-Пауль Рубенсъ служитъ мнѣ, къ моему и къ своему собственному удовольствію; я не могу допустить, что у него есть желаніе покинуть эту службу, которой онъ, повидимому, совершенно доволенъ». Трудно найти другой примѣръ большаго согласія. Однако, можно предположить, что уже въ эти дни государь болѣе дорожилъ художникомъ, нежели художникъ государемъ.

Рубенсъ уже вполне сложился, и какъ художникъ, и какъ человѣкъ. Быть на службѣ у кого бы то ни было; у короля или

у герцога, одинаково трудно его фламандской душѣ. Другіе пользовались имъ; онъ также пользовался другими до той поры, когда ему стало достаточно своей собственной силы. Его отношенія къ Гонзаго становятся болѣе холодными. Разные мелкие поводы приведутъ ихъ къ разрыву. Гонзаго уклоняется отъ пріобрѣтенія одной картины Рубенса, которую художникъ ему предлагаетъ; Гонзаго отправляется въ Нидерланды, не беря съ собой своего художника. Отношенія становятся все болѣе и болѣе натянутыми. Быть можетъ, Рубенсъ самъ желаетъ этого. Наконецъ, 26 октября 1608 года, онъ получаетъ письмо, извѣщающее о тяжеломъ недугѣ матери его. Гонзаго въ отсутствіи. Рубенсъ не хочетъ ждать его возвращенія и отправляется въ путь.

Но со своей обычной предупредительностью и любезностью, Рубенсъ пишетъ къ главному управляющему герцога, Киенню, прося представить извиненія ихъ общему господину. Разрывъ облакается въ самыя изысканныя выраженія: «Мать моя настолько страдаетъ удушьемъ, что, принимая во вниманіе ея возрастъ, ей 72 года, нельзя надѣяться на иной исходъ, кромѣ общаго для всѣхъ людей. Умоляю васъ быть столь любезнымъ сообщить о моемъ несчастіи его свѣтлости герцогу и передать ему мои извиненія въ томъ, что я, чтобы выиграть время, не явился въ Мантую, но со всей поспѣшностью выбралъ самую короткую дорогу».

Пріѣхавъ въ Антверпенъ, Рубенсъ уже не возвращался въ Мантую.

Во всѣхъ родахъ искусства, доступныхъ художнику кисти, Рубенсъ уже испробовалъ свои силы: онъ писалъ картины религиозныя, историческія, мифологическія, портреты, пейзажи, жанровыя сцены. Въ бѣгломъ обзорѣ остановимъ наше вниманіе на этомъ безконечномъ шествіи, выдѣливъ рядъ избранныхъ произведеній.

Большинство художниковъ готики поняли католическое искусство, какъ культъ смерти. Жажда жизни, увлекавшая Рубенса, непобѣдимо должна была удалить его отъ такого мрачнаго мировоззрѣнія. Голгоѳа, на которой Господь испускалъ послѣдній вздохъ, но на которой рождался новый міръ, становилась въ его глазахъ не мѣстомъ скорби, но горою Воскресенія и Славы. Христось, символизирующіи новую красоту и обновленное и помолодѣвшее человѣческое сознаніе, представлялся воображенію художника не иначе, какъ одѣянный силой и блескомъ. То былъ Богъ Фавора, а Богоматерь и особенно Магдалина были человѣчествомъ, плачущимъ и исполненнымъ надежды. Рубенсъ никогда не изображалъ голой смерти и, сколько я знаю, въ его творчествѣ нигдѣ не появлялся скелеть.

Вотъ нѣсколько «Распятій» въ Антверпенскомъ музеѣ, въ

Луврѣ; вотъ «Шествіе на Голгоѳу» въ Брюссельскомъ музеѣ; вотъ «Воздвиженіе Креста» въ Антверпенскомъ соборѣ; вотъ, въ разныхъ частныхъ собраніяхъ, цѣлый рядъ образовъ распятаго Христа, причѣмъ за горой умираетъ огромное кровавое солнце.

Изъ всѣхъ этихъ распятій, самымъ потрясающимъ надо признать полотно Антверпенскаго музея. Въ отличіе отъ другихъ ему дали названіе «Прободеніе копіемъ». На фонѣ пламеннаго неба, озареннаго какъ бы отдаленнымъ пожаромъ, между двумя разбойниками, скорченными и свирѣпыми, высится тѣло Христа,—страданіе котораго выдаютъ только сведенныя ноги,— съ распятыми руками, съ головой упавшей на грудь. Палачъ прободаетъ его острымъ желѣзомъ. Богоматерь рыдаетъ около Святого Іоанна, лошади роютъ копытами землю. Толпа вооруженныхъ людей и палачей волнуется. Народъ смотритъ; вдали виденъ Іерусалимъ. Эта сцена смерти столь оживлена, такъ сжата, такъ полна движеніемъ, какъ могла бы быть лишь изображеніе событія, гдѣ жизнь бьетъ черезъ край. Болѣе того: та, которая должна была бы олицетворять великую скорбь любви, Марія Магдалина, является здѣсь сквозь свои слезы и подъ волнами распущенныхъ волосъ, пышнымъ и чудеснымъ воплощеніемъ юности, сочнымъ цвѣткомъ, взрожденнымъ зноемъ и солнцемъ; одно присутствіе такой Магдалины уничтожаетъ и опровергаетъ основную скорбность сцены и создаетъ, несмотря на воздвигнутое орудіе пытки, несмотря на кровь и трупы, нѣкій праздникъ въ самомъ горнилѣ страданій. Шелковыя одѣянія Магдалины, ея розовое и соблазнительное тѣло, ея глаза-что моля улыбаются, ея свѣтлыя и бѣрыя руки, уводятъ прочь отъ смерти нашу мысль и влекутъ ее къ жизни. Скорбь Богоматери скорѣе мелодраматична, чѣмъ искренна; въ ея рыданіи нѣтъ послѣдняго ужаса. О! насколько инымъ голосомъ кричитъ о страданіи, о пыткѣ, о смерти Господа триптихъ Метсиса, выставленный неподалеку отъ «Прободенія копіемъ».

Въ мученіи Святого Левина, въ Брюссельскомъ музеѣ, ужасъ событія также переходитъ въ триумфъ. Мощная и яростная кисть художника неодолимо стремится переплести всѣ линіи и такъ чудесно оживить всѣ тоны и краски, что все изображенное можно принять за какое-то ликованіе. Красный языкъ, вырванный палачемъ, одѣтымъ въ багряный калпакъ, кажется великолѣпнымъ самоцвѣтнымъ камнемъ, какимъ-то рубиномъ или коралломъ, въ зубьяхъ сжимающихъ его клещей, а золотыя ткани одѣянія, зеленыя пальмовыя вѣтви, вѣющія въ небѣ, толстые и веселые ангелы и огромная бѣлая лошадь, вздыбившаяся до облаковъ, все, въ лирическомъ головокружительномъ порывѣ, уноситъ прочь всякую скорбь и отчаяніе. Еще разъ мы видимъ, что для Рубенса не существуетъ ни подлиннаго страданія, ни безысходной горести.

Что такое его «Страшные Суды», висящіе въ Мюнхенскомъ музеѣ? Это водопады прекрасныхъ тѣлъ, рои мужчинъ и женщинъ, скученные или разсыпавшіеся, груды безумныхъ движеній, падающихъ съ неба въ такомъ изступленіи, что уже нельзя отличить грѣшниковъ отъ праведныхъ, и что, кажется, будто бьетъ не часъ возмездія, но часъ неисчерпаемаго льющагося черезъ край плодородія. Даже въ блѣдномъ и искаженномъ ликѣ Медузы дышитъ жизнь. Змѣевидные волосы такъ жизненны, что не остается мѣста для чувства страха и ужаса; они скорѣе похожи на виноградную лозу, унизанную драгоценными камнями и эмалями.

Но полнѣе всего творчество Рубенса выражается въ тѣхъ эпизодахъ священной исторіи, которымъ присуще ликование. О, плѣнительное «Поклоненіе Волхвовъ» въ Антверпенскомъ музеѣ! Младенецъ Иисусъ, положенный на солому, подобенъ очаровательной грудѣ зрѣлыхъ сочныхъ плодовъ, которые его мать съ гордостью выставляетъ на показъ. Богатая и прекрасная земля Фландріи, ея плодородное и яркое солнце, ея идеалъ силы и свѣта просвѣчиваетъ въ этомъ совершенномъ созданіи. Огромный быкъ, лежащій на переднемъ планѣ у яслей, еще полнѣе, чѣмъ фигуры людей, передаетъ впечатлѣніе здоровой сельской жизни. Волхвы изображены великанами. Одинъ изъ нихъ, своей мощью, роскошью и страстностью, господствуетъ надъ всей сценой и рѣзко выдвигается въ серединѣ полотна: это—негръ, окутанный въ зеленый атласъ, съ пышнымъ высокимъ тюрбаномъ на головѣ, съ пылающими похотливыми глазами. Конечно, добрые Волхвы пришли съ востока; это доказываютъ ихъ верблюды, головы которыхъ видны за входомъ; но Востокъ, съ котораго пришли эти Волхвы, долженъ быть, какъ и Фландрія, страной широкой жизни, сытой и лакомой, какой Рубенсъ охотно изображалъ всѣ земли міра.

Луврская Богоматерь, окруженная ангелами, кажется помещенной въ какой-то живой гротъ; это—апогеевъ материнства и плѣнительная одухотворенность; здѣсь дышитъ ароматъ густого и свѣжаго молока. Цвѣтникомъ дѣтскихъ тѣлъ, духленькихъ и словно сдѣланныхъ изъ розъ и масла, окружена мать ихъ Господа, младенца Иисуса; ангелы-дѣти вѣнчаютъ ее короной, протягиваютъ ей пальмовыя вѣтви, толкаютъ другъ друга, обнимаются, глядятъ, восхищаются и играютъ. На картинѣ сверкаетъ нагая лучезарная невинность, вся яркость блеска и вся радость плодородія и здоровія. Богоматерь изображена здѣсь не дѣвой, но—какъ символъ женщинъ Фландріи, гдѣ и земля и женъ славятся своимъ плодородіемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Перевела съ рукописи **И. Брюсова**.

О КОНЕЧНЫХЪ ЦѢЛЯХЪ.

Въ настоящее время почти трюизмомъ стало положеніе, что «идеологія» рабочей демократіи ниже тѣхъ требованій, которыя предъявляютъ къ ней событія историческаго момента, что «сознаніе» пролетаріата, даже въ самыхъ передовыхъ странахъ, далеко отстало отъ «бытія».

Почему же это случилось?

Да потому, гласить наиболѣе популярное и наиболѣе успокоительное толкованіе, что рабочее движеніе нигдѣ и никогда еще не было достаточно чистымъ по своему социальному составу. На ряду съ подлинными пролетаріями, въ немъ участвовали всегда значительныя массы мелкой буржуазіи, интеллигенціи, вообще, такъ называемыхъ «попутчиковъ». Но этимъ послѣднимъ «по пути» съ рабочими отнюдь не до самаго конца, а лишь до выполненія, такъ называемой, «программы минимумъ», требующей демократизаціи существующаго общественнаго строя. Поэтому, какъ только возникаетъ такое историческое положеніе, при которомъ пролетаріату приходится вступить въ конфликтъ или съ буржуазнымъ обществомъ, какъ пѣлымъ, или со своей собственной программой-*максимумъ*, — рабочая партія подъ давленіемъ переполюющихся ее непролетарскихъ элементовъ фатально избираетъ второй исходъ.

При такомъ діагнозѣ болѣзни естественно намѣчаются два способа леченія: сторонники социальной хирургіи рекомендуютъ ампутацію всѣхъ сомнительныхъ, оппортунистически настроенныхъ членовъ партіи, — защитники болѣе мягкихъ методовъ отстаиваютъ старые принципы организаціи, уповаю на «*vis medicatrix naturae*», т. е. на процессъ пролетаризаціи, который рано или поздно разрушитъ мелкобуржуазную психологію «попутчиковъ» и, такимъ образомъ, не только внѣшне, но и внутренне сплавитъ ихъ въ одно пѣлое съ основнымъ ядромъ пролетарской демократіи.

Однако, присматриваясь къ возникновенію и развитію современнаго кризиса, а также къ тѣмъ событіямъ и тенденціямъ въ рабочемъ движеніи прошлыхъ десятилѣтій, которыя его подготовили, нельзя не придти къ заключенію, что для выработкѣ правильной тактики «коренное ядро» должно подвергнуть критическому пересмотру не только свое отношеніе къ

«попутчикамъ», но прежде всего свое отношеніе къ самому себѣ: должно достигнуть болѣе отчетливаго самопознанія.

Въ самомъ дѣлѣ, если бы все зло заключалось въ попутчикахъ, психологическая картина кризисовъ движенія носила бы существенно иной характеръ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ настоящее время. При зарожденіи конфликта, затрагивающаго коренныя устои современнаго общества, въ средѣ подлинныхъ носителей движенія долженъ былъ бы наблюдаться особенно яркій подъемъ настроенія, особенно могучій взрывъ стихійнаго энтузіазма, который не могъ бы, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, не увлечь за собой и попутчиковъ. И только при дальнѣйшемъ развитіи конфликта можно было бы ожидать постепеннаго отрезвленія попутчиковъ и все болѣе и болѣе массоваго дезертирства ихъ изъ рядовъ борцовъ за «конечную цѣль» въ лагерь защитниковъ существующаго строя. — Между тѣмъ, въ дѣйствительности мы наблюдаемъ нѣчто прямо противоположное. Въ моментъ катастрофы психологическими гегемонами всего движенія въ цѣломъ становятся попутчики. Въ ихъ рукахъ оказывается инициатива; ихъ энтузіазмъ, направленный отнюдь не въ сторону конечныхъ цѣлей, а, наоборотъ, въ сторону защиты принциповъ, съ конечною цѣлью абсолютно непримиримыхъ, заражаетъ и увлекаетъ широкіе круги рабочей демократіи, въ пролетарской «подлинности» которыхъ до сихъ поръ не возникало ни малѣйшаго сомнѣнія. Небольшія группы «ортодоксовъ», сохранившихъ вѣрность старому знамени, обнаруживаютъ на первыхъ порахъ полную растерянность передъ этой лавиной чуждыхъ имъ чувствъ и волеизъявленій. Лишь мало-по-малу ихъ робкіе, полузаглушенные протесты начинаютъ приобретать нѣкоторую опредѣленность и твердость; лишь очень медленно вокругъ этихъ одинокихъ камней, не снесенныхъ бурнымъ потокомъ, вырастаютъ болѣе или менѣе значительныя островки изъ отдѣльныхъ уставшихъ и отставшихъ отъ общаго движенія членскихъ ячеекъ. Сколько нибудь дѣйственный и организованно-коллективный характеръ формирующаяся такимъ образомъ оппозиція получаетъ не ранѣе, чѣмъ становится вполне ясно, что руководимое попутчиками движеніе реакціонно не только съ точки зрѣнія максимальной, но также и съ точки зрѣнія минимальной программы. Другими словами, противорѣчіе между даннымъ социальнo-политическимъ процессомъ и конечною цѣлью программы, — противорѣчіе, очевидное съ самаго начала и особенно рѣзко бьющее въ глаза именно при возникновеніи конфликта — никого не затрагиваетъ за живое, не вызываетъ сколько-нибудь яркой психологической реакціи въ средѣ самыхъ подлинныхъ членовъ пролетарской демократіи. Активное содѣйствіе «конфликту» охотно «пріемлется», мало того, одушевленно санкціонируется, пока господствуетъ убѣжденіе, что такое со-

дѣйствіе необходимо для укрѣпленія познці демократіи «въ рамкахъ существующаго строя». И только тогда, когда убѣжденіе это оказывается иллюзіей, когда ходъ событій показываетъ, что даже въ рамкахъ буржуазнаго общества данный процессъ ведетъ къ ослабленію демократіи и къ усиленію ея антагонистовъ, — только тогда подлинныя представители рабочей демократіи находятъ въ себѣ достаточно внутренней силы, чтобы освободиться отъ гегемоніи попутчиковъ, выкинуть свое старое знамя, вспомнить о своихъ «конечныхъ цѣляхъ».

Получается впечатлѣніе, что столкновеніе между попутчиками и кореннымъ ядромъ рабочаго движенія, между «оппортунистами» и «ортодоксами», между «соцаль-шовинистами» и «интернационалистами», несмотря на всю его политическую остроту, по существу дѣла вовсе не такъ глубоко, какъ это обыкновенно думаютъ, — что психологически обѣ эти группы не выходятъ изъ рамокъ существующаго строя, различаясь между собой лишь какъ болѣе или менѣе рѣшительныя сторонники демократизаціи этого послѣдняго. Что же касается конечной цѣли и максимальной программы, то, подобно конечнымъ символамъ религіи, она является, новидимому, для всѣхъ слоевъ современнаго человѣчества тольکو «умопостигаемой» формулой, которую мы можемъ *мыслить*, какъ предѣльное понятіе, но не въ силахъ вполне охватить или хотя бы отчасти предвосхитить *интуитивно*, живымъ чувствомъ и дѣятельной волей.

Въ чемъ же, однако, содержаніе этой формулы?

Какъ извѣстно, осуществленіе «конечной цѣли» мыслится въ формѣ строго демократической организаціи человѣчества, основанной на планомѣрномъ общественномъ регулированіи міроваго хозяйства. При этомъ, по марксистской концепціи, которая пользуется широкимъ признаніемъ, какъ наиболѣе глубокая и послѣдовательная, центръ тяжести грядущаго преобразования составляетъ не идея справедливости, а идея свободы. Историческая задача пролетаріата есть прежде всего радикальное искорененіе всѣхъ видовъ тяготящаго надъ человѣкомъ рабства, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго; выполненіе этой задачи рисуется Энгельсу, какъ «прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы».

Всякое общество, состоящее изъ классовъ, предполагаетъ не только порабощеніе низшихъ классовъ высшими, но и порабощеніе всѣхъ членовъ общества ими же самими созданными формами общезитія. Эти формы, эти «основы» классового общественнаго порядка воспринимаются, какъ ниспосланныя свыше, сверхчеловѣческія установленія, а не какъ продуктъ свободной дѣятельности людей, да и на самомъ дѣлѣ не являются продуктомъ такой дѣятельности. Въ средніе вѣка сложившіяся общественныя отношенія, непосредственно санкціонированныя рели-

глей, были частью божественнаго міропорядка, который заранѣе вводилъ дѣятельность человѣка въ строго опредѣленныя рамки, полагая непререкаемыя границы всѣмъ самочиннымъ заданіямъ и достижениямъ индивидуума. Въ буржуазномъ обществѣ господство социальныхъ отношеній надъ людьми принимаетъ менѣе возвышенную, но столь же мистическую форму «товарнаго» фетишизма. Жизненные нормы буржуазнаго общества складываются, говоря словами Маркса, «за спиной» буржуазіи, возникаютъ, какъ равнодѣйствующая разрозненныхъ индивидуальныхъ усилій, какъ неисповѣдимый результатъ борьбы конкурентовъ, не преслѣдующихъ въ своей дѣятельности никакихъ общественныхъ задачъ, одушевленныхъ исключительно стремленіемъ къ наживѣ, къ личному преуспѣванію. А такъ какъ общественная связь между конкурентами въ этой борьбѣ всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ осуществляется исключительно при помощи вещей-товаровъ, переходящихъ изъ рукъ въ руки, отъ одного собственника къ другому, то и нормы, возникающія въ процессѣ конкуренціи, представляются не принципами, свободно полагаемыми людьми въ ихъ взаимоотношеніяхъ, а извѣстными качествами вещей, ихъ естественными свойствами, предъ которыми индивидууму остается только преклониться, какъ передъ непререкаемымъ фактомъ или закономъ природы.

Товарный фетишизмъ есть лишь одна изъ формъ того господства вещей надъ людьми, въ которомъ находятъ свое выраженіе характернѣйшія особенности капиталистическаго общества, его глубочайшія внутреннія противорѣчія. Капитализмъ, какъ извѣстно, есть эпоха бурнаго развитія производительныхъ силъ, — и въ этомъ его положительная историческая роль, весьма высоко оцѣниваемая марксизмомъ. Но развитіе общественныхъ производительныхъ силъ отнюдь не является сознательной, планомерно осуществляемой задачей капиталистическаго общества. Послѣднее, какъ цѣлое, вообще, не преслѣдуетъ никакихъ планомерныхъ производительныхъ задачъ; каждый же капиталистъ въ отдѣльности стремится лишь упрочить и расширить свою позицію индивидуальнаго собственника, увеличить свою долю въ сферѣ личнаго *присвоенія* продуктовъ общественнаго труда и средствъ общественнаго производства. И только въ той мѣрѣ, въ какой эти личныя цѣли присвоенія, использованія, потребленія не достижимы при стационарномъ состояніи производства, капиталистъ вынужденъ совершенствовать производственные методы въ своемъ предпріятіи. Идея развитія, какъ самодовлѣющей цѣнности, психологія творчества, находящая высшее удовлетвореніе въ самомъ процессѣ созиданія, — та «schenkende Tugend», о которой мечталъ Ницше, — все это совершенно чуждо капитализму. Капиталистъ «творить»

изъ-подъ палки, подъ угрозой своей гибели или деградации въ качествѣ представителя господствующаго класса. Развивая производительныя силы, онъ, подобно каторжнику, прикованному къ тачкѣ, лишь повинуется неумолимой судьбѣ, лишь выполняетъ требованія своего повелителя—капитала. Въ атмосферѣ конкуренціи капиталъ не можетъ просто сохраняться, или воспроизводиться въ качественно и количественно неизмѣнныхъ формахъ; онъ подвергается гніенію и распаду при всякой попыткѣ закрѣпить условія его созиданія и использования на томъ или другомъ уже достигнутомъ уровнѣ. Капиталъ сохраняется, возрастая, а успѣшно возрастаетъ лишь при условіи непрерывнаго совершенствованія технической базы своего производства. Такимъ образомъ, ростъ производительныхъ силъ въ буржуазномъ обществѣ неразрывно связанъ, какъ второстепенный и подчиненный моментъ, съ тенденціей капитала къ самовозрастанію. Тенденція же эта, опять-таки, принимаетъ фетишистическую форму: въ глазахъ капиталиста она есть объективный, отъ человѣческой воли не зависящій законъ,—естественное свойство тѣхъ вещей, въ которыхъ капиталъ реализуется, тѣхъ процессовъ, которыми онъ созидается.

Но социально-психологическое рабство не можетъ не воплотиться и въ социально-политической области. Если для члена капиталистическаго общества всякая социальная связь между людьми существуетъ лишь, какъ внѣшняя необходимость, стоящая надъ человѣческой волей и требующая безапелляционнаго повиновенія, то на стражѣ нормъ, регулирующихъ общежитіе, должна стоять твердая, до зубовъ вооруженная власть, отдѣленная отъ общества и вознесенная надъ нимъ въ качествѣ самостоятельной силы. Г. Струве былъ совершенно правъ, когда, еще въ бытность свою марксистомъ, утверждалъ, что буржуазное государство есть не только организація господства, но также организація порядка. Государство необходимо буржуазіи не только для того, чтобы держать въ уздѣхъ низшіе классы общества, но и для того, чтобы охранять порядокъ въ своей собственной средѣ.

«Конечная цѣль» демократіи есть сознательное и планомерное осуществленіе той тенденціи, которая бессознательно, «за спиной» буржуазіи осуществляется современнымъ обществомъ. Поэтому, реализація конечной цѣли предполагаетъ радикальное преодоленіе тѣхъ противорѣчій, которыя раздраютъ капитализмъ и въ то же время непрерывно толкаютъ его впередъ, заставляя переростать условія своего собственнаго существованія. Въ одной изъ своихъ раннихъ совместныхъ работъ Марксъ и Энгельсъ такъ характеризовали идеаль демократіи:

«Когда антагонизмъ классовъ съ дальнѣйшимъ ходомъ раз-

вита уничтожится и все производство будетъ концентрировано въ рукахъ ассоціированныхъ индивидуумовъ, тогда *исчезнетъ и политическій характеръ общественной власти...* Если пролетаріатъ въ своей борьбѣ противъ буржуазіи организуется въ классъ, достигаетъ классового господства и, въ качествѣ господствующаго класса, уничтожаетъ старыя производственныя отношенія, то вмѣстѣ съ этими производственными отношеніями онъ уничтожаетъ также и предпосылку антагонизма классовъ, уничтожаетъ самые классы, а слѣдовательно и свое собственное классовое господство. На мѣстѣ стараго буржуазнаго общества, съ его классами и ихъ антагонизмомъ, возникаетъ ассоціація, въ которой *свободное развитіе cadaго является условіемъ свободнаго развитія всѣхъ*» (курсивъ мой. В. Б.)

Не равномерное распредѣленіе продуктовъ труда, не торжество потребительской справедливости стоитъ въ центрѣ марксистской конечной цѣли,— все это лишь предпосылки, лишь орудія осуществленія «свободной ассоціаціи для всеобщаго свободнаго развитія».

Въ «критикѣ Готской программы» Марксъ набрасываетъ нѣсколько штриховъ, показывающихъ, въ какихъ основныхъ чертаніяхъ рисовалось ему возникновеніе и существованіе «свободной ассоціаціи» будущаго. «Лишь на высшей стадіи», пишетъ онъ, «лишь послѣ того, какъ исчезнетъ холопская іерархія индивидуумовъ при раздѣленіи труда, а съ нею и противорѣчіе между умственнымъ и физическимъ трудомъ; послѣ того, какъ самый трудъ станетъ первѣйшей жизненной потребностью, а не только средствомъ къ жизни; послѣ того, какъ вмѣстѣ съ всестороннимъ развитіемъ человѣческой личности вырастутъ и производительныя силы и обильно забьютъ всѣ родники общественнаго богатства,—лишь тогда узкіи буржуазный правовой кругозоръ будетъ совершенно покинутъ, и общество напишетъ на своемъ знамени: «Отъ cadaго по его способностямъ, каждому по его потребностямъ!»

Какъ мы видимъ, по Марксу, девизъ, начертанный на знамени рабочей демократіи, даже при величайшемъ расцвѣтѣ общественнаго богатства, не совмѣстимъ съ теперешней, буржуазно-демократической психологіей, для которой высшимъ идеаломъ является право индивидуума на полный продуктъ его личнаго труда или на произведенный другими индивидуумами эквивалентъ этого продукта. Необходимо нѣчто большее. Трудъ изъ простаго средства къ удовлетворенію различныхъ потребностей долженъ превратиться въ «первѣйшую жизненную потребность», въ самостоятельную и главную цѣнность жизни; а это, разумѣется, будетъ возможно лишь тогда, когда исчезнутъ всѣ виды подневольнаго труда, устранится «противорѣчіе между умственнымъ и физическимъ трудомъ», и всякая дѣя-

тельность станетъ свободнымъ проявленіемъ творческихъ силъ человѣка. Только достигнувъ этой высшей стадіи, общество, дѣйствительно, перерастаетъ основы буржуазной культуры, совершенно покидаетъ «узкій буржуазный правовой кругозоръ». Марксъ говоритъ здѣсь не о преобразованіи буржуазнаго права, но самую идею права характеризуетъ, какъ «узкую» и «буржуазную», самый методъ принудительнаго юридическаго регулированія жизни считаетъ совершенно несовмѣстимымъ съ общественнымъ укладомъ, построенномъ на принципѣ: «Отъ каждаго по его способностямъ, каждому по его потребностямъ».

И въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ на минуту, что государственная власть поставила своей задачей воздать каждому члену государства въ мѣру его личныхъ потребностей, взять отъ каждаго въ мѣру его личныхъ способностей. Никакихъ общихъ, для всѣхъ одинаковыхъ нормъ при такой строго индивидуализированной расцѣнкѣ гражданъ, очевидно, установить невозможно. Пришлось бы пустить въ ходъ по-истинѣ инквизиторскіе приемы изслѣдованія души и тѣла каждаго гражданина въ отдѣльности, причемъ заранѣе можно предсказать, что, даже при наилучшихъ намѣреніяхъ, инквизиція подобнаго рода ни къ чему, кромѣ самаго безнадежнаго хаоса, не приведетъ, ничего, кромѣ самой отчаянной путаницы, не создастъ. Не лучше обстояло бы дѣло и въ томъ случаѣ, если бы размѣры личныхъ способностей и потребностей опредѣлялись самими гражданами путемъ добровольныхъ деклараціи, на манеръ того, какъ это дѣлается въ настоящее время при взиманіи подоходнаго налога. Тогда государству принадлежалъ бы лишь высшій контроль; но при отсутствіи всякаго твердаго критерія для такого контроля оно оказалось бы совершенно безпомощнымъ въ осуществленіи этой функціи, абсолютно неспособнымъ разобраться въ тѣхъ пререканіяхъ и тяжбахъ, которыя возникали бы между гражданами на почвѣ свободного «самоопредѣленія» каждаго изъ нихъ въ области правъ и обязанностей по отношенію къ государству; слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ послѣднему осталось бы только прибѣгнуть къ безапелляціонному произволу. Такимъ образомъ, самое демократическое по своему строенію государство тотчасъ же выродилось бы въ невыносимѣйшую и бессмысленнѣйшую изъ всѣхъ когда-либо существовавшихъ деспотій, если бы оно взялось за осуществленіе «конечныхъ цѣлей» современной рабочей демократіи. Цѣль эта можетъ быть достигнута лишь въ обществѣ вполне свободныхъ людей, которые переросли не только необходимость вѣшняго государственнаго принужденія, но и ту психологію, въ которой находятъ свое внутреннее отраженіе, свою интимную «моральную» санкцію эта необходимость.

Социально-психологический переворотъ, предполагаемый конечной цѣлью, настолько глубокъ, что совершившее его человечество, на нашъ тенерешнй взглядъ, показалось бы не воплощеніемъ всѣхъ добродѣтелей, а, скорѣе, стоящимъ внѣ нашихъ добродѣтелей и пороковъ, по ту сторону нашихъ критеріевъ добра и зла, и уже, во всякомъ случаѣ, по ту сторону современной доброты и современной злобы. Какъ наши добродѣтели, такъ и наши пороки имѣютъ своей общей подпочвой ту буржуазную психологию «присвоенія», «использованія», которая въ своихъ высшихъ проявленіяхъ носить названіе «индивидуализма». Стремиться къ эксплуатаціи чужого труда порочно, но требовать отъ общества точнаго эквивалента затраченной въ его пользу энергіи добродѣтельно: это не только право, но и гражданскій долгъ всякаго сознательнаго демократа. Присвоить себѣ чужое открытіе подло, но въ высшей степени честно и похвально разсматривать явившуюся мнѣ творческую мысль, какъ мою собственность, и добиваться въ награду за отчужденіе этой собственности признанія моихъ личныхъ «заслугъ» и полученія соответствующихъ симъ послѣднимъ матеріальныхъ благъ: здѣсь я отстаиваю только свою честь изобрѣтателя. И такъ далѣе, и тому подобное.

Между тѣмъ, общество, способное осуществить девизъ «сть каждому по его способностямъ, каждому по его потребностямъ», должно, очевидно, радикально эмансипироваться, какъ отъ нашихъ буржуазно-эксплуаторскихъ пороковъ, такъ и отъ нашихъ буржуазно-демократическихъ добродѣтелей. Въ этомъ обществѣ для моральнаго «долга» останется столь же мало мѣста, какъ и для денежныхъ «долговъ». Священная для современной демократіи социальная «справедливость», требующая эквивалентности правъ и обязанностей гражданина, ищущая математическаго равенства тамъ, гдѣ все качественно разнородно,—занметъ почетное мѣсто въ историческомъ архивѣ, въ качествѣ любопытнѣйшаго образчика механизированной психики буржуазной эпохи. Удовлетвореніе потребностей за счетъ продуктовъ общественнаго труда въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для полнаго развитія всѣхъ силъ и дарованій каждаго члена общества, должно восприниматься, какъ само собой разумѣющаяся предпосылка общежитія. Равнымъ образомъ и проявленіе этихъ силъ и способностей въ дѣйствіи, въ формѣ физическаго и умственнаго труда, должно принять непосредственно общественный характеръ, исключаящій какъ у самого дѣйствующаго, такъ и у его согражданъ, всякую мысль о какой-либо компенсаціи, о какомъ-либо специальномъ вознагражденіи работника за потраченную имъ на пользу общества энергію.

Дѣйствительное преодолѣніе индивидуализма отнюдь не есть подчиненіе индивидуума коллективной дисциплинѣ, урѣ-

зываете его запросовъ, ограниченіе его притязаній въ интересахъ общества. Индивидуализмъ, какъ и всякое другое великое міровоззрѣніе, знаменовавшее собой эпоху въ культурномъ развитіи человѣчества, можетъ быть превзойденъ не извнѣ, а изнутри, не механическимъ усѣченіемъ, а свободнымъ диалектическимъ развитіемъ до своихъ крайнихъ предѣловъ. Личное сознание, сознание нашего «я», ярко горитъ какъ разъ тогда, когда мы чувствуемъ себя наименѣе свободными, наиболѣе ущемленными враждебными намъ воздѣйствіями со стороны окружающаго міра. Я не могу забыть о себѣ, когда мнѣ приходится отстаивать свою собственность или свое право отъ посягательства какого-нибудь «ты», когда я стремлюсь побить конкурента, отомстить за нанесенное мнѣ оскорбленіе или нанести таковое другому. Но въ моменты отрѣшенія отъ всего внѣшняго, въ моменты суверенной свободы и высшаго напряженія творческихъ силъ, когда индивидуумъ, дѣйствительно, является самимъ собою и только самимъ собою,—какъ разъ въ эти рѣдкіе моменты абсолютнаго самоутвержденія индивидуумъ разрываетъ границы своего «я», приходитъ къ самоотрицанію, постигаетъ, что «его» творческій актъ, въ сущности, вовсе не принадлежитъ ему, что не онъ создаетъ мысль, но мысль возникаетъ передъ нимъ по ея собственнымъ объективнымъ законамъ. Творческій актъ, какъ онъ непосредственно данъ человѣческому сознанию, развѣнчиваетъ божество индивидуализма, разоблачаетъ въ «я» наивно-буржуазную претензію приложить категорію собственности къ тому, что совершенно не присвоимо, что, по существу своему, сверхъ-лично, общечеловѣчно, непосредственно-объективно.

Объективность творческаго процесса засвидѣтельствована показаніями безчисленныхъ художниковъ и мыслителей. Вспомнимъ Пушкинское «Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній своихъ ты создатель». Вспомнимъ утвержденія Фихте, что въ актѣ художественнаго созерцанія «отдѣльные я стоятъ выше индивидуальности, входятъ въ сферу общаго для всѣхъ единого міра». Вспомнимъ, наконецъ, слова Гегеля: «когда я мыслю... я предоставляю мысли развиваться изъ самой себя, и я мыслю дурно, если прибавлю что-нибудь отъ самого себя». Нѣтъ надобности множить примѣры. Интуиція объективности творческаго акта имѣется не только у великихъ художниковъ и мыслителей, но присуща и каждому изъ насъ, рядовыхъ обывателей. Въ моменты, такъ называемыхъ, переломовъ міросозерцанія и въ другіе критическіе періоды нашего бытія мысль, разрѣшающая кризисъ, волевое устремленіе, выводящее насъ изъ тупика внутреннихъ противорѣчій, никогда не воспринимается нами, какъ «наше» произведеніе, какъ какой-то трюкъ нашего «я»; мы чувствуемъ лишь, что наше сознание озаряется

новымъ свѣтомъ, что отчетливо обрисовываются горизонты, которые раньше были окутаны мракомъ, и что это восходящее для насъ свѣтило не менѣе объективно, чѣмъ любое изъ свѣтилъ «тверди или видимаго неба». Безъ интуиции объективности человѣческаго творчества не могли бы возникнуть высшіе символы поэзіи, метафизики, религіи. Но именно тотъ фактъ, что объективное, сверхличное начало человѣческаго сознанія символизируется въ видѣ обособленныхъ отъ человѣка и господствующихъ надъ человѣкомъ метафизическихъ сущностей или религіозныхъ существъ, что поэзія стремится воплощать свои творческіе замыслы въ камнѣ, краскахъ, холстѣ, звукахъ и прочихъ мертвыхъ аксессуарахъ человѣческой жизни, а не въ самихъ живыхъ людяхъ,—именно этотъ фактъ и показываетъ всего нагляднѣе, какимъ жалкимъ и слабымъ зародышемъ является въ насъ до сихъ поръ наше творческое самосознаніе, какъ безконечно далеки мы еще отъ того полного преображенія нашей психики силой творческой интуиціи, безъ котораго невозможенъ «прыжокъ изъ царства необходимости въ царство свободы».

Почему это такъ происходитъ, прекрасно объяснилъ еще Пушкинскій «книгопродавецъ» въ своей репликѣ на восклицаніе «поэта», что онъ ищетъ только «свободы»:

«Внемлите истинѣ полезной:
Нашъ вѣкъ—торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзный
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.

Предвижу ваше возраженье;
Но васъ я знаю, господа;
Вамъ ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипитъ, бурлитъ воображенье;
Оно застынетъ — и тогда
Постыло вамъ и сочиненье.
Позвольте просто вамъ сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать».

Не только можно, но и необходимо. Въ нашъ торгашески-желѣзный вѣкъ поэтъ въ часы «жертвоприношеній Аполлону», когда «на пламени труда кипитъ, бурлитъ воображенье», не чувствуетъ себя слитымъ со всѣми остальными людьми, не сознаетъ непосредственной всечеловѣчности своего творчества,—онъ вынужденъ, наоборотъ, духовно отдѣлиться отъ человѣческаго торжища, мысленно бѣжать «на берега пустынныхъ волнъ, въ широко-шумныя дѣбровы». Въ общество себѣ подобныхъ онъ возвращается лишь въ качествѣ владѣльца готоваго «продукта» творчества, который требуетъ сбыта; здѣсь поэтъ является лишь торгашемъ среди торгашей. Такимъ образомъ, даже люди, въ

наивысшей степени одаренные творческими способностями, не въ состояніи реально преодолѣть рабій строй буржуазныхъ отношеній между людьми, не въ силахъ на дѣлѣ возвыситься надъ пошлостью мѣщанскаго индивидуализма. Въ еще большей степени это относится къ среднимъ людямъ, которые зачѣстую проходятъ всю свою жизненную карьеру, ни разу не примѣтивъ въ своей душѣ присутствіе того «пламени», на которомъ кипитъ и бурлитъ свободное творчество.

Чтобы ввести челоѣчество въ царство свободы, передовой классъ буржуазнаго общества уже долженъ обладать соответственной психикой, т. е. достаточно развитой внутренней свободой и достаточно сильной волей къ осуществленію этой внутренней свободы въ отношеніяхъ между людьми. Безъ этого никакая степень матеріальной зрѣлости и даже перезрѣлости общественнаго строя не приведетъ людей къ «прыжку». Вѣдь, если какойнибудь «матерьяльный», за моей спиной совершившійся, процессъ поставитъ меня на краю рва, то это еще не значитъ, что я непремѣнно прыгну на тотъ берегъ: при недостаткѣ умѣнья и желанія прыгать я имѣю въ своемъ распоряженіи цѣлый рядъ иныхъ перспективъ: я могу присѣсть на бережку, и даже прилечь, могу потоптаться на мѣстѣ, прогуляться назадъ и, наконецъ, скатиться на дно оврага. Ни одна изъ этихъ перспективъ не исключена и для челоѣческихъ обществъ, переростающихъ тотъ социальный базисъ, на которомъ они были нѣкогда построены. Когда говорятъ: «общественное преобразование стало объективно необходимымъ», то это отнюдь не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что существуетъ нѣкая историческая необходимость, гарантирующая успѣшность преобразования. Приведенная фраза означаетъ только одно: дальнѣйшее развитіе общества невозможно б. з. преобразования, и если общество не найдетъ въ себѣ внутреннихъ силъ, достаточныхъ для крѣпкой реформы, то пѣсенка его слѣта: оно обречено на разложеніе. Итакъ, для перехода отъ буржуазныхъ формъ общежитія къ свободнымъ требуется наличность вліятельной группы людей, уже выработавшихъ въ себѣ свободную социальную психику; но, какъ мы упоминали, именно буржуазныя формы общежитія исключаютъ возможность развитія свободной психики. Получается, повидимому, порочный кругъ.

Такой порочный кругъ не разъ уже возникалъ въ исторіи, и разрѣшался онъ или тѣмъ, что попавшія въ его клещи общества разлагались и погибали, или тѣмъ, что еще задолго до перезрѣванія «матерьяльнаго базиса», въ нѣдрахъ существующаго общества появлялись предтечи грядущей культуры, возникали оазисы, въ которыхъ частично осуществлялись условія эмансипации, мало-по-малу нарастали психическія силы, достаточныя для того, чтобы въ надлежащій моментъ совершить необходимое преобразование. Такъ, буржуазный строй сталъ господствующимъ

щимъ въ Англіи къ концу 17-го, во Франціи къ концу 18-го, въ большинствѣ прочихъ европейскихъ странъ къ половинѣ 19-го столѣтія. Но уже задолго до своего окончательнаго торжества буржуазная культура имѣла своихъ великихъ провозвѣстниковъ и пророковъ. Вся наука, философія и поэзія эпохи ренессанса, всѣ религиозныя движенія эпохи реформаціи отмѣнены духомъ буржуазной культуры, не говоря уже о дѣятеляхъ французскаго и германскаго «просвѣщенія», которые непосредственно формировали и закаляли психику борцовъ за общественную программу «третьяго сословія». Въ моменту выступленія буржуазіи въ качествѣ господствующаго класса оазисы буржуазнаго, индивидуалистическаго мировоззрѣнія уже вполне сложились, уже имѣлись значительныя и влиятельныя кадры людей, съ дѣтства впитавшихъ въ себя сущность этого мировоззрѣнія. Наблюдается ли что-либо подобное въ настоящее время? Можно ли сказать, что дѣятели рабочей демократіи являются подлинными предтечами свободно-коллективистическаго культуры, глашатаями ея духа, зачинателями ея мировоззрѣнія?

Обыкновенно, на этотъ вопросъ дають положительный отвѣтъ. Въ марксизмѣ большинство его сторонниковъ видятъ подлинную и полную «идеологию» класса, призваннаго построить новое общество; марксизмъ принято разсматривать, какъ законченное «міросозерцаніе», радикально превосшедшее буржуазную культуру, включающее въ себя все, что необходимо грядущему человѣчеству. И если рабочая демократія терпитъ внутреннее крушеніе, обнаруживаетъ явную психическую неустроенность и беспомощность передъ лицомъ грозныхъ задачъ историческаго момента, то, по господствующему среди марксистовъ мнѣнію, это происходитъ исключительно отъ того, что пролетаріаты еще не достаточно проникся истинами марксизма.

Однако, если мы, отрѣшившись, насколько это возможно для живыхъ людей, отъ всякой предвзятости, присмотримся ближе къ той системѣ взглядовъ, которая составляетъ, такъ сказать, официальное, общепризнанное содержаніе марксизма, то вынуждены будемъ констатировать, что въ марксизмѣ не только нѣтъ законченнаго коллективистическаго мировоззрѣнія, но нѣтъ даже зачатковъ этого послѣдняго, что въ немъ, вообще, отсутствуютъ многіе элементы, существенно необходимыя для всякаго мировоззрѣнія. Марксистская концепція исчерпывается теоріей, такъ называемаго «историческаго матеріализма», т. е. опредѣленной *методологіей* социально-историческаго изслѣдованія. Какъ бы глубоко ни была задумана эта методологія, какъ бы обстоятельно ни была она разработана, она, очевидно, еще не составляетъ никакого «міросозерцанія», ничуть не предвѣщаетъ того или другаго отношенія къ міру. «Методъ», «наука» есть только орудіе, направленное волею къ осуществленію извѣстныхъ цѣлей и

цѣнностей. Разумѣется, и эта воля, и эти цѣнности, какъ соціально психологическіе факты, подлежатъ, въ свою очередь, объясненію съ точки зрѣнія общаго мѣста. Но вопросъ сейчасъ вовсе не въ томъ, какъ объясняется историческое возникновеніе признаваемыхъ марксизмомъ цѣнностей или руководимой имъ воли. Мы хотимъ прежде всего узнать, какія же именно верховали цѣнности санкціонируютъ марксизмъ, каково же именно конечное направленіе его воли. Какъ это ни странно, но на эти основные для каждаго «міросозерцанія» вопросы классическій марксизмъ не даетъ никакого отвѣта. Каждый отвѣтѣлый марксистъ долженъ, конечно, какъ-нибудь разрѣшить проблему, пріять за свои личные ризы и страхъ какъ-нибудь міросозерцаніе; и нѣкоторые пытались связать пріемлемое ими лично міросозерцаніе съ теоретическою концепціей марксизма; но ни одна изъ этихъ попытокъ не удостоилась всеобщаго признанія, — официально марксизмъ такъ и остался голою методологіей.

За невозможностью подвергнуть анализу не существующее марксистское міросозерцаніе, приходится, волею или неволею обратиться къ міросозерцанію, преобладающему среди марксистовъ.

Въ своемъ отношеніи къ внѣшнему міру вообще, къ «трюфлѣ» въ широкомъ смыслѣ этого слова, большинство марксистовъ придерживается, какъ извѣстно, матеріализма французскихъ просвѣтителей 18 вѣка. Что это міросозерцаніе и по своему историческому происхожденію, и по своему содержанію является ярко и, такъ сказать, демонстративно буржуазнымъ, — въ этомъ не могутъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Представленіе о мірѣ, какъ о совокупности неѣтальныхъ атомовъ, обладающихъ неизмѣнными свойствами, было, конечно, отраженіемъ буржуазнаго идеала съ его самодовлѣніемъ индивидуумами, надѣленными неотъемлемыми, «естественными» правами гражданина и человѣка. Но особенно худо то, что марксистскіе послѣдователи французскихъ матеріалистовъ еще углубили буржуазность этої концепціи. А именно, презвѣтлыя идеологи германскаго періода буржуазной культуры — не чужды еще были сознанія реальнаго контакта съ объективнымъ міромъ, не чувствовали еще потребности выносить матерію за преѣлы всякаго человѣческаго воспріятія, превращать реальное бытіе въ метафизическую «субстанцію». Эту пражкордую операцію выполнили марксистскіе ученики французской буржуазии. Для нихъ, какъ явствуетъ изъ соотвѣтственныхъ писаній Плеханова, Ортодокса, Рахова, Дюорьяна и пр., категорія буржуазной собственности стала основой міросозерцанія, преѣломъ, его же не преѣдши, по крайней мѣрѣ, человѣческими силами; они обнаружили полнѣйшую неспособность найти хоть что-нибудь объективное въ полѣ своего сознанія: всякое содержаніе человѣческаго воспріятія

испытывается ими, какъ нѣчто насквозь «субъективное», какъ неотъемлемая собственность ихъ «я»; поэтому единственнымъ спасениемъ отъ «солипсизма» явилась для нихъ вѣра въ трансцендентное бытіе матеріальныхъ атомовъ. Какъ мы видимъ, воззрѣніе перечисленныхъ теоретиковъ марксизма на природу не только не выходитъ изъ рамокъ буржуазнаго міросозерцанія, но и забавно утрируетъ индивидуалистическое самочувствіе буржуа, доводитъ его до истиннаго комизма. Какъ не вспомнить тутъ двустинія Майкова, скромно процитированнаго Плехановымъ въ статьѣ, напечатанной въ № 4-мъ газеты «Русская Воля»:

«Мудрецъ отличенъ отъ глупца
Тѣмъ, что онъ мыслить до конца».

Правда, Марксъ (см. его работу «Sankt Max») характеризовалъ эту до конца мыслящую мудрость какъ «отождествленіе буржуазной собственности и человѣческой личности» и отзывался о ней не особенно почтительно («торжественно возвѣщаемая и санкционируемая бессмыслица»)..

Оставимъ однако эту сторону «марксистскаго» міросозерцанія: пусть мертвые погребаютъ своихъ мертвецовъ. Дискуссия о сущности природы была лишь эпизодомъ въ развитіи марксизма, да и то, но преимуществу, марксизма русскаго. Заграничные агитаторы на нее почти не реагировали. «Neue Zeit», склоняясь къ «ортодоксальной» точкѣ зрѣнія Плеханова, милостиво разрѣшила считать матеріальные атомы на ряду съ алкоголемъ и обязательнымъ осповиваніемъ за «Privatsache», т. е. за такую вещь, относительно которой каждому марксисту позволительно имѣть свое приватное мнѣніе.

Гораздо интереснѣе вопросъ о высшихъ цѣнностяхъ марксизма въ области общественныхъ отношеній, объ этической сторонѣ марксистскаго міровоззрѣнія. Мораль пролетаріата является отраженіемъ его классовыхъ интересовъ—вотъ все, что можетъ сказать намъ по этому поводу концепція историческаго матеріализма. Но что же такое «классовой интересъ» пролетаріата? Является ли онъ просто совокупностью индивидуальныхъ интересовъ всѣхъ отдѣльныхъ пролетаріевъ, или же здѣсь имѣется въ виду нѣкоторая сверхличная, реально-классовая психика? Общепринятнаго, оффициально-марксистскаго отвѣта на этотъ вопросъ опять-таки не имѣется. Что же касается «приватныхъ мнѣній», то, колеблясь, между двумя полюсами,—индивидуалистическимъ и коллективистическимъ,—они явно склоняются въ сторону перваго. Сверхличныя реальности играютъ въ жизни современнаго марксистскаго дѣятеля столь же скромную роль, какъ въ жизни трезваго буржуазнаго политика, и еознаются въ обоихъ случаяхъ одинаково смутно. Марксистъ склоненъ, поэтому, опасаться этихъ жупеловъ, подозревая въ нихъ капканы, разставленные на погибель пролетаріату ре

ціонными идеалистами, метафизиками, и, чего Боже упаси, даже клерикалами. Съ другой стороны, признать классовой интересъ арифметической суммой индивидуальных интересовъ, провозгласить по-бентамовски, что долгъ пролетарія стремиться къ наибольшему благу наибольшаго числа товарищей по классу, также не разрѣшаетъ марксистская совѣсть. Ибо, во-первыхъ, *самъ* Марксъ ошельмовалъ Бентама, какъ буржуазнаго пошляка. во-вторыхъ, если-бы даже и была теоретическая возможность предать соотвѣтственный текстъ благозабвенію или благопостолкованію, этого не позволили бы сдѣлать неумолимые уроки повседневной практики: слишкомъ часто индивидуальные и узко-групповые интересы пролетаріевъ вступаютъ въ конфликтъ съ интересами общеклассовыми, слишкомъ очевидна неразрѣшимость такихъ конфликтовъ на почвѣ какихъ-бы то ни было арифметическихъ операций съ личными выгодами отдѣльныхъ членовъ класса. Приходится, волею или неволею, апеллировать не къ индивидуальнымъ интересамъ, а къ чувству классовой «солидарности», къ товарищеской «дисциплинѣ», къ партійному «долгу», однимъ словомъ къ какому-то сверхличному началу, не называя его однако собственнымъ именемъ, не опредѣляя ближайшимъ образомъ, въ чемъ оно заключается.

Впрочемъ бентамовская мораль даже въ области чисто буржуазныхъ этическихъ системъ является самой наивной и вульгарной. Гораздо глубже и отчетливѣе буржуазное нравственное сознаніе было сформулировано Кантомъ. Кантъ совершенно чуждъ попыткамъ поверхностныхъ буржуазныхъ эмпириковъ построить общественную мораль на почвѣ, такъ называемаго, «разумнаго», т. е. дальновиднаго и расчетливаго эгоизма. Всѣ непосредственныя желанія, влеченія, интересы, пристрастія и страсти буржуа замыкаются въ заколдованномъ кругѣ его самодовлѣющаго «я»; общественная связь не можетъ восприниматься имъ, какъ ничто, естественно полагаемое эмпирической волей человѣка, но встаетъ передъ его сознаніемъ въ ореолѣ высшаго абсолютнаго закона, «категорическаго императива», требующаго безпрекословнаго признанія. Категорическій императивъ — это монархъ буржуазной души, но монархъ конституціонный и даже конституціонно-демократическій. Категорическій императивъ конституціоненъ, ибо онъ не распоряжается по произволу судьбой повластныхъ ему индивидуумовъ, не требуетъ отъ нихъ такихъ-то и такихъ-то опредѣленныхъ поступковъ, но санкціонируетъ лишь самую форму долженствованія, самый принципъ общезобязательнаго законодательства, не предѣляя содержанія этого послѣдняго; онъ «царствуетъ, но не управляетъ». Категорическій императивъ демократиченъ, ибо онъ постулируетъ полное равенство правъ и обязанностей гражданъ: «дѣйствуй такъ, чтобы правило твоего поведенія могло быть въ то же время правиломъ

поведенія всѣхъ прочихъ людей». Наконецъ, категорическій императивъ космополитиченъ, или, по меньшей мѣрѣ, «пацифиченъ», ибо подъ «прочими людьми» законодательство его разумѣеть не только гражданъ даннаго отчества, но всѣ вообще существа, одаренныя человѣческимъ разумомъ.

Во второй половинѣ 19-го столѣтія эта послѣдняя сторона кантовской этики была подвергнута радикальному пересмотру, что привело, въ концѣ концовъ, къ необходимости кореннымъ образомъ перестроить и все знаніе, воздвигнутое кенигсбергскимъ философомъ. «Чистый практическій разумъ» получилъ чистую отставку, и вмѣсто него категорическія «максимы поведенія» стало диктовать патриотическое чувство. Націонализмъ, все сильнѣе и сильнѣе овлаждая сознаніемъ различныхъ слоевъ и классовъ буржуазнаго общества, получилъ широкое признаніе и въ рядахъ демократовъ, которые начинаютъ превозносить его, какъ первый и самый важный шагъ къ преодолѣнію буржуазнаго индивидуализма: сначала, молъ, научимся сливать свою личность съ національнымъ коллективомъ, а потомъ, напрактиковавшись въ сей добродѣтели, распространимъ свои благожелательныя чувства и на все человѣчество: «черезъ націонализмъ къ международности!» Жаль только, что эта новая мудрость ариѣтической постепенности въ основѣ своей столь же наивна, какъ старыя бентамизмъ, запоздалой отрывкой котораго она является. Націонализмъ не «преодолѣваетъ» индивидуализма, а только калѣбчитъ и уродуетъ его. Если этика либерально-буржуазной эпохи связывала сознаніе людей чисто формально, то этика націонализма накладываетъ узду на самое содержаніе человѣческаго творчества. Какой бы родъ дѣятельности вы ни избрали, націонализмъ вездѣ предвосхищаетъ результатъ вашихъ усилій, вездѣ заставляя васъ работать на заданную тему, приходится къ заранѣе опредѣленнымъ выводамъ. Вы обязаны служить данной совокупности людей, преклоняться передъ ихъ данными особенностями, помогать ихъ процвѣтанію за счетъ другихъ человѣческихъ группъ, быть можетъ, съ вашей точки зрѣнія, гораздо болѣе чуждыхъ. Очевидно, что о свободномъ творчествѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи: императивъ націоналистической этики не конституционенъ, а грубо деспотиченъ; творческія силы человѣка третируются имъ въ духѣ среднихъ вѣковъ: какъ «ancillae theologiae», какъ рабыни священнаго кодекса предустановленныхъ истинъ.

Долгое время среди идеологовъ рабочей демократіи къ кантіанству склонялись только «ревизионисты», т. е. болѣе или менѣе оторванные отщепенцы. Марксисты же отнюдь не склонны были услаивать ни либерально-кантовской, ни, тѣмъ болѣе, націоналистической этики. Не противопоставляя этимъ моральнымъ воззрѣніямъ ничего положительнаго, марксизмъ не упускалъ

однако, случая разоблачать ихъ съ точки зрѣнія историческаго матеріализма, какъ явно буржуазныя концепціи. Такъ было въ сравнительно спокойный «органическій» періодъ развитія. Но вотъ наступили тяжелые дни, и картина рѣзко измѣнилась. Плехановъ провозгласилъ кантовскую этику основой марксистскаго отношенія къ международнымъ проблемамъ. Ортодоксъ постѣшила реабилитировать права кантовскаго моральнаго императива въ ихъ полномъ объемѣ, во всѣхъ сферахъ личной и общественной жизни. Потресовъ написалъ нѣсколько трактатовъ объ историческомъ и социологическомъ происхожденіи протектизма черезъ націонализмъ на пути къ международной и посвятилъ святынямъ націонализма лирическое стихотвореніе въ прозѣ. Все это можно было бы легко понять, а слѣдовательно и простить, если бы такого рода прыжки задомъ изъ царства мнимой свободы въ царство реальной необходимости совершались съ приличествующею имъ, какъ и всякимъ попятнымъ движеніямъ, скромностью. Но когда основоположникъ русскаго марксизма съ величайшимъ апломбомъ увѣряетъ, что понятіе права и справедливости въ международной области есть откровеніе социализма, что ни одинъ изъ буржуазныхъ приатрибуентовъ не осмѣлился до сихъ поръ коснуться сей опасной темы (засиженной всякаго рода приатрибуентами, какъ трактирное зеркало мухамъ)... Когда присяжный марксистскій философъ съ методичностью и самодовольствомъ добродѣтельнаго пастора поучаетъ насъ, что безъ категорическаго императива не только нельзя совершить въ мірѣ ничего великаго, но трудно даже воздержаться отъ похищенія чужихъ платковъ... Когда проникновенный изслѣдователь свободолюбивой русской интеллигенціи начинаетъ благоговѣнно калить въ клоповникахъ и ретирадахъ всемірной исторіи, именуя ихъ храмами пролетариата, и въ тонѣ библейскихъ пророковъ обличаетъ окаянство всѣхъ не приемлющихъ его новой вѣры... Тогда остается только развести руками. И хочется спросить всѣхъ этихъ почтенныхъ и заслуженныхъ дѣятелей демократіи словами поэта-футуриста:

«А вы вскорѣ сыграть могли бы

На флейтѣ водосточныхъ трубъ?»

Ибо, по-истинѣ, похиторномъ водосточныхъ трубъ журчить и благоухаетъ «музыка будущаго», столь авторитетно льющаяся изъ столь компетентныхъ устъ.

Но позвольте, скажетъ читатель, вы называете имена людей, хотя и очень почтенныхъ, однако, несомнѣнно, нѣсколько свихнувшихся, не выдержавшихъ испытанія нашихъ суровыхъ дней. Но вѣдь они не одни; существуетъ многочисленная оппозиція, которую все болѣе и болѣе коробятъ эти заѣзженные банальности и пшлосли, преподносимыя въ качествѣ послѣдняго откровенія высшей мудрости. Это—правда, оппозиція существуетъ;

правда и то, что ее все сильнѣе коробить и тошнить. Но въ томъ-то и трагизмъ оппозиціи, потому-то она и оказалась только оппозиціей, а не моральнымъ руководителемъ положенія, что ничего, кромѣ этой тошноты, у нея, въ сущности, нѣтъ за душою; что ничего, кромѣ отверженія, критики и разоблаченія, она не въ силахъ противопоставить засасывающему всѣхъ и вся болоту буржуазной пошлости. Есть ли хоть одинъ оппозиционеръ, который могъ бы, положивъ руку на сердце, сказать, что ему удалось не отрицательно только, не научно-критически, а положительно и творчески превзойти основы буржуазной морали, какъ въ ея прежнихъ классически-либеральныхъ, такъ и въ ея теперешнихъ упадочно-націоналистическихъ формахъ? Пишущему эти строки ни разу еще не приходилось слышать или читать о существованіи такого человѣка. И можно съ увѣренностью сказать, что его нѣтъ, да и не можетъ еще быть въ настоящее время.

Но если съ метафизикой и моралью дѣло обстоитъ столь плохо, то, быть можетъ, больше просвѣтовъ имѣется въ поэзи, въ художественномъ творчествѣ, которое въ переходныя эпохи особенно чутко улавливаетъ проблески грядущаго?—Достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы самъ собою обрисовался безнадежно-отрицательный отвѣтъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничтожнѣйшія секты, охватывающія сотню-другую безграмотныхъ мужиковъ, представляющія, по существу, очень скромныя варіаціи господствующей психологіи, умѣютъ создавать свою поэзію, свои иѣсноиѣнія, порой очень немудрящія, но всегда вышукло и характерно выражающія положительную сторону даннаго міровоспріятія. Между тѣмъ могуче всемірно-историческое движеніе, теоретики котораго говорятъ о новой эрѣ въ культурномъ развитіи человѣчества, безсильно создать собственную поэзію, безсильно воплотить въ художественныхъ образахъ свои великія предчувствія. Вѣдь, конечно, не являются такой поэзіей грядущаго ни русскія фабричныя частушки, ни аналогичныя пѣсенки западныхъ рабочихъ. Въ нихъ много талантности, много здороваго мѣткаго юмора, но нѣтъ и признаковъ зарожденія новой психологіи.

Если народное творчество нашего времени не заключаетъ еще въ себѣ элементовъ положительнаго преодоленія буржуазной культуры, то мы не найдемъ такихъ элементовъ и въ произведеніяхъ отдѣльныхъ художниковъ, дѣятелей искусства *par excellence*. Это тѣмъ болѣе знаменательно, что буржуазная культура уже давно утратила способность создавать «высокое», патетическое искусство. Со времени возникновенія символизма, стремленіе эмансипироваться отъ буржуазной психологіи, отыскать иные, болѣе глубокіе и богатые родники духовнаго творчества, становится господствующимъ среди молодыхъ художниковъ. Символисты или, какъ ихъ первоначально называли, «декаденты»

жадно ловили все, что могло показаться откровениемъ новаго духа,—только бы уйти отъ мертвящей буржуазной пошлости; они, несомнѣнно съ величайшей готовностью восприняли бы и заботливо взростили въ своей душѣ сѣмена свободнаго коммунизма, если бы таковыя существовали въ природѣ. Нѣкоторые даже вполне сознательно старались стать пѣвцами пролетарской культуры. Однако, несмотря на обиліе среди символистовъ выдающихся дарованій, задача эта оказалась неосуществимой. Символистамъ не удалось стать предтечами новой культурной эпохи, не удалось даже въ самомалѣйшей степени сыграть ту историческую роль, какую по отношенію къ буржуазной культурѣ выполнили художники Возрожденія. Символизмъ далъ человѣку много прекрасныхъ произведеній искусства, но это не поэзія возрожденія, а поэзія увяданія, не художественный ренессансъ, а художественныя реминисценціи. Презрительная кличка «декаденты», вызывающе воспринятая символистами въ дни ихъ бурной юности, оказалась пророческой,—теперь это можно сказать, не рискуя ошибиться, ибо символизмъ—заключенная полоса въ исторіи современнаго искусства: молодыя силы выступаютъ уже подъ новыми, пока столь же мало обнадеживающими знаменами.

Въ полномъ согласіи съ психологіей находится и практика рабочей демократіи. Ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ еще и проблесковъ грядущей зари, не видно еще никакихъ намековъ на положительное преодоленіе буржуазности. «Конечная цѣль» никогда не выступала еще въ качествѣ руководящаго принципа дѣятельности, она почиталась лишь какъ отвлеченная формула, тѣмъ болѣе священная, чѣмъ меньше ея связь съ практической работой и борьбой за существованіе.

Знаменитыя голосованія 4-го августа 1914 года—голосованія, которыми двѣ крупнѣйшія рабочія партіи Европы, германская и французская, санкціонировали милитаризмъ,—произвели на многихъ впечатлѣніе катастрофы. И дѣйствительно, съ формальной стороны, это былъ рѣзкій разрывъ съ прошлымъ, нарушение цѣлаго ряда резолюцій, торжественно провозглашенныхъ какъ національными, такъ и международными конгрессами. Но если обратить вниманіе не на торжественныя резолюціи, формулы и девизы, украшавшія международныя сношенія рабочихъ партій, а на дѣйствительное содержаніе этихъ сношеній, на тѣ реальныя задачи, которыя здѣсь ставились и разрѣшались, то въ голосованіяхъ 4-го августа нельзя будетъ усмотрѣть ничего катастрофическаго: наоборотъ, они представляются психологически неизбежнымъ завершеніемъ всей предыдущей практики второго интернационала.

Дѣловая политика второго интернационала ни на іоту не выходила за предѣлы тѣхъ формъ, какія практиковались буржу-

азнымъ напѣизмомъ сѣциальнаго и неофициальнаго происхожденія. Подобно конгресамъ дипломатическимъ, международные конгрессы рабочихъ строго охраняли принципъ суверенитета напѣивальгъхъ организацїи, принципъ негѣшателства во внутрѣвнїа дѣла каждой отѣльвой «сѣтив». Подобно буржуазному пацифизму, международная солидарность рабочихъ носила, по преимуществу, сентиментально-праздничнїй, декларативно-параднїй характеръ: будничная повсеуднейная дѣятельность была строго замквута въ границахъ отѣльныххъ отечествъ. Центральнїй органъ интернацїонала—такъ называемое, международное «бюро»—выполнялъ въ своей средѣ тѣ же, приблизительно, функцїи, какими облеченъ центральнїй органъ сѣциальнаго пацифизма: функцїи, по преимуществу, осѣдомительнїя, и, лишь съ согласїа спорящихъ стѣронъ, посредвическїа при конфликтахъ.

Ту же самую роковую зависимость отъ формъ и методовъ буржуазной политики обнаруживала внутрѣвняя дѣятельность рабочихъ партїи. Все вниманїе поглощалось борьбой за улучшенїя позицїи рабочихъ въ рамкахъ существующей организацїи общества: съ этой точки зрѣнїа распѣивались приемы и способы борьбы; на этой почвѣ разыгрывались битвы между радикалами и оппортунистами. У солиднїхъ, авторитетнїхъ дѣятелей движенїа не возникало и вопроса о томъ, въ какой степени тотъ или другой приемъ, тотъ или другой типъ организацїи способствуетъ формированїю новой психики, необходимой для выполнения исторической миссїи пролетарїата. И когда французскїе синдикалисты попытались выдвинуть этотъ вопросъ, они подверглись всеобщимъ нападкамъ не только за то, что проблема была поставлена ими недостаточно глубоко, а разрѣшена совѣмъ убого, но и за самую постановку столь вредной и пустой проблемы.

При такихъ условїяхъ, не удивительно, что, несмотря на созрѣванїе и даже явное перезрѣванїе буржуазно-индивидуалистического уклада жизни, рабочая демократїа не въ силахъ взять на себя иницїативу необходимыхъ преобразованїи. Не удивительно, что обостренная современнїмъ кризисомъ потребность въ планомѣрной организацїи общественнаго хозяйства удовлетворяется въ настоящее время въ формѣ государственнаго капитализма, созидаемаго верхами буржуазїи при полной растерянности рабочнаго класса.

Само собой разумѣется, что «планомѣрность» эта существенно отлична отъ планомѣрности демократического идеала. Однако нельзя отфилософствовать того факта, что система государственнаго капитализма кладетъ конецъ хозяйственной анархїи въ рамкахъ отѣльныххъ передоельхъ государствъ, и, ничуть не урѣзывая доходовъ крупнїхъ финансистовъ и промышленниковъ, значительно смягчаетъ опасенїа для нихъ стороны проти-

ворѣчія между индивидуальнымъ присвоеніемъ продуктовъ народнаго труда и общественнымъ характеромъ ихъ производства.

Въ виду всего сказаннаго выше, намъ представляется совершенно невѣроятнымъ, чтобы рабочая демократія въ сколько нибудь близкомъ будущемъ смогла использовать эту новую форму буржуазнаго строя, какъ орудіе для созданія свободно-планомѣрнаго хозяйства. Единственно доступной для нея въ данныхъ условіяхъ задачей является задача, сформулированная германскими оппортунистами: превращенія хозяйства, основаннаго на извлеченіи прибыли, въ «государственную хозяйственную организацию, рассчитанную на обслуживаніе потребленія», въ «*Vordarfsdeckungswirtschaft*», какъ гласитъ неуклюжій терминъ новѣйшаго изобрѣтенія. Но правильно поставивъ вопросъ, германскіе оппортунисты вступили на явно несостоятельный путь его разрѣшенія; въ національно-милитарной формѣ *демократическая* государственная организация, имѣющая цѣлью съ доступной для государства мѣрой планомѣрности обслуживать потребленіе народныхъ массъ,—очевидно не осуществима. Рамки этой организации должны быть уже съ самаго начала намѣчены настолько широко, чтобы охватить всѣ цивилизованныя страны, связанныя въ одно цѣлое международнымъ раздѣленіемъ труда; рамки ея должны быть настолько гибки, чтобы въ нихъ легко могли входить нецивилизованныя, натурально-хозяйственныя области, по мѣрѣ развитія въ нихъ экономической культуры. Дѣло идетъ здѣсь объ очень обширной и сложной организации. Но такъ какъ она нисколько не порываетъ съ основами принудительной, буржуазно-демократической государственности; такъ какъ, съ другой стороны, общіе контуры этой организации уже начинаютъ вырисовываться въ стихійныхъ процессахъ переживаемаго нами времени,—то здѣсь передъ современной демократіей встаетъ проблема, которую нельзя признать принципиально для нея непосильной. Отъ того, сумѣетъ ли пролетаріатъ проявить надлежащую инициативу и сплотить вокругъ себя прочіе демократическіе элементы, заинтересованные въ успѣшномъ разрѣшеніи указанной задачи, зависитъ ходъ всемірной исторіи въ теченіе ряда ближайшихъ десятилѣтій, а можетъ быть и столѣтій.

Но все это—вопросы, настолько еще новые, такъ мало еще здѣсь общепризнаннаго, и такъ много скопилось всякаго рода недоразумѣній,—что въ этой области требуются обширныя разсужденія не только для того, чтобы обосновать, но даже и для того, чтобы просто разъяснить свою позицію. Не претендуя на обоснованіе, я въ одной изъ ближайшихъ статей попытаюсь, насколько смогу, разъяснить позицію, очерченную въ послѣднихъ строкахъ.

В. Базаровъ

ПО ПОВОДУ МИРНЫХЪ ПРЕДЛОЖЕНІЙ.

Если широкіе слои населенія раньше не вѣрили въ самую возможность міроваго пожара, то численно ничтожныя группы, отвѣтственныя за него, еще меньше вѣрили въ его продолжительность. Тогда еще не отдавали себѣ отчета въ томъ, что сдѣлаетъ война съ «тыломъ» и что сдѣлаетъ «тылъ» для войны; и полагали, что въ Европѣ хватитъ горючаго матеріала только на нѣсколько мѣсяцевъ. Однако, только черезъ два съ половиной года раздалось первое слово о мирѣ.

Въ нотѣ правительствъ четвернаго союза, переданной представителямъ Соед. Штатовъ, Испаніи и Швейцаріи 29 ноября з. с., нѣтъ указаній на условия мира, желательныя Германіи или приемлемыя для ея группъ, отвѣтственныхъ за войну. Въ нотѣ было лишь высказано убѣжденіе четырехъ союзныхъ державъ, что «предложенія, которыя будутъ ими сдѣланы и которыя будутъ имѣть цѣлью обезпеченіе существованія чести и свободнаго развитія ихъ народовъ, окажутся пригодными для того, чтобы послужить основой для возстановленія прочнаго мира»... Державы соглася, какъ извѣстно, рѣшительно отвергли германское предложеніе «немедленно приступить къ переговорамъ о мирѣ»; исходя изъ убѣжденія, — что германскія условия окажутся *не* «пригодными» въ качествѣ основы для прочнаго мира, — союзныя правительства отказались отъ выясненія этихъ условий и отъ запросовъ о нихъ; отъѣтомъ на германское предложеніе было усиленіе мобилизаціи тыла и подтвержденіе готовности вести войну до конца, до полной побѣды союзниковъ.

Такой отъѣтъ со стороны союзныхъ правительствъ былъ вполне понятнымъ и вытекающимъ изъ существа занимаемой ими позиціи (объ этомъ будетъ рѣчь въ дальнѣйшемъ). Но и мотивы германскаго предложенія были истолкованы въ союзной руководящей печати совершенно правильно. И, конечно, мотивы эти не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ торжественнымъ обоснованіемъ мирныхъ предложеній, какое мы читаемъ въ германской «нотѣ».

Дѣйствительные мотивы германскаго предложенія, по едино-

душному и безспорному толкованію всей союзной печати, сводятся къ тому, что германское правительство на тридцатомъ мѣсяцѣ войны убѣдилось въ отсутствіи у Германіи ресурсовъ для доведенія войны до побѣдоноснаго конца; стратегическое же положеніе теперь настолько благопріятно, что даетъ основанія для «запросовъ» (территориальныхъ и иныхъ) «акуламъ германскаго имперіализма».

Правда, это стратегическое положеніе все же не такъ блестяще, какъ это представляется нѣкоторымъ особенно пылкимъ (патріотическимъ?) умамъ: нельзя признать правильными, напр., утвержденія проф. Мигулина, что «Германіи удалось добиться осуществленія своихъ цѣлей», ибъ «она расширила свои территоріи и на западъ, и на востокъ дальше, чѣмъ могло бы представить себѣ самое пылкое воображеніе, она поставила въ вассальную зависимость отъ себя Австро-Венгрію, Болгарію и Турцію, она обезпечила прямой путь изъ Берлина на Константинополь и Багдадъ, она стоитъ на пути въ Индію и Египетъ». «Чего еще желать»—спрашиваетъ проф. Мигулинъ.—«Всѣ самыя фантастическія мечты пангерманцевъ сбылись... Понятно, что Германія жаждетъ мира: ей некуда и незачѣмъ дальше идти, она дошла до предѣла»...¹ Въ приведенныхъ словахъ стратегическіе успѣхи чрезвычайно преувеличены: вѣдь полной «побѣды» на полѣ брани на сторонѣ Германіи все-таки нѣтъ, несмотря на территориальныя оккупации. И совсѣмъ не надо «пылкаго воображенія», чтобы представить себѣ несравненно большіе военные успѣхи, граничащіе съ побѣдой и разгромомъ при самыхъ скромныхъ территориальныхъ захватахъ: припомнимъ хотя бы дни бордосскаго плѣненія французскаго правительства и представимъ взятіе Парижа, ожидавшееся въ то время и врагами и союзниками. Результаты «могиліеносныхъ» наступленій, на которыя опредѣленно рассчитывали въ Германіи, могли бы быть совсѣмъ иными... Но вѣрнее то, что нѣкоторый успѣхъ германскаго оружія дѣйствительно характеризуетъ въ настоящій моментъ стратегическую обстановку; это позволило бы «запрашивать» и рассчитывать на соотвѣтствующій дипломатическій успѣхъ на мирномъ конгрессѣ. Важнѣе же всего то, что на большій успѣхъ, на побѣду, на разгромъ и уничтоженіе враговъ, на возможность продиктовать имъ условія мира—германское правительство рѣшительно рассчитывать не можетъ—въ силу внутренняго положенія страны.

Это внутреннее положеніе опредѣляется факторами объективными и субъективными—фактической наличностью источниковъ жизни для арміи и тыла и отношеніемъ населенія къ войнѣ. И то, и другое въ Германіи настолько неблагопріятно, что цен-

¹ См. «Новый экономистъ», № 51 за 1916 г. «Близокъ ли миръ?».

тральнымъ державамъ приходится оставить надежду выдержать волну до истощенія противника; и на 30-мъ мѣсяцѣ стало необходимымъ принятіе мѣръ къ скорѣйшей ликвидаціи катастрофы.—Несомнѣнно, что военное напряженіе Германіи далеко превосходитъ все, что мы видимъ въ области мобилизаціи тыла и сѣхъ другихъ воюющихъ странъ. Страна съ колоссальнымъ оборотомъ внѣшней торговли и съ пассивнымъ торговымъ балансомъ, страна, ввозившая огромныя количества важнѣйшихъ видовъ сырья—хлѣба, угля, лѣса, хлопка—и превращенная войной въ осажденную крѣпость,—не могла не дойти черезъ тридцать мѣсяцевъ до высшихъ степеней напряженія, которому близокъ конецъ. Ни оккупация аграрныхъ областей, ни просачиваніе сырья черезъ открытыя границы, ни замѣчательная организація, созданная для его использованія—не могутъ оказать существенной помощи дѣлу: безъ «свободы морей» и безъ русскаго импорта истощеніе жизненныхъ припасовъ и средствъ производства не можетъ не идти быстрыми шагами, и Германія уже много мѣсяцевъ назадъ перевалила черезъ высшую точку своей производительности для арміи и тыла. Какъ бы варварски ни форсировали событій легкокрылые газетчики и глубокомысленные профессора, утверждая чуть не съ первыхъ дней войны, что Германія уже вымираетъ голодной смертью,—все же не подлежитъ сомнѣнію, что продовольственный кризисъ за послѣднее время тамъ обострился чрезвычайно; краснорѣчивымъ проявленіемъ этого факта можетъ служить недавнее письмо Гинденбурга къ канцлеру, указывавшее на «недостатокъ снабженія рабочихъ военной промышленности мяснымъ и жировымъ продовольствіемъ и на вытекающую отсюда прямую опасность для военныхъ интересовъ».

Правда, еще многого можно было бы достигнуть для смягченія кризиса путемъ социальныхъ мѣропріятій, давно отстаиваемыхъ социаль-демократіей. Но даже и полнымъ переворотомъ въ социальныхъ отношеніяхъ Германіи, полнымъ разрывомъ власти съ юнкерствомъ—уже не создать теперь сколько-нибудь свѣтлыхъ перспективъ на будущее «осажденной крѣпости». Всякая организація бессильна, напр., передъ фактомъ, сообщеннымъ докладчикомъ комиссіи въ засѣданіи прусскаго ландтага за 10 дней до германскаго «мирнаго» выступленія: урожай картофеля, на которомъ строились продовольственные планы, оказывается, «перевернулъ самые тщательные подсчеты и предположенія», и, по словамъ докладчика, теперь «приходится считаться съ почти полнымъ исчезновеніемъ картофеля до весны»; что касается мяса и жирового довольствія, о которыхъ лишетъ Гинденбургъ, то комиссія ландтага констатируетъ сокращеніе количества скота съ 1915 года на 9 милл. головъ, а мѣстѣ съ тѣмъ полную невозможность увеличенія убоя и порціона.

Не лучше обстоит дѣло со многими другими видами сырья, а главное—съ людскими резервами, какъ военными, такъ и рабочими. Монополизациа государствомъ рабочей силы и распоряженіе ею на крѣпостномъ правѣ въ цѣляхъ наиболѣе полного ея сохраненія («всеобщая трудовая повинность») являются въ этомъ отношеніи чрезвычайнымъ симптомомъ. Что же касается боевого человѣческаго матеріала, то, по сообщеніямъ англійской прессы, призванные контингенты въ Германіи къ концу 1916 г. составляютъ около 11 милл. человѣкъ, т. е. 0, 7 всего военно-обязаннаго населенія отъ 16 до 55 лѣтъ. Изъ шестимилліоннаго основного кадра фабрично-заводскаго пролетаріата призвано около $\frac{2}{3}$ — остальные работаютъ «на оборону». Сокращеніе сельскохозяйственнаго населенія, несмотря на плѣнныхъ и полную мобилизациу женскаго труда, является почти невозможнымъ (нѣкоторыя газеты называли даже маловѣроятную цифру—что изъ 7 милл. военно-обязанныхъ крестьянъ при землѣ осталось теперь всего 100 тыс.). — Въ всякомъ случаѣ краинее напряженіе всѣхъ матеріальныхъ ресурсовъ Германіи не подлежитъ сомнѣнію; всѣ источники изсякають и уже не питають никакихъ надеждъ.

Еще хуже обстоитъ дѣло съ субъективными факторами войны въ Германіи. Говорить о «популярности» войны среди населенія, о воинственныхъ настроеніяхъ германскаго народа, объ его готовности поддерживать впередъ волну—генеръ было бы наивнымъ анахронизмомъ. Борьба за миръ, начатая съ первыхъ же дней войны небольшою группою Либкнехта, въ настоящее время приобрѣла грандіозные размѣры и рѣзкія формы. «Меньшинство» величайшей въ мірѣ социалистической организаціи,—«меньшинство», ставшее нынѣ фактическимъ большинствомъ партіи,—уже черезъ годъ послѣ начала войны развивало такую интенсивную и планомѣрную агитаціу въ пользу мира, какая была не подъ силу никакому «официальному» партіи въ какой-либо другой странѣ; часть этого «меньшинства» притомъ вовсе не порывала съ идеи «національной обороны».

Но и націоналистское «большинство» германской социал-демократіи уже давно, устами своего лидера, Шейдемана, провозгласило лозунгъ: «да здравствуетъ миръ!» Занимая принципиально иную позицію, «большинство» тѣмъ не менѣе вполне определенно отстаиваетъ «миръ безъ аннексій и контрибуціи»; не отказываясь отъ военнаго сотрудничества съ правительствомъ, оно тѣмъ не менѣе въ своей агитаціи вполне определенно подрываетъ агрессивные лозунги «акулъ германскаго империализма», «голкатъ канцлера» къ мирнымъ возмущеніямъ и пользуется ими, чтобы «привязать» правительство къ лозунгу «мира безъ аннексій». Вся наиболѣе влиятельная партія Германіи, съ сильнѣйшей организаціей, съ десятками органовъ печати, съ милліонами «примыкающихъ», такимъ образомъ, уже

не поддерживает войну, поскольку ей цѣли выходить за предѣлы національной обороны и сохранения «status quo»; меньшинство же партіи, превосходящее по своему политическому вѣсу социалистическія организациі любой страны, требуетъ немедленнаго прекращенія войны независимо отъ условій мира.

Но эту жажду прекращенія войны проявляетъ сейчасъ не только вся германская демократія. Поскольку существующая стратегическая обстановка позволяетъ считать «оборонительныя» цѣли достигнутыми,—противъ продолженія войны опредѣленно выступаютъ также всѣ «промежуточные» элементы, не менѣе демократіи страдающіе отъ войны, и та огромная часть буржуазіи, которой ничего не сулятъ побѣды и ничего не даетъ самый процессъ войны. Эти широкіе слои германскаго населенія также раздвѣляютъ въ настоящее время лозунгъ «мира безъ аннексій». Обслуживающіе ихъ органы «Frankf. Ztg.» и «Berl. Tageblatt», чрезвычайно распространенные въ Германіи, уже давно ведутъ энергичную борьбу съ «аннексіонизмомъ» и «пангерманизмомъ»; печатная и устная агитація популярнаго Макс. Гардена—за миръ на основѣ status quo—встрѣчается съ энтузіазмомъ всей обывательской массой и либеральной буржуазіей.

«Военную партію» Германіи теперь составляютъ только аграріи, которыхъ осыпаетъ золотымъ дождемъ самый процессъ войны, и національ-либералы, группирующіеся вокругъ колоссальнаго треста военныхъ, металлургическихъ и горныхъ заводовъ во главѣ съ Крушомъ и съ органомъ «Voss. Ztg.»; эта группа воплощаетъ собой германскій имперіализмъ, пангерманизмъ и аннексіонизмъ. Но и ея программа претерпѣла существенныя измѣненія съ начала войны. Было время, когда аппетиты этой группы не знали предѣловъ; въ извѣстной «запискѣ шести союзовъ», составляющихъ «военную партію», требовалось, между прочимъ, присоединеніе Польши, Литвы, Остзейскихъ губерній, Бельгіи, французскаго берега Ламанша до устья Соммы и прилегающихъ французскихъ областей, а также линіи крѣпостей Верденъ—Бельфоръ. Все это, подъ вліяніемъ военныхъ успѣховъ добавлялось къ старой военной программѣ: «Берлинъ—Багдадъ» и «разбить въ Европѣ, чтобы взять въ Африкѣ». Теперь «условія мира» германскихъ имперіалистовъ существенно измѣнены. О направленіи Берлинъ—Багдадъ въ ней умалчивается; относительно колоній выставляется требованіе status quo; аннексія Бельгіи замѣняется контролемъ Германіи надъ ея политикой и удержаніемъ важнѣйшихъ стратегическихъ дорогъ; французская граница «исправляется» за счетъ горнопромышленныхъ округовъ, Бриэ и Лонгви, и «обезпечивается» присоединеніемъ Бельфора; и, наконецъ, Россія, «отодвигается» на востокъ путемъ присоединенія Курляндіи и созданія самостоятельной Польши—также подъ контролемъ.

Германи.—Однако, эта программа встрѣчает рѣшительные протесты даже со стороны буржуазно-либеральныхъ группъ, не говоря уже о социаль-демократии. «Думаетъ ли кто-нибудь,— писалъ недавно «Berlin. Tagebl.»,—что возможенъ миръ, если мы придемъ на мирные переговоры съ требованіемъ присоединенія хотя бы только бельгійскаго побережья?»

Что касается правительства, то положеніе его при такихъ условіяхъ довольно затруднительно, и позиція его не достаточно ясна. Будучи плотью отъ плоти аграріевъ и трестовъ, правительство не отмежевывается съ достаточной рѣшительностью отъ аннексіонистовъ и ихъ программы. Но чѣмъ дальше, тѣмъ больше оно вынуждено считаться какъ съ объективными трудностями положенія арміи и тыла, такъ и съ настроеніями демократическихъ массъ. Ростъ оппозиціи правительству за послѣдніе мѣсяцы принялъ угрожающе размѣры: городская демократія все усиливаетъ уличныя выступленія, а въ послѣднюю сессію рейхстага мы были свидѣтелями небывалыхъ настроеній буржуазной оппозиціи, поднявшихся до постановки общей конституціонной проблемы въ такой рѣзкой формѣ, въ какой она не ставилась въ мирное время. Во всякомъ случаѣ отъ былаго военнаго «бургфридена» теперь въ Германіи осталось, можно сказать, одно непріятное воспоминаніе. И въ результатѣ германское правительство въ вопросѣ о мирѣ принуждено—чѣмъ дальше, тѣмъ больше—идти за чуждыми ему элементами и все больше изолировать себя отъ своихъ. Теперь аграрно-аннексіонистскія группы составляютъ «антиканцлерскую фронду», а Шейдеманъ и захваченный «большинствомъ» «Vorwärts» разыгрываютъ роль канцлерскихъ «офиціозовъ». Съ каждымъ днемъ правительство все болѣе запутывается въ сѣтяхъ провозвѣстниковъ и сторонниковъ «мира безъ аннексій». Продолжать войну становится не только не съ чѣмъ, но и не съ кѣмъ.

Отсюда слѣдуетъ выводъ огромной важности: несмотря на сравнительно благопріятное стратегическое положеніе, Германія немедленно была бы вынуждена согласиться дѣйствительно на «миръ безъ аннексій», т.е. на миръ на основѣ status quo. Не этого хотѣлъ германскій имперіализмъ и послушное ему правительство, но къ этому вынуждены они ходомъ событій. Такъ именно и оцѣнили положеніе авторитеты и руководящая печать антигерманской коалиціи. Отказавшись отъ переговоровъ и запросовъ насчетъ условій мира, союзники не имѣютъ вполне достовѣрнаго матеріала для сужденій; но даже и органы, наиболѣе рѣзко настроенные противъ преждевременнаго мира, предполагаютъ, что при данномъ положеніи дѣль Германія должна была бы согласиться на status quo. Въ такомъ смыслѣ высказывался «Times», «Matin», а у насъ—появившійся ad hoc органъ присяжныхъ русскихъ импе-

риалстовъ «Проблемы Великой Россіи», затѣмъ «офиціозъ» члена совѣта министра финансовъ, проф. Мигулина, и, наконецъ, газета «Рѣчь», центральный органъ русскаго національ-либерализма, стоящаго нынѣ во главѣ всей военной агитаци и играющаго у насъ совершенно ту же роль, что и «трестированный» національ-либерализмъ въ Германіи (см. передовицу отъ 11-го дек.). «Наша печать введена въ заблужденіе шовинистической германской,—пишетъ проф. Мигулинъ, настаивая на своемъ предположеніи,—германскія газеты кричатъ, что status quo недопустимо, что Германія должна удержать свои завоеванія, что американская нота враждебна Германіи, должна быть отвергнута и т. д. Но то газеты (и то, какъ мы знаемъ, только газеты извѣстнаго лагеря), а не германское правительство. А правительство можетъ сказать и иное. Оно можетъ сказать (и говорило не разъ), что «Германія только обороняется», что ей война навязана, что она готова предоставить малымъ народамъ пути ихъ національнаго развитія, что она возстала противъ агрессивныхъ стремленій Англии, Россіи и Франціи и... ничего не ищетъ, соглашаясь примириться на условіяхъ того положенія, какое было до войны».

Приступало ли германское правительство къ мирнымъ предложеніямъ именно съ такими намѣреніями или же оно собиралось «запрашивать» по программѣ фантазеровъ «мирового владычества»—это неизвѣстно; но что въ конечномъ счетѣ, при данномъ положеніи дѣлъ, Германія могла бы быть приведена къ status quo, въ этомъ сомнѣваться нельзя.

Вопросъ, однако, въ томъ, какъ должны отнестись державы согласія къ «германскому миру», предлагаемому при данныхъ условіяхъ. Мы знаемъ, что германское предложеніе было оценено какъ «отчаянная попытка избѣжать поражения», какъ «ловушка», какъ «стратегическій маневръ, имѣющій цѣль: съ одной стороны, внести смуту въ лагерь враговъ, а съ другой—побудить населеніе, близкое къ отчаянію, согласиться на новыя жертвы». Предложеніе было признано не серьезнымъ и не заслуживающимъ обсужденія. Но тѣмъ самымъ опредѣлилось и отношеніе согласія къ миру на основѣ status quo.

Такой миръ вполне опредѣленно былъ признанъ неприемлемымъ.—Это было категорически высказано въ руководящей печати гораздо раньше, чѣмъ представителямъ нейтральныхъ государствъ была вручена отвѣтная нота державъ согласія. И вполне естественно, что, отвергая status quo, союзная печать въ теченіе трехъ недѣль, протекшихъ со дня предложенія отвѣта на него, энергично занималась конститутуированіемъ цѣлей войны, опредѣленіемъ національныхъ задачъ и «необходимыхъ гарантій». «Мы не можемъ говорить о мирѣ,—резюмировала нѣтъ-бы французской прессы телеграфное агентство,—раньше

цѣльмъ будутъ осуществлены тѣ цѣли, ради которыхъ мы подняли оружіе».

Дѣятельность печати въ этомъ направленіи нѣсколько тормозилась привлеченіемъ историческаго матеріала, доказывающаго виновность центральныхъ державъ въ возникновеніи войны и ихъ отвѣтственность передъ цивилизаціей; весь обширный, но практически вполнѣ бесполезный дипломатическій матеріалъ, «только популярный въ первыя недѣли войны, нынѣ былъ вновь мобилизованъ; но цѣли тутъ преслѣдовались не дѣловыя, а чисто агитаціонныя. Однако, было высказано все же не мало и крайне осторожныхъ положеній. Такъ, формулируя англійскую точку зрѣнія на гарантіи будущаго мирнаго развитія Европы, «Daily Chronicle» писала 29 ноября: «Германія можетъ заключить миръ, когда она того пожелаетъ, но только на условіяхъ, предложенныхъ нами, и если она готова принять эти условія. Они могутъ быть продиктованы въ любой моментъ... Мы всегда требовали и требуемъ разоруженія прусской военной машины, равно сдачи или уничтоженія германскаго флота и всей ея артиллеріи; мы не вѣримъ, чтобы кошмаръ новаго соперничества въ области вооруженій, могущій привести къ новой войнѣ, могъ быть избѣгнутъ на менѣе суровыхъ условіяхъ»...

Въ самый разгаръ работы союзной прессы надъ собственнымъ «самоопредѣленіемъ» въ дѣло вмѣшался президентъ Вильсонъ съ американской мирной нотой. Мотивы его вмѣшательства не могутъ вызвать никакихъ сомнѣній; да его нота, вопреки традиціямъ, и не скрываетъ ихъ. Интересы великой республики «въ высшей степени серьезно затронуты войной», и ея желаніе видѣть наискорѣйшее окончаніе войны вытекаетъ изъ явной необходимости установить мѣры для обезпеченія этихъ интересовъ на случай продолженія войны». Дѣйствительно, «непоправимый ущербъ цивилизаціи» меркнетъ передъ возможнымъ ущербомъ американскихъ поставщиковъ капиталовъ и всякаго рода матеріаловъ на предметъ нанесенія ущерба цивилизаціи. Было время, когда война расчищала для капитала Соед. Штатовъ безоблачныя горизонты сказочнаго обогащенія, и тогда ни о какомъ вмѣшательствѣ не могло быть рѣчи. И не бывать бы ему, если бы въ процессѣ войны интересы Америки не «превратились въ собственную противоположность»: изъ страны-должника она успѣла превратиться въ страну-кредитора и, конечно, нынѣ стоитъ передъ «явной необходимостью установить мѣры» противъ дальнѣйшаго, окончательнаго истощенія Европы и подрыва ея кредитоспособности. Незадолго до «мирной ноты» центральный органъ надзора за банками «Federal Reserve Board» официально заявилъ, что имъ предписано всемъ учрежденіямъ ограничить какъ долгосрочный, такъ и краткосрочный кредитъ воюющимъ государствамъ. Подобно Швейцаріи, издавшей безпримѣрный

въ исторіи законъ о воспрещеніи ввоза золота, Америка также перенасыщена золотой наличностью, но зато стоитъ передъ товарнымъ оскудѣніемъ. Вся экономика Соед. Штатовъ уже перешагнула черезъ извѣстную черту и настоятельно нуждается нынѣ въ «мирной» политикѣ по отношенію къ Европѣ.

Но таковы *мотивы* американскаго вмѣшательства. Сущность же его и самое содержаніе президентской ноты очень удачно совпали съ общей линіей обсужденія «мирной» проблемы въ европейской прессѣ. Президентъ Вильсонъ также вполне опредѣленно поставилъ вопросъ о цѣляхъ войны и объ условіяхъ мира. И нельзя не признать, что онъ съумѣлъ поставить этотъ вопросъ съ достаточной оригинальностью. «Цѣли,—пишетъ президентъ,—къ которымъ государственные дѣятели обѣихъ воюющихъ сторонъ стремятся въ этой войнѣ, по существу одинаковы, на что въ общихъ чертахъ и указывалось ими ихъ народамъ и всему міру. Каждая сторона желаетъ сдѣлать вопросы права и привилегіи слабыхъ народовъ и малыхъ государствъ обеспеченными. Каждая сторона желаетъ быть обеспечена въ будущемъ наряду съ другими націями противъ повторенія войнъ и противъ нападений и эгоистическаго вмѣшательства какого бы то ни было рода... Каждая сторона считаетъ необходимымъ закончить настоящую войну на такихъ условіяхъ, которыя обеспечили бы независимость, территоріальную неприкосновенность, политическую и коммерческую свободу вовлеченныхъ въ войну націй... Руководители различныхъ воюющихъ сторонъ установили эти цѣли въ общихъ чертахъ и онѣ, повидимому, тождественны для обѣихъ сторонъ»...

При такомъ углубленномъ пониманіи дѣла президентъ Вильсонъ вполне послѣдовательно умозаключаетъ: «весь міръ поставленъ во власть недоумѣнія, какіе окончательные результаты, какой дѣйствительный обмѣнъ гарантій, какія политическія и территоріальныя измѣненія и исправленія и даже какая степень военныхъ успѣховъ можетъ принести окончаніе войны».

Президентъ Вильсонъ, конечно, сильно преувеличиваетъ. Во власть недоумѣнія поставленъ не весь міръ, а только обывательская масса, которой и надлежитъ пребывать подъ властью недоумѣній, недоразумѣній, а лучше всего—просто неразумѣнія и безпрекословной готовности. Дѣйствующій же персоналъ драмы имѣетъ полную возможность разобраться въ положеніи. И президентъ Вильсонъ хватается быка за рога не тогда, когда онъ недоумѣваетъ, какимъ образомъ воюетъ Европа изъ-за тождественныхъ цѣлей, а тогда, когда онъ констатируетъ въ своей нотѣ, что «конкретныя цѣли, ради которыхъ борьба ведется, никогда не были точно опредѣлены»... Никогда еще,—говоритъ онъ,—авторитетные представители ни одной изъ сторонъ не указывали на точныя цѣли, которыя, будучи достигнуты, могли бы

удовлетворить ихъ и ихъ народы при окончаніи войны». Правда, и въ этихъ словахъ есть солидная доза преувеличенія: съ большими и малыми военно-дипломатическими программами много разъ выступали достаточно «авторитетныя» группы, органы, учрежденія во всѣхъ воюющихъ странахъ; цѣли войны (поистинѣ—не-дипломатами) вскрывались много разъ. Но во всякомъ случаѣ президентъ Вильсонъ правъ въ томъ, что теперь, послѣ германскаго предложенія, необходимо формулировать требованія официально, поставить конкретно всѣ точки надъ і, а также взвѣситъ тѣ результаты, во имя которыхъ «разжигается чувство мести, возникаетъ отчаяніе, отъ котораго нѣтъ спасенія, и миллионы за миллиономъ человѣческихъ жизней приносятся въ жертву»... Напрасно только глава заатлантической республики раздѣляетъ цѣли войны на «общія, которыя, повидимому, тождественны» и «конкретныя, которыхъ никто не указываетъ». На самомъ дѣлѣ, цѣли войны надо раздѣлять на словесныя, которыя стараются какъ можно шире популяризировать, и дѣйствительныя, о которыхъ не говорятъ.

Попавъ въ самый разгаръ газетнаго обсужденія возможныхъ условій мира, «запросъ» президента Вильсона о цѣляхъ войны далъ новый толчекъ работѣ въ томъ же направленіи. Газеты подхватили «недоумѣнія» Вильсона и очень быстро составили программу мира, въ сущности, вполне предвосхитившую содержаніе двухъ «отвѣтныхъ нотъ» согласія.

Первая изъ нихъ была передана 17 декабря французскимъ правительствомъ въ Парижѣ американскому послу. Составленная до внимательства Вильсона, она служитъ отвѣтомъ на германское предложеніе отъ 29 ноября. — Главную часть этой ноты составляютъ указанія на отвѣтственность центральныхъ державъ за начало войны, на допущенныя ими правонарушенія въ процессѣ войны и на истинные мотивы ихъ мирнаго выступленія. Положительное же содержаніе ноты, выясненіе собственной точки зрѣнія сводится къ слѣдующей формулировкѣ условій мира: «1) гарантіи въ восстановленіи поправленныхъ правъ и свободы народовъ, 2) признаніе принципа національности и права на свободное существованіе меньшинствъ и 3) увѣренность въ созданіи положенія, которое окончательно устранило бы причины, съ давнихъ поръ являвшіяся угрозой для народовъ, и дало единственно дѣйствительныя для человѣчества гарантіи»¹ — «Рус. Вѣдомости» справедливо замѣчаютъ, что «тѣ общія положенія, которыми оперировала союзническая дипломатія въ этой нотѣ, очень растяжны; вполне же конкретно союзниками было поставлено лишь одно требованіе вознагражденія для Бельгіи, что не могло считаться неприемлемымъ для Германіи» (см. № 2

¹ Формулировку эту заимствуемъ изъ газеты «Рѣчь». См. передовицу отъ 20-го дек. 1916.

1917 г.). При такихъ условіяхъ «недоумѣнія всего міра», о которыхъ говоритъ Вильсонъ, нисколько не разсѣиваются, и цѣли войны остаются «новидимому, тождественными для обѣихъ сторонъ». Никакого «точного» указанія на будущій международный status, необходимый согласію, дѣйствительно не содержится въ этой нотѣ.

Такія указанія, имѣющія вполне официальный характеръ, мы впервые видимъ во второй нотѣ, адресованной къ президенту Вильсону и служащей прямымъ отвѣтомъ на его запросъ и «недоумѣнія». Большая часть этой ноты, впрочемъ также посвящена изложенію германскихъ правонарушеній до и во время войны; но все же въ конкретизаціи требованій мирной программы державы согласія пошли здѣсь достаточно далеко. И положеніе вопроса о мирѣ нынѣ можно признать достаточно яснымъ. Правда, «цѣли войны,—читаемъ мы въ нотѣ,—будутъ сообщены во всѣхъ подробностяхъ и со всѣми требованіями о компенсаціяхъ и справедливомъ вознагражденіи лишь въ моментъ переговоровъ». Программа мира, изложенная въ союзной нотѣ, дѣйствительно изобилуетъ общими положеніями, которыя нуждаются въ истолкованіи и комментаріяхъ. Но все же никто не откажетъ въ признаніи огромной содержательности нижеприведенныхъ положеній ноты.

Цивилизованный міръ знаетъ, что въ цѣли войны необходимымъ образомъ включаются въ первую очередь возстановленіе Бельгіи, Сербіи и Черногоріи и справедливое возмѣщеніе понесеннаго этими странами ущерба, очищеніе занятыхъ территорій во Франціи, Россіи и Румыніи, со справедливымъ вознагражденіемъ, реорганизація Европы, гарантированная режимомъ прочнымъ и основаннымъ какъ на уваженіи къ національностямъ, такъ и на правѣ ихъ на полную безопасность и на свободу экономического развитія, принадлежащемъ всѣмъ какъ великимъ, такъ и малымъ народамъ, и въ то же время на территориальныхъ соглашенияхъ и международныхъ постановленіяхъ, имѣющихъ цѣлью обезпечить сухопутныя и морскія границы противъ неоправдываемыхъ необходимостью нападений, возвращеніе провинцій или территорій, отторженныхъ у союзниковъ силой, вопреки воли населенія, освобожденіе итальянцевъ и румынъ, чеховъ и словаковъ отъ иностраннаго владычества, освобожденіе народностей, находящихся подъ кровавымъ игомъ турокъ, вытѣсненіе изъ Европы оттоманской имперіи, совершенно чуждой западной цивилизаціи. Намѣренія Его Величества Императора Всероссийскаго по отношенію къ Польшѣ были ясно указаны въ недавнемъ приказѣ Государя Императора по арміи и флоту. Само собою разумѣется, что союзники желаютъ избавить Европу отъ грубыхъ вождедѣній прусскаго милитаризма, но въ ихъ цѣли никогда не входило, вопреки дѣлавшимся утвержденіямъ, уничтоженіе германскихъ народовъ и ихъ политическое исчезновеніе.

Пунктъ о возстановленіи занятыхъ областей впервые содержитъ официальное указаніе на будущую контрибуцію (размѣры которой будутъ указаны впоследствии); до сихъ поръ вопросу контрибуціи удѣляла вниманіе лишь печать, главнымъ образомъ, французская, исчислявшая размѣры контрибуціи, примѣрно

въ 150 миллиардовъ. Что касается «реорганизации Европы» при соответствующихъ гарантіяхъ, то этотъ пунктъ нуждается въ поясненіи; но во всякомъ случаѣ подъ гарантіями, хотя быть можетъ и не вполне достаточными, можно понимать тѣ мѣропріятія, на которыя было указано выше со словъ одной изъ англійскихъ газетъ; въ связи съ надлежащими размѣрами контрибуціи и реализаціей прочихъ требованій, эти гарантіи, впрочемъ, могутъ считаться достаточными. Пунктъ о стратегическихъ исправленіяхъ границъ вполне понятенъ, хотя и достаточно «растяжимъ»,—равно какъ и «возвращеніе отторженныхъ территорій» можетъ дать поводъ къ лжетолкованіямъ со ссылками на исторію. Раздѣлъ Австріи, предполагаемый освобожденіемъ австрійскихъ народовъ, а также изгнаніе турокъ изъ Европы и отторженіе отъ нея азіатскихъ областей—лозунги войны достаточно общеизвѣстные, чтобы стоило останавливаться на ихъ значеніи; точно также—и освобожденіе Польши подъ скипетръ русскаго царя. Уничтоженіе же германскихъ народовъ официально признано совершенно излишнимъ. По словамъ агентской телеграммы изъ Парижа отъ 30/XII,

«газеты съ особеннымъ удовлетвореніемъ отмѣчаютъ то обстоятельство, что нота совершенно опровергаетъ намѣренно распространяемое утвержденіе германцевъ, будто бы союзники стремятся къ уничтоженію германскаго народа».

Тѣмъ не менѣе, центральныя державы сочли нужнымъ, не имѣя даже формальнаго повода, выступить съ полемическимъ отвѣтомъ на ноту согласія. Въ немъ между прочимъ указывается, что:

«державы четвернаго союза уже нынѣ могутъ считать свои чисто оборонительныя цѣли достигнутыми, между тѣмъ какъ ихъ противники отходятъ все далѣе и далѣе отъ осуществленія своихъ завоевательныхъ плановъ. Если же, неприятели правительства характеризуютъ предложеніе державъ четвернаго союза, какъ военный маневръ, лишенный искренности и значенія, то до открытія мирныхъ переговоровъ и, поскольку мирныя условія державъ четвернаго союза остаются неизвѣстными, вышеизложенный взглядъ державъ согласія является лишь чисто произвольнымъ утвержденіемъ субъективнаго допущенія, совершенно недоказуемаго».

Въ дальнѣйшемъ отвѣтъ центральныхъ державъ уже принимаетъ форму литературной полемики, съ указаніемъ на полную аналогію въ колониальной политикѣ всѣхъ странъ, на національныя репрессіи въ Греціи, Ирландіи и въ окраинныхъ областяхъ Россіи, не соответствующія, по мнѣнію австро-германцевъ, лозунгамъ о правахъ малыхъ народовъ, и т. д. — Въ свою очередь, официальные органы державъ согласія выступили съ опроверженіями такого рода утвержденій. Литературная полемика продолжалась, представляя собой явленіе, довольно необычное въ современной дипломатической практикѣ; но отъ вопроса о цѣляхъ войны эта полемика снова нѣсколько удалилась, попреж-

нему удѣляя больше вниманія дипломатической исторіи войны и указанія виновниковъ за пролитую кровь.

Между тѣмъ, официально возвѣщенные цѣли войны было бы особенно важно подвергнуть тщательному обсужденію. Чрезвычайно интересно, въ частности, было знать, какъ должны отнестись нейтральныя державы и президентъ Вильсонъ къ мирной программѣ согласія. Нѣкоторые авторитетные органы печати здѣсь предусматривали существенныя возраженія; но, разумѣется, послѣднія могутъ быть объяснены только территоріальной отдаленностью и чуждымъ Европѣ укладомъ жизни, препятствующимъ взаимному пониманію. Возможныя возраженія американцевъ, со свойственнымъ ему блескомъ опровергаетъ цитированный выше членъ сов. мин. фин., проф. Мигулинъ, доказывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, жизненность союзной программы. На аргументацію интереснаго автора, имѣющую у насъ офиціозное значеніе, стоитъ обратить особое вниманіе.¹

Предлагается взвѣсить, — пишетъ проф. Мигулинъ, — стоитъ ли продолжать войну? Вѣдь для того, чтобы побѣдить Германію, потребуется еще огромныя усилія, жертвы, затраты. Надо учесть, будутъ ли они компенсированы осуществленіемъ, такъ называемыхъ, историческихъ задачъ. Такъ ли ужъ необходимо ихъ осуществленіе? Вѣдь обходились же безъ него державы до нынѣшней войны? Не только обходились, но Турція, напр., гарантировалась державами согласія полная неприкосновенность въ случаѣ, если-бы она соблюла нейтралитетъ. И употреблялись всѣ усилія, чтобы предотвратить войну, шли даже на уступки. Значить не считалось, что «задачи» стоять современной войны. Но продолженіе войны тоже обойдется не меньше, чѣмъ ея начало. Неизвѣстно, кто въ концѣ концовъ побѣдитъ. Вѣдь все же побѣждала до сихъ поръ Германія. Поэтому не лучше ли положить оружіе, разъ условія мира приемлемы, соответствуютъ прежнему положенію вещей и осуществляютъ нѣкоторыя проблемы? Такъ говорятъ американцы.

Съ американской точки зрѣнія историческія задачи европейскихъ державъ вовсе не представляются ужъ столь важными и обоснованными. Эльзась-Лотарингія? Но вѣдь это старинныя *нѣмецкія* области, *завоеванныя* французами лишь при Людовикѣ XIV, т. е. въ концѣ 17 ст. и обратно отнятыя нѣмцами черезъ 200 лѣтъ. Области эти уже снова онѣмечены, французскаго, за 40 лѣтъ германскаго владычества, осталось тамъ очень мало. Стоитъ ли тратить силы для новаго отобранія ихъ отъ Германіи? Константинополь? Какія *права* на него у Россіи? Развѣ это русскій городъ или онъ былъ когда-либо въ обладаніи Россіи? Какія тамъ у Россіи *коммерческіе* интересы? Никакихъ, нѣтъ ни одной русской торговой фирмы въ Константинополѣ. Все принадлежитъ французамъ, англичанамъ, нѣмцамъ, грекамъ. Въ рукахъ Россіи (по уничтоженіи Турціи) это будетъ провинціальныя городъ, потерявшій свое былое значеніе, очень задолженный, оторванный отъ Россіи, коммерчески ей ни на что не нужный. Кромѣ убытка Россіи обладаніе Константинополемъ ничего не принесетъ. А сколько осложненій! Чего будетъ стоить одинъ «вселенскій патріархатъ» и вѣчный конфликтъ съ греками? Русской

¹ См. «Новый Экономистъ» № 51 за 1916 г. «Близокъ-ли миръ?»

мистики американцы не понимаютъ, еще менѣе понятеиъ имъ «крестъ на Св. Софіи», ибо турки давно заявили, что они взорвутъ Св. Софію при приближеніи иноземныхъ войскъ. Россія даже не получить въ свое обладаніе этого великолѣпнаго архитектурнаго памятника времяиъ Юстиніана Великаго. Проливы? Это серьезнѣе. Однако Россія отлично вела свою морскую торговлю черезъ порты Чернаго моря и при обладаніи проливами Турціей во время мира. А въ случаѣ войны съ к.-л. морской державой торговля все равно невозможна. Торгуеть ли сейчасъ Германия, имѣя совершенно свободные порты и выходы въ открытое море? Одна же Турція воевать съ Россіей не можетъ. Конечно, облегчается для Россіи задача по оборонѣ своего черноморскаго побережья при обладаніи проливами. Но опытъ нынѣшней войны показалъ, что защита побережья вовсе не такъ ужъ затруднительна и безъ загражденія входа во внутреннія моря. Много ли выиграла Германия въ Балтійскомъ морѣ, обладая во много разъ сильнѣйшимъ флотомъ, чѣмъ Россія? Вѣдь даже Либава и Виндава взяты были только съ суши, а объ остальныхъ портахъ нечего и гозорить: нѣмцы не могли даже къ нимъ и подойти. Съ другой стороны, господствуя на морѣ, могъ ли англійскій флотъ, напр., бомбардировать Гамбургъ? Значитъ, не для чего преувеличивать значенія для Россіи и проливовъ. Ихъ просто можно *нейтрализовать* подобно Суэзскому каналу, и *укрѣпленія на нихъ скрыть*. На это Германия (съ американской точки зрѣнія) можетъ пойти. При союзѣ съ Англійей (а вѣдь Россія въ союзѣ съ ней) проходъ черезъ проливы для Россіи будетъ *всегда* обезпеченъ въ случаѣ названной комбинаціи.

Говорить ли о томъ, какъ смотрять американцы на польскій вопросъ? Не могутъ ли они сказать, что Силезія Польшѣ ко времени ея раздѣла не принадлежала, что Познань совершенно оиѣмечена и что для новой Польши предовольно русскихъ и австрійскихъ частей бывшаго Польскаго королевства, что изъ-за Польши ужъ во всякомъ случаѣ нѣтъ смысла вести войну? Могутъ американцы сказать, что Галиція, — конечно, старинная русская область, но давно вошедшая въ составъ Польскаго королевства и доставшаяся Австріи, съ согласія Россіи, еще въ 1772 г., при первомъ же раздѣлѣ Польши? Что большая часть русскаго населенія Галиціи не считаетъ себя русскими, не считаетъ свой языкъ русскимъ, не желаетъ слиянія съ Россіей? Что Восточной Галиціи, въ составѣ будущаго Польскаго королевства, можетъ быть предоставлена широкая автономія? Поймутъ ли американцы, что надо продолжать великую *мировую* войну ради созданія какой-то «Великой Румыніи» или «Великой Сербіи», или ради присоединенія къ Италіи Триеста?

Многое можно было бы возразить американцамъ. Но они не поймутъ насъ. Такъ велика и богата Америка, такъ слиты тамъ разныя національности, что имъ непонятны ни европейская исторія, ни наши национальные споры, ни наши историческія задачи, ни значенія, на американскій масштабъ, ничтожныхъ территорій. Непонятно американцамъ и то, какое *нравственное* значеніе имѣеть нынѣшняя война, какой ужасъ, если Германия, затѣвая маровой разбой, нарушившая всѣ божескія и человѣческія права, выйдетъ изъ игры ненаказанной, съ гордымъ видомъ *побѣдителя*. А Болгарія? Неужели и она останется ненаказанной? Тогда «нѣтъ правды на землѣ» и нельзя жить... Было бы измѣной по отношенію къ памяти павшихъ героевъ, не говоря уже объ отказѣ отъ важнѣйшихъ историческихъ задачъ, внезапно прекратить борьбу и окончить ее въ нынѣшней стадіи, когда кровь ихъ еще не огомщена.

9 января 1917 года, въ сенатѣ Соед. Штатовъ, президентъ Вильсонъ сдѣлалъ по вопросу о мирѣ новое пространное заявленіе, изъ коего видно, что позиція, занятая союзниками еще не разъясняетъ ему положенія дѣлъ. — Глава великой республики правильно констатируетъ, что теперь «мы значительно приблизились къ обсужденію того международнаго строя, который отнынѣ будетъ призванъ охранять всесвѣтный миръ»; а вѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ полагаетъ, «немыслимо, чтобы Соед. Штаты уклонились отъ участія въ этомъ великомъ дѣлѣ». И задачу своей страны президентъ Вильсонъ видитъ въ томъ, чтобы «присоединить нашъ (американскій) престижъ и наше могущество къ престижу и могуществу прочихъ націй съ цѣлью обезпечить всему свѣту миръ и справедливость». «Всякій гуманный здравомыслящій и разсудительный человѣкъ», на котораго ссылается президентъ Вильсонъ, вѣроятно, испытаетъ при этихъ словахъ нѣкоторую тревогу: ибо уже вотъ тридцать мѣсяцевъ работаютъ престижъ и могущество всей Европы, и не мало странъ присоединилось къ этой работѣ уже послѣ начала войны... Нѣкоторыя сомнѣнія у разсудительнаго человѣка можетъ возбуждать и своеобразное толкованіе Вильсономъ доктрины Монро: «Америка для американцевъ», но «для насъ не безразлично, какимъ образомъ и на какихъ условіяхъ эта война окончится»; и Америка выступаетъ съ собственной настолько твердой линіей поведения въ вопросѣ объ европейскомъ мирѣ, что европейской руководящей прессѣ, комментирующей новую «ноту», уже показалось, будто бы и Европа для американцевъ... Но въ общемъ президентъ Вильсонъ не только твердъ, но и крайне благожелателенъ. Онъ не только идетъ по собственному пути, но и выступаетъ съ такой программой мира, которая была бы способна увѣковѣчить его имя какъ социального утописта, если-бы онъ не былъ отвѣтственнымъ дипломатомъ.

Не удовлетворяясь объясненіями воюющихъ державъ и видя всю сущность проблемы въ гарантіяхъ прочности мира, президентъ Вильсонъ ребромъ ставитъ вопросъ о цѣляхъ войны—теперь уже въ такой формѣ: «является ли нынѣшняя война борьбой за справедливый и прочный миръ, или же это только борьба за установленіе новой системы равновѣсія между державами?» И продолжая «дипломатично» выказывать себя непонимающимъ, онъ даетъ на этотъ вопросъ свой собственный отвѣтъ: «обычныя мирныя условія, создающія равновѣсіе, не обезпечаютъ прочнаго мира; «Европа можетъ быть устойчива только когда она спокойна; тутъ нужно не равновѣсіе, а общность силъ, не соперничество, а общій миръ». Да, для мира нуженъ миръ, но каковы же, конкретно говоря, его гарантіи? «Въ первую очередь (гарантіи эти) требуютъ, чтобы грядущій миръ былъ миромъ, не «новопашнымъ на побѣдѣ одной изъ воюющихъ сторонъ... Побѣдѣ

означала бы такой миръ, который былъ бы навязанъ побѣжденной сторонѣ, такъ какъ побѣдитель заставилъ бы побѣжденнаго согласиться на свои условія. Такой миръ былъ бы сопряженъ съ униженіемъ, съ насиліемъ, съ невыносимыми жертвами. Онъ оставилъ бы послѣ себя жало обиды и горькую память, такъ что такой миръ былъ бы построенъ на пескѣ. Только тотъ миръ можетъ считаться долговѣчнымъ, который заключенъ равнымъ съ равнымъ, который весь основанъ на принципѣ равенства и равнаго участія въ общихъ благахъ».

Удивительно ли послѣ всего этого недовольство выстунленіемъ Вильсона, высказанное руководящей союзной прессой? Цѣли, конечно, одинаковы; но средства диаметрально противоположны. Ибо все согласие непоколебимо стоитъ на той позиціи, что прочный миръ именно обезпечивается полной побѣдой, до которой рѣшено бороться *quand même*. И дѣйствительно, *o status quo ante*, къ которому взываетъ Вильсонъ и который выгоденъ лишь центральнымъ державамъ, мы уже говорили выше.

Правда, къ *status quo* президентъ Вильсонъ дѣлаетъ важное принципиальное добавленіе, которое должно служить второй гарантіей. «Является совершенно необходимымъ, — говоритъ онъ, — чтобы была создана такая сила, которая служила бы гарантіей прочности состоявшагося соглашенія. Эта сила должна быть могущественнѣе не только каждой изъ нынѣ воюющихъ націй, но даже любой коалиціи въ прошедшемъ или будущемъ, такъ чтобы никакая нація и никакая возможная комбинація народовъ не могла противостать этой силѣ. Если мы хотимъ, чтобы грядущій миръ оказался долговѣчнымъ, то его слѣдуетъ обезпечить при помощи организованной высшей силы всего человѣчества». Возможно, что все это могло бы быть дѣйствительной гарантіей, но, къ сожалѣнію, въ «новообразованіи» Вильсона еще невозможно разглядѣть никакихъ реальныхъ очертаній. Какъ-будто-бы предлагаемый имъ экспериментъ имѣетъ видъ клочка бумаги. Но какъ же можно выдавать это за гарантію разсудительному человѣку?..

Гораздо интереснѣе и симптоматичнѣе третья гарантія Вильсона. «. . . Имѣется еще болѣе важный элементъ чѣмъ даже равенство правъ между организованными народами. Не можетъ быть и не долженъ быть проченъ такой миръ, который исходитъ не изъ принципа, что правительства заимствуютъ всѣ свои справедливыя полномочія только изъ воли народа и что никто не имѣетъ права передавать народы отъ одного государства къ другому, какъ будто-бы они были просто вещью». «Я хочу вѣрить, — добавляетъ Вильсонъ, — что я говорю отъ имени молчаливыхъ народныхъ массъ человѣчества, которыя не имѣли возможности высказаться откровенно относительно смерти дорогихъ имъ людей и разоренія ихъ домовъ». Апелляція къ интересамъ самихъ народовъ и проектъ плебисцита для тѣхъ, кто не имѣетъ

возможности даже выразить свои личныя чувства, конечно, заслуживаютъ всеобщей признательности. Но какія же имѣются основанія рассчитывать на добровольное признаніе народовъ не «просто вещью» при данныхъ обстоятельствахъ?.. Кромѣ того, и эта третья «гарантія», проектируемая Вильсономъ, рѣзко противорѣчитъ объявленной программѣ согласія. Это правильно выражено газетою «Рѣчь» въ передовицѣ отъ 11-го янв. 1917 г.

Ничего не можетъ быть почтеннѣе принципа плебисцита, выдвинутого еще въ срединѣ XIX столѣтія противъ безцеремоннаго распоряженія национальностями народами на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года. Говоря общепотребительными терминами, Вильсонъ устанавливаетъ право плебисцита. Однако, нѣтъ надобности подробно доказывать, что примѣненіе на практикѣ этого справедливаго принципа не всегда соответствуетъ его основной идеѣ. Напримѣръ, плебисцитъ въ Эльзасѣ-Лотаринги никогда не будетъ допущенъ нашими союзниками: онъ закрѣпилъ бы лишь плоды совершенной несправедливости. Плебисцитъ въ опустошенной Арменіи призналъ бы хозяевами Арменіи—курдовъ и турокъ. Плебисцитъ въ Македоніи также почти навѣрно далъ бы результатъ, совершенно не отвѣчающій ни справедливости, ни фактамъ.

Центральный органъ русскаго имперіализма, новидимому, находитъ, что плебисцитъ при данныхъ условіяхъ, а вмѣстѣ съ нимъ и третья, «демократическая» гарантія Вильсона—также были бы выгодны однимъ нашимъ врагамъ.

Но тѣмъ болѣе это надо сказать о четвертой гарантіи, о чисто германскомъ требованіи «свободы морей» и торговыхъ путей; когда же въ этой свободѣ заинтересованы страны согласія и, въ частности, Россія, то президентъ Вильсонъ дѣлаетъ намеки на желательность для него самаго неблагоприятнаго рѣшенія вопроса: примѣнительно къ проливамъ въ Средиземное море онъ, повидимому, стоитъ на точкѣ зрѣнія, предвосхищенной проф. Мигулинымъ, и считаетъ достаточной ихъ нейтрализацію.

Наконецъ, въ видѣ пятой гарантіи Вильсонъ выдвигаетъ ограниченіе морскихъ и сухопутныхъ вооруженій. Этотъ благожелательный проектъ выдвигался и раньше, въ незапамятныя мирныя времена. Но такого рода банкетно-дипломатическая словесность такъ же хорошо свидѣтельствуетъ о непониманіи законовъ развитія современной эпохи, какъ и все выступленіе Вильсона свидѣтельствуетъ о непониманіи цѣлей войны и интересовъ согласія или—о не желаніи считаться съ ними. Выступленіе это, несомнѣнно, важный симптомъ, а его своеобразная линія представляетъ большой теоретическій интересъ. Недовольство, какимъ было оно встрѣчено со стороны союзной прессы, усугубляетъ этотъ теоретическій интересъ создавшагося положенія. Но и практически дѣло мира во всякомъ случаѣ вступило въ новую фазу.

Ник. Сухановъ.

ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ.

НѢКОТОРЫЕ ИТОГИ 1916 Г.

Самыми крупными событиями минувшаго года въ сферѣ международныхъ отношеній приходится признать, конечно, германское предложеніе приступить къ мирнымъ переговорамъ и американскую ноту о выясненіи условий возможнаго мира. Будущими историками великой войны эти акты будутъ отмѣчены, какъ первыя попытки ликвидаціи общеевропейскаго кризиса 1914 и слѣдующихъ годовъ. Но отвѣтныя ноты державъ согласія съ ихъ программой первоочередныхъ требованій въ самомъ началѣ оборвали ту нить, какую германское и американское предложенія пытались протянуть между частями расколовшейся пополамъ Европы. Созданіе тѣхъ условий, которыя сдѣлаютъ возможнымъ возстановленіе этой нити и дальнѣйшее развитіе ряда, начатаго германской нотой, — всецѣло дѣло будущаго. Для прошлаго же года характерны не тѣ мирныя тенденціи, которыя проявились въ отмѣченныхъ выше актахъ, но, наоборотъ, все большее расширеніе сферы великаго европейскаго кризиса. Съ самаго начала войны обѣ коалиціи вели напряженную дипломатическую борьбу изъ-за государствъ, оставшихся нейтральными. Италия и Болгарія, Румынія и Греція, отчасти даже скандинавскія страны, — таковы были объекты этого соревнованія. Въ 1915 г. Италия и Болгарія опредѣлили окончательно свою линію поведенія, связавъ свою судьбу: первая — съ державами согласія, вторая — съ центральнымъ союзомъ. Борьба за Румынію и Грецію продолжалась и въ 1916 г., причемъ въ первомъ случаѣ она увѣнчалась новымъ успѣхомъ согласія, во второмъ — привела къ положенію исключительно запутанному и неопредѣленному, одинаково тягостному и для самой Греціи, и для державъ согласія, ведущихъ съ осени 1915 г. кампанію на балканскомъ фронтѣ.

Переговоры державъ согласія съ Румыніей долгое время шли съ перемежающимся успѣхомъ. Весной 1915 г., когда румынскія войска стояли на Карпатахъ, многие ожидали, что Румынія выступитъ одновременно съ Италией. Но затѣмъ въ ходѣ военныхъ операцій наступилъ переломъ, и переговоры, близившеся уже какъ-будто къ окончанію, вновь затянулись. Осенью 1915 г. выступила Болгарія, была разгромлена Сербія, создалось положеніе, весьма неблагоприятное для вмѣшательства Румыніи на сторонѣ согласія. Весной 1916 г. Румынія, во имя нейтралитета, равно благожелательнаго къ обѣимъ группамъ державъ, заключила даже рядъ весьма выгодныхъ для

сравняющихъ румынскихъ круговъ торговыхъ соглашеній со странами центральнаго союза. Но лѣтомъ 1916 г., очевидно, не безъ вліянія уступковъ Россіи, Румынія вновь пересмотрѣла свое рѣшеніе о нейтралитетѣ. Въ іюль и въ августъ переговоры пошли болѣе быстрыми темпомъ, и Румынія начала получать изъ Россіи военные материалы. 14-го августа Румынія объявила Австро-Венгрии войну. Державамъ согласія были гарантированы Румыніи за ея участіе въ войнѣ весьма обширныя компенсаціи въ Буковинѣ, Трансильваніи и Банатѣ. Въ случаѣ войны съ Болгаріей была также обѣщана часть болгарской территоріи. Въ манифестѣ короля румынскаго по поводу войны шла рѣчь объ образованіи великой Румыніи отъ Тиссы до Чернаго моря. Буковина, австрійская область, расположенная къ югу отъ Галиціи, занимаетъ 10,441 кв. кил. и имѣетъ 801,364 чел. населенія, въ томъ числѣ 31,6% румынъ, 41,2% украинцевъ, 22% нѣмцевъ и евреевъ; надо думать, что въ качествѣ компенсаціи для Румыніи имѣлась въ виду лишь южная Буковина, главнымъ образомъ, населенная румынами. Трансильванія, занимающая юго-восточный уголокъ Венгрии имѣетъ пространство въ 55,731 кв. кил. Населеніе ея равняется 2.678,367 чел., изъ нихъ румынъ около 55%, остальные—мадьяры и нѣмцы. Банатъ, находящійся къ западу отъ Трансильваніи, между Дунаемъ, Тиссой и Марошемъ, занимаетъ 28.040 кв. кил.; румыны въ немъ составляютъ 37% населенія, остальные венгры и сербы. Для сравненія не мѣшаетъ указать, что королевство Румынія занимаетъ поверхность въ 131,353 кв. кил. и имѣетъ около 7-ми миллионновъ населенія.

Что касается Греціи, то ей державы согласія предлагали принять участіе въ войнѣ еще въ началѣ 1915 г., обѣщая ей весьма обширныя территоріальныя приобрѣтенія въ Малой Азіи и на островахъ. Тогда соглашеніе не состоялось, и дружественное согласію министерство Венизелоса было вынуждено выйти въ отставку. Послѣ выступленія Италіи, претендовавшей на часть тѣхъ территорій, которыя ранѣе считались обезпеченными за Греціей Венизелосъ, въ Греціи настроеніе измѣнилось не въ пользу державъ согласія, да и для согласія греческій вопросъ временно отошелъ на задній планъ. Вторично онъ былъ выдвинутъ осенью 1915 г. въ связи съ сербскимъ походомъ германо-болгарскихъ войскъ. Греція и на этотъ разъ уклонилась отъ вмѣшательства, хотя согласіе обѣщало за него даже аннектированный Англійей въ началѣ войны о. Кипръ. Несмотря на то, что Греція осталась нейтральной, на ея территоріи высадились отряды союзныхъ войскъ и начались военныя операціи (въ салоникскомъ районѣ).

Лѣтомъ 1916 г., въ виду ожидавшагося выступленія Румыніи и предполагавшагося перехода къ болѣе активнымъ операціямъ на македонскомъ фронтѣ, вновь обострился и вопросъ о дальѣйшемъ поведеніи Греціи. Въ іюнь державы согласія предъявили

Греци ультиматумъ, потребовавъ въ первую очередь удаленія враждебнаго вмѣшательства кабинета Скулудиса. Эта ближайшая цѣль была легко достигнута, но кабинеты, стоявшие у власти въ Греци за полгода, прошедше съ тѣхъ поръ (Займиса, Калогеропулоса, Ламбросса), не проявили ни желанія, ни способности повернуть греческую политику въ направленіи, желательномъ державамъ согласія. Вторженіе болгарскихъ войскъ на территорию греческой Македонии создавало въ самой Греци благоприятныя условия для революціоннаго движенія въ пользу вмѣшательства. Во главѣ этого движенія стали вотъ же Венизелосъ; однако, и оно оказалось бесплотно сдвинуть Грецію съ ея позиціи. Въ концѣ концовъ партія вмѣшательства восторжествовала въ греческой Македонии и на островахъ, — въ той части Греци, которая находится подъ непосредственнымъ влияніемъ армии и флота державъ согласія. Въ остальной Греци венизеллисты не имѣли существеннаго успѣха. Венизелистская революція имѣла своимъ результатомъ лишь то, что Греція распалась на двѣ части: въ одной изъ нихъ по-прежнему править аѳинское правительство, въ другой — правительство Венизелоса. Державы согласія признають фактически и то, и другое.

Въ послѣднее время цѣли, какія ставятъ себѣ дипломатія согласія по отношенію къ Греци, повидимому, нѣсколько измѣнились. Обеспеченіе союзной армии Саррайля военной поддержки со стороны Греци признано, какъ кажется, задачей неразрѣшимой. Поэтому согласіе стремится теперь уже не столько добиться вмѣшательства Греци въ войну, сколько заставить аѳинское правительство разоружить греческую армию и перевести ее изъ Эссалии и средней Греци въ Пелопоннесъ. Эти требованія имѣють двоякую цѣль: снабженіе военнымъ матеріаломъ ставшей на сторону согласія армии Венизелоса и обеспеченіе салоникской армии Саррайля отъ угрозы нападенія съ юга въ моментъ возможнаго наступленія германцевъ и болгаръ съ сѣвера. Переговоры о разоруженіи крайне обострили отношенія между согласія съ аѳинскимъ правительствомъ. Въ ноябрѣ дѣло дошло даже до вооруженныхъ столкновеній на улицахъ Аѳинъ между отрядами союзныхъ моряковъ съ одной стороны, греческими войсками и населеніемъ — съ другой. Въ декабрѣ державы согласія поддержали берега Греци блокадѣ, и Греція, живущая почти исключительно привознымъ хлѣбомъ, была вынуждена уступить ихъ настояніямъ. Но все же въ 1917 г. она вступила въ положеніе формальнаго нейтралитета.

Въ апрѣлѣ 1916 г. на порогѣ войны стояла единственная остающаяся нейтральной великая держава: Соединенные Штаты Сѣверной Америки. Болѣе года длилась дипломатическая переписка между Вашингтономъ и Берлиномъ по поводу объявленной Германіей въ началѣ 1915 г. подводной блокады береговъ Англіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что подводная война въ извѣстной мѣрѣ стѣсняла торговля

сношенія Соединенныхъ Штатовъ съ европейскими государствами. Однако, не въ такой все-же степени, чтобы Соединенные Штаты считали неизбѣжнымъ изъ-за этого свое вмѣшательство въ войну. Какъ извѣстно, несмотря на подводную войну, торговля Америки съ Европой возрасла чрезвычайно, американская индустрія, — особенно тѣ ея отрасли, которыя приспособились къ изготовленію военныхъ материаловъ, — переживала въ связи съ войною періодъ исключительнаго процвѣтанія. Понятно, почему дипломатическая переписка президента Вильсона съ германскимъ правительствомъ столь долго носила почти академическій характеръ. Лишь 6-го апрѣля 1916 г., послѣ торжественнаго совмѣстнаго засѣданія обѣихъ палатъ конгресса Вильсонъ въ необычной для своихъ нотъ ультимативной формѣ обратился къ Германіи съ категорическимъ требованіемъ отказаться отъ «незаконныхъ» способовъ подводной войны, грозя въ противномъ случаѣ разрывомъ дипломатическихъ сношеній. Чтобы удовлетворить правительство Соединенныхъ Штатовъ, Германія должна была отказаться отъ торпедирования нейтральныхъ судовъ безъ осмотра груза и безъ установленія его контрабанднаго характера и отъ торпедирования торговыхъ судовъ воюющихъ державъ безъ предупрежденія. Какъ высоко ни цѣнили въ Германіи подводную войну, дружественныя отношенія съ Соединенными Штатами были признаны германскимъ правительствомъ вещью болѣе цѣнною. Вмѣшательство Соединенныхъ Штатовъ было-бы, можетъ быть, малочувствительнымъ для Германіи стратегически. Но съ экономическими послѣдствіями разрыва, — особенно въ первые годы по окончаніи войны, — Германія не могла не считаться. 21-го апрѣля Германія капитулировала предъ ультиматумомъ Соединенныхъ Штатовъ, выразивъ лишь надежду, что Соединенные Штаты добьются и отъ Великобританіи обезпеченія свободы судоходства.

Съ интересами Соединенныхъ Штатовъ воюющимъ державамъ такъ или иначе приходится считаться. Гораздо хуже въ этомъ отношеніи положеніе мелкихъ нейтральныхъ государствъ вроде Швеціи, Норвегіи, Даніи, Швейцаріи. Съ ними никто не считается: наоборотъ, имъ, стоящимъ между двумя враждующими группами, приходится приспособляться къ желаніямъ обѣихъ, лавируя между ихъ взаимно противорѣчащими требованіями. Стоитъ пойти на встрѣчу требованіямъ согласія, — и возникаетъ конфликтъ съ Германіей, улаженъ конфликтъ съ Германіей, — и обостряются отношенія съ союзникомъ. Въ истекшемъ году Швейцаріи пришлось попеременно вести переговоры то съ Германіей, то съ Франціей по поводу германо-швейцарскихъ торговыхъ сношеній, являющихся извѣстной брешью въ системѣ блокады Германіи. Швеція до сихъ поръ не паладила своихъ отношеній съ Англійей, стремящейся подчинить своему строгому контролю, но тѣмъ же соображеніямъ, шведско-германскую торговлю. Наконецъ, Норвегія, только что ликвидировавъ конфликтъ съ Герма-

ней по поводу изданнаго по настоянію Англии запрещенія подводнымъ лодкамъ заходить въ норвежскіе порты, — вступаетъ въ новый годъ въ конфликтъ съ Англійей по поводу вывоза въ Германію рыбы и слѣдвой руды. Въ общемъ, нейтральнымъ странамъ становится все труднѣе сохранять строгій дѣйствительный нейтралитетъ среди охватившей всю Европу военной грозы. Въ то же время ихъ населеніе, — если исключить немногочисленный слой лицъ, наживающихся на международной торговлѣ, — не принимая непосредственнаго участія въ войнѣ, все въ большей мѣрѣ несетъ бремя послѣдствій вызванной войной хозяйственной разрухи.

* * *

Распространяясь все шире по территории Европы, подчиняя такъ или иначе своему влиянію даже страны, остающіяся формально нейтральными, война вмѣстѣ съ тѣмъ внесла за истекшій годъ рядъ весьма значительныхъ переменъ во внутреннюю жизнь и во внутреннюю организацію воюющихъ государствъ. Наиболее ярко этотъ процессъ приспособленія къ условіямъ войны сказался сначала въ Германіи; но затѣмъ онъ очень быстро перекинулся и въ страны противогерманской коалиціи. Въ 1916 г. онъ протекалъ особенно бурно въ Англии, — именно тамъ торжествовалъ онъ самыя рѣшительныя побѣды.

Первая изъ этихъ побѣдъ — введеніе въ Англии обязательной военной службы. Обезпеченная отъ вторженія непріятели своимъ островнымъ положеніемъ и своимъ мощнымъ флотомъ, Англія не знала до 1916 г. военной повинности. Движеніе въ пользу обязательной военной службы существовало въ Англии въ империалистическихъ кругахъ и до войны; но оно было непопулярно, и даже консервативная партія не рѣшалась внести эту реформу въ свою программу. Война создала атмосферу, чрезвычайно благоприятную для усвоенія самыхъ крайнихъ империалистическихъ идей. Въ частности она поставила передъ Англійей новыя задачи на континентѣ, для разрѣшенія которыхъ большая сухопутная армія стала необходимой. Въ теченіе перваго года войны англійское правительство, стремившееся даже послѣ своего преобразованія изъ либеральнаго въ коалиціонное остаться вѣрнымъ исконной англійской традиціи, пыталось создать эту армію старымъ способомъ набора добровольцевъ. Но съ каждымъ мѣсяцемъ идея «національной службы» приобрѣтала все больше и больше сторонниковъ. Послѣ долгой, но не очень энергичной борьбы съ империалистической оппозиціей, имѣвшей своихъ представителей и въ самомъ кабинетѣ, въ 1915 г. коалиціонное министерство, уступая господствующему настроенію, рѣшилось, наконецъ, на частичную реформу. Въ январѣ 1916 г. парламентомъ былъ принятъ законопроектъ, введшій въ Англии обязательный наборъ холостыхъ мужчинъ

отъ 18-ти лѣтъ до 41-го года, не записавшихся въ армию добровольно. Этотъ новый законъ рѣшительно порывалъ съ англійскими традиціями, но своей половинчатостью онъ далеко не удовлетворилъ рѣшительныхъ сторонниковъ воинской повинности. Борьба продолжалась и въ апрѣлѣ едва не привела къ расторженію правительственной коалиціи. Въ концѣ концовъ, умѣренное крыло кабинета пошло на новую уступку. 20-го апрѣля правительство внесло въ палату билль о распространеніи воинской повинности на женатыхъ, и 12-го мая билль былъ утвержденъ королемъ.

Послѣ относительнаго затишья лѣтнихъ мѣсяцевъ съ осени внутренняя борьба между крайними империалистами и правительствомъ вспыхнула въ Англии съ новой силой. На этотъ разъ лозунгомъ империалистической оппозиціи коалиционному кабинету стало болѣе энергичное веденіе войны. Во имя этого лозунга оппозиція требовала, во-первыхъ, концентрации власти, созданія болѣе компактнаго, менѣе многочисленнаго кабинета, во-вторыхъ, удаленія отъ власти ряда «ненадежныхъ» представителей либеральной партіи. Либеральная партія, стоявшая у власти въ моментъ начала войны, за время войны была вынуждена событіями отказаться отъ многихъ пунктовъ своей старой программы, отъ многихъ изъ своихъ старыхъ принциповъ, казавшихся еще недавно незыблемыми. Такъ, она примирилась во имя борьбы съ Германіей съ воинской повинностью, съ протекціонизмомъ, со многими ограниченіями британскихъ «вольностей». Но каждая такая уступка сопровождалась внутренними треніями и паденіемъ вліянія либерализма. Въ то же время ростъ империалистическихъ и протекціонистскихъ настроеній долженъ былъ неизбѣжно повредить престижъ уніонистской партіи. Въ концѣ концовъ, доминирующая роль либераловъ въ правительствѣ начала казаться чѣмъ-то несоотвѣтствующимъ ни соотношенію силъ въ странѣ, ни задачамъ успешнаго веденія войны.

Въ ноябрѣ эти давно уже назрѣвавшія настроенія подъ вліяніемъ событій на морѣ и на румынскомъ фронтѣ прорвались наружу. Вождемъ заговора противъ старой коалиціи явился военный министръ Ллойдъ-Джорджъ, котораго поддерживали всѣ уніонистскіе члены кабинета. Послѣ тщетной попытки уладить внутренний кризисъ путемъ частичныхъ измѣненій въ составѣ кабинета, Асквитъ былъ вынужденъ подать прошеніе объ отставкѣ, и во главѣ новаго министерства сталъ Ллойдъ-Джорджъ. Министерство Ллойдъ-Джорджа осуществило въ значительной мѣрѣ требованіе концентрации власти. Верховное руководство принадлежитъ въ немъ небольшой коллегіи изъ пяти лицъ, изъ коихъ лишь одно является въ то же время главой вѣдомства. Въ новомъ министерствѣ всѣ наиболее важныя посты принадлежатъ уніонистамъ, — въ томъ числѣ три мѣста въ совѣтѣ пяти, отданныя двумъ бывшимъ колониальнымъ генералъ-губернато-

рамъ (Мильнеру и Керзону) и лидеру унитаристовъ Бонарлоу. Въ общемъ, министерство носитъ ярко-империалистическій характеръ, несмотря на присутствие въ немъ представителей праваго крыла рабочей партии. Послѣдніе лишь придаютъ его империализму нѣкоторый демагогическій отблескъ. Изъ либеральныхъ вождей въ кабинетѣ нѣтъ ни одного, но нѣсколько менѣе видныхъ либераловъ определенно империалистическаго толка получили въ новой коалиціи рядъ должностей второстепеннаго политическаго значенія. Въ рѣшительности новаго кабинета и въ его полномъ единодушіи по отношенію къ вѣляемъ войны не можетъ быть сомнѣнія.

Аналогичный по своему внутреннему смыслу кризисъ, но въ иныхъ формахъ и съ существенно отличнымъ результатомъ, имѣлъ мѣсто и во Франціи. Подобно английскому коалиціонному кабинету Асквита кабинетъ Бриана былъ попыткой объединить во имя войны въ высшемъ органѣ исполнительной власти всѣ таланты всѣхъ партий: Дени-Кошена и Мелина справа, Гэда и Самба слѣва, а между ними Комба, Буржуа, Пенлеве, Фрейсине, Вивіани, Мальви и пр. и пр. Получилась коллегія весьма громоздкая, пестрая и недѣеспособная. Истинное политическое руководство естественно сосредоточилось въ рукахъ нѣкоторой болѣе узкой группы, состоявшей изъ Бриана и его непосредственныхъ ближайшихъ сотрудниковъ. Тѣмъ не менѣе нестрога состава кабинета должна была представляться, — а быть можетъ иногда была и въ дѣйствительности, — тормазомъ, лишающимъ его необходимой энергии движеній. Чѣмъ больше накоплялось осложнений какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ (недостатокъ угля, разстройство транспорта), тѣмъ громче подымались голоса въ пользу «единства», «концентраціи» и т. п.

24-го ноября, послѣ цѣлой недѣли закрытыхъ засѣданій, палата депутатовъ приняла большинствомъ 314-ти голосовъ противъ 165-ти формулу, выражающую довѣріе кабинету, но въ то же время указывавшую на необходимость централизаціи всего дѣла веденія войны и экономической организаціи страны. Исполняя пожеланіе палаты, Брианъ немедленно приступилъ къ преобразованію кабинета: число членовъ кабинета было сокращено до 10-ти; изъ его состава вышла Фрейсине, Комбъ, Буржуа, Дени-Кошенъ, Гэдъ (министръ безъ портфеля), Рокъ (военный министръ), Пенлеве (министръ народнаго просвѣщенія), Мелинъ (земледѣля), Самба (общественныхъ работъ), Метень (труда). Кабинетъ, несомнѣнно, получилъ гораздо большую однородность въ смыслѣ единства въ пониманіи конечныхъ цѣлей войны; съ этой точки зрѣнія преобразование имѣетъ то же значеніе, что и смѣна министерства въ Англии. Для ближайшаго руководства войной въ кабинетѣ былъ организованъ еще болѣе узкій комитетъ 5-ти въ составѣ премьера и министровъ военнаго, морского, финансовъ и вооруженій. Брианъ, реорганизовавъ кабинетъ въ желатель-

номъ ему направленн, мечталъ пойти еще дальше, мечталъ получить для себя и для своего правительства чисто-диктаторскія полномочія. Но его законопроектъ, разрѣшавшій совѣту министровъ принимать безъ санкции парламента, въ формѣ декретовъ, въ дополнение или въ отмѣну существующихъ законовъ, мѣропріятыя, вызываемыя нуждами войны, встрѣтилъ самое рѣшительное противодѣйствіе и въ сенатѣ, и въ палатѣ депутатовъ. Повидимому, правительство уже сочло себя вынужденнымъ отказаться отъ этого плана, и проектъ установленія во Франціи формальной диктатуры можно считать, — по крайней мѣрѣ для даннаго момента, — похороненнымъ.

Въ виду особенностей политическаго строя Германіи приспособленіе ея внутренней жизни къ условіямъ войны происходило въ ней не въ столь бурныхъ формахъ, какъ въ Англіи. Многое изъ того, къ чему съ такими треніями, съ такимъ трудомъ пришла Англія во время войны, въ Германіи война застала уже готовымъ. Но съ другой стороны, Германія, лишенная подвоза продовольствія и сырья вслѣдствіе англійской блокады, въ экономическомъ отношеніи должна была пойти въ процессы милитаризаціи гораздо дальше, чѣмъ какаѣ-либо изъ воюющихъ странъ. Во всякомъ случаѣ многое она была вынуждена сдѣлать раньше другихъ. Почти съ самаго начала войны она вступила на путь регламентаціи потребленія и контроля надъ производствомъ. Частью въ 1915 г., частью въ 1916 г. за нею послѣдовали въ этомъ отношеніи Англія и Франція, въ послѣднее время довольно быстро ея догоняющія. Но осенью 1916 г. Германія рѣшилась на новый опытъ, совершенно исключительный по своему размаху. Особеннымъ закономъ въ Германіи было введена всеобщая рабочая повинность для всѣхъ мужчинъ съ 17-ти до 60-ти лѣтъ, не состоящихъ на военной службѣ. Извѣстныя отрасли производства наряду съ правительственными вѣдомостями, общественными организаціями (напримѣръ, профессиональными союзами и т. п.) были объявлены «отечественной вспомогательной службой». Всѣ, кто до сихъ поръ стоялъ въ сторонѣ отъ такой службы, должны вступить въ нее, какъ только будутъ къ ней призваны соответственными органами власти. Кто не вступаетъ добровольно въ теченіе извѣстнаго срока на мѣсто по собственному выбору, привлекается принудительно по назначенію властей. Право перехода изъ одного предприятия въ другое ограничено согласіемъ предпринимателя или разрѣшеніемъ особаго комитета. Само собою разумѣется, что закономъ для вспомогательной службы отмѣняется право стачекъ, хотя право собраній и союзовъ за рабочими сохраняется. Всѣ конфликты, возникающіе въ предприятияхъ вспомогательной службы, разрѣшаются обязательнымъ третейскимъ судомъ съ участвіемъ представителей отъ предпринимателей и рабочихъ.

Значительная часть тѣхъ ограниченій, которыя вводятся новымъ

германскимъ закономъ, еще въ 1915 г. была введена въ Англии въ примѣчани къ производствамъ, связаннымъ съ нуждами войны. Но основной его принципъ, — рабочая повинность, — представлялся доселѣ требованіемъ столь революционнымъ, что передъ его введеніемъ въ жизнь остановилось въ нерѣшительности англійское правительство, хотя крайне консерваторы давно уже проповѣдовали въ Англии его необходимость. Германия оказалась здѣсь впереди своихъ соперницъ. Но радикальное рѣшеніе вопроса въ Германіи заставило вновь поставить его на очередь въ прочихъ воюющихъ странахъ. Германия какъ-бы установила своимъ примѣромъ новый предѣлъ въ милитаризаціи страны, въ подчиненіи нуждамъ войны всего ея обихода. Почти не подлежитъ сомнѣнію, что за нею въ концѣ концовъ волей неволей послѣдуютъ въ томъ-же направленіи Англія и Франція. Во Франціи соответственный законопроектъ уже внесенъ въ сенатъ. Въ Англии новый планъ мобилизаціи труда былъ возвѣщенъ въ программной рѣчи Ллойда-Джорджа. Во главѣ завѣдующаго мобилизаціей департамента поставленъ лордъ-мэръ Бирмингема Невилль Чемберленъ, сынъ извѣстнаго государственнаго дѣятеля. Въ первую очередь будетъ объявленъ добровольный наборъ рабочихъ не только для военной промышленности въ узкомъ смыслѣ слова, но также для сельского хозяйства и для другихъ «жизненныхъ» отраслей труда. Въ случаѣ неудачи добровольнаго набора Ллойдъ-Джорджъ обѣщаль предложить парламенту билль о рабочей повинности.

Концентрація власти, сосредоточеніе ея въ рукахъ болѣе рѣшительныхъ имперіалистическихъ элементовъ, милитаризація экономической жизни, ея подчиненіе велѣніямъ, исходящимъ отъ государственной организаціи, сокращеніе свободы хозяйственной дѣятельности съ явнымъ ущербомъ для интересовъ труда, — таковы основныя черты политической и социальной эволюціи западно-европейскихъ странъ за истекшій годъ, таковы наиболѣе бросающіяся въ глаза отраженія великой войны во внутренней жизни воюющихъ государствъ. Особенно наглядны этотъ процессъ въ Англии и Германіи. Но нѣтъ сомнѣнія, что въ формахъ, можетъ быть, менѣе отчетливыхъ, сложнаясь противодѣйствіемъ иныхъ теченій, онъ идетъ во всѣхъ затронутыхъ войной странахъ Западной Европы.

В. Волгинъ.

ИЗЪ ИТАЛІИ.

Передъ огромными закрытыми воротами задняго входа въ универсальный магазинъ *Unione Militare* насъ толнится тысячи двѣ народу. Заманчиво блѣбеть плакатъ: «Продажа сахару отъ 3-хъ до 6-ти». Ждать недолго — съ полчаса, но при взглядѣ на эту массу людей, въ чьихъ взорахъ написана безшворотная рѣшимость и отчаянье, невольно беретъ оторошь: «Ну, тутъ врядъ-ли дорвешься до сахару!» Охраняющихъ входы человекъ 20 представителей всѣхъ видовъ полицейскаго оружія, явно сознающихъ всю бесполезность своего пребыванія здѣсь: что подѣлаешь съ эдакой лавиной, прущей безо всякаго порядка и зазрѣнія совѣсти? Вчера вотъ, въ другомъ отдѣленіи магазина, она прорвалась, снесла всѣ заруды, расхвстала аккуратно приготовленные кульки сахару. О правильной уплатѣ ужъ, конечно, не могло быть и рѣчи...

Въ толпѣ преобладаетъ элементъ трудовой и, слѣдовательно, несимущій: мастеровые, солдаты, носильщики, прислуга, простовольная баба — шляпокъ почти не видать. Тѣсная физическая близость — болѣе, чѣмъ это было бы желательно: на одномъ моемъ плечѣ покоится локоть саженнаго моряка, въ бокъ упирается голова весьма подвижнаго мальчугана, и весь я въ какомъ-то полудлечемъ положеніи, — весьма располагаетъ къ оживленному обмѣну мѣнлями, — ге весьма, по правдѣ сказать, дружественными, ибо каждый чувствуетъ себя лицомъ потерпѣвшимъ, и альтруистическихъ проявленій тутъ ужъ не жди. Вотъ, впереди меня одна не особенно привлекательной наружности женщина, разгнѣванно обрушивается на своего сосѣда, пожилого уже факкино, заподозривъ съ его стороны нѣкоторыя покушенія на ея дѣвичью стыдливость. Тотъ, сплюснкой попыхивая своей трубкой, небрежно отрывается: «Милая моя, вы вовсе уже не такъ хороши собой...»

Мой маленький сосѣдъ заливается оглушительнымъ жеребьячимъ ржаньемъ, матросъ лукаво подмигиваетъ находчивому факкино... «При чемъ тутъ моя красота?» — не унимается, задѣгая въ лучшихъ чувствахъ дама, но тутъ происходитъ нѣчто необразимое, я теряю изъ виду и даму, и факкино, и всѣхъ своихъ сосѣдей, и самого себя: проткрылись ворота, и начался, съ позволенія сказать, пропускъ. Полиція дѣлаетъ какія-то безнадежныя попытки внести порядокъ, установить очереди, но черезъ нѣсколько минутъ, махнувъ рукой, исчезаетъ изъ толпы, чтобы не увеличивать безпорядка. Черезъ три четверти часа волна прибила меня, наконецъ, истерзаннаго и безпамятнаго, къ завѣтнымъ воротамъ.

— две пара минутъ, и я — «тамъ, внутри», получено было сахару и, бережно прижимая драгоценную ношу, возвращаюсь домой, хотя и съ помятыми боками, но съ гордымъ чувствомъ побѣдителя.

Такъ было въ октябрѣ и въ началѣ ноября. Теперь, когда я пишу эти строки, сахарное «наводненіе», слава Богу, миновало. Надолго-ли — это вопросъ другой, на который отвѣтить никто не возьмется...

Сахарное «недоразумѣніе» было здѣсь въ Римѣ, пожалуй, первымъ по силѣ непосредственнымъ ударомъ войны по обывателю. Разумѣется, онъ чувствовалъ ее и прежде: не говоря уже о широкой мобилизации, волей-неволей приобщающей чуть-ли не каждую семью къ дѣлу войны, — растущее съ каждымъ днемъ вздорожаніе жизни внесло замѣтное измѣненіе въ бытовой укладъ жизни. Но до сихъ поръ приходилось только платить дорого за продукты, доставать же ихъ можно было въ прежнихъ неограниченныхъ размѣрахъ. Съ фактомъ же отсутствія нужнаго продукта обыватель столкнулся впервые лишь теперь, на 17-й мѣсяць войны, и вопросъ о цѣнѣ сахара сразу етопшелъ на второй планъ: вѣдь, въ концѣ концовъ, съ дороговизной *психологически* еще можно примириться — явленіе это знакомое по нормамъ жизни и мирнаго времени. Въ началѣ войны мы платили здѣсь за сахаръ 1,7 л. — 1,8 л. за килограммъ, въ октябрѣ этого года — 2,1 лиры. Въ серединѣ октября правительство, въ нѣсляхъ ограниченія потребления по официальной верси и съ явно фискальными намѣреніями по существу, сразу подняло обложеніе на 45 лиръ за квинталъ, такъ что цѣна за песокъ была установлена въ розничной продажѣ — 2,55 л. за килограммъ! Скачокъ довольно значительный, и публика встрѣтила эту новость, конечно, безъ особаго энтузіазма. Но на этотъ разъ не успѣли и пороптать, такъ какъ повышеніе цѣны на сахаръ совпало съ полнымъ его исчезновеніемъ на рынкѣ. О причинахъ обыватель толковалъ по разному: тутъ и трудности доставки изъ-за океана, и всемогущая, мистическая «спекуляция», и отсутствіе нужной организаци, и чрезвычайная «запасливость» имущихъ слоевъ населенія (мнѣ рассказывали про одну богатую семью, приобрѣвшую, «на всякій случай» — *квинталъ* сахару! Предусмотрительность, не уступающая проявленной знакомою леди мистера Бритлинга, которая накупила большіе запасы ваксы въ началѣ войны...). Какъ бы то ни было, сахару не было, а какъ распредѣлялись первыя полученныя его партіи, я выше далъ блѣдную картину.

Такъ начали мы чувствовать войну. Наряду съ сахаромъ выступили на сцену и другіе продукты. Переживаемъ, на примѣръ, сильный яичный кризисъ. Прежде яйца вывозились въ огромномъ количествѣ въ Швейцарію. Удалось добиться запрещенія вывоза, послѣ чего, казалось бы, о недостаткѣ не могло быть и рѣчи. Но случилось вотъ что: начали устанавливать «твердыя цѣны», причѣмъ дѣлалось

это совершенно по российски, — каждый «городъ» проявлялъ собственный «норовъ». Римскій префектъ захотѣлъ перецеголовать всѣхъ прочихъ и установилъ совершенно не соответствующую состоянію рынка цѣну въ 14 сантимовъ за яйцо. Ясно, что яицъ сейчасъ же не стало въ городѣ: продавцы стали припрятывать до лучшихъ времени, а оптовики направляли свои партіи въ другія мѣста, какъ, на примѣръ, въ Неаполь, гдѣ яйца продавались по 17—18 сантим. за штуку. Покупатели бѣгали съ просительными лицами по молочнымъ лавкамъ, предлагая любую цѣну; полиція дѣлала обыски и арестовывала торговцевъ, укрывавшихъ товаръ, а черезъ нѣкоторое время префектъ опубликовалъ новый декретъ, гдѣ такса была поднята до 16 сантимовъ. Тогда стали появляться яйца, правда, все еще въ очень ограниченномъ количествѣ: теперь продаютъ по 5 штукъ на душу, причежь частенько и этихъ 5 яицъ не оказывается. Нерѣдко возникаютъ трудности съ получениемъ масла, молока. Вводятъ два постныхъ дня въ недѣлю: по четвергамъ и пятницамъ не будутъ продавать мяса. Словомъ, съ каждымъ днемъ желѣзные объятія войны становятся все ощутительнѣе для обывателя. — Надо экономить! — вотъ основной лозунгъ тылового дня, настойчиво повторяемый министрами, депутатами, комитетами, журналистами, — тѣми самыми журналистами, которые еще такъ недавно жестоко осмѣивали германскіе призывы къ экономіи, радостно усматривая въ нихъ призракъ голода, который поможетъ добить «прусскій милитаризмъ». Но одно дѣло призывать къ экономіи, а другое — организовать ее. А при самомъ благожелательномъ отношеніи къ организационнымъ дарованіямъ Италии, — нельзя признать очень счастливымъ методъ, при которомъ однимъ дается возможность приобретать сахаръ квинталами, а другимъ — платиться бочками и прочими частями тыла (у одной дамы вырвали при сахарной атакѣ сережки вмѣстѣ съ мясомъ), добывая фунтъ того же добра; или когда одинъ городъ переманиваетъ продукты у другого; или когда ограничиваютъ продажу какого-нибудь товара, не прибѣгая къ карточной системѣ, что сводитъ всю «экономію» къ фикции: въ одной лавкѣ мнѣ не выдадутъ больше 5 яицъ въ день, но я могу обойти 5 и больше лавокъ, не говоря уже о томъ, что то же могутъ продѣлать всѣ мои чада и домочадцы; точно также, зная, что въ четвергъ и пятницу не продадутъ мяса, я въ среду куплю на три дня — зимой сохранить не трудно. Дѣло здѣсь, разумѣется, не въ недостаткѣ организационныхъ способностей *an und für sich*, а въ томъ, что энергично проведенная желѣзная «экономія» нации, — цѣлью своей имѣющая минимальное расточеніе національнаго богатства и максимальное облегченіе положенія немущихъ и маломущихъ слоевъ, — сталкивается со множествомъ весьма сильныхъ и влиятельныхъ «интересовъ». Вспомнимъ исторію введенія хлѣбной монополии въ Германию и поведеніе аграріевъ. Казалось бы, въ Италия съ ея внешне-демократическимъ режимомъ легче пребороть всяческія шрепоны, но въ

дѣйствительности всѣ ея социальныя мѣропріятыя времени войны по отношенію къ имущимъ классамъ провинцнаты необычайной... осторожностью. Почему это такъ, здѣсь не мѣсто распространяться...

Очень любопытна и поучительна въ этомъ отношеніи картина муниципальнаго хозяйства въ разныхъ городахъ Италіи: наиболее дорога жизнь тамъ, гдѣ у «кормила власти» стоятъ имущіе классы, между тѣмъ, самый крупный и промышленный центръ страны—Миланъ, управляемый, какъ извѣстно, социалистами—теперь самый дешевый городъ Италіи. Изъ таблицъ, публикуемыхъ въ официальномъ органѣ Министерства Промышленности, видно, что въ Миланѣ даже наблюдается тенденція къ прогрессивному паденію нѣкоторыхъ цѣнъ, что объясняется крайне осмотрительной и заботливой къ широкимъ массамъ экономическою политикою администраціи. Выдѣляется образцовой постановкой продовольственнаго дѣла и социалистическая Болонья, гдѣ, правда, жизнь дороже, но по независимымъ обстоятельствамъ: городъ находится въ военной зонѣ.

Нельзя сказать, чтобы правительство предоставило все «свободной игрѣ силъ» и не проявляло воли къ планообразной организаціи продовольственнаго дѣла: съ августа мѣсяца здѣсь существуетъ, такъ называемая, «центральная продовольственная коммиссія» («Commissione centrale per gli approvvigionamenti») съ довольно широкимъ участіемъ общественныхъ дѣятелей (въ числѣ ея членовъ значатся и три социалиста: синдикъ Болоньи, докторъ Дзанарди, депутатъ проф. Пуччи—ветеринаръ и извѣстный кооперативный дѣятель Верньянини). Коммиссія располагаетъ довольно обширными правами: она опредѣляетъ импортъ и реквизицію продуктовъ, необходимыхъ для населенія; устанавливаетъ ихъ цѣны и условия продажи; предлагаетъ средства для борьбы съ дороговизной и т. п. За три мѣсяца своего существованія она продѣлала уже довольно значительную работу, въ будущемъ ей придется, несомнѣнно, поработать еще больше, но не надо забывать, что рамки дѣятельности все же ограничены: трудно всерьезъ бороться съ дороговизной техническими мѣрами, когда наталкиваешься, напр., на все растущее обложеніе продуктовъ массоваго потребленія, какъ это имѣло мѣсто съ сахаромъ. Тутъ нужны другіе методы борьбы...

При всей своей серьезности, положеніе продовольственнаго дѣла въ Италіи все еще достаточно благополучно, особенно, если мѣрять на русскій масштаб... Косвеннымъ этому доказательствомъ можетъ служить тотъ фактъ, что общественное мнѣніе еще до сихъ поръ удѣляетъ ему меньше вниманія, чѣмъ вопросу о «послѣвоенной» хозяйственной организаціи. Проблемѣ «dopo - guerra» посвящаются здѣсь большія статьи въ газетахъ и журналахъ; производятся анкеты, читаются лекціи; политическія партіи и рабочія профессиональныя организаціи въ опредѣленныхъ резолюціяхъ выражаютъ свои desiderata; наконецъ, имѣемъ рядъ интересныхъ правительственныхъ мѣропрія-

ти въ этомъ направленіи. Говорить о содержанніи этой любопытной работы общественной мысли en passant невозможно: она заслуживаетъ отдѣльнаго обстоятельнаго разсмотрѣнія. Мы здѣсь только отмѣчаемъ ее, какъ характерную психологическую черту.

Очень возможно, что все усложняющаяся дѣйствительность вынудитъ скоро и здѣсь, какъ въ Россіи, цѣликомъ отдаться текущимъ злобамъ продовольственнаго дня: октябрьскій кризисъ явился довольно серьезнымъ предостереженіемъ. Теперь съ каждымъ днемъ жизнь все болѣе и болѣе напоминаетъ обывателю, что онъ живетъ, увы! въ не совсѣмъ обычную эпоху. На-дняхъ ввели, на-примѣръ, закрытіе всѣхъ кафэ, рестораноу, бароу и т. п. учрежденій въ 10½ часовъ вечера. Уличное освѣщеніе уменьшено наполовину. Проектируется раннее закрытіе театроу и прекращеніе трамвайнаго движенія до полуночи. Все это измѣненіе обычнаго уклада городской жизни создаетъ особый «фонъ», невольнo приближающій обывателя къ мрачной трагедіи траншей. Официальной мотивировкой всѣхъ этихъ мѣропріятій является все та же «экономія», но многие склонны въ нихъ видѣть опредѣленные дидактическія цѣли. Слишкомъ уже рѣзокъ былъ до сихъ поръ контрастъ между «фронтомъ» и «тыломъ» — городскимъ по преимуществу. Шикарные туалеты, головокружительныя шляпы, переполненныя увеселительныя мѣста — все это въ малой степени соотвѣтствовало представленію о «гражданской скорби». Господа журналисты умудрялись, правда, усматривать въ этомъ «пирѣ во время чумы» доказательство необычайной крѣпости національнаго духа и высокой патриотической сознательности населенія... Трудно сказать, какъ относятся сами военные, пріѣзжающіе съ фронта въ отпускъ, къ указанному контрасту: быть можетъ, радуются царящему «веселью» и охотно сами погружаются въ него съ головой на нѣсколько короткихъ дней своего отпуска; быть можетъ, недоуютъ и ужасаются, — оцѣнка тутъ зависитъ отъ индивидуальныхъ свойствъ того или иного лица. Но несомнѣнно единодушно отношеніе къ тѣмъ изъ счастливицеу, которыхъ милостивая судьба освободила отъ всѣхъ мытарствъ траншейнаго бытія, устроивъ на удобныхъ и спокойныхъ тыловыхъ позиціяхъ, хотя и съ обязательствомъ ношенія военной формы.

Надо думать, что недовольство дало себя знать достаточно сильно, о чемъ свидѣтельствуетъ циркуляръ, изданный главнокомандующимъ ген. Кадорна 22 ноября с. г. и опубликованный всей итальянской прессой. Начинается онъ слѣдующимъ образомъ: «Я замѣтилъ, что нѣкоторые офицеры и солдаты, особенно въ городахъ военной зоны, ведутъ образъ жизни, находящійся въ кричащемъ противорѣчій съ лишеніями и самопожертвованіемъ войскъ въ траншеяхъ, и рѣшительно контрастирующій со строгостью поведенія и обычаевъ, обязательной въ настоящій моментъ, — что справедливо вызываетъ суровыя сужденія страны». Съ цѣлью дисциплинировать

поведение этихъ тыловыхъ военныхъ (рѣчь идетъ все о военной зонѣ, охватывающей 11 провинцій) циркуляръ устанавливаетъ рядъ правилъ, регулирующихъ и ограничивающихъ право выхода изъ казармы, появление въ кафэ, ресторанахъ и т. п. мѣстахъ; запрещаетъ принимать участие въ театральныхъ зрѣлищахъ въ качествѣ исполнителей, «хотя бы спектакль и предсталъ подъ мишурнымъ блескомъ свѣтской благотворительности» («anche se spettacolo stesso si offra sotto la lustra della carità mondana»); напоминаетъ строжайшій запретъ появляться на улицахъ или общественныхъ мѣстахъ въ сопровожденіи «веселыхъ компаній» («in facili compagnie») и т. п. Въ заключеніе, циркуляръ призываетъ военныхъ, «въ особенности офицерство», къ образу жизни, отвѣчающему историческому моменту, переживаемому націей, и той возвышенности мыслей и чувствъ, которыя являются священнымъ долгомъ для тѣхъ, кто долженъ посвятить все силы собственнаго тѣла, интеллекта и сердца, защитѣ короля и родины»...

Надѣли двѣ тому назадъ мнѣ привелось быть очевидцемъ весьма любопытнаго зрѣлища: это было 19 ноября, воскресенье, день открытія зимняго сезона симфоническихъ концертовъ. Огромный залъ знаменитаго «Augusteo», вмѣщающій, кажется, тысячи четыре народу, былъ переполненъ, какъ это всегда бываетъ на концертахъ Аргуро Тосканини. Все шло, какъ полагается, до того пункта программы, гдѣ значилось имя Вагнера. Едва оркестръ успѣлъ взять первыя ноты изъ «Зигфрида», какъ вдругъ съ амфитеатра раздался звучный окрикъ: «Basta!» и на партеръ посыпались листки, весьма патристичныя даже по одному своему вѣшнему виду. Поднялось нѣчто невообразимое: крики, свистъ, топотъ... «Вонъ, вонъ, вонъ! Вывести его! убрать!» А герой событія, коренастый съ брюшкомъ мужчина за сорокъ, багровый и взволнованный, но весь свѣтящійся отъ самодовольства, что-то такое пытается говорить, горячо жестикулируя. Изъ-за шума ничего не слышно, доносятся лишь обрывки фразъ, вроде: «Въ то время, какъ въ траншеяхъ... Ничего нѣмецкаго» и т. п.

Къ оратору приближается полицейскій бригадиръ и приглашаетъ его пожаловать съ собой. Тотъ отказывается. Между тѣмъ возбужденіе въ толпѣ растетъ все болѣе и болѣе. Въ разныхъ углахъ зала всыхиваются отдѣльныя стычки, — очень, правда, немногочисленныя, такъ какъ сочувствующихъ пламенному патриоту едва ли, къ чести итальянской публики, набралось больше десятка. Когда «сотские, десятские» взяли подъ руки неутомимаго протестанта и уволокли силой, весь залъ разразился аплодисментами. Чтобы успокоить толпу, оркестръ исполняетъ національный гимнъ. Аплодисменты — и переходъ къ Вагнеру. «Шопотъ лѣса» изъ «Зигфрида» заканчивается подъ бурныя, неоднократно повторяющіяся оваціи.

Оркестръ приступаетъ къ другой вагнеровской вещи: «Похоронному маршу» изъ «Сумерекъ боговъ». Но едва палочка Тосканини успѣла извлечь первые нѣсколько звуковъ, какъ съ галерки доносится: «Это — для жертвъ Падуи!» Скандалъ вспыхиваетъ съ еще большей силой. Опять шумъ, гамъ, свистъ, ругательства. Кдѣ-то вступили въ драку. Кто-то кому-то швыряетъ визитную карточку въ лицо. Тосканини съ презрѣниемъ бросаетъ палочку на полъ и уходитъ. Концертъ сорванъ.

Въ теченіе цѣлой недѣли римская печать посвящала инциденту въ «Augusteo» мѣста гораздо больше, чѣмъ судьбѣ «младшей латинской сестры» — Румынии. Всѣ большія газеты были единодушны въ почтительномъ признаніи «высокихъ патристическихъ чувствъ», которыми де руководились организаторы скандала, но расходились въ оцѣнкѣ вопроса по существу. Мы не станемъ излагать всю эту обильную «литературу предмета», — нетрудно представить, что можетъ быть наговорено по этому поводу, — а сообщимъ лишь практический результатъ всего инцидента: нѣмецкіе композиторы сняты съ программы; Тосканини, заключившій контрактъ на 5 концертовъ, порвалъ его, уѣхавъ изъ Рима; а «Augusteo» предстоитъ тяжелый сезонъ....

Само по себѣ явленіе, конечно, незначительное: ну, будутъ сидѣть римляне безъ хорошихъ концертовъ—эжсе, подумаешь, лишеніе по нынѣшнимъ-то временамъ!.. Но въ этомъ маленькомъ скандальномъ происшествіи много символичнаго для современности вообще, итальянской—въ особенности...

Въ демократической странѣ, гдѣ воля большинства должна была явиться закономъ, ничтожная кучка въ 10 человѣкъ навязываетъ свою волю какъ разъ этому многотысячному большинству! Въдь представить себѣ подобный исходъ вышеописаннаго инцидента въ мирное время совершенно невозможно. Только современность создала для любителей скандальныхъ сшущеній и темныхъ дѣлъ могучій талисманъ, отворяющій имъ всѣ Сезамы; только она позволила этому «инициативному меньшинству» господствовать и терроризовать большинство, инициативой, увы, не отличающееся... Четыре тысячи человѣкъ пришли послушать Вагнера, среди нихъ много военныхъ, вернувшихся съ фронта. Но вотъ подымается милостивый государь и говорить, что, по его мнѣнію, слушать Вагнера *непатристично*.— и четыре тысячи человѣкъ не слушаютъ, не будутъ слушать Вагнера, хотя и хотаятъ этого: милостивый государь располагаетъ талисманомъ, дѣлающимъ его сильнѣе четырехъ и больше тысячъ народу...

Когда этимъ лѣтомъ акціонерныя общества, банки, промышленныя предприятия и т. п. учрежденія стали публиковать свои годовые отчеты, изъ которыхъ стали проглядывать фантастическія цифры доходовъ, — общественное мнѣніе почувствовало себя скандализ-

ваннымъ. Стали раздаваться голоса о необходимости положить какой-нибудь предѣлъ разыгравшимся аппетитамъ капиталистовъ. Правительство предприняло нѣкоторые шаги: повысило обложение сверхприбыли, запретило выдавать дивиденды выше 8% и т. п., но, во-первыхъ, эти мѣры сами по себѣ оставались паллативными, а во-вторыхъ, господа представители промышленности отлично сумѣли ихъ обходить. Такъ, чтобы не подвергать чистый доходъ фиску, значительная его часть причислялась къ основному капиталу, къ разнымъ резервнымъ фондамъ и т. п.

Сильное впечатлѣніе произвело здѣсь дѣло акционернаго пароходнаго общества «Navigazione Alta Italia.» Въ началѣ войны капиталъ его равнялся 5 милліонамъ лиръ. Первый годъ войны далъ ему 230% дохода, а за 7 мѣсяцевъ 2-го года, общество успѣло еще «заработать» 12½ милліоновъ, — всего около 27 милліоновъ чистой прибыли за 19 мѣсяцевъ на 5 милліоновъ основного капитала!. Когда состоялось годичное собраніе акционеровъ, эти господа, по совѣту своего юриконсультанта г. Пароди, создателя патріотичнѣйшаго римскаго «Messaggero» — постановили «распустить» общество... Долгихъ объясненій это рѣшеніе не требуетъ: правительственный декретъ не позволяетъ распределять дивидендовъ выше 8% на акцію, а такъ какъ почтенные акционеры горятъ желаніемъ поживиться исключительной добычей, то они и рѣшили съ этой цѣлью «распуститься», подѣлить денежки, а тамъ можно и новое общество создать, не менѣе доходное... Да отъ налоговъ на сверхприбыль освободиться.

Прокурорскій надзоръ возбудилъ дѣло, и роспускъ признанъ былъ незаконнымъ. Исходъ въ данномъ конкретномъ случаѣ для акулы неблагоприятный. Но если читатель подумаетъ, что онѣ проявили при этомъ какое-нибудь не то что угрызеніе совѣсти, а хотя бы смущеніе, то онъ ошибается. Казалось бы, самое элементарное чувство стыда должно было бы побудить этихъ современныхъ алхимиковъ, превращающихъ въ золото кровь и слезы, быть скромнѣе въ обращеніи со вселяемыми «жалкими словами», вродѣ — любовь къ отечеству, патріотизмъ, самопожертвованіе и т. п. Но не тутъ то было: изъ всѣхъ своихъ силъ они бросились въ контръ-атаку на «антипатріотовъ», «сабатчикковъ войны», «нѣмецкихъ агентовъ», которые де подъ видомъ борьбы со сверхприбылями ведутъ демагогическую кампанію противъ войны. Импералистская «L'Idée Nazionale» взывала къ цензурѣ, требуя прекращенія «преступной пропаганды»; апеллировала къ государственной мудрости правительства, которое не должно дать увлечь себя въ игру, затѣянную врагами войны и отечества. и т. д. въ томъ же духѣ. Въ пылу полемики было высказано немало заповѣдныхъ мыслей и цѣнныхъ признаній. Такъ, въ официальномъ органѣ итальянскихъ биржъ «Momento Economico e Finanziario», былъ преподавъ совѣтъ не забывать слѣдующаго, «весьма простаго» факта: «... что именно почти увѣренная надежда въ богатыхъ за-

работках («luti guadagni») была *единственной* пружиной, толкнувшей такъ много народа посвятить себя съ рвениемъ, даже съ отвагой и небывалой интенсивностью, производству военного материала. Никакая сила государства, никакой приказъ Князя никогда не смогли бы заставить забить ключемъ большую, широкую, могучую индустрию войны, создавшуюся *исключительно* изъ *увереннаго* ожидания экстраординарныхъ заработковъ...

Силлогизмъ весьма простъ и краснорѣчивъ: государство нуждается въ индустрии, безъ которой не сможетъ вести войну, а индустрия существуетъ лишь въ надеждѣ на богатые заработки. Ergo, кто покушается на эти «заработки», покушается на самую войну, а кто покушается на войну... Продолжение излишне... «Логика сильна, и передъ ней пасуютъ правительство и страна. И въ результатъ, нѣсколько милостивыхъ государей переживаютъ веселую четверть часа. Они полны гордымъ сознаниемъ важности возложенной на нихъ исторической миссии, чувствуютъ свое превосходство надъ толпой, ея полное безсилie противъ нихъ, — ибо и они, подобно скандалистамъ въ «Augusteo», одѣлены талисманомъ, дѣлающимъ ихъ недосытаемыми, — не говоря уже о 230% чистаго дохода... Эта публика прекрасно вжилась въ войну, если можно такъ выразиться. Ничего въ ней не теряя, она все выигрываетъ. Немудрено, что ей не улыбается прекращене героическаго периода истории, отнюдь не сулящее розовыхъ перспективъ... Она мечтаетъ о «полной побѣдѣ», но побѣда никогда не будетъ для нея полной, ибо съ каждымъ днемъ передъ ней вырастаютъ новыя «историческія задачи», и къ завоеванію все новыхъ «идеаловъ» готова она вести легионы... Время уже такое... удачливое... «Auf des Degens Spitz» die Welt jetzt liegt... Дерзай, гоняйся за царствами и коронами: «Es sitzt keine Krone so fust und so Loch, Der muthige Springer erreicht sie doch»...

И растутъ, растутъ все новыя «программы», выступаютъ на сцену «компенсаци», вышльваютъ никому невѣдомыя географическія названія.. При такой изумительной и похвальной энергии и бодрости національнаго духа нѣтъ ничего удивительнаго, что принимаются въ штыки всякія напоминанія и намѣренія, лежащія поперекъ героической дороти. Такъ, въ настоящее время большое и единодушно направленное оживленіе вызвало предложеніе («propono») парламентской группы социалистовъ, которое будетъ обсуждаться при открытіи декабрьской сессіи палаты. Социалисты приглашаютъ палату побудить итальянское правительство, чтобы оно взяло на себя инициативу передъ другими союзными правительствами совместно созвать, при посредствѣ нейтральныхъ государствъ, конференцію представителей воюющихъ странъ для обсуждения вопроса о мирѣ — на основѣ отказа отъ насильственныхъ аннексій, права націй на самоопредѣленіе, международнаго арбитража и т. п. Ясно, что это предложеніе «германскаго мира» не могло не вызвать чувствъ безкорыст-

наго гражданскаго негодования со стороны всѣхъ патриотовъ, готовыхъ сражаться («безъ увѣчья, безъ увѣчья») «жюскобу»...

«Для всего существуютъ свои сроки, и для всякаго дѣянія подъ небомъ есть свое время... Время убивать и время исцѣлять; время разрушать и время создавать; время любить и время ненавидѣть — время войны и время мира».

Такъ сказано въ Эклезіастѣ. Такъ говорятъ идеологи современныхъ событий...

Риф. Григорьевъ.

ИТОГИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ВЪ СОЕД. ШТАТАХЪ.

(Письмо изъ Америки.)

Восемь часовъ вечера; 7-ое ноября — день выборовъ, голосованія. Сегодня ночью рѣшится вопросъ, кому быть президентомъ великой республики на 4-годишный срокъ, каковъ будетъ составъ обѣихъ законодательныхъ палатъ — конгресса (палаты депутатовъ) и сената, кто окажется избраннымъ на рядъ административныхъ должностей и въ мѣстныхъ законодательныхъ палаты штатовъ.

Избирательная кампанія закончена. Дѣловое напряженіе послѣднихъ мѣсяцевъ позади. Теперь остается ждать результатовъ. Наступаетъ часъ, когда страна услышитъ «гласъ народа».

Парикмахерскія, прачечныя заведенія, конторы и просто лавочки, обращенныя на этотъ день въ избирательные участки, закрыты. Ихъ охраняютъ полицмены. Толпы избирателей спѣшатъ теперь къ редакціямъ газетъ, къ административнымъ учрежденіямъ, къ ратушѣ, тѣснятся у входовъ въ синематографы, въ ожиданіи первыхъ извѣстій о ходѣ выборовъ, которые должны появиться на свѣтовыхъ экранахъ. Состоятельная публика наполняетъ театры, рестораны, клубы.

Но, несмотря на то, что улицы «мироваго города» запружены народомъ, что вереницѣ автомобилей нѣтъ конца, что толпа возлѣ «Times square» и «City Hall» растетъ и растетъ, отсутствуетъ та атмосфера повышеннаго ожиданія, которая говоритъ о серьезности момента. Много ненужнаго шутовства въ толпѣ: гудки, трубы, трещетки, насвистываніе надѣвшихъ уличныхъ мотивовъ. На лицахъ больше любопытства, чѣмъ серьезнаго, напряженнаго нетерпѣнія.

Избирательная кампанія протекала, вообще, вяло, безцвѣтно, безъ подъема. Казалось, будто ей не хватало политическаго нерва, будто вниманіе, интересъ избирателя, особенно демократическаго, отвлеченъ въ другую сторону. Шаблонно звучали рѣчи кандида-

товъ двухъ основныхъ буржуазныхъ партій¹, демократовъ и республиканцевъ, вяло и мертво велась «весьма корректная» газетная полемика между борющимися сторонами. И невольно напрашивалась мысль, что отъ современныхъ, застывшихъ формъ буржуазнаго парламентаризма, отъ этого высшего проявленія буржуазно политической мудрости — отлетѣлъ «духъ живой»... Слишкомъ явно противорѣчитъ внѣшняя оболочка политическаго демократизма внутренней капиталистической сущности, слишкомъ явно, рядомъ ловкихъ, побочныхъ манипуляцій, обращается парламентская машина въ послушное орудіе промышленныхъ олигарховъ.

Избирательная кампанія и связанная съ ней борьба политическихъ теченій приобрѣтала жизнь, становилась напряженной, возбуждала страсти только тамъ, гдѣ въ нее вмѣшивались социалисты, тамъ, гдѣ социалистическая партія отстаивала свои ясно обозначенныя программныя требованія противъ пышноцветныхъ, но весьма неопредѣленныхъ обѣщаній демократовъ и республиканцевъ.

Какъ и въ предыдущія избирательныя кампаніи, социалисты выставляли своихъ кандидатовъ въ обѣ законодательныя палаты и на постъ президента республики. Во время четырехъ избирательныхъ кампаній социалисты намѣчали своимъ кандидатомъ Ев. Дебса. Его кристально чистая личность, мощь его ораторскаго таланта, его преданность собственному классу (Е. Дебсъ бывший машинистъ, создатель «железнодорожнаго братства») дѣлали изъ Дебса одну изъ популярнѣйшихъ фигуръ страны, что давало поводъ буржуазнымъ партіямъ утверждать, что успѣхъ Дебса объясняется не силой социалистической партіи, а обаяніемъ личности кандидата.

На этотъ разъ социалисты выставили новаго кандидата на постъ президента—Алана Бенсона. Ал. Бенсонъ, писатель и горячій агитаторъ, завоевавшій популярность своей устойчивой отрицательной позиціей къ вопросу о милитаризаціи края. Его рѣзкія статьи въ соц. еженедѣльникѣ «Appeal to reason» производили много шума и сосредоточивали вокругъ него лишь радикальнаго образа мысли.

Кандидатами въ конгрессъ социалисты намѣчали Мориса Хилькеита и Мейера Лондона (единственный депутатъ-социалистъ въ парламентѣ предыдущаго призыва) отъ Нью-Йорка, Виктора Бергера и Гейлорда отъ Штата Висконсинъ, Е. Дебса отъ Терра-Хаутъ (Индиана) и Сталлара отъ Штата Оклахома. Соц. партія выставляла также кандидатовъ въ палаты Штатовъ, кандидатовъ на постъ мэра, прокурора, шерифовъ и т. д.

Буржуазныя партіи не безъ тревоги слѣдили за предвыборной дѣятельностью социалистовъ. Прошло то время, когда борьба между

¹ Передъ началомъ избирательной кампаніи, въ юлѣ между прогрессистами и республиканцами произошло вновь объединеніе.

² Еженедѣльникъ «Appeal to reason» одинъ изъ наиболѣе распространенныхъ въ Соед. Штатахъ периодическихъ органовъ социалистическаго направленія. Тиражъ этой газеты достигаетъ 350.000.

двумя флангами буржуазии — демократами и республиканцами, поглощала всю энергию, когда старые партии могли игнорировать «горючку смутьяновъ». На этот раз буржуазии пришлось напрягать все усилия, чтобы отстаивать своих ставленников там, где имѣлся и кандидат отъ рабочихъ, чтобы уберечь конгрессъ отъ вторжения нежелательнаго краснаго элемента. Въ тѣхъ округахъ, где опасность казалась особенно великой, республиканцы и демократы выставляли общаго кандидата. Передъ лицомъ новой опасности блѣднѣли старые распри. Да и по существу своему американской буржуазии довольно безразлично, которая изъ двухъ «старыхъ партий» побѣдитъ, кто изъ нихъ окажется у кормила правления? Важно лишь одно: уберечь сенатъ и конгрессъ отъ постороннихъ вляній, не допустить къ парламентской машинѣ, такъ прекрасно работающей сейчасъ въ духѣ трестированнаго капитала, контролирующаго оба явной оппозици...

Теперь, въ день 7-го ноября, борьба была позади. Кто же окажется побѣдителемъ?

Къ 9 часамъ на свѣтовыхъ экранахъ стали появляться вѣсти, сразу поднявшія интересъ къ исходу выборовъ. Результаты голосования съ удивительной повторностью, почти безъ скачковъ и колебаній, показывали, что рѣшительная побѣда клонится въ сторону республиканской партии и м-ра Хюза.

За Ч. Хюза высказались не только промышленные, густо населенные штаты: Пенсильванія, Илинойсъ, Мичиганъ, Висконсинъ, но самъ мировой городъ, сердце Америки — Нью-Йоркъ. Толпа заволновалась. Слишкомъ легко давалась побѣда республиканцамъ. Чувствовалось почти разочарование за отсутствие того «азарта», когда чаша выборныхъ вѣсовъ склоняется то въ одну, то въ другую сторону и когда американскому буржуазному избирателю начинаетъ казаться, что онъ присутствуетъ не при подсчетѣ избирательныхъ голосовъ, а при захватывающемъ «мэтчѣ» въ футъ или безболль...

10 часовъ. Шумъ на улицахъ «западнаго» Нью-Йорка увеличивается. Республиканцы демонстративно ликуютъ; демократы свистятъ... Только въ восточномъ Нью-Йоркѣ, въ 12 и 20 округахъ, где живетъ рабочій людъ и где идетъ борьба между социалистическими и буржуазными кандидатами — настроеніе сдержанно-серьезное, напряженно-выжидательное...

Соц. партия не ждетъ особыхъ практическихъ результатовъ отъ проведения въ конгрессъ своихъ 5—6 кандидатовъ; но выборы это своего рода «смотръ силъ», и потому каждый лишній голосъ — само по себѣ завоеваніе, побѣда...

Къ полуночи избраніе Ч. Хюза на постъ президента кажется внѣ сомнѣній. Правда, не получены еще свѣдѣнія отъ цѣлага ряда западныхъ и средне-западныхъ штатовъ, неизвѣстно, какъ голосовала Калифорнія, за кого штатъ Орегонъ, Новая Мексика, не выска-

залась еще Индиана и густо-населенная скандинавами Минезота. Но республиканцы тѣмъ не менѣе ликуютъ. Въ клубѣ же демократовъ царить мрачное недоумѣние.

Родственники и друзья новоиспеченнаго президента спѣшатъ позжать ему руку, а репортеры, дежуряще у дверей его апшартамента въ отелѣ Асторъ, отмѣчаютъ, что супруга нѣжно лобзаетъ побѣдителя, и дочери уже начинаютъ мечтать о балахъ въ «бѣломъ домѣ»... М-ръ Хюзъ отходить ко сну побѣдителемъ, но, проснувшись на другое утро, узнаетъ, что былъ королемъ всего на часъ...

За ночь результаты голосованія переметнулись, и чапа вѣсовъ начинается клониться въ сторону Вудроу Вильсона. Для избранія президента требуется не менѣе 266 голосовъ выборщиковъ¹. Утромъ 8-го голоса выборщиковъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: 256 голосовъ за Вильсона, 231 голосъ за Хюза, подъ сомнѣннемъ 48 голосовъ выборщиковъ.

Три дня чаши избирательныхъ вѣсовъ качаются между обими кандидатами, склоняясь то въ сторону «переизбранія» Вильсона, то въ пользу новаго кандидата. Обнаруженная ошибка при слѣпномъ подсчетѣ голосовъ въ Калифорнии еще увеличиваетъ напряжение и дѣлаетъ исходъ еще болѣе гадательнымъ.

И только въ эти три дня выборы пріобрѣтаютъ въ глазахъ буржуазнаго избирателя тотъ захватывающій, волнующій, разжигающій страсти интересъ, котораго такъ отчетливо не хватало во время самой избирательной кампании. Wallstreet, нервъ банковской жизни Нью-Йорка, представляетъ собою настоящий «бѣдламъ», цѣнность бумагъ видоизмѣняется въ зависимости отъ колебаній выбораго маятника. Милліоны долларовъ, обезпечивавше пари на Вильсона и Хюза, циркулируютъ черезъ банки. Заключаются новыя пари; одни рискуютъ долларами, другіе сотнями, третьи десятками тысячъ... Въ крупныхъ пари все еще перевѣшиваетъ Хюзъ.

Газеты выпускаютъ экстренный листокъ за листкомъ. Въ семейныхъ домахъ, въ общественныхъ учрежденіяхъ — всюду одинъ разговоръ: кто побѣдитъ? Борьба за президентское кресло заслоняетъ исходъ выборовъ въ палаты и на административныя должности.

Но и сейчасъ, въ эти дни «азарта», не чувствуется у буржуазнаго избирателя, къ какому бы изъ двухъ лагерей онъ ни принадлежалъ, ни злобы, ни раздраженія на своего противника-побѣдителя. Въ концѣ концовъ борьба республиканцевъ и демократовъ «дѣло семейное». Кто бы ни побѣдилъ изъ нихъ, политическій курсъ страны, втянутый въ империалистическое русло, не измѣнится; въ концѣ концовъ все тѣ же «хозяева» Морганъ, Дипоны и Шифы будутъ диктовать политику странѣ. И это сознание успокаиваетъ, примиряетъ буржуазнаго избирателя съ исходомъ кампаніи. Остается отъ всей

¹) Выборы президента двустепенные.

«игры в борьбу» лишь одно приятное возбуждение и даже длящееся колебание чаши вѣсовъ лишь усугубляетъ удовольствие безобиднаго волнения... При такихъ условияхъ выборы — спортъ, своего рода азартъ... Вспоминаютъ, что страна уже два раза переживала подобный же эпизодъ: въ 1876 и 1884 г. Поговариваютъ о возможныхъ ошибкахъ при подсчетѣ голосовъ и о необходимости официального проверочнаго пересчета... Но, даже и въ эти минуты напряжения и выжиданія, буржуазныя партіи не измѣняютъ своей корректности другъ къ другу. Быть можетъ въ глубинѣ души ихъ объединяетъ одно общее чувство приятнаго облегченія — сознание, что въ конгрессъ попалъ всего одинъ лишь социалистъ, тотъ же Мейеръ Лондонъ, «лѣвизна» котораго особенно въ столь существенномъ вопросѣ, какъ «защита отечества», подлежитъ большому знаку вопроса.

Десятого ноября побѣда Вильсона признается окончательной. За нимъ въ избирательной коллегіи числится 272 голоса, за Хюзомъ 259. Хотя въ нѣсколькихъ Штатахъ результаты выборовъ все еще официально не установлены и хотя въ Калифорніи идетъ пересчетъ бюллетеней, но избраніе Вильсона уже не подвергается сомнѣнію. Запасъ шести голосовъ за Вильсономъ (для избранія нужно 266) достаточенъ, чтобы покрыть колебаніе въ сторону Хюза, еслибъ оно и обнаружилось. Изъ 19 милл. правоспособныхъ гражданъ и гражданокъ въ голосованіи приняло участие 15.952,146 человекъ. За Вильсона подано было 7.848,564 голоса, за Хюза 7.743,583, что показываетъ, что наклонъ чаши вѣсовъ въ сторону демократическаго кандидата былъ крайне незначителенъ. Вильсонъ побѣдилъ 105 тыс. голосовъ.

Демократическая партія получила незначительное большинство также въ сенатѣ и въ палатѣ депутатовъ.

Всего въ конгрессъ избрано: 215 демократовъ, 211 республиканцевъ, 1 прогрессистъ, 1 независимый, 1 протекционистъ и 1 социалистъ. Почти равное соотношеніе двухъ основныхъ буржуазныхъ партій увеличиваетъ значеніе представителей остальныхъ партій, такъ какъ отъ ихъ присоединенія къ той или другой парламентской группѣ будетъ зависѣть исходъ голосованія.

«Игра в борьбу» буржуазныхъ партій закончена. Теперь онѣ спокойно могутъ работать, поддерживая другъ друга, въ духѣ желательномъ для промышленныхъ королей. «Оппозиція» осталась за стѣнами парламента, и все очевидно становится, что именно за стѣнами американскаго Капитоля будетъ разыгрываться борьба двухъ противоположныхъ политическихъ теченій, будутъ скрещивать свои шаги представители капитала и представители труда...

* * *

Несмотря на то, что социалисты провели всего одного своего кандидата въ конгрессъ, партія можетъ зарегистрировать рядъ несо-

многих побед в других областях. Прежде всего: рост числа голосов, поданных за социалистического кандидата на пост президента Аллана Бенсона. За Бенсона голосовало 1.200.000, что означает увеличение социалистических голосов на 300.000 по сравнению с выборами 1912 г. «Подсчет сил» и при этих выборах подтверждает неуклонный рост политического самосознания рабочего населения Америки. Когда 1900 г. Ев. Дебс впервые номинирован был кандидатом в президенты, ему удалось собрать всего 97.000 голосов. При выборах 1904 г. за Дебса голосовало уже 408.000, в 1908 г. — 428.000, в 1912 г. — 900.000. Миллион с четвертью голосов, поданный при настоящих выборах за Бенсона, свидетельствует, что сдвиг избирателей в сторону рабочей партии наблюдается непрерывно. То же подтверждают успехи социалистических кандидатов при выборах в органы местного самоуправления и законодательные палаты отдельных Штатов. В штатные палаты избрано 19 социалистов: в штат Нью-Йорк (переизбран Шипляков от Бронзвила и избран Вайтгорн от Бруклина), Пенсильвания, Вермонт, Массачусетс (Ч. Меррил переизбран в 8 раз), Флорида, Монтана (3 депутата), Юта, Новая Мексика и штат Вашингтон. В штат Оклахома социалисты получили 90.000 голосов, избрали членом администрацию одного из округов и выбрали 6 шерифов.

В Висконсин от социалистов прошли два депутата в штатный сенат; голосами социалистов избран кроме того прокурор и шериф. В Миннеаполис (штат Миннесота) мэром города избран социалист О. Лирь. Это второй мэр-социалист в Америке: в Милвоке социалистам удалось в 1915 г. провести своего кандидата Хоэна.

Кандидату в конгресс Морису Хильквиту не хватало всего несколько сот голосов для избрания, и есть много оснований предполагать, что поражение Хильквита основано на не совсем-то «чистом» подсчете голосов¹. Социалисты намерены добиваться переизборов в округ Хильквита.

Социалистическая партия вела избирательную кампанию под лозунгом борьбы с милитаризацией Соед. Штатов. Собственно говоря, социалисты являлись единственной партией с ясно выраженной и точно формулированной платформой. Общ. буржуазные партии отщеплялись расплывчатыми, ни к чему не обязывающими общими туманно-общего характера, воздерживались от назначения более точной и определенной программы.

«Я стою за министерство, образованное из наиболее способных и энергичных людей всей нации, людей, которые способны бу-

¹ Возле избирательного участка округа Гарлем по настоянию сторонников Хильквита были арестованы подозрительные личности, в кармане которых найдено было 96 бюллетеней, поданных за Хильквита.

дуть разрешить сложные проблемы международной и внутренней государственной политики»... «Я стою за защиту американского флага, повсюду где Республика ведет свои торговые операции»... «Я стою за иностранную политику корректную по отношению к другим державам, но отстаивающую достоинство и интересы Америки»... «Я стою за мир, но за мир, при котором американец мог бы ходить с высоко поднятой головой, за мир обеспечивающий признание его прав», — распеваля Хюз на одной платформе, в то время, как Вильсон и демократы с соседних платформ тянули старья пैसेвки «о необычайном благоденствии» страны за годы «демократического правления» и общали и вперед вести страну по тому же пути процветания. При этом, разумелся, умалчивалось о неслыханной дороговизне, о том, что «благоденствие» касается лишь очень ограниченной кучки граждан великой республики, о том, что конфликты труда и капитала участились... Если Хюз с республиканцами общали народу международную политику с агрессивным духом, если Хюз, принимая воинственный вид, призывал граждан к усилению военной мощи страны, то не отставали в этой области и демократы. И Вильсон не скупился на обещания: соединить «мир» с ростом военных сил Соед. Штатов, удерживать дружеские отношения с соседями, в то же время направляя «твердой рукой» курс международной политики к признанию силы и достоинства «звездного флага»...

А сбигтый с толку избиратель, не искушенный в политических тонкостях, не зналь, на ком же, в конце концов, остановить свой выбор? Победа которой же из двух буржуазных партий общает стран больше «чести» в международных сношениях, больше прочный мир при непрерывно возрастающем военном бюджете, больше «благоденствия» и процветания страны при неустанном вздорожании?..

В трудное и неприятное положение поставлен был избиратель!.. Спутались, смѣшались черты и свойства, отдѣлявшія друга от друга республиканцев и демократов. Миновало время, когда определенная политическая платформа — намѣчала ясно линию водораздѣла. Сейчас угодливое служение интересам крупнаго капитала со стороны и тѣх, и других вытравило, стерло всѣ бывшя отличія. Сейчас в Соед. Шт. имѣется, собственно говоря, не три, а только двѣ партии, чьи стремления не совпадают, чьи задачи рѣзко сталкиваются: социалистическая, с одной стороны, фактический блок республиканцев и демократов, — с другой.

Этой однородностью и схожестью обѣих старых партий объясняется странный на первый взгляд факт равномернаго распределения между ними голосовъ избирателей. При такомъ внутреннемъ сходствѣ обѣихъ борющихся группъ для избирателя рѣшающими могли являться лишь факторы второстепеннаго характера и

прежде всего *личность кандидата*. Но при выборах президента, избиратель и здѣсь наткнулся на неожиданное затруднение: кого предпочесть Хьюза? Вильсона? Гдѣ тѣ характерныя черты, тѣ своеобразныя качества или недостатки выставленныхъ буржуазными партіями кандидатовъ, которые внушали бы избирателю спеціальныя симпатіи или антипатіи? Какъ быть, если обѣ личности одинаково блѣдны, одинаково лишены «крупныхъ страстей» яркой индивидуальности?

Въ самомъ дѣлѣ, въ обликѣ обоихъ претендентовъ на президентство много общаго. Оба они принадлежатъ по рожденію къ «почтеннымъ» семьямъ средней буржуазіи; оба сыновья клерджименовъ; оба занимали сначала профессорскія кафедры, а затѣмъ были избраны губернаторами штатовъ, послѣ чего Вильсонъ попалъ въ президенты, а Хьюзъ въ члены верховнаго суда. За обоими прочно держится слава людей съ «незапятнанной репутаціей», истинныхъ джентльменовъ. Разница между кандидатами обѣихъ «старыхъ партій» сводится къ некоторымъ стѣнкамъ въ ихъ политическомъ *сrede*.

Хьюзъ откровенно-реакционнѣе, онъ открыто выступаетъ защитникомъ империалистической политики, онъ беззащитнѣе беретъ сторону промышленныхъ королей, трестменовъ, онъ наивнѣе выбалтываетъ тѣ основы политическаго курса, какіе Wallstreet напечатываетъ Вашингтону...

Вильсонъ острожнѣе, сдержаннѣе, нѣсколько хитрѣе и, пожалуй, отѣнкомъ дальновиднѣе. По существу онъ говоритъ то же, что и Хьюзъ, онъ намѣчаетъ тотъ же курсъ государственной политики, но облекаетъ въ форму болѣе приемлемую, менѣе шокирующую демократическія традиции американскаго избирателя.

Рузвельтъ упрекаетъ Вильсона — а то, что «вся его политика сплошное противорѣчье». Въ этомъ упрекѣ есть немалая доля истины. Вильсонъ «за миръ», но именно въ бытность Вильсона президентомъ страна круто повернула въ сторону милитаризма. Вильсонъ противъ насилій надъ Мексикой; но опять таки военныя осложненія съ Мексикой процвѣтали именно въ годы правленія демократической партіи. Вильсонъ за избирательное право для женщинъ, но противникъ обще-государственнаго закона, дарующаго эти права. Вильсонъ осуждаетъ власть Wallstreet'a власть кучки финансовъ, но отнюдь не собирается сократить, урѣзать ихъ влияние на ходъ государственной машины¹. Вильсонъ отмѣчаетъ растущую пропасть между имущими и неимущими гражданами республики, но

¹ «Мы вовсе не стремимся къ сокращенію вліянія представителей финансоваго міра, этого меньшинства, которое оказываетъ такое сильное давленіе на правительство, мы просто хотимъ напомнить этому меньшинству его гражданскій долгъ». (Изъ рѣчи Вильсона въ Модисонъ скверѣ 2-го ноября).

онъ же утверждаетъ, что стоитъ обѣимъ сторонамъ протянуть другъ другу руки, и воцарится гармонія и единство интересовъ...

Но если символъ политической вѣры Вильсона не блещетъ послѣдовательностью, то отъ неясностей и противорѣчій не избавлена была и платформа Хьюза. Особенно трудно было избирателямъ разобраться: каково собственно отношение Хьюза къ европейскому конфликту? Въ сторону которой изъ группъ державъ склоняются симпатии кандидата республиканцевъ? Рузвельтъ клялся и божился, что Хьюзъ «за несчастную Бельгю», что онъ врагъ центральныхъ державъ. Но германско-американские избиратели почему-то считали, что Хьюзъ германофилъ, и германско-американскій союзъ даже занялся специальной агитацей въ пользу Хьюза ¹.

Эту иллюзию не удалось разбить Хьюзу даже послѣ того, что онъ торжественно заявлялъ объ отсутствіи у него какихъ бы то ни было «национальныхъ симпатій» и отрекся отъ навязываемой ему склонности къ натурализованнымъ въ Америкѣ нѣмцамъ.

«Я — американецъ, свободный отъ иностранныхъ влияній... Мы, республиканцы, не допустимъ, чтобы на нашей территории иностранцы заводили интриги... Рождены ли мы на этой землѣ или натурализованы, у насъ должна быть одна родина. Мы не позволимъ пришельцамъ дѣлать свою преданность между двумя отечествами» ².

Демократы попробовали было использовать противъ Хьюза его нмное германофильство, но оружие это быстро притушилось; республиканцы начали въ отвѣтъ «разоблачать» неофициальныя уступки, будто бы сдѣланныя Вильсономъ Германіи въ дѣлѣ цотопленія Лузитаніи, и демократы прикусили языки...

Но, при такой неразберихѣ въ отношеніяхъ кандидатовъ къ европейскому конфликту, натурализованный избиратель оказывался совсѣмъ сбитымъ съ толку... «Нейтральное безпристрастіе» кандидатовъ стирало послѣднія отличительныя черты. Оставалось одно характерно-общее: стремленіе возможно полнѣе осуществить политическую программу, угодную трестированному капиталу... И только на почвѣ этой угодности велось состязаніе обоихъ кандидатовъ буржуазныхъ партій...

У обоихъ кандидатовъ, однако, имѣлся свой конекъ, своего

¹ Соц. кандидатъ въ конгрессъ В. Бергеръ, самъ нѣмецъ по происхожденію, зло высмѣивалъ германо-американцевъ, почему-то усмотрѣвшихъ въ Хьюзѣ своего «друга».

«Германо-американцы наивнѣйше въ политикѣ люди», говорилъ Бергеръ: не верхъ ли наивности съ ихъ стороны воображать, что Хьюзъ симпатизируетъ Германіи? Избирательную кампанію республиканцевъ финансируетъ Морганъ, главный представитель «союзниковъ». Какъ же не понимаютъ американские нѣмцы, что Морганъ никогда бы не сталъ поддерживать Хьюза, если-бъ не былъ въ немъ увѣренъ?»

² Изъ рѣчей Чарльза Хьюза въ Нью-Йоркѣ.

рода козырь, долженствовавший показать избирателю, въ чемъ главная сила ставленника той или другой партіи. Главнымъ козыремъ Вильсона являлось утверждение, что именно его политика уберетъ народъ отъ участія въ мировомъ конфликтѣ, что именно Вильсонъ «предотвратилъ войну». И несмотря на то, что милитаризация Америки связана съ президентствомъ Вильсона, что онъ открыто ратуетъ за «сильный флотъ и армию», прочно держится за Вильсономъ слава «пацифиста». Другимъ козыремъ Вильсона являлся 8 час. рабочий день для членовъ «железнодорожнаго братства», принятый конгрессомъ въ сентябрѣ по настоянью президента и предотвратившій стачку железнодорожныхъ служащихъ ¹. И хотя всеѣмъ было ясно, что этотъ актъ государственной справедливости лишь политическій маневръ, рассчитанный на привлечение къ Вильсону «сердечъ» и голосовъ рабочихъ, все же за Вильсономъ утвердилась репутация «друга рабочихъ». Самъ Вильсонъ, въ сентиментальныхъ выраженіяхъ, не забывалъ въ каждой изъ своихъ рѣчей отмѣтить свои заслуги передъ рабочимъ классомъ — поддерживая этимъ престижъ демократической партіи, «этой единственной партіи, сохранившей живую связь съ трудящимися массами (о существованіи социалистовъ нарочито умалчивалось), единственной партіи, несмотря на многа совершенныя ею ошибки, не утратившей духа живого» ².

Но если у Вильсона было два козыря, то и у Хьюза имѣлись свои коньки, рассчитанные на то, чтобы купить симпатіи извѣстнаго слоя избирателей. Если Вильсонъ «пацифистъ», зато Хьюзъ откровенный воинственный повинистъ. Онъ «за армию и флотъ» безъ вильсоновскихъ оговорокъ. Онъ за милитаризмъ не только «оборонительный», но и наступательный... Онъ — откровенное олицетвореніе идеаловъ империалистическаго капитализма. Отсюда и другой его конекъ — протекционизмъ, повышение таможенныхъ ставокъ, закрытіе портовъ... Громадные плакаты, сопровождавшие предвыборныя рѣчи Хьюза, должны были показать и промышленникамъ, и рабочимъ, что истиннымъ другомъ ихъ и спасителемъ явля-

¹ Такъ называемый «законопроектъ Адамсона» (Adamsons bill).

² «За послѣднія нещѣли» — говорилъ Вильсонъ — «я видѣлъ многое, что глубоко тронуло меня. Я видѣлъ, какъ бѣдно одѣтые отцы и матери тянули ко мнѣ своихъ дѣтей, будто къ другу, котораго они наконецъ нашли. Я слышалъ возгласы благодарности, меня провожали благословенія... А между тѣмъ, что же я сдѣлалъ особеннаго? Все мои поступки продиктованы только чувствомъ справедливости. Почему же эти люди оказываютъ мнѣ столько вниманія? Единственное объясненіе, какое я нахожу — это, что люди облеченные властью, обычно не считаются съ нуждами меньшей братіи, и потому, когда находится человекъ, чье сердце бьется съ ними въ униссонъ — они доверчиво идутъ къ нему, они полны благодарности»...

³ Изъ рѣчи въ Shadow Lawn, 16 окт.

ется не Вильсонъ, а Хюзъ,—Хюзъ, первая забота котораго: процвѣтаніе отечественной промышленности и обезпеченіе матеріальнаго благополучія трудящихся массъ. На плакатахъ этихъ изображалось, что американскіе рабочіе сейчасъ ищутъ работу и «благодарствуютъ» (фактъ дороговизны и тутъ упускался), но это только потому, что рабочія силы въ Европѣ отвлечены войной. Кончится война, заработаетъ обычнымъ порядкомъ индустрія въ Европѣ, и конецъ благосостоянію Америки! Начнется депрессія, закроются фабрики, возрастетъ число безработныхъ. Гдѣ же выходъ? По утвержденію Хюза и республиканцевъ — въ переходѣ къ рѣшительной протекционистской политикѣ¹.

Но напрасно республиканцы дѣлали видъ, что ломаютъ копыя въ защиту протекционизма, напрасно старались убѣдить, что тутъ-то и кроется слабое мѣсто демократовъ. Въ этомъ пунктѣ такъ же, какъ и въ вопросѣ милитаризаціи страны, обѣ партіи сходятся въ основномъ и существенномъ. Разница лишь въ способахъ преподнести публикѣ свою программу государственной политики.

Вильсонъ еще въ бытность свою президентомъ перваго призыва успѣлъ позаботиться о созданіи особаго постоянного тарифнаго комитета, задачей котораго являлось: приспособить тарифъ къ колебаніямъ международнаго рынка въ интересахъ отечественной промышленности. И хотя демократы и увѣряли, что въ отличіе отъ республиканцевъ они не боятся конкуренціи Европы послѣ войны, тѣмъ не менѣе предлагалось тарифной комиссіи принять соответствующія мѣры, если бы такая опасность дала себя чувствовать.

Козыри въ рукахъ обоихъ кандидатовъ покрывали другъ друга, и снова избиратель безпомощно оглядывался, тщетно ища различія между обѣими старыми партіями.

Попробовали было демократы сыграть на томъ, что Хюзъ является ставленникомъ капиталовъ. Но и этотъ маневръ не удался: слишкомъ общеизвѣстенъ фактъ, что обѣ буржуазныя партіи пользуются поддержкой тресмѣновъ, и что, если Морганъ за республиканцевъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и «другъ» Вильсона, и что если Рокфеллеръ-отецъ на сторонѣ одной партіи, то Рокфеллеръ-сынъ на сторонѣ другой... «Молодая Америка» демократовъ явля-

¹ «Въ предстоящіе годы передъ американскими рабочими встаетъ громадная задача. До европейской войны миллионы рабочихъ въ Соед. Штатахъ принадлежали къ кадрамъ безработныхъ. Когда война прекратится и Европа возобновитъ свою нормальную торгово-промышленную дѣятельность, наше отечество встрѣтится съ небывалой по силѣ конкуренціей. Милліоны людей будутъ тщетно искать приложенія своихъ трудовыхъ силъ, если не будутъ заранее приняты соответствующія мѣры... Франція, Англія, Германия всѣ готовятся защищать свои внутренніе рынки протекционными тарифами... Если мы хотимъ спасти нашихъ рабочихъ отъ катастрофы, мы должны перейти къ протекционной системѣ. Я и мои коллеги общаемъ провести эту систему». (Изъ послѣднихъ предвыборныхъ рѣчей Хюза).

ется лишь перефразировкой «старой Америки» республиканцев. Представители и лидеры этих партий это сами понимают; и потому-то во время избирательной кампании они возлагали особые надежды на специальный элемент избирателей. Республиканцы строили свои шансы на голосах женщин-избирательниц. Демократы возлагали все надежды на рабочих, которых должен был привлечь к ним «билль Адамсона».

Но и та, и другая партия ошиблась в расчете. Ни одна из этих групп избирателей не встала решительно на сторону одной из партий. Как голоса рабочих, так и голоса женщин разбились между демократами и республиканцами. В настоящее время женщины обладают избирательными правами в 12 Штатах¹, что дает в сумме около 4 милл. женских голосов. Эти 4 милл. избирательниц могли значительно поколебать результат выборов, привести в него неожиданности. «Женская партия» (организация воинственных суфражисток), усматривая в Вильсоне главного противника обще-государственного закона об избирательном праве для женщин (так называемая «поправка Сюзанны Антони к основному закону»), заявила, что будет всеми мерами способствовать провалу Вильсона в пользу Хьюза, не скупившаяся на обещания женщинам. «Женская партия» грозила вести избирательную кампанию «внѣ классов и партий», поддерживая лишь тех кандидатов, которые являлись решительными сторонниками обще-государственного закона, дарующего женщинам политическую правоспособность. Позиция «Женской партии» в начале избирательной кампании смутила демократов не на шутку. Но скоро обнаружилось, что другая, более старая и менее воинственно настроенная женская организация «Национальный союз женских избирательных прав» стоит одновременно, как за агитацию в пользу принятия «поправки Сюзанны Антони» в конгрессе, так и за попытку проведения избирательных прав для женщин через отдельные Штаты². Так как Вильсон является сторонником

¹ Иллинойс, Канзас, Монтана, Орегон, Колорадо, Уайоминг, штат Вашингтон, Невада, Ута, Калифорния, Идахо, Аризона. Все эти штаты—западные или средне-западные, за исключением Иллинойса, представляющего собою характерный промышленный и густо-населенный штат.

² Собственно говоря, трудно решить, которая линия борьбы,—та ли что стоит за концентрацию сил вокруг проведения обще-государственного закона избирательных прав для женщин, или та, что надеется прежде всего провести законы политического равноправия по отдельным штатам,—скорее приведет к цели? И та, и другая мера встречается на своем пути не мало препятствий. Проведение закона избирательных прав для женщин постепенно в одном штате за другим, несомненно, путь более длинный. Но и обще-государственный закон считается утвержденным лишь после того, что за него высказалась $\frac{1}{2}$ всех штатов и $\frac{2}{3}$ членов конгресса, следовательно, и здесь может встретиться та же волюнта.

именно послѣдняго мѣропріятія, то выходило, что «Нац. Союзъ» будетъ при выборахъ поддерживать Вильсона.

Если въ началѣ кампаніи позиція женщинъ внушала тревогу и опасеніе обѣимъ буржуазнымъ партиямъ, то къ концу кампаніи всѣ напрасные страхи разсѣялись. Очень скоро стало очевиднымъ, что «суффражизмъ» побѣждаетъ другой, болѣе могучій факторъ: классовое дѣленіе женщинъ, принадлежность ихъ къ той или другой социальной группѣ населенія. Женщины стали поддерживать ту партию, которая ближе отвѣчала ихъ экономическимъ интересамъ, ихъ социальному положенію. Суффражизмъ «простой и ясный», выразителемъ котораго являлась «Женская партія», отгѣснялся духомъ партійности, охватившимъ и широкіе женскіе слои, особенно въ штатахъ, гдѣ женщины являлись активными гражданами. «Женскаго блока» не создано. Напротивъ, женщины распались по партиямъ. Специальные поѣзда, окруженные шумихой-рекламой, оплачиваемой республиканцами, развозили агитаторшъ, работавшихъ въ пользу Хьюза, стремившихся забрать голоса женщинъ западныхъ штатовъ. Не менѣе энергично агитировали демократы, заботясь о побѣдѣ не столько «женскаго дѣла», сколько своей партіи. На многочисленныхъ митингахъ въ рабочихъ кварталахъ, на перекресткахъ улицъ социалистки съ своей стороны помогали работѣ своего класса...

Классовый инстинктъ разбить, распылить женскія силы, свелъ на нѣтъ легенду о женской солидарности. Соединенные Штаты — еще одинъ живой примѣръ, разбивающій аргументацію тѣхъ феминистокъ, что до сихъ поръ еще твердятъ объ обще-женскомъ дѣлѣ, объ обще-женскихъ задачахъ и интересахъ...

При выборахъ голоса избирательницъ, не-социалистокъ, разбились между республиканцами и демократами, между Ч. Хьюзомъ и В. Вильсономъ. Особенно ярко иллюстрируетъ это явленіе штатъ Иллинойсъ, въ которомъ женщины впервые использовали свое новобрѣтенное право, и гдѣ велся особый подсчетъ избирательныхъ бюллетеней, поданныхъ женщинами. 800.000 женскихъ голосовъ разбилось почти поровну; за Ч. Хьюза подано было женщинами всего на 75.000 голосовъ болѣе, чѣмъ за Вильсона.

«Женская партія» выставила въ нѣсколькихъ мѣстахъ самостоятельныхъ кандидатокъ, но не провела ни одной. Избранная въ конгрессъ первая женщина-кандидатка въ Соед. Штатахъ Жанетта Раннинъ (отъ Штата Монтаны) прошла голосами республиканцевъ.

Но если расчетъ республиканцевъ на голоса женщинъ не оправдался, то еще меньше оправдались ожиданія демократовъ на избирателя-рабочаго. Наиболѣе сознательная и политически устойчивая часть рабочихъ, около 1½ милл., твердо стояла за кандидатокъ своей партіи, остальная часть подѣлила свои голоса (поскольку не сказывалось влияние анархическаго, политическаго абсентеизма,

довольно значительного на западѣ), между обѣими буржуазными партиями.

Напрасно всеисильный Самуэль Гомперсъ, председатель Амер. Федерации Труда, обѣщалъ Вильсону поддержку федераціи, послѣ проведения 8-часового билля Адамсона. Напрасно, отступая отъ своего официального аполитизма, рѣшило центральное правленіе федераціи на этотъ разъ принять живое участіе въ избирательной кампаніи. Массы не желали признавать руководительства Гомперса и самостоятельно рѣшали вопросъ о поддержкѣ того или другого кандидата.

Лидеры «железнодорожнаго братства» и центральное правленіе Фед. Труда лѣзли изъ кожи, чтобы «отблагодарить» Вильсона и поддержать его кандидатуру. За личной подписью четырехъ видныхъ членовъ «братства» выпущено было воззваніе къ членамъ железнодорожнаго юніона, въ которомъ предлагалось голосовать за Вильсона. Хюзу ставилось на видъ, что онъ въ своихъ рѣчахъ открыто осуждалъ билль Адамсона, а въ бытность свою губернаторомъ — всегда бралъ сторону капиталистовъ. Съ своей стороны, Гомперсъ и «его штабъ» разослали воззваніе «ко всѣмъ рабочимъ страны», приглашая поддержать «благодѣтеля Вильсона»... Однако, давленіе, которое центры пробовали оказать на организованныхъ рабочихъ, не только не возымѣло ожидаемаго успѣха, но вызвало горячіе протесты. Многие юніоны, въ томъ числѣ вліятельный союзъ строительныхъ рабочихъ въ Кливлендѣ, открыто запротестовали противъ такого «акта диктатуры» и насилія со стороны центральной федераціи. Напрасно Гомперсъ продолжалъ разводить агитацию въ пользу Вильсона, напрасно увѣрялъ рабочихъ, что капиталисты всѣ на сторонѣ Хюза и противъ Вильсона ¹, что многие предприниматели будто бы даже грозили расчитать рабочихъ, если узнаютъ, что они поддерживаютъ Вильсона, этого «истиннаго друга» и «защитника правъ рабочихъ» противъ капиталистовъ ². Масса рабочаго населенія не слушалась Гомперса, и голоса рабочихъ распались.

Такимъ образомъ, и избиратель-рабочій, и избирательницы-женщины не оправдали возлагавшихся на нихъ надежды буржуазныхъ партий. «Голосъ народа» на этотъ разъ не сумѣлъ избрать меньшее изъ «двухъ золъ», быть можетъ, потому, что инстинктивно наиболѣе демократическіе слои населенія чувствовали, что «оба хуже»...

А. Коллонтай.

¹ Рабочелюбію Вильсона нѣсколько противорѣчитъ мнѣніе, высказанное о немъ и о его заслугахъ передъ капиталистами банкира и известнаго финансиста Шифа. «Мы должны особенно цѣнить нашего президента за то, что онъ своимъ умѣлымъ и тактичнымъ вмѣшательствомъ въ классовые конфликты всегда сводилъ на нѣтъ революціонный размахъ рабочаго движенія».

² Изъ рѣчи С. Гомперса въ Hippodrome 6-го ноября.

ПО РОССИИ.

ЧЕРНОЗЕМНО - ПРОМЫШЛЕННЫЕ КРАИ.

I.

Поезд остановился на степной станции.

Мы встали, нашли извозчика. Пришлось маленько поторговаться.

— Вамъ куда?—спрашиваетъ извозчикъ, плотный, красивый старикъ, съ такимъ видомъ, точно онъ дѣлаетъ одолжение, разговаривая съ нами.

— Въ слободу.

— Четыре рубля.

— Образумься, вѣдь, тутъ три версты.

— А сѣно теперь почему? А подковы? Прежде за рупь съ четвертью ногу ковали, а теперь пять платимъ.

Сторговались все-таки за три рубля и поѣхали.

Солнце только что выглянуло изъ-за жнивья, дальніе бугры синѣли, и одинъ изъ нихъ, въ сѣверной части, маячилъ выше другихъ, розовато-фіолетовый, удлиненный.

— Видите?—спросилъ мой спутникъ, указывая на фіолетовую вершину.

— Что это?

— Сауръ-Могилъ.

Я съ живѣйшимъ любопытствомъ смотрѣлъ на этого степного орла. Есть въ этой одиноко стоящей въ степи могилѣ что-то царственное, орлиное. Какъ маякъ, возвышается она надъ приазовской степью, видная отовсюду на десятки верстъ. Вспомнились легенды и малороссійскія думы,—въ нихъ упоминается о Сауръ-Могилѣ; вспомнилось и позднѣйшее—разказы А. П. Чехова («Счастье», «Въ родномъ углу»), гдѣ въ нѣсколькихъ яркихъ, художественныхъ строкахъ передано впечатлѣніе отъ Сауръ-Могилы.

Вдоль дороги, куда-то внизъ, бѣжала узкоколейка. Шаршавыя лошади тащили по ней вагончики съ углемъ. На вагончикахъ сидѣли перепачканные угольной пылью австрійцы и неторопливо понукали лошадей.

По скату, на бугоркахъ и у балочекъ, разбросались шахты и рудники. На блекломъ фонѣ степи чернѣли дымящіяся трубы, въ черномъ кольцѣ угля и породы. Тутъ же то въ разбивку, то въ стройномъ порядкѣ стояли маленькіе домики рабочихъ. Слышалось шурханье и стукъ машинъ, рывкали гудки, бѣлые столбы нара подымались къ небу.

— Это молодой районъ,—говорилъ мой спутникъ, житель здѣшнихъ мѣстъ.—Видите шахты? Все это недавнее, молодое.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ тутъ только крестьяне ковыряли уголь, выширавши прямо изъ земли. Потомъ явились предприниматели, стали скупать угольные участки, стали заарендовать у крестьянъ надѣлы, открывать на нихъ шахты—и угольное дѣло быстро пошло впередъ. Антрацитъ этого района считается лучшимъ послѣ грушевскаго. Теперь тутъ вырабатывается болѣе ста миллионъ пудовъ. Есть крупные рудники, за спиной которыхъ стоятъ банки.

— А земля какъ тутъ?

— Прекрасная—черноземъ. Это край съ двойной тягой. Поверхность даетъ чудесные урожаи, а въ нѣдрахъ богатѣйшія залежи угля.

— Живется тутъ, стало быть, хорошо?

— Богатѣютъ. И до войны тутъ были хорошіе заработки, а теперь и подавно. У кого есть лошадь или двѣ, тотъ вырабатываетъ 25—30 рублей въ день. Деревня теперь купается въ деньгахъ, въ заработкахъ.

— А хлѣбъ есть?

— И хлѣба много. Вѣдь, никто ничего не продаетъ. Все беругуть, копятъ. Всюду полные закрома.

Мы стали спускаться въ глубокую балку. На днѣ журчалъ ручей, надъ ручейкомъ висѣлъ каменный мостикъ. Спускъ былъ отвратительный, въ выбоинахъ, въ камняхъ, выширавшихъ слюистыми пластами изъ земли. А между тѣмъ это большая дорога, «шляхъ», по которому возятъ уголь.

— Вотъ полюбуйтесь,—говорилъ мой спутникъ,—на наше благоустройство. Камня здѣсь—сколько угодно, ѣзда большая, осенью тутъ гиблое мѣсто для лошадей. Падаютъ и ломаютъ ноги. И все-таки не соберутся вымостить спускъ. Некому взяться, похлопотать. Лѣнь.

Мы поднялись наверхъ и въѣхали въ село. Оно разсыпалось по балкамъ, по буграмъ и скатамъ. Среди старыхъ, нахохлившихся соломенныхъ хатъ вкраплены были новенькіе каменные домики съ пестрыми черепичными и желѣзными крышами.

Это въ старый отживающій земледѣльческій міръ стучится новая промышленная жизнь.

т т .

Живу, присматриваюсь къ здѣшней жизни, къ людямъ, живущимъ въ этомъ краю.

Все здѣсь самобытно, своеобразно.

Еще недавно чисто земледѣльческая полоса съ малорусскимъ населеніемъ, знавшая только посѣвы, молотбу, пахоту, не спѣша, лѣниво тянувшая свою хозяйственную лямку, стала понемногу пробуждаться для новой промышленной жизни.

На югѣ этотъ процессъ идетъ уже дажно, лѣтъ тридцать. Въ иныхъ мѣстахъ онъ уже завершился, и тамъ, гдѣ были лѣнивыя малорусскія села съ возами, быками и аккуратными бѣлыми хатками, шумятъ теперь промышленнымъ оживленіемъ мѣстечки и городки. И тутъ же, бокъ-о-бокъ, стоятъ чудища

заводы, дышащіе дымомъ и пламенемъ, или коптятъ небо вѣчно дымящія трубы угольныхъ шахтъ.

Промышленность неустанно ворочаетъ свои могучіе жернова, перемалывая на нихъ бытъ и навыки дремотно-неподвижнаго края. И въ эту стихійную работу втягиваются на югѣ все новые и новые районы.

Процессъ любопытный и чреватый послѣдствіями.

Черноземно-промышленный югъ, несмотря на значительное развитіе горнозаводскаго дѣла, все еще находится въ стадіи «потревоженнаго сна». Степная дрема держитъ въ своихъ объѣмахъ край. Рудники и заводы—только оазисы въ пустынѣ. Лежатъ еще цѣлыя пространства земли съ богатыми залежами антрацита и каменнаго угля, неразрабатываемыя, нетронутыя, гдѣ, какъ и вѣка тому назадъ, гуляетъ степной вѣтеръ, гуляютъ табуны, стада и, какъ недавнее завоеваніе культуры, гуляетъ трехлемешный плугъ. И много еще надо работать жерновамъ, чтобы перемолоть степную неподвижность и лѣнь въ дѣйствительное, трудовое начало.

Тотъ уголокъ, о которомъ я пишу, какъ разъ находится въ стадіи потревоженнаго сна. Открылись шахты на богатѣйшихъ пластахъ антрацита, залегающихъ на десятки верстъ, и хлѣбъ сталъ понемногу превращаться въ шахтера. Явилось и пришлое населеніе—та бродячая, оторванная отъ земли Русь, которая перекатывается тревожными волнами съ рудника на рудникъ, съ завода на заводъ. Она влилась безпокойнымъ теченіемъ въ стоячія степныя воды и потревожила ихъ. Нѣкоторые осѣдали тутъ надолго, соблазненные простымъ деревенскимъ обликомъ жизни, утраченнымъ на большихъ рудникахъ. Кругомъ степь, на селѣ хаты, огороды, сады, и только гудки да трубы, разбросанныя по склонамъ бугровъ, напоминаютъ о шахтахъ.

Война создала особый классъ—военнообязанныхъ. Это люди двойной тяги. Они работаютъ въ шахтѣ и въ то же время поддерживаютъ свое хозяйство.

— Трудно такъ?

— Ничего, говорятъ,—справляемся. Работа въ шахтѣ сдѣльная. Урвешься на часокъ и сдѣлаешь дома что надо.

И до войны, вѣдь, приходилось такъ—и въ шахтѣ, и по хозяйству. Но усердствовали, однако, немногіе. Большинство довольствовалося тѣмъ, что вели свое хозяйство, получали аренду за нѣдра и понемногу прирабатывали на шахтахъ.

Прирабатывать было легко. Работа на рудникахъ, возка и сортировка угля, нагрузка, выгрузка, доставка камня и другихъ матеріаловъ,—все это давало въ руки хорошіе заработки, только бери.

Но брали нехотя. Мѣшали степная лѣнь, праздность, пьянство. Брали только то, что само шло въ руки. Тѣмъ не менѣе, населеніе богатѣло. Нѣдра давали хорошій доходъ. Иные, кромѣ надѣловъ, имѣли и собственность. И если на этой собственности были залежи антрацита, то такие собственники превращались въ богатѣевъ. Одни отдавали свои пласты въ аренду, другіе,

болѣе оборотливые, разрабатывали сами. Не все́мъ удавалось это, но многіе обогатились и изъ рядовыхъ крестьянъ-хлѣборобовъ превратились въ углепромышленниковъ.

Превращеніе чисто внѣшнее. Подъ пиджакомъ и шляпой, которые напяливаютъ на себя новоявленные углепромышленники, скрывается та же грубая сущность, какая была и прежде, при смазныхъ сапогахъ, поддевкѣ и замызганномъ картузѣ. На рудникахъ такихъ промышленниковъ особенно тяжело живется рабочимъ. Считается какъ бы моральной обязанностью содержать рабочихъ въ черномъ тѣлѣ. Каменные казармы—роскошь. Ютятся по большей части въ землянкахъ или наскоро построенныхъ домишкахъ, въ тѣсотѣ и сырости, ѣдятъ что понало, мыкаясь съ мукой, сахаромъ, мясомъ, при расчетахъ дѣлаются нажимы, служащие эксплуатируются, елико возможно. А самъ хозяинъ живетъ бариномъ, разъѣзжаетъ на рысакахъ, дома—чего хочешь, того и просишь, даже въ нынѣшнее скудное время.

Конечно, это хорошо, когда человѣкъ попадаетъ «изъ грязи въ князи», но бѣда въ томъ, что, понавъ въ князи, онъ волочить съ собой въ хоромы своего благополучія всю грязь, всю нелѣпицу прежней жизни и густо накладываетъ ее всюду, куда ни ступить ногой.

Отъ такихъ промышленниковъ не ждн движенія впередъ, новыхъ формъ и новыхъ словъ въ дѣлѣ. А горнопромышленное дѣло только и цѣнно новыми достижениями. Плохо оборудованныхъ рудниковъ и шахтъ сколько угодно; они, точно уродливые наросты, разбросались по всему югу. И вызываютъ ихъ къ жизни вотъ эти новоявленные углепромышленники, которые оборудываютъ шахты какъ понало—«абы работало, абы уголь, абы барыши».

Посмотришь бѣглымъ взглядомъ—все идетъ хорошо. Работаютъ машины, дымятъ трубы; въ урочные часы опускаются смѣны, долбятъ пласты и капля по каплѣ, вагончикъ за вагончикомъ, достаютъ изъ поды земли уголь. Сваливаютъ въ кучи, потомъ сортируютъ и грузятъ цѣлые поѣзда—во славу русской промышленности, оборонѣ на пользу.

Картина очень привлекательная; ею обычно любятъся сильные міра сего при молниеносныхъ оглядахъ русской производительности. Любуются и въ недоумѣннн пожимаютъ плечами:

— Гдѣ же тутъ кризисъ, разруха? Бьютъ тревогу по поводу недовыработки, недостатка. Все это есть, но, несомнѣнно, преувеличено. Газетные страхи—не больше.

И мчатся дальше, любуясь изъ окна вагона и при остановкахъ тою же убаюкивающей картиной.

Но когда присмотришься ближе, какъ работаютъ шахты, сколько онѣ даютъ и сколько грузятъ, какъ живетъ рабочая масса рудниковъ, что ѣсть и что пьеть, какъ борется съ дороговизной и недостатками, когда прислушаешься къ разговорамъ, увидишь не случайно и не нарочно, а такъ сказать, въ повсемѣрномъ движеніи углепромышленниковъ, инженеровъ, шах-

теровъ, крестьянъ-хозяевъ угленосной земли, всякаго рода пріемщиковъ и маклеровъ, продающихъ ономъ и въ розницу сегодня углепромышленника, а завтра—потребителя, когда увидишь все это въ будничномъ освѣщеніи,—картина мѣняется, принимаетъ другія очертанія, и хочется уже не любоваться, а возмущаться.

Углепромышленники переживаютъ теперь, благодаря войнѣ, прекрасные дни ажютажа. Требования на уголь огромныя, рудники работаютъ и на частнаго потребителя, и на оборону, цѣны поднялись вдвое, деньги плывутъ, какъ рѣка.

Но углепромышленники все-таки жалуются, все-таки стонутъ. Имъ не нравится прежде всего реквизиція, она для нихъ все равно, что треногъ для сытой лошади. Не будь тренога, носился бы этотъ добрый конь по степи, вѣя хвостомъ и гривой, срывая любимыя травинки. А съ треногомъ не побѣжишь; протора много, а бѣгать трудно, и вмѣсто любимыхъ травинокъ приходится скусывать порой и чертополохъ.

— Не будь реквизиціонныхъ цѣнъ, мы бы уголь теперь уже въ полтинникъ вогнали,—откровенно говорятъ углепромышленники.

И, дѣйствительно, вогнали бы, потому что общее настроеніе углепромышленниковъ такое, чтобы гнать и гнать.

Углепромышленники считаютъ себя обиженными. На уголь установили реквизиціонныя цѣны, а на другія производства нѣтъ.

— Почему нѣтъ реквизиціонныхъ и нормировочныхъ цѣнъ на желѣзо, на лѣсъ, на гвозди и другіе подѣлочныя материалы? Все это дорожаетъ съ каждымъ днемъ, а между тѣмъ въ нашемъ дѣлѣ безъ этого не обойдешься. Цѣны же на уголь строго опредѣлены.

Въ здѣшнемъ районѣ реквизиціонная цѣна на аптрацитъ установлена въ 26½ коп. Цѣна въ достаточной степени высокая, тѣмъ болѣе, что уголь идетъ сплошную, безъ излишней сортировки. Положеніе такое, что только давай. Если и случаются ча рудникахъ заторы, то только потому, что не подаютъ равномерно вагоновъ. Обычно же подбираютъ уголь до чиста. Для частнаго потребителя остаются только остаточки, и за нихъ хватаются обѣими руками.

Развивать производство можно безъ ограниченія, были бы только средства и рабочія руки. Помимо своихъ угленосныхъ земель углепромышленники арендуютъ нѣдра у крестьянъ. Плата попудная, количество выработки только приблизительно определѣно. И расчеты можно установить только приближительные. Сколько теряютъ при этихъ расчетахъ крестьянскія общества—одинъ Аллахъ вѣдаетъ. Извѣстно только, что углепромышленники учитываютъ это обстоятельство, какъ одну изъ крупныхъ выгодъ своего производства.

— Окопачиваютъ насъ промышленники,—жалуются крестьяне. — А услѣдить никакъ невозможно, хозяинъ-то выработки—онъ—промышленникъ.

Недобросовѣстности и лихоимства въ угольномъ дѣлѣ непочатый край. Сколько здѣсь присосалось лишнихъ людей, всякаго рода посредниковъ, приемщиковъ, комиссіонеровъ, которые округляютъ приемныя цѣны, увеличиваютъ накладные расходы. Одному накинуть копеечку, другому полторы, третьему двѣ,—и угольная цѣна пухнетъ, растетъ, округляется, доходя съ 26½ коп. до 40 коп. Какъ это дѣлается—тайна изобрѣтателей, во всякомъ случаѣ безъ черной и бѣлой магии, а простымъ жульничествомъ.

Угольное дѣло все обросло корой недобросовѣстности, цѣлыми наростами ея, густо гнѣздящимися на крѣпкомъ, мушкетистомъ тѣлѣ.

Если вы захотите узнать, какъ производится реквизиція, какъ подаются вагоны, вы ничего не узнаете даже отъ знающихъ людей. Все дѣлается какъ-то само собой, стихійно, и въ результатѣ получаются то цѣлыя горы невывезеннаго угля, то всѣ подъѣздные пути загромождены порожними вагонами.

Внутренніе распоряжки на рудникахъ не лучше.

Когда поговорить съ молодыми инженерами, недавно окунувшимися въ омутъ горнопромышленности и сохранившими еще кое-какія иллюзіи о живой творческой работѣ, становится понятно, почему наша промышленность тащится, какъ на быкахъ.

— Вы думаете намъ даютъ работать, даютъ возможность примѣнять и углублять свои знанія, идти дальше?—съ горечью жалуются они.—Какъ бы не такъ. Инженеръ, поступая на рудникъ, садится въ какую-то темную яму. Инициативы у него на грошъ, отвѣтственности сколько угодно. Онъ простой исполнитель слѣпой хозяйской воли. Руднично-заводская работа ведется, какъ попало, спустя рукава. Углепромышленники—народъ малоинтеллигентный, управители тоже недалеко ушли отъ нихъ. Кто стоитъ во главѣ нашихъ предпріятій? По большей части случайные люди, иногда даже безъ техническаго образованія, ничего не понимающіе ни въ угольномъ, ни въ заводскомъ дѣлѣ. И вотъ эти люди главенствуютъ, верховодятъ. Конечно, получается чепуха. Да и управляющіе рудниками не лучше. Ни для кого не секретъ, какъ они назначаются. Надо быть прежде всего ловкимъ, пронырливымъ человѣкомъ, надо имѣть знакомство въ горнопромышленномъ мірѣ, протекцію, связи и тогда вы пойдете, какъ по лѣсенкѣ. Молодымъ инженерамъ, надѣющимся только на свои знанія, страшно трудно пробивать дорогу. Ихъ просто не замѣчаютъ. И, попавъ въ мертвящую обстановку, они быстро остуживаютъ свой жаръ и дѣлаются такими же Обломовыми въ горнопромышленности, какъ и стояще во главѣ предпріятій. Какъ вы думаете, нужны въ Россіи,—въ частности здѣсь, на югѣ,—инженеры?

— Странный вопросъ, конечно, нужны. Промышленность у насъ, вѣдь, только въ зачаточномъ состояніи.

— А вотъ, попробуйте, суньтесь со своими знаніями на рудники, и вы не найдете работы. Это provato много разъ на

опытъ. Безъ протекции не получите мѣста. Пробовали дѣлать публикации въ газетахъ, но или ничего не получали или получали такія предложенія, отъ которыхъ оставалось только отвернуться. На заводахъ такая же исторія. Большинство заводовъ въ иностранныхъ рукахъ, русские инженеры тамъ только для представительства, и туда совсѣмъ доступъ закрытъ.

— А составъ рабочихъ теперь какой?

— Пестрый, неустойчивый, малоработоспособный. Съ военнопленными возня. Работаютъ они не охотно, надзоръ за ними крайне затруднень. Они боятся полици, которой всецѣло подчинены, и не хотятъ слушать инженеровъ, штейгероу, десятниковъ, зная, что они не вправѣ подвергать ихъ взысканіямъ. Дѣло отъ этого, конечно, страдаетъ. Требованія на уголь растутъ, а выработка подвигается туго.

Вотъ вамъ и процвѣтаніе промышленности во время войны. Странныя вещи творятся въ Россіи,—странныя и противорѣчивыя. Вотъ ужъ, именно:

«Умомъ Россію не понять,
Ея аршиномъ не измѣрить»...

III.

Кругомъ рудники, шахты, заводы. Земля изрыта проходками, усыпана «породоу»—мусоромъ углепромышленности. По вечерамъ сіяетъ электричество, вся степь поетъ гудками и утромъ, въ ранній часъ, поютъ тѣ же гудки. Это утренній и вечерній гимны черному труду—углепромышленности.

Край съ двойной тягой. Поверхность даетъ зерно, нѣдра—уголь. Земледѣіе и промышленность прекрасно уживаются вмѣстѣ. Промышленность еще не развилась настолько, чтобы убить сельское хозяйство,—оно процвѣтаетъ, оно не можетъ не процвѣтать, когда подъ руками такой прекрасный, жирный черноземъ.

Когда смотришь на здѣшнюю пахоту, на влажныя, черныя, лоснящіяся борозды, выворачиваемыя остриемъ плуга, хочется воскликнуть съ восхищеніемъ:

— Экая благодать!

Но теперь эта благодать зачастую лежитъ безъ движенія. Не хватаетъ силъ справиться съ двойной тягой. Война беретъ свое, нѣдра, работающія на оборону, тоже берутъ свое, а для поверхности остаются только огрызочки. Бабыя работа старается наверстать мужичью, но это ей плохо удастся. Приходится надрывать, поспѣвая здѣсь и тамъ. И такъ какъ прорѣхи остаются прорѣхами, то на психику ложится терпкій, тяжелый осадокъ,

Тяжело и жутко стало на селѣ. Денегъ много, заработки хороше, но богатство не радуетъ, инстинктивно сознаютъ его эфемерность и, отворачиваясь отъ денегъ, держатся крѣпко за такія цѣнности, какъ скотъ, инвентарь, хлѣбъ, желѣзо.

Я видѣлъ въ лавкѣ мужичка, который, расплачиваясь за товаръ, вынулъ кошелекъ, а въ немъ, вмѣстѣ съ мелкими деньгами, лежитъ круглый въ два вершка длиною, кусокъ желѣза.

— Что это?

— Желѣзо на заклепки. Остача.

— Зачѣмъ же въ кошелькѣ?

— А хйба не тѣ же гроши? Еще дорожче. Гршей теперь много, а желѣза иной разъ не найдешь.

Недостачи тугимъ обручемъ охватываютъ жизнь деревни. Исчезъ сахаръ. Сталъ онъ, какъ лакомство—полтора рубля фунтъ. При мнѣ послѣ долгаго промежутка привезли вагонъ сахарнаго песку,—вагонъ на цѣлую волость. По разверсткѣ приходилось около $\frac{7}{8}$ фунта на душу. Но пока доставили сахаръ въ деревню, четырехъ мѣшковъ не хватило: одинъ разбили въ дорогѣ, одинъ взяли желѣзнодорожники, два взяли для себя членъ продовольственнаго комитета, выкупавшій сахаръ; да на утечку ушло мѣшка два. И уже не $\frac{7}{8}$, а $\frac{5}{8}$ фунта пришлось на душу.

Осень принесла новый голодъ—керосинный. Не стало керосина въ лавкахъ, и вновь, какъ и при крѣпостномъ правѣ, затрещали въ хатахъ каганцы. Старики и старухи вспомнили свою молодость,—вся она прошла при свѣтѣ сальныхъ свѣчекъ и каганцовъ.

Отъ всякихъ слуховъ сумрачно и жутко на селѣ. Не слышно стало гармонки, не слышно пѣсенъ. Прежде по вечерамъ, подъ праздники, да глубокой ночи, не умолкало пѣніе, музыка, а теперь тихо. Слепо глядятъ черными стеклами хаты и только кое-гдѣ мигаютъ каганцы. Пьютъ потихоньку самогонку и, насосавшись, ожесточаются, звѣрѣютъ.

Вскорѣ, какъ я пріѣхалъ въ село, къ моему родственнику, занимающему нѣкоторое общественное положеніе, пришли угромъ двѣ молодыя . . . и стали жаловаться:

— Насъ шахтеры обидѣли.

— Какъ?

— Повасиловали.

— Гдѣ?

— Въ казармахъ. Нанялись мы стрянухами въ артель на двадцать человѣкъ. Вчера заступили. Завѣряли насъ, что не тронуть. А ночью перенились и полѣзли на насъ. Двери заперли, кричать не велѣли.

— Что же вы заявляли?

— Ходили къ уряднику. Отобралъ у насъ паспорта, въ протоколь записалъ. Да что съ этого? У насъ мужья , . . . дѣти дома, а съ нами такое сдѣлали... Хотѣли прямо руки на себя наложить.

Многихъ трудовъ стоило успокоить . . . Было что-то чудовищно дикое во всемъ этомъ. И невыносимо больно было смотрѣть на темныя, опухшія лица женщинъ, просто, безъ слезъ и лишннихъ словъ, почти дѣловито, разсказывавшихъ о своемъ позорѣ.

Впрочемъ, въ здѣшнихъ мѣстахъ это не рѣдкость. Нравы здѣсь жестокие, дикіе. Насилія, жестокости, драки—обычныя спутники шахтерской жизни. И тѣ, кто, казалось бы, должны стоять на стражѣ справедливости, учиняютъ такіе мордобои, что слушать страшно.

Вотъ, на примѣръ, случай.

У мужика психически-больного (тихое помѣшательство), родился сынъ. Мужикъ былъ въ это время въ отлучкѣ. Узнавъ, что у него дома семейная радость, онъ бросился на станцію, но опоздалъ къ поѣзду,—поѣздъ ушелъ изъ-подъ самага носа. Мужикъ растерялся, вскочилъ на первую попавшуюся лошадь и бросился вслѣдъ за поѣздомъ—догонять. На бѣду лошадь оказалась урядника. Конечно, переполохъ, погоня. Мужика поймали, стащили съ лошади и избили до полусмерти. Привезли и посадили въ холодную. Изъ тихаго онъ превратился въ буйно помѣшаннаго и чуть не разнесъ кордегардію. Надо было отвезти мужика въ больницу, но какъ везти, если онъ весь въ синякахъ и ссадинахъ. И его держали въ кутузкѣ до тѣхъ поръ, пока не поджили побои.

Жестокость, озлобленіе, дикость такъ и кружатся вездѣ злыми вихрями. Попъ, человѣкъ умный, практический, но сухой и черствый, дѣлецъ и коммерсантъ, ненавидитъ свою паству и откровенно говоритъ:

— Мужики? Да, вѣдь, это же хамы, люди, у которыхъ нѣтъ ничего святаго. Имъ не нужна ни религія, ни церковь, ни тѣмъ болѣе мы, ея служители. Бога они не боятся, людей не уважаютъ, живутъ, какъ скоты, прежде пьянствовали явно, а теперь пьянствуютъ тайно, и нѣтъ у нихъ ничего, кромѣ самыхъ грубыхъ потребностей.

А прихожане платятъ попу той же монетой, и между мужиками и духовенствомъ стоитъ несокрушимая стѣна. Такая же стѣна между полиціей, торговцами, чиновниками. Люди живутъ вѣстѣ десяти лѣтъ, въ тѣсной близости, видятъ другъ друга почти ежедневно, и не было, кажется, случая, чтобы заглянули другъ другу въ душу.

Несмотря на войну, деревня читаетъ мало. Да и читать некому—все грамотное и сколько-нибудь сознательное на фронтѣ. Въ томъ районѣ, о которомъ я пишу, много военно-обязанныхъ, но и они мало читаютъ. Село большое, промышленное, а читальни

нѣтъ; чтенія и собесѣдованія никогда, не устраиваются. Есть хорошее помѣщеніе въ школѣ, нашлись бы и люди, но нѣтъ инициативы, да и начальство смотритъ неодобрительно на такія затѣи.

Прежде въ праздничные дни пьянствовали; теперь нѣтъ и пьянства,—на виду, явнаго, по крайней мѣрѣ, но нѣтъ и разумнаго времяпрепровожденія. Сидятъ упырями по хатамъ и думаютъ темныя думы о войнѣ, о земельномъ передѣлѣ, о новомъ . . . правѣ, о разныхъ чудесахъ.

Какъ-то прошелъ по селу слухъ, что стали обновляться въ домахъ иконы. Свѣтлѣли темные лики и явственно проступали на нихъ обновленные черты.

Старухи увѣряли съ божбой:

— Сама, своими глазенками, видѣла, какъ она, Царица Небесная, обновилась. Смотрю на нее, а Она, Матушка, какъ изъ яичка вылупляется,—такъ и глянула очами праведными на меня.

Ревностнымъ глашатаемъ обновленія иконъ сдѣлался бывший монахъ, мѣстный житель, молодой еще парень. Онъ сталъ подбивать старухъ, чтобы у обновленныхъ иконъ служили молебны, устраивали моленія. Батюшка вначалѣ поддался на это, потомъ, когда иконы стали обновляться слишкомъ часто, отказался освящать ихъ и донесъ, кому слѣдуетъ, на монаха. Монахъ, въ свою очередь, написалъ доносъ на батюшку, обвиняя его въ невѣрїи, въ материализмѣ. Дѣло дошло до суда, монаху угрожало что-то, но его вскорѣ взяли на войну.

На базарахъ, во время торговыхъ сборищъ, зачастую драки и ссоры изъ-за дороговизны. При случаѣ сами пускаются въ спекуляцію и, продавая, заламываютъ невѣроятную цѣну, но, являясь въ роли покупателей, расправляются съ базарными спекулянтами жестоко.

Вотъ картинка съ натуры.

Мужикъ продаетъ печеный хлѣбъ на базарѣ. Подходитъ шахтеръ. Беретъ пятифунтовую булку и спрашиваетъ:

— Сколько?

— Рубль,—не моргнувъ глазомъ, говоритъ мужикъ.

— Сколько?!

— Та рубль же.

Шахтеръ размахнулся и хлопъ мужика по уху.

— Вотъ тебѣ,

Мужикъ упалъ, потомъ поднялся и сталъ растерянно отряхиваться.

— А теперь сколько?—спрашиваетъ шахтеръ.

— Пятьдесятъ копеекъ.

Кругомъ хохотъ, восклицанія:

— Вотъ такъ вставилъ цѣну. Такъ имъ и надо, спекулянтамъ.

Мордобой, точно короста, линнетъ ко всякому, кто подойдетъ къ этому темному мірку. Шахтеры бьютъ мужиковъ, мужики шахтеровъ, бабы ребятъ . . .

..... Жестокость и грубость сдѣлались обычными спутниками здѣшной жизни.

Интеллигентный слой населенія тонокъ, неустойчивъ, случаенъ. Онъ могъ бы дѣлать кое-что, но самъ увязъ въ обывательщинѣ, въ мелкой борьбѣ со всякими недостатками. И лежитъ на немъ гнетъ полицейской опеки въ лицѣ урядниковъ, засѣдателей, исправниковъ и другихъ властей.

Темная и тяжелая жизнь. Хотѣлось иногда, наслушавшись и насмотрѣвшись, убѣжать въ степь, на далекую и прекрасную въ своемъ одиночествѣ Саурь-Могилу и жаловаться хозяину степей—вольному вѣтру на людей, на порядки, на горькую, бездольную жизнь, какую люди выковали въ этомъ богатомъ краю.

Темная и тяжелая жизнь, но и въ ней намѣчаются кой-какіе просвѣты. Страшный плугъ войны прорвалъ огненные борозды по всему черноземно-промышленному краю.

Объ этихъ бороздахъ въ другой разъ.

II. Сурожский.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

ПОЭЗИЯ И ПОЭТИКА.

(Изъ итоговъ 1916 г.).

I.

Наша поэзия живетъ послѣднее время такъ напряженно, такъ много выходитъ книгъ, посвященныхъ ей, такъ быстро и такъ шумно создаются и разрушаются поэтическія школы и направленія, такъ остра и ожесточенна борьба между ними, что даже небольшие промежутки времени можно разсматривать, какъ этапы въ развитіи поэзіи. Вчерашнія «послѣднія слова» сегодня одними канонизируются, другими сдаются въ архивъ, но и въ томъ и въ другомъ случаѣ замѣняются новыми, внезапно рожденными въ литературной сумятицѣ.

Въ частности, все это съ особеннымъ правомъ можно сказать объ истекшемъ годѣ. Промедшій годъ былъ для нашей поэзіи по преимуществу годомъ итоговъ, и, какъ таковой, отмѣтитъ его когда-нибудь будущій историкъ литературы. Мало было создано новаго, немного было сдѣлано завоеваній (можетъ быть, въ этомъ повинны и внѣшнія обстоятельства), но зато многое изъ того, что создано ранѣе, было приведено въ порядокъ, систематизировано, осознано. То, что раньше носилось въ неопредѣленной формѣ, неясное и безплотное, выкристаллизовалось, получило форму и окончательное завершеніе.

И прежде всего это нужно сказать о символизмѣ. Крахъ символизма, уже давно назрѣвавшій и въ послѣдніе годы ставшій несомнѣннымъ фактомъ, разрѣшился окончательно. Если раньше объ этомъ говорили враги и отступники его, то теперь мы читаемъ это на страницахъ его вѣрныхъ рыцарей. Не случайно подрядъ, въ одинъ годъ, вышедшія книги трехъ китовъ символизма — Бальмонта, Брюсова и Блока, — подводятъ итоги прошлому, проносятъ послѣднее заключительное слово, не обѣщая и не предвѣщая ничего въ дальнѣйшемъ. Мы этимъ отнюдь не «хоронимъ» живыхъ поэтовъ: можетъ быть, мы въ правѣ ждать еще дальнѣйшаго развитія творчества и отъ Бальмонта, и отъ Брюсова, и отъ Блока; мы хотимъ только сказать, что, если они будутъ творить что-нибудь, то они должны творить непременно новое, такъ какъ все то, что они создавали до сихъ поръ, они уже исчерпали, закончили.

Послѣднюю книгу К. Д. Бальмонта «Ясень» и критика, и публика встрѣтила очень сочувственно не въ примѣръ предыду-

щимъ его книгамъ отъ «Литургии Красоты» до «Благо Зодчаго» включительно. И всѣ отмѣчали, что Бальмонтъ вернулся къ тому, какимъ онъ былъ въ дни своего расцвѣта. Намъ уже приходилось говорить на этихъ страницахъ ¹ о послѣдней книгѣ Бальмонта. Мы опредѣлили ее, какъ итогъ долгаго пути поэта. Это книга опредѣленно заключительная, суммирующая весь богатый духовный и поэтический опытъ чуть-ли не тридцатилѣтняго служенія музамъ, но не вносящая въ него ничего или почти ничего новаго. То, что въ первыхъ книгахъ (въ частности въ «Только любовь») было господствующей эмоціей, въ «Ясени» дошло до самопознанія и самопризнанія, стало господствующей мыслью. Поэтическая идеология превратилась въ философскую систему. Выкрикъ «О, люди, я чувствую только любовь!» — когда-то вырвавшійся изъ устъ поэта въ экстазѣ, въ борьбѣ тысячи другихъ выкриковъ, побѣдившій, но огню не уничтожившій (да и не пытавшійся уничтожить) всѣ другіе, въ «Ясени» поставленъ эпиграфомъ, сознательно приняты за руководящее начало, за исходную точку:

Такъ буду пѣть о царствіи твоёмъ,
Любовь, что я узналъ во снѣ однажды.

Здѣсь это программа, основная тема, развитію которой служить вся книга.

Еще болѣе итоговой является послѣдняя книга Валерія Брюсова «Семь цвѣтовъ радуги». По основной концепціи она совпала съ книгой Бальмонта. Главенствующая тема ея та-же: это то же пріятіе міра во всѣхъ ликахъ его, утвержденіе жизни во всѣхъ проявленіяхъ ея, жизни, какъ таковой. «Останемся и пребудемъ вѣрными любовниками земли, — говоритъ Брюсовъ въ предисловіи, — ея красоты, ея неисчерпаемой жизненности, всего, что намъ можетъ дать земная жизнь». Въ книгѣ Брюсова еще ярче, чѣмъ у Бальмонта, видна преднамѣренность, предрѣшенность темъ и трактовки ихъ. Брюсовъ свое основное положеніе развиваетъ съ присущей ему послѣдовательностью и систематичностью. Если Бальмонтъ говоритъ, что солнце прекрасно, то для Брюсова это недостаточно убѣдительно: онъ разлагаетъ солнечный свѣтъ на семь цвѣтовъ и о каждомъ утверждаетъ: оранжевый прекрасенъ, зеленый прекрасенъ и т. д. Пути ихъ обратны: — Бальмонтъ говоритъ: прекрасно все, поэтому прекрасно то, и другое, и третье... Брюсовъ говоритъ: прекрасно одно, другое, третье... значитъ, прекрасно все. То, что у одного является посылкой, у другого — выводъ, и обратно. Но сходятся они въ главномъ: оба хотятъ утвердить обязательно все, утвердить окончательно, разъ навсегда, такъ, чтобы больше не возвращаться къ этому. Оба исчерпываютъ свой матеріалъ до конца, замыкаютъ кругъ

См. «Лѣтопись», апрѣль 1916 г. стр. 331.

своего творчества. И одинъ, и другой даютъ Summa Summarum, послѣ которой никакихъ подсчетовъ больше не надо. И не только не дерзко, не самоувѣренно, но какъ-то особенно правдиво, съ торжественной откровенностью звучатъ слова Брюсова:

Довольно думано. Довольно свершено.

И уже совсѣмъ откровенно подводить итоги своей дѣятельности Александръ Блокъ. Переиздавъ три тома своей лирики, онъ дополнилъ ихъ, правда, новыми стихотвореніями (частью написанными ранѣе), но существенно новаго не далъ ничего, кромѣ развѣ, опять таки суммирующаго многое въ его творествѣ, конца послѣдней книги:

Что-жь? «Не общественно»? — Знаю.

Что? «Декаденство»? — Пожалуй.

Что? «Непонятно»? — Пускай.

Таковы столпы символизма. Таковы же и его звѣзды второй величины. Максимилианъ Волошинъ въ своей книгѣ, посвященной военнымъ событіямъ — *Annus Mundi Ardentis* — тоже не сдѣлалъ новыхъ завоеваній, остался прежнимъ строгимъ и холоднымъ парнасцемъ, глядящимъ на міръ глазами эстета. Онъ остался настолько вѣренъ себѣ, что, несмотря на мистическій ужасъ, который онъ ощущаетъ — правда, больше головой — отъ мировой катастрофы, апокалиптической ужасъ послѣдняго конца, онъ продолжаетъ пребывать въ спокойномъ созерцаніи, готовый въ крайнюю минуту, когда уже его активное вмѣшательство будетъ неминуемымъ, «развоплотиться».

Совсѣмъ странная и неожиданная книга появилась съ именемъ И. Рукавишникова. «Сто лепестковъ цвѣтка любви» носить на себѣ всѣ приемы и черты прежняго творчества Рукавишникова, но какой-то неожиданной банальностью и безынтересной слащавостью вѣетъ отъ этихъ лирико-мистическихъ «нѣсенъ женской души».

Ушелъ не только отъ символизма, какъ онъ понималъ его раньше, но и отъ себя самого Илья Эренбургъ. Въ его послѣднихъ книгахъ («Стихи о канунахъ» и др.) намѣчаются и отчасти уже выявляются совершенно новыя черты, какъ со стороны формальной, такъ и идеологической.

Была сдѣлана въ этомъ году попытка омолодить символизмъ, влить въ него новыя, свѣжія силы. Съ этой цѣлью были изданы въ Москвѣ одинъ за другимъ два альманаха экзотическихъ стиховъ «Гюлистанъ». Но попытка эта должна быть несомнѣнно признана неудачной. Если въ «Гюлистанѣ» есть интересныя страницы, то онѣ принадлежатъ все тѣмъ же Брюсову, Бальмонту, еще В. Иванову, Ю. Балтрушайтису. Все же остальное, принадлежащее перу молодыхъ, носить слишкомъ явный отпечатокъ эпитонства.

Однако, наиболее показательной для кризиса символизма является вышедшая в этом году книга статей Вячеслава Иванова «Борозды и межи». В. Иванов, единственный из символистов, до сих пор еще не только исповедующий, но и проповедующий символизм, в сущности поет ему отходную. Утверждая символизм, как неизменный принцип всякого искусства, как *conditio sine qua non* каждого явления искусства, как и когда бы оно ни проявлялось, он естественно приходит к отрицанию русского символизма, как школы: «Мы упраздняем себя, как школу». Но больше того, он и в прошлом видит мало заслуг: «Исторической задачей новейшей символической школы было раскрыть природу слова, как символа, и поэзии, как символических истинных реальностей. Не подлежит сомнению, что *эта школа отнюдь не выполнила своей задачи* (курсив наш: Д. В.) И, чувствуя какой-то кризис, В. Иванов продолжает: «Отныне, если суждено ему (символизму) быть...» Во-первых, «отныне» — какая-то грань между тем символизмом, который был до сих пор, и тем, каким он может быть теперь. Во-вторых, «если будет» — многозначительное сомнение в самом существовании его.

Все это позволяет и читателю смотреть на этот год, как на грань, как на новый рубеж, предъ которым символизм или вовсе прекратил свое существование, по крайней мере сознательное или, во всяком случае, закончил какую-то фазу своего развития.

II.

Может быть, еще более знаменательным был истекший год для «акмеистов», для той группы поэтов, которая объединена издательством «Гиперборей». Если для старого символизма истекший год был последним, то для молодого акмеизма он был одновременно и первым, и последним. Акмеисты, года четыре тому назад объявившие о своем рождении, родились в сущности только в этом году. До этого года они не издали ни одной книги, сколько-либо характерной для их направления. Зато теперь они постарались сразу целым рядом книг оправдать свои теоретические рассуждения и предпосылки. Постарались, однако, неудачно.

Наиболее интересной с точки зрения «школы» является книга одного из основателей акмеизма, Н. Гумилева, «Колчань». Книга эта более всего замечательна тем, что она является прямой противоположностью теоретическим воззрениям автора. Вместо ожидаемой непосредственности первого человека, простоты, еще не нарушенной культурой — всего, о чем нас предупреждали манифесты, мы сразу попадаем в экзотический сад, где

собраны художественныя достижения многих вѣковъ и странъ. Вместо несмущаемой мыслью эмоци, мы все время вращаемся въ сферѣ изысканныхъ умствованій и логическихъ построений. Образы, одинъ другого литературнѣе и глубокомысленнѣе громоздятся въ торжественныя и замысловатыя построения, отнюдь не заставляя видѣть въ авторѣ ихъ новозданнаго Адама. Напротивъ, изощренная умственная культура, традиция тысячелѣтнихъ книгъ и рядомъ съ этимъ полное непониманіе природы, неба, которое «слишкомъ просто разубралъ Всевышній» — все это изблнчаетъ человѣка двадцатаго вѣка, человѣка сегодняшняго дня, живущаго воздухомъ библиотекъ и солнцемъ, нарисованнымъ на холстахъ старинныхъ картинъ.

Болѣе значительна съ художественной точки зрѣнія книга О. Мандельштама «Камень», поэта наиболѣе талантливаго изъ всѣхъ гиперборейцевъ. Еще болѣе неподвижный и холодный, чѣмъ Гумилевъ, торжественно выступающій въ пышной мантии еловъ, онъ, однако, больше, чѣмъ первый, обладаетъ способностью импонировать своей торжественностью. Никогда не оставляя своего наоса, никогда и не пытаясь говорить словами простыми и обиденными, онъ остается цѣльнымъ въ своей натянутости. Умѣлый живописецъ, онъ въ то же время вкладываетъ въ нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній философскій элементъ, и его попытки создать философію музыки, философію зодчества и даже философію спорта не могутъ быть признаны въ общемъ неинтересными. Однако, какъ все это холодно и безстрастно, какъ это далеко отъ жизни, какъ неистребимъ во всемъ этомъ запахъ старинной книги съ пожелтѣвшими отъ многихъ прикосновеній листьями. Какъ характерно для Мандельштама (да и для всего направления, которое онъ представляетъ), что онъ не знаетъ не только природы, но и любви. Даже для любви онъ слишкомъ инертенъ, слишкомъ, и сказать бы, лѣнивъ.

Дано мнѣ тѣло. Что мнѣ дѣлать съ нимъ,

Такимъ единымъ и такимъ моимъ? —

вопрошаетъ онъ себя. Это эпитафій ко всему его творчеству. Ему нужны глаза, чтобы видѣть Notre Dame и развалины дреблнго Рима, ему нужны уши, чтобы слушать Бетховена и Баха, но тѣло, все тѣло, такое громоздкое и такое мое, что непременно надо самому дѣлать что-нибудь — зачѣмъ оно? Единственная доступная работа для него — говорить, да и та слишкомъ утомительна для него. «Мнѣ хочется онѣмѣть», — вздыхаетъ онъ.

За «великолѣпнымъ» Гумилевымъ и «торжественнымъ» Мандельштамомъ выступаетъ со своей безжизненной «Стаей» М. Струве, М. Лозинскій съ «Горнымъ ключемъ» дистиллированной воды, Г. Ивановъ съ сухимъ «Верескомъ», Г. Адамовичъ съ неподвижными «Облаками»... Всѣ они едва-едва выявляютъ свое

лицо, сливаясь в одну грушу, безличную и безжизненную, характерной чертой которой является безхарактерность. Истоки поэзии их так неглубоки и так малосамостоятельны, что невольно вставляют предсказать им весьма печальную будущность. Это уже увядающие лепестки акмеистического цветка, умирающего от недостатка жизненных соков. Расцвет акмеизма представляется нам слишком искусственным, чтобы он мог продолжаться долго. Выявив все свои черты, лишенный возможности дальнейшего роста, он уже переживает себя. ему уже «хочется отойти».

Под сильным влиянием акмеистов написана серьезная книга Е. Кузьминой-Караваевой. Отравленная их ядом приподнятости и торжественности, она сумела, однако, вложить «душу живу» в свои слова, сумела заставить их звучать не только приподнято, но и высоко, не только торжественно, но и торжествующе.

Не совсем поддалась пассивности тех же наставников и г-жа М. Левберг, дебютировавшая небольшой книжкой («Лукавый странник») подражательных, но не безынтересных стихов. Здесь же можно отметить и еще две женских книги: «Жадное сердце» Т. Ефименко и «Тайную жизнь» Е. Галлати. Мы остережемся от общих выводов, но нам хотелось бы обратить внимание на то, что устояли против расщепленности и холодности акмеизма, хотя несомненно находились под его влиянием, поэтессы-женщины. Не объясняется ли это большей их склонностью к эмоциональному мировосприятию, их непримиримостью с чисто расщепленным, исключительно интеллектуальным отношением к явлениям жизни?

III.

Если итоги, подведенные символистами и акмеистами, оказались отрицательными, то совсем обратное мы видим в итогах третьей группы поэтов, которых мы бы объединили именем «бунтарей». Возстающие против мертвенности и холодности поэзии застывших форм, они все новаторы, все вводят или хотя бы вводят в поэзию непременно новое, непременно не бывшее до сих пор. Футуризм, как школа, перестал существовать, как только поэты, создавшие его, дошли до самоопределения и увидели, что в сущности общего между ними мало, что и незачем вовсе искать его. Однако, бунт, поднятый им, не только не утих, но, может быть, стал еще сильнее от поднявшейся разногласия. Вместе с этим отошел в область прошлого в значительной мере и элемент скандала, так явно дававший себя чувствовать в выступлениях футуристов. Это отразилось даже и на внешности бунтарских изданий: господствовавшие до сих пор листы

и кричащая обложками брошюры смѣнились болѣе или менѣе солидными сборниками стиховъ, отпечатанныхъ на обыкновенной бумагѣ, обыкновеннымъ типографскимъ шрифтомъ безъ непремѣннаго желанія поразить читателя съ перваго взгляда, но зато съ желаніемъ не только оглушить читателя, но и что-то сказать ему.

Среди этихъ книгъ болѣе замѣчательной является книга Вл. Маяковского «Простое, какъ мычаніе». Въ ней Маяковский не далъ почти ничего новаго, но сдѣлалъ первую попытку собрать воедино стихи, разбросанные ранѣе по сборникамъ и тощимъ брошюрамъ. И теперь уже ясна стала и значительность Маяковского, какъ поэта, и его мѣсто въ современной поэзии. Поэтъ города — со стороны содержания, поэтъ гиперболы — со стороны приема, Маяковский — «трагикъ поневолѣ», мятущійся плѣнникъ жизни. Испуганный городомъ, «гдѣ золото и грязь изъязвили проказу», мучающійся въ его кошмарахъ, но все-таки вѣряющій въ него и любящій его, Маяковский является истиннымъ урбанистомъ.

Его поэзія — продуктъ городской динамики, глубоко индивидуалистическая по существу, являеть, однако, изрѣдка нѣкоторый уклонъ въ сторону поэзіи социальной. Въ его бунтѣ есть что-то отъ бунта миллионныхъ индивидуальностей, мучающихся по городу.

Несравненно менѣе значительны и интересны двѣ книги другого урбаниста Вадима Шершеневича — «Автомобилья поступи» и «Быстри». Послѣдній является урбанистомъ по программѣ, и это кладеть весьма яркую печать сухости и схематичности на все его творчество. Оно является превосходной иллюстраціей его теории футуризма (см. ниже), но самостоятельная цѣнность его не велика. Поэтъ образа раг ехелесне онъ нижееть образы, «слѣдуя максимуму безпорядка», одинъ на другой, не связывая и не пытаясь связать ихъ ни логически, ни психологически. Его основное стремленіе — быть современнымъ. «Красота, — говоритъ онъ въ предисловіи къ «Автомобильей поступи», — выявляется отовсюду, но въ мраморѣ она расхищена въ большей степени, чѣмъ въ навозѣ». На этихъ двухъ положеніяхъ и строится поэзія г. Шершеневича. Но нѣтъ у него интуитивнаго постиженія той динамики города, той «молнии», той «быстри», словами о которой равно обильно уснащены и страницы его лирики, и страницы монологической драмы.

Совсѣмъ другое лицо у молодого поэта Николая Асѣва. Его книжка «Оксанна», во многомъ несовершенная, замѣчательна, однако, тѣмъ, что вся бьется трепетомъ юной и буйной жизни. Поэтъ словеснаго приема по преимуществу, Асѣвъ умѣеть, однако, согрѣть и насытить лирическимъ содержаніемъ свои фонетические узоры. Та активность, та стремительность, которая у Маяковского

знаменуетъ трагедію, которая вся пронизана ужасомъ, свѣтла и прозрачна у Асѣва.

Весьма близко примыкаетъ къ нему книжка тоже совсѣмъ молодого, но уже умершаго Божидара — «Бубень». Здѣсь же умѣстно отмѣтить и весьма неровную, съ большими подъемами, но съ еще большими срывами, книгу Василя Каменскаго «Дѣвухи босикомъ».

Эклектической, какъ по приемамъ, такъ и по содержанию, является сборникъ Константина Большакова «Солнце на излетѣ». Онъ соединяетъ въ себѣ технику Маяковскаго и Шершеневича съ эстетикой Игоря-Сѣверянина, а кое-гдѣ даетъ мѣсто и собственному, красивому шорой, лиризму. Большее развитие его творчества знаменуетъ его «Поэма событій», въ которой собственное лицо его выражено ярче, чѣмъ гдѣ-либо.

Въ сторонѣ отъ нихъ, съ нѣкоторымъ уклономъ въ направленіи къ акмеистическимъ тенденціямъ стоитъ истерическій Рюрикъ Ивневъ. Двѣ его брошюры «Самосожженіе» и «Золото смерти», «связанныя между собой единствомъ содержания и настроенія, вносятъ въ поэзію «бунтарей» религиозные, покаянные мотивы, элементы экстагической изступленности.

Къ бунтарямъ и протестантамъ причислялъ себя когда-то, и, можетъ быть, не безъ основанія, и Игорь Сѣверянинъ. Однако, послѣднія его книги, въ частности вышедшія въ этомъ году «Тоска безотвѣтный», полны перепѣвовъ Мирры Лохвицкой, К. Фофанова и — больше всего — самого Игоря Сѣверянина, и не только не вносятъ ничего новаго по сравненію съ первыми книгами, но опредѣленно являются шагомъ назадъ.

IV.

Нашъ обзоръ былъ бы неполнымъ, если бы мы обошли молчаніемъ цѣлый рядъ стихотворныхъ сборниковъ, авторы которыхъ, не причисляя себя ни къ какой школѣ и вообще не давая себѣ отчета въ явленіяхъ современной поэзіи, поютъ, «какъ въ старину пѣвали дѣды». Вѣрные какой-то несуществующей традиціи, рыцари и защитники будто-бы отвергаемыхъ нынѣ «стариковъ» реалистовъ, классиковъ, они занимаются безконечными перепѣвами не только второстепенныхъ, но и самыхъ малыхъ поэтовъ прошлаго вѣка, гордо заявляя о своей враждѣ ко всему новому. Значеніе всѣхъ этихъ сборниковъ, — будь-ли то «Пѣсни о жизни, любви и страданіи» хабаровскаго поэта В. Я. Жука или «Созвучія души» золотоношскаго поэта Юрія Свѣтлаго — до чрезвычайности незначительно. Они служатъ только своимъ количествомъ показателемъ той стихотворческой эпидеміи, которая охватила за послѣднее время Россію. Не говоря уже о такихъ городахъ, какъ Одесса или Кіевъ, давно уже имѣющихъ собственную

литературу, — Вологда и Иркутскъ, Могилевъ и Симбирскъ, Владивостокъ и Блещъ, буквально всѣ города «отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды» поставляютъ сборники стиховъ на общій рынокъ. Тутъ и извѣстные Щепкина-Куперникъ, Изabella Гриневская, Ап. Коринескій, тутъ и становящиеся извѣстными П. Радимовъ и Знаида Ц., тутъ и цѣлый legionъ такихъ, которые никогда не будутъ извѣстны. Здѣсь есть все: и стихи о безчисленномъ количествѣ разбитыхъ надеждъ («слезы-грезы»), и обманутыхъ любвей («кровь-любовь»), и гражданскія пѣсни («свобода-народа»), и, наконецъ, цѣлый потокъ стиховъ военныхъ. Тутъ же и цѣлый рядъ поэтовъ (Дрожжинъ, Кошкарровъ, Морозовъ), вышедшихъ изъ народа, гордящихся этимъ и ставящимъ эту гордость во главу угла. Они бы могли, вѣроятно, внести въ поэзию что-либо новое, если-бъ были менѣе подражательны, менѣе связаны путями «тенденцій», быть можетъ, весьма почтенныхъ въ публицистикѣ, но безплодныхъ въ поэзи.

И среди этой молодой и почти совершенно безплодной поросли одиноко стоитъ Ив. Бунинъ, истинный классикъ, истинный реалистъ. Поэтъ пушкинской школы въ лучшемъ смыслѣ этого слова, все время не принимающій участія въ борьбѣ школъ и теоретическихъ распряхъ, не кричащій о своей современности и не требующій исключительнаго къ себѣ вниманія, онъ, однако, приковываетъ къ себѣ взоры и заставляетъ слѣдить за его путемъ, неуклонно идущимъ вверхъ. Бунинъ, одинъ изъ немногихъ поэтовъ, который на протяжении почти тридцатилѣтняго поэтического пути своего никогда не застывалъ, и до сихъ поръ каждая его книга есть, дѣйствительно, новый шагъ, новое достижение. Въ книгѣ этого года («Господинъ изъ Санъ-Франциско. Произведения 1915—1916 г.») также сказалась и, можетъ быть, особенно ярко эта черта. Всегда точныя и мѣткія слова его стали еще полновѣснѣе, узоръ его еще болѣе четкимъ и увѣреннымъ. Мудростью старца, понявшаго міръ, звучатъ его строки, «Душа полна, душа строга» — это его самоопредѣленіе чрезвычайно точно. И вмѣстѣ съ этимъ налетъ какого-то послѣдняго, продуманнаго и прочувствованнаго и потому споконнаго пессимизма лежитъ на большинствѣ его страницъ; пессимизма, питающагося въ значительной степени современными событіями, которыя нашли въ его лирикѣ глубокое отраженіе и завершились такой формулой:

Пси и человекъ —
Единое въ свирѣствѣ и умѣ.

V.

Обычное въ послѣдніе годы стремленіе къ изслѣдованію теоріи поэтического творчества не ослабло и въ этомъ году. Съ одной

стороны разрабатывались вопросы общего свойства, идеологические и эстетические, с другой более узкие — вопросы формы.

В первой группе, кроме книги В. Иванова, о которой мы уже говорили, интересна еще книга Вадима Шершеневича: «Зеленая улица», представляющая, если позволено будет так сказать, теорию урбанизма.

Основное его положение: искусство должно быть современным. Иначе, оно не тронет читателя. А так как для современности больше всего характерна стремительность, динамичность, быстрота, так как «дни и секунды нашоены допингом и мчатся с быстротой сорока часов в секунду» — то передать эту быстроту, эту «молнь» нашей жизни и является основной задачей поэта, желающего быть современным. Для достижения этого есть один прием — *политематизм*, «многотемие», громождение образа на образ, чудовищного и поражающего, на более чудовищный и более поражающий, чтобы держать душу читателя все время в состоянии сотворческого напряжения, чтобы бросать его из одной бездны в другую, из одной сферы в противоположную, чтобы не дать ему опомниться, чтобы научить его *быстрить*.

Более специальную теорию, теорию ритма строить Божидарь. Его книга, изданная и комментированная Сергеем Бобровым, представляет попытку построить полную теорию стихосложения. Основной точкой зрения автора является убеждение в единстве всех размеров русского стихотворчества, в их принципиальной однородности и сводимости к «единому размерному первоначалу». Вводя в ритмику понятие триолей и кварторей с одной стороны и «вымолчаний» (пауз) с другой, Божидарь дает теорию, так называемых, неправильных размеров, приводит их не только к правильности, но и к единству. «Для стихотворцев, — говоря его тяжелым языком, — нет больше ямба или хоря, но есть в стих размер, расплывно претерпевающий обороты стати и обороты постани, в задаче создания стихотворения одного всеобщего устава».

Еще более специальной области посвящены два выпуска «Сборников по теории поэтического языка». Авторы их (Виктор Шкловский, Л. Якубинский, О. Брик и другие) поставили основной задачей своих изысканий доказать отличие, принципиальную неоднородность поэтического и прозаического языков. В то время, как язык практический имеет свои цели в логическом и психологическом планах, язык поэтический является самоцелью, самодовлеющей ценностью. Поэтому и законы этих двух языковых систем не только различны, но часто и противоположны. В то время, как практический язык стремится к наибольшей легкости произношения, к наибольшей быстроте и простоте выражения, язык поэтический обнаруживает обратные

тенденци, — къ замедленію, къ затрудненію произносительныхъ процессовъ въ цѣляхъ сосредоточенія наибольшаго вниманія на звукахъ и сочетаніяхъ ихъ. Такимъ образомъ, получаютъ оправданіе не только всевозможныя нарушенія синтаксиса, грамматики и морфологии, но, какъ предѣль чисто-фонетической значимости языка, и *заумный языкъ* — отвлеченная фонетика, не имѣющая никакой связи и никакого отношенія къ логической и вообще къ сесамологическимъ ассоціаціямъ.

Но, можетъ быть, гораздо важнѣе тѣхъ результатовъ, къ которымъ пришли пока авторы сборниковъ, тотъ методъ, которымъ они пользуются.

Все яснѣе и опредѣленнѣе чувствуется, что большинство до сихъ поръ практиковавшихся методовъ критики и исторіи литературы несовершенно, что первая страдаетъ уничтожающимъ ея значеніе субъектизмомъ, а вторая занимается больше, чѣмъ литературными вопросами, вопросами культуры и общественности. Многое, однако, а въ числѣ прочаго и разсматриваемые сборники. — погоритъ за то, что, можетъ быть, уже не за горами то время, когда мы будемъ имѣть критику съ какими-нибудь объективными эстетическими критеріями и исторію литературы, не наукообразную, а дѣйствительно научную.

Д. Выгодскій.

„СОВРЕМЕННОСТИ“

(Вторая выставка современной русской живописи).

Продолжая, какъ и въ прежнихъ статьяхъ, воспринимать наши выставки и иныя художественныя дѣла, какъ картины и эпизоды большой драматической хроники, предметомъ которой является многотрудное становленіе русскаго искусства, — я былъ естественно приведенъ къ обсужденію именно второй выставки «Современной русской живописи». На то есть разныя причины. Пусть выставка эта не образуетъ даже полнаго акта названной драмы, а остается всего лишь краткой интермедіей, она тѣмъ не менѣе выдѣляется нѣкоторыми чертами дѣйственности и относительной новизны. Въ то же время прочія предпріятія, даже лучшее изъ нихъ — «этюдная» выставка «Мира искусства», носятъ печать статичности и ни въ какое движеніе не втянуты. Останавливаться на новой характеристикѣ ихъ значило бы перетолковывать общія мѣста.

Въ самомъ дѣлѣ, чуть ли не всѣ прошлогоднія «клише» сужденій остались пригодными и для неяркихъ событій этого года. Чѣмъ объяснить подобное отмераніе всякаго брезженія и творчества? Недавно бывшій въ Москвѣ спросъ о дѣйствіи войны на искусство

принесъ успокоительные выводы. Созиданіе художественныхъ цѣнностей будто бы совершается своимъ, ненарушеннымъ чередомъ, или даже окрылено военнымъ подъемомъ. Едва ли это такъ.

Событія послужили громаднымъ насосомъ, выкачивающимъ художественную энергію. Сколько силъ устранено механически и какъ возросло число тѣхъ художниковъ, изъ которыхъ этими смертельными годами «вынута душа»! Они мнятъ себя живыми и новыми, когда кисть ихъ автоматическимъ и пустымъ жестомъ чертитъ привычные знаки.

И опять: какъ разрѣженъ воздухъ вокругъ остальныхъ, уберегшихъ себя искателей. Искусство живописи вѣдь и всегда было въ Россіи искусствомъ для немногихъ. Пресловутая толпа, «презрѣнная чернь», топчущаяся на осеннихъ и иныхъ выставкахъ, базарахъ эпигоновъ и мелкихъ дѣльцовъ искусства, — и та была не болѣе, какъ ничтожной горстью. А къ самымъ жаркимъ и рѣцающимъ художественнымъ спорамъ всегда умѣстно было приписать ремарку: «народъ безмолвствуетъ».

Эти дни еще болѣе сузили кругъ. Правда, столица обогатилась небывалымъ числомъ любителей и меценатовъ, «новыхъ людей», которыхъ обяываетъ непривычное положеніе. Они поощряютъ искусства; верниссажъ выставки становится для этихъ избранниковъ фортуны гостинной или клубомъ. Но непритязательный посѣтитель, возвращающійся не разъ и не два ради полюбившейся или озадачившей картины, взволнованный или возмущенный, отошелъ куда-то въ тѣнь.

Таковы размышленія, которымъ я могъ предаваться въ одинъ изъ праздничныхъ дней на «Выставкѣ Современной Русской Живописи», — единственной, гдѣ недавно бурный пульсъ хоть заглушенно лишь бьется, — въ полнѣйшемъ одиночествѣ и потому безъ всякой помѣхи.

Проплгодняя выставка подъ тѣмъ же названіемъ безъ сомнѣнія выражала — хотя бы лишь въ примѣрахъ недостаточныхъ, приблизительныхъ и блѣдныхъ — нѣкоторыя свойства новаго художественнаго сознанія. Не доставивъ чистой радости, явивъ не глубину вещей, а лишь нѣкоторое ихъ подобіе, она содержала важные намеки на факты общаго значенія. Въ ней соперничали два устремленія: декоративно-красочное и отвлеченно-вещественное. Это противоположеніе, поясненное мною въ свое время¹, придавало выставкѣ твердую и выразительную структуру. Въ то же время устанавливалась связь съ тревоженіями искусства мирового.

Новая выставка по преимуществу эпизодична. Чисто отрица-

¹ См. «Летопись», май 1916 г. мою статью «Современная русская живопись».

тельного и достаточно мелочного лозунга оппозиции «Миру Искусства», принятого минувшей весной, могло хватить лишь на один сезон. Пыль протеста улегся; остались обычные дробность и пестрота, пѣлое, спаянное изъ осколковъ художественной культуры — съ должной примѣсью диллетантизма. Но въ то же время я не рѣшился бы упрекнуть «Выставку Современной Русской Живописи» въ узурпации этого названія, общающаго многое. И это при наличности силъ и достижений, малой до смѣшного. Не если не здѣсь въ этихъ искаженныхъ и блѣдныхъ чертахъ, гдѣ же и искать истинное лицо нашего новаго искусства?

Такъ или иначе, — и какъ бы ни была заманчива для самого историка синтетическая форма сужденія, — здѣсь на лицо явленія разрозненныя и неполныя, допускающія лишь частныя оцѣнки. Тамъ же, гдѣ явленія эти хоть какъ-нибудь зацѣпляются другъ за друга, мы попытаемся ихъ выдѣлить и описать вмѣстѣ.

Мы съ первыхъ же шаговъ нарушимъ «топографическій» порядокъ выставки, чтобы разыскать тѣхъ, новой встрѣчи съ кѣмъ ищемъ съ нетерпѣниемъ: Альтмана и Шагала. Однако, вкладъ ихъ на этотъ разъ скуденъ; тѣ дополненія и вариации къ показанному ранѣе — замѣтки на поляхъ уже прочитанныхъ страницъ. «Автопортретъ» Альтмана имѣетъ пятилѣтнюю уже давность. Въ немъ частично предварены, пожалуй, позднѣйшія тяготѣнія художника. Поясная фигура трактована строго фронтально; въ лѣнѣ лица есть нѣчто отъ статуарности прошлогодней «Головы молодого еврея», одежда и фонъ образуютъ довольно цѣльное желто-черно-зеленое трезвучие. Но цвѣты, приписанные у нижняго отрѣза картины, остаются живописными «цвѣтами краснорѣчя», прецивно разрушающими все заданіе. Цикль рисунковъ для дѣтской книжки (1913), гдѣ Альтманъ, разработавъ каждый изъ мотивовъ отдѣльно, сводитъ ихъ затѣмъ въ одну композицію, осуществленъ съ прозорливостью и изящной точностью. «Дѣтскій» штрихъ истолкованъ синтетически сочетаніемъ прямыхъ и дугъ, фигуры животныхъ: козъ или «вывѣсочныхъ» коровъ обобщены съ живымъ простодушіемъ. Вся затѣя чутка и остроумна. Единственной же отвѣтственной новинкой явился на этотъ разъ небольшой «Nature Morte съ бумагой». Художникъ словно позаботился о томъ, чтобы въ вещи этой тезисы кубизма осуществились сами собой, помимо его сообщничества. Самая натура (книга, свертокъ оберточной бумаги и т. п.) подобрана и построена нарочито угловато и скудно; грани предмета произвольно образуютъ цилиндры, конусы, поледры. Въ то же время специфическая окраска вещей передана съ сосредоточенной силой цвѣта. Нѣкоторымъ частямъ холста придана шероховатая поверхность, выходящая за предѣлы чисто живописныхъ средствъ и подмѣченная художникомъ у долотъ постороннихъ для него искателей. Отсюда впечатлѣніе мѣшательнаго эклектизма. Въ общемъ же едва ли даже путемъ излишне

«микроскопического» изслѣдованія можно дѣлать выводы на основаніи этой единственной вещи.

Послѣ этой элегантной и замкнутой строгости — мистическое изнеможение, душная сладость вещей Марка Шагала. Живописныя его работы немногочисленны. Въ средоточіи — «полиптихъ» изъ четырехъ частей, посвященный «Женѣ». Каждую створку образуетъ группа изъ двухъ головъ. Лѣпка головъ дана упрощенно и плоско, окраска картинъ словно призрачна; неплотныя массы цвѣта, зеленыя, розовыя или тона темнаго вина колеблются ритмично, точно полупрозрачныя завѣсы передъ волнующей тайной. Ибо въ этихъ плоско вырѣзанныхъ профиляхъ любовниковъ сокрыты какия-то «метафизическія» чары.

Въ то же время фактура Шагала не «астральна», а очень дѣйствительна; въ ней все взвѣшено и выполнено съ твердостью. Пятая вещь, «У печи», отчасти примыкаетъ къ этому циклу: зеленый полумракъ и багровыя излученія печи текутъ вокругъ атмосферу меланхолии и зноя, сладкаго бреда. Существо впечатлѣнія отъ искусства Шагала не отвѣчаетъ понятію символики, а скорѣе внушенія, того, что французы называютъ *suggestion*.

Для разгадки этой способности внушенія весьма пригодны выставленныя Шагаломъ давнишніе альбомныя кроки. Въ нихъ преобладаетъ характеръ жалкихъ дѣтскихъ каракуль. О, это мудрое, свято соблюденное невѣдѣніе! Оптическая и выразительная правда подобной «мазни», чуткой къ движению и мимолетной улыбкѣ вещей, драгоценна. Какъ близко отъ нея вѣетъ духъ и какъ далеко отъ тщательно вылѣпленныхъ сангиной бицепсовъ и торсовъ! Конечно, эти листы, вырванные изъ дневника, не знаменуютъ творческихъ достижений: но они раскрываютъ въ Шагаль челоуѣка, который видитъ.

* * *

Въ однородную и вѣдше внушительную группу «москвичей» изъ толка «Бубноваго Валета» пробита немалая брешь уходомъ въ «Міръ Искусства» художниковъ Машкова и Кончаловскаго. Произведенія ихъ преобладали на весенней выставкѣ въ Художественномъ бюро. Однако, остальные и новые участники движенія «перепершаго намъ... Сезанна на языкъ родныхъ осинъ» сомкнулись на развалинахъ, и особый жанръ монументальнаго натюрморта представленъ изобильно и даже избыточно. За выбитіемъ обоихъ названныхъ мною «про-тагонистовъ» группы на первое мѣсто выдвигаются работы Р. Фалька: портреты и натюрморты. Но и у него, при внушительности массъ и общемъ благородствѣ темной гаммы, мы наблюдаемъ огрубѣніе и приблизительность въ повтореніи уроковъ французской живописи¹. Въ этомъ есть черты роковыя для нашего искусства. Французскіе

¹ Замѣтьте у Р. Фалька «Дѣвушку съ тюрбаномъ» столь близкую къ одному изъ «Щукинскихъ» Пикассо по стилю и экзотической таинственности

образцы «послѣсезанновской» живописи остаются при всей своей видимой эксцентричности цвѣтами и плодами органической, почвенной, преемственной культуры. Циклопический холстъ Лефоконье обладает, несмотря на суровую оболочку, тѣми же тайными чарами изящества, живости и золотой мѣры, какъ и пастораль Ватто или купальщица Ренуара — измѣнился языкъ формъ, опрокинуто мировоззрѣніе, но «предустановленная гармонія» между мастеромъ и материаломъ соблюдена. Иное дѣло у «москвичей». И для нихъ путь западной живописи — путь необходимый и единственный, но сколь чуждый! Изъ какого хаоса психологическаго, изъ какой загроубѣлости быта взываютъ они къ новымъ богамъ живописи! Не имѣя вчерашняго дня, не вѣдая традиціи, русский живописецъ вваливаетъ на себя бремя вѣкового наслѣдія.

И вотъ то, что онъ творить — въ мукахъ уязвленной совѣсти или съ безшабашной удалью — есть подражаніе или пародія, отраженіе или гримаса. Французъ можетъ не думать о существѣ своего призванія. Онъ лишь оттачиваетъ свое оружіе. Творитъ онъ словно функционально и идетъ навѣрняка путемъ своего поколѣнія. Русский западникъ прикрываетъ свою неувѣренность или пустоту темперамента эпьяненіемъ размѣрами и колористической невоздержанностью.

Тому примѣръ хотя бы «мертвыя природы» Иверма и Ченцова. Здѣсь вы встрѣтите, при наличности того дара декоративной красочности и праздничной узорности, который служить «московскому» стилю оправданіемъ — и предѣломъ, все ту же грубую колоссальность, то же равнодушіе къ самому качеству окрашенной матеріи. И пусть на столѣ, написанномъ Ченцовымъ, разставленъ фаянсъ, напоминающий словно у Андре Дерена гнутый картонъ, пусть Ивермъ растилаетъ по всему столу бѣлую съ крупными синими разводами скатерть Анри-Матисса, предметы эти остаются для зрителя всего лишь бутафоріей съ обломками хаоса. Да и какъ повѣрить въ подлинное живописное чувство у Иверма при видѣ «эскиза для стѣнной живописи» (пастель «Прогулка»), грубо очерченнаго, сумбурно нарисованнаго и нелѣпо неподвижнаго?

Наряду съ этими незнакомцами представлены и старые «москвичи» (по живописной манерѣ; мѣстожителство нѣкоторыхъ изъ нихъ неизвѣстно) Лентуловъ и Мильманъ. Въ крымскихъ композиціяхъ перваго все то же веселое столпотвореніе формъ и всяческія прихоти непосѣдливой перспективы. Рисунки его частью пародіи на витражи; другіе выдаютъ простое и нечаянно тонкое чутье красокъ. Крѣпкій и вѣскій Мильманъ въ своихъ пейзажахъ городовъ въ горахъ измѣнилъ своей тяжелой, но сочной манерѣ ради большей схематичности; дома лишены оконъ и дверей, обрамлены въ геометрическія глыбы; художникъ обобщилъ, но и обезличилъ свое «видѣніе».

Къ числу живописцевъ, ставящихъ себѣ цѣлью истолкованіе природы (въ отличие отъ чистыхъ формалистовъ), относится и менѣе компактная группа «петроградскихъ» художниковъ. Здѣсь «натюр-мортъ» старательнаго и изящнаго А. Карева: темносіячая бутылка, оливковая груша на сѣромъ фонѣ, данныя очень деликатно, но безъ слащавости. Но тутъ же и два пейзажа, гдѣ мы узнаемъ броскіи мазокъ бывшихъ российскихъ импрессионистовъ. Братски-родственны Кареву вѣщи В. Денисова. Онѣ имѣютъ курьезный заголовокъ «Станковая живопись»: вѣдь онѣ и безъ того едва ли прослышутъ фресками. Однако, это именно не картины, замкнутыя и «изолированныя» рамой, а скорѣе этюды, «импрессионистскіе» отрѣзки въ картинномъ толкованіи, не чуждомъ пока ученической робости, но полнымъ бережностью къ натурѣ и живописному ремеслу.

Любопытную кривую описываетъ эволюція Д. Бурлюка, раскаяннаго застрѣльщика первоначальнаго нашего футуризма. Владѣющій имъ реакціонный пафосъ ведетъ его вспять къ приемамъ и ошибкамъ уже отжившихъ предшественниковъ. Поверхность его пейзажей, вполнѣ реалистическихъ по методу и поэтическихъ по гаммѣ, покрыта проказой засохшихъ мазковъ, готовыхъ осыпаться: какъ постыло намъ это матеріальное, рельефное примѣненіе краски у столповъ «Союза» и какъ давно пренебречь имъ еще К. Коровинъ!

Немногими, но поучительными этюдами представленъ наиболѣе замѣчательный участникъ только что упомянутаго общества, Н. Крыновъ. Какое связанное и затрудненное чувство живой природы лежитъ, повидному, въ основѣ его величавыхъ и цѣльныхъ пейзажныхъ замысловъ! Отъ послѣднихъ отправляется почти все творчество другого экспонента, М. Леблана. Назвавъ крохкіе этюды И Шлейфера и упоминая объ аккуратно растушеванномъ, но поэтичномъ, по выраженію, рисункѣ головы Тьеры, мы заключимъ просмотръ, если не однородной, то и не разорванной кричащими противорѣчьями группы.

* * *

Особая комната посвящена В. Кадинскому. Ознакомленіе нашей публики съ художникомъ, представляющимъ въ мнѣніи Запада ¹ важное теченіе русской живописи, должно быть поставлено въ заслугу организаторамъ выставки Н. Е. Добычиной. Авторъ книги «О духовномъ въ искусствѣ», участникъ сборниковъ «Синій всадникъ», по заданиямъ своимъ символистъ. Форма для него средство *не воспроизведенія*, а *инсказанія*, картины его не изображаютъ и даже не претворяютъ предметовъ. Начертаніе линий и распределеніе пятенъ цвѣта довольствъ лишь себѣ. Или вѣрнѣе, то долженъ быть ивкнй идеографическій языкъ, непосредственное выра-

¹ Такъ, В. Кадинскій, давно не выставившій въ Россіи и мало у насъ извѣстный, занималъ вмѣстѣ со своей мюнхенской группой особый залъ въ русскомъ отдѣлѣ выставки въ Мальме (лѣто 1914 г.)

жене мысли въ «адекватномъ» анакъ — арабескъ или цвѣтъ, излияне чувства въ ритмъ и звонкой гармонии.

Правильность подобнаго метода, если и трудно доказуема теоретически, то и неопровержима. Но самое осуществленіе вопиеть о внутренней, хоть и произвольной своей ложности. Кандинскій — декораторъ до глубины души, декораторъ съ рецидивами банальности. Духовность его искусства — самообманъ. «Поскребите символиста», — и вы признаете въ его работахъ то слѣды помпѣйшаго мюнхенскаго рококо, то приторнѣйшіе атрибуты русскаго стиля: красныя и синія «луковицы» да главки.

Къ символистамъ, что ли, слѣдуетъ отнести и Н. Кульбина, переживающаго вѣчное «декадентское» дѣтство: его «Красная карусель» обезоруживаетъ зрителя очевиднымъ простодушіемъ этого столь комическаго заблужденія о самомъ себѣ.

Повѣтріе стилизма и ретроспективизма, повидимому, на исходѣ; руководители этого течения утомились имъ, но часть художественной молодежи, соблазненныхъ ими «малыхъ сихъ», еще ищетъ успѣха на этихъ путяхъ. Въ данномъ случаѣ передъ нами двѣ иконописныя дощечки г-жи Левицкой-Войтинской, имитирующія, по композиціи, «сценарію» и гаммѣ — памятники 15 вѣка; приновлены онѣ къ старинѣ съ большимъ тактомъ, но мы не знаемъ усилій болѣе бесплодныхъ. И это тѣмъ болѣе, что портреты той же художницы столь скучны и скудны въ отношеніи чисто живописномъ. Примѣръ типическій: дерзаетъ на повтореніе гениальныхъ прообразовъ — и быть бессильнымъ передать въ пѣтъ и формѣ ближайшую дѣйствительность.

Даровитый Ю. Анненковъ переноситъ, впрочемъ, приѣмъ стилизации на своихъ сверстниковъ. Онъ даетъ словно ироническія парадфразы футуристовъ и подъ покровомъ юмора увлекается декоративными опытами Татлина (его «Жизни за царя»). И далѣе: что дѣлала бы г-жа Кириллова, если бы не было Чехонина? Безъ сомнѣнія, что-нибудь другое.

Самую слянную группу на столь распыленной, объемлющей всеобщаго, выставкѣ образуютъ три московскія художницы: Любовь Попова, Пестель и Удальцова. Онѣ показали натюрморты и портреты. Вещи эти состоятъ изъ цвѣтныхъ плоскостей и граней, для разгадки ихъ, повидимому, планомернаго сочетанія у меня нѣтъ ключа, а къ произвольному любованію ими нѣтъ должнаго порыва. Ни механика, ни алхимія живописи не внушаютъ мнѣ довѣрія. Да не есть ли это такое же руководѣніе, какъ и мѣшочки Богуславской или дѣтскія претензіи изъ глянцевой бумаги? Лишь вопль достовѣрное дарованіе г-жи (или г-на?) Экстеръ заставляетъ усумниться въ этомъ. Среди или, вѣрнѣе, помимо прочихъ вещей, указаннаго только что толка, она (или онъ?) выставила эскизъ для постановки «Фамиры-Кивареда» покойнаго Иннокентія Аннон-

скаго. Проектъ этотъ скомпонованъ на подобіе фриза античной вазы. Но архаичный стиль этого вѣнка вакхическихъ образовъ пропитанъ хаотическимъ ритмомъ и оживленъ рѣзкой раскраской. Не воплощенъ ли здѣсь тотъ очень современный «психологизмъ», который служилъ первымъ всей весьма условной взбудораженной «античности» Анненскаго?

Нашъ осмотръ близится къ концу; однако, нѣсколько работъ остаются внѣ предложенныхъ нами болѣе или менѣ случайныхъ группъ и дѣленій. Всѣ онѣ принадлежать художницамъ. Шансы Э. Радловой кажутся мнѣ невыясненными. Ея «Крымъ» являетъ скучноватый рядъ оранжевыхъ плановъ безъ малѣйшей деградации. «Пейзажъ», болѣе привлекательный, взятъ съ налета, *de chic*, какъ говорятъ французы; кусты переданы спиралями, кипарисы язычками, ели нагроможденіемъ горизонтальныхъ мазковъ. Живая импровизация, бѣглый росчеркъ кисти. Рисунки также брошены словно наугадъ: иногда ихъ строеніе удачно, иногда насквозь фальшиво, — какъ придется. Э. Радлова творить «на авось».

Г-жѣ Ухановой, пришедшей на выставку «Современниковъ» прямо съ «академической скамьи», принадлежитъ самая крупная по заданію изъ выставленныхъ картинъ.

Ея «Бабѣ лѣто» являетъ примѣръ «акварельной» концепціи, примененной къ громадному панно. Это группа крестьянокъ и ребятъ въ полѣ. Живопись свѣтлая, безъ тѣней и глубины. Рисунки фигуръ и деревьевъ обобщены безъ энергии. Группы связаны между собой съ легкостью, но безъ видимаго ритма (столь чувствительнаго въ аналогичной по мотиву прошлогодней пасторали Сребряковой).

Въ «Волахъ» (гамма этюдовъ Цюнглинскаго) досадна пустота холста, большія плоскости, просто покрашенныя. Натюрмортъ (изъ стараго фарфора) бѣденъ и плосокъ; вещи первенствуютъ передъ живописью. Таково объективное впечатлѣніе. Но оно вполне уживается съ предчувствіями хорошей будущности для художницы; все сдѣланное кажется временнымъ, предварительнымъ. Есть какой-то блескъ и задоръ въ ея первомъ появленіи.

В. Хадасевичъ, дебютъ которой мы въ свое время отмѣтили, выставила на этотъ разъ пять большихъ портретовъ и циклъ иллюстрацій. Извилистый путь г-жи Зельмановой словно ведетъ ее вснять, въ какую-то пустыню неживленныхъ формъ и мнимой монументальности.

Тема моя раскрошилась у меня въ рукахъ. Изложеніе свелось къ оцѣнкѣ отдѣльных произведеній и художниковъ. Но не вина обозрѣвателя, если порвалась нить и рассыпались пестрыя зерна. Ему остается лишь вести имъ счетъ, подбирая ихъ по вѣсу, цвѣту и размѣрамъ.

Андрей Левинсонъ.

РУССКІЙ ГУБЕРНАТОРЪ

40 лѣтъ тому назадъ М. Е. Салтыковъ написалъ сочиненіе, въ которомъ пытался разъяснить «основные пункты помпадурской дѣятельности, которые необходимы для начинающаго помпадура». За сорокъ лѣтъ много воды утекло и многое измѣнилось, а потому, несмотря на современность и даже злободневность многихъ указаній, данныхъ М. Е. въ его руководствѣ, руководство это слѣдуетъ считать во многихъ своихъ отдѣлахъ устарѣвшимъ и нуждающимся въ переработкѣ примѣнительно къ новѣйшимъ условіямъ жизни.

Понятно поэтому, съ какимъ интересомъ мы встрѣтили новую попытку созданія такого руководства лицомъ въ этомъ отношеніи вполне авторитетнымъ, имѣющимъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и бывшимъ довольно долгое время вице-и настоящимъ губернаторомъ. Въ нашихъ рукахъ имѣются подлинныя воспоминанія этого губернатора, назовемъ его пока кратко — Иваномъ Францевичемъ.

Воспоминанія Ивана Францевича даютъ богатый матеріалъ для характеристики губернаторскаго житія, почему и могутъ быть употребляемы въ качествѣ пособия. На основаніи этого цѣннаго документа мы позволимъ себѣ предложить нашимъ читателямъ нечто вродѣ изслѣдованія на тему «Русскій губернаторъ, его бытъ и нравъ». Для большей убѣдительности мы будемъ въ нашемъ изложеніи стремиться къ тому, чтобы вездѣ, гдѣ только это возможно, давать слово самому Ивану Францевичу.

1. Какъ Иванъ Францевичъ сдѣлался губернаторомъ.

Иванъ Францевичъ всю свою жизнь мечталъ о губернаторствѣ. Началось это съ того момента, когда его дѣдъ, старикъ 105 лѣтъ, горжественно предрекъ ему: «Я вижу — ты будешь со временемъ вторымъ графомъ Паскевичемъ Эриванскимъ». Это предсказаніе «навсегда засѣло» въ его памяти. «Мое самолюбіе, — пишетъ онъ далѣе, — ухватилось за эту мечту и всю жизнь ее лелѣяло». Однако проходили годы, а И. Ф. «оставался все тѣмъ же непремѣннымъ членомъ, не двигаясь къ завѣтной цѣли». Товарищи же его, благодаря протекціи, давно ушли впередъ. Наконецъ, нашлись добрые люди, которые указали ему «единственно возможный и всѣмъ практикуемый путь» — идти и просить, чтобы его сдѣлали вице-губернаторомъ.

И. Ф. отправился къ директору департамента, А. Д. Арбузову. «господину невысокаго роста въ лиджакѣ, съ привѣтливой улыбкой

на лицѣ», который и посоветовалъ представиться министру. «При этомъ, — растроганно сообщаетъ И. Ф., — Алексѣй Дмитриевичъ такъ участливо на меня посмотрѣлъ, что я сразу воспыпалъ къ нему симпатіей...»

Министромъ тогда былъ П. Н. Дурново. «Общій отзывъ рисовалъ П. Н. Дурново, какъ человѣка крутого, черствого, рѣзкаго». Вполнѣ понятно, что у Ивана Францевича, дрожавшаго передъ директоромъ департамента, «боязнь во много разъ усилилась». Мы не думаемъ оправдывать автора «воспоминаній», онъ дѣйствительно не былъ человѣкомъ храбраго десятка, но справедливость требуетъ отмѣтить, что это была уже вторая попытка просить у министра себѣ мѣста губернатора: въ первый разъ онъ пошелъ къ В. К. Плеве, который его такъ напугалъ, что онъ даже не рѣшился ему сказать, зачѣмъ онъ пришелъ. Естественно, что и здѣсь онъ ожидалъ того же.

На приемъ у Дурново было очень много народу, и заботливый Иванъ Францевичъ разволновался, какъ это не принимаютъ никакихъ предосторожностей противъ «наглыющей революціонной банды». Онъ направился къ чиновнику особыхъ порученій, который нѣсколько успокоилъ его, указавъ на полицейскаго чиновника Ходкевича, «все время сновавшаго между посѣтителеми въ приемной залѣ и встрѣчавшаго каждого приѣзжающаго на лѣстницѣ». Иванъ Францевичъ поспѣшилъ къ Ходкевичу, который подѣлился съ нимъ своими заботами. Дѣйствительно, на приемъ явилась какая-то подозрительная личность, именовавшая себя отставнымъ камеръ-юнкеромъ. «По словамъ Ходкевича, этого молодого человѣка повели курить и въ разгарѣ разговора незамѣтно оцупали его карманы, но ничего подозрительнаго въ нихъ не нащупали». Пришлось отставнаго камеръ-юнкера оставить въ покоѣ, отчего, повидимому, никакихъ ужасовъ не произошло.

Министръ, «человѣкъ маленькаго роста, съ небольшими бачками, одѣтый въ вице-мундирный фракъ», отнесся къ нему ласково, и будущій вице-губернаторъ ноѣхалъ къ себѣ въ имѣніе ожидать назначенія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Иванъ Францевичъ былъ назначенъ Самарскимъ вице-губернаторомъ. Такъ сбылась его мечта.

2. Мироззрѣніе Ивана Францевича.

Ниже мы расскажем, какъ управлять губерніей нашъ герой. Здѣсь же попытаемся въ немногихъ словахъ передать нѣкоторыя взгляды И. Ф., насколько они отразились въ его «Воспоминаніяхъ».

Время, въ которое И. Ф. пришлось возложить на себя тяжелое бремя власти, было тревожно — 1905 — 6 г. г. Естественно, въ его запискахъ мы встрѣчаемъ много мѣстъ, посвященныхъ революціи. По его мнѣнію, мнѣнію человѣка цѣльнаго и неискорченнаго, ис-

нять причины происхождения революции, «опираясь на законы логики, совершенно невозможно». «Происходило что-то стихийное, предначинанное Россіи рокомъ. Точно сумасшествіе овладѣло волею людей и толкало ихъ пренебречь своими кровными интересами во имя какой-то непонятной химеры».

Эта небольшая цитата уясняетъ всю глубину пониманія общественныхъ явленій, обнаруженную И. Ф., и самый, такъ сказать, «психологическій» методъ ихъ объясненія. Методъ этотъ съ успѣхомъ примѣняется имъ на протяжении всей работы.

Такъ, онъ никогда не могъ понять, какимъ образомъ извѣстный Колубакинъ, котораго, кстати сказать, И. Ф. называетъ то Кулебакинымъ, то Кулебакинымъ, могъ попасть въ лагерь «если не явныхъ революціонеровъ, то во всякомъ случаѣ ультра-либеральный». Иванъ Францевичъ и здѣсь находитъ психологическое объясненіе: «вѣроятно, его перетянуло въ свой лагерь Родичевъ, съ которымъ Кулебакинъ былъ сосѣдомъ, а къ этому присоединилась способность порядочно говорить, ну, съ такой способностью, конечно, можно было больше блеснуть на почвѣ либеральной».

Не менѣе послѣдовательно и психологично объясняетъ Иванъ Францевичъ фактъ участія въ революціонномъ движеніи молодежи. «Апологеты революціи, — сообщаетъ онъ, — объясняютъ это свойственной молодости отзывчивостью на все доброе, способностью загораться неудержимымъ стремленіемъ къ идеалу. Это вѣрно только по отношенію къ учащейся молодежи, которая настолько образована, что можетъ увлекаться отвлеченными идеалами, не имѣя житейскаго опыта понять ихъ полную неосуществимость и противурѣчивость съ законами природы». Это Иванъ Францевичъ еще можетъ допустить, «но, — продолжаетъ онъ далѣе, — приписывать такія стремленія какому либо неучу, не прочитавшему въ жизни ни одной книжки, понятія не имѣющему объ отвлеченномъ мышленіи, это.... грубый подлогъ».

Нужно ли говорить, каковы взгляды Ивана Францевича на евреевъ, печать?

Настоящій «истинно-русскій человѣкъ», онъ видитъ въ евреяхъ одну изъ основныхъ причинъ революціи, а о погромахъ, которые онъ называетъ мягко «патріотическими манифестаціями», говоритъ благодушно, какъ о «нѣкоторомъ противодѣйствіи г.г. освободителямъ».

Отношеніе къ печати у И. Ф. достаточно радикальное. Въ его глазахъ она стоитъ очень невысоко: всюду газета у него играетъ роль отрицательную, и физическое воздѣйствіе на зарвавшихся газетчиковъ не вызываетъ губернаторскаго осужденія, скорѣе напротивъ. По крайней мѣрѣ, Иванъ Францевичъ съ большимъ добродушемъ рассказываетъ, какъ въ Челябинскѣ генералъ Сташевскій убилъ редактора, предварительно его объ этомъ «спокойно» пред-

упредивъ, а въ Пензѣ губернаторскій чиновникъ особыхъ поручений Н. Д. Кользанъ «поѣхалъ въ редакцію въ сопровожденіи свидѣтеля, вызвалъ редактора и порядочно его отколотилъ». «Когда я узналъ объ этомъ казусѣ», — скромно пишетъ И. Ф., — «то рѣшилъ въ него не вмѣшиваться, предоставляя редактору искать удовлетворенія судомъ».

Нужно ли говорить, что такая цѣльность и непосредственность мировоззрѣнія весьма соответствовали положенію, занимаемому нашимъ героемъ? Дѣйствительно, Иванъ Францевичъ со всѣхъ сторонъ слышалъ наилучшія аттестаціи своей дѣятельности. По крайней мѣрѣ, Столыпинъ, этотъ признанный авторитетъ въ административномъ правѣ, считалъ его отличнымъ губернаторомъ, а на прощальномъ обѣдѣ въ Пензѣ суровый скептикъ губернской предводитель дворянства, Д. А. Гевличъ, заявилъ, что лучшими губернаторами въ Пензѣ были — Святополкъ-Мирскій и Иванъ Францевичъ.

Не ясно ли, что «воспоминанія» нашего героя приобрѣтаютъ особую цѣнность, какъ рассказъ о дѣятельности человека, официально и авторитетно признаннаго отличнымъ администраторомъ!

3. Первые шаги Ивана Францевича на административномъ поприщѣ.

Когда И. Ф. получилъ телеграмму о назначеніи самарскимъ вице-губернаторомъ, онъ «такъ и обмеръ». Имъ «овладѣло весьма сложное чувство»: и потрясающая радость — «наконецъ! мечты мои сбылись», и сосущая тревога — революционное движеніе въ Самарѣ было особенно сильно, и удивленіе — его назначили, не спросивъ о томъ, хочетъ ли онъ принять это назначеніе, повидимому, въ министерствѣ полагали, что «всякій человекъ хочетъ быть губернаторомъ», и въ данномъ случаѣ не ошиблись.

Если въ первое время въ душѣ вице-губернатора преобладала радость, то въ слѣдующе затѣмъ дни, дни знакомства съ новымъ городомъ, несомнѣнно преобладалъ страхъ. «А если я не найду въ себѣ достаточно мужества бороться съ революціей и позорно струну и спасую?»

Первыя впечатлѣнія отъ Самары были самыя нерадостныя: на улицахъ съ самаго ранняго утра «огромное количество черныхъ блузъ съ широкими поясами, — костюмъ, принятый ея величествомъ революціей», — арестанты, поющіе «довольно мощнымъ хоромъ революционный гимнъ «Вставай, поднимайся, русскій народъ», конвоиры-солдаты и поставленный у гостиницы городской. Немудрено, что, когда Иванъ Францевичъ въ первый разъ ѣхалъ по самарскимъ улицамъ, ему казалось, что «публика съ тротуаровъ, видя меня въ формѣ, очевидно, знала, что я новый вице-губернаторъ», и «чер-

ныя рубашки нахально смотрѣли мнѣ прямо въ глаза». «Я не умѣю передать, — возмущенно восклицаетъ онъ. — сколько въ ихъ поведеніи было умышленной дерзости. Я закипалъ въ душѣ отъ злости, но дѣлалъ, конечно, видъ, что не обращаю никакого вниманія. Очевидно, не стоило заводить скандала».

Здѣсь Иванъ Францевичъ, несомнѣнно, преувеличиваетъ. Трудно допустить, чтобы въ большомъ приволжскомъ городѣ всѣ черныя рубашки на улицахъ могли знать въ лицо вице-губернатора черезъ 15 часовъ послѣ его поѣзда, не ознаменованнаго ничѣмъ особеннымъ. Здѣсь — виною все тотъ же страхъ передъ революціей, который не покидалъ Ивана Францевича во время его службы. Самарскій прокуроръ, кажется ему — социаль-демократомъ, самарскіе жандармы слишкомъ малодѣтельными и запуганными революціей, сельскія учительницы — террористками.

Особенно страшно было на первыхъ приѣмахъ, когда ему пришлось замѣщать губернатора. «Воображеніе особенно бурно работало, но я напустилъ на себя совершенно спокойный видъ... а для своего успокоенія рѣшилъ подходить къ каждому просителю вплотную, пристально слѣдить за каждымъ его движеніемъ и въ случаѣ надобности схватить подозрительнаго человѣка въ охапку и не дать ему возможности пошелохнуться, пока не придетъ на выручку помощь... Браунингъ меня не покидалъ ни на одну минуту».

Рекомендуя этотъ способъ, Иванъ Францевичъ сознаетъ, что онъ далекъ отъ совершенства, будучи непримѣнимъ на общихъ приѣмахъ, «потому что, пока вы говорите съ однимъ, другой можетъ васъ въ это время ухлопать...»

Но «наибольшую сенсацию на приѣмѣ производило появленіе всякихъ уволенныхъ за агитацию народныхъ учительницъ. Эти дамы являлись обыкновенно съ сумочками, а что у нея въ сумочкѣ — неизвѣстно».

Еще больше страха испыталъ Иванъ Францевичъ при первомъ выѣздѣ на усмиреніе крестьянъ села Кинель-Черкассы. Крестьяне напали на исправника, стражники стрѣляли, убивъ двоихъ, — губернаторъ послалъ вице-губернатора для разслѣдованія дѣла.

Ночью въ Кинель выступила рота солдатъ, утромъ выѣхалъ Иванъ Францевичъ. Страницы «Воспоминаній», гдѣ имъ описываются его ощущенія во время этой поѣздки, глубоко поучительны. Несомнѣнно, онъ очень боялся крестьянъ, въ то же время, по неопытности, онъ содрогался при мысли о томъ, что придется быть можетъ, «наѣвн обезславить свое доброе имя Неприятно было отъ станціи ѣхать съ конвоемъ, «точно въ неприятельской странѣ», было «ужасно страшно» выступать передъ сходомъ: «внутри тебя все

какъ то страшно напрялось, во рту сухость, руки влажныя». Приходилось; однако, разыгрывать «комедию спокойствія», громко разговаривая со спутниками, стараясь смѣяться... Мысль о войскахъ его успокоила и со сходомъ онъ говорилъ «громко, строго, въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ».

Произведя аресты, Иванъ Францевичъ отбылъ въ Самару. «Съ какимъ наслажденіемъ я вернулся домой, почувствовавъ себя внѣ всякихъ случайностей», — «не могъ же я разсматривать произведенные аресты, какъ что-то печальное», — добавляетъ онъ тутъ же.

Не разъ послѣ этого приходилось вице-губернатору ѣздить на усмирение, ѣздить и губернаторъ. Работы было много. «Ну что же, — горько сознается въ своемъ безсиліи Иванъ Францевичъ, — вотъ мы бьемся, какъ бѣлка въ колесѣ, летимъ тушить пожаръ въ одномъ концѣ губерніи, а въ десяти другихъ мѣстахъ въ то же время появляется зарево. Получалось какое-то толченіе воды въ ступѣ».

Причина бесплодности работы для новоиспеченнаго администратора была ясна: Государственная Дума — революционизирующий центръ. Негодование Ивана Францевича достигаетъ своего апогея при воспоминаніи объ убитомъ депутатѣ Герценштейнѣ. «Прошло уже почти десять лѣтъ съ той поры, а я не могу вспомнить этихъ словъ и этой злорадно-насмѣшливой фигуры безъ того, чтобы въ крови не зажегся огонь негодования. Герценштейнъ погибъ, но эта его смерть не искушила его цинизма, его дерзкаго издѣвательства надъ слезами и кровью Россіи».

На сторонѣ порядка, конечно, были вооруженныя силы. Но и тутъ Иванъ Францевичъ высказываетъ пессимистическія, нѣсколько странно звучащія въ устахъ опытнаго администратора мнѣнія. «Вѣдь эти силы (вооруженныя) состоятъ изъ тѣхъ же русскихъ людей, которые по самой природѣ не могутъ не страшить господствующихъ въ народѣ настроеній.

Удручало вице-губернатора и революционное движеніе въ самой Самарѣ. «Черныя рубашки» вздумали устраивать митинги въ городѣ, но полиція и казаки имъ это помѣшали сдѣлать. Тогда митинги стали устраиваться на противоположной сторонѣ Волги, которая принадлежитъ уже къ Сибирской губерніи, почему «революционеры тамъ считали себя внѣ воздѣйствія самарской полиціи». «И вотъ установился такой обычай. Въ каждый праздникъ многочисленная и свободомыслящая, и поддѣлывающаяся къ ней публика садилась въ лодки и ѣхала на ту сторону. Переѣхавъ сѣредину Волги, на лодкахъ выкидывали красныя флаги и зафѣвали революціонныя пѣсни. На берегу, на полянѣ между дустарниками, отрывался митингъ и протекалъ безъ всяческой

помѣхи. По окончаніи митинга всѣ возвращались въ Самару. Жандармскіе чины, конечно, бывали переодѣтыми на этихъ сборищахъ и, разумѣется, знали, что тамъ происходило. Такой способъ давалъ даже извѣстныя удобства наблюденію за революціей; можетъ быть, въ этомъ и заключалось объясненіе, почему на митинга не обращалось вниманія».

Во время своего губернаторства Иванъ Францевичъ такъ боялся революціонеровъ, что однажды чуть не умеръ со страха, увидавъ ѣдущаго къ нему навстрѣчу велосипедиста съ какимъ-то чемоданчикомъ въ рукахъ. Теперь же, сидя у себя, въ кабинетѣ за составленіемъ мемуаровъ, онъ часто подшучиваетъ и издѣвается надъ ихъ «убогостью» и «несообразительностью». Врядъ ли «черныя рубашки», если онъ сейчасъ существуютъ въ природѣ, будутъ читать «воспоминанія» Ивана Францевича, въ противномъ случаѣ, и они могли бы найти нѣсколько полезныхъ для себя совѣтовъ. Такъ, И. Ф. отрицательно высказывается о манерѣ революціонныхъ ораторовъ говорить рѣчи. По его сообщенію, ихъ трудно бывало понять. «Объясняется это, конечно, глубѣйшей привычкой революціонеровъ говорить высокопарно, уснащая свое изложеніе множествомъ иностранныхъ словъ, которыя простой человекъ или совсѣмъ не понимаетъ, или толкуетъ ихъ такъ неожиданно, что бросаетъ въ жаръ самого автора».

Отсутствіемъ предусмотрительности у революціонеровъ Иванъ Францевичъ объясняетъ и то, что населеніе осталось совершенно безучастнымъ къ роспуску первой Думы. «Вѣроятно, — соображаетъ И. Ф., — центральный революціонный комитетъ... не разослалъ по мѣстамъ директивъ, какъ слѣдуетъ дѣйствовать. А убогие мѣстные освободители не посмѣли взять инициативу въ свои руки и пропустили самый подходящий моментъ...»

Смерть губернатора Блока, убитаго, поставила Ивана Францевича временно во главѣ губерніи.

Судя по тѣмъ скромнымъ запискамъ, которыя сдѣланы имъ въ своихъ мемуарахъ, онъ исполнялъ и губернаторскія обязанности съ большимъ рвеніемъ. Онъ вошелъ въ дипломатическія сношенія съ управителемъ страны, лежавшей по ту сторону Волги, и прекратилъ тамъ митинги. Подтянулъ тюрьму, удачно боролся съ голодовками. Наконецъ, приемы усмиренія крестьянъ стали болѣе увѣренными. Такъ, въ имѣніи Чарыкова, гдѣ былъ сожженъ домъ управляющаго, онъ собралъ сходъ и «грозно потребовалъ» немедленной выдачи «виновниковъ» и назначилъ имъ на размышленіе четверть часа. «Если по истеченіи этого срока мое требованіе выполнено не будетъ, то я вызову сюда артиллерию и прикажу снарядами снести вонъ ту часть деревни, которая расположена на горкѣ, передъ мѣстомъ созыва сельскаго схода».

4. *Смутный периодъ въ жизни Ивана Францевича.*

Въ Самару былъ назначенъ новый губернаторъ, и Иванъ Францевичъ сталъ «калифомъ на часъ», пришлось «отойти на задній планъ, а сладость первенства уже забыть нельзя» и... онъ захворалъ, по своему собственному опредѣленію, «вице-губернаторской болѣзнью». Симптомами этой болѣзни является затаенная обида на губернатора, чувствительность ко всякимъ замѣчаніямъ его, порою нѣкоторая противогубернаторская фронда. Стоить не пригласить вице-губернатора на обѣдъ, подать не ему первую руку, отношения портятся, «милые сослуживцы» стараются довести до губернатора всякое неосторожное слово его помощника... вотъ «и пошла писать губернія»...

Вполнѣ понятно поэтому, что отношенія у губернаторовъ съ вице-губернаторами «преимущественно натянутыя и исключенія чрезвычайно рѣдки».

Когда былъ убитъ Блокъ, на его мѣсто былъ назначенъ нѣкто Якунинъ. Иванъ Францевичъ уже болѣлъ «вице-губернаторской болѣзнью», а потому отношенія у него съ новымъ губернаторомъ не могли наладиться. Къ тому же онъ позволилъ себѣ въ разговорѣ съ сослуживцами критиковать дѣйствія Якунина, тѣ же эти критическіе отзывы послѣднему передали. Въ другой разъ онъ «не удержался отъ открытаго осужденія роли губернатора», что также дошло до губернатора, который сталъ видѣть въ Иванѣ Францевичѣ врага, «готоваго устроить ему всякую пакость».

Иванъ Францевичъ началъ нервничать. А тутъ еще жандармы напугали. Однажды утромъ онъ получаетъ отъ помощника начальника жандармскаго управления письмо:

«Въ виду обнаруженія вблизи квартиры Вашего Превосходительства установки наблюденія за Вами со стороны революционеровъ, покорнѣйше прошу Васъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не выходить изъ дому...»

Пришлось сидѣть дома. «Какъ звѣрь въ клѣткѣ, принимаюсь бѣгать по кабинету, выходящему на улицу, внимательно всматриваюсь въ улицу, не замѣчу ли я этого «наблюденія». Но тамъ все такъ же, какъ всегда. Проходятъ люди по своимъ дѣламъ, проѣдетъ изрѣдка извозчикъ...»

Самыя мрачныя мысли приходили въ это время Ивану Францевичу въ голову: «стоитъ ли переносить эту пытку?» Подъ влияніемъ этихъ мыслей онъ пишетъ письмо главному управляющему землеустройствомъ Б. А. Васильчикову, прося мѣста въ его вѣдомствѣ.

Домашняго ареста онъ, наконецъ, не выдержалъ, вышелъ на улицу, а черезъ нѣкоторое время уѣхалъ въ отпускъ. Насколько была потрясена нервная система Ивана Францевича, — лучше всего характеризуетъ то, какъ уѣзжалъ онъ въ отпускъ. Сперва онъ

хотѣлъ уѣхать по желѣзной дорогѣ, но въ вагонѣ перваго класса онъ увидѣлъ какихъ-то подозрительныхъ людей, и въ «животномъ ужасѣ» выскочилъ изъ вагона за нѣсколько минутъ до отхода поѣзда; совершенно подавленный уѣхалъ онъ домой, гдѣ съ нимъ случился сильнѣйшій нервный припадокъ. А на другой день, не говоря ни слова даже полицеймейстеру, Иванъ Францевичъ пробрался тайкомъ на пароходъ, «сѣлъ въ каюту, занеръ двери, опустил на окнѣ жалюзи и сталъ смотрѣть сквозь щели жалюзи, нѣтъ ли кого подозрительнаго на пристани».

Въ Петроградѣ былъ обласканъ Столыпинымъ, зимою получилъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, шопѣшно завелъ себѣ пальто съ красной генеральской подкладкой, а къ веснѣ былъ назначенъ пензенскимъ губернаторомъ.

Успѣхъ этотъ поразилъ и окрылилъ Ивана Францевича, но, по своей скромности, онъ приписалъ его «предопредѣленю, этому таинственному повелителю судебъ людей, угадать рѣшениа котораго не дано слабому человѣческому предвидѣнью...»

5. Иванъ Францевичъ — губернаторъ.

Смутный періодъ кончился, сбылись предсказанія дѣдушки... Описывать ли его жизнь въ Пензѣ? Описывать ли его мудрую распорядительность, его гуманность и человѣчность, добродушие и государственный умъ, — проявленные имъ на этомъ посту?

Мировоззрѣніе его осталось тѣмъ же, способы управления сдѣлались болѣе твердыми, страхъ передъ революціей ослабѣлъ, Иванъ Францевичъ вошелъ въ роль хозяина губернии и объединителя общества и, если бы не чрезмѣрное самолюбие, благополучно оставался бы на своемъ мѣстѣ, можетъ быть, и до нашихъ дней...

Въ его «Воспоминаніяхъ», посвященныхъ этому періоду, много красочныхъ страницъ и полезныхъ совѣтовъ для начинающихъ губернаторовъ. Мы не будемъ утомлять читателя ихъ повтореніемъ, приведемъ лишь нѣкоторые, наиболѣе существенные факты.

Для начинающихъ особенно цѣнными слѣдуетъ признать совѣты, какъ объединить мѣстное общество. А губернаторъ «долженъ его объединить: у него должны встрѣчаться круги дворянскій, земскій, чиновничій... это близкое общеніе страшно облегчаетъ управление...»

Чтобы не было натянутости при общеніи, необходимо своимъ гостямъ щедро предлагать вино. «Поднимая нервы, вино заставляетъ самыхъ застѣнчивыхъ людей становиться смѣло общительными, незнакомые между собою сближаются, бесѣда становится оживленной и.. и ваши гости уходятъ изъ вашего дома, сохраняя пріятное воспоминаніе о проведенномъ вечерѣ. Вотъ почему моею первой

заботой было позаботиться объ открытыхъ буфетахъ съ шампанскимъ и крошономъ».

Конечно, при этомъ слѣдуетъ соблюдать большую осторожность, такъ какъ однажды Иванъ Францевичъ случайно вмѣсто крошена пилъ неразбавленную эссенцію, состоявшую изъ коньяка и ликеровъ, и принужденъ былъ уйти съ бала задолго до его окончанія, что вызвало всеобщее смущеніе и даже частныя сообщенія Столыпину, сдѣланному потомъ губернатору отеческое внушеніе.

Хорошія отношенія наладились у Ивана Францевича и съ ген. Сандецкимъ, который утверждалъ «всѣ . . . приговоры военнаго суда за политическія убійства, — не такъ, какъ его предшественникъ», — что, разумѣется, весьма способствовало «успокоенію» населенія.

Смущали нѣсколько учебныя заведенія, но съ ними Иванъ Францевичъ справился безъ труда. Не найдя, напримѣръ, управы на одного изъ директоровъ училищъ у попечителя Соколовскаго, личнаго друга Кассо, онъ обратился къ Столыпину, и директора убрали.

Безпокоили сельскіе священники, такъ какъ «участіе духовенства въ смутѣ въ Пензенской губерніи выплывало очень и очень нерѣдко», и вообще среди него всегда «бывало значительное количество политиканствующаго элемента». Передъ выборами въ Государственную Думу была произведена «справедливая и довольно суровая расправа съ батюшками краснаго направленія... которая образумила большинство духовенства, потерявшаго охоту позировать въ качествѣ народныхъ трибуновъ».

За выборами въ Думу Иванъ Францевичъ внимательно слѣдилъ, и они дали «прекрасные результаты: въ депутаты были избраны люди уравновѣшенные, частью правые, частью октябристы и лишь одинъ депутатъ былъ по позднѣйшей номенклатурѣ прогрессистомъ». «Депутаты наши въ Думѣ не выдѣлялись, ораторовъ среди нихъ не оказалось».

И вотъ это тихое и мирное житіе было нарушено пустяжной исторіей, гдѣ губернатору подставить ножку правитель канцеляріи, натравивъ на него уволеннаго въ отставку исправника. Столыпинъ остался недоволенъ увольненіемъ исправника, и обиженный Иванъ Францевичъ ушелъ.

6. Уходъ Ивана Францевича.

Передъ тѣмъ, какъ подать въ отставку, Иванъ Францевичъ много думалъ. Приводимъ нетронутой скорбной страницю «Воспоминаній», гдѣ кратко изложены эти думы.

«Я всю жизнь привыкъ много работать и остаться теперь безъ дѣла, когда силы еще имѣются, разумѣется, страшно. Но, можетъ быть, я добуду себѣ какое-либо частное дѣло, которое заполнить мое время. Да вотъ хотя бы заняться генеологическими изысканіями о прошломъ нашего стараго русскаго дворянскаго рода, по нашимъ фамильнымъ преданіямъ связаннаго съ царствующимъ домомъ Романовыхъ и многими другими русскими фамиліями. Вѣдь такія изысканія могутъ представить и общій историческій интересъ.

Кромѣ того, можно бы заняться составленіемъ воспоминаній о годахъ революціи, которые мнѣ пришлось прожить въ тяжелой борьбѣ съ нею. Событія эти имѣютъ слишкомъ большой интересъ, а потому успѣхъ такимъ воспоминаніямъ обезпеченъ».

Мы не знаемъ, какъ пошло дѣло съ «генеологическими изысканіями», но воспоминанія передъ нами, и каждый, кто хочетъ, можетъ прочесть книгу Ивана Францевича Кошко. Воспоминанія губернатора. Новгородъ-Самара-Венза. Петроградъ, 1916 г. Изданіе, повидимому, автора. Цѣна 2 руб. 50 коп.

На обложкѣ стоитъ подзаголовокъ: (1905—1914). Изложеніе событій въ книгѣ доведено только до 1909-го года. Будемъ надѣяться, что составленіе этихъ высокополезныхъ и высокопоучительныхъ воспоминаній (Пермь?) будетъ доведено до конца: надѣ же кому нибудь продолжать дѣло, начатое покойнымъ Михаиломъ Евграфовичемъ...

Ад. Бильскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. ¹

ВОЕННЫЯ ПРИБЫЛИ.

(Къ характеристикъ промышленнаго патриотизма).

Въ жизни промышленности за время войны слѣдуетъ различать два периода: первый — съ начала войны до пресловутой мобилизаціи промышленности, второй — до настоящаго времени. Первый періодъ характеризуется значительнымъ ростомъ личной инициативы, второй — кипучей общественной дѣятельностью буржуазіи, какъ класса. Съ самаго начала войны промышленность приняла горячее участие въ интенсивной работѣ тыла на нужды войны, но это была работа отдѣльныхъ промышленниковъ и предпринимателей. Какъ классъ, буржуазія оформила свое отношеніе къ войнѣ много времени спустя. Въ первомъ періодѣ войны русская промышленность творила свое дѣло помощью войнѣ индивидуальными, иногда конкурирующими между собой усилиями, во второмъ — начинается координація усилий.

Для выполнения задачъ, поставленныхъ всеевропейской войной, промышленность не была достаточно подготовлена ни въ одномъ изъ воюющихъ государствъ, особенно-же въ Россіи. Для того, чтобы успѣшно удовлетворять тѣ требованія, которыя предъявлялись со стороны армии къ промышленности, необходимо было напрячь всѣ силы, мобилизовать всѣ имѣющіяся въ распоряженіи средства, и при такихъ условіяхъ о конкуренціи не могло быть и рѣчи, кромѣ того, и надобности въ ней не было. Время войны — для промышленности время наживы, когда ассигнуемыхъ и расходуемыхъ казной средствъ, грубо выражаясь, «на всѣхъ хватаетъ»...

Мобилизація промышленности, безусловно, способствовала напряженію всѣхъ силъ ея. Благодаря ей, были использованы весьма многія возможности, смягчены многія трудности, и вся промышленная дѣятельность въ цѣломъ приняла болѣе стройный видъ. Мысли и лозунги своихъ идеологовъ—борьба за Константинополь и проливы, завоеваніе Угорской и Червонной Руси, освобожденіе малыхъ народовъ, «возсоединеніе растерзанной Польши» — буржуазія усвоила и выставила, какъ свое классовое знамя. Это было казовой стороной ея программы, и промышленная буржуазія сплотилась вокругъ этихъ лозунговъ, готовая грудью отстаивать ихъ, но ближайшей задачей момента являлась защита отечества и необходимая для этого работа промышленности — и эту задачу промышленники стали осуществлять не за страхъ, а за совѣсть. Разумѣется, эта работа принесла русской промышленности и весьма ощутительныя реальныя выгоды,

¹ Ст. В. Б-рова «Междудумье» (вмѣсто политическаго обзора) не могла быть помѣщена по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ.

въ видѣ возросшихъ доходовъ и прибылей, точно учесть которыя очень трудно.

Въ русской, какъ и въ европейской, промышленности давно укоренился порядокъ во что бы то ни стало скрывать получаемые доходы. Большую услугу въ этомъ отношеніи оказываютъ всякія отчисления въ запасные фонды, на амортизацию имущества, на расширение предприятия и пр., а остальное дѣлаетъ хитроумная заводская бухгалтерія, неизмѣнно и неуклонно показывающая пониженыя сравнительно съ дѣйствительными доходы предприятий.

Во всякомъ случаѣ, судя только по опубликованнымъ даннымъ краткихъ и сухихъ отчетовъ различныхъ акционерныхъ предприятий, можно нарисовать достаточно яркую картину обогащенія промышленности въ теченіе войны. Последніе годы передъ войной (1912—1913 и 1914 до войны) для русской промышленности были годами подъема, исключительно благоприятными въ смыслѣ общей промышленной конъюнктуры. Въ связи съ этимъ доходы промышленныхъ предприятий были выше доходовъ предыдущихъ лѣтъ. Доходность промышленныхъ предприятий въ 1914—1915 гг. еще значительно повысилась по сравнению съ рекорднымъ 1913—1914 годомъ. Попробуемъ иллюстрировать это утверждение примѣрами, почерпнутыми изъ отчетовъ промышленныхъ предприятий. Несмотря на обычные значительныя отчисления въ запасные фонды и на амортизацию, въ 1913—1914 г. промышленныя предприятия выдали весьма солидные дивиденды, такъ, на примѣръ: Богословское Горнозаводское Общество, обладающее капиталомъ, реализованнымъ въ имущество въ суммѣ 24.164,657 рублей, получило прибыли 3.753,607 рублей, изъ которой только 1.800.000 рублей было выдано въ видѣ дивиденда по 15 рублей на акцію...

Сгруппируемъ данныя о доходахъ различныхъ промышленныхъ предприятий въ теченіе 1913—1914 г. въ таблицу: ¹

Наименов. предпр.	Основной капиталъ:	Чистая прибыль.	Сумма дивиденда.	Дивид. на акцію.
	Руб.	Руб.	Руб.	Руб.
Богосл. Горнозав. О-во	24.164.657	3.753.607	1.800.000	15
О-во Беккеръ	11.000.000	1.011.558	660.000	6
Путиловск. зав.	25.000.000	2.874.877	1.562.500	6,25
Нефтепром. и торг. О-во	10.000.000	1.800.207	1.400.000	140
Соед. кабельн. зав.	6.000.000	1.399.324	600.000	10 %
О-во «Тюдоръ»	2.400.000	400.697	—	6 %
Ленское Золотопромыш- ленное О-во	16.500.000	1.965.342	—	—
«Прометъ»	1.200.000	195.491	—	15
Александр. Т-во сахарн. зав.	20.000.000	2.892.724	—	30
Нефтепром. О-во Петро- Баку	6.000.000	432.928	—	Ю

¹ Цифры о первыхъ 18 предприятияхъ изъ разныхъ №№ «Пром. и Торг.» за 1914—1915 гг.; 10 остальныхъ изъ «Прав. Вѣстника», 1913 г.

Наименов. предпр.	Основной капитал, Руб.	Чистая прибыль, Руб.	Сумма дивиденда, Руб.	Дивид. на акцию, Руб.
Нефтепром. О-во Теръ-Акоповъ	—	1.586.772	—	35 (14 %)
О-во «Нефть»	16.500.000	4.459.035	—	16%
Брянск. копи и рудники	3.375.000	701.717	—	15
Зав. Шапшаль	1.800.000	240.250	—	10
«Проводникъ»	18.000.000	3.962.623	—	14 %
Есеобщ. Комп. Электр.	12.000.000	1.751.479	—	23 ½ %
Сиенсъ и Гальске	5.600.000	504.434	—	24 (6 %)
Дюфлонъ	1.500.000	251.414	—	12 ½ %
Сиенсъ-Шуккертъ	15.000.000	1.297.426	—	6 %
Брянскій Рельсо-прокатный	32.976.816	4.764.259	1.175.000	8
«Богатырь»	9.938.000	887.428	—	5 ½
Тюлевая фабр.	630.000	104.656	—	16
Кыштымские зав.	16.000.000	3.490.709	2.000.000	12,5 %
Гартманъ зав.	9.000.000	1.041.138	—	7
Моск. рафин. зав.	1.500.000	234.738	—	7 %
Викула Морозовъ	10.000.000	1.478.788	—	—
Дон.-Юрьевск. О-во	22.100.000	4.493.250	—	8 %
Р.-Бельг. зав.	20.000.000	5.471.836	1.800.000	—
Екатериносл. Горнопром. О-во	12.903.053	1.409.259	—	—
Тульскій Чугуноплав. зав.	5.000.000	—	—	7,5
Савва Морозовъ	15.000.000	3.390.000	—	100
Вакуумъ-Ойлъ Комп.	2.400.000	144.148	—	5 %
Краматорск. Металлург. О-во	7.225.000	1.987.145	—	—

Изъ приведенныхъ данныхъ мы видимъ, что 28 промышленныхъ предприятий, выбранныхъ наугадъ и случайно, при основномъ капиталѣ приблизительно въ 280 миллионовъ рублей, заработали начисто около 50.000.000 рублей, т. е. получили около 16—17% чистой прибыли. Изъ той же таблицы мы видимъ, что выдаваемый этими предприятиями дивидендъ въ среднемъ составлялъ 5—10%. Остальныя суммы исчезли гдѣ-то въ пути, разнесенныя по толстымъ бухгалтерскимъ книгамъ.

Насколько широко практиковались всевозможныя отчисления, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ: чистая прибыль Русско-Бельгійскаго завода за 1913—1914 г. составила 5.471.836 руб., изъ которыхъ 3.200.000 руб. ушло на погашения и только 1.800.000 было выдано акционерамъ («Правит. Вѣстн.» 1915 г. № 9). На Краматорскомъ заводѣ изъ 1.987.145 рублей чистой прибыли погашения поглотили 1.204.902 рубля («Правит. Вѣстн.» № 80).

Въ 1915 году промышленная конъюнктура въ смыслѣ увеличения доходовъ еще улучшилась. Въ 1914 году промышленныя предприятия получили массу казенныхъ заказовъ, но выполнены послѣдніе могли быть только въ 1915 году, а частью исполненіе затянулось и до 1916 г. Въ связи съ этими заказами, для выполнения ихъ, многимъ предприятиямъ пришлось переоборудовать заводы, закупать новыя станки и пр., что, казалось-бы, должно было значительно пони-

отъ ихъ доходы за текущій годъ. Золотая жатва посѣва 1914 года могла дать плоды въ концѣ 1915 и въ 1916 году... Отвѣтомъ на это служить приводимая ниже таблица, составленная на основаніи тѣхъ же источниковъ:

Наименов. предпр.	Основной капиталъ.	Чистая прибыль.	Сумма дивиденда.	Дивидендъ на акцію.
Никоп. Маруп. О-во	25.800.000	5.376.569	—	15
Бр. Мамонтовы	1.100.000	792.285	—	—
Атласъ Петрогр.	1.500.000	264.346	—	10
Цыпленковъ и Лабунскіи	600.000	159.305	—	—
Викула Морозовъ	10.000.000	3.281.999	—	100
Харьк. Сах.-рафин. зав.	2.400.000	1.458.818	—	160
Федор. Сах. зав.	1.000.000	732.495	—	100
Никитовка	2.400.000	351.350	—	—
Эльворти	8.000.000	1.099.566	—	—
Прометь	1.200.000	459.795	—	—
Треугольникъ	21.000.000	11.932.900	7.350.000	—
Бр. Шмидтъ (въ Саратовѣ)	6.000.000	2.032.972	—	—
Бакинск. Нефтепром. Т-во	7.785.500	9.206.600	4.671.300	—
Иванъ Коноваловъ	7.000.000	7.101.072	1.207.000	7½%
Соед.-Каб. зав.	6.000.000	3.520.832	—	25%
Сулинск. зав.	10.000.000	2.191.000	—	7,5
Луганскій зав.	740.000	272.113	—	—
Невьянскіе зав.	6.500.000	595.674	—	—
Лесснеръ	6.000.000	1.835.739	—	18%
Покровская Бумагопр.	4.000.000	663.893	—	—
Робертъ Кругъ	400.000	100.188	—	—
Дюфлонъ	1.500.000	670.565	—	14
В. А. Лебедевъ	1.000.000	278.326	—	17%
Франко-Русск. О-во	750.000	231.951	—	—
Беккеръ	800.000	200.053	—	8
Гейслеръ	1.000.000	269.705	—	12%
Камское О-во	3.600.000	761.091	—	—
Русск.-Судоостр. О-во	10.000.000	1.352.255	750.000	7,5
Романовск. льнян. м-ра	3.100.000	1.990.887	—	—

Въ 1914—1915 г. 29 промышленныхъ предприятий съ основнымъ капиталомъ около 150.000.000 руб. получили чистой прибыли около 60.000.000 руб., т. е. нажили около 38% чистыхъ.

Такимъ образомъ, общая норма прибыли, по сравненію съ прошлымъ годомъ, повысилась вдвое. Однако, дивиденды, выплаченные акціонерамъ, повысились незначительно и колебались въ предѣлахъ отъ 7 до 17%. Въ 1914—1915 г. значительно увеличились не только доходы промышленности, непосредственно работающей на оборону, такъ называемой «мобилизованной», а доходы всей вообще промышленности. Гдѣ только громыхали машины, гдѣ безостановочно и беззвучно скользили ремни, гдѣ находилъ приложение человѣчскій трудъ—туда обильнымъ потокомъ текли деньги и совершалось быстрое обогащеніе предприятия. Ростъ прибыли превысилъ всѣ обычныя нормы и привычныя понятія. И въ первую очередь, конечно, росли доходы предприятий, работающихъ на государственную оборону. Въ известной запискѣ Гучкова приведены ошеломляющія цифры:

«Тульскіе мѣднопрокатные заводы, до войны дававшіе отъ

1.800.000 до 2.800.000 рублей чистой прибыли, за годъ войны дали 8.390.000 рублей чистой прибыли, т. е. почти вчетверо больше; Кольчугинскіе заводы, вмѣсто 2.230,000 рублей предыдущаго года, дали 4.220.000 руб. чистой прибыли. Никополь-Марупольскіе заводы за годъ войны заработали на 1.280.000 рублей больше, чѣмъ въ предыдущій годъ. Сормовскіе заводы дали 1.600.000 рублей военной прибыли, Коломенскіе — 2.460.000 рублей, Соединенные кабельные — 1.940,000 руб. и т. д.» («Новое Время» 8—VI—1916 г. № 14459).

Отчеты всевозможныхъ промышленныхъ предприятий убѣдительно и безпристрастнымъ языкомъ цифръ говорятъ о колоссальномъ, еще небываломъ обогащеніи ихъ. Это уже не нажива, а какая-то вакханалія, безудержная и стремительная, не сдерживаемая никакими преградами. И размахъ обогащенія все усиливается. Доходы промышленности въ 1915—1916 году растутъ еще стремительнѣе. Снова цифры говорятъ сами за себя:

45 предприятий, принадлежащихъ къ десяти различнымъ отраслямъ промышленности за отчетный 1915—1916 г., получили слѣдующую прибыль:

4 металлург. и машиностр. предпр.	27 миллионѡвъ руб.
10 мануфактурн.	7 » »
9 сахарн.	5 ½ » »
6 колониальн.-бакалейн.	1 ½ » »
1 мукомольн.	346.000 руб.
1 льсопромышл. О-во	152.000 руб.
2 кожевенн. предпр.	3 миллиона руб.
5 писчебумажн. и издат. предпр.	2 » »

Итого, 45 предприятий съ капиталомъ въ 83½ милл. рублей получили за одинъ годъ 49 миллионѡвъ рублей чистой прибыли («Совр. Миръ» — 1916 г. № 12, стр. 99).

Въ нашемъ распоряженіи имѣется очень много примѣровъ, еще болѣе ярко и наглядно иллюстрирующихъ положеніе вещей: такъ, напримѣръ, Т-во Любимовскаго свеклосахарнаго зав., Федоровскаго сахарнаго и Московскаго сахарно-рафинаднаго заводовъ, при общемъ основномъ капиталѣ въ 3.700.000 рублей, на такой сравнительно небольшой капиталъ получили 2.132.000 рублей чистой прибыли — почти 75 к. на рубль. Двадцать пять мануфактурныхъ предприятий, располагающихъ основнымъ капиталомъ въ общей сложности на сумму 94 миллиона рублей, получили чистой прибыли 39 миллионѡвъ рублей. Никольская мануфактура Саввы Морозова при 15 миллионѡхъ основнаго капитала дала 12 миллионѡвъ рублей чистой прибыли, Т-во Анны Красильщиковой на 8 миллионѡвъ основнаго капитала даетъ 3½ миллиона прибыли, Гавриловская мануфактура Ложалова — на 3 миллиона капитала дала больше 1½ милл. прибыли, и пр. («Новое Время», 8—VI—1916 г. № 14459). Таковы цифры доходовъ за 1914—1915 годъ. Слѣдующій отчетный годъ, какъ мы ви-

дѣли, побилъ и этотъ рекордъ. Трестированная и синдцированная промышленность сказочно обогащается — предприятия, до войны и въ началѣ ея зарабатывавшія сотни тысячъ, теперь наживаютъ миллионы. Невкуда уже списывать эти невѣроятные доходы, переполнены запасные фонды, амортизационныя поглощенія, всесильная магическая заводская бухгалтерія уже не можетъ справиться съ золотымъ потокомъ, хлынувшимъ въ кассы, и въ отчетахъ приходится показывать громадныя доходы, принесенныя промышленности войной. Дадимъ опять нѣсколько примѣровъ: О-во Тульскихъ мѣднопрокатныхъ и патронныхъ заводовъ въ 1915—1916 г. исполнило заказовъ на 56.450.360 рублей, получивъ при этомъ 15.510.270 рублей чистой прибыли. Отчетъ общества признаетъ результаты операціоннаго года не особенно благоприятными, т. к. въ прошломъ году сумма чистой прибыли на сумму исполненныхъ заказовъ составляла 31%, а въ настоящемъ году только 26½%. Тѣмъ не менѣе, доходы предприятия, по сравнению съ прошлымъ годомъ, значительно увеличились: акціонеры получили на каждую акцію 80 рублей дивиденда (въ прошломъ году 65 рублей на акцію), такимъ образомъ, въ этомъ году дивидендъ увеличился на 23%.

Вмѣстѣ съ тѣмъ докладъ констатируетъ дальнѣйшій ростъ предприятия, выразившійся въ усиленномъ выпускѣ фактуръ въ 1916—1917 г. Ростъ этотъ, по предположенію доклада, долженъ составить около 70.000.000 рублей, т. е. превыситъ выпускъ 1915—1916 г. приблизительно на 13.000.000 рублей, и выпускъ 1914—1915 г. на 43.000.000 рублей, т. е. около 160% («День», 4—X—1916 г. № 273). Приведенный примѣръ не является какимъ-либо исключеніемъ, есть очень много и другихъ, показывающихъ сказочный ростъ обогащенія различныхъ предприятий.

Т-во латуннаго и мѣднопрокатнаго завода Кольчугина въ 1915—1916 г. на основной капиталъ въ 10.000.000 рублей (до іюля 1916 г. 6.000.000 рублей) получило чистой прибыли 13.223.774 руб. 95 к., т. е. 132%. Послѣ отвесенія извѣстныхъ суммъ въ запасныя капиталы и на погашенія, былъ выплаченъ дивидендъ въ 40%. При этомъ запасы топлива, металловъ, готовыхъ издѣлій и пр. были оценены въ 17.716.975 рублей и касса въ процентныхъ и дивидендныхъ бумагахъ была учтена въ суммѣ 6.572.015 рублей 82 коп. («День» 2—XI—16 г. — № 302).

Какъ уже упоминалось, процессъ обогащенія наиболѣе интенсивно идетъ въ предприятияхъ, работающихъ на оборону: сопоставимъ доходы нѣкоторыхъ изъ нихъ за 1915—1916 г. и 1914—1915 г. съ доходами весьма благоприятнаго для промышленности 1913—1914 г.:

Название предприятий.	Чистая прибыль в миллионах рублей:			№ 15931 «Бирж. Вѣдом.» 1916 г.
	1913/1914 г.	1914/1915 г.	1915/1916 г.	
О-во Машиностр. зав. Гартмана	1.04	1.67	2.06	
Никополь-Мариуп. зав.	4.08	5.36	6.60	
Русское Паровозостроит. и Механич. О-во	0.64	1.05	2.30	
О-во Тульск. Мѣднопрокат. и Патронныхъ заводовъ	2.88	8.39	15.51	
Южно-Русское Дѣлпр. Мет. О-во	9.64	8.45	12.11	

Доходность перечисленныхъ предприятий возросла баснословно, и идеологи промышленной буржуазии перестали жаловаться на тяжелыя времена. вмѣстѣ съ тѣмъ они стараются по возможности не говорить и о томъ, какъ увеличились за послѣдніе годы доходы промышленности, предпочитая оставлять этотъ вопросъ въ тѣни, особенно въ виду того тяжелого и трагическаго, что переживаетъ страна.

Наряду съ только что очерченнымъ процессомъ выступаютъ и другія явленія, свидѣтельствующія о ростѣ промышленности. Общей формой ея за послѣдніе годы сталъ акционерный капиталъ, приобретающій все большую силу и распространение. Почти всѣ названныя нами предприятия, за весьма незначительными исключениями, существуютъ на акционерный капиталъ. И вотъ теперь акционерныя предприятия усиленно расширяются путемъ выпуска новыхъ акцій на миллионы рублей. Ежедневно въ газетахъ появляются объявления объ этомъ. Весь рискъ за эти новые выпуски беретъ на себя старое акционерное общество, но рискъ этотъ въ настоящее время сведенъ почти на нѣтъ. Акционерныя компании и особенно стоящія за ними банки, выпуская новыя акціи, захватываютъ всю учредительскую прибыль въ свою пользу. Рядовые акционеры довольствуются среднимъ общимъ процентомъ: для нихъ по существу совершенно безразлично, какія акціи у нихъ въ рукахъ, лишь-бы эти послѣднія приносили опредѣленный и по возможности высокій процентъ. А эти высокіе проценты гарантируются сейчасъ колоссальной доходностью предприятий, и потому обладатели капитала охотно раскупаютъ акціи промышленныхъ предприятий, несмотря на то, что вносимый ими капиталъ по существу приноситъ значительно вышій доходъ, чѣмъ тотъ, который имъ выплачивается...

Акционерная форма предприятий создаетъ рядомъ съ реальнымъ капиталомъ, закреплѣннымъ въ производствѣ, еще «фиктивный капиталъ», — сумму цѣнъ выпущенныхъ акцій, рассматриваемыхъ, какъ удостовѣреніе на доходъ. Биржа создаетъ въ то же время возможность постоянной продажи и перепродажи этихъ удостовѣреній-акцій. Функция акционера уравнивается съ функцией осуднаго капиталиста и доходъ на деньги, вложенныя въ акцію, все болѣе низводится отъ уровня средней прибыли къ уровню процента. Вся-же остальная часть прибыли, произведенной въ производствѣ, та именно предпринимательская прибыль, которая въ эпоху господ-

ства индивидуальной формы предприятий цѣликомъ притекала въ руки предпринимателя и ради которой онъ велъ предприятие, теперь капитализируется и въ этомъ видѣ присваивается «учредителями»¹.

Учитывая это обстоятельство, легко понять стремление акціонерныхъ компаній увеличивать предприятие не за счетъ колоссальныхъ доходовъ, а путемъ выпуска новыхъ акцій. Такимъ образомъ, эти предприятия и стоящіе за ними банки экспроприруютъ часть капитала въ видѣ предпринимательской прибыли и получаютъ еще добавочный доходъ. вмѣстѣ съ этимъ появляется множество новыхъ акціонерныхъ компаній: такъ, за ноябрь мѣсяць 1916 года возникло этихъ новыхъ акціонерныхъ предприятий 46, съ основной суммой общаго капитала 137,3 милліона рублей, тогда какъ въ 1915 году за тотъ же мѣсяць соответственныя цифры 58 предприятий, съ основнымъ капиталомъ 56,2 милліона, а въ 1914 г. — 20, съ основнымъ капиталомъ 22,4 милліона («День», 13—XII—16 г. № 343).

Высокая доходность предприятий побуждаетъ обывателей покупать акціи, и цѣна послѣднихъ колеблется въ зависимости отъ предложенія и спроса. Сейчасъ спросъ на нихъ колоссальный. Въ странѣ много свободныхъ денегъ, ищущихъ выгоднаго помѣщенія, гдѣ доходъ можетъ быть наиболѣе значительнымъ и наименѣе подверженнымъ случайностямъ рынка. Этимъ условіямъ вполне отвѣчаютъ акціи всевозможныхъ промышленныхъ предприятий, преимущественно работающих на оборону.

Въ связи съ общимъ хорошимъ положеніемъ промышленности акціи многихъ предприятий въ 1914 году приносили солидный доходъ и стояли сравнительно высоко (выше предыдущихъ лѣтъ послѣдняго десятилѣтія), къ концу 1916 года ихъ курсъ значительно повысился. Возьмемъ для примѣра акціи металлургическихъ и металлообрабатывающихъ предприятий:

Название предприятия.	Максим.	Курсъ
	курсъ	23—XII—
	1914 г.	1916 г.
Зав. Гартмана	244 ½	230
Дон.-Юрьевск.	283	364
Коломенск.	155	307
Лессеръ	286	273
Мальцовскія	302 ½	289
Никополь-Маріуп.	276 ½	266
Путиловск.	130 ½	140
Русск.-Судостр.	107 ½	146
Сормово	140	238
Тулск.-Мѣднопрок.	404	770

(«День» 24—XII—1916 г.).

Незначительныя пониженія акцій нѣкоторыхъ предприятий во-
сможнѣно, носятъ временный и случайный характеръ.

Значительное оживленіе биржевой дѣятельности наблюдалось

¹ Ю. Каменевъ. Экономическая система империализма, стр. 27—28.

въ маѣ этого года, и снова курсъ значительно повысился въ декабрѣ, о чемъ свидѣтельствуесть слѣдующая таблица:

10—V—16 г. 13—XII—16 г. Увелич.

			въ %
Барановскія	174	298	71
Брянскія	173	268	54
Коломенскія	190	208	9
Никополь-Маріуп.	190	280	47
Ник.-Павд.	108	220	103
Сормовскія	197	290	47
Парвіайненъ	185	207	11
Богословскія	233	384	64
Дон.-Юрьевскія	225	333	48
Мальцовскія	266	418	57
Путиловскія	90	139	54
Тульск.-Патронн.	676	815	20

(«День» 13—XII—1916 г. № 343).

За спиною почти всѣхъ промышленныхъ предприятий стоитъ грандиозная сила современности — банки. Они создаютъ новыя предприятия, способствуютъ обогащенію старыхъ. Естественно, что въ этихъ условияхъ львиную долю золотой жатвы въ видѣ учредительской прибыли они забираютъ себѣ. Неудивительно, что ихъ доходность растетъ еще болѣе усиленнымъ темпомъ, значительно превышая доходность прошлаго (1915) года, который и такъ уже былъ рекорднымъ годомъ для промышленности.

По 1-ое августа 1916 г. всѣми 53 частными коммерческими банками, съ балансомъ въ 10.908 милліоновъ рублей, получено 132,4 милліона чистой прибыли (въ 1914 году соответственныя цифры были 7.498 милліоновъ рублей и чистая прибыль 100,7 милл. рублей — «День», 10—XI—1916 г. № 316). Интересно сравнить приведенныя цифры съ цифрами на 1-ое сентября 1916 года: за одинъ только мѣсяць (съ 1 августа 1916 г. по 1 сентября 1916 г.) доходность банковъ возрасла на 17,1 милл. рублей, давая на это число (1—IX—16 г.) сумму чистой прибыли въ 149,5 милл. рублей, и на 40 милліоновъ больше по сравненію съ 1915 годамъ (Отч. акционерныхъ банковъ Комм. Кредита).

Ту головокружительную пляску милліоновъ, которая происходитъ сейчасъ, раньше невозможно было даже представить себѣ. Бывали грандиозныя войны, сопровождавшіяся страшными кровопролитіями, безмѣрной отвагой однихъ, трусостью другихъ... Бывали сказочныя обогащенія во время золотой горячки Мексики, Перу и Австрали... Но никогда эта погоня за наживой, эта вакханалія обогащенія не принимала такихъ грандиозныхъ размѣровъ, такой силы и размаха.

Это какой-то огненный смерчъ, проходящій по верхамъ промышленной жизни страны. Опускаясь иногда внизъ, онъ захватываетъ и глубины народной жизни, обогащаетъ отдѣльныхъ людей, обла-

дающихъ алчностью, размахомъ и фантазіей, но наряду съ этимъ высуниваетъ самые источники народнаго богатства... Это точно вихрь пустыни, проносящійся надъ оазисомъ: на холмы золотого песка онъ наноситъ новую толщу и въ то же время оазисъ превращаетъ въ пустыню...

Р. Арсиз.

НА НОВЫХЪ ПУТЯХЪ.

Переживаемый нами упадочный періодъ російской общественности въ сильной степени отразился и на рабочемъ классѣ. Кромѣ пониженія активности массъ, особенно сильно сказавшагося въ первое пятилѣтіе «конституціонной эры», — замѣтно стали измѣняться и самый характеръ дѣятельности нѣкоторыхъ активныхъ элементовъ пролетаріата, обслуживавшихъ потребности движенія. Пришедшая на смѣну бурной эпохи полоса общественной и политической реакціи захватила въ свои . . . объятія и рабочую демократію, разрушивъ у многихъ ея представителей вѣру въ цѣлесообразность той . . . тактики, подъ знакомъ которой протекало только что закончившееся общественное движеніе. Не находя былого смысла въ «старыхъ путяхъ», извѣстная часть социалистической демократіи стала искать новой тактической ориентировки, для чего, конечно, пришлось въ первую очередь заняться теоретическимъ анализомъ создававшихся положенія вещей. Произведя нужную переоцѣнку цѣнностей, «новаторы» пришли къ выводу, что общія условія значительно измѣнились въ лучшую сторону и притомъ настолько, что прежнія организаціонныя формы и тактическія средства не только больше не отвѣчаютъ своему назначенію, но даже стали вредными. Главнѣйшимъ «новыхъ путей» находили, что съ водвореніемъ у насъ конституціоннаго строя создались условія, позволяющія рабочему классу выбраться изъ душнаго подполья на свѣжій воздухъ надземнаго существованія. Другими словами, — они утверждали, что политическій режимъ претерпѣлъ серьезное измѣненіе, всталъ въ нѣкоторое соотвѣтствіе съ потребностями буржуазнаго развитія, вслѣдствіе чего исчезла возможность и необходимость острыхъ политическихъ конфликтовъ. Въ силу этого факта, старая «тактика», приуроченная именно къ такимъ конфликтамъ, стала казаться бессмысленной и въ возникшей политикѣ получила презрительныя клички «заговорщичества», «кружковщины» и т. п. Желаніе скорѣйшей «ликвидаци» этихъ тактическихъ и организаціонныхъ «пережитковъ» опредѣлило собою критическую, отрицательную часть новыхъ взглядовъ. Положительная, творческая ихъ

сторона сводилась къ призыву создавать *открытую организацию* рабочего класса, *используя тѣ легальныя возможности*, какія оказались налицо въ результатѣ недавно происшедшаго политическаго сдвига. По существу практическое значеніе означеннаго сдвига сводилось лишь къ пресловутымъ временнымъ правиламъ 4 марта 1906 года объ обществахъ и союзахъ, но не въ мѣру истосковавшимся по вольной жизни казалось и этого вполне достаточно, чтобы расцвѣсти новой жизнью и дать обильные плоды. Такимъ образомъ, приверженцы болѣе «современныхъ» методовъ дѣйствія рѣшительно порывали съ установившимися традиціями, стремясь, хотя бы въ малой мѣрѣ, насадить на родной почвѣ начала западно-европейской практики.

Но какъ это всегда бываетъ, остались, разумѣется, и упорствующие ортодоксы, которые своимъ «коснымъ» умомъ никакъ не могли уяснить объема совершившихся перемѣнъ и никакъ не хотѣли признать правила 4 марта достаточно обширной территоріей, способной, хотя бы съ грѣхомъ пополамъ, вмѣстить рабочія массы. Ортодоксамъ, какъ и новаторамъ, удушливая атмосфера поземельско нисколько не казалась привлекательной сама по себѣ, они нисколько не меньше стремились выбраться на свѣтъ Божій.

Послѣ десятилѣтняго существованія новаторскаго («ликвидаторскаго») направленія и непрерывныхъ его усилий по созданію открытой партіи (въ лицѣ всякаго рода легальныхъ рабочихъ организаций) — было бы небезынтересно подвести нѣкоторые итоги, опредѣлить его успѣхи и, вообще, хоть слегка выяснитъ, въ какой мѣрѣ жизнь оправдала плодотворность такъ громогласно возвѣщенныхъ «новыхъ путей». Но мы здѣсь не ставимъ себѣ этой теоретической задачи. Къ тому же война создала въ корнѣ отличную отъ прежней ситуацію и отъ самого «ликвидаторства» оставила лишь жалкіе обломки.

Послѣдовавшее съ началомъ войны закрытіе рабочихъ организаций въ сильной степени сократило поле дѣятельности рабочихъ группъ. Неудивительно поэтому, что когда появились военнопромышленные комитеты, часть бывшихъ ликвидаторовъ рѣшила ихъ «использовать». Съ этого момента ихъ дѣятельность, по преимуществу, сосредоточивается въ названныхъ учрежденіяхъ, куда они, согласно требованію обстоятельствъ, провели известное количество рабочихъ, образовавшихъ тамъ самостоятельныя «группы».

Для характеристики этой фазы въ развитіи «ликвидаторства» особенно поучительна исторія петроградской рабочей группы, на которой мы и намѣрены, главнымъ образомъ, остановиться.

Минуя острия подробности выборной кампании, замѣтимъ, что уже тогда отгѣнилась своеобразная линия будущей группы, которая впоследствии обрисовалась болѣе отчетливо. Такъ, находя состоявшееся голосованіе перваго собранія уполномоченныхъ неправильнымъ и добиваясь созыва новаго, сторонники «участія» не поставили спорнаго вопроса на судъ самихъ рабочихъ, а воспѣшили опереться на болѣе подходящий авторитетъ г. Гучкова. Этотъ шагъ для послѣдующаго направленія рабочей группы оказался чрезвычайно симитоматическимъ.

Свою дѣятельность въ военно-промышленномъ комитетѣ группа начала декларативнымъ выступленіемъ, гдѣ говорилось, что она

. . . . а имѣеть въ виду представительство и защиту рабочихъ интересовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ она заявила, что всѣ ея члены смотрять на свои полномочія, какъ на временныя

Прошелъ цѣлый годъ, и мы теперь съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что никакихъ шаговъ въ направленіи своихъ торжественныхъ обѣщаній рабочая группа не сдѣлала.

Каковы же тѣ достижения, во имя которыхъ рабочая группа пренебрегала своими первоначальными намѣреніями и пошла противъ коллективной воли бывшихъ соратниковъ? Чтобы получить нѣкоторый отвѣтъ на этотъ вопросъ, не мѣшаетъ прежде всего познакомиться съ той оцѣнкой дѣятельности группы, какая исходитъ изъ устъ ея литературныхъ выразителей. Таковую, болѣе или менѣе, обстоятельную оцѣнку мы имѣемъ въ статьѣ Гр. Петровича въ первомъ номерѣ журнала «Дѣло». Въ началѣ статьи авторъ характеризуетъ тотъ приемъ, какой буржуазія оказала рабочимъ элементамъ. «Руководители комитетовъ — г. г. Гучковъ, Коноваловъ, Рябушинскій, Терещенко и др. — неизмѣнно, со всей доступной имъ теплотой, привѣтствовали вступленіе «новыхъ товарищей» въ военно-промышленную организацію. Но въ широкой предпринимательской массѣ, сплотившейся вокругъ комитетовъ, появленіе представителей трудящихся отнюдь не вызвало большого энтузіазма». Многимъ мо-

жетъ показаться, что въ данномъ случаѣ столкнулись либеральная и консервативная точки зрѣнія; въ дѣйствительности же въ этомъ настроеніи выявились различныя оцѣнки возможной роли пролетариата въ дѣлѣ патристическаго сотрудничества классовъ. Другими словами — тутъ мы имѣемъ дѣло съ оптимизмомъ однихъ и съ пессимизмомъ другихъ. Гучковъ, Коноваловъ и проч. представляли оптимистически настроенное меньшинство; пессимистическій взглядъ большинства выразилъ представитель общества заводчиковъ и фабрикантовъ г. Поплавскій, заявивъ: «Не выйдетъ толку изъ той свадьбы рабочихъ и промышленниковъ, которая совершена въ Петроградѣ».

. Г. Поплавскій въ своихъ взглядахъ на пролетариатъ исходилъ, вѣроятно, изъ опыта 1912—13—14 годовъ и сильно сомнѣвался въ прочности брачныхъ узъ между буржуазіей и рабочими. Г. Гучковъ, очевидно, смотрѣлъ на вопросъ иначе, вполне правильно рассудивъ, что разъ найдутся рабочіе, желающіе войти въ комитетъ, то они вынуждены будутъ подчиниться и его режиму, ибо кто же не знаетъ, что «въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ». Расчетъ былъ построенъ вѣрно, а вѣдь на ловца и звѣрь бѣжитъ!

Перечисленіе заслугъ рабочихъ группъ Гр. Петровичъ начинать съ возраженія А. Ерманскому, высказавшему мысль, что группы не объединили рабочихъ, а разъединили. «Чтобы понять несправедливость этого упрека, — замѣчаетъ авторъ, — достаточно вспомнить объ одной популяризаціи рабочаго съѣзда, которую рабочія группы изъ «счастливой мысли П. Б. Аксельрода сдѣлали достояніемъ широкихъ массъ, изъ темы кружковыхъ споровъ сдѣлали направляющимъ вопросомъ дня». Зная, какія жертвы принесены на алтарь будущей свободной Россіи, нельзя не удивляться не то наивности, не то развязности автора, подъ перомъ котораго словесно выраженное кружкой рабочихъ желаніе имѣть «рабочій съѣздъ» превращается въ крупное политическое событіе. Вотъ какъ легко въ наше время совершаются великія дѣянія, добываются побѣдные лавры...

«Охрана труда, — вписали рабочія группы въ программу очередной своей работы, и широкія массы послѣшили дать имъ конкретный матеріалъ для осуществленія этого лозунга».

«Старшина Паапской волости, — продолжаетъ нашъ авторъ, — задерживаетъ паспорта, это должна рассмотреть рабочая группа. Неправильно хранить паспорта (въ полицейскомъ управленіи) Лысьвенское заводоуправленіе, создавая тѣмъ затрудненія для рабочихъ при увольненіи и отпускахъ. Рабочая группа приглашается откликнуться и на это нарушеніе интересовъ заводской массы. На Юговскомъ и Бисерскомъ заводахъ понижены расцѣпки, поднялся вопросъ объ уровнѣ платы на Паапскомъ заводѣ, происходитъ обвалъ на Лысьвенскомъ заводѣ и въ результатѣ рабочей реакціи на это

несчастье создается нѣкоторое положеніе дѣлъ; въ результатѣ разныхъ неправильностей аналогичное положеніе дѣлъ возникаетъ на Чусовскомъ заводѣ; агенты Лысьвенскаго завода, вербуя въ Петроградѣ рабочихъ, не освѣдомляютъ нанимающагося объ условіяхъ жизни на заводѣ и тѣмъ вводятъ его въ заблужденія, — въ этихъ и десяткахъ другихъ случаевъ пермская рабочая группа, взятая нами для ширмбра, призывается въ качествѣ естественнаго заступника и выразителя рабочихъ интересовъ».

Теперь, какъ видимъ, родился другой «политикъ». Онъ вамъ и насчетъ паспортовъ порядокъ наведетъ, и обвалъ какого-нибудь завода зарегистрируетъ, и противъ пониженія расцѣнокъ надлежащее слово вымолвить, и за неправильной вербовкой рабочихъ слѣдить, — словомъ, вы его видите всюду дѣйствующимъ съ открытымъ забраломъ. Жаль только, что мы не знаемъ результатовъ этой дѣятельности: а что, если панійскій старшина получилъ выѣсто нагоняя поощреніе, если расцѣнки на Бисерскихъ заводахъ такъ и остались пониженными?..

Но это еще не все. Продолжая дальнѣйшее перечисленіе заслугъ въ томъ же повышенномъ тонѣ, авторъ повѣствуетъ: «Они ведутъ кампанію за осуществленіе — закономъ разрѣшеннаго еще въ 1903 г. — института старости и заставляютъ и предпринимателей, и министерство откликаться на это требованіе. Они подхватываютъ (!) уже до нихъ выдвинутую рабочими дѣятелями идею созданія биржъ труда и широко популяризуютъ рабочую программу въ области организаци рабочаго рынѣка». «Растутъ квартирныя цѣны, опредѣляются опасныя домогательства домовладѣльцевъ, рабочія группы (Петроградъ, Москва, Кіевъ) выступаютъ съ протестомъ». «Въ Москвѣ группа добивается выборовъ въ Страховое Присутствіе. Въ Петроградѣ группа ведетъ кампанію за созданіе рабочихъ кооперативовъ. Въ Кіевѣ группа призываетъ рабочихъ къ поддержкѣ (!) потребительнаго общества и беретъ на себя инициативу возрожденія союза металлистовъ. На Уралѣ группа посылаетъ своихъ представителей въ обывательскіе комитеты. Въ Петроградѣ члены группы представляютъ (!) въ городской биржѣ труда. Въ Ростовѣ члены группы настаиваютъ (!) на допущеніи къ участію въ Ростово-Нахичеванскомъ обывательскомъ комитетѣ».

Чтая столь щедро расточаемыя похвалы рабочимъ группамъ, приходится только поражаться. Смѣшно само по себѣ это политическое крохоборство, и вмѣстѣ съ тѣмъ странно, когда подобнаго рода обывательщина возводится въ степень нѣкъмъ не превзойденныхъ общественныхъ заслугъ передъ рабочимъ классомъ. На самомъ дѣлѣ, какая уважающая себя политическая группа можетъ съ такимъ апломбомъ заявлять, что тамъ она «беретъ на себя инициативу воз-

рождения союза металлистов», въ другомъ мѣстѣ «призываетъ рабочихъ къ поддержкѣ потребительнаго общества», а въ Нахичевани даже осмѣливается «настаивать на допущении въ обывательскій комитетъ»... Допустимъ, что перечисленная авторомъ-панегиристомъ работа нужна и полезна для рабочаго класса, но при чемъ же тутъ военно-промышленные комитеты и присутствие въ нихъ представителей рабочихъ? Какъ-будто находясь только подъ кровлей ч. Гучкова съ братией, можно обслуживать повседневныя нужды рабочей жизни! Въ дѣйствительности, будничную работу выполняютъ, но мѣръ силъ, и тѣ, кто не считаетъ нужнымъ для этого блокироваться съ буржуазией. Позволяя рабочимъ группамъ поддерживать потребительныя общества и проникать въ обывательскіе комитеты, буржуазія равниво слѣдуетъ за тѣмъ, чтобы рабочіе-союзники ни въ какой мѣрѣ не содѣйствовали нарушенію установившагося мира между хозяевами и рабочими. Жалуясь на трудность положенія рабочихъ группъ. Гр. Петровичъ сообщаетъ: «Условия, въ которыхъ ведется ихъ работа, также далеко не благоприятствуютъ осуществленію ими на практикѣ задачи охраны труда. Въ дѣятельности киевской группы зарегистрирована одна прямая попытка, исходившая изъ предпринимательскихъ круговъ, обрисовать работу группы, какъ прямое подстрекательство къ конфликтамъ, и вызвать, такимъ образомъ, противъ нея соответствующую реакцію. Группѣ удалось разбить эту интригу и все же оставить открытыми двери для принятія обращеній изъ рабочей среды».

Изъ приведеннаго факта видно, что киевская группа, столь охотно проявляющая инициативу возрожденія союза металлистовъ, съ негодованіемъ отвергаетъ приписываемую ей инициативу другого рода. Слѣдовательно, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что группы, какъ таковыя, совершенно потеряны для массоваго дѣйствія Пребываніе въ завѣдомо-классовой организаціи буржуазіи¹ обязываетъ ко многому, и прежде всего «къ миру».

Разговоры разговаривать тамъ еще позволяютъ, но «подстрекать къ конфликтамъ» — это, извините, уже «не по-союзнически». Но, очевидно, и сами представители рабочихъ группъ не за страхъ, а за совесть, не хотятъ видѣть себя въ роли «подстрекателей», и искренне огорчаются, когда излишне-подозрительные буржуа приписываютъ имъ подобныя небывлицы. Вѣдь не спроста же, напримѣръ, петроградская рабочая группа многозначительно молчала, когда одинъ изъ заправиль комитета доказывалъ своимъ коллегамъ, что группа всегда противодействовала назрѣвавшимъ конфликтамъ. И не изъ желанія скомпрометировать Гвоздева г. Гучковъ обратился къ нему прошлымъ лѣтомъ, съ письменной просьбой повлечь, въ

¹ Не слѣдуетъ забывать, что воен.-пром. комитеты не публично правовыя учрежденія, а частныя организаціи, созданныя для опредѣленныхъ цѣлей промышленнымъ капиталомъ.

случаѣ чего, на рабочихъ въ успокоительномъ смыслѣ. Положеніе рабочихъ группъ психологически очень сходно съ положеніемъ радикальныхъ рабочихъ, упреждавшихъ въ мастера. Боясь, чтобы на основаніи прошлаго ихъ не заподозрили въ излишней благосклонности къ бывшимъ товарищамъ, они въ большинствѣ случаевъ служатъ капиталу болѣе равнодушно, чѣмъ обыкновенные смертные.

Съ появленіемъ рабочей группы въ военно-промышленномъ комитетѣ либеральная политика «оборончества» получила, можно сказать, законченное выраженіе. Съ этого момента сконцентрированное въ рабочей группѣ оборонческое теченіе буквально начинаетъ свѣтиться отраженнымъ свѣтомъ фронтдирующей буржуазии. Всякій ея жестъ обязательно сопровождается соответствующимъ жестомъ рабочей группы. Если буржуазии не нравится нѣкое поведеніе рабочихъ, группа спѣшитъ оказать должное воздѣйствіе, пишетъ «успокоительныя» воззванія. Если отъ грубныхъ звуковъ «прогрессивнаго блока» не падаютъ Иерихонскія стѣны, то, чтобы усилить сотрясеніе воздуха, сторонники «группы» шлютъ депутации съ заводовъ въ Гос. Думу. Забудьте, читатель, — не въ социаль-демократическую фракцію, а къ представителю дворянско-буржуазной коалиціи, г. Родзянкѣ. Для уясненія этого, на первый взглядъ, страннаго явленія позволю себѣ процитировать одно мѣсто изъ 5 № «Бюллетеня Рабочей Группы». «Разрѣшеніе этихъ задачъ. — читаемъ мы тамъ — возможно только путемъ систематическаго и организованнаго участія рабочихъ въ общественной жизни.

которая въ настоящій моментъ сосредоточилась вокругъ Государственной Думы, ставшей естественнымъ центромъ организованныхъ усилій всей общественности» (курсивъ мой). Теперь, надѣюсь, понятно, почему рабочая группа ведетъ свои организованные легионы къ вождю «прогрессивнаго блока». Странно только, — почему изъ этого «естественнаго центра всей общественности» сбѣжали депутаты партіи «прогрессистовъ» и никогда не вступали туда социаль-демократы и трудовики? Но въ томъ то и дѣло, что фракціи социаль-демократовъ и трудовиковъ остаются на демократической позиціи, а рабочая группа покачивается по либеральной дорожкѣ.

Какъ и о чемъ бесѣдуютъ депутации съ предсѣдателемъ Государственной Думы, — широкой публикѣ неизвѣстно, но все же все-таки характерные штрихи иногда проскальзываютъ въ газетныхъ замяткахъ. Такъ, по поводу депутации съ Обуховскаго завода въ 337 № «Дня» мы читаемъ: «Особенно настойчиво делегаты подчеркивали необходимость установленія свободы организацій, указывая на то, что вовлеченіе въ промышленность массы новыхъ элементовъ, не

произошло, никакихъ обѣщаній не было дано, и либерально настроеннымъ рабочимъ пришлось примириться съ чисто платоническимъ удовлетвореніемъ своей природной склонности, если не считать смутной надежды на подходящий случай, когда можно будетъ кое о чемъ «напомнить».

Насколько вся политика интересующихъ насъ группъ связана съ либерализмомъ, показываетъ слѣдующій случай. Не особенно давно, пишущему эти строки, пришлось присутствовать въ одной, довольно компетентной «оборонской» кампаніи, гдѣ весьма много говорилось насчетъ необходимости внимательства рабочихъ въ политическую жизнь страны, такъ какъ де не только Г. Дума и Совѣтъ, но даже дворянскій съѣздъ опредѣленно высказалъ свое отношеніе къ создавшемуся положенію въ государствѣ, между тѣмъ какъ рабочие ничемъ себя не проявили. Въ отвѣтъ на эти жалобы, одинъ рядовой рабочий сдѣлалъ приблизительно такое замѣчаніе: «Вотъ насъ упрекають, что мы ничего не дѣлаемъ, но мы не знаемъ, что же намъ дѣлать. Когда мы выступаемъ, вы выпускаете воззванія, чтобы насъ остановить, а если все-таки до сихъ поръ насъ ни къ чему не призвали, такъ укажите, теперь, что намъ дѣлать?» Натѣвному вопрошателю непосредственнаго отвѣта дано не было, но принятая въ концѣ собранія резолюція вопросъ о внимательствѣ рабочихъ въ политическую жизнь страны рѣшила такъ: «1) Продолжать посылать съ заводовъ депутаціи въ Гос. Думу и 2) принять участіе въ сборахъ на подарки въ армию».

Г. Милуковъ, неоднократно призывавшій къ одновременной борьбѣ «съ черными верхами и красными низами», послѣ либеральныхъ подвиговъ нѣкоторыхъ рабочихъ въ духѣ вышеприведенной резолюціи, повидимому, считаетъ, что «красные низы» уже покорены въ либеральное подданство. Въ своей думской рѣчи 22 ноября г. Милуковъ говорилъ:

«Цензура только подстрекнула интересъ къ рѣчамъ, подчеркнула ихъ значительность; никогда еще думскія стенограммы такъ не читались въ самыхъ глухихъ углахъ Россіи, какъ эти запрещенныя цензурой думскія рѣчи. (Одобрительные возгласы). Онѣ читаются у того рабочаго ставка, о которомъ здѣсь говорилъ деп. Шульгинъ и гдѣ до сихъ поръ читались только листки прокламацій, призывавшіе къ внутренней войнѣ и миру съ Германіей, листки, о которыхъ некогда нельзя сказать, исходятъ ли они отъ юныхъ послѣдователей крайнихъ ученій или печатаются въ заведеніяхъ Комисаровыхъ и Курловыхъ. И здѣсь, въ атмосферѣ, наполненной горячими вещами, думскія рѣчи открыли глаза на провокаціонное значеніе ихъ листовъ и остановили многихъ отъ выбора невѣрной дороги. Самая тема прокламацій измѣнилась послѣ нашихъ рѣчей и, вмѣсто борьбы съ лозунгомъ долой войну, раздался лозунгъ за войну, а вмѣсто тре-

бования создания всевозможных собраний, раздалось требование министерства спасения».

«Министерство спасения»... Чѣмъ же покорила сердца нашихъ рабочихъ-либераловъ эта магическая кадетская формула, не прельстившая даже умѣренныхъ прогрессистовъ? Мы очень сильно сомнѣваемся тѣмъ, что реакционеры изъ «прогрессивнаго блока», теперь уже зажимающе рты думской демократии, могутъ хоть въ малой мѣрѣ обновить российскую дѣйствительность. Ясно, во всякомъ случаѣ, что «новые пути», уже приведше рабочую группу въ объятія г. Родзянки, все дальше и дальше отодвигаютъ ее отъ тѣхъ задачъ, для осуществления которыхъ она вошла въ составъ военно-промышленнаго комитета.

Батракъ.

ВСЕОБЩЕЕ И ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ.

Осенью 1916 года Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ Государственную Думу внесенъ законопроектъ о введеніи всеобщаго и обязательнаго обученія. Въ теченіе послѣднихъ 9 лѣтъ это продѣлывается министерствомъ въ третій разъ. Первый разъ названный законопроектъ поступилъ на разсмотрѣніе Государственной Думы 20 февраля 1907 года, затѣмъ 1 ноября 1907 года и, наконецъ, въ 1916 году. Кромѣ правительства, вопросъ о введеніи въ Россіи всеобщаго начальнаго обученія возбуждался различными группами членовъ Государственной Думы. Русская общественность всеобщаго обязательнаго обученія добивается уже много лѣтъ.

Въ 1911 году Государственная Дума разсматривала этотъ законопроектъ, приняла его, но изъ-за разногласій съ Государственнымъ Совѣтомъ вопросъ о введеніи всеобщаго обученія былъ возвращенъ въ первобытное состояніе.

Въ настоящій моментъ Министерство Народнаго Просвѣщенія «введеніе всеобщаго начальнаго обученія» считаетъ «неотложной задачей государственнаго характера». Совершенно вѣрно указывается въ объяснительной запискѣ, что осуществленіе всеобщаго обученія «безъ созданія достаточнаго числа школъ для обученія всѣхъ дѣтей школьнаго возраста невозможно». Безусловно справедливо и то, что «для выполненія этого необходимо возложеніе обязанности по выработкѣ плановъ введенія всеобщаго обученія и открытію училищъ на земства и городскія самоуправленія».

Въ объяснительной запискѣ къ законопроекту министерство говоритъ и о расширеніи правъ земскихъ и городскихъ общественныхъ управленій, объ измѣненіи правового положенія учащихся и о

многoмъ другомъ, чего такъ тщетно добивалась русская общественность. Но одно дѣло обѣщанія, другое — желаніе выполнить ихъ. При формулировкѣ выдвинутыхъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія положеній расширеніе правъ мѣстныхъ органовъ общественаго управления свелось къ заплатамъ на ветхое рубище: въ училищныя совѣты, остающіеся въ основѣ своей неприкосновенными, земствамъ и городамъ разрѣшается вводить болѣе 2 членoвъ на каждыя 150 комплектовъ. Такъ какъ весь остальной составъ училищныхъ совѣтовъ (предводители дворянства, исправники, чиновники министерства народнаго просвѣщенія, земскіе начальники...) остается неприкосновеннымъ, то не особенно трудно сказать, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ — друзей или искренихъ недруговъ всеобщаго и обязательнаго обученія.

Ст. 13-ою положенія о всеобщемъ начальномъ обученіи въ россійской Имперіи земскимъ, городскимъ, общественнымъ управленіямъ и сословіямъ предоставляется право допускать избранныхъ ими учителей и учительницъ къ преподаванію. Объ утвержденіи, такимъ образомъ, не говорится какъ будто бы ни слова. На самомъ дѣлѣ, все ведется лишь къ тому, что допущенные къ преподаванію мѣстнымъ органомъ самоуправления учаще, проработавъ 2—3 мѣсяца въ школѣ, будутъ изъяты, если соответствующія учрежденія дадутъ о нихъ не вполне благоприятныя свѣдѣнія: знаменитый 3-й пунктъ и полное безправіе учащихся новымъ законопроектомъ не затронуты совершенно.

Мѣстные органы общественнаго управленія считали возможнымъ осуществленіе «неотложной задачи государственнаго характера» — введеніе всеобщаго обученія — лишь въ томъ случаѣ, если закономъ имъ будетъ предоставлено право заботиться о всей постановкѣ школьнаго дѣла. Новый законопроектъ умалчиваетъ о какомъ бы то ни было вмѣшательствѣ земствъ и городовъ въ педагогическую часть. Правда, для проведенія обязательнаго обученія предположено созданіе особыхъ школьныхъ попечительствъ. И на первый взглядъ можетъ показаться, что попечительствамъ предоставляются довольно широкія права и полномочія, а именно: «на училищныя попечительства возлагается — 1) изысканіе средствъ для наилучшаго обезпеченія училищъ и для устройства при нихъ дополнительныхъ классовъ и курсовъ, библиотекъ, читаленъ, 2) заботы о снабженіи училищъ и учащихся пособиями, а также объ устройствѣ квартиръ, ночлега, горячихъ завтраковъ для учащихся, о здоровьѣ и физическомъ развитіи учащихся, о доставленіи подвоза для учащихся, 3) веденіе списка дѣтей школьнаго возраста даннаго района, 4) заботы о доставленіи всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста возможности обученія, 5) наблюденіе за правильнымъ посѣщеніемъ уроковъ учащихся, 6) заботы о дальнѣйшемъ образованіи окончившихъ курсъ, наконецъ, 7) сообщеніе гвѣдному

(окружному) или городскому училищному совету, а гдѣ такового нѣтъ, директору народных училищ о замѣченныхъ попечительствомъ уклоненіяхъ отъ правильнаго хода занятій въ училищахъ (ст. 10)».

Казалось бы, что попечительству предоставляются довольно широкія права: для того, чтобы замѣтить уклоненія, необходимо быть въ курсѣ дѣлъ, естественно принимать участие въ организациі учебно-воспитательнаго дѣла.

Но такъ какъ рядомъ со статьей 10 имѣются еще 11 и 12, въ которыхъ говорится, что «при исполненіи своихъ обязанностей попечительство руководствуется инструкціей, составляемой училищнымъ советомъ», что, во-вторыхъ, «въ случаѣ обнаруженія преднаго для училища влияния какого-либо изъ членовъ попечительства, училищный советъ, а гдѣ такового нѣтъ, инспекторъ народныхъ училищъ можетъ устранить такое лицо отъ участія въ попечительствѣ», то всякія иллюзіи совершенно разсѣиваются.

Въ высокой степени оригинально и то положеніе законопроекта, которымъ министерство предполагаетъ узаконить систему воспитательства конфессиональнаго и свѣтскаго образованія, узаконить извѣстнаго рода двоевластіе. Даже Государственная Дума 3-го июня въ 1911 году, при прохожденіи законопроекта о всеобщемъ обученіи, не считала для себя возможнымъ включеніе въ николюную сѣть церковно-приходскихъ школъ. Но что невозможно было въ моментъ расцвѣта всероссійской реакціи, то станеть, по всей вѣроятности, совершившимся фактомъ теперь, когда вопиющее невѣжество и отсталость Россіи ударили по затылку самыхъ неисправимыхъ враговъ просвѣщенія.

Къ чему можетъ привести установленіе двоевластія въ такомъ ответственномъ и важномъ дѣлѣ, какъ всеобщее обязательное обученіе — предугадать не трудно. Положеніе училищъ, и безъ того стѣсненныхъ въ своей такъ называемой просвѣдательной дѣятельности, станеть во много разъ хуже и невыносимѣе, потому что на ряду съ учебной администраціей, будетъ осуществлять свое попеченіе о народномъ образованіи духовенство.

Установленіе дуализма въ дѣлѣ народнаго образованія тѣмъ болѣе непонятно и оригинально, что Россія—государство и равноплеменное, и равноязычное. Новый законопроектъ на этой сторонѣ совсѣмъ не останавливается. Вводя всеобщее обученіе, приступая къ осуществленію обязательнаго начальнаго образованія, Министерство Народнаго Просвѣщенія игнорировало все тѣ разнообразныя особенности, которыя вытекаютъ изъ различій національныхъ и вѣроисповѣдныхъ. Вообще положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ 1874 года, давно устарѣвшее и отжившее свой вѣкъ, осталось нетронутымъ. Трудно подыскать объясненія, въ силу чего Министерство Народнаго Просвѣщенія повнимъ законопроектомъ

предлагает узаконить многопольную систему обработки дѣтскихъ годовъ — одинъ учитель долженъ заниматься съ нѣсколькими отдѣленіями, при чемъ на каждого учащаго предполагается взвалить до 50 человѣкъ учениковъ. И норма въ 50 человѣкъ, и работа въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ педагогической мыслью осуждены давно, но видно ужъ такова участь педагоговъ — ихъ домогания разбиваются о толстыя кирпичныя стѣны солидныхъ зданій у Чернышева моста. Печальную участь имъ можно предсказать и подъ сводами Таврическаго дворца. По крайней мѣрѣ, председатель комисіи по народному образованию — Евграфъ Ковалевскій — уже реагировалъ на выступления защитниковъ педагоговъ. Такъ, когда въ одномъ изъ засѣданій комисіи членъ Госуд. Думы Русановъ предложилъ установить основной окладъ учительскаго жалованья въ 75 рублей, и когда это предложеніе было принято, маститый председатель запротестовалъ и изъ «тактическихъ соображеній» добился вторичной баллотировки, давшей вполнѣ благоприятные результаты — установлено 50 рублей.

Такое отношеніе къ главнымъ дѣлателямъ по осуществленію всеобщаго обязательнаго обученія болѣе, чѣмъ непонятно, потому что при проведеніи законопроекта о высшихъ начальныхъ училищахъ основной окладъ жалованья, болѣе или менѣе приличный для довоеннаго періода, прошелъ безъ затрудненій. Чѣмъ руководствовалась комисіи по народному образованию, узаконившая годовое жалованье учащимъ начальныхъ школъ? Быть можетъ, характеромъ работы учащихъ начальныхъ и высшихъ начальныхъ училищъ? Только не этимъ: всякому, хоть поверхностно знакомому съ условиями работы тѣхъ и другихъ учащихъ, прекрасно извѣстно, что работа на высшей ступени обученія, требующая чрезвычайнаго напряженія и большой вдумчивости, гораздо труднѣе, чѣмъ съ дѣтьми болѣе зрѣлыхъ возрастовъ. Если непонятны мотивы комисіи по народному образованию Государственной Думы, то еще болѣе непонятны мотивы Министерства Народнаго Просвѣщенія, которое въ своемъ законопроектѣ предлагаетъ даже не 600 рублей, а всего 420 въ годъ.

Непонятны и тѣ соображенія, которыя положены Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ основаніе финансоваго плана. На осуществленіе всеобщаго обученія изъ средствъ государственнаго казначейства ежегодно предполагается отпускать по 10.5 милл. руб., изъ нихъ 9 милліоновъ на школы, находящіяся въ вѣдѣніи министерства, 1½ милліона на церковно-приходскія школы. Если въ основаніе расчетовъ положить, какъ сдѣлало министерство, даже дальняя неудавшаяся перепись 1897 года, то и тогда ясно будетъ, что 10½ милліоновъ рублей для осуществленія столь грандіозныхъ задачъ совершенно недостаточно. По даннымъ названной переписи, какъ извѣстно, простота населенія равнялась 2 милліонамъ. Въ

настоящий момент цифра эта безусловно увеличилась. Но если принять во внимание смертность среди детей, игнорировать отсталых и полных идиотов, больных, то все же мы получим детей школьного возраста около 2 миллионов. Разделив это число на 50 (норма для комплекта) и $10\frac{1}{2}$ миллионов рублей на полученное частное, мы увидим, что министерство собирается расходовать на каждый комплект около 250—300 рублей. Суммы больше, чем скромны.

Законопроект, созданный в недрах министерских кабинетов, выработанный чиновниками, стоящими вне действительной жизни, чиновниками, пропитанными идеологией помещичьей и крупно-землевладельческой России, вряд ли может пользоваться сочувствием и рассчитывать на результаты для разрешения задач государственной важности. России нужна не трехгодичная и даже не четырехгодичная школа, как проектирует мин. нар. просв. Громадной странѣ съ многомиллионнымъ населениемъ, вѣками пребывающей подъ гнетомъ невежества, нуженъ не безправный учитель и не намѣтъ на участіе въ заботахъ объ образованіи своихъ дѣтей. Россія имѣетъ такое же право на образованіе и широкую организацію его, какого добились другія государства, демократизировавшія свою жизнь.

Возможно, что преемнику гр. Игнатъева и этотъ законопроектъ покажется черезчуръ либеральнымъ, и онъ попытается остановить его прохожденіе; возможно, что чиновники обновленнаго министерства нар. просв. съ первыхъ же дней затянутся въ новые мундиры, снова заскрипятъ перьями и разсвѣютъ столь свойственное ихъ душѣ творчество для созданія еще одного документа для государственныхъ архивовъ. Пусть! На основаніи всего сказаннаго проекта бывшаго министра жалѣть не приходится.

Василій Зеленко.

История еврейского народа, т. 1, издание Т-ва «Мирь», М., 1914 г.

Т-во «Мирь» предприняло издание коллективного труда, посвященного истории еврейского народа съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней. Все издание рассчитано на 15 тт. Оно принадлежитъ къ разряду такъ наз. роскошныхъ (хорошая бумага и печать, богатыя и разнообразныя иллюстрации, красивый и прочный переплетъ).

1-ый т. «Истории еврейского народа», излагающий древнѣйшую эпоху еврейской истории (до паденія иудейскаго царства въ 580 г. до р. Хр.), представляетъ собою нѣчто промежуточное между строго научнымъ трудомъ и рассчитанной на широкую публику популяризацией. Это нѣсколько затрудняетъ правильную его оцѣнку, такъ какъ само собою разумѣется, что требованія, предъявляемыя къ произведениямъ перваго и втораго рода, не могутъ быть одинаковыми. Недостатки, совершенно обезцѣнивающе самостоятельное изслѣдование, могутъ не имѣть особаго значенія и даже быть достоинствами въ популяризации. Взять для перевода выдающийся 2-хтомный трудъ Руд. Киттеля «Geschichte des Israel», редакция издания подвергла, однако, его текстъ «въ интересахъ читающей публики» редакционной переработкѣ, ставящей себѣ двоякаго рода задачу: отдѣлать, во 1-хъ, изложеніе болѣе доступнымъ и во 2-хъ, внести въ текстъ исправленія по существу тамъ, гдѣ трудъ К., по ея мнѣнію, не достаточно наученъ. Относительно измѣненій 1-го рода (пропуски, сокращения, измѣненія порядка изложенія и т. д.) нужно сказать, что они, несомнѣнно, достигаютъ своей цѣли. Опусценіе или сокращеніе экскурсовъ и большинства примѣчаній, правда, значительно понижаютъ научную цѣнность русскаго перевода по сравнению съ оригиналомъ; но въ этомъ нѣтъ болѣе большой бѣды, если смотрѣть на него главнымъ образомъ какъ на популяризацию. Измѣненія 2-го рода внесены почти исключительно въ главахъ и отдѣльных мѣстахъ книги, посвященныхъ изображенію хода религіозной эволюціи, такъ какъ редакторъ 1-го тома Н. Никольскій совершенно неудовлетворенъ предлагаемымъ Киттелемъ рѣшеніемъ этой центральной проблемы истории древняго Израіля. На этихъ измѣненіяхъ основана, повидимому, высказываемая редакціей изданія горделивая надежда, что ихъ трудъ «будетъ призванъ сыграть извѣстную роль въ развитіи нашей (т. е. еврейской) молодой историографіи». Къ сожалѣнію, приходится констатировать, что они ни съ какой стороны не оправдываютъ этой надежды. Ничего иного, впрочемъ, и нельзя было ожидать, такъ какъ Киттель въ области истории древняго Израіля—первоклассный ученый, а Н. Никольскій лишь популяризаторъ (онъ авторъ популярныхъ очерковъ «Древній Израиль»). Н. Никольскій оправдываетъ свои правки тѣмъ, что Киттель—консервативный богословъ, и въ его трудѣ имѣются «богословскіе домыслы» и «чисто логичныя точки зрѣнія». Но отсутствіе теологическихъ предубѣжденій не обходимо, но далеко

не достаточное условие научности изображения хода религиозной эволюции, и, разумеется, не замѣняетъ собою ориентированности въ работахъ предшественниковъ и самостоятельнаго изслѣдованія. Если еще можно быть различнаго мнѣнія о томъ, достаточно ли компетентенъ Н. Никольскій для того, чтобы исправлять Киттеля, то уже совершенно безспорно, что избранный имъ приемъ исправленія безусловно неудовлетворителенъ. вмѣсто того, чтобы заново написать тѣ главы труда Киттеля, которыя представляются ему ненаучными, оговоривъ, разумеется, что отвѣтственны за высказываемые въ нихъ взгляды только онъ одинъ, Н. Никольскій предпочелъ дать текстъ Киттеля, но сдѣлать въ немъ рядъ пропусковъ и вставокъ, благодаря которымъ, по его словамъ, «концепція Киттеля значительно смягчена и освобождена отъ всѣхъ богословскихъ домысловъ и разсужденій». Но такъ какъ концепція Киттеля слишкомъ цѣльна и послѣдовательна для того, чтобы поддаваться исправленію путемъ такихъ механическихъ приемовъ, то въ результатъ получился тотъ-же Киттель, только обезличенный и крайне невѣдержанный, а иногда и прямо противорѣчивый.

Иллюстрируемъ сказанное двумя примѣрами. На стр. 231 мы читаемъ: «Такимъ путемъ между Шило и великимъ прошлымъ ковчега и народа устанавливается извѣстная связь, и а п о м и н а я (курсивъ нашъ) намъ, что не всѣ слои Израіля перешли къ ханаанейскому культу». Но напрасно читатель будетъ искать въ предшествующихъ строкахъ указаний въ чемъ именно состоитъ это напоминаніе. Лишь обратившись къ нѣмецкому тексту, онъ могъ-бы узнать, что нѣсколькими строками раньше Киттель говоритъ: «Несомнѣнно, въ немъ (ковчегѣ, Ст.) никогда не было никакого изображенія *Lafhe*... Шило, такимъ образомъ, хранилъ одну изъ важнѣйшихъ традицій эпохи Моисея».

На страницѣ 395 читаемъ: «Если... мы перейдемъ къ официальной религии . . . , то увидимъ существенную разницу между царствами Израильскимъ и Иудейскимъ». А между тѣмъ, не только существенной, но и никакой разницы читатель не увидитъ, такъ какъ выброшены изъ текста Киттеля всѣ мѣста, въ которыхъ указывается, въ чемъ она состоитъ—а именно всѣ мѣста, въ которыхъ говорится объ отсутствіи въ иерусалимскомъ храмѣ изображеній *Lafhe* и магическихъ формъ вопрошанія оракула, и вставлена (стр. 231) слѣдующая фраза: «Своеобразнымъ предметомъ культа въ иерусалимскомъ храмѣ (курс. нашъ) былъ мѣдный змѣй» (Киттель настаиваетъ на томъ, что змѣй не находился въ храмѣ). Эти примѣры достаточно иллюстрируютъ внесенную переработкой неразбериху. вмѣстѣ съ тѣмъ они показываютъ, что голый антитеологизмъ далеко не является гарантіей научности. Остановимся на первомъ примѣрѣ: отсутствіе въ ковчегѣ всякаго изображенія божества, малѣйшее упоминаніе о чемъ въ текстѣ Киттеля тщательно вытравливается редакторомъ, представляетъ собою какъ разъ выводъ, основанный на массѣ данныхъ и преобладающій въ современной научной литературѣ. Его раздѣляетъ также и Эд. Мейеръ, котораго, полагаемъ, никто не заподозритъ въ богословской предубѣжденности. Таковъ также главный выводъ специально посвященной вопросу о ковчегѣ работы Дибелуса «Die Lad, «Lafwes». Ковчегъ, согласно ему, былъ пустой тронъ, никакое изображеніе, ни даже символъ божества не указывали на близость Бога, и,

однако, послѣдний все же мыслился присутствующимъ. А работу Дибелиуса Н. Никольскій въ своей приложенной къ концу тома статьѣ характеризуетъ, какъ «новаго типа образцовую монографію, комбинирующую библейскія данныя съ археологическимъ матеріаломъ разныхъ странъ и народовъ». Въ подобное же странное недоразумѣніе г. Никольскій впалъ по отношенію къ Лангу, приписавъ ему анимистическую гипотезу о происхожденіи религии, противъ которой Лангъ опредѣленно борется въ своей работѣ (*The making of religion*).

Въ особенности пострадала отъ редакторской энергии глава «Пророчество VIII столѣтія». Тутъ неоднократно пропущены цѣлыя страницы, причемъ иногда прямо трудно догадаться о мотивахъ такихъ пропусковъ. Такъ, напримѣръ, мы встрѣчаемъ пропускъ 1½ страницы, на которыхъ Киттель разсматриваетъ очень важный вопросъ о связи пророковъ VIII в. съ иностранными державами и находившимися подъ ихъ влияніемъ политическими партіями. Такие же пропуски мы находимъ на стр. 400, 402, 403, 405, 407, 408. Въ результатѣ всѣхъ этихъ купюръ очень интересная и содержательная глава вышла въ русскомъ переводѣ довольно блѣдной.

Кромѣ указаннаго основнаго недостатка, въ текстѣ не мало неточностей и ошибокъ перевода. Въ особенности досадна частая передача въ формѣ категорическаго утвержденія того, что Киттель, какъ осторожный, критическій историкъ, высказываетъ лишь предположительно. Встрѣчается не мало и грубыхъ ошибокъ. За недостаткомъ мѣста ограничимся однимъ только образчикомъ. На стр. 465 читаемъ: «Легенда рассказываетъ даже, будто они готовились къ возвращенію въ Іудею». Киттель говоритъ не о легендѣ, — таковой не существуетъ, — а о слухахъ, носившихся въ описываемое имъ время («*Es geht sogar die Sage, dass...*»)

Справедливость требуетъ сказать, что мы не вполне увѣрены въ томъ, что наша критика полностью направлена по надлежащему адресу. Какъ сообщаетъ въ своемъ предисловіи Н. Никольскій, первоначальная переработка нѣмецкаго текста и редакция перевода была одѣлана М. Соловейчикомъ и редакціонной коллегией всего изданія и они, какъ есть основаніе думать, не мало напутали до того, какъ г. Никольскому было предложено взять на себя окончательную редакцію. Во всякомъ случаѣ онъ не отвѣтственъ за слѣдующій приемъ, честь или безчестіе изобрѣтенія котораго всецѣло принадлежитъ «руководящей изданіемъ коллегіи». Какъ указано выше, 1-ый т. «Истории евр. нар.» представляетъ собою переводъ нѣмецкаго труда Киттеля. А между тѣмъ на заглавномъ листѣ авторъ вовсе не обозначенъ и не указано, что книга является переводомъ, а на второй страницѣ внутренняго заглавнаго листа Киттель среди многихъ извѣстныхъ иностранныхъ ученыхъ прямо зачисленъ въ сотрудники русскаго изданія. Въ предисловіи Н. Никольскаго, правда, указано, что «въ основу перваго тома положенъ» трудъ Киттеля. Но изъ предисловія редакціи всего изданія мы узнаемъ, что она беретъ на себя «соотвѣтственный выборъ сотрудниковъ, ихъ предварительное ознакомленія съ подобно разработаннымъ планомъ всего труда, ихъ постоянныя и тѣсныя сношенія съ руководящей изданіемъ коллегией» и, наконецъ, что «редакціонная работа послѣдней направлена... на созданіе внутренней согласованности и архитектурной законченности этого историческаго труда». Такимъ образомъ, выходитъ, что Киттель написалъ на

нѣмецкомъ языкѣ свой трудъ специально для русскаго изданія, но самъ, скромно сознавая всю недостаточность своихъ силъ, попросилъ редакторовъ русскаго изданія исправлять его безъ всякаго стѣсненія. Таковъ, повидимому, характеръ участія также и нѣкоторыхъ (или всѣхъ?) другихъ иностранныхъ ученыхъ. Такой выборъ ученыхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безотвѣтныхъ «сотрудниковъ» несомнѣнно является приемомъ, остроумно примиряющимъ интересы издательства, требующие громкихъ именъ, съ притязаніемъ редакціонной коллегіи двигать впередъ «молодую еврейскую историографію».

Но если оставить въ сторонѣ сомнѣніе въ допустимости этого приема, то нужно будетъ признать, что удачный «выборъ сотрудниковъ» очень много значитъ. Несмотря на всѣ «исправления», превосходный трудъ Киттеля сохраняетъ значительную часть своихъ достоинствъ и въ русскаго переработкѣ. Трудъ Киттеля между прочимъ отличается къ своей выгодѣ отъ другихъ «Исторій израильскаго народа» использованием накопившагося въ послѣднее время археологическаго матеріала и вообще удѣленіемъ сравнительно равномернаго вниманія различнымъ сторонамъ культуры древнихъ евреевъ. Прибавимъ, что редакція русскаго изданія — въ этомъ слѣдуетъ, несомнѣнно, признать ея заслугу — снабдила 1-ый т. «Ист. евр. нар.» значительнымъ количествомъ рисунковъ, наглядно воспроизводящихъ важнѣйшія археологическія находки. Мы, поэтому, не совершимъ непоследовательности, если, несмотря на предшествующія критическія замѣчанія, пожелаемъ ему широкаго распространения.

Б. Стоянный.

* * *

В. Шишмаревъ. Клеманъ Маро. Часть I, 395 стр.

Передъ нами новый трудъ виднаго университетскаго ученаго, уже много лѣтъ разрабатывающаго отдѣльные вопросы истории французской литературы. Года три тому назадъ вышла его работа объ Эсташѣ Дешанъ (Eustache Deschamps), поэтѣ XIV—XV вв.; въ настоящее время авторъ даетъ намъ работу, связанную съ его новѣйшими университетскими занятіями по кафедрѣ истории романскихъ литературъ.

Маро (Clement Marot) является крупнѣйшимъ представителемъ французской литературы эпохи ранняго Возрожденія.

Однимъ изъ цѣнныхъ успѣховъ, достигнутыхъ проф. Шишмаревымъ въ его книгѣ, являются тѣ «идентификаціи», тѣ удостовѣренія для различныхъ дѣятелей и замѣтныхъ придворныхъ и салонныхъ фигуръ, которыя спасаютъ отъ забвенія, оживляютъ воспоминанія прошлаго и даютъ возможность сблизать историческія имена, ставшія для насъ одними звуками съ тѣми живыми личностями, которымъ они принадлежали. Передъ нами представители эпохи ранняго Возрожденія, составляющіе «окруженіе» (терминъ автора книги) поэта. Эти подробныя и проверенныя данныя и идентификаціи наполняютъ содержание настоящаго перваго тома, гдѣ авторъ пока даетъ массу фактовъ, касающихся внѣшней стороны жизни поэта.

Широкіе круги лицъ, интересующихся исторіей французской лите-

ратуры, оставляють К. Маро почему-то внѣ поля своего зрѣнія. Между тѣмъ, не зная его, мы не поймемъ многого и въ дѣятельности Плеяды, этого центра вниманія для всѣхъ, изучающихъ литературу французскаго Возрожденія. Родившись въ 1495 г., К. Маро съ молодости былъ близокъ къ сценѣ и участвовалъ въ представленіяхъ знаменитыхъ «Basochiens», представителей судебной и приказной молодежи, объединившихся въ данную эпоху въ цѣлыя актерскія труппы съ цѣлью давать театральныя представленія, приуроченныя къ извѣстнымъ днямъ. Сынъ поэта Жана Маро, произведенія котораго онъ позднѣе издалъ въ свѣтъ. Клеманъ съ молодости посвятилъ себя съ одной стороны легкимъ поэтическимъ жанрамъ, съ другой—изученію древности и издательской дѣятельности. Въ первомъ случаѣ отмѣтимъ кромѣ разныхъ рондо («rondeaux» — въ 13 стиховъ), балладъ, chan's gouaux,—старинныхъ французскихъ жанровъ, чрезвычайно удачныя эпиграммы, тотъ видъ поэтическаго произведенія, который для Маро являлся яркимъ наслѣдіемъ древности, и гдѣ ему удавались и сжатость формы, и блескъ, и даже язвительность содержанія. Въ позднѣйшее время, послѣ того, какъ онъ провелъ при дворѣ долгіе годы, не разъ впадая въ немилость, отчасти по проискамъ своихъ враговъ, литературныхъ соперниковъ и косной Сорбонны, уже находясь въ Италіи, преслѣдуемый религиозными гоненіями во Франціи, онъ полагаетъ начало новому жанру, воспѣванію красотъ отдѣльныхъ частей человѣческаго тѣла, въ чемъ неожиданно нашелъ себѣ послѣдователей, которые писали стихи, посвященные волосамъ, сердцу, рукамъ, рту и т. д. (231). (Раннія произведенія изданы имъ подъ общимъ названіемъ «Adolescence Clémentine» 1532 г.). Наряду съ этимъ мы его знаемъ, какъ серьезнаго знатока древнихъ авторовъ, автора перевода «Метаморфозъ» Овидія, издателя образцоваго для своего времени и на 300 лѣтъ спустя собранія произведеній Війона, талантливаго поэта убогой и гулящей богемы, отъ котораго его отдѣляли 10 лѣтъ. Наконецъ, какъ дань Реформаци, мы имѣемъ его чудный по языку (1541 г.) переводъ «Псалмовъ» Давида на франц. языкъ. Хотя весь дворъ распѣвалъ его псалмы, тѣмъ не менѣе названный переводъ далъ новую нищу постояннымъ подозрѣніямъ въ томъ, что авторъ является протестантомъ. Впрочемъ его сношенія съ Кальвиномъ извѣстны. Суровый реформаторъ принялъ въ своей общинѣ его псалмы къ общественному употребленію. Маро былъ близокъ съ знаменитымъ гуманистомъ Доле, который впоследствии издалъ его сочиненія, и грамматикомъ Мегрэ, и, несомнѣнно, относился очень свободно къ религиознымъ убѣжденіямъ католическаго лагеря, какъ это, напр., видно въ «Жалобѣ» («Complainte») на смерть Флоримона Робертэ. Зато по возвращеніи его изъ Италіи, гдѣ онъ жилъ при дворѣ въ Феррарѣ, а затѣмъ въ Венеціи, его заставили при унижайтельныхъ условіяхъ публично отказаться отъ ереси. Умеръ онъ въ бѣдности, покинутый и забытый, въ Туринѣ, ранней весной 1544 года.

Въ заключеніе, вернемся къ разсматриваемой книгѣ г. Шишмарева. Авторъ идетъ въ разработкѣ своей темы, такъ сказать, отъ периферіи къ центру. Разсмотрѣны отчасти произведенія поэта, его жизнь, названы и нарисованы окружающія его даже малоизвѣстныя личности. Внутренняя его жизнь, оцѣнка стиля, языка еще не даны. Зато все данное нынѣ

составляет мозаику скомбинированных фактов, где каждый пришлось проверить сызнова, оценить, связать с другими, а нередко впервые найти послѣ долгихъ поисковъ во французскихъ архивахъ. Все это для незнакомаго съ процессомъ подобной научной работы можетъ съ перваго взгляда на новую книгу оказаться даже неуловимымъ. Притомъ всемъ томъ мы ожидали бы устранения нѣкоторыхъ недочетовъ: именъ даже малоизвѣстныхъ авторовъ научныхъ трудовъ и историческихъ лицъ, а также литературныхъ произведений даны почти всюду лишь въ русской транскрипции или переводѣ, безъ подлиннаго ихъ написанія. Это мы замѣчали уже въ книгѣ того же автора, «Лирики позднего средневѣковья». Затѣмъ въ слѣдующемъ томѣ желательно было бы увидѣть общій указатель именъ и главнѣйшихъ историко-литературныхъ фактовъ, приведенныхъ въ рассматриваемой работѣ. Другія характерныя свойства книги отмѣчены выше. Для лицъ, изучающихъ исторію французской литературы, книга при ознакомленіи съ эпохой Возрожденія положительно необходима.

Владимиръ Б. Шкловскій.

* * *

Лонгфелло. «Пѣснь о Гайаватѣ». Переводъ Ивана Бунина. Вступительный очеркъ В. Тохельсона. «Памятники мировой литературы». Москва. Из-во М. и С. Сабашниковыхъ. 1916 г. Стр. XLVII+192. Ц. 2 р. 75 коп.

Лучшее произведение американскаго поэта въ классическомъ переводѣ Ив. Бунина давно уже пользуется заслуженнымъ вниманіемъ русскихъ читателей.

Лонгфелло, задумавшій свою поэму, какъ индѣйскій эпосъ, и много потрудившійся надъ изученіемъ матеріаловъ, не выполнилъ своей этнографической задачи. Причинъ этому было много, но главная причина та, что общеиндѣйскаго эпоса не существуютъ, а существуютъ сказанія и легенды отдѣльныхъ племенъ. Въ поэмѣ Лонгфелло эти легенды перепутались, и большинство эпизодовъ, приписываемыхъ имъ герою прокезовъ Гайаватѣ, принадлежитъ къ сказаніямъ другой группы индѣйскихъ племенъ—алгонкинскихъ.

Однако, все это нисколько не уменьшаетъ художественной цѣнности поэмы, тѣмъ болѣе, что глав-

ная идея ея, установленіе мира всего міра, исповѣдуемая Гайаватой, «не является вымысломъ культурнаго поэта, а вполне согласуется съ духомъ союза ирокезовъ».

Гайавата — одинъ изъ «культурныхъ героевъ сѣверо-американской мифологии, призванныхъ преобразовать и упорядочить жизнь на землѣ. Онъ посланъ создателемъ міра, великимъ Гитчи-Манито, на землю, —

«Чтобъ народъ его былъ счастливъ,

Чтобъ онъ шелъ къ добру и правдѣ»,

чтобъ онъ прекратилъ междоусобія и вражду между отдѣльными племенами и сковалъ ихъ воедино идеей общаго братства и доброжелательства.

Вокругъ этого стержня объединены и съ эпической простотой и художественной законченностью рассказанъ цѣлый рядъ эпизодовъ о рождении Гайаваты, о его дѣтствѣ и воспитаніи, о его семейной жизни, о борьбѣ со злыми духами и богами, о добрыхъ существахъ, помогавшихъ ему, и объ окончательной побѣдѣ его идеи. Эпилогомъ поэмы

является встреча индйцевъ съ бѣлыми. Гайавата привѣтствуетъ ихъ, какъ братьевъ, и, успокоенный, покидаетъ свой народъ, уходя на Западъ.

Незагнѣливая, но порой очень глубокая лирика, пронизывающая внѣшне однообразныя строки Лонгфелло, дѣлаетъ его поэму не только интересной, но и захватывающей.

Книга снабжена тринадцатью иллюстрациями и очеркомъ г. В. Юхельсона, интереснымъ, но наврядъ ли необходимымъ въ книгѣ, не претендующей на научное освѣщеніе индйскаго фольклора.

Д. Выгодскій.

Моисей Скороходовъ. Пѣсня первая. Стихи. Съ предисловіемъ К. Э. Жакова. Петроградъ. 1916. Стр. 58. Ц. 70 к.

Въ авторѣ «Пѣсни первой» есть много неопытности: онъ наивно увѣренъ въ томъ, что поэзія состоитъ изъ «поэтичныхъ» словъ, вродѣ баркаролла, гондола, истомный и т. д., что улыбкою и зыбкою очень изысканная рима, которую можно многократно (стр. 9, 19, 47) повторять, что темносинимъ римуется со стариннымъ, козыль съ милъ.

Но въ этой несовершенной и однообразной книгѣ сквозь банальную «влюбленность» (это слово наиболѣе часто употребляется г. Скороходовымъ) иногда видна подлинная тоска одиночества—

Я—карликъ въ лабиринтъ сосень,
Я спущенъ на нѣмое дно

(стр. 10).

И сквозь неинтересное стихописаніе—изрѣдка настоящая образность:

Одѣтыя въ ночной таинственный
нарядъ,

Миѣ дюны кажутся суровыми
жрецами,

Творящими надъ моремъ
сказочный обрядъ.

(Стр. 8).

Д. Выгодскій.

«Земля», — сборникъ девятинадцатой. «Враги», пьеса М. Арцыбашева. «Осень»—Н. Крашенинникова.

Изъ многихъ опасностей, которыя грозилы М. Арцыбашеву, одна оказалась роковой: онъ баналенъ не переносимо. Не то, конечно, плохо, что этотъ писатель съ завиднымъ постоянствомъ внимание свое направляетъ въ одну точку. Это имѣетъ, пожалуй, свои достоинства. Плохо, разумѣется, то, что, внимательно всматриваясь въ сложную проблему отношеній мужчины и женщины,—онъ не видитъ въ ней ничего, кромѣ анатоміи и физиологіи. Это придаетъ ужасающую плоскость его произведениямъ, дѣлаетъ ихъ чисто внѣшними, поверхностными, эстетически невыносимыми.

Не является исключеніемъ и послѣдняя его пьеса. Не потому только, что «теза», вложенная въ произведение, непримлема, (а г. Арцыбашевъ, какъ извѣстно, писатель à thèse). Этотъ недостатокъ могъ бы быть искупленъ живой тканью произведенія, художественной его заразительностью, но въ томъ-то и бѣда, что мертва его плоть, безцвѣтны его краски. Все дѣйствіе пьесы вращается вокругъ переживаній пола, упрощенныхъ, примитивно-грубыхъ, и потому лишенныхъ художественной правдивости и глубины.

Впрочемъ, мы ничего не имѣемъ противъ тысяча первой вариации на тему о супружеской вѣрности, ревности, объ извѣчной враждѣ и о вѣчной связанности супруговъ. Но пусть вариация эта внесетъ что-нибудь свое въ пониманіе души человеческой, пусть освѣтитъ намъ невѣдомый еще уголокъ человеческой психологіи. За отсутствіемъ иныхъ правъ на существованіе—да будетъ ей оправданіемъ новизна ея и оригинальность. Но ни какой новизны въ постановкѣ психологической проблемы у г. Арцыбашева нѣтъ.—и быть не могло, просто потому, что весь психоло-

низмъ его на повѣрку оказывается необузданной физиологией. Отсюда его примитивность, необыкновенная легкость обращенія съ философическими замыслами своими, однообразие духовныхъ обликовъ его героевъ, несложность ихъ душъ. Вся вообще бѣдность узора его художественной работы.

Но у М. Арцыбашева есть все-таки свои достоинства. У него хорошая техника, умѣло построенный диалогъ, крѣпко сдѣланныя сцены. Этихъ качествъ, къ сожалѣнью, нельзя приписать г. Н. Крашенинникову, беллетристу добросовѣстному, но утомительно-многоглаголивому и безцвѣтному. Крупнѣйшій и вряд ли преодолимый недостатокъ этого автора заключается въ томъ, что онъ не изображаетъ, а описываетъ. Описываетъ при этомъ вяло, безкровно, щедро бросая слово за словомъ, разливая ихъ цѣлыми потоками, повторяясь безконечно. «Отчего ночи такія длинныя и унылыя? Отчего такъ зловѣще дышетъ предразсвѣтная темнота? Жизнь, что ты такое? Неужели жизнь—это ссоры съ Евгениемъ, Прокофиемъ, Пелагеей? Сдѣй ты жизнь, вся повитая золотомъ?»—можно много томовъ заполнить такой ни къ чему не обязывающей, ничего не говорящей реторикой, которой у г. Крашенинникова слишкомъ много. Проза его бѣдна образами, сами же образы неубѣдительны. «Кто-то костлявый сухими жесткими пальцами перебираетъ и мнетъ туго натянутыя струны души»,—эти мертвыя слова ничего не говорятъ, не возбуждаютъ въ насъ живыхъ представлений. Не возбуждаетъ живыхъ представлений и все произведение, претенциозно озаглавленное — «Осень, — простая история жизни барышенъ, романъ въ двухъ частяхъ».

М. Арцыбашевъ и Н. Крашенинниковъ чаще другихъ появляются въ послѣднихъ сборникахъ «московскаго книгоиздательства». Писатели эти, быть можетъ, имѣютъ немалый кругъ читателей и почитателей. Но

какъ жаль, что редакция сборниковъ не хочетъ подарить вниманія своего писателямъ, правда, менѣе извѣстнымъ и болѣе молодымъ, но въ средѣ которыхъ есть, право, не мало достойныхъ, чтобы быть представленными читателю.

Думается, что союзъ съ молодежью былъ бы полезенъ не только сборникамъ «Земля», но и русской литературѣ.

Вяч. Полонскій.

Гр. Алексѣй Н. Толстой, т. IX «Искры». Т-во «Книгоиздательства писателей въ Москвѣ». Цѣна 1 р. 40 коп.

Въ новой девятой книгѣ рассказовъ Алексѣй Н. Толстой тотъ же, что и всегда: только, быть можетъ, меньше здѣсь анекдота и больше сосредоточенности дѣйствія, чѣмъ въ крупныхъ его вещахъ. Налицо все испытанныя уже достоинства этого талантливаго повѣствователя: острая зоркость наблюдающаго взгляда, скупая точность словъ, мастерство рассказа. Живы и явственны все эти тонкія, капризные, печальныя отъ любви женщины и растерянные неловкіе мужчины, осмысливающе и приемлюще миръ только черезъ влюбленность. Жизнь и движеніе есть въ каждомъ рассказѣ; но книга въ цѣломъ не живетъ: нѣтъ въ ней внутренняго стержня. Подобно Николаю Ивановичу въ рассказѣ «Для чего идетъ снѣгъ», авторъ не понимаетъ, что плохо, что хорошо. Ему хочется, какъ офицеру Андрею Николаевичу («Подъ водой») только «коснуться всего живого... безъ различія, добро ли это или зло, смерть или жизнь». «Только одна эта воля бушевала въ немъ—говоритъ авторъ о своемъ героѣ — жажда, жадность, ощущение (курс. Ал. Н. Толстого) всего» (стр. 93). Ал. Н. Толстой — поэтъ ошущенія. Изошренными, жадными щупальцами прикасается онъ къ миру, но воспринимаетъ лишь отдѣльныя, разрозненныя частицы мірозданія. И для героевъ его миръ какъ-то странно расчлененъ, разроз-

ненъ; отсюда вѣчная ихъ растерянность, неловкость, пустота душевная. И только любовь, всегда неожиданно вспыхивающая и всегда почти мучительная, на мигъ спаиваетъ въ цѣлое слѣпыя осколки бытія. Но это чувство, узко-личное, единящее только двухъ любящихъ, не можетъ само по себѣ дать никакихъ критеріевъ, никакого своего особаго и цѣльнаго подхода къ міру. Оттого писатель, столь остро и своеобразно передающій тончайшіе оттѣнки индивидуальных переживаній, безсиленъ дать что-нибудь свое въ сферѣ переживаній массовыхъ, и такъ по обычному трафарету написаны у него картины войны съ неизбѣжнымъ нѣмецкимъ плѣнникомъ, похожимъ на волка, съ неизбѣжнымъ раненымъ нѣмецкимъ офицеромъ, стрѣляющимъ въ своего спасителя—русскаго. («Буря»).

Въ патетическомъ небольшомъ эпиграфѣ (какъ-то нейдетъ вычурный этотъ эпиграфъ къ книгѣ, написанной просто и сжато), говорится о «жизнетворномъ огнѣ». Именно этого жазнетворнаго огня нѣтъ у Ал. Толстого. Разказы его и впрямь точно тѣ искорки, на которыя смотрѣла Зюмъ изъ окна вагона (стр. 40): «онѣ рождались, живыя и легкія въ мокрой темнотѣ и гасли»: живыя, легкія, блестящія, но случайныя, бѣглыя, разрозненныя въ удушливой грозовой тѣмѣ нашей русской жизни.

С. Дубнова-Эрлихъ.

Вяч. Шишковъ. Сибирскій сказъ. «Огни». Четвертая книга. Петроградъ, 1916 г. Ц. 1 р. 25 коп.

Среди безцвѣтной и безкровной современной беллетристики — рыхлыхъ романовъ и крикливыхъ повѣстей, наводнившихъ книжный рынокъ—небольшая книжка Вяч. Шикова безспорно выдѣляется: въ ней есть жизнь, своеобразие, свѣжесть языка и чувства.

Авторъ подлинно чувствуетъ свой далекий суровый край, любитъ угрю-

мую нѣжность сибирской природы,—любить дѣтей тайги—дикарей съ душой «чистой и праведной, какъ душа ребенка». И въ небольшихъ разказахъ, то строго-лаконичныхъ, трепещущихъ сдержаннымъ гнѣвомъ («Чуйскія были»), то проникнутыхъ горькимъ юморомъ («Помолились»), повѣствуетъ, какъ въ прекрасный, вольный и дикій край вторглась «культура» въ образѣ русскаго купца-хищника, алчнаго и грубаго, и наложила тяжкое свое ярмо на безпомощныхъ и доврчивыхъ сибирскихъ туземцевъ. Это столкновение кулацкой культуры наѣзжана добытчика съ младенчески-звѣриной безкультурностью таежнаго обитателя передано Шишковымъ ярко, сильно, съ простотой почти эпической.

Менѣе оригинальны образы людей тоскующихъ, не пріемлющихъ міра—отецъ въ разказѣ «Дядь Изотъ», бродяга-Ванька («Ванька — Хлюсть»). Здѣсь меньше простоты и своеобразія, нерѣдко слышатся ноты, уже знакомыя по русской литературѣ (поиски колдовскаго цвѣтка въ первомъ разказѣ), временами чувствуются нѣкоторая искусственность. Дебри мятушейся человѣческой души еще не вполне доступны Шишкову: онъ умѣетъ по настоящему писать лишь о тѣхъ дѣбряхъ, гдѣ «медвѣдь живетъ да тунгусъ, тунгусъ да медвѣдь... да еще развѣлѣшій съ комарами». Тайга живетъ въ его немногословныхъ описаніяхъ всѣми своими шорохами и переливами красокъ, и въ шелестѣ ея сосенъ и въ кроткихъ глазахъ ея обитателей: поэтъ тоска по первобытной радостной волѣ.

С. Дубнова-Эрлихъ.

М. Кузминъ. Антрактъ въ оврагѣ. Разказы, т. 8.

Не въ томъ бѣда, что М. Кузминъ разказалъ уже восемь томовъ анекдотовъ въ стихахъ и прозѣ — есть такой читатель, котораго спеціально нужно развлекать, и много

такого читателя народилось нынче на Руси... Досадно другое, то, что Кузминъ—этотъ рассказчикъ болѣе или менѣе остроумныхъ и интересныхъ анекдотовъ,—облекается въ ряды ему совершенно несвойственные,—то проповѣдника новой морали, то угонченнаго мистика, то сатирика-бытописателя...

Вотъ и въ этомъ послѣднемъ томѣ рассказовъ своихъ онъ то и дѣло сбивается съ узкой проторенной, удобной дорожки анекдота и пытается выйти на широкій путь писателя-учителя... Есть, напримѣръ, у него въ разбираемой книжкѣ циклъ «военныхъ» рассказовъ, подъ заголовкомъ «Смутное житье». Заголовокъ хорошъ, ибо на самомъ дѣлѣ нынѣшній бытъ Россіи — смутный бытъ. Но какъ смутно, вяло, блѣдно, убого охарактеризованъ и рассказанъ этотъ бытъ Кузминымъ. Вотъ, въ одномъ рассказѣ («Обыкновенное семейство») поучаетъ онъ читателя, какъ долженъ относиться къ войнѣ настоящій русский, «который половину своего состоянія пожертвовалъ на лазаретъ, вѣрить въ Бога и въ Россію»... А въ другомъ рассказѣ обличаетъ онъ нѣкую даму и т. д.

Читаешь и удивляешься—неужели этотъ скучный обыватель—тотъ самый угонченный эстетъ, авторъ «Александрійскихъ пѣсенъ», чуть ли не глава новой школы въ литературѣ, носитель яркихъ модернистскихъ лозунговъ? Поразительно, какъ быстро спалъ съ Кузмина налетъ новаторства и эстетизма, и какъ ясно выявилось нынѣ его настоящее лицо—лицо неглупаго обывателя, занятко рассказывающаго недурные анекдоты... И нужно признать—тамъ, гдѣ Кузминъ претенциозенъ, тамъ, гдѣ онъ не покидаетъ отъ Бога ему предназначенной дорожки—какъ, напримѣръ, въ этихъ рассказахъ «Мамы и дамы»—тамъ онъ забавенъ, пожалуй, интересенъ, вообще говоря вполне приемлемъ.

М. Левиловъ.

Томасъ Крагъ. Исторія одного одинокаго (Франкъ Йельмъ). Романъ. Пер. съ норвежскаго М. П. Благовѣщенской. Книгоизд. бывш. М. В. Попова. Петроградъ. 1916.

«Исторія одного одинокаго» — это исторія любви его къ подругѣ дѣтства, Луккѣ,—любви, которая, какъ судьба, опредѣлила всю его жизнь и привела обоихъ къ несчастью. Обѣ центральныя фигуры романа обрисованы живо и правдиво. Франкъ — глубокая, но созерцательная, пассивная натура. Лукка — неотразимо-обаятельное, страстное, внутренне-противорѣчивое и мятущееся существо. Все дѣйствие романа сосредоточено въ борьбѣ этихъ двухъ характеровъ, психологически-неизбѣжной и ведущей, въ концѣ концовъ, къ печальной развязкѣ. Написанный въ мягкихъ, лирическихъ тонахъ глубоко грустнаго, но примиреннаго воспоминанія, романъ, хотъ и не представляетъ собою чего-либо особенно выдающагося, имѣетъ несомнѣнные художественныя достоинства.

Т. Кладо.

Д. Мережковский. Будетъ радость. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Изд-во «Огни». Петроградъ. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к. Стр. 135.

Въ пьесѣ проведенъ нѣкій новый взглядъ на русскую интеллигенцію, ея судьбы, предвидѣніе грядущаго синтеза двухъ расколотыхъ половинъ правды, воплощенныхъ въ старой общественности отцовъ и новомъ индивидуализмѣ дѣтей.

Носитель идеи общественности — земскій дѣятель Краснокутскій, въ комнатѣ котораго висятъ портреты Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова, Некрасова (духовная генералша) и курсистка Катя — «декадентка», воспитанная на Тютчевѣ, Гиппшусѣ и др., — оба сходятся въ концѣ пьесы въ признаніи правды противника: земскій дѣятель.

атеистъ - общественникъ «нечаянно» проговаривается насчетъ Бога, «новая», «молодая» Катя прозрѣваетъ его правду; и оба соединяются «на вѣки вѣковъ» во взаимномъ понимани для «дѣланья жизни новой», для «творенья правды общей»: тезисъ и антитезисъ разрѣшается въ синтезѣ—«наше чудо и ваше одно». Этотъ основной тезисъ драмы расцвѣчивается пестрымъ букетомъ идей, лицъ и настроений: и студ.-психиатръ Федоръ, проповѣдующій самоубийство, «какъ вольную смерть отъ избытка силы», и цитирующий Кириллова, и студ.-математикъ, какъ-то соединяющій «прерывы» и чудо. геометрию четвертаго измѣренія и религию и т. д., — оба они сыновья земскаго дѣятеля, представители «дѣтей», носители «метафизики», противопоставленные позитивизму отцовъ.

Все это, облеченное въ законную форму статьи, лекции и т. п., можетъ быть, и интересно, и значительно; но здѣсь это возвышается какой-то «идеологической надстройкой» надъ основной драматической интригой, втиснутой въ рамки реалистически-психологической бытовой драмы, которая развивается совершенно независимо отъ «идей» пьесы. Семейная драма разыгрывается между отцомъ, двумя сыновьями, мачехой — второй женой отца, бабушкой — матерью первой его жены, и живущей въ домѣ курсисткой. Оба брата любятъ одну и ту же; старшій любитъ одновременно двухъ—«двумя разными любвями» — Катю и мачеху, жену своего отца; связь пасынка съ мачехой раскрывается бабушкой, уговорившей младшаго брата выкрасть уличающа письма; мачеха—бывшая актриса—уѣзжаетъ, поступаетъ опять на сцену; одинъ братъ кончаетъ самоубийствомъ, другой уходитъ въ монастырь.

Нельзя обойти молчаніемъ глубоко-характерную особенность пьесы: невѣроятное нагроможденіе цитатъ. Какъ извѣстно, эта черта присуща Мережковскому-публицисту въ высокой степени, и одно это указываетъ, что герои его не живыя лица, что они только сосуды его идей, что за нихъ всегда говорить авторъ.

То же самое сказывается и въ ходѣ дѣйствія пьесы: въ немъ чувствуется опять одинъ авторъ—первопричина всего. Пьеса насыщена разговорами о чудѣ, о тайнѣ, но въ ней не только нѣтъ тайны, но нѣтъ ни малѣйшей черточки мистическаго. «Тутъ какой-то рокъ... это не мы съ тобой сдѣлали... не наша воля»,—говорятъ его герои, — и точно: здѣсь одна воля — предназначенно-тенденціозная власть автора.

Но главнѣйшимъ недостаткомъ пьесы остается глубокая расколотовость, несоединенность, разрозненность ея составныхъ частей: вся она какъ бы складывается изъ трехъ элементовъ — «идеологической надстройки», семейно-бытовой драмы и лирическаго настроения, которое тщетно пытался авторъ сообщить своей пьесѣ, для вящей убѣдительности давая ощутить въ скорби предчувствие и залогъ радости. Всѣ они существуютъ сами по себѣ, разлѣзаются, расползаются въ разныя стороны, какъ лебедь, ракъ и щука, а возъ драмы грузно стоитъ на мѣстѣ. И въ то время какъ «идея» пьесы возглашаетъ: «будетъ радость, будетъ радость», самый ходъ драматическаго дѣйствія и настроеніе драмы не менѣе пророчественно восклицаютъ вмѣстѣ съ каркающей бабушкой: «быть худа, быть худа!»

И недоумѣвающий читатель не знаетъ, кому вѣрить—автору или пьесѣ, которые оба, къ тому же, недостаточно убѣдительны.

Л. С.

I. H. Rosny—Ainé «Perdus?» (Aventures héroïques de la Guerre). Paris. Flammarion. 1916 p. 312, prix 3 fr 50. Quatrième mille.

Рони старший «Погибли?» (Героическія военныя приключенія. Парижъ, издание Фламмаріона. 1916, стр. 312, цѣна 3 фр. 50 с., 4-ая тысяча.

Романъ Рони входитъ въ составъ серіи книгъ, посвященныхъ войнѣ, изданныхъ фирмою Эрнеста Фламмаріона. Многія изъ этихъ произведеній, въ томъ числѣ и книга Рони, получили широкое распространеніе. Романъ «Погибли?» вышелъ въ количествѣ 4-хъ тысячъ экземпляровъ.

Сюжетомъ его являются приключенія трехъ французскихъ авиаторовъ, спустившихся въ Германию изъ-за недостатка бензина; послѣ различныхъ преслѣдованій и приключеній имъ удается бѣжать въ Данію, воспользовавшись захваченнымъ ими нѣмецкимъ аэропланомъ.

Война остается какъ-то въ сторонѣ и является лишь декорашей, на фонѣ которой развертывается рядъ приключеній.

При чтеніи романа иногда невольно вспоминаются «Три мушкетера», о чемъ говоритъ даже одно изъ дѣйствующихъ лицъ. Разсказаны приключенія занимательно и легко, но какъ-то не вѣрится въ нихъ съ первыхъ же страницъ. Не только кажется неправдоподобной вся исторія, но и вымыселъ не увлекаетъ и не волнуетъ; для этого у Рони нѣтъ той широты и силы воображенія, которой поражаютъ и захватываютъ романы-фантазіи Уэллса. Тотъ вопросъ — «Погибли?», которымъ озаглавлена книга, ни разу не возникаетъ при чтеніи ея. Сразу можно быть увѣренными въ торжество французской храбрости надъ преслѣдователями—бошами.

Написанъ романъ яснымъ и легкимъ, но безцвѣтнымъ языкомъ. Кое-гдѣ встрѣчаются нѣсколько претенциозныя фразы, напримѣръ, на стр. 286: «вскорѣ пламя начало вести жизнь плѣнника, на которую обрекъ

его человѣкъ въ теченіе тысячелѣтій»; это значитъ—одинъ изъ героев затопилъ печь.

Художественная цѣнность новаго произведенія Рони совершенно ничтожна. Оно занимательно, какъ можетъ быть занимательна какая-нибудь головоломная кинематографическая драма, для которой романъ, къ слову сказать, явился бы подходящимъ сюжетомъ. Этой внѣшней занимательностью и объясняется спросъ на романъ среди широкой публики.

Т. Шатилова.

В. Фриче. Итальянская литература XIX вѣка. Часть первая. «Задруга». Москва, 1916 г. Стр. 248. Ц. 2 рубля.

Достаточно просмотрѣть оглавленіе книги, чтобы убѣдиться въ томъ, что авторъ не измѣнилъ своему обычному подходу къ явленіямъ литературы. «Якобинская Италия», «Наполеоновская Италия», «Карбонарская революція», «Установленіе буржуазнаго общества»—вотъ этапы литературнаго развитія Италии для г. Фриче.

Та эпоха итальянской литературы (1796—1870), которой посвящаетъ свою книгу г. Фриче, дѣйствительно, отмѣчена преобладаніемъ социальныхъ, гражданскихъ и политическихъ мотивовъ въ поэтическомъ творествѣ, однако-же они вовсе не цѣликомъ захватываютъ его, какъ убѣжденъ г. Фриче, и вовсе не всѣ «писатели и поэты этой эпохи заняты всецѣло практическими вопросами, вопросами гражданского воспитанія націи и общественнаго строительства», и не столько они, сколько авторъ книги о нихъ хочетъ «свести музъ съ Олимпа въ сутолоку земной прозы». Достаточно назвать имена Леопарди и Кардуччи, посѣщавшихъ Олимпъ не рѣже, чѣмъ землю.

Отъ основнаго точки зрѣнія автора зависятъ всѣ достоинства и недостатки его книги. Давъ не очень глубокую, отнюдь не проникновенную исторію итальянской гражданской

мысля, общественно-политических настроений и движений, г. Фриче просто прошел мимо всего того, что въ литературѣ принадлежит именно ей, какъ таковой. Книга его, небезполезная для изучающихъ общественно-политическую историю Италии, чрезвычайно мало даетъ тому, кто захочетъ въ ней почерпнуть познания историко-литературныя.

Это подчинение литературныхъ явленій общественно-политическимъ схемамъ привело и къ тому, что г. Фриче принужденъ говорить о многихъ писателяхъ (Парини, Россети, Кардуччи) по нѣсколько разъ въ различныхъ главахъ и въ различныхъ контекстахъ. Цельной же ихъ характеристики, хотя бы и съ точки зрѣнія автора, мы не имѣемъ. Это же подчинение приводитъ и къ крайнѣ упрощенному и даже невѣрному опредѣленію цѣльхъ литературныхъ школъ и направлений: такъ, напримѣръ, основными чертами романтизма, какъ литературнаго направления, являются, по словамъ г. Фриче (стр. 132), «тезисъ о национально-историческомъ характерѣ новой поэзіи» и «религиозно-церковная тенденція». Этого примитивнаго и неполнаго опредѣленія достаточно, однако, для общаго построения книги, а за его предѣлы авторъ не выходитъ.

Въ общемъ, своей книгой г. Фриче еще разъ показалъ, какъ опасно въ истории литературы излишнее углубленіе — въ сосѣдную, можетъ быть, но отнюдь не тождественную область истории, — общественно-политическую, какъ это неминуемо связано съ ущербомъ для главной задачи изслѣдователя художественной литературы.

Д. Выгодскій.

Г. К. Лукомскій. Современный Петроградъ. Очеркъ истории возникновения и развития классическаго строительства 1900—1915 гг. И-во «Свободное Искусство». Петроградъ. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Книжка Г. К. Лукомскаго построена на страстномъ убѣжденіи въ

существованіи нѣкоей предустановленной гармонии между преестественнымъ и естественнымъ строительнымъ обликомъ Петрограда (тѣмъ, что нѣмцы называютъ Stadt-bild) и формами классической архитектуры. Съ этой точки зрѣнія онъ раздѣляетъ историю застройки столицы за послѣднія десятилѣтія на три періода. Первый изъ нихъ обнимаетъ эфемерныя и вредныя попытки насажденія европейскаго модерна. Второй ознаменованъ ретроспективнымъ увлеченіемъ формами русскаго ампира, увлеченіемъ чисто подражательнаго характера. Новѣйшій періодъ, наконецъ, отмѣченъ обращеніемъ къ отдаленнымъ источникамъ Александровскаго стиля, къ первоначальному итальянскому классицизму. Правда, наряду съ этой первенствующей тенденціей нашего художественнаго зодчества, недостаточно осознанное обаяніе величаваго прошлаго привело нѣкоторыхъ одаренныхъ строителей къ эклектичному нагроможденію заимствованныхъ отъ разныхъ образцовъ подробностей. Тѣмъ не мѣнѣе, шансовъ на восстановленіе единаго лика сѣверной столицы больше, чѣмъ когда-либо.

Исходя отъ этой «лопки вещей», авторъ предлагаетъ намъ описаніе и оцѣнку новѣйшихъ строительныхъ начинаній (ряда доходныхъ домовъ, особняковъ, банковъ и др.) въ связи съ характеристикой осуществившихъ ихъ зодчихъ и развитіемъ руководящихъ ими идей. Включая А. Фомина, Шуко, Яковлевскаго, Лялевича, ихъ спутниковъ и сверстниковъ, взвѣшенъ по достоинству.

Мы воспроизвели лишь схему книги. Изложеніе ея отмѣчено чрезвычайной конкретностью. Г. Лукомскій обладаетъ драгоценнымъ даромъ писать книги «для всѣхъ», оставаясь при этомъ специалистомъ, продолжая мыслить формально. Каждый изъ извѣстныхъ всѣмъ и каждому фасадомъ разобранъ очень кратко, но такъ, что массы ея

оживляются явственным для читателя смысломъ. Авторъ умѣетъ трактовать здание или улицу, какъ живой организмъ.

Въ то же время сама книга страдает именно недостаткомъ архитектоники. Обширное предисловіе, довольно хаотическое и бѣглое, не чуждое повтореній, заслоняетъ стройныя главы основного текста. Наоборотъ, нѣкоторые слишкомъ суммарныя замѣчанія въ послѣднемъ («неудачно», «отлично» и т. п.) заслуживали бы болѣе подробнаго развитія. Но ужъ не вина автора, если оптимистическіе въ общемъ взгляды этихъ главъ, накопившихся постепенно, смѣнились въ болѣе позднемъ предисловіи глубокой тревогой за грядущія судьбы «Современнаго Петрограда», угрожаемаго обывательской и официальной косностью.

Книга снабжена шестидесятью репродукціями не вполне равнаго достоинства. Очевидный промахъ, который необходимо устранить въ послѣдующихъ изданіяхъ книги, заключается въ отсутствіи нумераціи таблицъ или подробныхъ и единообразныхъ подъ ними подписей. Это отрываетъ рисунки отъ текста; иногородній читатель не сможетъ въ нихъ разобраться, тѣмъ болѣе, что не имѣется и списка иллюстрацій. А между тѣмъ, прекрасная работа Г. Лукомскаго, которой обѣщанная тѣмъ же издательствомъ книга о «Старомъ Петербургѣ» послужитъ доказательнымъ дополненіемъ, имѣетъ шансы и права на популярность.

А. Левинсонъ.

Украинскій народъ въ его прошломъ и настоящемъ, т. II, подъ редакціей проф. Э. К. Волкова, проф. М. С. Грушевскаго, проф. М. М. Ковалевскаго, акад. Э. Е. Корша, проф. А. Е. Крымскаго, проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и акад. А. А. Шахматова. Петроградъ, 1916 г. 361—707.

Настоящее изданіе представляетъ въ своемъ родѣ украинскую энцикло-

педію; рассчитанное на четыре тома, оно посвящено изученію Украины по широко задуманной программѣ. Въ первомъ томѣ дана была исторія края, второй томъ содержитъ отдѣлы географическій, статистическій, антропологическій, этнографическій и филологическій. Въ географическомъ отдѣлѣ находимъ, кромѣ общаго очерка географіи Украины (С. Рудницкаго), специальные очерки, посвященные тѣмъ зарубежнымъ частямъ Украины, которыя являются въ настоящее время ближайшею къ намъ ареною мировой войны, — Галичи (В. Охримовича), Буковины (его же) и Угорской Руси (С. Томашевскаго). Эти послѣдніе очерки, несмотря на свою краткость, обильны фактическими данными и разрушаютъ нѣкоторые ходячіе взгляды на положеніе зарубежныхъ частей Украины. Такъ, обрисовавъ тяжелыя условия, въ которыхъ протекаетъ жизнь венгерскихъ украинцевъ, авторъ на основаніи приведенныхъ имъ данныхъ приходитъ къ выводу, что «господствующія въ литературѣ воззрѣнія, по которымъ Угорская Русь денационализируется и вымираетъ, нужно признать не только преувеличенными, но и просто невѣрными. Наоборотъ: украинцы въ Венгрии непрерывно расцвѣтутъ—и абсолютно и относительно. Денационализируются только интеллигенція, колонія и острова среди чужихъ и — лишь весьма слабо — этнографическія границы; процессъ денационализаціи объясняется сравнительно болѣе высокой культурностью по сравненію съ сосѣдями и представляетъ вообще естественное явленіе; съ другой же стороны замѣчаются и обратные факты». Эта статическая устойчивость украинскаго племени убѣдительно подтверждается данными, которыя находимъ въ очеркахъ статистическомъ, антропологическомъ и этнографическомъ. «Цифры переписи 1897 г. — говоритъ А. Русовъ въ статьѣ «Статистика украинскаго населенія Европейской Россіи», — дали

первый разъ возможность опредѣлить число тѣхъ людей изъ населенія Россійской имперіи, которые, по выраженію одного изъ редакторовъ общаго свода данныхъ переписи, остались вѣрны своей національности и назвали своимъ роднымъ языкомъ — малороссійскій». Сведя данныя переписи, авторъ опредѣляетъ къ началу 1897 г. число украинцевъ, жившихъ въ предѣлахъ Россіи, въ 22,4 милл. душъ обоого пола, а къ 1911 году, вслѣдствіе естественнаго прироста, исчисляетъ ихъ въ 27,5 милліоновъ; при этомъ полное преобладаніе украинскаго населенія констатируется на пространствѣ 106 уѣздовъ общей площадью въ 506,6 тыс. кв. в. или 575 тыс. километровъ.

Статьи извѣстнаго антрополога и этнографа Э. Волкова «Антропологическія особенности украинскаго народа» и «Этнографическія особенности украинскаго народа» написаны, въ особенности первая, по самостоятельно добытымъ даннымъ и интересны не только для рядового читателя, но и представляютъ цѣнный вкладъ въ научную литературу; къ этимъ статьямъ приложено 25 таблицъ, картограммъ и диаграммъ, наглядно иллюстрирующихъ положенія автора; особенно интересны красочныя иллюстраціи украинскихъ костюмовъ.

Крупный интересъ представляетъ статья академика А. А. Шахматова — «Краткій очеркъ истории малорусскаго (украинскаго) языка», являющаяся прекрасной популяризацией выводовъ автора, подробно развитыхъ въ другихъ его научныхъ изслѣдованіяхъ.

А. Бѣложенко.

В. Боголюбовъ. Н. И. Новиковъ и его время. Москва. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. 1916 г. Ц. 3 р. 50 коп.

Книга В. Боголюбова является далеко не лишней въ сравнительно не богатой литературѣ о Новиковѣ, а появленіе ея въ настоящее время особенно умѣстно, какъ противовѣсъ одностороннему и чрезмѣрно-

му увлеченію проблемами мистики и «тайновѣднія», вызвавшему отчасти и повышенный интересъ къ масонству, по истории котораго намъ уже пришлось отмѣтить цѣлый рядъ новыхъ работъ.

Вопросъ заключается только въ томъ, насколько авторъ справился со своей задачей и выполнилъ то обѣщаніе, какое онъ далъ въ заглавіи своей книги. Для него время Н. И. Новикова «является той эпохой, откуда ведутъ свое начало и русская интеллигенція, и тѣ идеалы свободаго гражданскаго самоопредѣленія и общественной справедливости, которые, развиваясь и пополняясь, до сихъ поръ стоятъ передъ проснувшейся общественной совѣстью» (Стр. 3).

При такомъ широкомъ взглядѣ — естественно ожидать отъ автора обстоятельной характеристики общественныхъ отношеній и настроеній эпохи, какъ фона для изображенія дѣятельности Новикова. Но эти ожиданія, къ сожалѣнію, не оправдываются при чтеніи книги, — несмотря на многообещающе заголовки отдѣльныхъ главъ, въ которыхъ разсматриваются и общественныя настроенія въ различные періоды царствованія Екатерины II, и распространеніе западныхъ идей въ Россіи XVIII в., и роль волтеріанства и масонства въ русскомъ обществѣ.

Авторъ по примѣру многихъ современныхъ изслѣдователей недостаточно отчетливо выдѣляетъ классовыя и сословныя черты умственныхъ движеній эпохи Новикова и въ частности русскаго масонства. По его мнѣнію, «въ масонствѣ сходились для общей «работы» люди, обычно раздѣленные другъ отъ друга словесными и классовыми перегородками, религиозными, политическими убѣжденіями, и привыкли къ сознанию своего общечеловѣческаго достоинства» (стр. 254), а масонскіе идеалы общечеловѣческаго братства, на взглядъ автора, «совпадали съ тѣми идеалами, какіе до масонства бы-

ли построены передовой русской интеллигенцией» (стр. 177).

«Время» Позикова очерчено в книге г. Боголюбова беглыми и поверхностными чертами, но за то большое внимание уделено в ней взглядам и настроениям Екатерины II. В этом случае автор не отступил от традиционного изображения указанной эпохи в предшествующей литературе, которая большей частью ставила на первый план взаимоотношения Новикова и императрицы, оставляя в тени общественную среду, питавшую деятельность первого.

Нельзя признать удачной и характеристику личности знаменитого деятеля. Внешняя история его жизни рассказана подробно и довольно живо, но в сознании читателя отдельные периоды этой, во многом замечательной, «жизни» так и остаются разрозненными, так как автор не дает изображения духовной эволюции Новикова, которая до сих пор представляется не вполне ясной.

Таковы основные недочеты работы г. Боголюбова, мешающие признать ее «новым словом» о Н. И. Новикове и его времени. Как популярная книга она принесет свою пользу, так как изложение «внешней» истории указанной эпохи стоит на современном научном уровне; приняты во внимание и новейшие исследования, к которым автор относится с критической осторожностью. Следует отметить также живой и легкий язык книги, вполне доступный и для малоподготовленного читателя.

А. Кудрявцевъ.

А. Деборинъ. Введение в философию диалектического материализма. С предисловием Г. В. Плеханова. Петроградъ. 1916 г. Изд. «Жизнь и Знание». Стр. 42+417. Цена 3 р.

О книге г. Деборина нельзя сказать, что она вышла в свет своевременно. Наоборотъ, она совер-

шенно пропустила свой срокъ, появилась съ исключительнымъ запозданиемъ. По кругу захватываемыхъ ею вопросовъ эта книга—привидение, книга—выходецъ изъ мира тьмы. Время какъ будто застыло для г. Деборина летъ 6—7 назадъ, и онъ съ завиднымъ жаромъ и съ завидной свѣжестью восприятия говоритъ, какъ о самыхъ злободневныхъ вещахъ, о такихъ проблемахъ, которыя въ настоящее время никого изъ марксистовъ особенно не волнуютъ.

Несвоевременность размышлений г. Деборина не представляла бы сама по себѣ большой бѣды, если бы она возмѣщалась ихъ цѣнностью. Но въ этомъ отношении дѣло обстоитъ, пожалуй, еще хуже, чѣмъ съ вопросомъ объ актуальности книги. Г. Деборинъ написалъ 400 съ лишнимъ страницъ, чтобы болѣе скучно, нудно и тягуче сказать то, что говорили до него Плехановъ, Рахметовъ и др. То же непонимание современнаго позитивизма (ученій Маха и Авенариуса), та же неудачная критика его, то же восхваление, какъ единственно научной, философи диалектическаго материализма, одобренное длинными и усыпляющими экскурсами въ область истории философи. О томъ, какъ понимаетъ г. Деборинъ Маха, могутъ засвидѣтельствовать хотя бы слѣдующія выписки:

«Элементы, изъ которыхъ конструируется миръ, суть, по мнѣнью Маха, ощущения, т. е. психологическія феномены; въ основаніи которыхъ не лежитъ никакой матеріальной субстратъ». (272). «Цвѣта, разсуждаютъ махисты, суть таковы, какъ мы ихъ переживаемъ; они возникаютъ въ результатъ раздраженія глаза, но именно потому, что они возникаютъ въ нашемъ глазу, они не представляютъ чего либо внѣ насъ находящагося. Стало быть, цвѣта существуютъ лишь постольку, поскольку существуетъ глазъ» (328).

«Передо мною стоитъ лампа. Я воспринимаю ее—это значитъ я ее вижу, т. е. получаю зрительныя ощущения; я ее осезаю, т. е. я полу-

чаю осязательныя ощущения и т. п. Но ощущения эти существуют лишь во мнѣ. Слѣдовательно, заключаетъ махистъ, лампа не существуетъ независимо отъ меня, какъ реальная вещь, а имѣетъ бытіе только въ моей головѣ, въ моемъ сознани; она существуетъ лишь какъ психическій фактъ» (329).

Я могъ бы такими выписками наполнить не одинъ десятокъ страницъ, но и приведенныхъ мной цитатъ, я думаю, достаточно для опредѣленія мѣры пониманія Маха нашимъ авторомъ. Онъ не понялъ Маха, и не просто не понялъ, а приписалъ австрийскому философу тѣ именно взгляды, съ которыми тотъ боролся всю жизнь. Цвѣтъ существуетъ только, поскольку существуетъ глазъ; лампа имѣетъ бытіе только въ головѣ; объективное есть внутренний процессъ нашей психики и пр.—выдавать все это за «махизмъ» все равно, что называть день—ночью, бѣлое—чернымъ. Какую же цѣну можетъ имѣть книга, осевымъ стержнемъ которой является какъ разъ критика Маха? Вѣдь Бэконъ, Гоббсъ и прочій историко-философскій балластъ—это только такъ, для придачи вѣса книгѣ, это своего рода разгонистый шрифтъ эрудици, утолщающій книгу, но не углубляющій ея. Вся же «винить-эссенция» книги, вся мудрость ея упирается въ карикатурное изложеніе философи Маха, образчики котораго я привелъ выше, сопровождаемое соответственной побѣдоносной критикой и столь же побѣдоноснымъ утвержденіемъ диалектическаго материализма, согласно которому:

«1) Реальна одна лишь природа. 2) Природа существуетъ независимо отъ субъекта. 3) Субъектъ составляетъ часть той же природы. 4) Всякое познаніе возникаетъ изъ опыта, т. е. изъ воспрятій, получаемыхъ субъектами отъ внѣшняго міра. 5) Внѣшнимъ миромъ, бытіемъ опредѣляется, стало быть, наше сознаніе. 6) Разъ дѣйствительность есть единственный предметъ познанія, то

наше знаніе истинно объективно лишь постольку, поскольку оно согласуется съ дѣйствительностью, съ бытіемъ» (326).

Эти сконцентрированныя здѣсь въ немногихъ тезисахъ банальности г. Деборинъ повторяетъ десятки разъ, выдавая ихъ за исключительное достояніе материалистической философи. Въ этомъ отношеніи онъ опять таки идетъ по проторенной Плехановымъ дорогѣ. Пригрезившаяся когда то Плеханову дилемма: «или материализмъ или солипсизмъ» оказалась роковой и для него самого и для его послѣдователей. Мысль учителя и учениковъ въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ не сумѣла выбиться изъ круга идей, охватываемыхъ этой альтернативной. Умственный горизонтъ ихъ словно застланъ этой мнимой проблемой, въ рѣшеніи которой ученики не подвинулись ни на шагъ впередъ отъ Плеханова. А въ итогѣ такіа толстыя ненужности, какъ «Введеніе» г. Деборина.

П. Юшкевичъ.

Н. Скопийъ. «Вокругъ Циммервальда». Книгоиздательство «Волна». Петроградъ. 1916 г. Стр. 23. Ц. 30 коп.

Вокругъ Циммервальда и Кинтала создалась уже цѣлая литература, которая собственно очень мало сдѣлала для выясненія идейнаго содержанія этихъ попытокъ социаль-демократіи возстановить международныя отношенія, а скорѣе даже, сознательно или бессознательно, извратила ихъ смыслъ и значеніе.

Авторъ брошюры, самъ участникъ этихъ событий, не пытается ничего спровергать, не старается убѣждать кого бы то ни было: онъ лишь даетъ общую картину того, что происходило въ рядахъ социаль-демократіи въ теченіе войны, съ начала ея, приблизительно, до весны 1916 года.

Второй Интернационалъ палъ при совершенно другихъ условіяхъ.

чѣмъ первый. Тогда въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія — крахъ Интернационала былъ слѣдствиемъ того, что первый Интернационалъ «пережилъ себя». Второй Интернационалъ погибъ отъ руки оппортунизма, и самый чувствительный ударъ нанесла ему германская социаль-демократія.

Внѣшнихъ проявленій этого развала было очень и очень много: здѣсь было и голосованіе кредитовъ съ обѣихъ сторонъ, и многие другіе факты. «Депутатъ Франкъ отправляется волонтеромъ въ армію Вильгельма II-го. Викторъ Адлеръ провозглашаетъ борьбу за интересы нѣмецкаго человѣчества, бывший предсѣдатель Интернационала выступаетъ съ призывомъ заключить перемиріе съ реакціей, Каутскій, предвидя недовольство рѣшеніемъ 4-го августа, умоляетъ недовольныхъ подчиниться большинству, старій Гэдъ становится новымъ Миллераномъ, германскіе с.-д. профессиональные союзы отдають весь свой аппаратъ въ распоряженіе Гинденбурга, Зюдекумъ ѣдетъ въ Италию и Румынію, Рихардъ Фишеръ ѣдетъ въ Швейцарію — доказывать правоту германскихъ империалистовъ» (стр. 4).

И все же рабочее движеніе сравнительно скоро справилось съ этимъ разваломъ.

Непосредственно послѣ объявленія войны были сдѣланы первыя робкія попытки связать порвавшіяся нити и возстановить въ той или другой формѣ международное общеніе.

Осенью 1914 года происходило первое совѣщаніе въ Лугано, на которомъ присутствовали только швейцарская соц.-демократія и итальянская социалистическая партія. Конференція не проявила серьезной инициативы и ограничилась лишь обращеніемъ къ секретариату Международнаго Социалистическаго Бюро съ просьбой созвать полное собраніе этого послѣдняго. Разумѣется, эта попытка успѣхомъ не увѣнчалась. Гораздо важнѣе было то, что въ Лугано началось сплоченіе болѣе рѣ-

шительныхъ элементовъ этихъ двухъ партій, которые вслѣдъ затѣмъ завязали сношенія съ оппозиционными элементами, несогласными съ общей позиціей и въ другихъ странахъ.

Въ международномъ движеніи за время войны мы видимъ четыре этапа развитія: 1) июльское 1915 г. совѣщаніе въ Бернѣ, 2) сентябрьское 1915 г. — въ Циммервальдѣ, 3) февральское 1916 г. и 4) апрѣльское — въ Кинталѣ.

Во всемъ этомъ движеніи итальянская с. д. сыграла чрезвычайно серьезную роль. Она первая, еще въ 1912 г., имѣла возможность убѣдиться въ томъ, что безъ разрыва съ оппортунизмомъ не можетъ быть правильной и выдержанной позиціи. Еще во время Триполитанской войны итальянцы усвоили мысль, что «оппортунизмъ, приложенный къ условіямъ военнаго времени, есть социаль-шовинизмъ» (стр. 7), и порвали съ оппортунизмомъ въ лицѣ Биссолати и Бонами (теперешніе министры). Съ другой стороны, Италия вступила въ войну по доброй волѣ послѣ длительнаго и зрѣлаго размышленія, здѣсь не было и рѣчи объ оборонѣ... Кромѣ того, она имѣла передъ глазами примѣръ тѣхъ послѣдствій, которыя дало 4-ое августа во всѣхъ воюющихъ странахъ. Эти причины лучше всего объясняютъ поведеніе итальянской социалистической партіи.

Июльское совѣщаніе (1915 г.) въ Бернѣ было немногочисленно; оно разсѣяло иллюзіи о возможности вдохнуть жизнь во 2-ой Интернационалъ.

Этотъ фактъ побудилъ итальянцевъ созвать совѣщаніе помимо Бюро: «официальное рѣшеніе итальянцевъ гласило: пригласить тѣ партіи, или тѣ части партій (и вообще, рабочихъ организацій), которыя остались вѣрны принципу классової борьбы и международной солидарности, отвергають голосованія, кредиты и т. д.» (стр. 9). Однако, въ дѣйствительности было привлечено очень много элементовъ, не успѣвшихъ еще занять такой опредѣленной по-

эици. Съ другой стороны, были привлечены анархосиндикалистские элементы, склонявшиеся къ Новому Интернационалу.

Циммервальдская конференция была составлена, такимъ образомъ, изъ весьма разнородныхъ элементовъ: сюда явились и представители лѣваго центра, и крайней оппозиции, и колеблющияся.

На Циммервальдской конференци рѣзко проявились два отдѣльные течения, принципиальная разница между которыми сводилась къ слѣдующему: «Большинство имѣло тенденцію ограничить задачу конференции, оно находило, что конференция не компетентна поставить во весь ростъ вопросъ о кризисѣ социализма, оно было противъ вынесения общей резолюции. Лѣвая оспаривала это мнѣние, находя, что, не поставивъ во весь ростъ вопроса о кризисѣ, нельзя сдѣлать и шага. Дѣло не въ формальныхъ правомочияхъ. Безъ объяснения причинъ краха, безъ яснаго указанія, куда идти, какими средствами бороться, невозможно сдвинуться съ мѣста» (стр. 13).

Однако, все же Циммервальдская конференция дала отвѣтъ на многие жгучие вопросы современности. Отвѣты эти являлись результатомъ компромисса. Впослѣдствіи сама жизнь разрѣшила ту задачу, которую поставилъ Циммервальдъ. Она оформила опредѣленные тенденціи и продиктовала колеблющимся болѣе рѣшительное отношеніе ко многимъ вопросамъ.

Февральское совѣщаніе и по составу и по характеру было весьма близко къ Циммервальдской конференци. Оно подвело итогъ дѣятельности оппозиции за 5—6 мѣсяцевъ, протекшихъ со времени этой конференции, и санкционировало дѣятельность Интернациональной Социалистической Комисси, являющейся исполнительнымъ органомъ Циммервальда, и обратилось къ рабочимъ всѣхъ странъ съ призывомъ самоопредѣлиться и отказаться отъ политики большинства, проводимой съ самаго начала войны.

Послѣднимъ этапомъ возрождающагося интернациональнаго объединенія была конференция въ Кинталѣ. На ней опять были представлены весьма различныя течения въ средѣ соц.-дем. различныхъ странъ (за исключеніемъ, разумѣется, социалъ-шовинистовъ), но позиция этого представительства стала болѣе опредѣленной и радикальной.

Кореннымъ и самымъ важнымъ вопросомъ для конференции было опредѣлить ея отношеніе къ Международному Социалист. Бюро въ Гаагѣ, ставшему игрушкой въ рукахъ оппортунистовъ и социалъ-шовинистовъ, бѣшено атаковавшихъ Циммервальдъ и его постановленія.

Умѣренные элементы конференции надѣялись, что имъ удастся въ послѣдствіи заставить Межд. Социал. Бюро занять болѣе опредѣленную позицию по отношенію къ войнѣ и возстановить единеніе пролетариата. Они надѣялись убить шейдемановщину во всѣхъ странахъ простымъ поднятиемъ рукъ. Они не считали нужнымъ примѣненіе радикальнаго лекарства и отсѣчь больные члены, а предпочитали извѣстное соглашательство, которое носить въ себѣ зародыши будущей слабости. Принятое рѣшеніе является плодомъ компромисса, и трудно сказать, чѣмъ онъ увѣнчается въ будущемъ.

Безусловно, ни Кинталъ, ни Циммервальдъ не являются еще созданиемъ третьяго Интернационала. Они лишь намѣчаютъ его будущіе пути и ставятъ вѣхи его развитія: родится онъ въ особыхъ условіяхъ, и конференци являются лишь первыми буревѣстниками его.

Таковъ конечный выводъ автора изъ рассмотрѣнія всѣхъ этихъ попытокъ международнаго общенія, борьбы мнѣній и взглядовъ на конференціяхъ и совѣщаніяхъ.

Небольшая по объему брошюра даетъ цѣнный и интересный матеріалъ, весьма умѣло сгруппированный авторомъ.

Р. Арскій

Проф. Джорджо дель-Веккио. Моральные причины войны. Авториз. переводъ съ 3-го итальянскаго изданія. Москва. 1916 г. Ц. 45 коп.

Небольшая брошюра, прекрасно изданная и недурно переведенная, но слишкомъ дорогая (въ ней всего \$2 стр., карманнаго формата), едва ли можетъ быть признана особенно цѣннымъ вкладомъ въ нашу военную литературу. Судя по манерѣ письма, проф. Веккио хороший адвокатъ, умѣющий, гдѣ нужно, и слезу подпустить, и негодованьемъ разразиться. Чисто-адвокатски построена эта его брошюра, цѣль которой доказать, что Италия имѣетъ не только моральное право, но и морально обязана участвовать въ современной войнѣ. Не столько, дескать, матеріальный интересъ, сколько свойственное итальянской нации—какъ и всякой другой, впрочемъ — стремление освободить своихъ соплеменниковъ изъ-подъ «ужеземнаго ига заставило Италию объявить войну Австро-Венгрии. Въ этомъ стремлении и заключается, по мнѣнію профессора, моральное оправданіе участія Италии въ войнѣ. Но современная война, вообще, представляется проф. Веккио борьбой за осуществленіе трехъ основныхъ «этическихъ принциповъ и цѣнностей», которые «по самой природѣ своей являются достояніемъ всего человѣческаго рода», — это «автономія отдѣльныхъ индивидуумовъ и націй, первенство права надъ грубой силой, вѣрность разъ сказанному слову». Война, несомнѣнно, окончится поражениемъ угнетателей личности и націй, приверженцевъ грубой силы и нарушителей разъ сказаннаго слова. Ради восстановленія этихъ благодѣтельныхъ принциповъ союзники и ведутъ, по мнѣнію почтеннаго профессора, эту высоко-моральную войну. Такова основная мысль брошюры, выдержавшей въ Италии три изданія и предложенной анонимнымъ издателемъ и перевод-

чикомъ русской публикѣ. Невзыскательная наша публика, конечно, проглотитъ и эту брошюру, какъ поглощаетъ она многое множество ей подобныхъ. Но трудно ожидать, чтобы послѣ этой операціи она лучше стала понимать дѣйствительныя причины войны.

Ник. Андреевъ.

Библиотека «Охрана труда». Издательство «Музей труда». Петроградъ, 1916 года.

Издательство «Музей труда» съ успѣхомъ возобновило свою дѣятельность, начатую еще до войны выпускомъ двухъ серій открытокъ съ диаграммами по страхованію рабочихъ въ Россіи и на Западѣ и о влияніи усталости на число увѣчій. Теперь издательство выпустило сразу цѣлый рядъ книжекъ съ диаграммами на открыткахъ, а также и стѣнные картограммы.

Отъ прежнихъ изданій «Музея труда» новые выпуски кое-чѣмъ отличаются, и притомъ весьма выгодно. Теперь каждая серія открытокъ находится не въ конвертѣ, какъ раньше, но сброшюрована въ книжку и сопровождается пояснительнымъ текстомъ. Такихъ книжекъ издательствомъ выпущено пять, и посвящены онѣ слѣдующимъ вопросамъ: «Государственное страхованіе материнства» (три диаграммы, ц. 15 коп.), «Опасность промышленнаго труда» (восемь диаграммъ ц. 36 коп.), «Смертность населенія и социальныя условія» (двѣнадцать диаграммъ, ц. 50 коп.), «Дѣтская смертность и социальныя условія» (восемь диаграммъ, ц. 36 коп.) и, наконецъ, «Алкоголизмъ и рабочіе» (шесть диаграммъ, ц. 30 коп.). Всѣ диаграммы составлены очень наглядно и исполнены въ краскахъ. Во вступительныхъ замѣткахъ даны необходимыя поясненія общаго характера, а также приводится литература на русскомъ языкѣ по каждому вопросу, кстати сказать, чрезвычайно бѣдная.

Въ число стѣнныхъ диаграммъ

большого размѣра входить, прежде всего, картсграмма «Социальное страхование въ Европѣ» съ пояснительной брошюрой (ц. 70 коп.), а затѣмъ три серии: «Страхование рабочихъ въ Россіи и Зап. Европѣ» (восемь диаграммъ, ц. 90 коп.), «Вліяніе усталости на число увѣчий» (пять диаграммъ, ц. 75 коп.) и «Государственное страхование материнства» (три диаграммы, ц. 50 коп.); объяснительный текстъ къ каждой серии приложенъ на отдѣльномъ листѣ. Всѣ эти диаграммы, какъ и маленькія, исполнены въ краскахъ. Цѣну ихъ, по нынѣшнему времени, слѣдуетъ признать весьма невысокой.

Наша популярная литература по охранѣ труда исчерпывается какими-нибудь тремя десятками названій. И это обстоятельство заставляетъ еще болѣе оцѣнить прекрасныя изданія «Музея труда». Каждая большая касса должна украсить диаграммами стѣны своего помѣщенія. Маленькія же книжечки съ открытками должны найти, — и несомнѣнно найдутъ, — своего потребителя въ широкой рабочей массѣ. Мы же пожелаемъ издательству не останавливаться на сдѣланномъ и успѣшно продолжать прекрасно начатую работу.

II. Рабовскій.

С. И. Бондаревъ. Будемъ трезвы. Москва. Книгоиздательство «Задруга». Стр. 31. Цѣна 8 коп.

Цѣль автора — убѣдить широкие круги служителей «змія» отказаться отъ жертвоприношеній ненавистному идолу. Противъ задачъ и намереній кто станетъ возражать? Выполнение — другой вопросъ — здѣсь не всякому суждено быть хозяиномъ, въ особенности, когда рѣчь идетъ объ избитой заѣзженной темѣ, надоевшей всѣмъ до тошноты. Г. Бондаревъ поступилъ такъ:

1) Экскурсія въ область исторіи питейнаго дѣла; 2) вліяніе «зеленаго змія» на «питуховъ» и ихъ потомство; 3) взаимодѣйствие между

уголовнымъ кодексомъ и алкоголемъ; 4) мѣры борьбы — указы, приговоры, постановленія, заявленія; 5) благотворныя послѣдствія запрещенія; 6) что вмѣсто водки. Въ первыхъ четырехъ рубрикахъ авторъ освѣтилъ вопросъ довольно выпукло, но изложено страдаетъ весьма существенными недостатками — то онъ обращается къ широкимъ массамъ, то сбивается на интеллигентскій способъ изложенія.

Благотворныя послѣдствія запрещенія сильно преувеличены. Мѣропріятія для того, чтобы совсѣмъ искоренить «питуховъ», недостаточны: культурно-просвѣдительная работа среди народа и улучшение условий труда. И автору и читателямъ прекрасно извѣстно, что перечень средствъ убійства змія во много разъ больше. Но въ общемъ брошюра все же можетъ имѣть значеніе и заслуживаетъ вниманія.

В. Зеленко.

Е. Медвѣдскій и И. Лапшовъ. Систематическій указатель книгъ и статей по вѣшкольному образованію. VIII+229 стр. Москва. Книгоиздательство «Наука». 1916 г. Цѣна 2 рубля.

Вѣшкольное образованіе въ Россіи въ послѣдніе 5—8 лѣтъ стало предметомъ особаго вниманія и заботы: земства, города, кооперативы, просвѣдительныя организаціи и частныя лица затрачиваютъ массу силъ, времени и средствъ на его осуществленіе. Но несмотря на это, при проведеніи въ жизнь многихъ начинаній довольно часто повторяются ошибки прежнихъ лѣтъ. Одной изъ причинъ такого явленія нужно признать недостаточное знакомство съ вопросомъ. Это вполне понятно: разрастающаяся чрезвычайно быстро литература по вѣшкольному образованію разбросана въ земскихъ изданіяхъ, по отдѣльнымъ журналамъ и книгамъ и мало знакома широкимъ кругамъ

практиковъ. Указателемъ Медынского и Лапшова положено весьма удачное начало по объединению такой литературы въ одномъ сборникѣ. Вся литература (отдѣльные изданія, доклады земствъ и городовъ, журнальныя статьи) зарегистрированы и систематизированы въ ихъ указателѣ. Кромѣ того, каждая книга, докладъ и статья сопровождаются краткимъ изложениемъ содержания и отзывомъ объ изданіи въ периодической печати.

По нѣкоторымъ вопросамъ (городскія и сельскія библиотеки, просвѣтительная дѣятельность кооперативовъ, дѣтское чтеніе въ семьѣ и школѣ) даны списки особенно рекомендуемой литературы. Удачный выборъ системы классификаціи всего печатнаго материала по виѣ школьному образованію, его расположение, наличность алфавитныхъ указателей, даютъ возможность быстро наводить справки по разнымъ вопросамъ и легко пользоваться книгой.

Въ указателѣ Медынского и Лапшова, правда, есть нѣсколько пропусковъ: не указаны, напримѣръ, «Труды общеземскаго съѣзда по статистикѣ народнаго образованія въ Харьковѣ въ 1913 г.», пропущена книга Шацкихъ «Бодрая Жизнь», кн. Леббѣжъ, «Сезамъ и Лилии». Такие пропуски въ большомъ и сложномъ трудѣ неизбежны, но всѣ они настолько несущественны, что нисколько не обезцѣниваютъ труда и даютъ полное право его рекомендовать.

В. Зеленко.

Материалы къ исторіи и изученію религіозно-общественныхъ движеній въ Россіи. Подъ редакціей Вл. Бончъ-Бруевича. Выпускъ 7-й. Петроградъ. 1916. Сі + 705 стр. Цѣна 8 р.

Вл. Бончъ-Бруевичъ настойчиво продолжаетъ начатое имъ прекрасное дѣло собиранія документовъ по

сектантскому движенію, выпуская одинъ томъ материаловъ за другимъ. Говорю: «прекрасное дѣло», несмотря на серьезные недостатки, приущие методу работы Бончъ-Бруевича. Я имѣю въ виду прежде всего отсутствие перспективы, отсутствие мѣрила для оцѣнки важнаго и не важнаго, существеннаго и второстепеннаго. Собираніе документовъ превращается у Бончъ-Бруевича въ какое-то ненасытное коллекционерство, въ безудержное накопленіе самаго разнороднаго материала. Вотъ почему выпускаемые Бончъ-Бруевичемъ сборники выходятъ такими непомерно распухшими, одутловатыми.

Эта никакой научной теоріей не регулируемая погоня за документами особенно отрицательно сказалась на послѣднемъ выпускѣ «Материаловъ». Огромная, въ семьсотъ съ лишнимъ страницъ (не говоря уже объ обширномъ предисловіи самого редактора), книга посвящена исключительно небольшой ново-израильской общинѣ послѣдователей Щетинина до ихъ возстанія противъ своего духовнаго вождя. Мало того: особый—одинадцатый—томъ серии будетъ заниматься судьбами этой общины послѣ разрыва членовъ со Щетининымъ. Я понимаю тщательное монографическое изслѣдованіе какого-нибудь небольшого, но типичнаго, явленія: интенсивность изученія можетъ въ этомъ случаѣ замѣнить экстенсивность его. Но драма учениковъ Щетинина, при всемъ ея огромномъ психологическомъ интересѣ, не есть нѣчто показательное и характерное для религіознаго искаательства. Загѣмъ, передача всѣхъ мельчайшихъ деталей и эпизодовъ раскола внутри крохотной общины не есть вовсе монографическое изслѣдованіе. Кромѣ того, какъ лабораторный опытъ надъ религіозными новообразованиями, произведенное г. Бончемъ, изслѣдованіе было въ значительной мѣрѣ испорчено тѣмъ, что объекты этого изслѣдованія сознавали, что на нихъ смот-

рять и, конечно, неизбежно изъ дѣйствующихъ лицъ дѣлались немного и лицедѣями.

Но при всемъ томъ история группы послѣдователей Щетинина представляеть незаурядный интересъ. Не можетъ не привлекать вниманія, во-первыхъ, личность самого Щетинина, какого-то Азефа народнаго религознаго искательства, духовнаго вождя-пророка, съ одной стороны, и полуофициальнаго соглядатая за сектантами, съ другой. Большой начетчикъ, искусный диалектикъ и голкователь священнаго писанія, онъ имѣлъ благодаря этому исключительный успѣхъ среди людей встревоженной совѣсти изъ народа. Но въ немъ, очевидно, помимо крупной умственной силы, импонировавшей его слушателямъ, была огромная сила вліянія, было какое то своеобразное обаяніе, обезволивавшее его поклонниковъ и поклонницъ и дѣлавшее изъ нихъ покорныхъ исполнителей всѣхъ его желаній, всѣхъ его болѣзненно-деспотическихъ причудъ и прихотей. Читая наивныя, до послѣднихъ словъ откровенныя, признанія его жертвъ, поражаешься легковѣрю челоувѣчества, его радостной готовности отдаться—за какую-бы то ни было цѣну—подъ чужое водительство. Идеологической основой власти Щетинина надъ умами и сердцами его приверженцевъ было не разъ всплывавшее въ христианскомъ религозномъ сознаніи ученіе о спасеніи отъ грѣха путемъ грѣха, о поправнн неправды дѣланіемъ всяческой неправды. «Что вы пришли къ намъ золото искать?», спрашивалъ Щетининъ приходившихъ къ нему за духовнымъ обновленіемъ простыхъ людей. И тутъ же самъ отвѣчалъ: «Кто его будетъ искать, тому придется запачкаться, потому что оно въ грязной землѣ находится». «Если ты не погубишь душу свою, ты не можешь и воскресить ее». И покорные его слову наивныя сердца въ поискахъ мнимаго золота цѣлые годы проводили

въ «грязной землѣ». Не было такого униженія, такого надругательства надъ челоувѣкомъ, котораго бы они не претерпѣли во славу ученія о спасительности грѣха. Особенно, разумѣется, изощрялся учитель въ области половыхъ отношеній. Вотъ, на примѣръ, одинъ случай изъ безчисленнаго множества ихъ въ передачѣ бывшихъ послѣдователей Щетинина:

«Однажды прѣзжаютъ изъ Вербоваго хутора въ г. Ставрополь не безызвѣстная намъ бабка, ея дочка и 17 лѣтъ внучка. Вся семья религозная, А. Г. Щетинину преданная, вѣрующая. И что же онъ надъ ними продѣлалъ? Предварительно потребовалъ купить ему водки, закуски, до зела напился и требуетъ черезъ бабку, чтобы мать положила съ нимъ внучку. Просьбы бабки, мольбы матери, слезы ребенка считались ни во что и, послѣ нѣсколькихъ часовъ просьбъ и мольбы, ее освобождаетъ и на смѣну кладетъ мать, а затѣмъ и бабку для потѣхи, чтобы власть не роняла своего ранга. Все это дѣлалось для внушенія якобы Завѣта, иначе, молъ, въ Завѣтъ пройти нельзя: на какихъ-нибудь воротахъ да будешь задержанъ».

Эта аберрація мысли и воли въ народныхъ низахъ— послѣдователи Щетинина рекрутировались изъ среды крестьянъ, мѣщанъ и отчасти рабочихъ— не должна особенно удивлять насъ, послѣ того, какъ за послѣдніе годы мы были свидѣтелями аналогичныхъ явленій

Кольцо всенародной некультурности и легковѣрія какъ бы смыкается въ «золотѣ-грязи» щетининства: на общей почвѣ теорій и практики «святого грѣха»— этого своеобразнаго преломленія оргйнаго начала челоувѣка—встрѣчаются, какъ равные между собой, социальные антиподы.

Ученики Щетинина подъ конецъ— когда учитель отъ вѣчнаго пьянства и разврата почти потерялъ челоувѣ-

чешскій обликъ—преодолили соблазнъ діалектическаго учения о высшей правдѣ неправеднаго пути. Они взбунтовались противъ его деспотизма и потребовали отъ него отказа отъ его прерогативъ и превращенія въ рядового члена общины, которая впредь должна обходиться безъ вождей. На почвѣ этого требованія и произошелъ окончательный разрывъ, осложнившійся новыми гнусными выходками Шетинина противъ «своихъ бывшихъ послѣдователей и судебныхъ процессомъ между ними. О силѣ вліянія Шетинина и о простодушии его бывшихъ «рабовъ» разрывъ этотъ говоритъ, пожалуй, больше, чѣмъ всѣ годы ихъ рабства. Разглядѣвъ какъ будто, наконецъ, кто былъ, въ дѣйствительности, учитель «завѣта», они не порываютъ съ нимъ сразу, безпозоротно, а продолжаютъ вести переговоры о новой идиллической землѣстной жизни, пишутъ въ прозѣ и стихахъ—они очень любятъ сочинять стихи—къ нему, къ разнымъ единомышленникамъ, къ В. Бончъ-Бруевичу. И нужно было только упрямое самодурство ново-израильскаго «старца», чтобы не осуществилось противоестественное сожительство растлителя душъ съ его прозревшими жертвами.

П. Юшкевичъ.

М. Д. Загряцковъ. «Земская служба и третій элементъ», изд. ред. «Земское Дѣло», Птгр. Цѣна 40 коп. 1914 г.

М. Д. Загряцковъ. «Земская служба и социальное страхованіе». Скл. изд. маг. «Высшая Школа». М. 1916 г.

Эти двѣ небольшихъ по объему работы пр. М. Д. Загряцкова представляютъ по существу одинъ трудъ, почему, говоря о послѣдней брошюрѣ этого ученаго, нельзя не вернуться къ его первой работѣ по тому же вопросу, выпущенной раньше.

М. Д. Загряцковъ поставилъ себѣ задачей выяснить правовую сущ-

ность «третьяго элемента» и его мѣсто въ общей системѣ земскаго (а, слѣдовательно, и городского) самоуправления.

Анализъ сущности «земской службы», приводя автора къ признанію тождественности лицъ «наемныхъ» и лицъ «второго элемента» — членовъ управъ, заставляетъ М. Д. Загряцкова утверждать, что, во-первыхъ, въ земскія «комиссія» и «совѣты» земскіе служащіе должны получить доступъ на равныхъ правахъ съ представителями цензовыхъ элементовъ; а во-вторыхъ, — что управа въ цѣломъ, по отношенію къ этимъ смѣшаннымъ «совѣтамъ» и «комиссіямъ», должна играть роль не высшей іерархической инстанции, а тишь центральный органа, въ своемъ надзорѣ отвѣтственнаго передъ земскимъ собраниемъ, передъ которымъ остаются отвѣтственны и «комиссія» и «совѣты».

М. Д. Загряцковъ утверждаетъ, что самъ порядокъ назначенія земскихъ служащихъ, примѣняющій къ нимъ ст. 286 Общ. Учр. Губ., т. е. приравнивающій ихъ къ служащимъ государства, также указываетъ на однородность значенія тѣхъ и другихъ, а чиновники, какъ известно, выше и ниже, по природѣ своей однородны.

Свой юридическій анализъ авторъ подкрѣпляетъ исторіей третьяго элемента. Онъ указываетъ на роль земскихъ служащихъ, и на то, что въ рядѣ земствъ земскіе служащіе получили право участія въ управленіи земскимъ хозяйствомъ наравнѣ съ членами управъ и комиссій изъ числа цензовиковъ, будучи допущены въ особые «совѣты» наравнѣ со «вторымъ» земскимъ элементомъ.

Интересны и чрезвычайно характерны для современной цензовой организаци земствъ приводимые пр. М. Д. Загряцковымъ примѣры нежеланія со стороны земскихъ собраний какъ допущенія земскихъ служащихъ въ комиссія и совѣты

на равныхъ съ прочими членами основаніяхъ, такъ и умолчанія объ участіи земскихъ служащихъ въ управленіи пенсіонныхъ кассъ.

Брошюры М. Д. Загряцкова въ данную минуту приходятся очень кстати, и при реформѣ мѣстнаго самоуправления необходимо принять къ свѣдѣнію и предусмотрѣть тѣ обстоятельства въ положеніи земскихъ служащихъ, которыя отмѣчены М. Д. Загряцковымъ. Однако, не со всѣми положеніями автора можно согласиться, и готовность почтеннаго профессора идти на инстингутъ утвержденія служащихъ администраціей, намъ кажется совершенно неприемлемой; да она и непонятна, ибо совершенно не вяжется со всѣмъ духомъ обѣихъ брошюръ, вполне послѣдовательно

проводящихъ идею расширенія правъ служащихъ по участію въ управленіи земскимъ хозяйствомъ и подчиненія служащихъ непосредственно земскому собранію. Общей правительственной администраціи въ системѣ организаціи третьяго элемента мѣста отведено быть не можетъ.

Вопросъ о сущности должностныхъ лицъ, о возможныхъ ихъ правахъ и обязанностяхъ и правовыхъ началахъ «земской службы», поставленный М. Д. Загряцковымъ, конечно, не можетъ быть признанъ разрѣшеннымъ въ двухъ вышеуказанныхъ брошюрахъ и нуждается въ дальнѣйшей разработкѣ. Будемъ надѣяться, что авторъ не оставитъ дальнѣйшаго углубленія этой интересной и сложной программы.

М. Петровъ.

Н. Шульговскій. Терновый вѣнецъ. Согопа spinea. Вѣнокъ сонетовъ. Петроградъ. 1916. Стр. 17. Ц. 30 к.

Громкое заглавіе и одна изъ труднѣйшихъ поэтическихъ формъ не выявляютъ содержания книжки г. Шульговскаго. Это просто техническій этюдъ, исполненный, къ тому же, неудовлетворительно: въ немъ нѣтъ ни философской глубины, ни завершенности формы—ни внутренняго, ни внѣшняго облика, «вѣнка сонетовъ».

Д. В.

Михаилъ Гартефельдъ. Сафо. Лирическая поэма. Петроградъ. Т. во М. О. Вольфъ. 1916. Стр. 32. Ц. 80 к.

Нѣсколько модернизованные г. Гартефельдомъ, герои старой легенды о Сафо, Фаонѣ и Алкеѣ не утратили своего поэтическаго содержания только потому, что авторъ не смогъ вложить въ нихъ чего-либо своего.

Д. В.

Евгеній Гликманъ. Эда. Драма

въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Саратовъ. 1917 г. Стр. 36. Ц. 60 к.

Д. В.

Слишкомъ наивно и неумѣло построенная пьеса обнаруживаетъ, однако, въ авторѣ наблюдательность и знаніе изображаемаго быта еврейской полуинтеллигенціи.

Д. В.

А. А. Совичъ. Бояновы пѣсни славянамъ. Издательство «Денница». Москва. 1916 г. Стр. 62. Цѣна 60 коп.

Словарь географическихъ и историческихъ именъ славяновѣдѣнія, патетические возгласы, «патриотическое» благонравіе и—больше ничего.

Д. В.

Сергій Бобровъ. Н. М. Языковъ о мировой литературѣ. «Центрифуга». М-ва. MDCCCXCVI. Стр. 14. Ц. 50 коп.

Сама по себѣ интересная и нужная работа—собрать мнѣнія Языкова о литературѣ—потеряла какую-либо цѣнность отъ допущеннаго авторомъ упрощенія: онъ собралъ

мнѣнія поэта только изъ писемъ его, и только за время 1822—1829 гг.

Д. В.

Н. Тимковский. «Дворянская берлога». Романъ. Изд. Т-ва «Книгоиздательство писателей въ Москвѣ».

Не романъ, не художественное яэстроение, а правдивое, четкое повѣствованіе о возродившемся на экономической почвѣ крѣпостномъ правѣ... Съ одной стороны, помѣщики, развращенные, жестокие, всячески злоупотребляюще своей силой, съ другой—крестьяне, угодливые, притавившиеся, выжидающе только случая, чтобы отомстить. На злобѣ и ненависти построена ихъ совмѣстная жизнь. Вотъ что рассказываютъ про помѣщицу Елену Юрьевну. «Съ простымъ народомъ обращалась, какъ плантаторъ съ невольниками. Скажетъ бывало, священнику:—А что, батюшка, говорятъ крѣпостное право давно въ России прикончилось.

—Да, ужъ давненько, Елена Юрьевна.— Ну, а у меня оно только начинается».

Рассказъ ведется отъ лица учительницы, прѣхавшей изъ города на кондичи. Въ ужасѣ бѣжитъ она назадъ въ городъ. «Скорѣй, скорѣй домой. Увидѣть интеллигентныя лица, послушать рѣчи, продиктованныя не однимъ грубымъ эгоизмомъ».

Брикъ.

А. Окуловъ. «На Амыль-рѣкѣ» и др. рассказы. Изд. «Сѣверные дни», М. 1917 г.

Безвольной, безсильной романтикой пропитаны рассказы Окулова: романтикой, ищущей выхода въ изступленныхъ мечтахъ о какой-то «красивой» силѣ въ отличіе отъ обычной, трезвой, но «некрасивой». Говоря словами одного изъ героев, «не то надежды какія-то разбились, не то кумиры какіе-то помрачились, не то головы свихнулись».

Брикъ.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

I.

*Къ дневнику Л. Н. Толстого, печатаемому въ «Лѣтописи» съ
измѣненіяхъ и подъ редакціей А. М. Хирьякова.*

Л. Н. Толстымъ, въ Гаспрѣ, 22 января 1902 г. въ Дневникѣ
сдѣлана слѣдующая отмѣтка: «Все слабъ. Приѣхалъ Бертенсонъ.
Разумѣется, пустяки».

Въ 1-мъ примѣчаніи къ этому мѣсту (стр. 214 «Лѣтописи»),
между прочимъ, слово «пустяки» толкуется въ смыслѣ отрицатель-
наго отношенія Л. Н. къ медицинской помощи. Не могу съ этимъ
согласиться, и, какъ человѣкъ, которому дорога не только медицин-
ская наука, но и память Л. Н. Толстого, считаю себя обязаннымъ
просить о напечатаніи слѣдующей моею поправки.

Что Л. Н. чуть ли не до конца дней своихъ относился отри-
цательно къ медицинской наукѣ, — это хотя удивительно и не-
понятно, но — общеизвѣстный фактъ! Но вѣрно также, что съ
годами Л. Н. смягчился, и въ его мысляхъ относительно медицины
произошелъ поворотъ къ лучшему. Болѣзнь Л. Н. въ Гаспрѣ
совпала съ этимъ поворотомъ, и, когда напуганной Софьей
Андреевной Толстой я былъ вызванъ изъ С.-Петербурга, то
не только я самъ, но и мои совѣты были приняты Л. Н. весьма
благоклонно, — что видно изъ «Странички къ воспомина-
ніямъ о Л. Н. Толстомъ», напечатанной мною въ 1911 году въ
«Вѣстникѣ Европы», въ январьской книжкѣ. Эти воспоминанія сви-
дѣтельствуютъ совершенно опредѣленно, что слово «пустяки», со-
держащееся въ Дневникѣ 22 января, относится всецѣло къ случив-
шейся въ Гаспрѣ болѣзни, встревожившей въ то время не только
семью Льва Николаевича и Россію, но и всю Европу.

Левъ Бертенсонъ.

2 января 1917 г.

II.

21-го сентября 1916 г. умеръ Василій Ивановичъ Семевскій, крупный ученый и общественный дѣятель, отдавшій свою жизнь на изслѣдованіе истории русскаго крестьянства и русской общественности.

Среди друзей и почитателей покойнаго родилась мысль учредить въ память его при одномъ изъ ученыхъ обществъ премію за изслѣдованіе по истории русской общественности и стипендію его имени на историко-филологическомъ факультетѣ Петроградскаго университета. И всѣхъ, кто пожелалъ бы принять участіе въ пожертвованіи на эту цѣль, нижеподписавшеся просятъ направлять свои взносы въ редакціи слѣдующихъ журналовъ и газетъ:

«Голосъ Минувшаго», Москва, М. Никитинская, 29, кв. 6.

«Русскія Записки», Петроградъ, Басковъ пер., 9.

«Русскія Вѣдомости», Москва, Б. Чернышевскій пер., 7.

«Рѣчь», Петроградъ, ул. Жуковскаго, 21.

«День», Петроградъ, Невскій, 69.

«Лѣтопись», Петроградъ, Б. Монетная, 18.

С. А. Венгеровъ, А. Н. Веселовскій, Максимъ Горькій, М. С. Грушевскій, Н. И. Карѣевъ, А. А. Кизеветтеръ, В. Г. Короленко, А. С. Лаппо-Данилевскій, И. А. Линниченко, Г. А. Лопатинъ, С. П. Мельгуновъ, П. Н. Милюковъ, В. А. Мякотинъ, Г. Н. Потанинъ, А. В. Пѣшихоновъ, Н. С. Русановъ, С. А. Савенкова, В. Н. Фигнеръ.

КНИГИ, ПОСТУПИВШИЯ ВЪ РЕДАКЦЮ.

- Алфавитный сводъ** опредѣленей сената по земскимъ дѣламъ за 50 лѣтъ. Сост. секр. Харьк. Губ. Земск. Упр. Ржевусскій М. И. Скл. изд. Харьковск. Губ. Зем. Управа. Харьковъ 1916. Стр. 918. Ц. 11 руб.
- Альманахъ музъ.** Книгоиздат. «Фелана.» П. 1916. Стр. 192. Ц. 5 руб.
- Альманахъ Стремнины.** I. К. Бальмонтъ, В. Брюсовъ, Б. Зайцевъ, Б. Лайковъ, А. Ремизовъ, Ф. Сологубъ, В. Тардовъ, В. Язвицкій. Изд. Л. А. Слонимскаго. М. 1916. Стр. 244. Ц. 2 р. 50 к.
- Альтшуллеръ, М. И.** *Земство въ Сибири*. Съ пред. проф. П. И. Лященко. Скл. изд.: Томскъ, кн. маг. П. Макушина. Томскъ. 1916. Стр. 411. Ц. 3 р.
- Асѣвъ Николай.** *Оксана*. Стихотвореніе. Изд. Центрифуга. М. 1916. Стр. 85. Ц. 1 р. 50 к.
- Бобровъ, Сергѣй, Н. М.** *Языковъ о мировой литературѣ*. Изд. Центрифуга. М. МДССЕХVI. Стр. 14. Цѣна 50 к.
- Брешко-Брешковскій, П.** *На границу Австріи*. Изд. 2-е. Изд. «Рубиконъ». П. 1915. Стр. 183. Ц. 1 р.
- Брешко-Брешковскіи.** *Придунайскіе варвары*. Изд. «Рубиконъ». П. 1915. Стр. 237. Ц. 1 р. 25 к.
- Брешко-Брешковскій, Ник.** *Шпіоны и солдаты*. Изд. «Рубиконъ». П. 1915. Стр. 185. Ц. 1 р.
- Валенбергъ, Анна.** *Пѣсня принцессы*. Сказка въ 4-хъ д. Пер. со швед. Н. С. А-на. Скл. у М. М. Стасюлевича. П. 1917. Стр. 22. Ц. 80 к.
- Герасимовъ, И. Д.** Сборникъ стихотвореній и разсказовъ. Изд. I. Часть III. Изд. автора. П. 1916. Стр. 68. Ц. 35 к.
- Жариновъ Д., Никольскій Н., Радницъ С. и Стерлиговъ В.** *Древній міръ въ памятникахъ его письменности*. Часть II. Греція. Изд. Т-ва «Міра». М. 1917. Стр. 522. Ц. 3 р. 75 к.
- Женщина наизналку.** Альманахъ летучій русскихъ писательницъ и поэтессъ. Вып. XXII. Изд. «Рубиконъ». П. 1915. Стр. 186. Ц. 1 р.
- Зеленко, В. А.** *Дѣтскія библиотеки*. Подъ ред. Г. Г. Тумима. Изд. Н. П. Карбасникова. П. 1917. Стр. 251. Ц. 2 р.
- Карѣвъ, Н.** *Исторія западной Европы въ началѣ XX столѣтія* (1901—1914). Часть I: главы I—VIII. Скл. изд.: въ кн. скл. М. М. Стасюлевича. П. 1916. Стр. 388. Ц. 3 р. 50 к.
- Каутнякъ, І. І.** *Подъ игомъ габсбурговъ*. Драма. Изд. автора. Н.-Новгородъ. 1916. Стр. 80. Ц. 65 к.
- Боролевичъ, В.** *Студенты столицы*. Кн. II. Изд. «Наука и Трудъ». М. 1916. Стр. 53. Ц. 1 р.
- Браткин, А. и Филиппъ, І.** *Практическія замѣтки по начальному рисованію*. Пер. съ чешскаго Н. Н. Бахтина. Изд. 2-е. Скл. изд. у М. М. Стасюлевича. П. 1917. Стр. 24.—XVI. Ц. 1 р. 20 к.
- Кузьмичевъ, Е. К.** *Изъ тѣмъ*. Стихотв. Изд. 11-е испр. и доп. Изд. «Другъ». М. 1917. Стр. 288. Ц. 2 р.
- Курбатовъ, П. Д.** *Журналистъ-сыщикъ*. Романъ. Изд. «Рубиконъ». П. 1916. Стр. 223. Ц. 2 р.
- Лебедевъ, И. В.** (Дядя Ваня). *Гладиаторы нашихъ дней*. Изд. «Рубиконъ». П. 1915. Стр. 189. Ц. 1 р. 25 к.
- Летучіе альманахи.** Вып. 1—21. Изд. «Рубиконъ». М. и П. Цѣна кажд. вып. 60 к.
- Летучіе Альманахи.** *Военный*, подъ ред. В. В. Функе. № 23. Изд. «Рубиконъ». П. Стр. 127. Ц. 1 р. 30 к.
- Локкъ, Уильямъ Дж.** *Сумерки жизни*. Романъ. Пер. съ англ. подъ ред. С. І. Цедербаума. Изд. 6. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 177. Ц. 2 р.
- Лонгфелло.** *Пѣснь о Гайаватъ*. Пер. И. Бунина. Вступ. очеркъ В. Лохель-

- сона. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1916. Стр. 192. Ц. 2 р. 75 к.
- Мастрюковъ, А.** *Пишите книгу своей жизни*. Скл. изд. въ кн. маг. «Знание». М. 1916. Стр. 35. Ц. 45 к.
- Мирбо, О.** *Сверхъ-императоръ*. (Вильгельмъ II) и его маленькіе сосѣди. Пер. съ фр. съ пред. автора. Изд. «Рубиконъ». П. 1915. Стр. 156. Ц. 90 к.
- Миссъ Сара Коунъ Браунтъ.** *Какъ и что разсказывать дѣтямъ*. Пер. съ англ. Н. Н. Бахтина. Изд. 2-е Вып. I. Скл. изд. у М. М. Стасюлевича. П. 1916. Стр. 146. Ц. за 2 вып. 2 р.
- Морозовъ, Иванъ.** *Красный звонъ*. Стихотворенія съ биогр. оч. С. Д. Дрожжина и вступл. А. Коринфскаго. Изд. автора. М. 1916. Стр. 70. Ц. 40 к.
- Положеніе рабочаго рынка и условия промышленнаго труда въ Забайкальѣ въ 1914—1915 г.** Вып. I. Таблицы. Изд. М. З. Пер. Упр. Ст. Отд. Забайк. перес. района. Иркутскъ. 1916. Стр. 359. Ц. не обозн.
- Полярный, Олегъ.** *На зеленомъ курганѣ*. Повесть для чтенія въ трамваяхъ. Изд. автора. П. 1916. Стр. 18. Ц. 40 к.
- Розановъ, В. В.** *Въ чаду войны*. Изд. «Рубиконъ». П. М. 1916. Стр. 61. Ц. 40 к.
- Сеняговъ, І.** *Почему Россія не можетъ не побѣдить Германію?* Изд. «Рубиконъ». П. 1914. Стр. 32.
- Серебренниковъ, А. М.**, врачъ. Собр. статей. Вып. I. Небольше разсказы. Складъ изд. у автора. Екатеринбургъ 1916. Стр. 77.
- Скороходовъ, Моисей.** *Пѣсня первая*. Стихотворенія, съ пред. К. Э. Жакова. Скл. изд. въ кн. маг. 6. Попова. П. 1916. Стр. 58. Ц. 70 к.
- Текущіе счета** государственнаго Банка и чековое обращеніе. Оттиски изъ №№ 235 и 236. «Торг.-Промышл. газеты» за 1916 г. П. 1916. Стр. 27.
- Туфановъ, Александръ.** *Эолова арфа*. Стихи и проза. Кн. I. Изд. автора. П. 1916. Стр. 91. Ц. 1 р. 35 к.
- Уайнэттеръ, Э.** *Синяя борода или Рокковыя послѣдствія любопытства*. Пьеса въ 5 д. (7 карт.). № 19 Дѣтскаго театра подъ ред. Н. Новича. Скл. изд. у М. М. Стасюлевича. П. 1916. Стр. 24-6. Ц. 1 р. 20 к.
- Харкевичъ, М. Х.** *Лѣсная царица*. Пьеса въ 3-хъ д. № 6 Дѣтскаго театра подъ ред. Н. Новича. Скл. изд. у М. М. Стасюлевича. П. 1916. Стр. 29. Ц. 75 к.
- Хирьяковъ, А.** *Десять лѣтъ Трудовой группы*. Изд. авт. П. 1916. Стр. 14. Ц. 15 к.
- Чижентский, Александръ.** *Задѣтыя струны*. Изд. «Рубиконъ». П. 1915. Стр. 224. Ц. 80 к.
- Шульговскій, Н.** *Терновый вѣнецъ*. Вѣнокъ сонетовъ. Изд. автора. П. 1916. Стр. 17. Ц. 30 к.
- Ютановъ, В.** *Доходный домъ и др.* разсказы. Изд. 2-е. Изд. «Сполохи» М. 1916. Стр. 194. Ц. 2 р.

Издатель. А. Н. Тихоновъ.

Редакторъ. А. Ф. Радзисевскій.

Принимается подписка на еженедѣльный журналъ

„ГОРНО - ЗАВОДСКОЕ ДѢЛО“

(бывш. «Горнозаводскій Листокъ») на 1917 годъ. Изданіе Совѣта Съѣзда горнопромышленниковъ юга Россіи. XXXVII годъ изданія. Подъ редакціей: Предсѣдателя Совѣта Съѣзда члена Гос. Совѣта Н. Ф. фонъ-Дитмара, Замѣстителя Предсѣдателя Совѣта Съѣзда А. И. Фенина и Управляющаго Дѣлами Совѣта Съѣзда Б. Н. Соколова. Адресъ: Харьковъ, Сумская, 18, 20. Телефонъ № 281. Подписная цѣна: На годъ съ 1-го января по 31-е декабря 10 руб. На полгода: съ 1-го января по 30-е июня 6 руб., съ 1-го июля по 31-е дек. 6 руб. За границу: на 1 годъ 20 руб., на полгода 12 руб. Отдѣльные №№ 40 коп. Переѣмна адреса—40 коп. При переѣмнѣ адреса необходимо указать № подписной квитанціи или прислать старый адресъ съ бандероли. Объявленія послѣ текста: Страница 18 р., полъ стр. 10 р., четверть стр. 6 р. одна лосьяя стр. 3 р. 50 к. одна шестнадцатая стр. 1 р. 80 к. одна тридцать вторая стр. 1 р. Объявленія: передъ текстомъ на 30% дороже, на обложкѣ на 50% дороже, чѣмъ послѣ текста. Вкладныя объявленія 20 руб. за лотъ. Форматъ страницы и планъ объявленій на оборотѣ. Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ журнала—Харьковъ, Сумская, 18, 20, у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ и въ конторахъ по объявленіямъ и по приему подписки на газеты и журналы.

Книгоиздательству М. В. ПОПОВА.

Петроградъ, Невскій пр., 66.

ЗАКАЗЪ.

Прошу выслать наложеннымъ платежомъ _____ почтой _____
 желѣзной дорогой _____
 (ненужныя названія зачеркнуть; количество требуемыхъ экземпляровъ
 проставить сбоку, у названій).

Одновременно съ симъ перевозу задатокъ въ размѣрѣ р. к.

СОБСТВЕННЫЯ ИЗДАНИЯ скидка книгопродавцамъ—25%).	
Сборники «ОТЕЧЕСТВО». — ПУТИ И ДОСТИЖЕНІЯ НАЦИОНАЛЬ-	
НЫХЪ ЛИТЕРАТУРЪ РОССІИ. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ	
РОССІИ. Стр. 108 + 488. Ц.	3 р. 75 к
«ВЪ ТЫЛУ» — литературно-художественный альманахъ	2 » — »
Ю. Айхенвальдъ. Слова о словахъ. Критическія статьи	2 » — »
Арефинъ, С. Первые шаги	1 » 25 »
Бернштамъ, Владимиръ. Изъ пережитого	1 » 25 »
В. Богдановъ. Таможенныя правила о вывозѣ русскихъ товаровъ во время войны	— » 85 »
Вѣловъ, Вадимъ. Лицо войны	1 » 25 »
Вагнеръ, Г., проф. и Фрейеръ, К., Дѣтскія игры и развлечения	1 » — »
Войтинскій. Вл. Внѣ жизни. Очерки тюрьмы и наторги	1 » 25 »
Витинъ, Вл. Земскій дѣятель Нератовъ	— » 60 »
Война въ русской поэзій. Сост. Анаст. Чеботаревская. Предисловіе Ое- дора Сологуба	1 » — »
Опото Ватама. Японскій Соловей. Романъ	1 » 25 »
Выдринъ, В. Отчужденіе недвижимыхъ имуществъ подъ желѣзныя до- роги	3 » — »
Геглинсонъ. Очерки первобытнаго міра	1 » 50 »
Готье, Теофиль. Эмали и Камен. Переводъ Н. Гумилева	1 » 25 »
Григорьевъ, Р. Недавнее. Романъ (въ двухъ книгахъ) 2 р. 25 к. На ущербъ. III изд.	1 » 50 »
Добронравовъ, Л. М. Горькій пѣвтъ. Разказы	1 » 50 »
Дюрягеймъ, Э. и Деви, Э., проф.—Кто хотѣлъ войны	— » 80 »
Замятинъ, Евг. Убядное	1 » 50 »
Золотаревъ, С. Синхронистическая диаграмма и карта по истории рус- ской литературы	— » 80 »
Кантъ, И. Критика чистаго разума. Перев. П. М. Соколова	3 » 50 »
Кантъ, И. Критика способности сужденія. Переводъ Н. М. Соколова	2 » 50 »
Кантъ, И. Антропология. Переводъ Н. М. Соколова	1 » 50 »
Крафтъ, Томазъ. История одного одинокаго. Романъ. Переводъ М. Бла- говѣщенской	1 » 75 »
Кельбербинъ, И. П. Черта ослѣдствія	1 » — »
Крыловскій, В. Я., товарищ Оберъ-Прок. Сената (ред.) Юридическая библиотека. Наемъ имущества	— » 50 »
Залогъ имущества	— » 60 »
Заемъ и заемное обязательство	— » 50 »
Духовныя завѣщанія	— » 50 »
Опека и попечительство	— » 50 »
Локъ, Уильямъ Дж. Привлеченія Аристиды Пюжюля. Романъ	2 » 25 »
Локъ, Уильямъ Дж. Сумерки жизни. Романъ	2 » — »
Манге. История материализма. Переводъ подъ редакц. Владимира Со- ловьева	1 » 50 »
Мюль-Джордасъ. Рѣчи во время войны. 2-е изд.	1 » 50 »
Лондонъ, Джекъ. Смирительная рубашка. Романъ	2 » 25 »
Левитязъ, С. А. Педагогика и милитаризмъ въ Германіи	1 » — »
Луцкій, К. Судебное краснорѣчье	1 » — »
Г. Мезитскій. Докторъ Орловъ. Романъ	2 » — »
М-скій, Мих. Отъ бунты до снятія сана	1 » — »
Озеровъ, Н. I. Очерки словесности	1 » 25 »
М. Павловичъ. Смерть Жореса	— » 50 »
Павловичъ, М. Смерть Жореса	— » 50 »
Плехановъ, Г. В. О войнѣ. 4-е изд.	— » 85 »
Интернационализмъ и защита отечества	— » 45 »
Потресовъ, А. Война и международное демократическое сознание	— » 75 »
Павлехерстъ, Эвелина. Моя жизнь. Записки суфражистки	2 » — »
Рославлевъ, Александръ-Покройникъ Посудевскій. Разск.	1 » 75 »
Рубинштейнъ, Л. О.—Темы и задачи по бухгалтеріи	— » 25 »
Россія въ родныхъ пѣнахъ. Сост. Анаст. Чеботаревская. Предисловіе Оедора Сологуба	1 » 25 »
Отто Ранкъ, д-ръ.—Значеніе психоанализа въ наукахъ о духѣ	1 » 50 »
Савватій.—Тетрадь въ сафьянѣ. Повѣсть. 6-е изд.	1 » 25 »
Сверскій, А. И. Въ чертѣ	1 » — »

Славкинъ, Юрій.	
Помѣщикъ Галдинъ.—Повѣсть (распродано)	1 » 25 »
Ольга Оргъ. Романъ.	1 » 50 »
Глупое сердце. Разказы	1 » 50 »
Господинъ въ цилиндрѣ. Разказы	2 » — »
Стегивъ, П. Симуляція чудеснаго. Пер. Е. В. Святловскаго	1 » 50 »
Сухановъ, Нип.	
Наши лѣвыя группы и война	— » 50 »
Наши направленія. «Марксизмъ и пародничество» 2-е издание	1 » — »
Кризисъ социализма. 2-е издание	— » 30 »
Турецкій Сборникъ. Подъ ред. Г. М. Бикермана	1 » 25 »
Н. Тасинъ. По воюющей Франціи	1 » 25 »
Ундсетъ, С. Викинги. Переводъ М. Благовѣщенской	1 » 75 »
Фробениусъ. —Роковой часть Германской Имперіи	— » 75 »
Штокманъ, д-ръ. Политико-экономическіе этюды	— » 90 »
Шпеннгауэръ, Артуръ. Миръ, какъ воля и представленіе. Переводъ Н. Соколова	4 » — »

ПЕЧАТАЕТСЯ

и въ первыхъ числахъ февраля
поступитъ въ продажу

новая книга:

Вячеславъ Полонскій

„РОЗАНОВЩИНА“

памфлетъ

Издательство „Книга“ Петроградъ.

Цѣна 1 рубль.

Открыта подписка на 1917 годъ на двухнедѣльный научный и общественно-политический журналъ, 2-й годъ изданія. 24 №№ въ годъ

„Д Ъ Л О“.

Издающийся въ г. Москвѣ, при ближайшемъ участіи П. Маслова, Л. Ортодоксъ и А. Н. Потресова. Журналъ ставитъ себѣ цѣлью освѣщеніе вопросовъ общей культуры науки, философіи, политики, литературы. Условія подписки съ пересылкой на 1 годъ—10 р., на полгода—5 р. 50 к., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р. За границу: съ пересылкой)—на 1 г.—12 р., на полгода—6 р. 50 к., на 3 мѣс.—3 р. 25 к., на 1 мѣс.—1 р. 10 к. При непосредственномъ обращеніи въ Главную Контору журнала для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, народныхъ учителей, крестьянъ и рабочихъ допускается льготная подписка: на 1 г.—9 р., на полгода—5 р., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—90 к. Цѣна отдѣльнаго номера—55 коп. Лица, подписавшіяся на 1917 годъ (не мѣнѣе, чѣмъ на полгода) до 25 декабря текущаго года, получаютъ 2 декабрьскихъ номера бесплатно. Продолжается подписка на 1916 годъ. Адресъ редакціи въ Главной Конторы: Москва, Трубная ул., д. № 33, кв. 5, телеф. 3-92-85.

На 1917 годъ открыта подписка на еженедѣльный общедоступный кооперативный

ВѢСТНИКЪ

Нижегородскаго Союза учрежденій мелкаго кредита.

Издание Нижегородскаго Союза учрежденій мелкаго кредита. Подписная плата на 1917 г. повышена вслѣдствие удорожания цѣны на типографскія работы и бумагу. Подписная плата: На годъ—4 р. на полгода—2 р. 50 к. на три мѣсяца—1 р. 50 к. (съ 1 января, 1 апрѣля, 1 июля и 1 октября). Адресъ: Нижн.-Новгородъ, уголь Варварки и Малой Печерки, Нижегород. Союзъ учрежд. мелк. кредита. Редакторъ Д. Д. Вилмяновъ.

Открыта подписка на 1917-й годъ на двухнедѣльный журналъ

„Церковь и Жизнь“

(Второй годъ изданія). Въ журналѣ принимаютъ участие проф. прот. К. М. Аггеевъ, проф. П. Д. Андреевъ, проф. С. П. Булгаковъ, проф. П. В. Верховской, проф. В. З. Завитневичъ, проф. П. П. Кудрявцевъ, Н. Д. Кузнецовъ, А. В. Карташовъ, В. Н. Лашнюковъ, чл. Г. Д. И. В. Титовъ, Вас. Соколовъ (Credens), проф. В. И. Экземплярский и др. Подписная цѣна: на годъ—4 р., на полгода—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—50 к. На иные сроки подписка не принимается. Разрочка—при подпискѣ 2 р.; къ 1 мая—2 рубль. Отдѣльные номера 25 коп. Адресъ редакци:—Петроградъ, Вас. Остр., 9 линия, д. 56, кв. 36. Подписываться можно и чрезъ книжные магазины. Редакторъ-издатель Вас. Соколовъ.

Открыта подписка на 1917 годъ, на ежемѣсячный финансово-экономическій журналъ, издаваемый Центральнымъ Банкомъ Обществъ Взаимнаго Кредита въ Петроградѣ.

„Вѣстникъ Центрального Банка“.

7-й годъ изданія).

Въ журналѣ помѣщаются статьи извѣстныхъ публицистовъ русской и иностранной финансово-экономической литературы, статьи по вопросамъ кредита, банковской политики и, главнымъ образомъ, жизни обществъ взаимнаго кредита. Подписная плата: на годъ 12 руб., на полгода—6 руб., 3 мѣс.—3 руб. и 1 мѣс.—1 руб. Редакция и контора: Петроградъ, Невскій, 1а, въ помѣщеніи Центрального Банка. Телефонъ № 54-60. Редакторъ Я. Я. Казинъ.

Открыта подписка на 1917 годъ на прогрессивную старѣйшую въ краѣ газету XXVI г. изданія.

„ДАЛЬНИЙ ВОСТОКЪ“

Посвященную интересамъ Приамурскаго края. Газета выходитъ во Владивостокѣ ежедневно. Ежедневный маленький фельетонъ. Постоянный экономическій отдѣлъ. Телеграммы ПТА и собствен. корреспондентовъ. Подписная цѣна: Городская: Годъ 11 руб., 6 м. 6 руб. 50 коп., 3 м. 4 руб., 1 м. 1 руб. 60 к. Иногородняя: Годъ 12 руб., 6 м. 7 руб. 50 к., 3 м. 4 руб. 50 к., 1 м. 2 руб. За границу года 20 р., полгода 12 р., на 3 мѣс. 7 р., на 1 мѣс. 3 р. За перем. адреса 30 к. Иногород. подд. прин. только съ 1 чис. каял. мѣс. Редакторъ В. А. Пановъ. Издательница Е. А. Панова.

Открыта подписка на 1917 годъ на еженедѣльный общественно-экономическій и литературный журналъ

„УРАЛЬСКИЙ КООПЕРАТОРЪ“.

издаваемый Уральскимъ Союзомъ Потребительныхъ Обществъ. Подписная цѣна: На годъ 4 р., на полъ-года 2 р. 50 к., на четверть года 1 р. 50 к. Отдѣл. номеръ 20 к. Съ требованіями на журналъ слѣдуетъ обращаться по адресу конторы изданія: Екатеринбургъ, Уктусская, д. № 52.

Открыта подписка на 1917 годъ на большую ежедневную общественно-политическую газету (Годъ изданія III—X).

„Оренбургское Слово“.

Подписная цѣна: на 12 мѣс.—8 руб., на 6 мѣс.—4 р. 50 коп., на 3 м.—2 р. 50 коп., на 1 мѣс.—90 к., въ розничной продажѣ цѣна номера 6 коп. Редакторъ А. Вас. Пожовъ (Степной). Издатель Т-во «Просвѣщеніе». Адресъ: Николаевская ул., д. Хусаянова (противъ церкви Вознесенія) тел. № 89.

О подпискѣ на 1917 г. на три журнала:

„РОДНИКЪ“

Для старш. возр. XX XVI г. изд. Одобренъ для всеѣхъ учебныхъ заведеніи. 12 книжекъ въ годъ. Повѣсти, рассказы. Много иллюстрацій. Очерки изъ разн. областей знанія. Отдѣлы изъ текущей жизни и «Клубъ», въ кот. участв. читатели, и школы. Кружки. «Клубъ» является отраженіемъ обществ. жизни юношества у насъ и за границ. Ежемѣс. даются отчеты: помощь учащихъ во время войны. Участв. лучшія литерат. и худож. силы. Цѣна 8 руб. съ перес. Разсрочка: 1 полугод.—5 р., II п.—3 р. Пробн. № за 5 десятик. марокъ.

„СОЛНЫШКО“

Для мл. возр. и народныхъ школъ. XIII г. изд. Допущ. въ низш. и ср. уч. зав., церк.-прих. шк. и приюты, нар. и учен. библиотеки. 12 №№ разнообр. содер.: рассказы, очерки, сказки, пьесы, ноты. 6 кн. «Звѣздочки».—Законч. сборники сказокъ, стиховъ, игръ и т. п. Много рисунковъ. Материалъ для самостоят. занятій. Рассказы изъ школьной жизни. Пьесы для постановки какъ въ школѣ и дома. Цѣна 2 руб. съ перес. Пробн. № за 3 пятикоп. марки.

„Воспитаніе и Обученіе“

XLI г. изд. Общедост. педаг. журналъ по вопр. семейнаго воспитанія. 12 №№ въ годъ. Статьи по фланц., умств., нравств., эстетич. восп. Отнош. семьи и шк. общ. педаг. орг., новѣйш. педаг. теорія и практика. Педаг. хроника. Библиографія дѣтск. и педаг. книгъ. Статьи снабж. указат. литературы по вопросу. Цѣна 2 руб. съ перес. Пробн. № за 3 пятикоп. марки. Для подарковъ: «Родникъ» и «Солнышко» за старые годы 5 р. и 1 р. безъ перес. Перес. по разст. «Восп. и Об.» за ст. г. по 1 р., перес. по разст. Кн. Маг.—устп. 5%. Управамъ, складамъ, инспекціямъ—при больш. колич. экз. уступка по соглашенію. Издат. Е. Н. Альмедингенъ. Редакторы Н. и Т. Альмедингенъ. Петроградъ. Таврическая, 37.

Открыта подписка на 1917 годъ на ежемѣсячный научно-популярный кооперативный журналъ, Москва 1917 г.

Кооперативный Миръ

подъ редакціей профессора В. В. Тотоманца и Р. А. Агабабова при участіи многихъ русскихъ и зарубежныхъ кооператоровъ, журналистовъ и ученыхъ. Редакция—Москва, Театральная пл., д. Метрополь, 1-й подъездъ. Телефонъ 4 13-03. Журналъ «Кооперативный Миръ» будетъ посвященъ разработкѣ и выясненію основныхъ вопросовъ и задачъ, стоящихъ передъ русской кооперацией всеѣхъ видовъ и явится независимымъ, безпартійнымъ научно-кооперативнымъ органомъ. Журналъ ставитъ себѣ цѣлью возможно полное ознакомленіе русскихъ кооператоровъ съ современной кооперацией и въ иностранныхъ государствахъ. Желая, по мѣрѣ силъ, восполнить давно ощущаемые пробѣлы въ русской научно-кооперативной литературѣ—редакция рѣшила дать подписчикамъ платныя приложенія къ журналу авторизованныя лучшія произведенія по кооперации и цѣнныя практическія руководства кооперативнымъ дѣятелямъ. Въ теченіе 1917 года будутъ даны слѣдующія приложенія: годовымъ подписчикамъ, подписавшимся до 15 февраля, будетъ разослано бесплатное приложеніе—сборникъ анкетныхъ обследованій кооперации въ Россіи и всеѣмъ годовымъ подписчикамъ при книжкахъ журнала учебникъ по кооперации Л. Бурбьеры подъ названіемъ «Золотые приски». Этотъ учебникъ принятъ въ народныхъ школахъ Италіи. И платныя приложенія: 1) Авторизованный переводъ книги извѣстнаго англійскаго кооператора Г. Вольфа: «Кооперация въ сельскомъ хозяйствѣ», посвященная сельско-хозяйственной кооперации всеѣхъ странъ. 2) Проф. Шарль Жидъ: «Учрежденіе социального прогресса». Авторизованный переводъ съ 4-го французскаго изданія. 3) Проф. Э. Якобъ: «Хозяйственная теорія кооперации», переводъ съ нѣмецкаго съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. 4) С. Буйонъ: «Кооперативный сбытъ хлѣба за границей и во Франціи». 5) Л. Луццати: «Охрана мелкой собственности» съ предисловіемъ автора къ русскому изданію. 6) Избранныя сочиненія Шарля Фурье. Цѣна журнала съ пересылкой въ годъ 10 руб., въ полугодъ 6 руб., за 3 мѣсяца 3 руб. 50 к. Отдѣльный № 1 руб. 25 к. Платныя приложенія могутъ выписывать только годовые подписчики, подписавшиеся до 15 февраля 1917 года, за плату въ 7 руб. 50 коп. за всѣ 6 книгъ. Подписавшиеся послѣ 15 февраля получаютъ только оставшіеся отъ разсылки въ розничную продажу по той же цѣнѣ экземпляры. Въ отдѣльную продажу приложенія будутъ вышланы по цѣнѣ въ 2 руб. и болѣе за каждое. Годовымъ и полугодовымъ подписчикамъ допускается разсрочка—половина подписной платы вносится при подпискѣ на журналъ, другая 1-го апрѣля. Подписка принимается въ Издательствѣ «Кооперативный Миръ», Москва, «Метрополь» кв. № 8/а. Коллективнымъ подписчикамъ на 10 и болѣе экземпляровъ, отправляемыхъ по одному адресу—дѣлается скидка по соглашенію.

Открыта подписка на 1917 год, на двухнедельный журнал, 2-й год издания 24 № в год, издание Общества Потребителей «Кооперация».

„МОСКОВСКИЙ КООПЕРАТОРЪ“

Подписная цена: на 1 год (с доставкой и пересылкой)—2 р., на полгода—1 р. За перемѣну адреса 20 коп. Цена отдельного номера в розничной продажѣ—10 коп. Подписка принимается в главной конторѣ общества—Москва, Рождественск. д. № 5, кв. 25 и тамъ же Центральн. мебтиров. комнаты, комн. № 22, телеф. 1-11-36, во всѣхъ магазинахъ общества и въ помѣщеніяхъ районныхъ комиссій. Плата за объявленія: впереди текста за 1 строку петита газетнаго столбца (всѣхъ столбцовъ 3)—40 к., позади текста—за такую же строку—25 коп. Долгъ всякаго сознательнаго кооператора распространять свои кооперативный журналъ «Московский Кооператоръ». Каждый членъ общества «Кооперация» долженъ подписаться на «Моск. Кооператоръ» и распространять его среди своихъ знакомыхъ и товарищей.

Открыта подписка на 1917 г. на ежемѣсячный журналъ, посвященный изученію и методамъ пользованія естественныхъ богатствъ Россіи

„Поверхность и Нѣдра“.

Программа журнала: 1. Изученіе мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ и другіе вопросы прикладной геологій. 2. Разработка вопросовъ, связанныхъ съ методами изученія и огнни нѣдръ, какъ объекта національнаго богатства и источника народнаго благосостоянія. 3. Разработка вопросовъ, связанныхъ съ учетомъ богатствъ нашихъ нѣдръ. 4. Вопросы учета и использования поверхностныхъ водъ, лѣса и самой поверхности в связи съ использованием нѣдръ. 5. Разработка вопросовъ, связанныхъ съ условиями и формами использования всѣхъ указанныхъ естественныхъ богатствъ (экономически-правовые вопросы). Подписная цена на 1917 г. на годъ—15 руб., на полгода—8 руб. 50 коп., на три мѣс. 4 р. 50 к., за границу 20 р., с пересылкой. Цена отд. номера 1 руб. 50 коп.; на ст. ж. д. 1 р. 75 к. Адресъ редакціи: Вас. Остр. 14 л., 19. Тел. 182-06. Адресъ конторы: В. О., Больн. пр. 60-а. Тел. 488-81. Издатели: Горн. Инж. С. Ф. Малиякинъ, Горн. Инж. П. И. Пальчинскій. Редакторъ Горн. Инж. С. Ф. Малиякинъ.

Открыта подписка на 1917 годъ, III г. издания, на муниципальный журналъ

„Вѣстникъ Красноярскаго Городскаго Обществ. Управленія“

издаваемый в г. Красноярскѣ. Журналъ выходитъ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ отъ 4 до 6 печатныхъ листовъ. Подписная плата за изданіе: 6 руб. в годъ. 3 руб. за полгода, 1 р. 50 к. за 3 мѣс., 50 к. за 1 мѣсяцъ, отдельный номеръ 45 к. Цена за объявленія в журналѣ: впереди текста 12 р. за страницу, 6 р. за полъ страницы, 3 р. за четверть страницы и 1 р. 50 к. за одну восьмую страницу; позади текста 8 р. за страницу, 4 р. за полъ страницы, 2 р. за четверть стран. и 1 р. за одну восьмую стран. Годовыя объявленія по соглашенію. Подписка принимается в Красноярской Городск. Управѣ и книжныхъ магазинахъ. Редакторъ: Городской Голова С. Потылицынъ. Издатель: Красноярское Городск. Общ. Управленіе.

„Вѣстникъ Мелкаго Кредита“.

Еженедѣльный журналъ, 6-й годъ издаванія. Изданіе Управленія по дѣламъ мелкаго кредита. Посвященъ вопросамъ кредитной кооперации. Платные подписчики получаютъ слѣдующія приложенія: 1) Настольный календарь на 1917 годъ, подъ названіемъ «Въ годину великой войны». 2) Рядъ «Листковъ Вѣстника м. кр.». Подписная цена на «Вѣстникъ мелкаго кредита» (50 №№) по 3 печатныхъ листа въ каждомъ на годъ—5 р., на полгода—3 р. Адресъ редакціи: Петроградъ, Ивановская, Редакторъ—В. Г. Туналевскій.

Рабоче-кооператоры! Подписывайтесь на новый двухнедельный журналъ

„Т Р У Д Ъ“

посвященный вопросамъ рабочей кооперации. Подписная цена: на 1 годъ (за 24 №№) 3 р. 50 к.; на полгода (за 12 №№)—1 р. 85 к.; на 3 мѣс. (за 6 №№)—95 к. Цена отдельнаго экземпляра—15 коп. Кооперативамъ, профессиональнымъ союзамъ, больничнымъ кассамъ и др. общественнымъ организациямъ при выпискѣ не менѣе 20 экз. одного №—могутъ быть предоставлены болѣе льготныя условия. Такса объявленій: 1 страница за одинъ разъ—50 р.; полъ стр.—30 руб.; четверть—18 руб.; одна восьмая стр.—10 р. Секретарь журнала бываетъ в редакціи по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ, отъ 8 до 10 час. вечера. Адресъ: Петроградъ, ул. Жуковскаго, д. 38, кв. 21. Отдѣленіе Комитета о сельскихъ товариществахъ.

Открыта подписка на 1917 год на общественно-политическую литературную еженедельную газету,

БЕЖЕНЦЫ

«ИЗВЕСТИЯ»
 Постоянные отделы «Еврейской Жизни»: 1. Руководящая статья по всем текущим вопросам еврейской жизни. 2. Научно-публицистический отдел. 3. Литературно-библиографический отдел. 4. Еврей и война. 5. Еврейская печать. 6. Обзор русской печати. 7. Вести из Палестины. 8. В Государственной Думе и Госуд. Совете. 9. Петроградская и Московская хроника. 10. Юридический отдел. 11. Заграничные корреспонденции. 12. Из жизни провинции. 13. В Польшу и на Литву. 14. Хроника еврейской жизни в России и за границей. 15. Вопросы еврейской школы. 16. Беженцы и выселенцы. 17. Сионистская хроника. 18. Фельетоны. 19. Справочный отдел. 20. Иллюстрации. Подписная цена: В России: На год 10 р. На полгода 5 р. На 3 месяца 2 р. 50 к. За границу: На год 12 р. На полгода 6 р. На 3 месяца 3 р. Цена отдельного № 20 копеек. Подписка принимается только с 1 января, 1 апреля, 1 июля и 1 октября. Адрес Редакции и Конторы: Москва, Солянка 8. Адрес для телеграмм: Москва «Кадима». Тел. 5-49-54.

„МУРАВЕЙНИКЪ“

**ЖУРНАЛЪ ОБЩЕСТВА
 БИБЛИОТЕКОВЕДЕНИЯ**

Открыта подписка на 1917 год. (Восьмой год издания). Выходит четыре раза в год. Задача журнала—помочь усовершенствованию русского библиотечного дела. Подписная цена—5 руб. в год с доставкой и пересылкой: на полгода—2 р. 50 к.; за границу—6 руб. Земляные учреждения при выписке журнала до 1 февраля непосредственно из редакции, в количестве не менее 20 экз. (одновременно), уплачивают по 2 р. 50 к. за годовой экз. Адрес редакции Петроград, Бол. Самсониевский пр. д. 6. Телеф. 236-40.

Открыта подписка на 1917 год, на еженедельный журнал

**ЦЕНТРАЛЬНОГО
 ТОВАРИЩЕСТВА**

Журнал будет выходить в Москве еженедельно в размер 1/2—1 листа большого формата. Издатель Центральное Товарищество Лыноводов (Союз Лыняных Кооперативов). Цель издания—осведомить лыноводов с положением лыняного рынка и задачами лыняной кооперации. Подписная плата на год 2 р. с пересылкой. Журнал будет выходить с 25-го ноября 1916 г. Желающие получить журнал с этого числа уплачивают 2 руб. 25 коп. Адрес конторы и редакции: Москва, Б. Лубянка, уг. Б. Кисельного д. 15/17.

Открыта подписка на 1917 год на еженедельный кооперативный журнал, 5-й год издания, с иллюстрациями

издаваемый Киевским Союзом Учрежден. Мелкого Кредита. Журнал ставит своей задачей популяризацию среди рядовых членов кооперативов идеи кооперации, разработку и освещение вопросов, интересующих практических работников и участников кооперативного движения. Журнал посвящается преимущественно вопросам жизни кредитной кооперации Юга России. Подписная цена на год 3 рубля. Адрес редакции и конторы: Киев, Институтская, 3. Киевский Союз Учреждений Мелкого Кредита. В 1917 году Киевским Союзом Учреждений мелкого кредита будет издано четыре сборника статей на украинском языке по вопросам теории и практики кооперативного движения. Размер сборников: по 4 листа каждый (64 стр.) Стоимость сборников 1 р. с пересылкой.

Открыта подписка на двухнедельный сельско-хозяйственный и кооперативный журнал.

ОЗЕРНОГО КРАЯ,

издаваемого Центральным Сельскохозяйственным Обществом, Центральным Кооперативным Товариществом и Петроградским Союзом Молочных Товариществ под редакцией Губернского агронома С. А. Ершова. Журнал выходит два раза в месяц. Подписная плата 2 руб. 50 коп. При коллективной подписке, не менее как на 10 экземпляров, подписная цена 2 руб. за годовой экземпляр. Адрес: Петроград, Литовская, 130, кв. 2. Центральное Сельско-Хозяйственное Общество.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ

на

„Вѣстникъ Владикавказской жел. дороги“.

Годъ изданія седьмой.

«Вѣстникъ Владикавказской жел. дороги» выходитъ два раза въ мѣсяцъ.

Условія подписки: для постороннихъ лицъ на годъ—5 руб., на полъ года—3 руб., для служащихъ Владикавказской желѣзной дороги на годъ—2 руб., на полгода—1 руб. Цѣна отдѣльнаго номера 25 к.

Подписка принимается въ редакціи «Вѣстника»—Нахичевань на Дону, Управление Владикавказской жел. дор., 3-й этажъ.

Объявленія принимаются по цѣнѣ: 1) впереди текста за страницу въ годъ—300 руб., $\frac{1}{2}$ страницы—150 руб., $\frac{1}{4}$ страницы—80 руб. 2) позади текста за страницу—200 руб., за $\frac{1}{2}$ страницы—100 руб., за $\frac{1}{4}$ страницы—55 руб. За разсылку при журналѣ объявленій плата по особому соглашенію.

Редакція и контора: Нахичевань на Дону, Управление Владикавказской жел. дороги, 3-й этажъ.

„ПОВЕРХНОСТЬ и МѢДРА“

Журналъ, посвященный изученію и методамъ использования естественныхъ богатствъ Россіи.

Выходитъ ежемѣсячно въ размѣрѣ 5-ти печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна съ 1 го мая 1916 г. по 1-ое января 1917 года съ доставкой и пересылкой 7 рублей.

Корреспонденцію и деньги адресовать на имя редакціи по адресу:

Петроградъ. Вас. Остр., 14 линия, д. 16. кв. 11.

Издатели: Горн. Инж. С. Ф. Малявкинъ. Редакторъ
Горн. Инж. П. І. Пальчинскій. Горн. Инж. С. Ф. Малявкинъ.

9-ый годъ. Принимается подписка на 1916 г. 9-ый годъ
изданія. изданія.

на двухнедѣльный иллюстрированный кооперативный и сельскохозяйственный журналъ

„Сибирское Сельское Хозяйство“

издаваемый Западно-Сибирскимъ сельско-хозяйственнымъ Обществомъ.

Въ журналѣ помѣщаются написанныя общедоступно для пониманія статьи и замѣтки по разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и коопераціи.

Подписная цѣна за годъ 2 руб. съ доставкой и перес.

Подписка принимается: въ г. Томскѣ въ редакціи журнала, Милліонная 4.

Открыта подписка на 1917 г.

2-ой годъ изданія

НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„Сибирскія Записки“.

Въходитъ въ г. Красноярскъ, Енис. губ., 6 разъ въ годъ книжками
отъ 10 до 15 печ. листовъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе:

Вл. Бахметьевъ, Н. Я. Быховскій, Г. Вяткинъ, В. Войтинскій, М. Г. Васильева-Потанина, В. В. Гиппиусъ, Проф. П. П. Гудковъ, Г. Д. Гребенщиковъ, А. М. Гнѣвушевъ, И. Г. Гольдбергъ, К. В. Дубровскій, С. Я. Еллатьевскій, Дм. Илимскій, И. И. Игнатовичъ, Е. Е. Колосовъ, Н. Н. Козьминъ, А. А. Корниловъ, Н. В. Могучій, К. И. Морозовъ, А. Е. Новоселовъ, П. З. Озерныхъ, Г. Н. Потанинъ, К. Плотноковъ, И. И. Половъ, А. В. Прибылевъ, Л. Ф. Пантелѣевъ, А. М. Петрункевичъ, Проф. С. Солнцевъ, Г. Сандомирскій, Яв. А. Таракановъ, Ф. Ф. Филимоновъ, В. Я. Шишковъ и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ 7 руб., на 5 мѣсяцевъ 4 руб. Отдѣльная книжка
1 руб. 50 коп.

Подписка принимается: въ г. Красноярскъ—въ конторѣ журнала, д. Крутовскаго; въ Томскѣ—въ магазинѣ Макушина; въ Иркутскѣ—въ магазинѣ Макушина; въ Ново-Николаевскѣ—въ магазинѣ Литвинова; въ Барнауль—въ магазинѣ Сохарева.

Адресъ редакціи: г. Красноярскъ, Енис. губ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ.

На большую политическую, литературную и экономическую газету

„ИРКУТСКАЯ ЖИЗНЬ“.

Свѣдѣнія съ войны въ газету «Иркутская жизнь» передаются по телеграфу собственными корреспондентами и Петроградскимъ телеграфнымъ агентствомъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ГАЗЕТЫ:

На годъ	11 р.	На 3 мѣсяца—3 р.	25 к.
» полгода	6 »	» 1 мѣсяць—1 »	25 »

Открыта подписка на 1917 годъ, 28-й годъ изд., на общепедагогический журналъ для учителей и дѣятелей по народному образованію

„Русская Школа“.

Программа журнала: Обще вопросы образованія и воспитанія, Война и школа. Реформы школы. Эксперимент. педагогика, психология, школьная гигиена. Методика преподаванія разл. предметовъ. История школы. Обзоры новѣйш. теченій въ области разныхъ наукъ. Дѣятельность госуд. и обществ. учреждений по народному образованію (Госуд. Думы, земствъ и пр.). Народное образованіе за границей. Начальная и средняя школа въ России. Вопросы национальной школы различн. народовъ России. Женское образованіе. Професіон. образованіе. Въшкольное образованіе. «Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе 12 печ. листовъ. Подписная цѣна съ 1917 года въ виду вздорожанія бумаги и типографскихъ работъ повышается: въ Петроградѣ, безъ дост.—девять р., съ дост.—9 р. 50 к., для иногородн.—десять руб.; за границу—двѣнадцать руб. въ годъ. Для сельскихъ учителей, выписыв. журналъ на свой счетъ,—восемь руб. въ годъ, съ разсрочкою (при подпискѣ—4 р. и къ 1 июля—4 р.). Городамъ и земствамъ, выписыв. не менѣе 10 экз., уступка 15%. Книжн. магазинамъ за комиссію 5% съ год. цѣны. Подписка съ разсрочкой и уступкой только въ конторѣ редакціи (Петроградъ, Лиговская, д. 1). Редакторъ-издатель Я. Я. Гуревичъ.

Открыта подписка на 1917 годъ на ежедневную политическую, литературную и торгово-промышленную газету

„НОВОСТИ ЖИЗНИ“.

издающуюся въ г. Харбинѣ (Маньчжурія). Подписная цѣна: для городскихъ подписчиковъ на годъ 12 р., на полгода—7 р., 3 мѣс.—3 р. 70 к., 1 мѣс.—1 р. 30 к. Для иногороднихъ: на годъ 14 р. 40 к., на полгода—8 р. 20 к., 3 мѣс.—4 р. 30 к., на 1 мѣс.—1 р. 50 к. Переимѣна адреса городского на такой же—25 к., на иногородный—50 к. Редакторъ И. В. Иконниковъ. Издатель Издательское Т-во «Печать».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 г.

„ПРИРОДА“.

Ежемѣс. псупл. естественно-научный иллюстр. журналъ

подъ редакціей проф. Н. К. Кольцова, проф. Л. А. Тарасевича и стар. мпн. Акад. Наукъ Д. Е. Ферсмана.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ШЕСТОЙ.

РЕДАКТОРЫ ОТДѢЛОВЪ:

Проф. К. А. Покровский, проф. П. П. Лазаревъ, проф. Н. А. Артемьевъ, проф. Л. В. Писаржевскій, проф. Л. А. Чугаевъ, проф. Н. А. Шиловъ, проф. В. А. Обручевъ, старш. минер. Акад. Наукъ А. Е. Ферсманъ, А. А. Борисякъ, проф. Н. А. Кольцовъ, пр.-доц. В. Л. Комаровъ, проф. Н. М. Кулагинъ, проф. С. И. Метальниковъ, проф. Л. А. Тарасевичъ, маг. геогр. С. Г. Григорьевъ

С О Д Е Р Ж А Н І Е:

Философія естествознанія. Астрономія. Физика. Химія. Геологія съ палеонтологіей. Минералогія. Микробиологія. Медицина. Гигіена. Общая биологія. Зоологія. Ботаника. Антропология. Географія. Постоянные отдѣлы: Научныя новости и замѣтки. Изъ лабораторной практики. Хроника. Природныя богатства Россіи. Научныя Общества и Учрежденія. Письма въ редакцію. Астрономическія извѣстія. Географическія извѣстія. Метеорологическія извѣстія. Почтовый ящикъ. Библиографія.

На 1917 г. подписная цѣна: на годъ—8 р., на полгода—4 руб., на три мѣсяца—2 руб., за границу—10 руб.

Подписчики пользуются скидкой на слѣдующія изданія журн. «Природа»: 1. «Классики естествознанія», 2. «Прѣсноводная фауна» (опредѣлители), 3. «Основные начала естествознанія», 4. «Естественно-историческая библиотека», 5. «Календарь русской природы».

Подробный проспектъ по требованію высылается бесплатно; пробный номеръ за 40 к. Адресъ: Москва, Моховая, 24. Телефонъ 410-81.

Открыта подписка на 1917 годъ (Двадцать седьмой годъ изданія).

„Сибирскій Листокъ“

выходитъ въ Тобольскѣ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: На 1 годъ 6 р., на полгода 3 р. 50 к.; на 4 мѣс. 2 руб. 40 к.; на 3 мѣс. 1 р. 80 к.; на 1 мѣс. 75 к. Цѣна объявленій: За строку петита на первой страницѣ 20 коп., на послѣдней 10 коп. За разсылку отдѣльныхъ объявленій по одному рублю за сотню. Мелныя суммы принимаются почтовыми марками. Иногородне адресуютъ: Тобольскъ, Редакция «Сибирскаго Листка». Редакторъ-Издательница М. Н. Костюрина.

Открыта подписка на 1917 годъ на газету, годъ изданія VII-й

Г А И“.

Выходитъ въ г. Бійскѣ ежедневно, за исключеніемъ дней послѣпраздничныхъ. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: На 12 мѣсяцевъ 6 рублей, на 6 мѣсяцевъ—3 рубля, на 1 мѣсяцъ 60 коп. Цѣна отдѣльнаго номера 5 коп. Такса за объявленія: за строку петита впереди текста 15 коп., позади—10 коп., для Европейской Россіи на 5 коп. дороже. Редакторъ-издатель П. В. Орнатскій.

Открыта подписка на 1917 год, на ежемесячный журнал,

„УКРАИНСКАЯ ЖИЗНЬ.“

Шестой год издания. Программа журнала: Руководящая статья по национальным вопросам. — Обзор событий текущей жизни на Украине. — Сведения о жизни, преимущественно русской и польской, об украинском вопросе. — Критические статьи и литературные обзоры: библиографий. — Украинское искусство. — Мемуары и статьи по истории украинского возрождения. Равным известия и заметки. — Отдельные номера на украинском языке. — Отдельные номера на русском языке. В 1917 году «Украинская Жизнь» будет выходить под тем же названием и при участии тех же сотрудников. Условие подписки: Ст. долевой и пересыльной в России на год—2 р., на 6 мес.—1 р. За границу—на год—10 р., на 6 мес.—5 р. Для народных учителей, сельского хозяйства, младшего женского среднего образования, а также для учащихся, рабочих и крестьян допускается, при непосредственном обращении в редакцию, льготная подписка: на год—7 руб., с доставкой и пересылкой. Цена отдельных номеров за почтовые мажоранты 1 руб. Подписка принимается в конторе «Украинской Жизни», Москва, Ивановский бульвар, д. 103, кв. 39. Тел. 3-44-48.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1916 г.

на ежемѣсячный,

посвященный вопросамъ теории и практики кооператив. дѣла въ
россии и за границей, журналъ

„Вѣстникъ Кооперациі“,

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

издаваемый Петроградскимъ Отдѣленіемъ Комитета о сельскихъ соудо-об-
регат. и промышленныхъ товариществахъ подъ редакціей проф. М. И.
Туганъ-Барановскаго.

«Вѣстникъ Кооперациі» выходитъ ежемѣсячно, кромѣ июля и
августа,—отдѣльными книжками.

Цѣль журнала—выясненіе теоретическихъ и практическихъ воп-
росовъ въсѣхъ формъ кооперативнаго движенія, а также систематизи-
рованіе и опубликованіе замѣчайныхъ матеріаловъ по исторіи и практикѣ
кооперативнаго движенія въ Россіи и за границей.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Россіи: на годъ 8 р. на полгода 4 р. — и. отдѣльная книжка 1 р. За
границу: на годъ 9 р., на полгода 5 р.

Народные учителя имѣютъ скидку въ 25%. За приемъ подписки для «Вѣст.
Коопер.»—5% комисс.

Подписка и объявленія принимаются въ Конторѣ журнала, Петроградъ,
ул. Жуковскаго, 38. Телефонъ 281-94.

„МУЗЫКАЛЬНЫЙ СОВРЕМНИКЪ“,

Журналъ Музыкальнаго Искусства (второй годъ изданія). Вышла и поступила въ
продажу первая (сентябрьская) книга. Содержание: Три неизданныхъ пьесъ а М. И.
Глинки, С. Бутлера.—Прозвучавшая русская романса. Т. Сабателли.—Песенка о
музыкѣ. А. Гречаниновъ.—Изъ воспоминаній о С. И. Тавителѣ. А. Римский-Корса-
ковъ.—Музыкальные заметки. В. Пискаревъ.—Понятъ и понятая народная музыка.
П. Столяпинскій.—Музыка и музцирование въ старомъ Петербургѣ. Перемисла М. А.
Варшавскаго и Н. А. Рокитскій-Нордскаго. Публикации и фотографии. Иллюстрации:
Ф. И. Шаляпина въ артистической. Карикатура Н. Б. Шербова (въ краскахъ). М. И.
Глинки, каравакшій рисунокъ И. Б. Рѣпина. Дѣт. карикатура въ М. И. Глинку.
Цена каждой книги 1 р.; съ пересылкой вложенныхъ платежей 2 р. 40 к. Продол-
жается подписка на 1917 годъ. Подписная цѣна—15 р. Допускается авансомъ, при
подпискѣ—8 р. 4 декабря—5 р. и 1-го февраля—4 р. Подробнѣе проследить высла-
няется по первому требованію безплатно. Адресъ Редакціи и Главной Конторы: Пет-
роградъ, Севаст. пер. 2, кв. 12. Тел. 643—07.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1917 ГОДЪ 6-й годъ изданія.
на еженедѣльный журналъ,

Алтайскій Крестьянинъ

издаваемый Алтайскимъ Союзомъ Кредитн. и Ссудо-сб. Т-въ совместно съ Алтайскимъ Союзомъ Кооперативовъ и при участіи Горнаго Союза Кооперации. Журналъ выходитъ еженедѣльно по субботамъ и заключается въ себѣ отъ 32 до 48 страницъ различнаго матеріала, посвященнаго кооперации, сельскому хозяйству и деревенской жизни. Имѣя сотрудниковъ во всѣхъ краяхъ Сибири, журналъ своевременно освѣдомляетъ своихъ читателей о жизни кооперативовъ и ихъ союзовъ по всей Сибири. Подписная цѣна: на годъ—3 р. 60 к., на 1/2 года—2 р., на 1 мѣсяць—40 к. Кооперативы и ихъ союзы, выписывающіе сразу по многу экземпляровъ, пользуются скидкой: при выпискѣ одновременно отъ 11 до 30 экземпляровъ—5 процентовъ скидки, отъ 31 до 50 экз.—10 процентовъ, отъ 51 до 100 экз.—15 процентовъ, свыше 100 экз.—20 процентовъ. Объявленія принимаются для напечатанія по цѣнѣ: впереди текста 1 страница—40 р., 1/2 страницы—20 р., 1/4 страницы—10 р., позади текста—вдвое дешевле. При многократныхъ объявленіяхъ дѣлается скидка. Объявленія кооперативовъ печатаются съ особой скидкой. Пріемъ подписки и объявленій производится въ конторѣ редакціи журнала. Подписку можно направлять также черезъ всѣ кооперативные союзы Сибири. Редакція журнала помѣщается въ г. Барнауль, Томская ул., № 86. Телефонъ редакціи № 354. Завѣдывающій редакціей принимаетъ для личныхъ объясненій ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 12-ти до 2 часовъ дня.

Въ виду необходимости своевременно запастись бумагой, просимъ кооперативы сдѣлать подписку заблаговременно, до окончанія года.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 ГОДЪ
НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„Камско-Волжская Рѣчь“

Направление и составъ сотрудниковъ — прежніе.

Условія подписки: Для городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ:
12 мѣс. — 11 р., 6 мѣс. — 6 р., 3 мѣс. — 3 р. 25 к., 1 мѣс. — 1 р. 20 к.

Отдѣльный № въ розничной продажѣ 7 к.

Адресъ редакціи: Казань, Воскресенская ул., д. Сапожникова.

Открыта подписка на 1917 годъ на журналъ

„КООПЕРАТИВНОЕ СЛОВО“.

Изданіе Харьковскаго Союза Учрежденій Мелкаго Кредита. Выходитъ еженедѣльно по слѣдующей программѣ: Статьи руководящія и экономическія, Союзное строительство, Взаимоотношеніе кооперативовъ, Кооперативная жизнь мѣстная въ Россіи и заграничѣй, Земство, Школа, Вѣшкельное образованіе, Сельское Хозяйство, Беллетристика, Разныя извѣстія, Среди газетъ и журналовъ, Товарный Отдѣлъ. Подписная цѣна: на годъ 5 р., на 1/2 года 3 р. Отдѣльные номера 15 к. Подписка принимается въ Конторѣ журнала: Харьковъ, Николаевская пл. № 9. Пріемъ по дѣламъ редакціи (Николаевская пл. № 9) ежедневно отъ 9—3, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Товарищи кооператоры, подписывайтесь на свой журналъ!

Открыта подписка на 1917 годъ на ежедневную газету (6-й годъ изданія).

„Рязанская Жизнь“

Подписная цѣна (съ доставкой и пересылкой): на годъ—8 р., 11 мѣс.—7 р. 70 к., 10 мѣс.—7 р. 30 к., 9 мѣс.—6 р. 80 к., 8 мѣс.—6 р. 30 к., 7 мѣс.—5 р. 70 к., 6 мѣс.—5 р., 5 мѣс.—4 р. 40 к., 4 мѣс.—3 р. 70 к., 3 мѣс.—3 р., 2 мѣс.—2 р. 30 к., 1 мѣс.—1 р. 20 к. При подпискѣ на годъ допускается разсрочка при подпискѣ—5 р. и въ 1 апр.—3 р. или же въ теченіе первыхъ четырехъ мѣс. по два рубля къ 1-му числу наждаго мѣсяца. Адресъ редакціи и конторы: Рязань, Астраханская ул., д. Зелятрова. Редакторъ Л. С. Федорченко.

Книжный складъ и магазинъ „ТРУДЪ“

Петроградъ, ул. Жуковского, уг. Знаменской 53/19. Тел. 497-31. Поступили на складъ новыя изданія издательства «Музей Труда». Серия диаграммъ-открытокъ съ приложеніемъ пояснительныхъ брошюръ: 1-ая серия: «Страхование рабочихъ въ России и Зап. Европѣ» П. 20 к. 2-ая серия: «Вліяніе усталости на число увѣчий», п. 14 к. 3-ья серия: «Государственное страхование материнства», п. 15 к. 4-ая серия: «Опасность промышленнаго труда», п. 36 к. 5-ая серия: «Смертность населения и социальн. условия», п. 50 к. 6-ая серия: «Дѣтская смертность и социальн. условия», п. 36 к. 7-ая серия: «Алкоголизмъ и рабоче», п. 30 к. 1-ая и 2-ая серии имѣются также на польскомъ, еврейскомъ, латышскомъ и эстонскомъ яз. (безъ пояснительн. брошюръ) (Цѣна за 1-ую серію—16 коп., за 2-ую серію—10 коп. Серия диаграммъ-стѣнныхъ таблицъ съ приложеніемъ пояснительныхъ таблицъ: 1-ая серия: «Страхование рабочихъ въ России и Зап. Европѣ», п. 90 к. 2-ая серия: «Вліяніе усталости на число увѣчий», п. 75 к. 3-ья серия: «Государственное страхование материнства», п. 50 к. Брошюра: «Соціальное страхование въ Европѣ», п. 20 к. Картограмма: Соціальное страхование въ Европѣ, п. 50 к. Новое изданіе комисси по вопросамъ промышленной гигиены при О-вѣ врачей г. Баку: А. Стопани. Нефтепромышленный рабочий и его бюджетъ, цѣна 3 р. 50 к. На складѣ имѣются изданія издательства: «Прибой», «Наканунъ», Г. Львовича, «Книга», «Всеобщая Библиотека», «Всходы», «Образованіе» (на латышскомъ яз.), разн. изд. на польск. яз. и др. Книжный складъ «Трудъ» высылаетъ наложеннымъ платежемъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги, составляетъ библиотеки и подбираетъ литературу по равнымъ вопросамъ. Профессиональнымъ, просвѣтительнымъ и потребительнымъ обществамъ, обществамъ взаимопомощи и больничнымъ кассамъ скидка. Подробные проспекты по требованію высылаются бесплатно.

Открыта подписка на 1917 годъ (VI-й годъ изданія) на еже недѣльную съ иллюстраціями журналъ-газету

„ВОЛЧАНСКІЙ ЗЕМСКІЙ ЛИСТОКЪ“.

Подписная плата съ пересылкой и доставкой 2 рубля въ годъ для лицъ, работающихъ въ своихъ хозяйствахъ (Волчанскаго уѣзда) лично. Для остальныхъ подписчиковъ подписная плата на годъ 4 рубля. Допускается разсрочка по полугодіямъ. Адресъ конторы и редакціи: г. Волчанскъ, Харьковской губерніи Проспектная ул., д. Пашина. Телефонъ № 144.

Открыта подписка на 1917-й годъ на литературно-художественный и общественно-политический

„НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ“

Десятый годъ изданія. Годовые подписчики въ 1917 году получаютъ 12 книгъ художественно-литературнаго и общественно-политическаго журнала, въ каждой книгѣ 130—140 стр. убористаго текста, 12 кѣстныхъ бесплатныхъ приложеній: шесть томовъ альманаховъ новѣйшей литературы, по двѣ части въ каждомъ томѣ. Бесплатныя приложенія: 1. На переломѣ двухъ эпохъ (романы и повѣсти лучшихъ современныхъ писателей). 2. Переоцѣнка цѣнностей (новый бытъ новой Россіи). 3. Пантеонъ мировой литературы. 4. Новая женщина и вопросы семьи. 5. Новѣйше поэты. 6. 1917 годъ (литература, искусство, общественная жизнь). Подписная цѣна: безъ доставки: на годъ—5 р. 80 к., на полгода—3 р. съ доставки, и перес. на годъ—6 р. 80 к., на полгода—3 р. 50 к. Адресъ Конторы и Редакціи: Петроградъ, Эртелевъ пер. № 3. Телефонъ 107.88. Отд. №№ у газетчиковъ, въ книжныхъ магаа. по всей Россіи и на станц. жем. дор. 50 к.

На 1917 годъ принимается подписка на журналъ

ВѢСТНИКЪ ПСИХОЛОГІИ, Криминальной антропологіи и педологіи (Вѣстникъ Психо-Неврологическаго Института).

подъ общою редакціею академика В. М. Бехтерева, при ближайшемъ участіи проф. В. А. Вагнера, проф. С. К. Гогеля, проф. Н. И. Карѣева, проф. А. Ф. Жаурскаго и проф. К. И. Понарянова. XIII годъ изданія. Приложенія: краткіе протоколы засѣданій Совѣта Института, обзорнія преподаванія въ Институтѣ, годичные отчеты о дѣятельности Института. Отдѣльныя приложенія даются по мѣрѣ возможности. Подписка принимается: въ канцеляріи Психо-Неврологическаго Института, а также въ книжныхъ магазинахъ Петрограда. Подписная цѣна—6 р. въ годъ съ пересылкой; на полгода 3 руб. Для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и учителей начальныхъ школъ, при подпискѣ непосредственно черезъ канцелярію Института,—3 р. 50 к.; на полгода 2 р. Адресъ: Петроградъ, Психо-Неврологическій Институтъ, Редакція журнала «Вѣстникъ Психологіи». Ответственный редакторъ Академикъ В. М. Бехтеревъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1917-й ГОДЪ
на двухнедѣльный иллюстрированный журналъ

„Кооперативная жизнь“

Годъ издания пятый.

Издатель: Комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и про-
мышленныхъ товариществахъ при Московскомъ О-вѣ Сель-
скаго Хозяйства.

«Кооперативная жизнь» ставитъ своей задачей давать читателю статьи въ
общедоступномъ изложении по всѣмъ вопросамъ кооперативнаго движенія,
выяснять экономическую и общественную сущность кооперативнаго дви-
женія и разрабатывать практические вопросы кооперации.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на годъ — 6 руб.; 1/2-года — 3 руб. 50 коп.

Пробные номера высылаются за 3 десятикопеечныя марки.

Проспекты объ изд. «Кооперативной жизни» высылаются по требованію
бесплатно.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Редакціи и Конторѣ—Москва, Моховая,
14, кв. 2, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; черезъ союзы кооперативовъ
и въ Моск. Народн. Банкѣ (Москва, Мясницкая, 15) на текущій счетъ
Комитета № 451.

Такса на объявл. въ журналѣ по соглашенію.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1917 г. (II годъ издания)
НА

учительскій профессиональный журналъ

„ПЕТРОГРАДСКІЙ УЧИТЕЛЬ“

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ОРГАНЪ

ПЕТРОГР. ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЗАИМНОЙ ПОМОЩИ.

Программа журнала: Жизнь учителей и школы въ Петроградѣ. Обществен-
ная дѣятельность петроградскихъ учителей.—Дѣятельность Петроград-
скаго Педагогическаго Общества и его отдѣловъ.—Хроника жизни школы
и учителей въ Россіи и другихъ странахъ.—Библиографія.—Справочный ли-
стокъ Общества.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ лѣтнихъ мѣся-
цевъ, книжками въ 1/2—2 печатныхъ листа. Подписная плата на одинъ
годъ—два рубля съ доставкой и пересылкой. Цѣна отдѣльной книжки—
30 коп. Члены Петроградскаго Педагогическаго Общества получаютъ жур-
наль бесплатно. Подписка принимается въ помѣщеніи Общества (Петро-
градъ, Демидовъ, 5, кв. 55, тел. 490—31) и въ Москвѣ въ конторѣ Н. Н.
Печковской (Петровскія линіи). Денежные переводы адресовать на имя
Правленія Петроградскаго Педагогическаго Общества (Петроградъ, Деми-
довъ пер., 5, кв. 55).

Издатель: Правленіе П. П. О. В. П.

Редакторъ И. Л. Цвѣтковъ